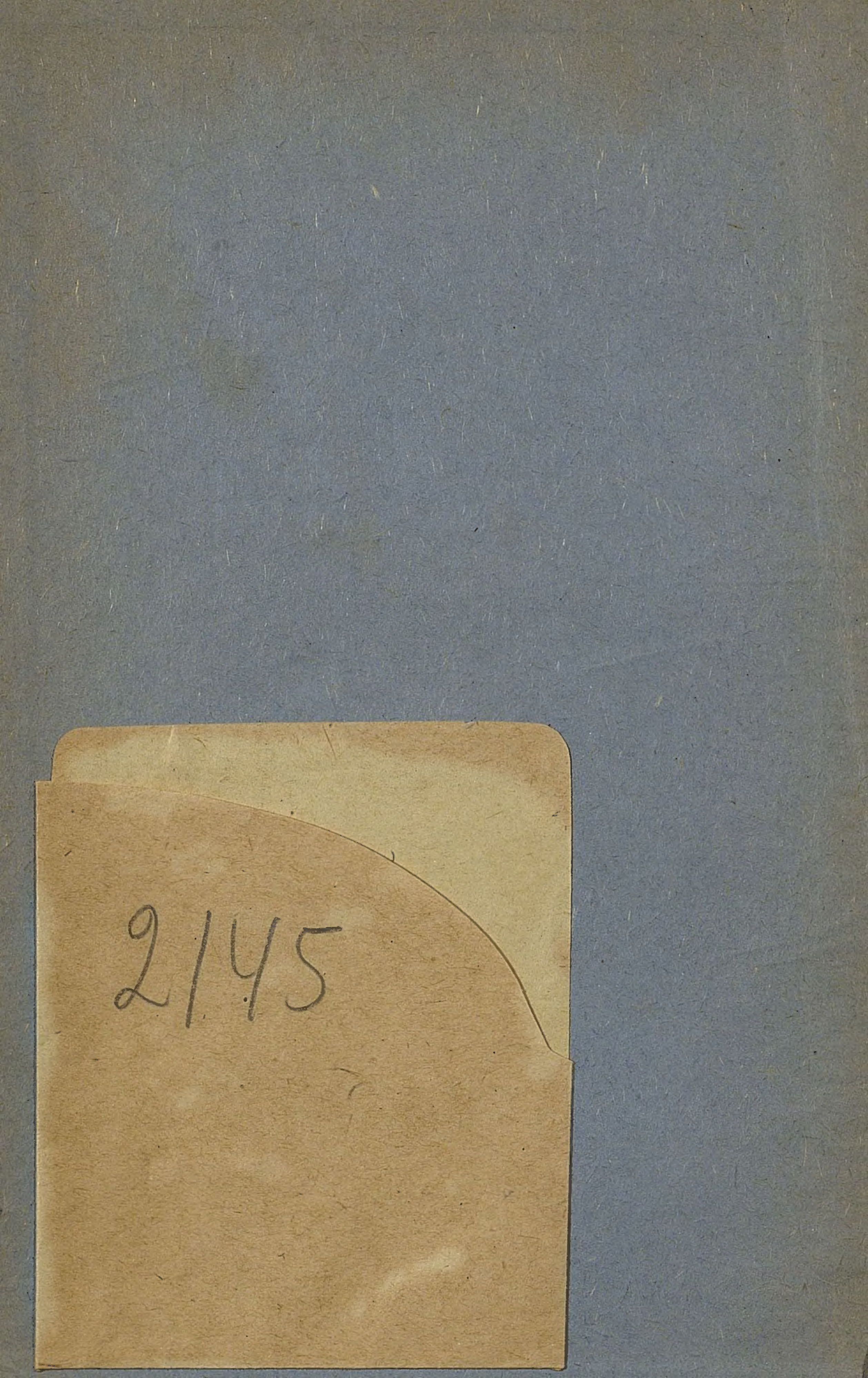

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ

1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
ТОМ X

2145

КОМИССИЯ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ЦИК СОЮЗА ССР
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878 — 1917 гг.

СЕРИЯ III

1914 — 1917 гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1938

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ

ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ

1878—1917 гг.

КОМИССИЯ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ЦИК СОЮЗА ССР
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

Н. М. ЛУКИН, Ф. А. РОТШТЕЙН, А. А. МОГИЛЕВИЧ, ученый секретарь

1938

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

14 ЯНВАРЯ — 13 АПРЕЛЯ 1916 г.

Подготовили к печати:
Л. А. ТЕЛЕШЕВА, Э. С. АЛЬТШУЛЕР и Е. М. ГЛЯЗЕР

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ[1]

Помимо общепринятых в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Генеральное консульство — ген. консульство.
Депеша — деп.
Докладная записка — докл. записка.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Военное министерство — воен. м-во.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министерство финансов — м-во фин.
Министр — м-р.
Посольство — пос-во.
Правительство — прав-во.
Памятная записка — пам. записка.
Телеграмма — тел.

«Documents diplomatiques, octobre 1915 — juin 1916». Ministère des affaires étrangères, Athènes 1921 — Гр. б. кн.

Европейские державы и Греция, изд. НКИД, Москва, 1922 г. — Е. д. и Гр.

Константинополь и Проливы, изд. НКИД, Москва 1925—1926 гг. — К-поль и Пр. (I), (II).

«Красный архив», изд. Центрархива — Кр. арх.

Раздел Азиатской Турции, изд. НКИД, Москва 1924 г. — Р. Аз. Т.

Царская Россия в мировой войне, изд. Центрархива, Ленинград 1926 г. — Ц. Р.

---

[1] О методах и приемах публикации, принятых в настоящем издании, см. т. I, стр. XXV—XXXII.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

Том X

(14/1 января 1916 г. — 13 апреля/31 марта 1916 г.)

№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
243	23/10.II	Журнал совещания совета м-ров по финансово-экономическим вопросам		М. Ф. отд. II, № 9, ч. I	253
		Приложение: Перечень вопросов для инструкции делегации на конференцию		М. Ф. отд. II, № 9, ч. I	255
244	23/10.II	Тел. № 735	Сазонов — Бенкендорфу	К. 76	257
245	23/10.II	Записка Козакова		Яп. ст. 213	259
246	23/10.II	Поденная запись		С. А. 792	261
247	23/10.II	Тел. № 190	Гирс — Сазонову	К. 30	262
248	23/10.II	Тел. № 110	Демидов — Сазонову	К. 19	263
249	23/10.II	Тел. № 111	Демидов — Сазонову	К. 19	263
250	23/10.II	Депеша № 6	Крупенский — Сазонову	К. ст. 140	264
251	24/11.II	Письмо № 105	Сазонов — Барку	П. ст. 316б	266
252	24/11.II	Тел.	Бенкендорф — Сазонову	К. 3	268
253	24/11.II	Тел. № 41	Бахметев — Сазонову	К. 101	269
254	25/12.II	Пам. записка № 153	М-во ин. дел — япон. послу в Петрограде	Яп. ст. 213	270
255	25/12.II	Сообщение	Франц. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 666	273
256	25/12.II	Письмо № 133п/о	Сазонов — Штюрмеру	П. А. 4047	274
257	25/12.II	Тел. № 80	Бенкендорф — Сазонову	К. 3.	275
258	25/12.II	Тел. № 124	Извольский — Сазонову	К. 60	276
259	25/12.II	Письмо	Извольский — Сазонову	Прж. 3073	276
260	25/12.II	Тел. № 191	Гирс — Сазонову	К. 29	277
261	25/12.II	Тел. № 114	Демидов — Сазонову	К. 19	278
262	25/12.II	Письмо № 60/230	Барк — Григоровичу	Яп. ст. 1880	278
263	26/13.II	Письмо № 4/п	Сазонов — Алексееву и Хвостову	О. П. О. 128	280
264	26/13.II	Тел.	Мотоно — Ишии	К. 121	281
265	26/13.II	Тел. №№ 492—493	Грей — Бьюкенену	А. В. 138	282
266	26/13.II	Тел. № 133	Извольский — Сазонову	К. 60	283
267	26/13.II	Тел. № 71	Жилинский — Алексееву	ВИА 138—101	284
268	26/13.II	Тел. № 106	Поклевский — Сазонову	К. 50	284
269	26/13.II	Тел.	Фашиотти — Соннино	П. А. 3893	285
270	27/14.II	Докл. записка	Сазонов — Николаю II	А. В. 115	286
271	27/14.II	Тел. № 797	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	К. 81	287
272	27/14.II	Поденная запись		С. А. 792	287
273	27/14.II	Тел. № 116	Демидов — Сазонову	К. 19	289
274	27/14.II	Тел. № 169	Эттер — Сазонову	П. ст. 340б	289
275	28/15.II	Тел.	Мотоно — Ишии	К. 121	290
276	28/15.II	Тел. № 86	Бенкендорф — Сазонову	К. 3	292

№ 1. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 1. 14/1 января 1916 г.

Копия в Париж.

Великобританское правительство уже послало в Скутари своего представителя г. Лемб в связи с продовольствованием сербской армии и Черногории. Ему первоначально было поручено войти в сношения по этому вопросу с Эсадом, но в них пока необходимости нет, ибо с Эсадом сносятся итальянское правительство и начальники сербских военных частей в центральной Албании. Грей просит вас выяснить взгляд французского правительства на предложение о посылке уполномоченных от союзных держав к Эсаду. Вопрос этот, по его мнению, зависит от того, какой политики мы намерены держаться по отношению к Албании. Сделанные великобританским правительством в ноябре предложения по поводу будущности Албании[1] не были вами одобрены, и Грей ныне выражает поэтому сомнение в практической пользе официальных сношений с Эсадом, который, хотя при настоящих обстоятельствах и является самым полезным для нас человеком в Албании, представляет лишь меньшинство населения и многими ненавидим.

Бенкендорф.

№ 2. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 899. 14/1 января 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Получил вашу телеграмму № 6732[2].

Камбон, которому тотчас сообщил ее содержание, сказал мне, что французское правительство принимает все зависящие от него меры к скорейшему вывозу сербских войск и посылает в Медую и Дураццо все имеющиеся в его распоряжении суда. Французским послам в Лондоне и Риме предписано энергически настаивать на посылке туда ан-

---

[1] См. т. IX, № 301.

[2] В оригинале ошибка. Следует читать: № 6632 (см. т. IX, № 739).

глийских и итальянских судов[1]. Баррер телеграфирует из Рима, что Соннино сказал ему, что, ввиду невозможности быстрой посадки на суда всего количества сербских войск в Медуе и Дураццо, он согласен на производство этой операции также и в Валоне; он согласен также либо погрузить сербских лошадей, либо купить их у Сербии; вообще, по словам Камбона, итальянское правительство, повидимому, начинает сознавать опасность для Италии превосходства австрийцев и проявлять больше склонности помогать сербам[2].

Извольский.

№ 3. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 1. 14/1 января 1916 г.

Копия в Лондон.

Получил вашу телеграмму № 6462[3].

Покупка румынского зерна. Французское правительство, которому я сообщил ее содержание, обращает внимание на значительность поставок хлеба, сделанных уже румынами Германии, по сравнению с общим количеством зерна, которым располагает Румыния. Поэтому интерес предпринятой союзниками операции представляется все же, по мнению французского правительства, значительным. Английскому посланнику в Бухаресте поручено его правительством, с согласия французского правительства, приступить на месте к закупке зерна. Эти закупки уже начались и продолжают производиться с сохранением дела в тайне.

Извольский.

---

[1] Тел. от 14/1 янв. за № 2 Бенкендорф со своей стороны сообщил Сазонову в ответ на № 6632, что он поддерживает все шаги, предпринимаемые серб. правительством в Лондоне, и что англ. прав-во постоянно настаивает в Риме на оказании помощи серб. армии. Тел. от того же числа за № 3 он сообщил, что итал. прав-во «выразило английскому посланнику готовность принять некоторое количество беженцев на Липарских островах, а также согласилось на отправку сербских войск из Валоны на Корфу».

[2] В тел. от 16/3 янв. за № 536 Алексеев передал Сазонову предписание Николая II «самым энергичным образом указать союзникам, особенно Италии, на необходимость во что бы то ни стало спасти все части сербской армии», так как этого требуют и «прямые интересы союзников — иметь в своем распоряжении для дальнейшей борьбы боевую силу сербской армии».

[3] Тел. от 30/17 дек. 1915 г. за № 6462 Нератов, сообщая Извольскому и Бенкендорфу о состоявшейся покупке австро-германским синдикатом 50 000 вагонов зерна в Румынии (см. т. IX, № 619), просил уведомить, приступили ли прав-ва Франции и Англии к операции по закупке остающегося хлеба.

№ 4. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 4. 14/1 января 1916 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на свои телеграммы №№ 977 [1] и 986 [2].

Возводя обвинения на Италию, черногорский наследник доказывал мне, что она желает уничтожения Черногории и создания одной великой Сербии. С другой стороны, король высказывал убеждение, что Австрия не стремится уничтожить Черногорию, а напротив, сохранить ее в противовес Сербии, играя на антагонизме обоих сербских королевств. Мне (кажется), это имеет основание, но полагаю, что взглядам, приписываемым Австрии, сочувствуют и многие итальянцы. Они, однако, сознают, что соединение обоих королевств неминуемо, и мирятся с этим, хотя и без увлечения, во всяком случае. В настоящий момент, по крайней мере, вопрос о черногорской династии не имеет, повидимому, серьезного значения для Италии.

Гирс.

№ 5. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 5. 14/1 января 1916 г.
Срочно.

Копия в Париж.

Тождественная телеграмма представителей четырех держав в Черногории из Скутари [13 января] 31 декабря: «Несмотря на разгром своей армии, король Николай еще отказывается начать переговоры с Австрией о капитуляции. Военное положение здесь таково, что только отказ короля от престола или его отъезд или же капитуляция могут помешать пленению нас австрийцами. Король видимо старается избавиться от нашего присутствия, неоднократно просил нас поехать и еще вчера снова настаивал на этом, говоря, что через 48 часов будет уже поздно. Подозревая со стороны его величества двойную игру и ввиду создавшегося здесь положения, считаем долгом донести об этом нашим правительствам и просить указаний» [3].

Гирс.

---

[1] См. т. IX, № 749.

[2] См. т. IX, стр. 779, прим. 5.

[3] Тел. от 17/4 янв. за № 39 Сазонов просил Гирса сообщить поверенному в делах в Черногории Обнорскому, что миссии надлежит покинуть Черногорию, если так поступят другие посланники. Тел. от 19/6 янв. за № 26 Гирс передал со слов Соннино полученное им от итал. посланника в Черногории сообщение, что 18/5 янв. посланники России, Франции, Англии и Италии выехали из Скутари, направляясь в Италию.

*

№ 6. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 1. 14/1 января 1916 г.

Германское правительство, как известно, возлагает на греческое правительство ответственность за нарушение союзниками греческого нейтралитета и за связанный с оным ущерб, причиняемый германским подданным от Греции. Здешний германский посланник разъяснил, что защита германских интересов в Салониках не признается в принципе за американским консулом, ибо нейтральному греческому правительству надлежит обеспечить интересы Германии от правонарушений союзников на его территории; на деле же американскому консулу вверяются текущие дела германских подданных. Последнему поручено без этой оговорки защитить интересы австрийских, болгарских и тур(...) в Салониках. Последний германский протест касается занятия Корфу и Ахиллейона французами.

Демидов.

№ 7. Министр иностранных дел Персии Али-Голи-хан персидскому посланнику в Петрограде Исаак-хану.

⁄. Телеграмма № 90[1]. 14/1 января 1916 г.

Вследствие того, что Россия и Англия стесняют персидское правительство в его действиях и не оказывают ему содействия, в разных местностях образовались при помощи германцев и турок вооруженные силы, которые противодействуют русским войскам. В последнее время в разных местах собралось таким образом от 10 до 12 000 человек. Правительство приложило все старания, чтобы их рассеять, однако ему не удалось достигнуть результата. В разных местах произошли кровавые столкновения, окончившиеся преследованием муджтехидов и продвижением русских войск в Саве, Кум и Хамадан. Прежний кабинет подал в отставку. Ферман-Ферма стал во главе правительства [2], которое всячески старается воспрепятствовать движению, противному интересам Персии. Вам известно, что это невозможно без содействия России и Англии, и если они не поддержат нас в деле успокоения общественного мнения, то следует ждать новых выступлений турок, что может привести к серьезным последствиям.

---

[1] Тел. расшифрована и переведена с персидского в росс. м-ве ин. дел.

[2] 23/10 дек. 1915 г. кабинет Мостоуфи-оль-Мемалека подал в отставку. 26/13 дек. Ферман-Ферма составил новый кабинет. См. т. IX, 1 приложение к тому, стр. 794.

Благоволите, поддерживая точку зрения персидского правительства, вступить в переговоры для достижения действительного содействия России и Англии и сообщить по телеграфу ваш взгляд на возможность достижения этого содействия.

№ 8. Председатель совета министров министру иностранных дел.

Письмо № 17. 14/1 января 1916 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Совет министров, обсудив в заседании [11 января 1916 г.] 29 декабря [1915 г.] возбужденный вашим превосходительством в письме от [5 января 1916 г.] 23 декабря 1915 г. за № 806 [1] вопрос об обеспечении, в случае истощения персидской казны, правильной уплаты причитающейся персидскому шаху Султан-Ахмеду по цивильному листу ежемесячной суммы в размере 30 000 томанов, а равно о назначении ему соответственной пенсии при вынужденном отречении его от престола, не встретил препятствий к удовлетворению изъясненного ходатайства.

Сообщая об изложенном, пользуюсь случаем и пр.

Горемыкин.

№ 9. Сообщение греческой миссии в Петрограде министру иностранных дел [2].

·/· 15/2 января 1916 г.

Le gouvernement royal informe la légation royale à Pétrograd que, dans la nuit de lundi passé [3], des forces françaises, ayant débarqué à Corfou, ont procédé à la fermeture de la station radiotélégraphique établie à Sideri. Puis, elles ont pénétré dans le château d'Achilleion, qui est la propriété privée de l'empereur d'Allemagne, où elles ont hissé le drapeau français et ont établi une garde armée. Le lendemain, l'amiral français a adressé au préfet de Corfou une lettre pour lui expliquer les motifs du débarquement effectué et lui annoncer qu'on installera dans le château d'Achilleion une partie de l'armée française, ainsi que le quartier général franco-serbe.

---

[1] См. т. IX, № 704.
[2] Маш. копия.
[3] 10 янв. 1916 г./28 дек. 1915 года.

Le gouvernement royal a protesté à ce sujet auprès du gouvernement français. Il invoque, entre autres arguments, pour démontrer que les faits passés dans l'île de Corfou sont contraires aux principes du droit international, le traité du 14 novembre 1863 [1] qui porte à côté des signatures de l'Autriche et de la Prusse, celles de la France, de la Russie et de l'Angleterre. D'après les stipulations de ce traité, l'île de Corfou a été déclarée perpétuellement neutre et sa neutralité s'impose, comme celle de la Belgique, au respect absolu des Puissances, qui l'ont solennellement établie. D'un autre côté, la violation de ce traité devient plus grave, par la saisie de la propriété privée d'un chef d'Etat qui va au delà de ce que le droit de guerre permet même en territoire ennemi. Le ministre d'Allemagne à Athènes n'a pas manqué de déclarer au gouvernement royal, par une note écrite, que le gouvernement hellénique doit assumer en même temps que la protection de la propriété impériale la responsabilité pour tout dommage qui pourrait y être occasionné. Le gouvernement hellénique n'a pu que rejeter, à son tour, sur le gouvernement français toute responsabilité résultant de la saisie de l'Achilleion.

Quant au transport des troupes serbes à Corfou, que les puissances alliées ont déclaré à Athènes d'avoir décidé [2], le gouvernement royal a répondu aux représentants de l'Entente à Athènes, en exposant les objections capitales, auxquelles se heurtait leur résolution à ce sujet. Le gouvernement royal invoque d'abord le status international de l'île de Corfou, déclarée perpétuellement neutre par le traité du 14 novembre 1863 et il ajoute que le fait qu'il s'agit des serbes ne modifie en rien la question, puisque la neutralité grecque demeure entière, tant que l'alliance avec la Serbie n'est pas pratiquement réalisable. Quant aux raisons d'humanité, invoquées par les Puissances de l'Entente dans leur note remise à Athènes, loin de militer en faveur de la violation de la neutralité de Corfou, elles corroborent au contraire les exigences du droit. En effet, l'armée serbe est éprouvée par le choléra et si le légitime souci de la santé des armées alliées ont décidé les Puissances à renoncer au transport des troupes serbes à Salonique, un devoir d'humanité, également légitime et impérieux à l'égard de la population de Corfou, impose d'éviter d'y créer un redoutable foyer d'épidémie.

Toutes ces raisons obligent le gouvernement royal de ne pas consentir à l'évacuation de l'armée serbe dans l'île de Corfou.

---

[1] См. т. IX, стр. 749, прим. 2.

[2] См. т. IX, № 753.

Перевод.

Королевское правительство уведомляет королевскую миссию в Петрограде, что в минувший понедельник ночью высадившиеся на Корфу французские войска приступили к закрытию радиотелеграфной станции, установленной в Сидери. Затем они проникли в замок Ахиллейон, являющийся частной собственностью германского императора, подняли там французский флаг и поставили вооруженную охрану. На другой день французский адмирал направил префекту Корфу письмо с объяснением мотивов произведенного десанта и извещением, что в замке Ахиллейон будет помещена часть французской армии, а также франко-сербская штаб-квартира.

Королевское правительство заявило по этому поводу протест французскому правительству. Чтобы показать, что факты, имевшие место на Корфу, противны принципам международного права, королевское правительство ссылается среди других аргументов на договор 14 ноября 1863 г., имеющий, наряду с подписями Австрии и Пруссии, подписи Франции, России и Англии. Согласно постановлениям этого договора, остров Корфу был навсегда объявлен нейтрализованным и, подобно нейтралитету Бельгии, нейтрализация Корфу требует абсолютного уважения со стороны держав, торжественно ее установивших. С другой стороны, нарушение этого договора усугубляется захватом частной собственности одного из глав государства, что выходит за пределы допускаемого правом войны даже на неприятельской территории. Германский посланник в Афинах не преминул письменно заявить королевскому правительству, что на эллинском правительстве лежит, наряду с охраной императорской собственности, также ответственность за всякий ущерб, который может быть ей причинен. Эллинское правительство в свою очередь могло только переложить на французское правительство всю ответственность за захват замка Ахиллейон.

Относительно перевозки сербских войск на Корфу, которую, согласно заявлению союзных держав в Афинах, они решили произвести, королевское правительство дало ответ представителям Согласия в Афинах, изложив при этом основные возражения, которые встречает их решение по этому поводу. Королевское правительство ссылается прежде всего на международный status острова Корфу, объявленного навсегда нейтрализованным по договору 14 ноября 1863 г., и добавляет, что то обстоятельство, что дело идет о сербах, нисколько не меняет положения, так как Греция сохраняет полностью свой нейтралитет, поскольку союзный договор с Сербией практически не осуществим. Что касается соображений человечности, на которые ссылаются державы Согласия в своей ноте, врученной в Афинах, то они нисколько не говорят в пользу нарушения нейтралитета Корфу, а, наоборот, подкрепляют требования [международного] права. Действительно, сербская армия страдает от холеры, и если законные заботы о здоровье союзных армий побудили державы отказаться от перевозки сербских войск в Салоники, то одинаково законный и настоятельный долг человеколюбия по отношению к населению Корфу требует того, чтобы избежать создания там опасного очага эпидемии.

Все эти соображения вынуждают королевское правительство не соглашаться на эвакуацию сербской армии на остров Корфу.

№ 10. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме — Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу.

Телеграмма № 20. 15/2 января 1916 г.

Сообщается Трубецкому.

Оставление сербского правительства нашими посланниками[1] в нынешнюю критическую минуту произвело бы самое неблагоприятное для нас впечатление. Наш нравственный долг поддержать сербов, и посланники, разделяя участь престолонаследника и королевского правительства, тем самым будут свидетельствовать о нашем твердом решении не бросать на произвол судьбы верного и испытанного союзника.

Ввиду этого считаю невозможным изменить данные мною указания Трубецкому[2] оставаться все время при королевиче Александре и Пашиче[3].

Сазонов.

Верно.

Царская ставка, [18] 5 января 1916 г.

№ 11. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 6. 15/2 января 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Камбон сказал мне, что предположение о созыве в Париже конференции для объединения действий союзников все еще встречает

---

[1] См. т. IX, № 751.

[2] См. т. IX, № 391.

[3] Тел. от 16/3 янв. за № 9 Извольский сообщил, что франц. посланнику предписано остаться при серб. прав-ве. Аналогичная инструкция была дана англ. посланнику (тел. Бенкендорфа от 19/6 янв. за № 7).

16/3 янв. Трубецкой прибыл в Рим, выехав из Медуи вместе с серб. прав-вом, которое направилось в Бриндизи, а оттуда на Корфу. Соннино предписал прибывшему в Рим итал. посланнику отправиться в Бриндизи для сопровождения серб. прав-ва на Корфу. Трубецкой выехал из Рима на Корфу 20/7 янв. (тел. Гирса от 16/3, 17/4 и 18/5 янв., первая без №, последние за №№ 14 и 21).

Тел. от 19/6 янв. за № 24 Гирс передал Савонову ходатайство Трубецкого о том, чтобы после нескольких дней пребывания на Корфу, ему был предоставлен отпуск. В ответ на это Савонов тел. от 22/9 янв. за № 138 сообщил, что хотя он не считает возможным предоставить Трубецкому отпуск, он разрешает ему «частным образом» отлучиться в Италию, сдав управление миссией Пелехину. Тем не менее он признавал необходимым возвращение его на Корфу «к тому времени, когда союзники перейдут в наступление и когда, быть может, придется убеждать сербов принять участие в таковом».

возражения со стороны римского кабинета [1]. Он прочел мне длинную телеграмму Бриана к Барреру, в коей последнему предписывается вновь применить все старания к тому, чтобы убедить Соннино в необходимости осуществить это предположение [2].

Извольский.

№ 12. Посол в Париже министру иностранных дел.

% Телеграмма № 7. 15/2 января 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Французское правительство выработало план созыва в Париже специальной конференции для обсуждения различных экономических вопросов, интересующих союзные государства. По мысли его, конференция эта должна рассмотреть не только (текущие) экономические вопросы, связанные с войной, но также и общий план будущей торговой и таможенной политики союзников. Французским послам в Петрограде, Лондоне и Риме поручено ознакомить с этим планом союзные правительства и просить их о командировании в Париж с этой целью своих министров торговли или специально уполномоченных лиц [3].

Извольский.

Обсудить в Совете министров.

Царская ставка, [19] 6 января 1916 г.

№ 13. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

% Телеграмма № 2[4]. 15/2 января 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Французская высадка на Корфу и задержание германских агентов напугало представителей центральных держав и их союзников, не

[1] Ср. т. IX, № 680 и прим. к нему, а также № 681.

[2] Ссылаясь на публикуемую тел., Гирс тел. от 16/3 янв. за № 6 сообщил о состоявшейся по этому поводу беседе между Баррером и Соннино. Последний, по словам Баррера, заявил, что итал. прав-во «не может предоставить полное полномочие своему представителю по политическим вопросам», и что «он понимает значение военной конференции по стратегическим вопросам, но не по дипломатическим, по которым суждение всего правительства всегда необходимо».

[3] Тел. от 18/5 янв. за № 13 Извольский передал сообщение франц. посла в Лондоне своему прав-ву, что «прежде чем отвечать на предложение Бриана о созыве в Париже конференции по экономическим вопросам, великобританское правительство выждет результатов совещания английских торговых палат, которое состоится не ранее конца февраля». Извольский добавлял, что Бриан придает большое значение своему проекту и затронет этот вопрос в беседе с англ. м-рами в Лондоне.

[4] Опубл. Е. д. и Гр., стр. 63.

считающих себя в безопасности в Афинах. Часть их архивов отправляется сухим путем в Монастырь, часть сжигается. Появление у Пирея двух английских военных судов усугубило их опасения. Неправильность подвоза угля грозит приостановкой освещения и отопления города. Едва ли желательно возбуждать против нас общественное мнение, мирящееся с занятием территории, но не с вздорожанием предмстов первой необходимости. Итальянский посланник доверительно сказал мне, что в министерстве иностранных дел косятся на занятие французами Корфу, куда ныне переносится и сербское правительство [1]. Он указывает в Риме на настоятельность высадки итальянского отряда на острове, ибо французы, по его мнению, с трудом очистят Корфу, особенно при военных успехах, способных поощрить заносчивость и империалистические замашки Франции. Я возразил посланнику, что не только считаю его подозрения совсем необоснованными, но одно выражение их опасным ввиду необходимости безусловной солидарности союзников.

Демидов.

№ 14. Николай черногорский Николаю II.

Телеграмма [2]. 15/2 января 1916 г.

Sire,

J'ai le pénible devoir de porter à la connaissance de votre majesté que mon pays reste isolé de fait dans la lutte contre un puissant ennemi; tous les points stratégiques ainsi que la capitale ont été pris. L'ennemi menace d'envahir tout le reste du pays sous peu de jours. Mes soldats ont abandonné le front à cause de la famine et des épidémies. A cause de ces faits je me suis trouvé forcé de demander une paix honorable à l'ennemi, ne trouvant aucune autre issue. Pour alléger au possible les conditions de cette paix imposée par les forces des choses, je me suis adressé à l'empereur d'Autriche [3]. On me demande la remise des armes monténégrines et la livraison des troupes serbes qui d'ailleurs

---

[1] См. стр. 8 прим. 3.

[2] Маш. копия.

[3] В тел. от 14/1 янв. на имя Франца-Иосифа король Николай, указывая, что занятие столицы Черногории вынудило его обратиться к австровенг. прав-ву с просьбой о прекращении военных действий и мире, просил Франца-Иосифа содействовать заключению мира «почетного и соответствующего достоинству народа, некогда пользовавшегося вашим великим благоволением, вашим уважением и симпатией». Текст этой тел. был сообщен Николаем черногорским дипломатическому корпусу в Крушеваце 14/1 янв. 1916 г.

ont évacué le territoire monténégrin. Dans cet effondrement de mon pays je supplie votre majesté de ne pas me condamner et de me permettre de compter sur sa bienveillance et sa protection traditionnelle au moment opportun [1].

Nicolas.

Перевод.

Ваше величество,

На мне лежит тяжкий долг довести до сведения вашего величества, что моя страна осталась фактически изолированной в борьбе против могущественного врага; все ее стратегические пункты, так же как и столица, заняты. Неприятель грозит занять всю остальную часть страны в ближайшие дни. Мои солдаты оставили фронт вследствие голода и эпидемий. По этим причинам я был вынужден, не находя никакого другого исхода, просить у неприятеля почетного мира. Чтобы насколько возможно облегчить условия этого мира, навязанного силою вещей, я обратился к австрийскому императору. От меня требуют сдачи оружия черногорцами и выдачи сербских войск, которые, впрочем, оставили черногорскую территорию. В момент полного крушения моей страны я умоляю ваше величество не осудить меня и позволить рассчитывать на традиционные благожелательность и покровительство вашего величества в нужный момент.

Николай.

№ 15. Сообщение сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел.

16/3 января 1916 г.

Телеграмма сербского посланника в Риме, отправленная [15]2 и полученная [16]3 января сего года:

Сегодня получил от г. Пашича весьма срочную телеграмму для немедленного доставления г. Весничу и вам.

Считайте весьма секретным следующее сообщение: положение Черногории каждую минуту становится все хуже и хуже. Черногория находится перед катастрофой, а вслед за этим катастрофа постигнет и сербскую армию. Австрийцы обрушились на Черногорию, главным образом, ради уничтожения сербской армии, находящейся в Скадре и около Сан-Джиованни-ди-Медуа. Комбинации с Италией, чтобы она помогла нам, разрушились. Из всего того, что Италия сделала для нас в течение полутора месяцев, а именно в смысле снабжения нашей армии продовольствием и фуражем и пере-

---

[1] Копии телеграмм Николая черногорского Николаю II и Францу-Иосифу были препровождены в м-во посланником в Черногории Иславиным из Парижа при деп. от 3 марта/19 февр. за № 1, в которой он сообщал, что получил эти копии от англ. посланника.

возки наших войск, у нас сложилось убеждение, что Италия не желает оказывать нам существенной поддержки, но, напротив, своими отлагательствами ведет к тому, чтобы наши войска были уничтожены, подверглись капитуляции и чтобы, таким образом, освободиться от мнимого противника в Албании и на Адриатическом море. Мы, находясь в последнем отчаянном положении, просим французское правительство, которое неоднократно давало нам доказательства своей искренней и существенной помощи, отправить незамедлительно свой флот и перевезти наши войска. Иначе мы очутимся перед страшной и незаслуженной катастрофой. Мы просим, чтобы хоть в этом последнем акте не запоздали с оказанием нам помощи, которая единственно может спасти нас, если она во-время прибудет.

Сообщите немедленно французскому правительству нашу просьбу и самым энергичным образом настаивайте, чтобы она была принята и чтобы оно ни на одну минуту не верило каким бы то ни было обещаниям Италии.

Этот шаг и заявление мы делаем откровенно и в самом большом доверии к французскому правительству, которое просим остерегаться итальянского правительства, так как последнее еще больше сделает нам пакостей. Содержание этой телеграммы также полностью сообщите через г. Спалайковича императорскому русскому правительству и просите его помочь нам. Пусть императорское правительство знает, что нас ожидает, если немедленно французские корабли не прибудут [1].

---

[1] 19/6 янв. Николай II послал тел. Пуанкаре и Георгу V, в которых обращался с призывом помочь Сербии: «Надо срочно спасти эту доблестную армию, которая, я не сомневаюсь, явится нам позднее большой подмогой в общем деле. Если Франция и Англия нашли бы средство обеспечить безопасность перевозки в срочном порядке сербской армии на остров Корфу, их усилия послужили бы прекрасной и благородной цели».

Тел. от 22/9 янв. за № 14 Бенкендорф передал в Ставку следующую ответную тел. Георга V: «Я вполне согласен с тобой, что надо принять все возможные меры для быстрой перевозки сербских войск на Корфу. Надо приложить все усилия для этого, и я верю, что предпринимаемые ныне шаги будут успешны».

23/10 янв. Пуанкаре послал Николаю II тел., в которой указывал, что «правительство республики, не колеблясь, сделало все, что от него зависит, чтобы ускорить эвакуацию и перевозку доблестной сербской армии», вступив в переговоры с Италией о необходимости увеличить перевозочные средства и послав для этой цели большое количество судов. «Таким образом, — заканчивал Пуанкаре, — мы пошли навстречу пожеланиям вашего величества и счастливы тем, что, отвечая глубоким чувствам дружественной и союзной России, мы могли с пользой послужить общему делу».

№ 16. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II [1].

16/3 января 1916 г.

Вследствие высочайшей пометы на телеграмме посланника в Пекине от [9 января] 27 декабря м. г. [2] приемлю смелость повергнуть на благовоззрение вашего императорского величества нижеследующие соображения:

Императорское правительство с самого начала отнеслось благожелательно к намерению Юань Ши-кая восстановить монархию в Китае, хотя и предусматривало, что попытка его не пройдет без всяких затруднений, так как встретит противодействие со стороны неутратившей своего влияния и силы республиканской партии и не найдет поддержки среди искренних монархистов, которые не могут забыть, что именно Юань Ши-кай в свое время нанес решительный и притом предательский удар вековому монархическому строю в Китае. Однако в интересах упрочения положения Юань Ши-кая мы не могли не считаться со взглядами на дело других держав, ибо единоличное признание монархии Россией повело бы лишь к большей неопределенности, не говоря уже о том, что впечатление нашего расхождения с союзниками и солидарности с Австро-Германией, которая не преминула бы использовать наш шаг, было бы вредно для нас с точки зрения успехов великой войны.

В соответствии с изложенным, стараясь не нарушать принципа единения между союзниками, мы будем пользоваться всяким подходящим случаем, чтобы ускорить признание нового строя в Китае [3].

[Сазонов.]

№ 17. Министр иностранных дел посланнику в Бельгии И. Кудашеву.

./. Телеграмма № 26. 16/3 января 1916 г.

Благоволите присоединиться к заявлению, которое будет сделано вашими французским и английским сотоварищами бельгийскому

---

[1] Маш. копия.

[2] См. т. IX, № 726. На этой тел. имеется помета Николая II: «Мы не можем итти всюду на помочах Японии. Россия должна признать Китай — монархию. Царская ставка, [13 января] 31 декабря 1915 г.».

[3] Тел. от 15/2 янв. за № 3 Крупенский известил Сазонова о том, что Лянь Ши-и доверительно сообщил ему и англ. посланнику, что «провозглашение монархии состоится либо 6-го, либо 9 февраля н. ст. Иностранные представители будут, вероятно, официально извещены об этом в конце января».

правительству касательно гарантирования политической и экономической независимости Бельгии[1].

Сазонов.

№ 18. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 1. 16/3 января 1916 г.

На-днях Валленберг, разговаривая с английским посланником по вопросам англо-шведской торговли, сказал, между прочим, что Швеция находится как между молотом и наковальней, между английскими запрещениями и германскими требованиями; что в марте истекает срок прошлогоднего особого соглашения с Германией и является для Швеции опасность, как бы Германия не возобновила запрещения на вывоз шведских лесных товаров; последняя мера вызвала бы безработицу на всем севере Швеции и, вероятно, народные волнения, против развития которых у правительства осталось бы одно средство — это мобилизовать на севере войска, дабы призвать все население к отбытию воинской повинности. Понятно, что подобные откровения весьма встревожили английского посланника и всех нас. Я вчера в долгой и совершенно доверительной беседе с Валленбергом постарался уяснить себе степень значения того, что он сказал английскому посланнику. Валленберг самым торжественным образом заверил меня, что и он сам и все шведское правительство твердо решили и намерены сохранять нейтралитет Швеции и чужды всяких воинственных замыслов; но что действительно из Германии Швеции постоянно предъявляются самые настойчивые требования и запрещения, и что это делает положение правительства крайне затруднительным. Я уверен, что Валленберг искренен и объясняю себе странные доводы его разговора с английским посланником, как повторение того, что он слышал как-нибудь от одного из своих коллег по кабинету. Тем не менее самое появление в обращении подобных доводов заслуживает внимания, особенно в связи с предполагаемыми планами германцев начать особенно энер-

[1] В тел. от того же числа за № 98 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Бьюкенен сообщал Грею: «Французский посол получил инструкцию сегодня. Министр иностранных дел согласен с содержанием предложенной декларации и с тем, что она будет сообщена итальянскому и японскому правительствам. Его превосходительство соглашается также на предложение французского посла сделать аналогичную декларацию Сербии. Его превосходительство сказал, что если бы предложенная декларация Сербии гарантировала ее довоенную территориальную неприкосновенность, он, не колеблясь, принял бы ее. Но было бы, он сказал, ошибкой связать себя относительно Македонии, так как там всегда имеются шансы на ...в Болгарии... король Фердинанд».

гичные действия этой весной в Балтийском море и на наших берегах. Опасности пока не существует; но надо будет зорко следить за дальнейшим. Мой разговор с Валленбергом носил совершенно частный и доверительный характер, почему я был с ним вполне откровенен, не скрыв от него моих серьезных опасений.

Неклюдов.

№ 19. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 4. 16/3 января 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Французский посланник получил инструкцию сговориться с союзными коллегами ввиду совместного устного заявления греческому правительству в ответ на его протест по поводу Корфу [1]. Аргументы французского правительства о пред (...) нарушении Германией нейтралитета острова и пребывании там австро-германских офицеров едва ли достаточны при отсутствии фактических доказательств. Несравненно более веским оправданием действий союзников была бы ссылка на нарушение самой Грецией нейтралитета Корфу в 1897 г., когда греческий флот пользовался им как базой для обстрела Санти-Кваранта, и в 1912 г., когда Греция сосредоточила войска на Корфу для военных операций в Эпире. Можно также упомянуть о разрешении (...) греческого правительства на (про)пуск сербских солдат, союзников Греции, по греческой территории, а равно о крайней преувеличенности холерной эпидемии [2].

Демидов.

№ 20. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 4. 16/3 января 1916 г.

Телеграмма Крупенского № 835 получена [3].

Телеграфирую ему.

Монгольское правительство, считая опасным сосредоточение Бабуч-

---

[1] См. № 9.

[2] Тел. от 16/3 янв. за № 34 Сазонов сообщил Демидову, что он может присоединиться к франц. и англ. посланникам для ответа греч. прав-ву на протест по поводу высадки на Корфу, если по местным условиям он сочтет это желательным. Со своей стороны, Гирс тел. от 17/4 янв. за № 12 известил Сазонова, что Соннино, высказываясь против включения в ответ союзников пункта о нарушении Германией и Австрией нейтралитета ввиду отсутствия фактических данных, предпочитал оставить греч. протест без ответа.

[3] Тел. Крупенского за № 835 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Повидимому, за этим номером была послана в Ургу его тел. от 12 янв. 1916 г./30 дек.

жаба с его разбойниками в одном месте, предложило ему отдать оружие и расселить по разным местам его людей и отвести место для него самого. Монголы ответа еще не получили [1].

Миллер.

№ 21. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 38 [2]. 17/4 января 1916 г.

Сербский посланник передал мне телеграмму Пашича, в которой он умоляет французское правительство отправить флот в Албанию и вывезти сербские войска [3]. Благоволите приложить все старания к убеждению французского правительства в неотложности исполнения просьбы Пашича. Только сохранение этой живой силы в руках Пашича позволит ему поддерживать в народе веру в державы Согласия и в их твердую решимость спасти и возродить Сербию [4].

Сазонов.

№ 22. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 54. 17/4 января 1916 г.

Сообщается в Париж, Токио и Пекин.

Русский и французский финансовые представители в Пекине единогласно указывают, что Гонконг-Шанхайский банк упорно не желает разрывать своих связей с Германо-азиатским банком.

1915 г. за № 834, в которой Крупенский сообщал Нератову, что Бабучжаб просит посредничества росс. прав-ва «для устройства его положения», причем выражает желание, чтобы ему для поселения было предоставлено место в Халхе, на границе с Баргой (см. т. IX, № 643).

[1] 18/5 янв. тел. за № 68 Нератов, ссылаясь на публикуемую тел. и на тел. Крупенского за № 834 (см. предыдущее прим.), отвечал: «Повидимому, вопрос о Бабучжабе обстоит не так остро, чтобы прибегать к официальному заступничеству».

[2] Лит. копия.

[3] См. № 15.

[4] В ответных тел. от 20/7 янв. за №№ 15 и 17 Извольский сообщал, со слов Камбона, что франц. прав-во «прилагает все усилия к вывозу сербских войск». Извольский отмечал, что, по имеющимся в Париже сведениям, серб. войска перевозятся из Медуи в Валону на небольших итал. и франц. судах под присмотром итальянцев, что вывозу подлежит 134 000 человек, но что пока высажено 5 000 чел. на Корфу и приблизительно столько же в Бизерте. В связи с полученными сведениями, что на Корфу можно поместить не более 50 000 сербов, поднимается вопрос об использовании для этой цели острова Крита.

Однако тел. от 23/10 янв. за № 13 Бенкендорф известил Сазонова, что к занятию Крита Англия и Франция прибегнут только в самом крайнем случае, желая «отнестись с осторожностью к Греции», особенно после занятия Митилены, Салоник и Корфу.

Английское правительство, очевидно, не осведомлено об этом, так как, энергично поддерживая план привлечения Японии и Китая к деятельной борьбе с германским влиянием в последней стране, оно не может равнодушно отнестись к германофильскому направлению английского учреждения.

Благоволите переговорить об этом с министром иностранных дел; если у вашего французского коллеги имеются более определенные данные, которых мы ожидаем на-днях, вы могли бы воспользоваться его сведениями.

Настоящий вопрос дает повод вновь обратить внимание заинтересованных правительств на необходимость без замедления приступить в Пекине к обсуждению способов удаления Германии из пятерного консорциума [1].

[Сазонов.]

№ 23. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 2. 17/4 января 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 851 [2].

Костинеску сказал мне, что продажа румынами 80 000 вагонов пшеницы великобританскому правительству вызвала сильное неудовольствие германского правительства, которое сделало по этому поводу весьма неприятное заявление румынскому посланнику в Берлине, называя эту сделку враждебным по отношению к Германии актом и обвиняя румынское правительство в скрывании относящихся к покупке переговоров с англичанами. (Посланник) ответил германскому правительству, что продажа зерна является сделкой коммерческой и что румынское правительство обязано заботиться об экономических интересах своей страны [3].

Поклевский.

№ 24. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 13. 17/4 января 1916 г.

Ферман-Ферма в присутствии министра иностранных дел с некоторой торжественностью вручил английскому посланнику и мне проект союз-

[1] См. т. IX, № 717.

[2] См. т. IX, № 755.

[3] 20/7 янв. тел. за № 10 Поклевский известил Сазонова, что «контракт на покупку великобританским правительством румынской пшеницы на сумму в 10 миллионов фунтов стерлингов подписан сегодня, [20] 7 января».

ного договора [1]. Повторив неоднократно уже приведенные доводы в пользу заключения этого договора как с точки зрения интересов Персии, так и обеих держав, Ферман-Ферма прибавил, что отказ с нашей стороны поставил бы его правительство в совершенно безвыходное положение [2].

Персидские пожелания до крайности преувеличены, и Ферман-Ферма частным образом дал нам понять, что он сознает, что значительные сокращения неминуемы. Считаю, что попрежнему главное условие состоит в предоставлении нами Персии финансовой помощи, достаточной для вывода страны из административного хаоса и для организации и содержания усиленной казачьей бригады, для поддержания внутреннего порядка, обеспечивающего сбор податей, а также для воздействия на племена, в видах привлечения их на нашу сторону. Кроме того, казалось бы целесообразным вновь согласиться на пересмотр и обсуждение в будущем принципиальных вопросов о Туркманчайском договоре, покровительствовании, таможенных тарифах и пр. Я полагал бы даже допустимым согласиться и на некоторые другие пожелания, при условии внесения в трактат дополнительной статьи, что, в случае невозможности для Персии через месяц по окончании войны выполнить свои долговые обязательства, договор по некоторым пунктам утратит свою силу.

Одновременно с согласием на предоставление ныне денежной помощи следовало бы потребовать установления серьезного контроля, каковой со временем расширился бы до размеров временной администрации, так как персы самостоятельно ни в каком случае не сумеют внести в последнюю необходимый порядок.

Наскоро сделанный персами перевод проекта договора препровожден мною с ближайшей почтой. Полный текст — со следующей почтой [3].

Эттер.

---

[1] См. № 25.

[2] Как явствует из расшифрованной в росс. м-ве ин. дел тел. от 18/5 янв. за № 98, м-р ин. дел Персии Али-Голи-хан сообщил посланнику в Петрограде Исаак-хану, что, согласно приказанию председателя перс. совета м-ров, ему «надлежит действовать крайне энергично в смысле принятия Россией всех пунктов союзного договора, чтобы правительство было в состоянии успокоить общественное мнение и выйти из нынешнего положения».

[3] В тот же день Сазонов в ответ на тел. Эттера за № 915 (см. т. IX, № 745) телеграфировал последнему за № 59, что он принципиально не возражает против союза, но, «конечно, лишь на время войны». Далее, указывая Эттеру на необходимость действовать в согласии и совместно с англ. посланником, Сазонов добавлял: «Наши военные успехи в Персии дают нам возможность твердо отклонять всякие неумеренные требования персов».

№ 25. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 14. 17/4 января 1916 г.

Продолжение моей телеграммы за № 13 [1].

Выписка из проекта союзного договора:

1) Союз на 15 лет.

2) Поставление Россией и Англией Персии боевого снаряжения на 50 000 армию.

3) Оказание нами Персии, в случае ее просьбы, военной помощи.

4) Защита Персией на ее территории наших и ее собственных интересов всеми своими силами и всем влиянием. Обе державы защищают Персию от нападения со стороны другой державы.

5) Русские и английские войска эвакуируют персидскую территорию в зависимости от условий пунктов 3 и 4.

6) Россия и Англия отказываются от всего, затрагивающего независимость и целость Персии, от вмешательства во внутренние дела Персии, от покровительства личностям или племенам и правам [2].

7) Отмена обязательства, принятого на себя Персией в ноябре 1911 года о признании Персией разделения ее на сферы влияния.

8) Аванс на время войны в 1 250 000 томанов в месяц на администрацию и, главное, на военные нужды.

9) Принятие на себя Россией и Англией персидских долгов, заключенных до дня подписания настоящего договора.

10) Пересмотр Туркманчайского договора.

11) Пересмотр таможенного тарифа.

12) Разрешение иностранным подданным владеть недвижимостью при условии их персидской подсудности.

13) Признание суверенитета Персии над некоторыми островами Персидского залива.

14) Право иметь коммерческие и военные суда на Каспийском море.

15) Участие Персии с правом голоса на будущей мирной конференции.

Особая статья:

Франция, Италия и Бельгия ручаются за сохранение настоящего договора в силе.

Эттер.

---

[1] См. № 24.

[2] Так в оригинале.

№ 26. Министр иностранных дел послам в Риме, Лондоне и Париже — Гирсу, Бенкендорфу и Извольскому.

Телеграмма № 62. 18/5 января 1916 г.

Мы очень жалеем, что итальянское правительство не идет навстречу усилиям французского правительства внести бо̀льшую согласованность в действия союзников, и не можем согласиться с мнением Соннино о необходимости ограничиться органом для объединения лишь по стратегическим вопросам [1]. События последнего времени доказали, насколько дипломатические вопросы тесно связаны с военными и что промедление в обсуждении первых столь же пагубно, сколь запоздание в решении вторых. Благоволите энергично поддержать перед министром иностранных дел настояния вашего французского сотоварища по указанному вопросу.

Сазонов.

№ 27. Статс-секретарь по иностранным делам Грей английскому послу в Петрограде Бьюкенену.

Телеграмма № 199 [2]. 18/5 января 1916 г.

I will deprecate any action in sense proposed as regards Servia [3]. Case was not analogous to that of Belgium, with whom Powers have treaty obligations, or it would in my opinion be preferable to treat Belgium apart from Balkan question, and from consequences which may arise in this theatre of war. I hope Mr. Sazonow will agree to delay our declaration to Belgium [4] at least for the present. All the more so as declarations were made to Servian Government recently.

Перевод.

Я возражаю против всякого выступления в предложенном смысле по отношению к Сербии. Положение не аналогично с положением Бельгии, в отношении которой державы имеют договорные обязательства; по моему мнению, также предпочтительнее рассматривать бельгийский вопрос вне связи с балканским вопросом и последствиями, которые могут возникнуть на

---

[1] См. № 11 и стр. 9, прим. 2.

[2] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[3] В тел. от 19/6 янв. за № 106 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Бьюкенен сообщил Грею, что Сазонов «не желает, чтобы Бельгии была сделана та же декларация, которая была сделана Сербии, но, по его мнению, мы должны заявить что-нибудь последней в целях поощрения. В заявлениях, недавно сделанных сербскому правительству [см. т. IX, № 690], союзники не пошли так далеко, как Россия. Он предлагает, чтобы правительство его величества обсудило этот вопрос с французским правительством».

[4] В оригинале, повидимому, ошибка. Следует читать: «Servia».

этом театре войны. Я надеюсь, что г. Сазонов согласится отсрочить наше заявление Бельгии[1], по крайней мере в настоящее время. Тем более, что сербскому правительству заявления недавно были сделаны.

№ 28. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 18. 18/5 января 1916 г.

Копия в Париж.

Ваша телеграмма № 36 получена[2].

Соннино ответил мне, что на настояния французского посла он не мог сообщить определенного решения, так как вопрос о посылке дивизии в Салоники не зависит от него одного, а подлежит еще обсуждению всего правительства. Лично он считает, что Италия будет вынуждена послать войска в Албанию и поэтому ей нельзя разбрасывать своих сил. Он понял бы еще посылку итальянской дивизии в Салоники, если бы союзники намеревались ныне же начать оттуда наступательное движение; однако такое движение не предполагается так скоро, а для обороны собрано, повидимому, уже достаточно сил. Итальянская дивизия была бы им мобилизована в Салониках в течение нескольких месяцев, так как[3] она окажется, может быть, необходимой на албанском фронте. Кадорна в настоящее время думает, будто бы, исключительно о Карсо и жалуется, что его потери больными и ранеными не пополняются достаточно быстро. Таким образом, возражения Соннино касались более технической стороны вопроса. Полагаю, что с целью побуждения итальянцев было бы крайне желательно, чтобы высший военный международный совет в Париже высказался по поводу этого вопроса с военной точки зрения.

Гирс.

№ 29. Посланник в Гааге министру иностранных дел.

Депеша № 2. 18/5 января 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На прошлой неделе в Гаагу прибыла мирная экспедиция Форда, получившая разрешение проехать из Дании в Голландию через Гер-

[1] В оригинале, повидимому, ошибка; следует читать: «Сербии».

[2] 16/3 янв. тел. за № 10 Извольский сообщил, что в связи с настойчивыми просьбами ген. Саррайля о подкреплении, франц. прав-во посылает в Салоники одну дивизию и сверх того 6 000 чел. и что Барреру предписано настаивать в Риме на посылке в Салоники «хотя бы одной итальянской дивизии». Тел. от того же числа за № 36 Сазонов предписал Гирсу поддержать эти шаги франц. посла в Риме.

[3] Так в оригинале; следует читать: «тогда как».

манию, под условием безостановочного следования. Сам г. Форд, как известно, заболел и вернулся из Христиании в Америку [1].

Здесь фордисты были встречены членами нидерландского «Союза против войны» (Anti Oorlog Raad) и произносили речи на нескольких частных и публичных собраниях, но достигли лишь весьма относительного успеха. Пропагандируемые ими мысли не представляют более новизны, они уже известны из воззваний того же Anti Oorlog Raad и аналогичных ассоциаций, и вера в их практическую осуществимость притупилась у здешней средней публики.

Фордисты избрали Гаагу местопребыванием «постоянной конференции» делегации нейтральных мирных сообществ, назначением коей будет, по плану г. Форда, изучение возможных условий мира и предложение их вниманию воюющих народов и правительств. Это, как видно, бледная копия проекта Anti Oorlog Raad, тщетно добивавшегося минувшим летом созыва нидерландским правительством конференции специальных представителей нейтральных государств с подобной же программой.

В состав американской делегации избраны г. Форд, также отсутствующий бывший статс-секретарь Северо-американских соединенных штатов Брайан, подвизавшаяся на прошлогодней женской конференции мира в Гааге мисс Адамс и прочие. Нидерландская делегация состоит из нескольких здешних пацифистов и пацифисток с менее громкими именами. Скандинавские делегации будут образованы впоследствии.

Примите и пр.

А. Свечин.

По только-что опубликованным в печати сведениям, г. Форд выразил предпочтение, чтобы его «постоянная конференция» заседала в Стокгольме [2].

А. Свечин.

---

[1] См. т. IX, №№ 453 и 614.

[2] В отношении от 9 марта/25 февр. за № 882 Неклюдов, передавая Нератову просьбу собравшейся в Стокгольме конференции представителей нейтральных стран разрешить ее членам и делегатам «отправиться в Россию для содействия к заключению мира», отмечал, что эта конференция составлена главным образом из евреев различных нейтральных стран и носит несерьезный характер. Нератов в письме от 27/14 марта за № 298 предлагал Неклюдову сообщить участникам конференции «о невозможности удовлетворения ее просьбы, так как цель, преследуемая названным собранием, совершенно не соответствует видам и намерениям императорского правительства».

№ 30. Посланник в Берне товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 7. 18/5 января 1916 г.

Меня посетил известный вашему превосходительству Эразм Пильц, один из выдающихся участников учрежденной в Лозанне польской корреспонденции, направление которой нейтральное и нам скорее благоприятное. Пильц сказал, что был в Париже и был принят некоторыми французскими политическими деятелями. Главной целью поездки Пильца было осведомление французских кругов с польскими настроениями и сообщение им факта, который, по его мнению, неминуемо должен в скором времени произойти, а именно: объявление немцами Царства польского автономным под главенством Австро-Венгрии. Цель этого, по сведениям Пильца, — призыв 800 000 оставшихся там способных носить оружие поляков под знамена в армию против нас. Пильц считает выполнение проекта возможным; при этом заявил мне, что лично он — безусловный сторонник России и думает, что без нас никто не может и не должен решать польского вопроса, и потому со страхом смотрит на это новое испытание, предстоящее его отечеству, и находит нужным его предотвратить. Трудно здесь, конечно, проверить, насколько Пильц прав в предположении, что немцам удастся этот проект, но что они ухаживают за нашими поляками, по получаемым здесь известиям, — несомненно.

Бахерахт.

№ 31. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петрограде Бьюкенену.

№ 6. 19/6 января 1916 г.

Ayant reçu du ministre de Russie à Téhéran des renseignements analogues à ceux qui forment l'objet de l'aide-mémoire de l'ambassade britannique en date du 17/4 janvier ct. sub № 29 [1], le ministère impé-

[1] В указанной пам. записке Бьюкенен сообщил полученные от Марлинга сведения о перс. проекте союзного договора (см. №№ 24 и 25). По мнению Марлинга, перс. прав-во, вероятно, согласится снизить размер субсидии и не имеет серьезных надежд на то, что долги его будут аннулированы. Пам. записка заканчивалась следующими словами: «Значение союза для Великобритании двоякое: 1) будет положен конец отрицательному нейтралитету Персии, который в действительности заключается в том, что неприятелю разрешается делать то, что он хочет, и этот нейтралитет будет заменен положительным обязательством предпринять действия против неприятеля, и 2) соглашение разрушит надежду германцев образовать союз государств ислама. Правительство его величества

rial des affaires étrangères a déjà autorisé Mr. Etter à accepter en principe la proposition du gouvernement persan concernant le projet d'alliance entre la Perse, d'un côté, et de la Grande Bretagne et la Russie de l'autre.

Quant aux conditions posées par le gouvernement persan le ministère impérial continue à les juger excessives. Tout en admettant la nécessité de créer une force armée en Perse, le ministère impérial croit que la formation d'un corps d'armée de 50 000 hommes serait irréalisable, ne fût-ce qu'au point de vue de l'impossibilité de trouver la quantité nécessaire d'armes et de munitions, ainsi que le nombre voulu d'officiers-instructeurs. Le gouvernement russe pourrait contribuer tout au plus au développement de la brigade de cosaques persane, peut-être en y incorporant une partie de la gendarmerie actuelle. Le gouvernement britannique pourrait à son tour, s'il le juge nécessaire, former un corps analogue dans le midi de la Perse sous les ordres d'officiers anglais. Ensuite, si Ferman-Ferma réussissait à gagner les tribus de l'ouest, les deux gouvernements pourraient se charger de leur rétribution au fur et à mesure que ces tribus se joindraient aux forces russes ou anglaises.

Le gouvernement russe serait prêt à porter le chiffre de la subvention mensuelle du gouvernement persan jusqu'à la somme de 500 000 tomans, c. à. d. de 250 000 tomans de chaque côté. Les modalités de cette transaction devraient être négociées entre les deux gouvernements.

Quant aux dettes antérieures du trésor persan, on pourrait tout au plus promettre d'examiner, la guerre finie, les moyens d'en faciliter la liquidation.

Par rapport aux autres réclamations du gouvernement persan, telles que le rappel des troupes russes, la révision du tarif douanier et du traité de Turkmantchaï, etc., le gouvernement impérial s'est déjà déclaré prêt à mettre à l'étude les suggestions éventuelles du gouvernement du shah à ce sujet. Il va sans dire que des pourparlers de ce genre ne pourraient avoir lieu qu'après la guerre.

Tout en reconnaissant l'importance qu'une alliance avec la Perse aurait pour la Russie et surtout pour la Grande Bretagne, le ministère impérial est d'avis qu'il ne faudrait nullement montrer trop d'empressement dans cette affaire vis-à-vis du gouvernement persan vu que les succès remportés en Perse par les troupes russes qui reçoivent en ce moment des renforts considérables ont déjà produit une impression sensible sur les persans.

считает, что предложения Ферман-Ферма должны быть немедленно и серьезным образом рассмотрены обоими правительствами, и сэр Э. Грей был бы рад узнать как можно скорее точку зрения г. Сазонова на предложенный союз».

Mr. Etter a été chargé de s'entendre avec Mr. Marling pour examiner les propositions persanes ad referendum[1].

Перевод.

Получив от российского посланника в Тегеране сведения, аналогичные тем, которые составляют содержание памятной записки английского посольства от 17/4 сего января за № 29, императорское министерство иностранных дел уже уполномочило г. Эттера принять в принципе предложение персидского правительства относительно проекта союза между Персией, с одной стороны, и Великобританией и Россией — с другой.

Что касается условий, поставленных персидским правительством, то императорское министерство продолжает считать их чрезмерными. Соглашаясь с необходимостью создать в Персии вооруженную силу, императорское министерство полагает, что сформирование армейского корпуса в 50 000 человек неосуществимо, хотя бы только из-за невозможности найти необходимое количество оружия и снаряжения, а также требуемое число офицеров-инструкторов. В лучшем случае российское правительство могло бы содействовать развертыванию персидской казачьей бригады, присоединив к ней, может быть, часть теперешней жандармерии. Со своей стороны, английское правительство могло бы, если бы оно сочло нужным, сформировать такой же корпус на юге Персии под командованием английских офицеров. Затем, если Ферман-Ферма удастся привлечь западные племена, оба правительства могли бы взять на себя выплату им жалования по мере того, как эти племена будут присоединяться к английским или русским частям.

Российское правительство готово довести размер ежемесячной субсидии персидскому правительству до суммы в 500 000 томанов, т. е. по 250 000 томанов с каждой стороны. Условия этой сделки должны были бы быть выработаны в процессе переговоров между двумя правительствами.

Что касается предыдущих долгов персидского казначейства, то в лучшем случае можно было бы обещать по окончании войны рассмотреть вопрос о средствах, которыми можно было бы облегчить их ликвидацию.

Что касается других требований персидского правительства, как отозвание русских войск, пересмотр таможенного тарифа и Туркманчайского договора и т. д., то императорское правительство уже заявило о своей готовности рассмотреть предложения, которые могут быть сделаны шахским правительством по этому предмету. Само собой разумеется, что переговоры такого рода могли бы иметь место лишь по окончании войны.

Признавая значение, которое союз с Персией может иметь для России и в особенности для Великобритании, императорское министерство полагает, что ни в коем случае не следует выказывать в этом вопросе слишком большую предупредительность по отношению к персидскому правительству ввиду того, что успехи русских войск в Персии, получающих в настоящий момент значительные подкрепления, уже произвели на персов сильное впечатление.

Г. Эттеру поручено договориться с г. Марлинг, дабы рассмотреть персидские предложения ad referendum.

[1] В тот же день содержание публикуемой пам. записки было передано Эттеру Клеммом тел. за № 90 (ср. стр. 18, прим. 3).

№ 32. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 85[1]. 19/6 января 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 6518[2].

Посредники полагают, что замедление в начале переговоров может помешать успеху. Если правительство, при котором вы аккредитованы, в принципе сочувствует мысли о создании внутренних осложнений в Турции, посредники могли бы выехать немедленно в Египет и по пути быть принятыми в министерствах иностранных дел в Париже и Лондоне[3].

Сазонов.

№ 33. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 91. 19/6 января 1916 г.

Ваши телеграммы №№ 13[4] и 14[5] получены.

Персидские требования носят совершенно несерьезный характер, и большинство их безусловно неприемлемо. Руководствуйтесь данными уже указаниями, дав вновь понять персам, что вопрос о союзе вовсе не имеет для нас того значения, как им кажется, ибо помощь, которую они могут нам оказать, очень проблематична. Не уясняю себе, о каких долговых обязательствах вы говорите, невыполнение коих должно повлечь за собою утрату силы некоторых пунктов договора. Установление финансового контроля, конечно, весьма желательно; условьтесь на этот счет с Марлингом[6].

Сазонов.

---

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 151.

[2] См. т. IX, № 687.

[3] Тел. от 22/9 янв. за № 28 Извольский передал заявление Бриана, что франц. прав-во не видит препятствий к тому, «чтобы посредники, которые будут вести переговоры с Джемалем, отправились в Египет», что они будут приняты во франц. м-ве ин. дел при проезде их через Париж и что франц. прав-во будет держать росс. прав-во в курсе этих переговоров. Одновременно с этим Никольсон заявил Бенкендорфу, что англ. прав-во предпочитает остаться в стороне от переговоров с посредниками Джемаля, так как сношения его с арабами не дают ему возможности вступить в параллельные переговоры. Никольсон добавил, что лондонский кабинет не возражает против переговоров России и Франции с указанными посредниками (тел. Бенкендорфа от 23/10 янв. за № 17, опубл. Р. Аз. Т., стр. 151).

[4] См. № 24.

[5] См. № 25.

[6] В ответной тел. от 22/9 янв. за № 26 Эттер, указывая, что он «уже ранее объяснялся именно в таком смысле с Ферман-Ферма», сообщал, что совместно с Марлингом они выработают контр-проект.

№ 34. Английский посол в Петрограде Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам Грею.

Телеграмма № 107 [1]. 19/6 января 1916 г.

As reported in my telegram № 24, I have already sounded the President of the Duma privately on the subject of the visit, and he gave me to understand that it would be impossible to say anything positive before convocation of the Chambers, of which the date has not yet been fixed. I would suggest to be now instructed to convey an official invitation in name of His Majesty's Government to the presidents of the two Chambers, and at the same time to inform them that arrangements are being made for immediate visit of the party of Russian journalists, and that, if any member of the two Chambers would prefer to participate in it, instead to wait for the visit to be paid by members of the two Chambers, they would be welcomed [2].

Перевод.

Как сообщено в моей телеграмме № 24, я уже зондировал частным образом председателя Думы относительно поездки, и он мне дал понять, что невозможно сказать что-либо определенное до созыва обеих палат, дата которого еще не установлена. Я предложил бы в настоящее время поручить мне передать официальное приглашение председателям обеих палат от имени правительства его величества и одновременно уведомить их, что достигнуто соглашение по поводу безотлагательной поездки группы русских журналистов и что, если некоторые члены обеих палат предпочли бы принять участие в ней, вместо того, чтобы ждать ответного визита членов обеих палат, — они встретят радушный прием.

№ 35. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Письмо. 19/6 января 1916 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к телеграммам от [16] 3 января с. г. за №№ 13 [3] и 14 [4], имею честь представить у сего проект союзного договора, врученный английскому посланнику и мне персидским правительством [5].

---

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[2] В ответной тел. от 22/9 янв. за № 246 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Грей, извещая Бьюкенена, что он одобряет его предложение, сообщал: «Я считаю, что число... и представителей Думы должно быть ограничено десятью в каждом отдельном случае. Но мы не будем в состоянии отправить всю партию на фронт, так как верховное командование весьма возражает против посылки партий, больше чем в 6 человек одновременно».

[3] См. № 24.

[4] См. № 25.

[5] См. приложение к публикуемому документу.

Основываясь на телеграммах вашего высокопревосходительства за №№ 5938 [1] и 59 [2], я с тех пор заявил первому министру, что, принимая его предложения о союзе в принципе, я, совместно с моим английским сотоварищем, намерен вскоре представить ему контрпроект. Я при этом не скрыл от Ферман-Ферма, что пожелания персидского правительства до крайности преувеличены и что некоторые из них (между прочим статьи VII и IX) — неприемлемы.

Замечание мое, поскольку оно касается ст. VII, произвело особенно тяжелое впечатление на министра. Он считает, что наше согласие на взятие Персией обратно своего обязательства 1911 г. явилось бы самым важным козырем в его руках для воздействия на общественное мнение в нашу пользу. Полагая в то же время, что на практике оно не умалило бы нашего влияния на персидские дела в будущем, он убеждал меня попросить ваше высокопревосходительство отнестись к этому пожеланию благосклонно.

Смотря на дело несколько иначе, чем Ферман-Ферма, мне кажется, что он в этом отношении прав, так как после войны наши отношения к Персии, вероятно, примут совершенно новую форму.

Относительно упразднения старых долгов (ст. IX) Ферман-Ферма мне серьезно не возражал.

Но он решительно поддерживает свою просьбу о финансовой помощи и о содействии для формирования военной силы.

Я ответил Ферман-Ферма, что в известной — более скромной — мере просьба эта, вероятно, будет признана приемлемой, но обратил его внимание на необходимость не увлекаться преувеличенными планами организации боевой армии, на что, даже при наличности достаточных средств, понадобилось бы не менее года. Заметив, что мы главным образом озабочены поддержанием порядка внутри страны, я возобновил свои доводы в пользу усиления казачьей бригады, прибавив, что охрана юга Персии могла бы быть вверена сарбазам или иным частям, по усмотрению персов и англичан.

Относительно острова Ашураде (ст. XIII) и флота в Каспийском море (ст. XIV) взгляд императорского министерства мне совершенно неизвестен, но я полагаю, что он кажется отрицательным.

Я пока лишь поверхностно успел обсудить проект с Марлингом, считающим в принципе заключение союза с Персией в высшей степени желательным. Нет сомнения, что событие это произвело бы сильное впечатление на мусульман Афганистана и Индии; правительство

[1] См. т. IX, № 384.

[2] См. стр. 18, прим. 3.

последней поэтому и поспешило отнестись к персидскому предложению весьма сочувственно.

По более подробном обсуждении вопроса с Марлингом я не премину представить на усмотрение вашего высокопревосходительства результат наших совместных заключений.

Пока же позволяю себе приложить у сего наскоро составленный лично мною предварительный проект контрпредложений[1].

Едва ли возможно будет отклонить участие Персии на мирной конференции (ст. XV), если она станет нашей союзницей.

Что же касается добавочной статьи — о ручательстве Франции, Италии и Бельгии, то полагаю, что она совершенно неприемлема.

Примите и пр.

Н. Эттер.

Приложение.

Traité.

Sa majesté le shahenshah de Perse d'une part, et leurs majestés l'empereur de Russie et le roi de la Grande Bretagne, empereur des Indes d'autre part, également mûs par le vif désir de resserrer les liens d'amitié et de consolider les relations d'intimité entre leurs trois empires, ont résolu d'un commun accord de conclure le traité ci-après:

A cet effet, les hautes parties contractantes ont nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir:

sa majesté impériale le shah de Perse:

son altesse Ferman-Ferma, son ministre président;

son excellence Ali-Gholi Khan Mochaverol-Mamalek, son ministre des affaires étrangères;

sa majesté l'empereur de toutes les Russies:

son excellence Monsieur Nicolas de Etter, son envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire à Téhéran;

sa majesté le roi du Royaume-uni de la Grande Bretagne et d'Irlande et des territoires britanniques au delà des mers, empereur des Indes:

son excellence Monsieur Charles Murray Marling C. B. CMG, son envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire à Téhéran.

Lesquels, ayant échangé leurs pleins pouvoirs trouvés en bonne et due forme, sont convenus des dispositions suivantes:

Art. I. — A partir de la date de la signature de la présente convention jusqu'à l'expiration de quinze (15) années il y aura

---

[1] При письме имеется предварительный контр-проект, окончательный текст которого был препровожден при письме от 27/14 янв. (см. № 92 и приложение к нему).

alliance entre la Perse, la Russie et l'Angleterre sous les conditions suivantes:

Art. II. — La Russie et l'Angleterre s'engagent à mettre gratuitement à la disposition du gouvernement persan, dans un délai de trois mois, à partir de la signature du présent traité, la quantité de matériel de guerre moderne de toute espèce: fusils, munitions, canons, etc., etc., que le gouvernement impérial de Perse jugerait suffisante et nécessaire à l'équipement, à la mise en campagne et à l'entretien, par la Perse, d'une armée régulière de cinquante mille (50 000) hommes. Il est entendu qu'autant que les besoins et les circonstances prévus par l'article IV de ce traité existeraient, les deux Grandes Puissances précitées ne cesseront pas de combler les pertes et de livrer à la Perse des armes et munitions en nombre suffisant afin d'assurer toujours l'entretien de l'effectif susmentionné.

Art. III.— La Russie et l'Angleterre s'engagent à secourir la Perse de leurs troupes d'une manière prompte et efficace, dans le cas où celle-ci en ferait la demande.

Les opérations militaires de la force auxiliaire précitée seront dirigées par un état major composé d'officiers persans et d'officiers de la Puissance qui aurait fourni ses troupes à la Perse.

Le commandant-en-chef de ces troupes opérant en Perse sera désigné par firman impérial de sa majesté le shah de Perse.

Art. IV.— Le gouvernement impérial de Perse s'engage, à partir de la signature du présent traité et pendant la durée entière de la guerre européenne, à user de toute son influence et à se servir de toutes ses forces militaires prévues à l'article II ci-dessus, et augmentées d'autres forces régulières et irrégulières dont la mobilisation serait possible, pour la sauvegarde de ses intérêts propres et ceux de ses alliés sur le territoire persan.

De leur côté, les deux Grandes Puissances s'engagent, pour toute la durée de ce traité, à repousser et à conjurer, par l'envoi de forces armées nécessaires et par d'autres moyens efficaces, toute attaque ou autre danger dont une ou plusieurs Puissances étrangères pourraient menacer la Perse.

Il est également entendu que dans le cas où le trône de sa majesté impériale sultan Ahmed-shah ou de ses descendants se trouverait en danger les hautes Puissances contractantes ne manqueront pas par tous les moyens en leur pouvoir de l'assurer dans l'auguste personne de sa majesté impériale sultan Ahmed-shah et de ses descendants.

Art. V. — Les troupes russes et anglaises, tant celles qui se trouvent actuellement en Perse que celles qui pourraient par opération des arti-

cles III et IV du présent traité s'y diriger éventuellement, évacueront complètement le territoire persan aussitôt qu'auront disparu les besoins énoncés à l'article III et les dangers prévus par l'article IV.

Le gouvernement persan ne sera pas tenu de rembourser les frais occasionnés par leur séjour en Perse ni les pertes qu'elles auraient pu soutenir.

Il appartiendra au gouvernement impérial de Perse de fixer le moment où aura cessé la nécessité de la présence des troupes russes et anglaises en territoire persan, et de le notifier officiellement aux deux Puissances contractantes.

Art. VI. — Les gouvernements de Russie et d'Angleterre s'engagent à s'abstenir rigoureusement, à partir de la date de la signature du présent traité, de toute mesure qui serait contraire à l'indépendance de la Perse et à son intégrité territoriale; tels l'ingérence dans les affaires intérieures de l'Empire, la protection de sujets persans, la conclusion, soit secrètement soit ouvertement, de pactes avec les chefs et cheikhs de tribus, et toute autre intervention analogue. Si des conventions de la catégorie susdite existaient avant la date de la signature du présent traité entre les deux hauts gouvernements de Russie et d'Angleterre ou chacun d'eux ou leurs représentants ou fonctionnaires d'une part et des chefs de tribus ou sujets persans d'autre part, ces conventions seront considérées comme nulles et non avenues.

Art. VII. — La Russie et l'Angleterre déclarent solennellement qu'elles considèrent, par les termes mêmes du présent traité, comme nuls et non avenus les engagements souscrits en date du 2 Moharram et du 30 Rabi-ol-Aval 1330 par le gouvernement persan à la suite de l'acceptation de l'ultimatum russe du 7 Zilhadjah 1329 et des demandes formulées par la note identique russo-anglaise du 2 Safar 1330 [1].

Les deux Puissances susmentionnées s'engagent, en outre, à ne point conclure à l'avenir entre elles, ou avec des pays amis ou ennemis, des conventions ou arrangements qui porteraient atteinte à l'indépendance de la Perse ou auraient pour but l'annexion ou l'occupation provisoire d'une partie de son territoire ou qui en ferait l'objet de compensation.

En un mot, la Russie et l'Angleterre s'abstiendront de toute mesure qui aurait pour conséquence le changement du status quo tel qu'il est consacré par le présent traité, et elles s'opposeront à toute visée de ce genre que d'autres Puissances pourraient avoir en Perse.

Art. VIII. — Les gouvernements de Russie et de Grande Bretagne mettront à la disposition du gouvernement persan, sans équivalent, à partir de la date de la signature du présent traité jusqu'à l'expiration

[1] Имеется в виду русский ультиматум и ответ перс. прав-ва 1911 и 1912 гг. (см. т. XIX).

d'un mois après la signature de la paix européenne, une somme mensuelle d'un Korour de tomans (ts. 500 000). Cette somme sera versée en outre de la somme de sept cent cinquante mille tomans (ts. 750 000) qui représente le chiffre approximatif des dépenses mensuelles pour l'entretien de l'armée prévue à l'article II, payable dans les mêmes conditions.

Art. IX. — Les gouvernements de Russie et de Grande Bretagne s'engagent à prendre entièrement à leur charge les dettes du gouvernement persan contractées soit vis-à-vis des deux gouvernements précités, soit des banques ou autres sociétés. La Perse sera ainsi libérée de la totalité de ses engagements financiers: capital et intérêts calculés jusqu'à la date de la signature du présent traité.

Art. X. — Les gouvernements de Russie et de Grande Bretagne acceptent en principe la révision du traité de commerce signé à Turkmantchaï le 22/10 février 1828 et du protocole de cérémonial y annexé. Le gouvernement impérial de Perse avertira trois mois d'avance les deux hauts gouvernements de l'ouverture des séances de la commission qui sera constituée à cet effet.

Art. XI. — Les gouvernements de Russie et de Grande Bretagne à la demande du gouvernement persan admettront et accorderont leurs bons offices à la révision et à la rectification du tarif douanier persan qui n'aura cours que pour un nombre d'années déterminé.

Art. XII. — Le gouvernement impérial persan reconnaît aux sujets étrangers le droit d'acquérir des propriétés en Perse sous la condition expresse que les étrangers qui sont déjà ou deviendront propriétaires en Perse seront soumis, sous tout les rapports, aux lois et coutumes du pays et à la juridiction persane.

Il est entendu que les Puissances étrangères empêcheront l'émigration de leurs nationaux (paysans et cultivateurs) à destination de la Perse,, à moins qu'elles n'acceptent que les immigrants de cette catégorie ne soient soumis pendant leur séjour sur le sol persan au même traitement que les indigènes.

Art. XIII. — Les gouvernements de Russie et d'Angleterre s'engagent à respecter les droits de souveraineté et de propriété de la Perse sur Tchakischlar et les îles Achouradeh, Bahrein, Frouraïn, Toumb, Siri, Abou Moussa.

Art. XIV. — Le gouvernement impérial de Russie ne s'opposera pas à ce que les navires marchands persans naviguent en toute liberté sur la mer Caspienne et à ce que le gouvernement persan y dispose d'un nombre nécessaire de bâtiments de guerre.

Art. XV. — Les gouvernements de Russie et d'Angleterre s'engagent à prendre toutes les mesures nécessaires pour faire admettre la

Perse à la prochaine conférence intérnationale de paix et à assurer voix délibérative à ses délégués.

En foi de quoi les plénipotentiaires respectifs ont signé la présente convention et y ont apposé leurs cachets.

Fait à Téhéran, le...

Annexe faisant partie intégrante du traité conclu entre la Perse, la Russie et l'Angleterre, à soumettre à la signature des représentants des Puissances alliées à la Russie et à l'Angleterre.

Article unique.

La France, l'Italie et la Belgique, Puissances alliées à la Russie et à l'Angleterre s'engagent à assurer l'exécution des articles du traité signé en ce jour entre la Perse d'une part et la Russie et l'Angleterre d'autre part.

Dans le cas où une des hautes parties contractantes négligeait à se conformer à une ou plusieurs clauses et stipulations du dit traité, les Puissances susmentionnées prendront les mesures nécessaires pour faire respecter ses engagements par la partie en défaut.

En foi de quoi les plénipotentiaires de la France, de l'Italie et de la Belgique, munis de plein pouvoir à cet effet par leurs gouvernements respectifs, ont apposé ci-dessous leurs cachets et signatures.

Fait à Téhéran, le...

Перевод.

Договор.

Его величество шахиншах Персии, с одной стороны, и их величества российский император и король Великобритании, император Индии — с другой стороны, одинаково движимые горячим желанием укрепить узы дружбы и установить более близкие отношения между их тремя империями, решили с общего согласия заключить нижеследующий договор:

С этой целью высокие договаривающиеся стороны назначили своими уполномоченными следующих лиц:

его императорское величество шах персидский:

его высочество Ферман-Ферма, своего министра-президента; его превосходительство Али-Голи-хана Мошавер-оль-Мемалека, своего министра иностранных дел;

его величество император всероссийский:

его превосходительство господина Николая Эттера, своего чрезвычайного посланника и полномочного министра в Тегеране;

его величество король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии и британских заморских территорий, император Индии:

его превосходительство господина Чарльза Муррея Марлинга К. О. С. М. и С. Г.[1], своего чрезвычайного посланника и полномочного министра в Тегеране.

Каковые по обмене своими полномочиями, найденными в доброй и должной форме, согласились о следующих положениях:

Ст. I. Со дня подписания настоящей конвенции и до истечения пятнадцати (15) лет будет [существовать] союз между Персией, Россией и Англией на следующих условиях:

Ст. II. Россия и Англия обязуются предоставить безвозмездно в распоряжение персидского правительства в течение трехмесячного срока, считая со дня подписания настоящего договора, такое количество современного военного материала всякого рода: ружей, боевых припасов, пушек и т. д., и т. д., какое императорское правительство Персии сочло бы достаточным и необходимым для боевого снабжения и содержания Персией регулярной армии в пятьдесят тысяч (50 000) человек. Признается установленным, что поскольку будут существовать потребности и обстоятельства, предусмотренные в ст. IV этого договора, обе великие державы будут непрестанно восполнять потери и предоставлять Персии оружие и боевые припасы в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить содержание вышесказанного состава.

Ст. III. Россия и Англия обязуются оказывать Персии быстро и действительным образом поддержку своими войсками в случае, если последняя обратится к ним с такой просьбой.

Военными операциями вышеуказанных вспомогательных сил будет руководить штаб, составленный из персидских офицеров и офицеров державы, предоставившей свои войска Персии.

Главнокомандующий этими войсками в Персии будет назначаться императорским фирманом его величества шаха персидского.

Ст. IV. Императорское правительство Персии обязуется, начиная со дня подписания настоящего договора и в течение всего времени европейской войны, употребить все свое влияние и использовать все свои военные силы, предусмотренные выше в ст. II и увеличенные другими регулярными и нерегулярными силами, мобилизация которых оказалась бы возможной для охраны своих собственных интересов и интересов своих союзников на персидской территории.

Со своей стороны обе великие державы обязуются, на все время действия этого договора, предупреждать и отражать, путем отправки необходимых вооруженных сил и другими действительными средствами, всякое нападение или опасность, могущие угрожать Персии со стороны одной или нескольких иностранных держав.

Равным образом условлено, что в случае, если бы престолу его императорского величества султана Ахмед-шаха или его потомков угрожала опасность, высокие договаривающиеся стороны не преминут всеми доступными им средствами обеспечить престол за августейшей особой его императорского величества султана Ахмед-шаха и за его потомками.

Ст. V. Русские и английские войска, как находящиеся ныне в Персии, так и могущие быть отправленными туда в силу ст. ст. III и IV настоящего договора,

---

[1] Кавалер ордена Бани, кавалер ордена св. Михаила и св. Георгия. — *Прим. перев.*

эвакуируют полностью персидскую территорию как только исчезнет в них надобность, имеющаяся в виду в ст. III, и опасность, предусмотренная ст. IV.

Персидское правительство не будет обязано возмещать расходы, вызванные их пребыванием в Персии, ни потери, которые они могут понести.

Императорскому правительству Персии будет предоставлено право определить время, когда отпадет необходимость в присутствии русских и английских войск на персидской территории, и официально уведомить о том обе договаривающиеся державы.

Ст. VI. Российское и английское правительства обязуются неукоснительно воздерживаться со дня подписания настоящего договора от принятия всяких мер, которые противоречили бы независимости Персии и ее территориальной неприкосновенности, как-то: вмешательство во внутренние дела империи, покровительство персидским подданным, заключение как тайно, так и открыто договоров с главами и шейхами племен и всякого рода аналогичное вмешательство. Если до подписания настоящего договора такого рода соглашения существовали между обоими высокими правительствами России и Англии, или каждым из них или его представителями или должностными лицами, с одной стороны, и главами племен или персидскими подданными — с другой стороны, то эти соглашения будут считаться аннулированными и недействительными.

Ст. VII. Россия и Англия торжественно объявляют, что в силу положений настоящего договора они считают аннулированными и недействительными обязательства, подписанные персидским правительством 2 мохаррема и 30 раби-ольаваля 1330 г. в результате принятия русского ультиматума 7 цильхаджа 1329 г. и требований, выставленных в тождественной англо-русской ноте 2 сафара 1330 г.

Обе вышеупомянутые державы обязуются кроме того не заключать в будущем между собой или с дружественными или неприятельскими странами конвенций или соглашений, которые нарушали бы независимость Персии или имели бы целью аннексию или временную оккупацию части ее территории, или делали бы из нее предмет компенсации.

Одним словом, Россия и Англия будут воздерживаться от всяких мер, которые повлекли бы за собой изменение status quo, освященного настоящим договором, и будут противиться всяким подобным видам на Персию, которые могли бы иметь другие державы.

Ст. VIII. Российское и великобританское правительства предоставят без эквивалента в распоряжение персидского правительства со дня подписания настоящего договора и до истечения месяца по подписании европейского мира ежемесячную сумму в корур томанов (500 000 томанов). Эта сумма будет предоставлена сверх суммы в семьсот пятьдесят тысяч томанов (750 000), составляющих приблизительную цифру ежемесячных расходов на содержание армии, предусмотренной в ст. II; эта сумма подлежит уплате на тех же условиях.

Ст. IX. Российское и великобританское правительства обязуются принять полностью на свой счет долги персидского правительства как обоим вышеуказанным правительствам, так и банкам и другим обществам. Таким образом Персия будет освобождена от всей совокупности ее финансовых обязательств: капитала и процентов, исчисленных вплоть до дня подписания настоящего договора.

Ст. X. Российское и великобританское правительства соглашаются в принципе на пересмотр торгового договора, подписанного в Туркманчае 22/10 февраля

1828 г., и приложенного к нему церемониального протокола. Императорское правительство Персии уведомит за три месяца оба высокие правительства об открытии заседаний комиссии, которая будет для этого образована.

Ст. XI. Российское и великобританское правительства по просьбе персидского правительства согласятся и окажут свои добрые услуги для пересмотра и ректификации персидского таможенного тарифа, каковой будет действовать только в течение определенного числа лет.

Ст. XII. Императорское персидское правительство признает за иностранными подданными право приобретать недвижимости в Персии под определенным условием, что иностранцы, уже являющиеся собственниками в Персии или которые станут таковыми, будут подчиняться во всех отношениях законам и обычаям страны и персидской юрисдикции.

Признается установленным, что иностранные державы будут препятствовать эмиграции в Персию их граждан (крестьян и земледельцев), если только эти державы не согласятся на то, чтобы иммигранты этой категории подчинялись во время их пребывания на персидской территории тому же режиму, что и туземцы.

Ст. XIII. Российское и английское правительства обязуются уважать права суверенитета и собственности Персии на Чакишляр и острова Ашураде, Бахрейн, Фрурейн, Тумб, Сири, Абу Муса.

Ст. XIV. Императорское российское правительство не будет противиться тому, чтобы персидские торговые суда совершенно свободно плавали по Каспийскому морю и чтобы персидское правительство располагало там необходимым числом военных кораблей.

Ст. XV. Российское и английское правительства обязуются принять все необходимые меры для допущения Персии на предстоящую международную мирную конференцию и для обеспечения ее делегатам права решающего голоса.

В удостоверение чего соответственные уполномоченные подписали настоящую конвенцию и приложили к ней свои печати.

Составлено в Тегеране ... дня.

Приложение, являющееся составной частью договора, заключенного между Персией, Россией и Англией, подлежащее подписанию представителями держав, состоящих в союзе с Россией и Англией.

Единственная статья.

Франция, Италия и Бельгия, державы, состоящие в союзе с Россией и Англией, обязуются обеспечить выполнение статей договора, подписанного в сей день между Персией, с одной стороны, и Россией и Англией — с другой.

В случае, если одна из высоких договаривающихся сторон будет пренебрегать соблюдением одной или нескольких статей и постановлений указанного договора, вышепоименованные державы примут меры, необходимые для того, чтобы заставить виновную сторону уважать свои обязательства.

В удостоверение чего полномочные представители Франции, Италии и Бельгии, получившие на этот предмет полномочия от своих правительств, приложили здесь свои печати и подписи.

Составлено в Тегеране... дня.

№ 36. Посол в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 5. 19/6 января 1916 г.

Копия сообщается в Пекин.

Телеграмма № 6639 получена[1].

Воспользовавшись отказом японского правительства принять китайского посла[2], я спросил товарища министра, имеет ли японское правительство сведения, что президент намерен провозгласить себя императором в первых числах февраля нового стиля[3]. Товарищ министра ответил, что такие сведения ранее у них имелись, но теперь, по некоторым признакам, они заключают, что президент не решится сейчас на этот шаг, ввиду предостережения держав Четверного согласия. На вопрос мой, что предполагает предпринять Япония, если, вопреки ее ожиданиям, президент провозгласит себя императором до успокоения Юнаньской провинции, и не желательно ли на этот случай установить, по соглашению между союзными державами, определенный план действий, товарищ министра ответил, что по вопросу о китайской монархии барон Ишии в ближайшие дни сообщит мне свои соображения.

Между прочим, товарищ министра сказал мне, что, по словам здешнего китайского посланника, президент не посылает ему больше телеграфных предписаний настаивать в Токио на скорейшем призна-

---

[1] См. т. IX, № 742.

[2] Кит. прав-во предполагало отправить в Японию, в качестве специального посла, кит. м-ра земледелия и торговли Чжоу, который должен был передать япон. императору поздравления по поводу коронации. Япон. прав-во просило отложить приезд этого посла, причем и Крупенский, со слов япон. посланника в Пекине, и Малевский, со слов товарища япон. м-ра ин. дел, указывали: а) что причиной этого отказа послужили распространившиеся в кит. печати слухи, что «посольство имеет целью ценой уступок Японии добиться ее согласия на восстановление монархии», б) что япон. печать отнеслась к этим известиям весьма отрицательно и в) что япон. прав-во опасается покушения на жизнь этого кит. посла в связи с тем, что «китайские революционеры крайне недовольны поездкой Чжоу, ставя это в связь с монархическим вопросом» (тел. Крупенского от 16/3 янв. за № 5 и тел. Малевского от 18/5 янв. за № 4). В тел. от 19/6 янв. (расшифрованной и переведенной с японского в росс. м-ве ин. дел) Ишии, объясняя Мотоно отказ япон. прав-ва теми же доводами, сообщал следующее: «Если бы мы приняли посольство, которое, по мнению политических кругов, преследует политические цели, то оппозиция у нас против признания Китая империей чрезвычайно усилилась бы и были бы возможны разные недоразумения. Это весьма нежелательно, тем более, что мы не можем категорически утверждать, что не будет попыток причинить вред чинам посольства, а в таком случае получились бы весьма серьезные последствия для обеих стран».

[3] См. стр. 13, прим. 3.

нии его императором; из этого посланник выводит заключение, что президент перестал торопиться с этим вопросом, более всего интересующим его генералов, ожидающих себе личных выгод от воцарения Юаня.

Малевский.

№ 37. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 105. 20/7 января 1916 г.

Поклевский телеграфирует о подавленном настроении, вызванном в Румынии последними событиями на Балканском полуострове, и в Черногории в частности. Я считал бы весьма полезным, чтобы посланники Согласия разъяснили Братиану ничтожное значение с военной точки зрения капитуляции Черногории, обеспеченность положения в Солуни и выгоды лучшего использования в военном отношении войск союзников, находившихся в Галлиполи, не ослабляя в то же время возможности военного противодействия болгарам, что особенно озабочивает румын [1].

Прошу принять соответствующие меры и ответить по телеграфу [2].

Сазонов.

№ 38. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву.

Письмо № 7 п/о. 20/7 января 1916 г.

М. г. Михаил Васильевич,

Считаю долгом препроводить вашему высокопревосходительству перевод с памятной записки, переданной мне великобританским послом [3]. Содержащиеся в ней подробности капитуляции черногор-

---

[1] Пам. записка аналогичного содержания была передана Сазоновым франц. и англ. послам в Петрограде 21/8 января.

[2] В ответной тел. от 26/13 янв. за № 26 Бенкендорф сообщил Сазонову, что, по словам Никольсона, Барклаю уже послано соответствующее предписание. Ответной тел. Извольского в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[3] Пам. запиской от 18/5 янв. англ. пос-во в Петрограде передало Сазонову содержание тел. англ. посланника в Черногории графа Салиса, в которой последний сообщал, что «король открыто делает все что можно, чтобы заставить посланников выехать из Черногории под предлогом угрожающей им опасности» (ср. № 5), и отмечал, что при обороне Ловчена черног. войска не оказывали действительного сопротивления. По имеющимся у графа Салиса сведениям, «немного держался лишь один полк, не понявший, повидимому, приказаний

ской армии рисуют поведение правительства короля Николая в столь непривлекательном виде, что, быть может, ваше высокопревосходительство признаете неудобным дальнейшее пребывание на Ставке генерала Мартиновича [1].

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 39. Начальник штаба верховного главнокомандующего представителю Ставки при штабе французского главнокомандующего Жилинскому.

Телеграмма № 102 [2]. 20/7 января 1916 г.

33 [3]. Можно ли рассчитывать, что ваше пребывание во Франции поведет к созданию постоянного или временного совета для взаимной обстоятельной ориентировки и согласования планов различных держав союза. Не подразумеваю, конечно, чтобы указывались цели, направление действий, определялись силы, но достижимо установить общую идею борьбы постепенного сжимания и окружения Германии, выработать соответственно этим значение отдельных театров и что на них желательно достигать, согласовать по времени операции на различных фронтах. Без всего этого действия противника носят характер глубоко продуманных общего значения предприятий, наши — каких-то частных ударов, не связанных ни общностью замысла, ни временем: когда одни атакуют, другие по различным причинам бездействуют. Моя недавняя попытка [4] предложить некоторую идею встретила лишь указание на трудность выполнения, но никто не предложил чего-либо своего для обсуждения, разработки. Нельзя основывать план на постепенном истощении запаса людей и материальных средств Германии, нужно ставить целью настойчивое, постепенное сжимание врагов, лишение возможности безнаказанно развивать дальние предприятия, ибо это дает им продовольствие и людской материал. Поэтому уход англичан с Галлипольского полуострова в Египет полезен противнику. Не считаю осуществимым широкое предприятие против

короля», а также защищались 200 французов, которым черногорцы заявили, что «они делают глупость, оказывая сопротивление, ибо мир уже три месяца как заключен».

[1] Ответ Алексеева в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

[2] На оригинале, хранящемся в делах Военно-исторического архива, имеется помета: «Доложена его величеству [21] 8 января 1916 г.»

[3] Тел. Жилинского за № 33 в делах Военно-исторического архива не обнаружена.

[4] См. т. IX, № 318.

Египта, но даже при попытке произвести его, прикрыть Египет можно иначе, не предоставляя немцам хозяйничать на обширном пространстве. Желательно установить определенное решение относительно Балканского полуострова и как смотрят союзники на свое пребывание там, ибо одно спокойное занятие Салоник влияния на ход событий не окажет и противника в его смелых предприятиях не задержит. Нужны энергичные меры по спасению и восстановлению сербской армии. Исчезновение ее, в связи с капитуляцией Черногории, всей тяжестью отразится непосредственно на нас: противник получит возможность весь излишек сил сосредоточить в Буковине, чтобы прорывом на Могилев поставить в угрожаемое положение наши сообщения с Румынией, которая окажется изолированной и в силу необходимости должна будет примкнуть к числу наших врагов. Так бессвязные наши военные предприятия, в связи с малодеятельной, непредприимчивой дипломатией, создадут для нашей армии исключительно тяжелые условия борьбы и необходимость перейти к позиционной войне. Предоставьте союзным начальникам взвесить, насколько невыгоден для общего дела такой исход, ибо русская армия только своими наступательными действиями может оказать существенное влияние на события. Важно выяснить, какие силы, когда из числа своих новых широких формирований предполагают собрать в Салониках французы, англичане; присоединив там же восстановленную сербскую армию, можно сильно умалить результаты широко и успешно проведенной немцами балканской кампании. Далее вопрос о совместных операциях наших и англичан в Персии и Турции. Получил тоже ответ, что нельзя разбрасываться. Между тем более сильный численно отряд на багдадском направлении, движение сильной пехотной дивизии через Мохаммеру на Керманшах и затем совместно с частями нашей кавказской армии на Моссул явилось бы более надежным обеспечением Суэца и Индии. Вообще вместо пассивной обороны Суэца при маловероятном египетском походе германцев лучше создать сильную союзную группу у Моссула, которая установила бы общность действий с левым крылом нашей кавказской армии; слишком опасное создалось бы положение для турок, у союзников же не было бы войск бездействующих, какими могут оказаться войска, собираемые ныне в Египте. Наши действия на Кавказе развиваются благополучно: 9 и 11 турецкие корпуса сильно расстроены, отходят на Деве-Бойну. Операция генерала Иванова задержалась слабостью, недостатком тяжелой артиллерии, недочетами управления, но, конечно, не может служить указанием трудности опрокинуть австро-германскую армию.)

А л е к с е е в.

№ 40. Товарищ министра иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии — Миллеру.

Телеграмма № 125. 21/8 января 1916 г.

Копия сообщается в Пекин.

Телеграмма № 7 получена [1].

Из телеграммы Вашей совершенно не видно, как относится монгольское правительство к проекту установления автомобильного движения между Ургой и Калганом и что вами предпринято для противодействия этому явно невыгодному для нас предприятию [2].

Нератов.

№ 41. Советник IV политического отдела [3] министру иностранных дел.

·/. Телеграмма [4]. Токио, 21/8 января 1916 г.

Я изложил графу Терауци и барону Ишии ваши мысли относительно общей политики России и Японии, направленной против деятельности Германии в Китае.

Вчера барон Ишии просил меня передать вам следующий его ответ.

Он глубоко благодарен вам за открытое изложение ваших мыслей и разделяет ваше мнение о необходимости не допустить Германию водвориться в Китае, как она это сделала в Турции. В этом направлении японское правительство пойдет с нами, но барон Ишии думает,

---

[1] 18/5 янв. Миллер телеграфировал Сазонову за № 7, что, по имеющимся у него сведениям, между Калганом и Ургой предполагается установить «грузовое и пассажирское сообщение на автомобилях с субсидией китайского правительства», причем предпринимателем является американская или германо-американская компания.

[2] Тел. от 27/14 янв. за № 12 Миллер ответил, что монг. прав-ву «пока еще ничего неизвестно о проекте установления автомобильного движения», но, однако, можно предположить, «что оно согласится допустить таковое за известную годовую плату». Указывая далее на то, что протесты, «не подкрепленные реальными компенсациями или мерами, едва ли будут успешны», Миллер добавлял, что «появление на дороге Урга — Калган небольшой партии разбойников может воспрепятствовать этому вредному для нас предприятию».

31/18 янв. тел. за № 17 Миллер сообщал Сазонову о получении им в результате переговоров категорических заверений от монг. прав-ва в том, что «упомянутое движение, по соображениям государственной безопасности Монголии, никоим образом допущено не будет».

[3] Советник IV пол. отдела м-ва ин. дел Козаков сопровождал в Японию в. кн. Георгия Михайловича, выехавшего из Петрограда 28/15 дек. 1915 г. (ср. т. IX, стр. 542, прим. 1).

[4] Лит. копия. Номер отсутствует.

что письменное соглашение в этом смысле бесполезно и существующие русско-японские соглашения вполне отвечают потребностям минуты.

Что касается до немедленной уступки нам большого количества оружия, то граф Окума и барон Ишии желают этого и работают в этом направлении. Барон Ишии надеется на успех этой работы, но встречает противодействие среди членов верховного военного совета, которые, думая лишь о боевой готовности Японии, не хотят считаться с интересами иностранной политики и не соблазняются даже перспективой политических компенсаций. Барон Ишии не может поэтому сказать утвердительно, что наши пожелания относительно оружия будут исполнены, хотя бы не в полной мере. Как только вопрос выяснится, он поручит барону Мотоно довести до сведения вашего высокопревосходительства о решениях японского правительства.

Барон Ишии заверил меня однако, что приезд сюда великого князя Георгия Михайловича и популярность, которую его императорское высочество приобрел в Японии благодаря обаянию своей личности, вызывают общее желание быть нам полезным в настоящей войне и не останутся без влияния на наши отношения с Японией[1].

Козаков.

№ 42. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 16. 21/8 января 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Французский посланник в Черногории передает, что переговоры между черногорцами и австрийцами прерваны, что королевская семья, председатель совета министров и посланники направляются в Италию, а король остается в Подгорице. Посланник присовокупляет, что король

---

[1] Тел. от 25/12 янв. за № 274 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Грей передал Бьюкенену текст тел. англ. посла в Токио, в которой последний, между прочим, сообщал: «В разговоре с бароном Ишии я спросил его превосходительство, затронул ли в беседе с ним г. Козаков вопрос о возможности русско-японского союза, о котором много пишут в японских газетах. Он сказал, что отношения между обеими странами носят теперь сердечный характер, но что мысль о русско-японском союзе не была... в настоящий момент. Если бы этот союз действительно стал предметом обсуждения, то это никоим образом не противоречило бы англо-японскому союзу, который является основным рычагом японской политики; кроме того, не будет приступлено ни к каким действиям без предварительного обсуждения с правительством его величества».

просит Францию оказать гостеприимство его семье. Камбон сказал мне, что само собой разумеется, что французское правительство ему в этом не откажет и что оно примет для спасения черногорской армии меры, которые принимаются им по отношению к сербской армии [1].

Извольский.

№ 43. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 21 [2]. 21/8 января 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 19 [3].

Только-что виделся с Брианом, который вполне подтвердил мне то, что я телеграфировал вчера со слов Камбона. Все затронутые им в Лондоне вопросы вполне успешно разрешены. В частности, для упорядочения вопроса о морских фрахтах, решено учреждение в Лондоне особой комиссии из представителей заинтересованных союзных государств. По вопросу о Салоникской экспедиции англичане уже не возражают более против мысли, что весной Салоники могут сделаться базой для наступательных действий. Этот последний вопрос должен, впрочем, быть рассмотрен на предстоящей конференции союзников в Париже. Грей вполне согласен на созыв этой конференции. Остается добиться согласия Соннино, к чему Бриан не преминет приложить дальнейшие усилия. В случае окончательного отказа со стороны Соннино, Бриан думает, что можно будет обойтись без Италии.

Извольский.

---

[1] Тел. от 22/9 янв. за № 26 Извольский известил Сазонова о приезде черног. королевы с семьей в Лион. Тел. от 23/10 янв. за № 32, сообщая об ожидающемся приезде в Лион короля Николая, он передал сделанное ему Ж. Камбоном заявление, что «король Николай избрал этот город, расположенный недалеко от швейцарской границы, без всякого уговора с французским правительством, и что обстоятельство это кажется ему несколько подозрительным». Камбон высказался за желательность «поселить короля и черногорское правительство где-нибудь поближе к Парижу».

[2] Опубл. Е. д. и Гр., стр. 64.

[3] В тел. от 21/8 янв. за № 19 (опубл. Е. д. и Гр., стр. 63) Извольский сообщал о возвращении из Лондона Бриана, выехавшего туда из Парижа 18/5 янв., и передал свою беседу с Ж. Камбоном по поводу результатов этой поездки, изложенных в публикуемом документе. Камбон, между прочим, сказал, что в разговоре с англичанами Бриан коснулся выдвинутого франц. морским м-вом предложения о занятии Крита, но «король Георг высказался против этого предложения, находя, что не следует слишком натягивать струну» (ср. стр. 16, прим. 4).

№ 44. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 34. 21/8 января 1916 г.

Срочно.

Копия в Париж.

В ответ на мое письмо Соннино сообщает мне, что он тотчас передал военному и морскому министрам ходатайство черногорцев о их переводе [1]. Он спрашивает себя, куда их перевозить, так как на этот счет нет пока данных [2]. Лично я полагал бы присоединить их эвакуацию к эвакуации сербов на Корфу. Необходимо было бы принять по этому поводу немедленно какое-либо решение [3].

Гирс.

№ 45. Посол в Токио министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 11. 21/8 января 1916 г.

№ 2 [4].

Une copie de ce télégramme a été communiquée à Pékin.

Le gouvernement japonais prétend que le fait que les cinq Puissances ont donné au président le conseil de remettre son programme concernant le rétablissement de la monarchie ne pourrait justifier la reconnais-

---

[1] Тел. за № 32, датированной, повидимому, по ошибке 22/9 янв., Гирс передал содержание полученной черног. ген. консулом в Риме от Миушковича телеграммы, что «король Николай отверг все условия Австрии» и просит, чтобы «ему и черногорцам был облегчен выезд из Черногории и посадка на суда на тех же условиях, как и сербам».

[2] Дополнительно тел. от того же числа за № 37 Гирс передал заявление Соннино, что «эвакуация черногорской армии будет производиться на тех же основаниях, как и сербской», и не будет задержана выяснением вопроса о месте, куда эту армию направить.

[3] Тел. от 22/9 янв. за № 133 Нератов предписал Извольскому и Бенкендорфу поддержать перед франц. и англ. прав-вами точку зрения Гирса. Извольский в тел. от 23/10 янв. за № 31 ответил, что франц. прав-во разделяет точку зрения Гирса и принимает все соответствующие меры, а тел. от 27/14 янв. за № 40 он сообщал, что еще 22/9 янв. начальник франц. воен. миссии в Сербии, полковник Фурье, передал Николаю черногорскому от имени франц. прав-ва предложение обеспечить эвакуацию черног. армии на Корфу и что король «с благодарностью принял это предложение». Об этом было сообщено итал. прав-ву через франц. посла в Риме. Тел. от 26/13 янв. за № 24 Бенкендорф сообщил, со слов Никольсона, что эвакуация черног. армии на Корфу решена.

[4] В первой тел. от 21/8 янв. за № 10 Малевский известил Сазонова, что он был в этот день приглашен япон. м-ром ин. дел, сообщившим ему решение япон. прав-ва по вопросу о кит. монархии, которое, по словам Малевского, было им «буквально» записано и передано в публикуемом документе.

sance de leur part du nouveau gouvernement chinois dès qu'il sera formel. Si le gouvernement chinois persiste dans son programme en dépit des troubles qui se sont produits à Jounnan [1] et les provinces voisines et en dépit du conseil des cinq Puissances il ne doit pas s'attendre à recevoir la reconnaissance des Puissances étrangères au moins ce qui concerne le gouvernement du Japon. Le ministre a lieu de croire que si nous tenons ferme dans cette attitude le gouvernement chinois finira par se conformer aux désirs des cinq Puissances. Par conséquences le gouvernement japonais invite instamment le gouvernement impérial de maintenir la même attitude dans la question de la monarchie [2].

Malevsky.

Перевод.

№ 2.

Копия этой телеграммы сообщена в Пекин.

Японское правительство полагает, что тот факт, что пять держав дали президенту совет отложить осуществление его программы о восстановлении монархии, не может служить основанием для признания ими нового китайского правительства, как скоро таковое будет образовано. Если, несмотря на волнения, происшедшие в Юнани и в соседних провинциях, и вопреки совету пяти держав, китайское правительство будет упорно настаивать на своей программе, оно не должно рассчитывать на признание иностранными державами, по крайней мере на признание японским правительством. Министр полагает, что если мы будем твердо стоять на этой позиции, то китайское правительство кончит тем, что будет сообразовываться с желанием пяти держав. Вследствие этого японское правительство настоятельно приглашает императорское правительство придерживаться аналогичной позиции в вопросе о монархии.

Малевский.

№ 46. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 35. 22/9 января 1916 г.

His Britannic Majesty's Government are anxiously considering the question of according recognition to the Chinese Monarchy which is very shortly to be proclaimed. The French Government having enquired the views of His Majesty's Government have been informed that it would seem desirable that the Representatives of the Allied Powers should

[1] См. т. IX, №№ 623, 746.

[2] Из тел. Ишии Мотоно от 21/8 янв. (расшифрованной и переведенной с японского в росс. м-ве ин. дел) явствует, что это решение япон. прав-ва Ишии сообщил также англ. и франц. послам в Токио.

discuss the question with the Japanese Government. It is important to consider the danger of our being forestalled by Germany and Austria as well as by Neutral Powers, and also the encouragement that would be given to revolutionnary and hostile elements in China to create further trouble if our recognition is withheld [1].

It is, however, important not to come to a final decision without consultation with the Japanese Government and without some agreement with them. Sir E. Grey is informing the Japanese Ambassador in London in this sense and suggesting the Representatives of the Allied Powers at Tokio should discuss the matter with the Japanese Minister for Foreign Affairs. The French and Italian Governments are being asked if they agree to this course and if they will issue instructions to their Ambassadors at Tokio in this sense [2]. If the Imperial Government also agree, the necessary instructions will be sent to Sir G. Greene. It would also be advisable that the Allied Representatives at Peking should be kept informed of the course of the discussions at Tokio, in order that they may be in a position to report upon the probable effect upon China of the decisions reached in Japan [3].

---

[1] В тел. от 5 февр./23 янв. (расшифрованной и переведенной с японского в росс. м-ве ин. дел) Мотоно передал в Токио тел. япон. посла в Лондоне о беседе его с англ. королем, который заявил, что если в Китае будет провозглашена монархия, то «Германия и Австрия, очевидно, ее признают, и Англия не может допустить, чтобы в вопросе о признании эти державы ее опередили». Япон. посол ответил, что в связи с решением кит. прав-ва отложить провозглашение монархии (см. прим. 3) вопрос о признании, по его мнению, «не будет поднят в настоящее время».

[2] В тел. от 22/9 янв. (расшифрованной и переведенной с японского в росс. м-ве ин. дел) советник япон. пос-ва в Париже Тацука передал Мотоно текст тел., отправленной им в Токио. В последней он излагал содержание своей беседы с Маржери, который высказывал опасение, что в случае если Германия и Австрия раньше держав Согласия признают монархию в Китае, то Юань Ши-кай «не побоится игнорировать» просьбу союзников об изгнании немцев и австрийцев. По словам Маржери, франц. прав-во, вполне разделяя мнение англ. прав-ва, что «вопрос о признании империи, а также и вопрос об изгнании немцев и австрийцев из Китая надлежит предварительно как следует обсудить с японским правительством», отправило соответствующую инструкцию франц. послу в Токио.

[3] В ответной пам. записке от 23/10 янв. Сазонов, ссылаясь на заявление япон. м-ра ин. дел (см. № 45), а также на сообщение кит. м-ра ин. дел росс. посланнику в Пекине, согласно которому Юань Ши-кай решил отложить провозглашение монархии (тел. Крупенского от 21/8 янв. за № 21), высказывал мнение, что предложенные англ. прав-вом объяснения в Токио не являются сейчас необходимыми.

Перевод.

Правительство его британского величества старательно изучает вопрос о признании державами китайской монархии, которая имеет быть провозглашена в ближайшее время. Французскому правительству, осведомившемуся о взглядах правительства его величества, было сообщено, что было бы желательно, чтобы представители союзных держав обсудили этот вопрос с японским правительством. Важно не упускать из виду ту опасность, что Германия и Австрия, как и нейтральные державы, могут нас опередить, а также тот факт, что революционные и враждебные элементы в Китае получили бы поощрение к созданию дальнейшей смуты, в случае если наше признание запоздает.

Однако важно не принимать окончательного решения, не посовещавшись с японским правительством и не придя к соглашению с ним. Сэр Э. Грей делает японскому послу в Лондоне сообщение в этом смысле и выдвигает мысль об обсуждении этого вопроса представителями союзных держав в Токио с японским министром иностранных дел. Французское и итальянское правительства были запрошены, согласны ли они на это и пошлют ли они своим послам в Токио инструкции в этом смысле. Если императорское правительство также согласно, необходимые инструкции будут посланы сэру Дж. Грину. Было бы также желательно, чтобы представители союзников в Пекине были осведомлены о ходе переговоров в Токио для того, чтобы они были в состоянии доносить о возможном впечатлении, которое произведут в Китае решения, принятые в Японии.

№ 47. Сообщение французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

22/9 января 1916 г.

Le président du conseil [1] a reçu hier la visite du ministre d'Autriche-Hongrie et du chargé d'affaires d'Allemagne. En même temps que cette démarche avait lieu à Bucarest, le chancelier allemand faisait appeler chez lui le ministre de Roumanie à Berlin.

Les représentants des Empires du centre ont fait à Mr. Bratiano les déclarations suivantes:

Le gouvernement allemand considère comme une mesure hostile à son égard la vente préparée en secret de 80 000 wagons de blé au gouvernement britannique [2]. Quant au gouvernement austro-hongrois, il estime que la candidature de deux sujets hongrois au parlement roumain constitue un acte d'hostilité [3]. Dans ces conditions, les deux gouver-

---

[1] Председатель совета м-ров Румынии — Братиану.

[2] См. № 23.

[3] В тел. от 19/6 янв. за № 5 Поклевский передавал Сазонову, что в румын. политических кругах «циркулируют преувеличенные, повидимому, слухи о неудовольствии Германии по поводу ... выставленной федеративной унией кандидатуры трансильванцев Лукача и Гоги на выборы в румынскую палату депутатов». «Опасаются, — добавлял Поклевский, — что Германия вскоре предъявит Румынии ультиматум».

nements alliés déclarent qu'il n'y aurait pas lieu de s'étonner s'ils modifiaient leur attitude envers la Roumanie.

Mr. Bratiano a répondu au chargé d'affaires d'Allemagne que, depuis le début de la guerre, le gouvernement roumain avait donné au gouvernement impérial assez de preuves de sa neutralité pour ne pas être accusé aujourd'hui d'en sortir par une opération qui ne touchait qu'aux intérêts économiques du pays; que le gouvernement impérial avait acheté récemment 50 000 wagons de céréales et qu'il demeurait libre d'en acheter encore s'il le voulait ou s'il le pouvait.

Au ministre d'Autriche le président du conseil a répondu que la constitution roumaine ne donnait pas au gouvernement le moyen d'empêcher un étranger de poser sa candidature, qu'il avait d'ailleurs fait tous ses efforts pour empêcher le succès de l'élection et que le gouvernement austro-hongrois ne saurait donc faire grief au gouvernement roumain d'un fait auquel il lui était impossible de s'opposer.

La nouvelle de ces interventions, immédiatement grossie, s'est promptement répandue en ville et depuis ce matin on ne parle que d'un «ultimatum».

Il est probable que, pour le moment du moins, la réponse de Mr. Bratiano et la décision de Mrs. Perlucaci et Goga de retirer leur candidature mettront fin à ce premier incident. Quoiqu'il en soit, il restera acquis que l'Allemagne qui a eu tout le temps d'amener des troupes et surtout des canons à longue portée sur la rive du Danube en face de la frontière roumaine élèvera peu à peu le ton et que Mr. Bratiano par ses hésitations et sa politique faite de crainte et de présomption a mis son pays en fort mauvaise posture. Malgré tous les avis qui lui ont été prodigués il a laissé ses adversaires se fortifier au sud et une attaque sur les deux fronts qu'il nous représentait toujours comme la cause de ses atermoiements pourrait aujourd'hui se prononcer dans des conditions autrement graves qu'il y a quelques mois. Le président du conseil en est donc pour le moment réduit à éviter toute cause de conflit [1].

Перевод.

Председателя совета [министров] посетили вчера австро-венгерский посланник и германский поверенный в делах. Одновременно с этим демаршем в Бухаресте, германский канцлер пригласил к себе румынского посланника в Берлине.

---

[1] В тел. от 23/10 янв. (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Барклай указывал Грею на серьезность положения в Румынии и отмечал необходимость для успокоения общественного мнения заверить румын. прав-во в том, что оно всецело может рассчитывать на вооруженную помощь союзников.

Представители центральных империй сделали г. Братиану следующие заявления:

Германское правительство считает секретно подготовленную продажу британскому правительству 80 000 вагонов хлеба враждебной по отношению к нему мерой. Что касается австро-венгерского правительства, то оно полагает, что кандидатура двух венгерских подданных в румынский парламент представляет собой враждебный акт. Оба союзные правительства заявляют, что при этих условиях не следует удивляться, если они изменят свою позицию по отношению к Румынии.

Г. Братиану ответил германскому поверенному в делах, что с начала войны румынское правительство дало императорскому правительству достаточно доказательств своего нейтралитета, чтобы не быть обвиненным сегодня в том, что оно нарушило его путем операции, касающейся только экономических интересов страны; что императорское правительство купило недавно 50 000 вагонов зерна и что ему предоставлена полная свобода купить его еще, если бы оно этого хотело или могло.

Австрийскому посланнику председатель совета ответил, что румынская конституция не дает правительству средств помешать иностранцу выставить свою кандидатуру, что оно к тому же приложило все свои усилия, чтобы помешать успеху выборов, и что австро-венгерское правительство не могло бы быть в претензии на румынское правительство за факт, помешать которому оно не имело возможности.

Сведения об этом выступлении, немедленно преувеличенные, распространились в городе, и с утра только и говорят об «ультиматуме».

Вполне вероятно, что ответ г. Братиану и решение гг. Перлукача и Гоги взять назад свои кандидатуры положат конец, по крайней мере на данный момент, этому первому инциденту. Что бы то ни было, остается доказанным, что Германия, которая имела достаточно времени, чтобы привезти свои войска и главным образом дальнобойные орудия на берег Дуная против румынской границы, будет постепенно повышать тон, и что г. Братиану своими колебаниями и своей политикой опасений и гипотез поставил свою страну в весьма тяжелое положение. Несмотря на все поданные ему советы, он дал возможность своим противникам укрепиться на юге, и нападение с двух фронтов, которое он выставлял всегда нам, как причину предлагавшихся им отсрочек, могло бы ныне произойти в условиях более серьезных, чем несколько месяцев тому назад. Таким образом, председателю совета в настоящее время приходится избегать всяких поводов к конфликту.

№ 48. Сообщение сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел.

22/9 января 1916 г.

Телеграмма председателя совета министров, министра иностранных дел г. Пашича, отправленная с острова Корфу [20] 7 и полученная [22] 9 января 1916 г.

Наш посланник в Драче сообщает нам, что комендант итальянских войск в Драче уведомил коменданта наших войск не отправлять

наши войска в Валону до тех пор, пока итальянцы не назначат времени отправки, которое должно согласоваться с временем прибытия пароходов в Валону. Все это свидетельствует, что итальянцы не желают пропускать наши войска в Валону, а рады отправить наши войска сухим путем через Албанию: Тепелени—Санти-Кваранта в Корфу. Таково же мнение и Эсад-паши, и в этом смысле говорит и Соннино.

Сообщите об этом императорскому правительству для сведения, что мы во всем этом деле о перевозке наших войск ничего не понимаем [1]. Цель перевозки наших 120 000 солдат вне Албании состояла в том, чтобы сохранить их от гибели. Если наши солдаты будут сухим путем отправлены через реку Шкумба, через день, по 2 000 человек в Санти-Кваранта, то тогда цели совершенно не достигнет. Если же будут усвоены способ и путь, которые теперь применяют итальянцы, то тогда наши войска не только не успеют в четырехмесячный срок дойти до Корфу, но с трудом дойдут 30% из всего числа этой армии.

Просите императорское правительство немедленно настоять самым энергичным образом, чтобы наши войска были перевезены по утвержденному плану, так как мы не можем смотреть, чтобы все наши войска, которые спасли себя от капитуляции и голода, пропадали от изнурения. Прошу немедленно сообщить мне, что вами сделано по этому вопросу [2].

№ 49. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 136. 22/9 января 1916 г.

Dans mémoire communiqué à l'ambassade britannique ministre finances exprime desiderata suivants:

1) Faculté affecter à nouvelles commandes sommes demeurées disponibles du chef du règlement de commandes anciennes;

2) Règlement par gouvernement anglais, sur crédits par lui ouverts au gouvernement russe, des commandes faites d'urgence au Japon et approuvées par commission Londres [3];

---

[1] Ср. стр. 16, прим. 4.

[2] Тел. от 23/10 янв. за № 156 Сазонов сообщал Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу: «Пашич сетует, что сведения о продовольствовании и перевозке сербских войск, сообщаемые нашим представителям в Париже и Риме, не соответствуют действительности». Сазонов предлагал приложить все усилия к быстрому вывозу из Албании серб. армии.

[3] См. т. IX, № 674.

3) Règlement sur les crédits en question des débours, d'importance restreinte, relatifs à des commandes militaires effectuées en d'autres pays.

Ministre appuie surtout question règlement commandes faites au Japon et indique que Russie ne dispose pas pour paiements à ce pays mêmes moyens qu'Angleterre. Tandis que stock d'or anglais a augmenté de 40%, stock russe seulement de $^1/_2$%. Russie a déjà remis à Angleterre 8 millions livres et doit remettre encore 40 millions. Dans ces conditions est difficile pour nous élever sorties d'or notre unique ressource étant production nationale d'or qui est seulement de 6 millions livres par an.

Ministre exprime espoir que gouvernement britannique voudra toujours considérer arrangement 30 septembre [1] non comme contrat commercial, mais comme accord passé pour conduire à succès armes contre ennemi commun. Prière appuyer ces conditions près gouvernement britannique.

Sazonow.

Перевод.

В меморандуме, переданном британскому посольству, министр финансов выражает следующие пожелания:

1) возможность обратить на оплату новых заказов суммы, оставшиеся свободными после уплаты по прежним заказам;

2) оплата английским правительством из кредитов, открытых им российскому правительству, заказов, размещенных в срочном порядке в Японии и одобренных лондонской комиссией;

3) оплата из кредитов, о которых идет речь, сравнительно небольших расходов, относящихся к военным заказам, размещенным в других странах.

Министр в особенности подчеркивает вопрос об оплате заказов, сделанных в Японии, и указывает, что для платежей этой стране Россия не располагает теми же средствами, как Англия. В то время как английский золотой запас увеличился на 40%, русский запас возрос лишь на $^1/_2$%. Россия уже передала Англии 8 миллионов фунтов и должна передать еще 40 миллионов. В этих условиях нам трудно повышать вывоз золота, так как нашим единственным ресурсом является внутренняя добыча золота, составляющая всего лишь 6 миллионов фунтов в год.

Министр выражает надежду, что британское правительство во всяком случае готово будет рассматривать соглашение от 30 сентября не как коммерческую сделку, а как соглашение, заключенное для достижения военного успеха против общего врага. Просьба поддержать эти условия перед британским правительством.

Сазонов.

---

[1] См. т. VIII, №№ 824, 834 и 835.

*

№ 50. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 150. 22/9 января 1916 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 5 [1].

В вашей телеграмме упоминается лишь о «циркулирующих, повидимому, преувеличенных слухах». Между тем два союзные посольства получили из Бухареста известия от 18/5 сего месяца о посещении Братиану австрийским и германским посланниками [2], указавшими ему на враждебный характер покупки англичанами румынского зерна и протестовавшими против выбора Лукача и Гоги в парламент. Посланники, будто бы, добавили, что подобным поведением румынского правительства центральные империи будут вынуждены изменить и свои отношения к нему. Братиану, якобы, ответил посланникам, что германцы подали англичанам пример покупки урожая, а также подтвердил возможность для австро-германцев приобретать зерно и впредь [3]. Относительно выборов в парламент министр сослался на отсутствие в конституции постановлений, запрещающих выбор иностранцев в народные представители.

Обращая ваше внимание на бо̀льшую полноту сообщений ваших коллег, прошу вас проверить вышеизложенное и вообще тщательнее доносить о ходе событий в Румынии, имеющих для нас особенное значение в данную минуту.

Сазонов.

№ 51. Министр иностранных дел председателю совета министров Горемыкину.

Письмо № 352/ДП [4]. 22/9 января 1916 г.
Секретно.

М. г. Иван Логгинович,

В середине декабря минувшего года французский посол сообщил мне памятную записку [5], в которой он передавал министру торговли

[1] См. стр. 47, прим. 3.

[2] См. № 47.

[3] 30/17 янв. тел. за № 28 Поклевский сообщал, что австро-германский синдикат «ведет с центральной здешней комиссией переговоры по покупке 100 000 вагонов зерна» и что «по заключении этой сделки в Румынии не останется больше пшеницы для вывоза, так как кабинет решил оставить 40% оной в стране для внутреннего употребления». Позднее, тел. от 9 марта/25 февр. за № 136, Поклевский известил Сазонова, что хотя второй контракт с синдикатом на покупку румынского зерна еще не подписан, но «обе стороны уже пришли к полному соглашению».

[4] Печатный оттиск.

[5] Указанная пам. записка франц. пос-ва в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Ср. приложение к публикуемому документу.

и промышленности приглашение правительства республики принять участие в предстоящем совместном обсуждении представителями союзных стран, имеющих отношение к войне, экономических вопросов.

В число этих вопросов французское правительство предполагало включить рассмотрение мер к пресечению торговли с неприятелем, регламентацию изъятий из действующих запрещений по вывозу товаров, изучение возможности освобождения нейтральных стран от всякой экономической зависимости от центральных империй и изучение средств для восстановления после войны нормальных экономических условий.

Приглашение это было передано мной гофмейстеру князю Шаховскому, который отнесся с полнейшим сочувствием к этому предположению французского правительства.

Так как, однако, тем временем французское посольство сообщило ряд подробных соображений [1], существенно разъясняющих выдвинутый им ранее проект, то сообщение ему какого-либо ответа по этому извещению министерства торговли было задержано.

По мнению французского правительства, настала пора соглашения между союзниками не только по экономическим делам, касающимся войны, но и по общим вопросам таможенной политики, долженствующим служить ответом на хозяйственное объединение центральных государств Европы, и повести к созданию экономического блока, к которому, можно надеяться, приступят Бельгия и Швейцария [2].

При этом правительство республики оговаривается, что проект его, конечно, ни в какой мере не имеет в виду вторгаться в область специальных национальных целей экономической политики каждого из союзников, не могущих не оставаться самодовлеющими.

Французский кабинет признает особенно важным, чтобы британское правительство, которое до сего времени не дало по настоящему поводу никакого отзыва, высказалось утвердительно об этих предположениях.

---

[1] Имеется в виду пам. записка франц. пос-ва от 18/5 янв., содержание которой изложено в дальнейших абзацах публикуемого документа.

[2] В тел. от 27/14 янв. за № 46 Извольский сообщал, что, согласно полученным росс. торговым агентом во Франции частным сведениям, на конференции «не предполагается обсуждать основания будущей таможенной политики союзников. В качестве мер к освобождению союзных и нейтральных стран от германской экономической зависимости намечается, например, образование союзных картелей крупных отраслей промышленности, устройство выставок образцов и т. д.».

Конечно, коренная приверженность экономической мысли Англии к понятию фритредерства заставляет эту страну относиться с большой осторожностью ко всяким подобным начинаниям.

Но происходящее изменение политических и экономических условий мирового товарообмена уже теперь отзывается на общественном мнении Англии, среди коего слышатся голоса о полезности и осуществимости экономического соглашения союзников на основе тарифных переговоров.

Наиболее ярким показателем подобных течений является недавняя резолюция, предложенная британским министром торговли и принятая палатой общин, в которой выражается пожелание, чтобы британское правительство без промедления согласилось с автономными колониями на предмет оказания последними всеми имеющимися в их распоряжении экономическими средствами всесторонней помощи общему с союзниками делу борьбы с врагом [1].

Французское правительство полагает, что в отзыве представителей английского народа и правительства надо видеть желание предпослать экономическому соглашению союзников хозяйственное объединение всех обширных частей Британской империи и что в интересах общего дела было бы, может быть, дать понять британскому правительству, что всякое его начинание в этом направлении будет полностью поддержано союзниками.

В заключение обязуюсь отметить, что своевременность подобных выступлений явствует хотя бы из поставленного на обсуждение ближайшего съезда союза торговых палат Соединенного королевства вопроса о принятии мер против вторжения германского производства после войны и о выработке вообще между союзниками общего плана торговой политики.

О сделанных французским правительством предложениях я почел долгом донести его императорскому величеству.

Государю императору благоугодно было повелеть обсудить настоящее дело в совете министров.

Во исполнение таковой монаршей воли имею честь представить вышеизложенное на уважение совета министров, покорнейше прося об имеющем последовать с его стороны решении не отказать уведомить.

Примите и пр.

Сазонов.

---

[1] Резолюция эта обсуждалась и была принята палатой общин на заседаниях 23/10 дек. 1915 г. и 10 янв. 1916 г./28 дек. 1915 г.

Приложение.

Записка министра торговли и промышленности в совет министров.

№ 548 [1]. 22/9 декабря 1915 г.
Секретно.

О совещании по вопросам торгово-промышленной политики.

Великая современная война, в которой принимает участие большинство европейских государств, вызвала нарушение экономического уклада их жизни и в будущем, бесспорно, может обусловить полное видоизменение как экономических соотношений между ними, так и экономического строя каждой из воюющих стран в отдельности.

Невозможно, конечно, предуказать, как должна сложиться и действительно сложится в будущем, по окончании войны, наша экономическая политика, но война, продолжающаяся без малого почти $1^1/_2$ года, уже дала много материалов, которые в состоянии послужить если не для принятия того или иного решения вопроса, то во всяком случае для изыскания по крайней мере такой экономической программы, которая признавалась бы наиболее соответствующей нуждам и пользе страны и была бы выработана вне зависимости от результатов исхода войны. Если господу угодно будет благословить успехи русского оружия, помянутая программа могла бы быть положена в основу нашей будущей торгово-промышленной политики; при иных обстоятельствах она, во всяком случае, предоставит материал для избрания в необходимый момент того или иного наиболее для нас выгодного решения вопроса применительно к помянутым обстоятельствам [2].

Нет надобности останавливаться на том, какую чрезвычайную государственную важность представляет собой затронутый вопрос. Достаточно в этом отношении сделать указание на то, что Германия, вызвавшая и начавшая всемирную войну, преследует, как это казалось бы выяснилось уже с достаточной ясностью, не столько, повидимому, завоевательные цели, сколько задачи экономического порабощения себе народов. Отмеченная важность и сложность вопроса требует

[1] Эта записка была препровождена м-ром торговли и промышленности Шаховским Горемыкину при письме от 22/9 дек. 1915 г. за № 549, в котором он просил обсудить затронутый в ней вопрос на одном из ближайших заседаний совета м-ров.

[2] В оригинале слова: «при иных... помянутым обстоятельствам» поставлены в скобки и зачеркнуты.

всестороннего его освещения в особом коллегиальном компетентном учреждении. Ближайшими задачами этого совещательного учреждения могло бы служить выяснение следующих основных вопросов:

а) желательное направление нашей внешней торговой политики в будущем (в частности — природа будущих торговых наших договоров);

б) направление внутренней торгово-промышленной политики, в видах развития производительных сил страны (в частности — приспособление мобилизованной для нужд войны промышленности к задачам мирного времени; использование иностранных капиталов в целях развития нашей промышленности; насаждение новых отраслей производства; ограничение правительственных заказов за границей и пр.);

в) насаждение и укрепление нашей торговли на внешних рынках.

Перечисленные вопросы, составляющие предмет преимущественной компетенции ведомства торговли и промышленности, затрагивают бесспорно интересы и других министерств, почему обсуждение этих вопросов и может с большой полнотой и пользой для дела производиться в особом совещании в составе представителей всех заинтересованных правительственных учреждений, а также и торгово-промышленных наших организаций.

При этом представлялось бы чрезвычайно важным, чтобы в совещании приняли участие члены Государственного совета и Государственной думы, ввиду того глубокого интереса, который законодательные учреждения уделяют вообще экономическим вопросам.

Необходимость в проектируемом совещании выяснилась на практике уже во многих случаях.

Так, по поручению министра торговли и промышленности, был подвергнут при вверенном ему ведомстве разработке вопрос, относящийся к п. 1 приведенной выше программы, именно: вопрос об основаниях, на базе коих должны бы быть заключены наши будущие торговые договоры. По сему предмету уже составлена необходимая подробная справка, приводящая к следующим в высшей степени важным заключениям:

а) наш новый ныне вырабатываемый таможенный тариф должен быть автономным (т. е. таким, чтобы возможность изменения его ставок не стеснялась постановлениями торговых соглашений);

б) будущие торговые договоры должны быть заключены на базе наибольшего благоприятствования, без каких бы то ни было конвен-

ционных понижений пошлин нашего таможенного тарифа или закрепления его ставок против повышения их;

в) применение в деле торговых трактатов системы взаимства (do ut des) для нас неприемлемо;

г) заключение нами в настоящее время таких торговых соглашений, которые в будущем в чем-либо могли ограничить свободу нашей экономической политики, крайне нежелательно, и

д) вступление наше в какие-либо таможенные союзы для нас было бы не рационально.

Войдя в рассмотрение приведенных выводов помянутой справки по существу, министр торговли и промышленности затруднился без всестороннего обсуждения ее в таком коллегиальном учреждении, которое обеспечивало бы полноту освещения дела, представить свои предположения по затронутым в справке вопросам в совет министров.

Между тем, ведомство торговли и промышленности, заканчивающее пересмотр таможенного тарифа, нуждается ныне в руководящих указаниях со стороны совета министров — в отношении той формы, которая должна быть придана новому тарифу, т. е. в отношении того, а) должен ли он быть автономным, б) или двойным (с максимальными и минимальными ставками), в) или, наконец, тарифом, из которого предполагается допускать при заключении договоров конвенционные понижения ставок.

Обращаясь за сим к составу проектируемого, под наименованием «Совещания по вопросам торгово-промышленной политики», учреждения, министр торговли и промышленности полагает, что в него, под председательством министра торговли и промышленности, должны входить: 1) по четыре члена от Государственного совета и Государственной думы — по приглашению председателя совета министров, 2) представители от министерств торговли и промышленности, земледелия и финансов, по три от каждого, назначаемые подлежащими министрами, 3) представители министерств: внутренних дел, путей сообщения, иностранных дел, военного и морского, по одному от каждого ведомства, назначаемые главными начальниками подлежащих ведомств, и 4) представители от торгово-промышленных организаций, научно-технического труда и научно-экономических знаний по приглашению министра торговли и промышленности, а также и другие лица, участие коих министром будет признано полезным; на случай болезни или отсутствия министра торговли и промышленности министром избирается, для председательствования в совещании, один из членов совещания. Заведывание делопроизводством совещания должно быть

возложено, для успешного хода работ, на особое ответственное за дело лицо, по назначению министра торговли и промышленности, из числа высших должностных лиц ведомства с прикомандированием к нему необходимого числа помощников.

О вышеизложенном министр торговли и промышленности имеет честь представить на уважение совета министров.

Министр торговли и промышленности кн. Шаховской.

Член совета министра Ланговой.

№ 52. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 9. 22/9 января 1916 г.[1]

Briand avec les ministres de la marine et des travaux publics français arrivés hier[1] ont assisté à deux séances du Conseil de guerre. Hier au dîner offert aux ministres français Grey m'a dit sommairement ce dont il a été question: changement de méthode avec Grèce — y mettre pourtant le plus de modération et d'égards possible, activer le plus possible concentration à Corfou troupes serbes en vue leur ravitaillement, réarmement et emploi ultérieur. Action sur gouvernement italien pour tenter obtenir contingent italien à Salonique par instructions générales aux ambassadeurs à Rome mais sans démarche directe nouvelle; persuader si possible Sonnino lever ses objections à réunion ambassadeurs à Paris. Question du tonnage et des transports de toute nature a été soumise à étude spéciale, comme devenue de première importance. Il a été résolu sur proposition française que gouvernement anglais centralise à Londres et prenne direction de tous les transports. Le gouvernement anglais a accepté cette proposition[2].

Benckendorff.

[1] Черновой отпуск публикуемой тел., хранящийся в делах б. росс. пос-ва в Лондоне, датирован 20/7 янв.

[2] См. № 43.

[3] Дополнительно тел. от 22/9 янв. за № 10 Бенкендорф сообщил, что в конце заседания Бриан задал Китченеру вопрос, считает ли он возможным переход к наступательным действиям в Салониках в связи с посылкой туда новой франц. дивизии. Китченер ответил, что в настоящий момент он не может значительно увеличить находящиеся там англ. силы и потому придает этой экспедиции оборонительный характер, но что «в будущем, если это позволит военная обстановка, позиция нейтральных и содействие сербского отряда, он отнюдь не исключает возможность превращения этой операции из оборонительной в наступательную».

Перевод.

Бриан вместе с французскими морским министром и министром общественных работ прибыли вчера и присутствовали на двух заседаниях военного совета. Вчера на обеде, данном в честь французских министров, Грей сказал мне в общих чертах, о чем шла речь: изменить образ действий по отношению к Греции — действовать, однако, там необходимо осторожно и по возможности щадя самолюбие; ускорить, насколько возможно, дело сосредоточения сербских войск на Корфу в целях их снабжения, перевооружения и дальнейшего использования. Попытаться получить итальянский контингент для Салоник и с этой целью воздействовать на итальянское правительство, снабдив общими инструкциями послов в Риме, но не предпринимая непосредственно новых шагов; убедить, если возможно, Соннино снять его возражения против совещания послов в Париже. Вопрос о тоннаже и о перевозочных средствах всякого рода, как получивший первостепенное значение, был подвергнут специальному изучению. По предложению французов было решено, что английское правительство сосредоточит в Лондоне и возьмет на себя руководство всеми перевозками. Английское правительство приняло это предложение.

Бенкендорф.

№ 53. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 25. 22/9 января 1916 г.[1]

Копии в Лондон и Рим.

Французский консул на Корфу телеграфирует, что туда прибыли Пашич и некоторые сербские министры и чиновники. Королевич Александр еще не прибыл. Консул указал Пашичу, по поручению Бриана, на неудобства пребывания сербского правительства на острове и передал ему еще раз приглашение поселиться на юге Франции в городе Экс, где все приготовлено для его приема[2]. Пашич ответил, что он считает безусловно необходимым пребывание сербского правительства там, где сосредоточено сербское войско, которое находится в крайне удрученном нравственном состоянии и может окончательно притти в отчаяние, если почувствует себя покинутым политическими вождями сербской армии. Он опасался бы также предоставить войска влиянию либеральной партии. Сам Пашич намерен вскоре прибыть в Париж.

Извольский.

---

[1] Оригинал ошибочно датирован 1915 г.

[2] Еще ранее, тел. от 14/1 янв. за № 3, Извольский сообщил, что франц. прав-во, получив сведения о намерении серб. прав-ва отказаться от предложения Франции поселиться в городе Экс и о желании его направиться на Корфу, поручило своему посланнику настоять перед Пашичем на первоначальной комбинации.

№ 54. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 35. 22/9 января 1916 г.

Копия в Париж.

Ваша телеграмма № 62 получена [1].

Объяснился сегодня по ее содержанию с Соннино. Он повторил мне, что ему не выяснили тех вопросов, которыми должна заняться конференция. Правительство не может дать общих политических полномочий. Если же представители должны будут все же испрашивать указания своих правительств, то послы имеют достаточно прав для обсуждения и обмена мнений по всем вопросам, не нуждаясь в новых полномочиях. Такие полномочия, дающие послам право окончательного решения, он понимает лишь по точно определенным политическим вопросам. На мой вопрос, дал (бы) ли он полномочия на обсуждение в Париже, например, положения, создаваемого Черногорией, он ответил, что понял бы такое предложение. По мнению моему, скудность действий высшей международной комиссии по военным вопросам вселяет здесь недоверие к целесообразности нового международного учреждения. Полагаю, что побороть это отношение возможно было бы, может быть, созывом конференции сперва лишь для какого-либо определенного вопроса. Успешность решения его дала бы, может быть, способ продолжить деятельность конференции [2].

Гирс.

№ 55. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 9. 22/9 января 1916 г.

Греческий посланник в Софии сообщает, что германский главный штаб, заведующий военными операциями на Балканах, будет пребывать в Софии, куда прибыло человек сто немецких офицеров. Выбор болгарской столицы для местопребывания германского штаба, быть может, не чужд соображений недоверия к балканской союзнице.

Демидов.

---

[1] См. № 26.

[2] В тот же день тел. за № 29 (опубл. Е. д. и Гр., стр. 64) Извольский сообщил о посланном Барреру предписании еще раз настоять перед Соннино на участии Италии в союзной конференции и позондировать почву насчет приезда Бриана в Рим для решения этого вопроса (ср. стр. 106, прим. 5). Тел. от 23/10 янв. за № 47 Гирс сообщал, что в беседе с Баррером Соннино заявил, что в Италии будут очень рады приезду Бриана. Со своей стороны, Бенкендорф высказывал предположение, что позиция Соннино в этом вопросе вызвана его личными отношениями с Титтони, который «является доверенным лицом скорее Саландры, чем Соннино» (тел. от 22/9 янв. за № 8).

№ 56. Поверенный в делах в Афинах товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 15. 22/9 января 1916 г.

Копия в Салоники.

Ссылаюсь на телеграмму Каля № 2 [1].

Французский посланник, сообщая мне телеграмму адмирала Робека о выраженном последним желании высадки русских моряков с «Аскольда» на Афоне, осведомился, как отнесется к этому императорское правительство. Основываясь на телеграмме посланника № 701 [2], я позволил себе высказать мнение, что императорское правительство, вероятно, не будет иметь возражений против этого. С своей стороны, полагал бы желательным, опасаясь возможности захвата греческими властями монастырских имений, лежащих вне Святой горы, одновременное их занятие союзными отрядами. Означенное соображение принято к сведению французским посланником. Французский представитель предпочитает оставить на месте греческие власти, за исключением воинских частей. Для улажения могущих возникнуть между монахами и десантом недоразумений можно было бы командировать на Афон чиновника министерства иностранных дел, придав ему характер переводчика при союзном отряде. Прошу указаний [3].

Икскуль.

---

[1] В тел. от 21/8 янв. за № 2 ген. консул в Салониках Каль сообщил о полученных им от командира крейсера «Аскольд» и начальника англ. отряда сведениях о «предполагаемом на-днях занятии англо-французскими войсками Халкедонского полуострова, причем главным образом французы высадятся в Кассандре, 150 англичан займут Лангос и Афон. На последнем будут высажены также 24 матроса с крейсера «Аскольд» при 2 офицерах». Далее Каль сообщал, что предполагается удалить все греч. полицейские, таможенные и почтовые власти и провозгласить на Афоне полную церковную автономию под протекторатом союзных держав.

[2] В тел. от 2 янв. 1916 г./20 дек. 1915 г. за № 701 Демидов, сообщая о приезде в Афины депутации с Афона, выражавшей опасение о возможности наступления на Афон германцев и болгар, высказывался за желательность, чтобы «крейсер «Аскольд» показывался иногда около Афона» и чтобы был послан небольшой союзный отряд на перешеек полуострова.

[3] Тел. от 23/10 янв. за № 16 Икскуль сообщил, что франц. посланник предлагает своему прав-ву поднять перед союзными кабинетами вопрос о совместном заявлении греч. прав-ву по поводу предполагаемого десанта. Икскуль же высказывался за то, чтобы поставить Грецию перед совершившимся фактом.

Ссылаясь на эту тел. Икскуля, Бенкендорф тел. от 24/11 янв. за № 20 сообщил со слов Никольсона, что последний ничего не знает о предполагаемом занятии Кассандры и Лангоса, что речь шла только о занятии Афонской горы, но англ. прав-во не дало на это согласия. По словам Никольсона, на основании соглашения с Брианом ни один пункт греч. территории не может быть занят без предварительного обсуждения обоими прав-вами

№ 57. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 16. 23/10 января 1916 г.

Получил вашу телеграмму № 6501 [1].

Английскому послу в Токио предписано, в согласии с вашим взглядом о недостаточности предлагаемых Японией мер против германцев в Китае, устно указать барону Ишии на недостаточность этих мер и па желательность вновь обсудить их с послами союзных держав в связи с русским и французским представлениями. Что касается расторжения консорциума — соглашение 1913 года о займе у пятерной группы есть фактически договор китайского правительства с пятью иностранными банками, и союзные правительства поэтому не могут, по мнению великобританского правительства, изменять теперь соглашений, заключенных до войны. Министр иностранных дел полагает, что опасность каких-либо выгод для Германии от дальнейшего существования консорциума устранена тем, что группа четырех союзников решила не вести таких новых предприятий, в которых могла бы участвовать немецкая группа, и китайское правительство осведомлено об этом решении. Поднимать теперь вопрос о расторжении консорциума значило бы, по мнению Грея, излишне осложнять трудные задачи наши на Дальнем Востоке.

Бенкендорф.

№ 58. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 40. 23/10 января 1916 г.
Лично. Весьма доверительно.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 35 [2].

Воззрения Соннино, помимо принципиальной точки зрения, основываются отчасти и на убеждении, что Франция добивается постоянной политической комиссии в Париже более по парламентским соображениям, а не для пользы дела, «для фасада» — как он сказал мне в весьма доверительной частной беседе. Он указывает в подтверждение на бездействие военной комиссии, которая, по объяснениям Жилинского, даже и не существует, чем, конечно, воспользуется Соннино, так как французы доказывают ему, что военная координация уже установлена. По понятиям Соннино, военная комиссия должна заседать не постоянно, а съезжаться по первой надобности. Ввиду

[1] См. т. IX, № 676.

[2] В оригинале, очевидно, ошибка: тел. за № 35 адресована Гулькевичем в Каир.

этого полагаю, что французам следовало бы приступить к вопросу с практической стороны, выдвинув сперва хоть один политический вопрос, подлежащий немедленному общему обсуждению. Вообще их образ действий по отношению к Италии оскорбляет здесь самолюбие и возбуждает обвинения, что Франция стремится для вида играть роль Германии.

Гирс.

№ 59. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 13. 23/10 января 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Получил вашу телеграмму № 34 [1].

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 4 [2].

По поручению посланника сделал наравне с представителями держав Согласия заявление Скулудису касательно протеста по поводу Корфу. Согласно выработанной на основании инструкции французскому посланнику формулы, заявление содержит 4 пункта: 1) Использование Грецией для военных операций острова Корфу в 1897 и 1912 годах. 2) Нарушение нейтралитета Корфу австро-германцами. 3) Заявление Греции державам о благожелательном нейтралитете и обещание не разоружать союзников-сербов. 4) Санитарное состояние сербской армии. Не распространяясь относительно пунктов 2, 3 и 4, Скулудис, возражая на мое замечание об использовании Корфу Грецией в 1897 и 1912 годах для военных операций, спросил меня, считают ли державы, подписавшие Лондонский трактат 1864 года [3], подобное действие нарушением нейтралитета острова. Я в свою очередь спросил Скулудиса, протестовали ли державы в обоих упомянутых случаях. Скулудис возразил, что нет. «Тогда и Греция могла бы воздержаться от своего протеста», заметил я. Скулудис возразил, что это не есть определение и ответ, каковой он желал бы иметь. В заключение Скулудис сказал, что страна, которая не может «материально» противиться насилию, принуждена хотя бы в подобной форме выражать свое неудовольствие и что она и впредь будет поступать также.

Икскуль.

---

[1] См. стр. 15, прим. 2.

[2] См. № 19.

[3] Имеется в виду лондонский договор от 24/12 марта 1864 г. о присоединении Ионических островов к Греции, подписанный Францией, Англией, Россией и Грецией. Ст. 2 договора, так же как и договор 14/2 ноября 1863 г. (см. т. IX, стр. 749, прим. 2), устанавливала нейтралитет острова Корфу.

№ 60. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 17. 23/10 января 1916 г.

Срочная.

Прошу срочных указаний.

Король в появившемся сегодня в газетах интервью [13 января] 31 декабря с корреспондентом «Associated Press», выражаясь весьма резко о действиях союзников в Греции, заявил, между прочим, что «союзники хотят, чтобы Греция оставалась мобилизованной. Они продолжают думать, что им удастся убедить нас присоединиться к ним. Они очень ошибаются» [1]. На совещании союзных посланников единогласно постановлено обратиться к своим правительствам, дабы выступить с официальным опровержением, указывая, что державы отнюдь не настаивают на продолжении мобилизации. По мнению посланников, это было бы целесообразным ввиду возрастающего здесь недовольства и обвинений против держав, вызвавших эту мобилизацию. Редакция и форма заявления будет выработана представителями по получении указаний [2].

Икскуль.

№ 61. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 14 [3]. 23/10 января 1916 г.

Лично. Весьма доверительно.

Я воспользовался возвращением Братиану из деревни, чтобы сегодня, [22] 9 января, расспросить его о степени достоверности распространяемых в здешних политических кругах слухов о неудовольствии Германии поведением Румынии и об ожидаемом со стороны австрогерманцев давлении на последнюю с целью выяснения ее отношений к воюющим державам [4]. Братиану ответил, что в Берлине, действи-

---

[1] Тел. от 23/10 янв. за № 30 Извольский сообщил, что в парижской печати появилось «пространное официозное сообщение, энергично опровергающее заявление короля». По словам Камбона, франц. прав-во решило этим ограничиться и не предпринимать никаких шагов в Афинах по этому поводу.

[2] Текст сообщения греч. печати был выработан посланниками на совещании 26/13 янв., причем, по словам Демидова, «сообщению был придан возможно меньший оттенок возражения на слова короля» (тел. от 27/14 янв. за № 29).

[3] Опубл. Ц. Р., стр. 207.

[4] См. № 47.

тельно, очень раздражены продажей румынской пшеницы англичанам и кандидатурой Лукача и Гоги в румынский парламент и что положение вообще следует считать серьезным. Он, однако, не отдает себе еще ясно отчета в том, является ли нынешнее настроение Берлина лишь временным выражением неудовольствия, или предлогом, чтобы, пользуясь нынешней весьма благоприятной для Германии обстановкой на Балканском полуострове, предъявить Румынии в ультимативной форме требования вроде демобилизации армии или перемены правительства. Если окажется верным первое предположение, то тогда отношения между Румынией и Германией могут вновь временно наладиться, так как румынское правительство, сознавая, насколько нынешний момент неблагоприятен для активного выступления Румынии, постарается усыпить подозрения Германии и будет готово даже пойти на некоторые уступки в области экономической, например, в вопросе дальнейшей покупки немцами части румынского урожая. Если же верно второе предположение, что как бы подтверждается некоторым усилением германских войск на румыно-болгарской границе, то, несмотря на всю трудность положения, Братиану решил воспротивиться германским требованиям, и он надеется, что ему удастся остаться хозяином положения в Румынии и привести это решение в исполнение [1]. Я заметил, что серьезность нынешнего положения указывает на крайнюю необходимость немедленного обмена мнений между нашим и румынским штабами с целью согласования будущих военных действий. Братиану с этим вполне согласился и сказал, что он ожидает приезда сюда нашего нового военного агента, дабы вступить с ним в обмен мнений по этому вопросу [2]. Он добавил, что румынская граница со стороны Австро-Венгрии и Болгарии столь длинна, что одна румынская армия не может успешно ее защищать, а поэтому он просил меня точно выяснить, на случай вторжения неприятельской армии в Румынию, во сколько дней и сколько войск мы могли бы сосредоточить на нашей границе с Румынией с тем, чтобы эти войска могли затем помочь Румынии отразить неприятельское нападение с юга. Братиану считает последнее особенно опасным ввиду того, что Бухарест находится всего в шестидесяти километрах от Ду-

---

[1] В тел. от 22/9 янв. за № 31 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Фашиотти, со своей стороны, извещал Соннино о решении Братиану воспротивиться ультимативным требованиям Германии.

[2] Тел. от 11 янв. 1916 г./29 дек. 1915 г. за № 6613 Савонов извещал Поклевского о назначении военным агентом в Румынии полковника Татаринова вместо полковника Семенова.

ная. Выехавший в кратковременный отпуск здешний германский посланник возвращается в Бухарест [23] 10 января, до истечения срока своего отпуска [1].

Поклевский.

№ 62. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу и Бьюкенену.

24/11 января 1916 г.

Mr. Bratiano a dit confidentiellement au ministre de Russie qu'il appréhendait une démarche ultimative de l'Allemagne [2]. Cette démarche pourrait avoir trait tant à la démobilisation de l'armée roumaine qu'à un changement de ministère. Dans le premier cas Mr. Bratiano espère endormir les soupçons du Cabinet de Berlin en satisfaisant une partie des demandes de ce dernier, ainsi qu'en lui facilitant la continuation d'achats de grains en Roumanie. Dans le deuxième cas, Mr. Bratiano serait décidé à s'opposer catégoriquement aux demandes allemandes. Mr. Bratiano croit dans cette éventualité pouvoir rester maître de la situation. Pour raffermir Mr. Bratiano dans cette dernière disposition, Mr. Sazonow croit nécessaire que les Alliés prennent toutes les mesures pouvant faire croire aux ennemis qu'ils s'apprêtent de passer à l'offensive en Macédoine. Il serait surtout désirable d'expédier à Salonique les troupes dont les Alliés pourraient se passer sur d'autres fronts d'y diriger l'armée serbe à mesure qu'elle serait réorganisée, etc. Une pareille menace empêcherait sans aucun doute les austro-bulgares de concentrer leurs forces contre la Roumanie dans la région du Danube [3].

Перевод.

Г. Братиану сказал доверительно российскому посланнику, что он опасается ультимативного демарша Германии. Это выступление может касаться как демо-

---

[1] Ссылаясь на публикуемую тел. Поклевского, Сазонов 24/11 янв. за № 167 телеграфировал Алексееву о необходимости выяснить, «во сколько дней и сколько войск мы могли бы сосредоточить на нашей границе в помощь Румынии». «Необходимо, — подчеркивал Сазонов, — во что бы то ни стало убедить его [Братиану] в нашем решении и возможности для нас защитить Румынию».

[2] См. № 61.

[3] Тел. от 1 февр./19 янв. за № 44 Бенкендорф сообщил Сазонову со слов Никольсона, что вопрос о наступлении на салоникском фронте обсуждается совместно с франц. военным командованием и что «ответ будет передан через военного министра генералу Алексееву».

билизации румынской армии, так и смены министерства. В первом случае г. Братиану думает усыпить подозрения берлинского кабинета, удовлетворив часть требований последнего и облегчив ему дальнейшие закупки зерна в Румынии. Во втором случае г. Братиану был бы склонен категорически воспротивиться германским требованиям. Г. Братиану полагает, что в этом случае он сможет остаться хозяином положения. Чтобы еще более укрепить г. Братиану в этом последнем решении, г. Сазонов считает необходимым, чтобы союзники приняли все меры, которые могли бы заставить неприятеля поверить, что они готовятся перейти в наступление в Македонии. Особенно было бы желательно отправить в Салоники войска, без которых союзники могли бы обойтись на других фронтах, направить туда сербскую армию по мере ее реорганизации и т. д. Такого рода угроза несомненно помешала бы австро-болгарам сосредоточить свои силы против Румынии в районе Дуная.

№ 63. Министр иностранных дел послу в Риме Гирсу.

*/. Телеграмма № 165. 24/11 января 1916 г.

Сообщается в Париж.

Ваши телеграммы №№ 35[1] и 40[2] получены.

Считаю желательным, чтобы вы старались, по возможности, сглаживать возникающие между Италией и Францией трения, могущие весьма вредно отразиться на общем деле союзников. Нападки французской печати и общественного мнения на Италию[3] вполне оправдываются образом действий последней, встречающим осуждение и в России. Как только Италия, наконец, отрешится от преследования исключительно своих личных целей и примет более деятельное участие в общем деле, несомненно, повсюду произойдет поворот в ее пользу. В вопросе о предположенных совещаниях в Париже, в случае дальнейшего отказа Соннино, России, Франции и Англии придется, вероятно, обойтись без итальянского представителя.

Сазонов.

---

[1] См. № 54.

[2] См. № 58.

[3] Тел. от 18/5 янв. за № 7 Демидов передал высказанное ему итал. посланником в Афинах недовольство по поводу кампании франц. печати, «обвиняющей Италию в упущениях по снабжению сербов и обороне Черногории». Демидов заканчивал свою тел. следующими словами: «Сознавая ошибки итальянской политики, но опасаясь чувствительности итальянского общественного мнения перед французской заносчивостью, итальянский посланник настойчиво говорил мне о желательности, чтобы союзники в общих интересах высказали (относительно) бо́льшую взаимную терпимость».

*

№ 64. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме — Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу.

Телеграмма № 185. 24/11 января 1916 г.

После падения Антивари и Дульциньо положение сербской армии становится с часу на час более отчаянным. Союзники должны напрячь все силы, дабы использовать возможные средства спасения умирающих с голоду отрядов, рискующих ежеминутно сделаться жертвой австрийцев. Гибель сербской армии будет не только ударом, нанесенным общему делу, но и окончательно подорвет наше обаяние среди сербских племен.

Прошу вас по предмету этой телеграммы предпринять соответствующие шаги и ответить по телеграфу [1].

Сазонов.

№ 65. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме — Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу.

Телеграмма № 186 [2]. 24/11 января 1916 г.

Ссылаюсь на телеграмму Поклевского № 14 [3].

Положение в Румынии становится столь серьезным, что необходимо безотлагательно принять меры к успокоению Братиану относительно могущей угрожать Румынии со стороны Болгарии опасности. Поэтому нужна угроза Болгарии с юга в виде самых широких приготовлений к переходу в наступление. Необходимо направить в Салоники все силы, которые без прямого ущерба производящимся

---

[1] На следующий день тел. за № 211 Сазонов передал в Париж, Лондон и Рим содержание полученной от Пашича тел., в которой последний, сообщая, что австр. войска вступили в соприкосновение с сербскими, просил об оказании немедленной помощи по спасению первого сербского корпуса в 18 000 чел., находящегося близ Медуи. В ответ на это Бенкендорф тел. от 27/14 янв. за № 28 сообщил, что он возобновил свои настояния перед Никольсоном и что оценка непонятного поведения Италии становится в Англии все более и более суровой. Со своей стороны, Извольский тел. от 26/13 янв. за № 34 ответил, что он тоже ежедневно настаивает на вывозе серб. армии из Албании и что, по имеющимся в Париже сведениям, «из Медуи, повидимому, вывезено (все), ибо итальянцы сообщили, что туда пришел последний транспорт, который заберет всю артиллерию. Французский адмирал Дартиж, бывший сам в Медуе, Дураццо и Валоне, находит совершенно невозможным направить сербов мимо Валоны в Санти-Кваранта, ибо они будут обречены на верную смерть от истощения. Генерал Жоффр послал генералу Кадорна телеграмму, настаивающую на том, чтобы сербы были эвакуированы сухим путем не далее Валоны».

[2] Опубл. Ц. Р., стр. 208.

[3] См. № 61.

на других фронтах операциям могли бы быть отвлечены с последних. По мере восстановления сербской армии желательно направлять и се к усилению находящихся в Солуни отрядов. Нужно, чтобы наши враги прониклись убеждением, что союзники не намереваются ограничиться самообороной на болгарской границе. Только такое убеждение помешает им усилить нажим на Румынию и позволит последней остаться на стороне держав Согласия. Благоволите приложить все старания к достижению указанной выше цели [1].

Сазонов.

№ 66. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 56. 24/11 января 1916 г.

Копия в Париж.

Сейчас посетил меня Миушкович. Он высказал следующее: Ловченский отряд генерала Мартиновича под влиянием голода, холода, нравственного потрясения и ложного предположения, что между Черногорией и Австрией состоялось уже тайное соглашение, почти не дрался и оставил позиции [2]. Миушкович просил тогда перемирия. Австрийцы потребовали обезоружения черногорской армии и выдачу сербской, заявляя, что они прекратят военные действия лишь по исполнении этого требования. Миушкович просил тогда мира для выигрыша времени. На мой вопрос ответить мне категорически, прекращены ли все переговоры с неприятелем, он дал самые утвердительные заверения и прочел мне телеграмму, посланную королем Николаем из Бриндизи генералу Вукотичу. Я просил дать мне копию телеграммы, перевод которой передаю в следующей телеграмме [3]. Князь Мирко и

---

[1] В ответной тел. от 26/13 янв. за № 25 Бенкендорф сообщил, что он передал содержание публикуемой тел. Грею, который сказал, что так как вопрос по преимуществу военный, то он не может немедленно дать ответ, а сообщит об этом Китченеру. Грей добавил, что необходимо обсудить этот вопрос с франц. и итал. прав-вами.

[2] См. стр. 38, прим. 3.

[3] Тел. от того же числа за № 57 Гирс передал текст указанной тел.: «Снова приказываю давать энергичный отпор неприятелю. В случае отступления, следуйте путем сербской армии, подлежащие власти которой об этом осведомлены. Продовольствие будете получать в Медуе и дальше. Князь Мирко, вы и оставшиеся министры не смеете ни с кем вести никаких переговоров. Франция окажет нашей отступающей армии во всем помощь, так же как и сербской. Князь Мирко и оставшиеся министры ни в каком случае не смеют оставаться там».

три члена кабинета остались пока в Скутари для поддержания духа черногорской армии [1].

Гирс.

№ 67. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 63 [2]. 24/11 января 1916 г.

Копия в Париж.

Посетившему меня Миушковичу я заявил, что императорская миссия получила предписание следовать за черногорским правительством во Францию лишь в том случае, если Черногория будет продолжать войну с неприятелем и прекратит всякие с ним переговоры о сдаче, перемирии или мире [3]. Миушкович заверял меня, что ныне не может быть речи о каких-либо переговорах с Австрией. Бывшие же до выезда его из Черногории переговоры о перемирии и сдаче имели, по его словам, единственной целью желание выиграть время для сосредоточения к Подгорице и Скутари отдельных частей черногорского войска и для эвакуации сербов. Главной задачей ныне является снабжение оставшихся в Черногории войск провиантом, в чем могла бы оказать содействие Италия своим флотом, продолжая подвозить нужное через Медую или Бояну. Оставление в Черногории князя Мирко и министров военного, внутренних дел и юстиции [4] Миушкович объясняет желанием поддержать дух сопротивления среди черногорцев. Вскоре они должны прибыть сюда для следования за королем, если только им не будет отрезан путь от Скутари в Медую. Миушкович выезжает сегодня в Лион. Ожидаю прибытия в Рим Обнорского и Сухотина для отправ-

---

[1] Дополнительно тел. от того же числа за № 59 Гирс сообщал, что, по словам Миушковича, между Скутари и Медуей должно быть до 30 000 черногорцев, но «не все они согласятся покинуть Черногорию, и он полагает, что возможно будет вывести лишь от 12 000 до 15 000 чел.».

[2] Публикуемая тел. является передачей тел. Иславина, назначенного посланником в Черногорию и находящегося в Риме.

[3] В тел. от 23/10 янв. за № 157 Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу Сазонов высказал мнение, что дипломатический корпус должен следовать за королем Николаем, «если Черногория будет продолжать находиться в состоянии войны с Австрией». Тел. от 24/11 янв. за № 22 Бенкендорф передал, со слов Никольсона, что англ. прав-во не рассматривало еще этого вопроса, но что, по мнению Никольсона, при вышеуказанном условии англ. представитель должен остаться при короле. О согласии франц. прав-ва с точкой зрения Сазонова Извольский сообщил тел. от 26/13 янв. за № 35, в которой он также известил Сазонова о приезде короля Николая в Лион.

[4] См. № 66.

ления в Лион [1]. Полагаю, что наша задача облегчилась бы перенесением резиденции короля Николая и его правительства из Лиона подальше от швейцарской границы и поближе к Парижу. — Иславин.

Гирс.

№ 68. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 16. 24/11 января 1916 г.
Срочно.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 14 [2].

Братиану сделал Барклаю сегодня, [24] 11 января, заявление, противоречащее его словам, сказанным мне [22] 9 января и изложенным в вышеупомянутой моей телеграмме. А именно он объяснил сегодня Барклаю, что если германское правительство предъявит ныне Румынии требования в ультимативной форме, то он будет им противиться лишь пока у него будет надежда, что эти требования являются «блефом» со стороны Германии. Если же Румыния окажется лицом к лицу с угрозой войны и неприятельского нашествия, то, не надеясь на вооруженную помощь русских, англичан и французов, он подаст в отставку и даст королю возможность назначить новое правительство и выждать более благоприятный момент вооруженного выступления Румынии на стороне держав Согласия. На замечание Барклая, что уход в отставку нынешнего кабинета являлся бы катастрофой для политики, которую вела с начала (войны) Румыния, Братиану ответил, что эта политика будет продолжаться, так как еще на-днях он имел случай убедиться в том, что король совершенно разделяет его взгляды в этом вопросе [3]. Братиану еще не ответил на мою просьбу о свидании с ним, а потому я еще не могу объяснить, что вызвало отмеченное противоречие. Среди здешних политических деятелей высказывается мнение, что вернувшийся вчера в Бухарест германский посланник потребует либо перемены кабинета, либо обязательства со стороны Румынии сохранить до конца войны нейтралитет, причем Румынии, может быть, за это будет обещана Буковина, но от румынского правительства будут затребованы гарантии сохранения такого нейтралитета в виде полной демобилизации румынской армии. Я виделся се-

---

[1] Тел. от 25/12 янв. за № 194 Сазонов предписал Иславину ехать в место пребывания черног. короля, а Обнорскому — в Петроград. Тел. от 1 февр./19 янв. за № 9 Иславин сообщил о своем приезде в Лион.

[2] См. № 61.

[3] Пам. записка, совпадающая по своему содержанию с этой частью тел., была представлена англ. пос-вом в Петрограде м-ру ин. дел 25/12 янв. за № 39.

годня со многими здешними государственными деятелями, из коих Костинеску находит, что румынское правительство не должно уступать германским требованиям, и он заверил меня, что будет в этом смысле влиять на Братиану. Таке Ионеску и Филиппеску довели до сведения Братиану, что они всецело поддержат его в его сопротивлении германским требованиям. Германский посланник должен был сегодня под вечер видеть Братиану. Король, проведший несколько дней на охоте, возвращается сегодня вечером и примет германского посланника в аудиенции, о коей посланник просил по телеграфу еще из Берлина.

Поклевский.

№ 69. Посол в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 18. 24/11 января 1916 г.

Телеграмма № 124 получена [1].

Переговоры с Кухарой могу затянуть на неопределенное время.

Сегодня меня навестил генерал Танака и секретно сообщил мне следующее.

Фельдмаршалы Ямагата и Ояма, а также маркиз Мацуката очень желают оказать возможное содействие к получению нами оружия в скорейшем времени, и к этой мысли ныне склоняется военный министр. Однако затруднение в благоприятном разрешении вопроса возникает со стороны верхней палаты, которая требует, чтобы выручаемые от продажи оружия суммы шли в общий доход казны, а не в пользу арсеналов. Между тем военное министерство, расходуя свои мобилизационные запасы, должно их немедленно пополнить, на что требуется свободная наличность. Испрашивание новых кредитов потребовало бы внесения вопроса в парламент и вызвало бы большую потерю времени. Поэтому, до решения верхней палаты в желательном для правительства смысле, военное министерство, очень желавшее немедленно дать нам удовлетворительный ответ, принуждено отложить таковой. Во всяком случае, по словам генерала Танака, пра-

[1] 17/4 янв. Тел. за № 3 Малевский сообщил Сазонову о сделанной ему главою одного из япон. заводов Кухарой предложении о поставке России 600 000 винтовок и 600 млн. патронов к ним. В тел. от 21/8 янв. за № 124 Сазонов предписывал Малевскому: «Ввиду затруднений в разрешении финансовой стороны наших военных заказов в Японии и ввиду признания военным министерством принципиальной желательности предложения Кухары, не могли ли бы вы, под благовидными предлогами, несколько затянуть переговоры, не предрешая их исхода ни в положительном, ни в отрицательном смысле».

вительство и военное министерство сделают все возможное, чтобы помочь нам [1].

Мне сдается, что визит генерала Танака вызван желанием изгладить то не вполне благоприятное впечатление, которое могло получиться у нас от того, что за время пребывания здесь великого князя вопрос о снабжении нашей армии японскими винтовками не двинулся вперед.

Малевский.

№ 70. Памятная записка министерства иностранных дел английскому и французскому послам и Петрограде — Бьюкенену и Палеологу.

25/12 января 1916 г.

Le ministre de Russie à Stockholm signale à l'attention toute particulière du gouvernement impérial l'inquiétude que lui inspire le mouvement de mécontentement provoqué en Suède par les mesures du gouvernement anglais concernant le commerce des neutres [2]. Ce mécontentement s'est manifesté avec vigueur dans l'émotion causée par l'incident du paquebot transatlantique suédois le «Stockholm», arrêté pour la seconde fois en pleine mer et ramené à Liverpool [3]. Le récent discours du roi de Suède est un symptôme de ce mouvement alarmant. Les déclarations du roi donnent clairement à entendre son intention de s'opposer résolûment à tout contrôle étranger en matière commerciale. De l'avis de Mr. Necludow, cette protestation du souverain inspirera l'attitude de la cour pendant les mois prochains [4]. Le gouvernement suédois lui-même ne reste pas étranger à cette inquiétante évolution, comme le

---

[1] В письме от 18/5 янв. за № 105 Поливанов, сообщая Сазонову на основании донесения воен. агента в Японии о готовности япон. прав-ва оказывать содействие в снабжении русской армии боевыми припасами, указывал, что «осуществление этого предположения встречает в настоящее время почти непреодолимое препятствие в отказе великобританского правительства нам в кредитах по оплатам заказов и покупок в Японии на сумму свыше 6 000 000 ф. ст.» (ср. т. IX, № 674). Придавая большое значение вопросу о заказах в Японии, Поливанов просил Сазонова поручить Бенкендорфу, чтобы он поставил англ. прав-во в известность, что «отказ от предложения японского правительства, вызванный встретившимися финансовыми затруднениями, может пагубно отозваться на наших военных операциях».

[2] Об этом Неклюдов сообщал тел. от 19/6 янв. за № 7.

[3] Ср. т. IX, № 571.

[4] Сообщая Сазонову в тел. от 17/4 янв. за № 4 об открытии риксдага, Неклюдов отмечал, что «в своей речи король высказал намерение охранять нейтралитет», но что вся речь его «в сущности направлена против стеснений шведской торговли со стороны Англии. И это, очевидно, становится лозунгом двора на ближайшие месяцы, что не лишено некоторой опасности».

prouvent les propos tenus dernièrement par Mr. Wallenberg au représentant britannique à Stockholm [1]. Tout en affirmant son désir de maintenir son pays dans une attitude de neutralité le ministre des affaires étrangères de Suède a fait entrevoir à son interlocuteur la possibilité d'une mobilisation dans le nord de la Suède. Dans la bouche d'une personnalité aussi opposée à toute politique d'aventure comme Mr. Wallenberg, une pareille allusion n'est rien moins que significative. Les milieux financiers jusqu'ici peu enclins à écouter les «activistes», se montrent moins confiants dans le maintien de la neutralité suédoise. Ces derniers temps on a observé de cas où certaines banques suédoises ont refusé de conclure avec des commerçants russes de transactions à échéance brèves en invocant «le danger de la situation politique». Cet état de choses est habilement mis à profit par l'Allemagne, dont les agents ne négligent aucune occasion de renforcer les tendances germanophiles du public suédois. D'autre part l'opinion suédoise éprouve une crainte croissante à l'égard de l'Allemagne. Ses derniers succès dans les Balkans raffermissent la foi en l'invincibilité de la puissance germanique. Il est à remarquer que l'Allemagne tient entre ses mains une menace très réelle à l'adresse de la Suède: celle d'interdire l'exportation du bois, article allant de Suède surtout en Angleterre et en France et constituant la principale richesse du Neerland suédois. De plus il est désormais acquis que Mr. Hammarskiöld a signé en mars 1915 à Berlin un accord avec l'Allemagne pour la fourniture à celle-ci d'une certaine quantité de marchandises. Il est évident que cet arrangement constitue pour la Suède un motif de plus de s'opposer à l'établissement du contrôle formel de l'Angleterre sur son exportation. Devant ces faits il n'est plus permis de se dissimuler le danger de voir la Suède se joindre aux empires du centre [2]. L'entrée en guerre de la Suède permettrait évidemment d'appliquer à ce pays un blocus bien plus effectif que les mesures de contrôle exercées actuellement sur son commerce; elle faciliterait par cela de beaucoup l'isolement économique de l'Allemagne. Mais cet avantage ne compenserait certainement pas les conséquences défavorables d'une pareille éventualité. La Russie aurait à faire face à une

[1] См. № 18.

[2] В пам. записке от 27/14 янв. за № 45 Бьюкенен передавал Сазонову сообщение англ. посланника в Стокгольме Ховарда о том, что герм. посланник в беседе с приезжавшим в Стокгольм депутатом рейхстага Корфанти заявил последнему, что Германия, «хотя и не надеется вовлечь Швецию в войну весной, рассчитывает, однако, склонить ее к объявлению всеобщей мобилизации. Мера эта, по мнению Германии, окажет такое давление на Россию, что последняя будет вынуждена заключить с ней сепаратный мир». Содержание этой беседы с герм. посланником было передано Ховарду Корфанти.

excellente armée de 250 000 hommes, renforcée sans doute encore de 150 000 allemands et placée sous le commandement allemand. Cette situation serait encore aggravée par l'isolement définitif de la Russie dont les communications avec l'Occident seraient complètement coupées. Cela compromettrait à son tour l'approvisionnement de l'armée russe et par conséquent sa force de résistance. Les considérations exposées appellent toute l'attention des gouvernements alliés sur la nécessité de calmer l'excitation qui règne actuellement en Suède. Elles n'impliquent pas l'abandon de tout contrôle sur l'importation maritime en Suède. De l'avis du ministre de Russie à Stockholm, il suffirait d'en restreindre l'étendue et d'en atténuer la rigueur; il s'agirait surtout d'éviter tout procédé vexatoire, détail particulièrement important, étant donné la susceptibilité du sentiment national suédois [1]. Le gouvernement impérial a l'honneur de prier l'ambassade d'Angleterre (l'ambassade de France) de soumettre le contenu de cette communication à l'examen du gouvernement royal (de la République) et de lui faire connaître le point de vue auquel il sera arrêté [2].

Перевод.

Российский посланник в Стокгольме обращает совершенно особое внимание императорского правительства на то беспокойство, которое внушает ему растущее недовольство, вызванное в Швеции мероприятиями английского правительства относительно торговли нейтральных. Это недовольство проявилось в сильном возбуждении, вызванном инцидентом со шведским трансатлантическим пассажирским пароходом «Стокгольм», вторично остановленным в открытом море и отведенном в Ливерпуль. Недавняя речь шведского короля является симптомом этого тревожного [для нас] движения. Заявления короля дают ясно понять, что он намеревается решительно воспротивиться всякому иностранному контролю в торговых делах. По мнению г. Неклюдова, этот протест монарха предопределит позицию двора в течение ближайших месяцев. Шведское правительство не остается само чуждым этому тревожному движению, как показывают слова, сказанные недавно г. Валленбергом британскому представителю в Стокгольме. Подтверждая свое желание сохранить позицию нейтралитета своей страны, шведский министр иностранных дел дал понять своему собеседнику, что возможна мобилизация на севере Швеции. В устах человека, который является таким противником всякой политики авантюр, как г. Валленберг, подобный намек, по меньшей мере, знаменателен. Финансовые круги, доселе мало склонные слушать «активистов», выказывают меньше веры в сохранение швед-

---

[1] Соображения эти высказывались Сазонову Неклюдовым в тел. от 19/6 янв. за № 8 и от 22/9 янв. за № 11.

[2] Тел. от 30/17 янв. за № 55 Извольский сообщил Сазонову, со слов Бриана, что франц. послу в Лондоне предписано высказываться в пользу возможного смягчения мер, раздражающих шведское правительство, «разумеется, без нарушения самого существа этих мер».

ского нейтралитета. За последнее время наблюдались случаи отказа шведских банков заключать с русскими коммерсантами краткосрочные сделки, причем ссылались на «опасное политическое положение». Это положение вещей искусно используется Германией, агенты которой не упускают ни одного случая, чтобы усилить германофильские тенденции шведского общества. С другой стороны, шведское общественное мнение испытывает все возрастающую тревогу по отношению к Германии. Ее последние успехи на Балканах укрепляют веру в непобедимую мощь Германии. Следует заметить, что Германия имеет в своих руках вполне реальную угрозу по отношению к Швеции: воспрещение вывоза леса — товара, идущего из Швеции главным образом в Англию и во Францию и составляющего главное богатство шведского Нирланда. Кроме того, теперь уже можно считать достоверным, что г. Хаммаршиольд подписал в 1915 г. в Берлине соглашение с Германией о поставке последней известного количества товаров. Ясно, что это соглашение служит для Швеции лишним мотивом для возражений против установления формального контроля Англии над ее вывозом. Перед лицом этих фактов нельзя более скрывать от себя опасности возможного присоединения Швеции к центральным империям. Вступление Швеции в войну позволило бы, конечно, применить к этой стране более действительную блокаду, чем те меры контроля, которые проводятся ныне по отношению к ее торговле; оно тем самым значительно облегчило бы экономическую изоляцию Германии. Однако эти выгоды, конечно, не компенсировали бы неблагоприятных последствий подобной возможности. России пришлось бы иметь дело с прекрасной армией в 250 000 человек, несомненно еще усиленной 150 000 немцев и подчиненной германскому командованию. Это положение было бы еще более усугублено окончательной изоляцией России, сообщение которой с Западом было бы совершенно отрезано. Это в свою очередь нанесло бы ущерб снабжению русской армии и тем самым ее сопротивляемости. Изложенные соображения требуют, чтобы союзные правительства обратили все свое внимание на необходимость успокоить возбуждение, царящее ныне в Швеции. Они не требуют оставления всякого контроля над морским ввозом в Швецию. По мнению российского посланника в Стокгольме, было бы достаточно ограничить его пределы и смягчить его строгость; в особенности надо было бы избегать всякого рода притеснений, что является особенно важной деталью, ввиду крайней обостренности шведского национального чувства. Императорское правительство имеет честь просить английское (французское) посольство представить содержание этого сообщения на рассмотрение королевского правительства (правительства республики) и осведомить его о точке зрения, на которой оно остановится.

№ 71. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 214. 25/12 января 1916 г.

Сообщается в Афины и Салоники.

Ссылаюсь на телеграмму Каля № 2 [1].

Не возражая по существу против вызванной военными целями оккупации союзниками Афона, считаю необходимым избежать при

[1] См. стр. 61, прим. 1.

этом каких бы то ни было нарушений и изменений святогорского status quo. В частности, представляется недопустимым объявление полной церковной автономии афонской религиозной общины, пребывающей в течение шести веков под духовным главенством вселенского патриарха, равно как и установление над Св. горой протектората союзников. Вследствие изложенного было бы вполне достаточным применение к Афону общего режима занятых союзниками областей с сохранением существовавших до греческого режима местных порядков и обычаев [1]. Об изложенном благоволите довести до сведения правительства, при коем вы аккредитованы, и просить о преподании соответственных инструкций начальнику союзного десанта [2].

Сазонов.

№ 72. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 30. 25/12 января 1916 г.

Reçu votre télégramme № 136 [3].

J'ai appris que Buchanan a télégraphié ici desiderata de notre ministre finances et que deux télégrammes avaient été expédiés, contenant observations et réponse anglaise. Je doute que après réponse anglaise, il puisse être utile que je reprenne immédiatement mêmes négociations et que moment pour insister soit bien choisi. Actuellement gouvernement est occupé difficultés financières et nécessité contrôle exact de toutes les dépenses tant Angleterre que des Alliés. Mais ministres Mackenna et Runciman doutent possibilité maintenir proportion actuelle dépenses exigées par Angleterre et Alliés. Dans leur opinion, d'ailleurs, c'est sur l'armée que économie devrait être faite. Il faut convenir que trésorerie anglaise est plus large en pratique qu'il ne lui aurait été possible d'être

---

[1] Тел. от 26/13 янв. за № 223 Нератов дополнительно сообщил Демидову, что, по его мнению, «при занятии местностей вне Святой горы следует руководствоваться исключительно военными соображениями».

[2] Содержание публикуемой тел. Извольский передал Бриану, который в ответ на это заявил, что он вполне сознает «важность для России всего, что касается вопроса о Святой горе», и что он телеграфировал франц. посланнику в Афинах ничего не предпринимать в этом вопросе без предварительного соглашения с росс. посланником (тел. Извольского от 27/14 янв. за № 44). Со своей стороны, Бенкендорф тел. от 28/15 янв. за № 33 сообщил, что Никольсон прочел ему телеграмму, отправленную Берти, в которой Грей высказывался против занятия Афонской горы.

[3] См. № 49.

en principe. Aussi le crédit de 54 millions aurait déjà été dépassé de plus de 20 millions. Je ne puis garantir qu'il en soit toujours ainsi, mais c'est une indication que je donne sous toutes réserves. Gouvernement anglais (...) convaincu de nécessité politique est décidé tout sacrifice qui dans son jugement du jour ne dépasse pas élasticité crédit anglais lequel est mis à dure épreuve.

Benckendorff.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 136.

Узнал, что Бьюкенен телеграфировал сюда пожелания нашего министра финансов и что были отправлены две телеграммы, содержащие английские замечания и английский ответ. Сомневаюсь, чтобы после английского ответа могло быть полезным немедленное возобновление мной тех же переговоров и чтобы момент для настояний был выбран удачно. В настоящее время правительство озабочено финансовыми затруднениями и необходимостью правильного контроля над всеми расходами как Англии, так и союзников. Но министры Мак-Кенна и Ренсимен сомневаются в возможности сохранить нынешнюю пропорцию расходов, требуемых Англией и союзниками. По их мнению, к тому же, экономия должна быть осуществлена за счет расходов по армии. Надо признать, что английское казначейство более щедро на практике, чем то для него было бы возможно в теории. Так и кредит в 54 миллиона уже, будто бы, превышен более чем на 20 миллионов. Я не могу гарантировать, что дело всегда обстоит так, но это лишь указание, которое даю со всеми оговорками. Английское правительство (...) уверено в политической необходимости и решило пойти на все жертвы, которые, по его мнению, на сегодняшний день не превышают эластичности английского кредита, подвергающегося тяжелому испытанию.

Бенкендорф.

№ 73. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 18 [1]. 25/12 января 1916 г.

Весьма доверительно.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 16 [2].

Я виделся сегодня, [25] 12 января, с Братиану, который сообщил мне, что германский посланник говорил ему о неудовольствии Берлина, вызванном продажей Румынией пшеницы Англии, и упомянул о желании Германии делать дальнейшие покупки зерна в Румынии, что фон Буш был очень сдержан и не сделал никакого намека на возмож-

---

[1] Опубл. Ц.Р., стр. 209.

[2] См. № 68.

ность предъявления Румынии каких-либо требований. Это, однако, еще не успокаивает Братиану, который допускает, что подобные требования могут быть предъявлены посланником на сегодняшней аудиенции у короля, и вообще Братиану находит, что положение не разъяснится ранее 2—3 дней. На мой вопрос о том, какие конкретные факты породили нынешнюю тревогу в Румынии, Братиану ответил, что начало ей дал разговор германского канцлера с румынским посланником в Берлине, упомянутый в моей телеграмме № 2 [1], и что затем стали поступать из разных источников многочисленные, хотя и противоречивые, сведения, из коих вполне верными являются сообщения из Берлина о том, что германское правительство потеряло всякое доверие к Братиану, считая, что последний разделяет взгляды Таке Ионеску и Филиппеску и лишь выжидает благоприятного момента, дабы напасть на Германию. Братиану далее объяснил мне, что между словами, сказанными им мне [22] 9 января и Барклаю [24] 11 января, в сущности нет никакого противоречия [2], так как, не уясняя себе еще вполне положения, он делает лишь разные гипотезы и придумывает выходы из затруднений. Свое будущее поведение он мне сегодня формулировал следующим образом. Главной целью Братиану является продолжение Румынией политики на стороне (...)ного Согласия, и он отлично сознает, что лучшей для этого гарантией является удержание им власти в своих руках, а потому он сделает для последнего все возможное. Если же он убедится в том, что германское правительство при условии его отставки не поставит теперь Румынии требований об изменении ее теперешней политики, то он готов будет устраниться от дел с тем, чтобы и в отставке наблюдать, дабы Румыния не уклонилась от нынешнего курса ее иностранной политики и выступила бы на нашей стороне при первом благоприятном случае. Наконец, если бы германское правительство теперь же требовало от Румынии перемены ее политики, то Братиану решил противиться подобным требованиям до конца. Видевшись сегодня с королем, он вновь убедился, что король совершенно разделяет взгляды своего первого министра. Братиану спросил меня, получил ли я уже от вашего высокопревосходительства ответ на изложенный в конце моей телеграммы № 16 запрос [3].

Поклевский.

---

[1] См. № 23.

[2] См. №№ 61 и 68.

[3] Очевидно, ошибка. Имеется в виду тел. № 14 (см. № 61).

№ 74. Офицер, состоящий при генеральном консульстве в Мешеде, в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма [1]. 25/12 января 1916 г.

Несмотря на линию охраны, отдельные лица из немцев всегда имели возможность тайно пробраться в Афганистан, чем они и пользовались. Теперь немцы уже не довольствуются этим и начинают развивать свою деятельность с целью форсировать проход в Афганистан всей своей массой, соединить набранные и отчасти уже обученные ими отряды в Персии с войсками эмира. Быть может, они принуждены к этому движением нашего отряда на Кашан и опасением дальнейшего его движения на Исфагань, Иезд, Керман. По английским сведениям, немецкие отряды из Вастина двинулись тремя путями: Баг—Кухи—Малек—Сиах, на Хабис-дех—Салим-дех, на Ровер—Тебес. Последний отряд предназначен, вероятно, для операций в Северной Персии. Англичане двинули отряд из Сеистана вдоль телеграфной линии, и [18] 5 января головные части его имели в Дехсальме столкновение с немецким головным отрядом, причем взяли в плен одного германского офицера; немцы отступили, а англичане их не преследовали, ожидая подкреплений из Сеистана, задержанных разлитием рек.

По сведениям нашего сеистанского консула, англичане имели в этом столкновении затруднения и потери. Сила отряда, наступающего на дех-Салим, определяется им же в 1 200 человек. По нашим сведениям, в Тебесе в настоящее время стоит отряд 500 персов, турок и немцев, который постоянно усиливается к открытому нападению на наши посты и мелкие разбросанные отряды; в Иезде число набранных немцами персов доходит до 6 000; с ними немецкие офицеры ведут правильные занятия. Для более ясной оценки положения остается прибавить, что все персидские власти на стороне немцев: генерал-губернатор отдает загадочное распоряжение о заготовке сорока тысяч (40 000) пудов зерна в районе расположения немцев, правитель Каината служит посредником для сношений между немцами в Афганистане и Персии. Поведение правителя Бахерза более чем подозрительно, один из влиятельных ханов Теймури усиленно вывозит в Афганистан зерно, оружие и серебряную монету. Все это по границе, но такая же позиция властей в Туне и Джумеине, не говоря о пунктах, занятых немцами. Сеистанский консул выражает опасение, что немцы найдут в Сеистане воору-

---

[1] Маш. копия. Номер отсутствует. На публикуемой тел. имеется пометка: «По содержанию этой телеграммы сделан запрос генеральному консулу в Мешеде. Полагаю, что Скурат сгущает краски, но его настояния об увеличении численности нашего отряда на афганской границе вполне основательны. [1 февраля] 19 января 1916 г. В. Клемм».

женную поддержку. Самое положение русского отряда — шесть сотен, растянутых почти на тысячу верст, — является необеспеченным, не говоря уже о возможности исполнить возложенную на него задачу. Принятие мер, предложенных мною ранее, ликвидировало бы создавшееся положение, но теперь за упущением времени, в течение которого немцы успели сформировать сильные отряды, уже с той поправкой, что предварительно должен быть значительно усилен наш отряд, так как он может быть опрокинут немецкими отрядами при их стремлении в Афганистан. Англичане совершенно не согласуют своих действий с нашими, и мы предоставлены самим себе. В высшей степени желательной была бы мера временного замещения персидских властей в пограничном районе русскими военными властями, как это было сделано в Мешеде в [19]12 году. Долгом считаю указать на то обстоятельство, что нами упущено шесть месяцев, и теперь необходимы меры быстрые и решительные. Нельзя забывать, что при удаче немцев последние колебания эмира должны рассеяться, и мы увидим в лице Афганистана открытого врага.

Скурат.

№ 75. Сообщение сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел.

26/13 января 1916 г.

Телеграмма председателя совета министров, министра иностранных дел г. Пашича, отправленная с острова Корфу [23] 10 и полученная [24] 11 января 1916 г.

Перевезенные сюда сербские солдаты настолько изнурены и устали, что почти что все они больны, и очень большое число солдат тотчас же были отправлены в больницы. Ежедневно умирают. Вчера только умерло 60 человек от чрезмерной усталости, и то из числа солдат, не превышающего 4 000. Принимая во внимание такое положение войска, абсолютно исключена возможность, чтобы эти наши войска в Албании продолжали путь из Драча дальше, как это ныне нам предлагают. С трудом эти войска дошли до Драча, где будут ожидать прибытия союзных пароходов, чтобы их из Драча перевезти дальше. Если, к несчастью, австрийские войска раньше прибудут, наши войска будут все принуждены сдаться, так как не будут в состоянии ни дальше итти, ни защищаться, ибо физически крайне истощены и не имеют не только хорошего вооружения, но и амуниции в достаточном количестве. Мы просили наших союзников, пока это было возможно, притти со

своим флотом в Сан-Джиованни-ди-Медуа и перевезти войска, сосредоточенные около Скадра. Тогда наши союзники советовали нам отправить войска в Драч, откуда легче и скорее могли бы быть перевезены, а меньшую часть отправить в Сан-Джиованни-ди-Медуа [1]. Тогда это предложение союзников не могло быть принятым, так как наши войска не имели продовольствия и устали от тяжелого путешествия по Албании, вследствие чего мы тогда еще просили послать в Сан-Джиованни-ди-Медуа, в самом непродолжительном времени, возможно большее количество продовольствия. Но снабжение наших войск, находившихся в Драче и около этого города, происходило очень трудно. Войска получили такое незначительное количество продовольствия, что оно хватило им на один день, и потом по одному или по два дня подряд приходилось им голодать. Для того, чтобы войска не ждали перевозки продовольствия из Сан-Джиованни-ди-Медуа и не пропали бы от голода, мы решили отправить их ближе к Сан-Джиованни-ди-Медуа, чтобы таким образом были ближе к продовольствию и чтобы некоторые части войска можно было бы отправить в Драч, как только было бы получено продовольствие, нужное для того, чтобы этот путь войска могли пройти. Когда оборона Черногории ослабела и когда она решила просить мира, увеличилась с этой стороны опасность от австрийской армии, и наша верховная команда, находясь при таких обстоятельствах, принуждена была постепенно отправлять наши войска при самых тяжелых обстоятельствах в Драч, откуда эти войска могли бы быть посажены на суда.

Ныне, после того, как верховная команда решила двинуть войска к Драчу, даже если бы пришлось бо̀льшую часть армии потерять в пути от чрезмерной усталости, мы получили требование от союзников отправить пешком наши войска из Драча дальше на юг [2].

Это требование наших союзников доводит до отчаяния престолонаследника, верховную команду и наше правительство, ибо мы ясно видим, что пропадем, так как это требование мы не в состоянии выполнить. Мы не можем понять, как возможно требовать от нас то, что вне наших сил.

Мы полагали, что наши союзники были в точности ознакомлены с тем положением, в котором находились наши войска, после всего того, что они претерпели, и удивляет нас это требование наших союзников, которое ведет наши войска к гибели. Если войска не откажутся в повиновении, они наверное пропадут во время марша от Драча до

---

[1] См. т. IX, № 616.

[2] Ср. № 48.

Валоны. Поставленные в такое положение наши войска будут принуждены сдаться, так как другая попытка и в особенности неизбежная смерть, которая их ожидает, не избавит их, если они двинутся, ибо уверены, что не были бы в состоянии живыми прибыть в Валону и тем более в Санти-Кваранта[1].

Если большие боевые суда не поспешат в Драч и если ежедневно не будет перевезено 12—15 тысяч солдат, тогда, после стольких жертв и беспримерной лойяльности по отношению к державам Тройственного согласия, мы пропадем исключительно благодаря вине и медлительности наших союзников.

Правительству больше ничего не остается, как просить у короны прощения за то, что оно, безгранично доверившись союзникам, довело страну до такого безысходного состояния, и одновременно просить вручить управление другим лицам.

Если наши союзники не желают, чтобы дело дошло до этого, то они могут нас спасти только немедленной помощью, и то отправкой больших военных судов в Драч, чтобы в кратчайшем времени перевезти нашу армию.

Сообщите безотлагательно все это нашим союзникам, дабы они знали, что нас ожидает.

№ 76. Сообщение сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел.

26/13 января 1916 г.

Телеграмма председателя совета министров, министра иностранных дел г. Пашича, отправленная с острова Корфу [25] 12 и полученная [26] 13 января 1916 г.

«Сообщаю вам для сведения следующее: в прошлом году итальянское правительство обещало предоставить нашему престолонаследнику один итальянский миноносец для перевозки престолонаследника из Сан-Джиованни-ди-Медуа в Драч. В момент посадки на миноносец престолонаследнику было сообщено, что он должен сперва отправиться в Бриндизи. Престолонаследник отклонил это и отправился сухим путем в Драч.

Движение войска из Драча в Валону остановлено до тех пор, пока

[1] Тел. от 24/11 янв. за № 1514/9 морск. агент в Италии Беренс сообщил из Рима, что до 21/8 янв. из Албании вывезено 19 500 сербов и что итал. проект перехода серб. армии сухим путем до Санти-Кваранта встретил возражения со стороны союзников и в связи с этим оставлен.

*

не будут устранены те препятствия, которые итальянцы делают, и пока не будет принято предложение о том, чтобы драчская группа наших войск была посажена на пароходы в Валоне, а скадрская группа — в Драче. Мы просили отправить спешно еще один пароход для перевозки 3 000 больных и до крайности изнуренных солдат и два парохода для перевозки пушек и амуниции из Сан-Джиованни-ди-Медуа [1].

Это сообщает верховная команда и просит ходатайствовать в этом смысле» [2].

№ 77. Министр иностранных дел послам в Лондоне и Париже — Бенкендорфу и Извольскому.

Телеграмма № 227 [3]. 26/13 января 1916 г.

Сообщается в Токио.

Японский посол, не придавая своему выступлению официального характера, запросил меня, справедливы ли слухи о проектируемом в Париже экономическом совещании трех держав для согласования их интересов в связи с войной и установления основ их экономической политики после войны, и при этом осведомлялся, имеется ли в виду пригласить к участию и японское правительство.

Я ответил, что вопрос о таком совещании в принципе решен утвердительно, но что ближайшие предположения французского правительства, взявшего на себя почин дела, мне определенно неизвестны; я дал, однако, понять послу, что участие Японии оправдывалось бы в этом случае, если бы программа совещания включила интересы союзников на Дальнем Востоке; главной же их экономической задачей является лишение Германии ее рынков в означенных областях, для чего предварительно необходимы намеченные тремя державами меры борьбы с германским засилием в Китае [4].

---

[1] 31/18 янв. серб. миссия в Петрограде передала Сазонову тел. Пашича, в которой сообщалось, что «итальянцы не пропускают конницу и нагруженных лошадей войсковых частей, посаженных на суда в Драче, итти по направлению к Валоне, где они будут посажены на суда». Пашич просил ходатайствовать перед итал. прав-вом о пропуске лошадей в Валону, так как конница не выдержит путь через Берат и Тепелени в Санти-Кваранта.

[2] Содержание этого сообщения было передано Сазоновым тел. от 26/13 янв. за № 235 в Париж, Лондон и Рим с просьбой продолжать настаивать на устранении всех препятствий к движению сербов.

[3] Лит. копия.

[4] Пам. записка аналогичного содержания была вручена Сазоновым в тот же день Бьюкенену за № 46 и Палеологу за № 47.

Благоволите выяснить, обращалось ли японское правительство с таким же запросом к правительству, при коем вы аккредитованы, и как последнее вообще относится к мысли о допущении Японии к экономическому совещанию.

[Сазонов.]

№ 78. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 229. 26/13 января 1916 г.

Копии сообщаются в Париж, Токио и Пекин.

Телеграмма № 16 получена [1].

Удаление из консорциума Германии входит в общий план борьбы с немецким влиянием в Китае: настаивать на принятии Японией и Китаем ряда репрессивных мер против немцев и в то же время уклоняться от выполнения такой, которая более всего зависит от самих держав Согласия, — было бы с их стороны мало последовательно. Аргумент о невозможности изменять теперь соглашения, заключенные до войны, и указание на трудности, с которыми сопряжено расторжение консорциума, — недостаточно убедительны. Прежде всего нужно вполне определенно выяснить эти трудности, для чего мы и предлагали передать обсуждение вопроса посланникам в Пекине. Мы очень настаиваем на принятии Англией этого предложения. Если она опасается, что отрицательное решение, которое могло бы последовать в результате такого обсуждения, окажется, в случае распространения сведений о нем, вредным для нашего престижа, то можно предписать посланникам не привлекать пока к делу их японского сотоварища и финансовых представителей, придав этим предварительным объяснениям характер строгой тайны.

Благоволите высказаться в этом смысле перед министром иностранных дел.

[Сазонов.]

№ 79. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 233 [2]. 26/13 января 1916 г.

Полагаю, что мы должны обнадежить Братиану, дабы в случае предъявления немцами ультиматума, он, чувствуя, что может опереться на союзников, решился противостоять германским требованиям.

---

[1] См. № 57.

[2] Опубл. Ц. Р., стр. 210.

Я поручаю поэтому Поклевскому сообщить Братиану, что если будет нужно, русская армия немедленно придет ему на помощь [1]. Считаю также необходимым для придания бодрости румынскому правительству, чтобы союзные посланники получили предписание заявить ему, что если болгары двинутся на Румынию, салоникский десант немедленно перейдет в наступление, дабы оттянуть на себя болгар. Я считаю, что дальнейшее поведение Румынии исключительно зависит от решимости Братиану и поэтому необходимо всеми силами поддержать в нем уверенность, что он не ошибся, связав свою политику с державами Согласия.

Прошу вас по предмету настоящей телеграммы сделать соответствующие шаги и ответить по телеграфу.

Сазонов.

№ 80. Поденная запись министерства иностранных дел [2].

26/13 января 1916 г.

К С. Д. Сазонову приезжал г. Диаманди. На вопрос министра, известно ли что-либо посланнику о происшедшем обострении отношений между Германией и Румынией, оказалось, что посланник никакого сообщения от своего правительства не получал и сам приехал к С. Д. Сазонову, чтобы осведомиться по этому предмету. Министр выразил посланнику свое сожаление, что политика Братиану привела Румынию к такому положению, при котором приходится считаться с возможностью предъявления германского ультиматума. При этом С. Д. Сазонов даже несколько удивлен, что в столь важный для Румынии политический момент посланник был оставлен своим правительством без надлежащего осведомления.

№ 81. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 36. 26/13 января 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Великобританский посол сообщил (здесь) явно клонящееся в пользу Германии предложение американского правительства вновь обсудить вопрос о действиях подводных лодок [3] и спросил, согласно ли фран-

[1] В тел. от 26/13 янв. за № 234 Сазонов указывал Поклевскому на необходимость своевременно воздействовать на Братиану и уверить его в «возможности положиться на нас в том случае, если бы немцы решились предъявить ему ультиматум».

[2] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 3.

[3] См. № 84.

цузское правительство на то, чтобы Асквит коснулся этого вопроса завтра в своей парламентской речи. Бриан ответил, что было бы желательно обойти указанное предложение молчанием, дабы не переносить его с чисто дипломатической почвы на парламентскую.

Извольский.

№ 82. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 23. 26/13 января 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Вследствие потопления германской подводной лодкой английского транспорта «Норсман» в греческих территориальных водах у входа в Салоникскую бухту, французский адмирал считает необходимым разместить полевые орудия по берегу у подножия Кара-бурну. Считаем желательным совместно заявить греческому правительству о таком решении союзников, вызванном, очевидно, воен(ной) необходимост(ью), отнюдь не испрашивая разрешения, чтобы не поставить его в затруднительное положение по отношению к нашим противникам [1].

Демидов.

№ 83. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 3. 26/13 января 1916 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретной телеграммой от 21/8 сего января за № 21 [2] я имел честь уведомить ваше высокопревосходительство о принятом Юань Ши-каем решении временно отложить восстановление монархии, причем поводом к этому выставлялась желательность предварительного подавления юнаньского восстания.

На самом деле, однако, неожиданное принятие китайским правительством помянутого осторожного решения, между тем как днем восстановления монархии было уже назначено 9 февраля нового стиля,

---

[1] В пам. записке от 31/18 янв. греч. миссия в Петрограде, передавая Сазонову подробности занятия форта Кара-бурну, сообщала о сделанном Грецией заявлении франц. прав-ву, что эти действия франц. войск противоречат соглашению, состоявшемуся между Скулудисом и посланниками держав Согласия в Афинах, которое содержало обязательство греч. прав-ва не пользоваться фортом Кара-бурну против союзников и которое было Грецией самым тщательным образом выполнено (см. т. IX, № 500).

[2] См. стр. 46, прим. 3.

о чем было даже под рукою уже сообщено печати, — объясняется ни чем иным, как его страхом перед Японией. Занятое последней загадочное положение и нежелание дать определенный ответ на повторные запросы китайского посланника, как она отнесется к перемене в Китае формы правления, возбудили здесь живейшие опасения. Отказ токийского правительства принять чрезвычайное китайское посольство [1] и отправление им в Шанхай бывшего военного агента в Пекине, генерал-лейтенанта Аоки [2], имеющего связи со всеми китайскими политическими деятелями, находящимися в оппозиции Юань Ши-каю, подействовали еще более устрашающим образом на здешние правящие круги, усмотревшие в этих фактах доказательство наличности у японцев намерения принять по отношению к Китаю самые крутые меры. Решающее же воздействие на Юань Ши-кая произвело, должно быть, насколько я могу заключить из слов моего японского сотоварища, известие о созвании в Токио 20/7 января заседания совета министров для принятия важных решений по вопросу о восстановлении монархии в Китае [3]. Весьма возможно, что, кроме всего этого, японцами было оказано на пекинское правительство неофициальным путем надлежащее давление, дабы внушить ему, насколько для него было бы опасно действовать наперекор ясно выраженной воле его восточной соседки.

Как бы то ни было, Юань Ши-кай решил не ожидать дальнейших шагов в этом вопросе со стороны Японии и предпочел, якобы по собственному почину, отложить свое восшествие на престол, которого, однако, он столь нетерпеливо жаждет.

На сообщение, сделанное мне по этому поводу от имени министра иностранных дел, я счел долгом ответить, что могу лишь поздравить китайское правительство с принятием им столь мудрого решения, вполне согласного с теми дружескими советами, которые мы не переставали давать ему с самого возникновения настоящего вопроса. Подобный же ответ был дан, как я затем узнал, и моими французским и великобританским сотоварищами на сделанное им секретарями вай-цзяо-бу аналогичное сообщение. По получении мною вчера секретной телеграммы вашего высокопревосходительства от [23] 10 сего января

---

[1] См. № 36.

[2] В тел. от 18/5 янв. за № 4 (ср. стр. 37, прим. 2) Малевский, между прочим, сообщил, что на его запрос, с какой целью отправляется в Китай ген. Аоки, товарищ япон. м-ра ин. дел ответил ему, что «Аоки послан для собирания сведений о германских происках в Китае и что его посылка никакой политической цели не имеет».

[3] См. № 45.

за № 176 [1], я немедленно же довел, согласно преподанным в ней указаниям, до сведения Юань Ши-кая, через доверенное лицо, о взгляде императорского правительства на принятое им решение. На сегодняшнем приеме у министра иностранных дел я объяснюсь в том же смысле с г. Лу Чжен-сяном.

Не подлежит, конечно, ни малейшему сомнению, что Юань Ши-кай и его правительство не оставят мысли о восстановлении монархии и будут продолжать всеми силами стремиться к ее скорейшему осуществлению. Нужно полагать, что в этом отношении они приложат свои старания к тому, чтобы ценой тех или других уступок добиться согласия на их затею Японии, которая одна стоит им поперек дороги, и весьма вероятно, что в конце концов им это удастся. По мнению как китайских государственных людей, так и некоторых иностранцев, недавно прибывших сюда из Японии, между прочим шведского посланника Валленберга, положение, занятое токийским кабинетом в вопросе о перемене формы правления в Китае, в значительной степени объясняется соображениями внутренней политики. Будучи вынуждено ныне согласовать свои шаги с требованиями парламентских партий и с настроением общественного мнения, японское правительство, по окончании 20/7 будущего марта сессии парламента, приобретет гораздо бо̀льшую свободу действий, и китайцы, несомненно, учитывают это обстоятельство при подготовлении своих планов на будущее. Можно при этом думать, что достижение соглашения между обоими правительствами будет облегчено тем, что самолюбие Японии должно быть удовлетворено дипломатическим успехом, который она одержала, заставив китайцев подчиниться ее воле и отложить без срока назначенное уже на определенный день восстановление монархии.

С глубоким почтением и пр.

В. Крупенский.

---

[1] В ответ на тел. Крупенского за № 21 (см. стр. 46, прим. 3) Сазонов 23/10 янв. за № 176 телеграфировал следующее: «Благоволите довести до сведения президента, что русское правительство глубоко ценит мудрую его осторожность. Мы исходим из убеждения, что для действительного укрепления нового строя в Китае реальное значение имеет только единодушное и единовременное признание оного всей группой держав, объединенных на Дальнем Востоке общностью действий, тогда как отдельное выступление какой-либо державы — даже в благожелательном для планов Юань Ши-кая смысле — повлекло бы лишь к вредным для него же осложнениям. Как только создадутся благоприятные условия для признания монархии, со стороны русского правительства Юань Ши-кай, конечно, никаких препятствий не встретит».

№ 84. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

⁒. Телеграмма № 11. 26/13 января 1916 г.

Недавно пришел в Нью-Йорк итальянский пассажирский пароход «Верди» с двумя небольшими кормовыми орудиями. Германский и австрийский представители тотчас обратились в государственный департамент с требованием снять эти орудия, так как при них пароход входит в категорию вооруженных крейсеров; итальянский посол со своей стороны напомнил Лансингу, что американское правительство в начале войны признало за торговыми судами право иметь орудия на корме для защиты, и «Верди» был отпущен со своими пушками. Теперь же правительство изменило свой взгляд и присоединилось к мнению протестовавших дипломатов и прислало представителям союзных держав для сообщения своим правительствам проект установления общих правил для подводной войны, в котором оно «признает справедливым, что торговое судно, имеющее какое-либо вооружение, ввиду характера подводной войны и слабости подводных лодок для защиты, должно считаться вспомогательным крейсером, нейтральные и воюющие державы должны обращаться с ним как с таковым, и правительство С. А. С. Штатов принимает в серьезное соображение издание соответственных предписаний подлежащим властям». Текст препровождаю по почте [1].

Бахметев.

№ 85. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

⁒. Телеграмма № 226. 26/13 января 1916 г.

Получил ваш № 210 [2].

Принимаю во внимание военную обстановку данной минуты на нашем фронте и отсутствие желания союзников увеличить свои силы

---

[1] Указанная нота Лансинга, датированная 18/5 янв. 1916 г., была вручена росс., англ., франц., итал. и япон. послам и бельг. посланнику в Вашингтоне. В ней Лансинг, высказываясь против вооружения торговых судов, указывал, что мера эта признавалась возможной раньше, до 1915 г., когда в борьбе с неприятельской торговлей действовали крейсера с тяжелой артиллерией, против которых вооружения торгового судна могли иметь только оборонительный характер. В настоящий же момент против подводных лодок эти вооружения могут иметь и наступательный характер. В качестве единственной меры, способной защитить жизнь граждан нейтральных государств, пользующихся торговыми судами, Лансинг выдвигал необходимость установления международных правил для действий подводных лодок по отношению к торговым судам.

[2] Тел. от 25/12 янв. за № 210 Сазонов просил Алексеева ускорить ответ на тел. за № 167 (см. стр. 66, прим. 1).

в Салониках, чтобы получить возможность начать оттуда наступательные действия и привлечь на себя бо̀льшую часть болгарской армии и часть сил германцев и австрийцев. Такое стремление союзников лишь сохранить за собою Салоники выразилось совершенно определенно; изменить его, повидимому, надежды нет [1]. Даже при согласии, подвоз новых значительных сил потребует продолжительного времени, в течение коего противник будет располагать свободой действий для переброски своих сил против Румынии. Следовательно, оказание помощи Румынии ляжет исключительно на наши плечи. Казалось бы, свежая, обладающая неизрасходованным запасом людского пополнения и материальных средств румынская, сильная числом, армия должна была бы уверенно вступить в борьбу. Но как предшествовавшее время, так и тон переговоров, изложенных в ваших телеграммах №№ 167 [2] и 204 [3], приводят к заключению, что такой веры нет, чем объясняется оттягивание решения до минуты, когда успех окончательно склонится на ту или другую сторону. При таких условиях с чисто военной точки зрения данной минуты нам было бы выгоднее принятие Румынией нейтралитета, даже с демобилизацией ее армий, если только можно быть уверенным, что нейтралитет не будет нарушен нашими противниками, и что в случае нарушения румыны не подчинятся совершившемуся факту, ограничившись одним протестом. Обеспеченный нейтралитет Румынии прикрывает сам по себе нашу границу от Черновцев до Дуная, сокращает наш стратегический фронт, освобождает от разброски сил и дает возможность избегнуть непосредственной борьбы с болгарами. Конечно, при решительном нашем успехе, обязательство сохранения нейтралитета падает само собою, и Румыния вступит в борьбу для достижения своих национальных идеалов. Дело дипломатии поддержать в румынах уверенность, что это лишь вопрос времени. Если такое решение недостижимо, если нейтралитет Румынии не осуществим или не может быть признан обеспеченным, то мы должны оказать Румынии вооруженную помощь, для чего могут быть предназначены, примерно, те силы, которые намечались для действий против Болгарии. Крайне нежелательно

---

[1] В тел. от 1 февр. /19 янв. за № 61 Извольский сообщил Сазонову, что, по словам Жоффра, «серьезное наступление против очень превосходных сил, которые теперь находятся против Салоник, будет возможно только после присоединения к англо-французским войскам в Салониках еще всей сербской армии и при участии итальянцев в значительных силах со стороны Валоны».

[2] См. стр. 66, прим. 1.

[3] 25/12 янв. тел. за № 204 Сазонов передал Алексееву тел. Поклевского от 24/11 янв. за № 16 (см. № 68).

отправлять эти силы, до 10 пехотных дивизий, на южную границу Румынии для защиты доступов к Бухаресту. При бедности и слабости железных дорог наших, идущих к румынской границе, и румынских, переброска этих сил потребует много времени. Отправлением на отдаленный театр военных действий до 5 корпусов мы лишаем себя возможности сосредоточить сильную армию на важнейшем участке собственной боевой линии и значительно растягиваем и без того превышающий 1 200 верст наш боевой фронт. Для ускорения срока фактической помощи русскими войсками выгоднее всего собрать нашу армию в Северной Молдавии, в районе Фольтичени—Герца. Этот район угрожает правому флангу всего фронта нашего противника и по своей важности прикует значительные его силы; сбор наших войск может быть использован быстро. Принятие нами на себя обеспечения Северной Молдавии дает возможность румынам всю почти армию сосредоточить для прикрытия своей южной границы, т. е. собрать силы, вполне достаточные для борьбы при условии энергичного развития нами удара в Буковине. Во всяком случае болгары и немцы не могут снять все свои войска, находящиеся против Салоник, и не будут в состоянии направить против Румынии значительные силы, на что нужно обратить внимание румынского генерального штаба. В изложенную общую мысль могут быть внесены некоторые изменения при выработке соглашения нашей и румынской армий.

Алексеев.

№ 86. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу и Бьюкенену.

№ 27[1]. 27/14 января 1916 г.

Une augmentation des contingents alliés à Salonique se présente comme très désirable. Ces forces en menaçant les armées bulgare et austro-allemande pourront immobiliser une grande partie des troupes ennemies dans les Balkans. De son côté la Russie pourrait diriger des forces considérables vers sa frontière sud-ouest. Il ne serait pas indiqué toutefois d'éloigner ces troupes de leur base d'opération vu le nombre restreint des voies ferrées existant entre la Russie et la Roumanie. Afin de pouvoir venir immédiatement en aide à la Roumanie il serait plus utile de masser l'armée russe sur les confins de la Moldavie du Nord [2]. Ces troupes y menaceront le flanc droit du front entier de l'ennemi.

[1] Маш. копия.
[2] Ср. № 85.

Celui-ci serait alors mis dans la nécessité d'y réunir à son tour des forces importantes. Notre concentration peut s'effectuer rapidement dans cette région. Le commandement suprême russe en assumant la défense du nord de la Moldavie mettra le commandement suprême roumain à même de concentrer toute l'armée roumaine sur la frontière méridionale du royaume. Les forces roumaines suffiront amplement pour y paraliser l'ennemi, simultanément au développement énergique de notre offensive éventuelle en Bucovine.

Перевод.

Увеличение численности союзного контингента в Салониках представляется весьма желательным. Угрожая болгарской и австро-венгерской армиям, эти силы могут иммобилизировать значительную часть неприятельских войск на Балканах. Россия, со своей стороны, могла бы направить крупные силы на юго-западную границу. Эти силы, однако, не следует удалять от их операционных баз, ввиду ограниченного количества железнодорожных путей между Россией и Румынией. Чтобы иметь возможность притти немедленно на помощь Румынии, было бы полезнее сосредоточить русскую армию на границах Северной Молдавии. Эти силы будут там угрожать правому флангу всего неприятельского фронта. Неприятель был бы тогда вынужден, в свою очередь, стянуть туда значительные силы. Сосредоточение наших войск может быть быстро произведено в этом районе. Принимая на себя оборону Северной Молдавии, русское верховное командование даст румынскому верховному командованию возможность сосредоточить всю румынскую армию на южной границе королевства. Румынских сил будет вполне достаточно для того, чтобы парализовать там противника при одновременном энергичном развитии нашего эвентуального наступления в Буковине.

№ 87. Министр иностранных дел послу в Риме Гирсу.

Телеграмма № 238. 27/14 января 1916 г.

Совершенно доверительно.

Прошу расшифровать лично.

Из секретного источника узнаю, что японский военно-морской агент в Риме донес своему правительству, что ввиду полного безденежья Италии можно ожидать в скором времени отставки Соннино и вступления Италии в переговоры об отдельном мире [1]. Хотя это

[1] Тел. от 25/12 янв. за № 113 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) болг. посланник в Вене Тошев сообщал Радославову в Софию о беседе с кардиналом Скапинелли, во время которой последний высказал опасение, что «при дальнейшем продвижении австро-венгерских войск в Албании положение итальянцев в Валоне может стать безвыходным», так как «австрийские суда и подводные лодки могут сделать почти невозможным отступление итальянцев из Албании». В связи с этим, по мнению Скапинелли, возможна отставка кабинета Саландра

известие и представляется мне мало вероятным, тем не менее прошу вас постараться узнать, что могло подать повод к его возникновению. При этом, во избежание обнаружения источника моего осведомления, благоволите воздержаться от всякого упоминания о японском морском агенте и телеграфируйте мне о последующем с соблюдением всех предосторожностей для сохранения этого вопроса в строжайшей тайне.

Сазонов.

№ 88. Посланник в Христиании министру иностранных дел.

*/. Депеша № 7. 27/14 января 1916 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретными телеграммами от [7 декабря] 24 [ноября] и [8 декабря] 25 ноября 1915 г. за №№ 214 [1] и 218 [2] я счел долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства, что шведский министр иностранных дел г. Валленберг, во время кратковременного пребывания своего в Христиании в минувшем ноябре, высказывался следующим образом:

«Мое положение весьма трудное. Несмотря на все германские интриги, чтобы заставить меня выйти в отставку, я останусь на своем посту до последней крайности. Пока я министром, Швеция останется нейтральной».

Сохранение за собою портфеля министра иностранных дел г. Валленбергом представляет гарантию нейтралитета Швеции, но гарантию весьма слабую. По последним известиям из Стокгольма, полученным здесь, положение г. Валленберга сильно пошатнулось; усиливается вероятность подачи им прошения об отставке, будто бы, вследствие переутомления. Активисты снова подняли голову в Швеции и действуют планомерно на общественное мнение страны, возбуждая чрез печать ненависть против Англии. Отношения между Англией и Шве-

---

и «появление у власти Луццати, как постепенный переход к кабинету Джиолитти». «Кардинал Скапинелли,— заканчивал Тошев,— склонен думать, что, несмотря на существующее здесь сильное озлобление против Италии, венский кабинет не отказался бы вступить в обмен мыслями с кабинетом Джиолитти и согласится на незначительные территориальные исправления, чтобы облегчить задачу миролюбивому итальянскому правительству. В интересах самой Австро-Венгрии не допускать, чтобы революция в Италии заменила монархический образ правления республикой».

[1] См. т. IX, стр. 483, прим. 2.

[2] См. т. IX, № 468.

цией за последнее время обострились: уже началась между этими странами война экономическая.

Ходят самые фантастические слухи о предстоящем, будто бы, весною активном выступлении Швеции в союзе с Германией против Англии и ее союзников и о том, будто бы, Швеция готовит 200 тысяч человек для вторжения в Финляндию одновременно с предстоящим натиском германской армии на рижский фронт. Эти и подобные этим слухи волнуют общественное мнение в Норвегии.

На очереди становится вопрос: какой будет образ действий Норвегии в случае, если Швеция открыто станет на сторону Германии?

Громадное большинство норвежского народа искренне желает только одного: не быть втянутым в мировую войну и остаться нейтральным. Симпатии широких кругов норвежского народа на стороне Англии, но еще сильнее желание сохранения нейтралитета. Поэтому едва ли Норвегия пошла бы заодно с Швецией против Англии и ее союзников. Норвежский народ продолжает питать недоверие к Швеции. Только десять лет протекло со времени расторжения унии, и еще не вполне забыты в Норвегии причины, подготовившие этот разрыв.

Настроение в Норвегии озабоченное: опасаются новых осложнений между Англией и Швецией. Швеция снабжена оружием из Германии на все свое полумиллионное войско; с другой стороны, по сведениям из источников, заслуживающих доверия, Швеция снабжает Германию железом из рудников Гелливара. Железо это идет из Лулео территориальными шведскими водами до южных портов Швеции, откуда, в темные безлунные ночи, переправляется в Германию вместе с другой военной контрабандой. Натравливание общественного мнения Швеции на Англию — дело германских рук. Слухи о том, что Швеция готовится сыграть роль скандинавской Болгарии, все более и более усиливаются.

Примите и пр. С. Арсеньев.

№ 89. Военный агент в Швеции, Дании и Норвегии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Письмо № 1521 [1]. 27/14 января 1916 г.

Наш здешний посланник телеграммами за №№ 7 [2], 8 [3] и 9 [4] донес министру иностранных дел о серьезности современного политиче-

[1] Маш. копия.

[2] См. стр. 73, прим. 2.

[3] См. стр. 75, прим. 1.

[4] Тел. Неклюдова за № 9 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

ского положения в Швеции. В дополнение к сему я не мог бы указать ни на одно военное мероприятие, которое было бы экстренно принято шведским правительством за последнее время, в связи с упомянутым выше новым политическим положением, для увеличения мобилизационной готовности своей армии. Все мероприятия в этой области откровенно публикуются в газетах во всеобщее сведение, а потому я ограничивался в своих донесениях лишь отметкой важнейших из них, требовавших некоторого разъяснения. $1^1/_2$ года внимательного изучения обычаев Швеции дают мне полное основание утверждать, что в упомянутой выше области никаких иных мер, кроме уже выше доложенных, тайно шведским правительством до настоящего времени принято не было. Такова фактическая сторона дела. Однако если вникнуть в сущность вышеизложенных мер, то получится картина, могущая вызвать, и не без веского основания, тревогу.

В парламенте и в текущей литературе открыто высказывалось и высказывается и ныне, что одною из наиболее слабых сторон шведской армии, в случае мобилизации, явится недостаточный кадр начальствующих лиц из нижних чинов и различных должностных лиц, тоже из нижних чинов (пулеметчики, кузнецы и т. п.). И вот с ноября 1915 года шведские власти неукоснительно и, пожалуй, даже в обход закона упорно удерживают на службе нижних чинов этих категорий, хотя это абсолютно не вызывается потребностями состояния личного состава шведской армии в данный момент. Против этого беспричинного удержания на службе протестовали открыто в газете «Dagens Noyheter» удержанные капралы 1-го гвардейского пех. полка (Svea), указавшие, между прочим, что им в ротах сейчас нечего делать. Однако мера эта все же продолжает систематически проводиться даже в мелочах и поныне. Так, еще на-днях задержаны на службе подлежавшие увольнению нижние чины, собранные в Стокгольме, интендантской роты, для подготовки к унтерофицерским должностям в интендантстве. В дополнение к этому надо обратить внимание и еще на то, что после рождества явно увеличились подготовительные работы на случай войны в Красном кресте и тому подобных санитарных учреждениях. Началась усиленная подготовка на краткосрочных курсах сестер милосердия. Стали усиленно готовить запасы вещей, каковые обычно заготовляются только, если есть серьезное предположение, что таковые понадобятся в близком будущем, особенно, если принять во внимание обычное весьма экономное расходование денежных сумм шведскими властями и обществом на все то, что не явно необходимо для государственной обороны и не может немедленно окупиться пользованием приобретенного. Так, например, ныне в больших для Швеции размерах, как это даже

сообщается в шведских газетах, заводятся для лазаретов на случай войны постельные принадлежности и хирургическое белье.

Для полноты картины следует еще прибавить, насколько это представляется возможным судить по гарнизону Стокгольма, что в шведской армии производятся интенсивные полевые занятия в усиленных даже против прошлого года размерах, а лица, прибывающие из провинции, особенно с юга, передают, что в широких слоях населения открыто говорят, что считают современное политическое положение в Швеции весьма серьезным. Вчера же при заключении С. С. Щетининым, директором авиационного завода, договора со шведской фирмой от него потребовали включить в контракт пункт о порядке производства платы «в случае перерыва железнодорожного сообщения Швеции с заграницей». Этим как будто косвенно подтверждается мнение, ходящее здесь, что дело до открытой войны все же не дойдет, но что таможенная война и особенно усиление торговых в отношении России репрессий весьма вероятны, в случае каких-либо новых со стороны Англии выступлений против Швеции.

Вот какова в настоящее время военно-политическая обстановка в Швеции при самой объективной оценке ее.

Полковник Кандауров.

№ 90. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 26. 27/14 января 1916 г.

На-днях полковник Метакса, греческого генерального штаба, предложил английскому военному агенту оттянуть все греческие войска к трем пунктам — Кавале, Воло и Катерине — под непременным условием, чтобы союзники ни под каким видом их там не тревожили, выражая при этом готовность оборонять Кавалу от нападения со стороны кого бы то ни было и посоветовать выступление наряду с союзниками после того, как последние отразят германскую атаку. Английский военный агент, изложивший этот план на заседании посланников, горячо его поддерживал, усматривая в нем возможность реорганизовать греческую армию, страдающую упадком духа, и эвентуально приобщить ее к делу союзников. С другой стороны, все остальные военные агенты категорически высказались против принятия этого предложения, считая его вдохновленным Германией, хотя бы из соображения о возможности наступления необходимости высадки союзных войск в Кавале. Вследствие военного характера вопроса, я уклонился от дачи отзыва, посоветовав английскому агенту изложить дело генералам Саррайлю и (Махо)ну. По-моему, план этот выработан не

без участия немцев, стремящихся открыть болгарам свободный доступ в греческую Македонию; он указывает к тому же на вероятность предстоящего нападения на союзников. С греческой точки зрения план этот имеет преимущество обеспечить войскам правильное снабжение и предоставить им удобное выжидательное положение к судьбе ожидающихся военных действий, в зависимости от коих, а также в случае серьезного поражения германо-болгар, Греция, может быть, решилась бы выступить против последних, ослабленных долгой войной, для сведения своих частных счетов с Болгарией и занятия Восточной Фракии без всяких рисков [1]. Возможно, что высказанные королем здешнему болгарскому посланнику три пожелания — телеграмма Гулькевича № 139 [2] — стоят в связи с вышеизложенными фактами.

Демидов.

№ 91. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

¹/. Телеграмма № 22. 27/14 января 1916 г.

Братиану сказал сегодня, [27] 14-го, французскому и итальянскому посланникам, что он не виделся еще с королем после аудиенции германского посланника [3], и что отъезд короля на охоту [4] должен считаться указанием на то, что нет немедленной опасности. Братиану полагает, однако, что нынешний кризис не миновал и допускает еще возможность предъявления Германией категорических требований, но это его беспокоит теперь несколько менее, так как он успел уже

[1] Дополнительно тел. от 28/15 янв. за № 31 Демидов сообщил, что ген. Саррайль и Махон «высказываются самым решительным образом против проекта дислокации греческих войск», предложенного греч. штабом. Позднее, тел. от 17/4 февр. за № 93, Демидов известил Сазонова, что греч. штаб «приступает в силу необходимости к осуществлению предложенных им державам Согласия перемещений войск без всяких со стороны союзников компенсаций».

[2] Тел. от 22/9 янв. за № 139 Гулькевич сообщил Демидову о полученных «из секретного источника» сведениях, что три недели назад король Константин «высказал болгарскому посланнику в Афинах три пожелания, исполнение коих австрийское правительство считает делом военных властей и, со своей стороны, поддерживает в Берлине».

[3] См. № 68.

[4] В тел. от 26/13 янв. за № 21 (опубл. Ц.Р., стр. 210) Поклевский передавал Сазонову, со слов Костинеску, что король «выехал сегодня вечером на сутки на давно назначенную охоту».

По мнению Костинеску, «император Вильгельм желает теперь же получить личное обещание румынского короля относительно сохранения Румынией нейтралитета до конца войны». О том же сообщал Фашиотти Соннино тел. от 31/18 янв. за № 158 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел).

всесторонне обдумать положение и принять меры обороны в сторону Болгарии. Я слышал из достоверного источника, что здешний генеральный штаб представил вчера подробный доклад об обороне военной границы Румынии и что выводы его значительно успокоили Братиану.

Поклевский.

№ 92. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Письмо. 27/14 января 1916 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к письму моему от [19] 6 сего января [1], имею честь представить у сего на усмотрение вашего высокопревосходительства текст контрпроекта, дополненный мной совместно с английским посланником [2] на основании данных, содержащихся в памятной записке, переданной вами сэру Джорджу Бьюкенену [3] и сообщенной мне телеграммой от [19] 6 января за № 90 [4].

Считаю нужным прибавить, что г. Марлинг еще не получил из Лондона каких-либо непосредственных указаний относительно возбужденного персидским правительством вопроса о союзном договоре, хотя ему и известно, что особенно индийское правительство отнеслось бы к заключению такового сочувственно.

Великобританский посол в Петрограде сообщил ему по телеграфу текст памятной записки вашего высокопревосходительства.

Примите и пр.

Н. Эттер.

Приложение.

Контр-проект союзного договора, выработанный российским и английским посланниками в Тегеране [5].

Article I.

A partir de la date de la signature de la présente convention et pour la durée de la guerre actuelle, il y aura alliance entre la Perse, la Russie et la Grande Bretagne, aux conditions suivantes:

---

[1] См. № 35.
[2] См. приложение к публикуемому документу.
[3] См. № 31.
[4] См. стр. 25, прим. 1.
[5] Маш. копия.

Article II.

La Russie et la Grande Bretagne s'engagent à faciliter au gouvernement persan l'acquisition et le transport en Perse d'une quantité suffisante de matériaux de guerre: fusils, munitions, canons, etc., nécessaires à l'équipement et à la formation d'une force de 25 000 à 30 000 hommes. La brigade des cosaques en comprendra dix mille hommes, et une force à créer pour les opérations militaires dans les régions méridionales de la Perse et qui sera organisée par des officiers qui seront mis à la disposition du gouvernement persan par le gouvernement britannique, comprendra 10 000 hommes [1].

Article III.

La Russie et la Grande Bretagne s'engagent à défendre la Perse dans le cas d'attaque par des forces ennemies. Les opérations sur territoire persan seront dirigées d'un commun accord entre les chefs des troupes russes ou anglaises opérant sur le territoire persan et des officiers supérieurs persans désignés par sa majesté le shah.

Article IV.

Le gouvernement impérial de Perse s'engage à partir de la signature du présent traité et pendant la durée de la guerre actuelle à user de toute son influence et à se servir de ses forces régulières et irrégulières dont la mobilisation sera possible, pour la sauvegarde de ses propres intérêts et de ceux de ses alliés sur le territoire persan.

Il s'engage en outre de faciliter aux troupes alliées l'acquisition de fournitures de toute espèce, telles que fourrage, provisions de bouche etc., aux prix courants.

De leur côté les deux grandes Puissances s'engagent, pour la durée du traité, à repousser et à conjurer par l'envoi de forces armées nécessaires et par d'autres moyens efficaces toute attaque ou autres dangers, dont une ou plusieurs puissances étrangères pourraient menacer la Perse.

Il est également entendu que dans le cas ou le trône de sa majesté sultan Ahmed shah se trouvait en danger les hautes parties contractantes ne manqueraient pas de l'assurer à sa majesté et à sa dynastie.

---

[1] На полях против этой статьи помета: «Англичане предлагают это выкинуть и заменить предоставлением права контрольной комиссии сделать распределение».

Article V.

Les troupes russes et anglaises, tant celles qui se trouvent actuellement en Perse que celles qui, conformément aux articles III et IV, pourraient s'y diriger éventuellement, évacueront complètement les territoires persans aussitôt que, de commun accord entre les trois gouvernements, leur évacuation sera jugée opportune.

Article VI.

Les gouvernements de la Grande Bretagne et de Russie s'engagent à s'entendre après la conclusion de la paix avec le gouvernement persan en vue de faciliter à ce dernier la liquidation éventuelle des emprunts persans contractés à l'étranger avant la date de la signature du présent traité.

Article VII[1].

Les gouvernements de Russie et de la Grande Bretagne mettront à la disposition du gouvernement persan, à partir de la date de la signature du présent traité jusqu'à l'expiration d'un mois après la signature de la paix européenne, une somme mensuelle de 70 000 livres sterling (350 000 tomans)[2].

En outre de la somme susmentionnée les gouvernements de la Grande Bretagne et de Russie fourniront mensuellement les fonds nécessaires pour l'entretien des forces prévues à l'article II et évalués en chiffres ronds à 600 000 tomans. Pour l'administration de cette somme il sera formé une commission spéciale de délégués russes, anglais et persans en nombres égaux aux mains desquels cette somme sera versée, et dont les attributions seront déterminées de commun accord. Il est entendu que sur l'ensemble de cette subvention 40 000 livres seront affectés à la brigade des cosaques, et 40 000 livres à une force à créer dans les régions méridionales de la Perse sous des officiers organisateurs anglais.

L'accord en date du octobre[3] restera en vigueur en tant qu'il s'agit des versements mensuels du moratorium (£. 30 000).

Mais les sommes provenant de son effet rétroactif seront affectées à la liquidation d'une partie des dettes du gouvernement persan envers

---

[1] В первоначальном контр-проекте (см. стр. 29, прим. 1) эта статья совсем отсутствовала.

[2] На полях помета карандашом: «Нужно определить только в томанах ввиду колебаний курса».

[3] Ср. т. VIII, № 898 и приложение к нему.

la Banque d'Escompte et de Prêtes et de la Banque Impériale de Perse [1].

Le gouvernement persan ne sera pas tenu de rembourser les frais occasionnés par leur [2] séjour en Perse ni les pertes qu'elles auraient pu subir [3].

Article VIII.

Les gouvernements de Russie et de la Grande Bretagne se déclarent prêts à renoncer à l'avenir au système de protection de tribus et de sujets persans. Ils ne se considèrent toutefois pas en droit de retirer leur protection aux personnes et tribus, auxquelles cette protection avait été accordée antérieurement, à moins que les protégés n'y renoncent de leur propre gré.

Article IX [4].

Les gouvernements de Russie et de la Grande Bretagne acceptent en principe la révision du traité de commerce de Tourkmantchaï du 22/10 février 1828 et du protocole cérémonial y annexé, ainsi que la discussion sur les droits et obligations des étrangers possédant des propriétés en Perse. La date de l'ouverture des séances de la commission qui sera constituée à cet effet sera fixée de commun accord entre les trois gouvernements contractants et avant l'expiration d'une année après la conclusion de la paix européenne.

---

[1] В оригинале слова: «en tant... Impériale de Perse» вставлены от руки.

[2] Т. е. воинских частей.

[3] В первоначальном контрпроекте этой статьи вместо слов: «En outre de la somme susmentionnée ... pu subir» было: «Cette somme sera versée en outre de la somme de £. 100 000 (500 000 tomans) qui représente le chiffre approximatif des dépenses pour l'entretien de la force prévue à l'article II.— Du total de cette dernière somme, 200 000 tomans seront affectés spécialement à l'entretien de la brigade des cosaques. Cette somme de £. 100 000 (500 000 tomans) dénommée fond militaire sera versée directement entre les mains d'une commission spéciale, chargée, sous contrôle, du budget militaire». («Эта сумма будет предоставлена сверх суммы в 100 000 ф. ст. (500 000 томанов), которая представляет собой приблизительную цифру расходов на содержание силы, предусмотренной статьей II. Из этой последней суммы 200 000 томанов будут отнесены специально на содержание казачьей бригады. Эта сумма в 100 000 ф. ст. (500 000 томанов), которая получит название военного фонда, будет непосредственно передана в руки специальной комиссии, которой поручено будет под контролем составлять военный бюджет».)

[4] В оригинале последние две статьи ошибочно помечены пп. X и XI.

Article X.

Les gouvernements de la Grande Bretagne et de Russie acceptent en principe la révision du tarif douanier. Une commission ad hoc spéciale des trois Puissances sera convoquée dans le délai d'une année après l'expiration du présent traité.

Перевод.

Статья I.

Начиная со дня подписания настоящей конвенции и в продолжение текущей войны, между Персией, Россией и Великобританией будет [существовать] союз на следующих условиях:

Статья II.

Россия и Великобритания обязуются облегчить персидскому правительству приобретение и доставку в Персию достаточного количества военных материалов: ружей, боевых припасов, пушек и т. д., необходимых для вооружения и сформирования воинской части от 25 000 до 30 000 человек. Из них 10 000 человек войдет в состав казачьей бригады и 10 000 чел. в состав воинской части, имеющей быть сформированной для военных операций в южных областях Персии, под руководством офицеров, которые будут предоставлены английским правительством в распоряжение правительства Персии.

Статья III.

Россия и Великобритания обязуются защищать Персию в случае нападения неприятеля. Операции на персидской территории будут проводиться по общему соглашению между начальниками русских и английских войск, оперирующих на персидской территории, и высшими персидскими офицерами, назначаемыми его величеством шахом.

Статья IV.

Императорское правительство Персии обязуется, начиная с момента подписания настоящего договора и в продолжение текущей войны, употребить все свое влияние и использовать свои регулярные и нерегулярные войска, мобилизация которых будет возможна, в целях ограждения своих собственных интересов и интересов своих союзников на персидской территории.

Кроме того, оно обязуется облегчить союзным войскам снабжение всякого рода: приобретение фуража, продовольствия и т. д. по рыночным ценам.

Со своей стороны обе великие державы обязуются на время действия этого договора предупреждать и отражать, путем посылки необходимой вооруженной силы и другими действительными средствами, всякое нападение или какую-либо опасность, которые могли бы угрожать Персии со стороны одной или нескольких иностранных держав.

Точно так же условлено, что, в случае если бы престол его величества султана Ахмед-шаха оказался бы в опасности, высокие договаривающиеся стороны не преминут обеспечить престол за его величеством и его династией.

Статья V.

Русские и английские войска, как те, которые находятся в настоящее время в Персии, так и те, которые согласно статьям III и IV могли бы быть туда направлены, будут полностью эвакуированы с персидской территории, как только по общему соглашению между тремя правительствами эвакуация их будет признана своевременной.

Статья VI.

Правительства Великобритании и России обязуются после заключения мира договориться с персидским правительством с целью облегчить этому последнему возможную ликвидацию персидских займов, заключенных за границей до дня подписания настоящего договора.

Статья VII.

Правительства России и Великобритании обязуются предоставлять в распоряжение персидского правительства, начиная со дня подписания настоящего договора и до истечения одного месяца после подписания европейского мира, ежемесячно сумму в 70 000 ф. ст. (350 000 томанов).

Кроме вышеуказанной суммы правительства Великобритании и России будут ежемесячно предоставлять средства, необходимые для содержания военных сил, предусмотренных в статье II, и исчисляемые в круглой сумме в 600 000 томанов. Для расходования этой суммы будет образована специальная комиссия из русских, английских и персидских представителей поровну, в распоряжение которых будет передана эта сумма и функции которых будут определены по общему согласию. Условлено, что из этой суммы 40 000 фунтов будут израсходованы на нужды казачьей бригады и 40 000 фунтов на нужды воинской части, имеющей быть сформированной в южных областях Персии под руководством английских офицеров-инструкторов.

Соглашение от октября останется в силе, поскольку оно касается ежемесячных взносов по мораторию (30 000 ф. ст.).

Но суммы, получаемые от действия обратной его силы, пойдут на ликвидацию части долгов персидского правительства Учетно-ссудному банку и Имперскому банку Персии.

Персидское правительство не будет обязано возмещать расходы, вызванные их [1] пребыванием в Персии, ни потери, которые они могут понести.

Статья VIII.

Правительства России и Великобритании заявляют, что они готовы отказаться в будущем от системы покровительства племенам и отдельным персидским подданным. Однако они не считают себя вправе лишить покровительства тех лиц и те племена, которым это покровительство было предоставлено раньше, если только сами покровительствуемые не откажутся от него по собственному желанию.

Статья IX.

Правительства России и Великобритании дают в принципе согласие на пересмотр торгового Туркманчайского договора от 22/10 февраля 1828 г. и цере-

[1] Т. е. воинских частей.

мониального протокола, приложенного к нему, а также на обсуждение вопроса о правах и обязанностях иностранцев, владеющих собственностью в Персии. День открытия заседаний комиссии, которая будет учреждена для этой цели, будет назначен по общему согласию трех договаривающихся правительств и до истечения годичного срока после заключения европейского мира.

Статья X.

Правительства Великобритании и России в принципе соглашаются на пересмотр таможенного тарифа. Специальная комиссия ad hoc от трех держав будет созвана в течение годичного срока после того, как настоящий договор потеряет свою силу.

№ 93. Министр иностранных дел послам в Лондоне и Париже — Бенкендорфу и Извольскому.

Телеграмма № 270. 28/15 января 1916 г.

Получив текст предложенного Греем заявления бельгийскому правительству [1], считаю желательным исключить слова: «largement indemnisée des dommages qu'elle a subis» [2], так как, не возражая против намерения в свое время настаивать на справедливом вознаграждении Бельгии, опасаюсь, что обязательство не прекращать войны, пока это условие не будет выполнено, может создать большие затруднения союзникам, тем более, что может возникнуть вопрос о принятии подобного же обязательства по отношению к Сербии и Черногории. Кроме того, если Италия и Япония присоединятся к нашему заявлению, придется, мне кажется, заменить слова «Puissances Garantes» выражением «Puissances alliées» [3].

Сазонов.

---

[1] См. № 17.

В Арх. Вн. Пол. в деле А. В. 121 хранится документ без даты следующего содержания: «Проект декларации, которая будет сделана державами-гарантами Бельгии.

Текст, предложенный сэром Э. Греем:

Державы-гаранты заявляют, что в подлежащий момент бельгийское правительство будет приглашено принять участие в мирных переговорах и что они не прекратят военных действий, пока Бельгия не будет восстановлена в ее политической и экономической независимости и не будет широко вознаграждена за понесенные ею убытки. Они окажут Бельгии помощь, чтобы обеспечить ее торговое и финансовое восстановление».

[2] «широко вознаграждена за понесенные ею убытки».

[3] Тел. от 28/15 янв. за № 271 Сазонов известил Гирса и Малевского: «Сношусь с Парижем и Лондоном в целях внесения небольших поправок в текст заявления бельгийскому правительству».

№ 94. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 45. 28/15 января 1916 г.

Копия в Рим.

Получил вашу телеграмму № 186 [1] и Поклевского № ... [2].

Переговорил по их содержанию с Брианом, который сказал мне нижеследующее. Хотя в настоящую минуту не может быть речи о переходе солуньских отрядов в наступление, Франция, с своей стороны, делала все, что от нее зависит, чтобы усилить эти отряды и приготовить их к активным действиям [3]. Сейчас происходит безостановочная отправка в Солунь требуемых генералом Сарраилем подкреплений, в размере до 2 дивизий. Французский контингент в Солуни, состоявший первоначально из 60 000 человек, доведен ныне почти до 100 000 при 30 батареях крупных орудий. По мере восстановления сербской армии, она также будет направляться в Солунь. Бриан не преминет обсудить с генералом Жоффром дальнейшие меры, которые могли бы произвести на неприятеля впечатление, что союзники не намерены ограничиться обороной. Но вопрос о переходе салоникских войск в наступление может разрешиться не иначе, как в связи с общим планом действий союзников. План этот подробно разрабатывается французским генеральным штабом. Он будет в (свое) время представлен на рассмотрение союзников и послужит предметом предположенной дипломатической и военной конференции в Париже. Со своей стороны, считаю долгом прибавить, что Бриан, как я уже доносил [4], является лично убежденным сторонником широкого развития операций на балканском фронте, и что мы можем вполне рассчитывать на его воздействие в этом смысле как в Лондоне, так и в Риме, куда он поедет в первой половине февраля нового стиля [5].

Извольский.

---

[1] См. № 65.

[2] В оригинале номер отсутствует.

[3] Со своей стороны Гирс, ссылаясь на тел. Сазонова за № 186, сообщил в тел. от 27/14 янв. за № 76, что Соннино, «вполне соглашаясь с необходимостью поддержать Братиану», дал соответствующие инструкции итал. посланнику в Бухаресте, но «упорно отказывается обещать послать итальянцев в Салоники, утверждая, что наступления оттуда так скоро не будет». Гирс указывал, что в этом вопросе Соннино расходится во мнении с итал. ген. штабом, «на сторону которого постепенно переходит, повидимому, общественное мнение, привыкающее к мысли о посылке войск в Салоники».

[4] См. № 43.

[5] Тел. от 9 февр. /27 янв. за № 87 Извольский сообщил, что в этот день Бриан выехал в Рим в сопровождении м-ра без портфеля Буржуа, пом. воен. м-ра по артиллерийской части А. Тома, директора полит. деп-та м-ва ин. дел Маржери, ген. Пэлле и Дюмезиль.

№ 95. Представитель Ставки при штабе французского главнокомандующего начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву.

Телеграмма № 38 [1]. 28/15 января 1916 г.

102 [2]. Говорил с главнокомандующим генералом Жоффром. Создание постоянного совета не представляется возможным; ни англичане, ни итальянское правительство не желают назначить постоянных представителей, участие же в совете их военных агентов, не имеющих никаких полномочий, бесцельно. Лично генерал Жоффр также, видимо, не сочувствует учреждению постоянного совета, но на первой конференции решено было собирать таковые периодически для решения назревающих вопросов, и следующую конференцию генерал Жоффр решил собрать в первой половине марта нового стиля, т. е. в конце нашего февраля. К этому времени очень прошу прислать мне указания, а также записки отдельно по каждому из вопросов, которые вы желаете подвергнуть обсуждению конференции. Перевод записок на французский язык я могу сделать здесь, если они прибудут ко мне заблаговременно и не будут слишком обширны. Очень просил бы записки эти прислать с офицером вашего штаба, который был бы осведомлен в предположениях и мог бы давать мне дополнительные к запискам сведения. О времени, когда этот офицер может прибыть в Париж, прошу меня уведомить телеграммой, дабы в зависимости от этого назначить срок созыва конференции. На этой конференции я вновь подниму, настойчиво буду проводить вопрос об учреждении постоянного совета. На-днях генерал Жоффр даст мне записку о своих предположениях для составления плана действий и предполагаемых им летом операций союзников, содержание которой я немедленно сообщу вам подробной телеграммой и затем записку перешлю с ближайшим курьером.

Жилинский.

№ 96. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 24. 28/15 января 1916 г.

Лично.

Весьма доверительно.

Я видел сегодня, [28] 15 января, Братиану немедленно после его аудиенции у короля. Братиану сказал мне, что германский посланник не формулировал перед королем каких-либо определенных и категорических германских требований, но что фон Буш довел до сведения его величества о неудовольствии германского правительства не только

[1] На оригинале, хранящемся в делах Военно-исторического архива, помета Алексеева: «Доложено его величеству [14] 1 февраля 1916 г.».

[2] См. № 39.

продажей зерна англичанам, но и вообще всей политикой румынского правительства, которая заставляет Германию сомневаться в нейтралитете Румынии. Братиану уверял меня, что король не сообщил ему своего точного ответа германскому посланнику, а лишь ограничился заявлением Братиану, что его величество считает нынешнюю политику Румынии наиболее соответствующей ее интересам и оставление у власти нынешнего правительства — наилучшей гарантией проведения этой политики. Братиану полагает, что острый кризис миновал, но он считает скорое возобновление его вполне возможным, а потому находит, что и нам и Румынии следует своевременно принять соответствующие военные меры. По его словам, внезапным нападением с юга Германия может преследовать две цели: 1) стараться захватить Бухарест и дезорганизовать румынскую мобилизацию и 2) захватить Добруджу, дабы создать новый фронт для действий против России, вероятно, через Галац или Тульчу. Братиану считает, что Румыния может своими средствами успешно защитить Бухарест и линию Дуная, но одновременная защита Добруджи ей не по силам и ей в этом необходимо содействие России. Если же Россия этого сделать не может, то Румынии придется эвакуировать Добруджу в момент неприятельского вторжения. Более подробные соображения по последнему вопросу я позволю себе представить в другой телеграмме на основании разговора, который я имел сегодня же с румынским генералом, главным сотрудником Братиану по военным делам [1]. В бытность здесь Шебеко [2], я неоднократно высказывал ему мое мнение, что одним из необходимых условий для побуждения Румынии к выступлению является сосредоточение нами особой армии для действий против Болгарии. Пережитый же ныне кризис лишь подтверждает это мнение и приводит меня к убеждению, что мы можем лишь тогда быть совершенно уверенными в том, что Румыния даст надлежащий отпор германским притязаниям даже при нынешней обстановке на театре военных действий, когда у нас будет сосредоточена по соседству с Румынией приблизительно двухсоттысячная армия, готовая для действий, базой коих будет Добруджа. Я также убежден в том, что сообщенный мне одним из моих коллег план нашего штаба предоставить в помощь

[1] 28/15 янв. тел. за № 25 Поклевский передавал Сазонову соображения рум. генерала, «под руководством коего делаются все военные приготовления Румынии». Сообщая, что немцы и их союзники имеют в настоящее время на болгаро-рум. границе войска до 250 000 чел. и что длина рум. границы позволит Румынии «защищать успешно лишь линию Дуная и границу со стороны Австро-Венгрии», генерал отмечал, что «защита Добруджи должна остаться на нашем попечении» и что «нам для этого следовало бы иметь армию в 200 000 человек».

[2] См. т. IX, № 615.

Румынии десять дивизий на фронте Фольтичени — Герца [1] не удовлетворит румынское правительство, и я даже опасаюсь, что оно усмотрело бы в нашем проекте желание просто переименовать уже действующие на нашем фронте части в «вспомогательную» для Румынии армию [2].

Поклевский.

№ 97. Справка по общей канцелярии министра финансов.

28/15 января 1916 г.

Возбужденный французским правительством вопрос о необходимости установления соглашения между союзными государствами в целях объединения интересов сих государств в области ближайших после войны задач их экономической политики [3] заслуживает бесспорно всемерного внимания и сочувствия, и своевременное разрешение его является крайне желательным.

Обращаясь к области тех главнейших задач, которые могут и должны быть выдвинуты при установлении упомянутого союзного соглашения на первую очередь, необходимо прежде всего остановиться на рассмотрении наших отношений к экономически наиболее мощной и богатой свободными капиталами Англии.

В Англии в настоящее время выдвигаются в качестве очередных после войны задач: 1) более тесное экономическое объединение метрополии с ее колониями, 2) полное уничтожение экономической зависимости Англии от Германии, каковая цель может быть достигнута развитием в Англии тех отраслей промышленности, продуктами коих Англия питалась если не исключительно, то в значительной мере из Германии (продуктами химической, электротехнической и некоторых других отраслей промышленности), и 3) общее развитие в Англии всех отраслей промышленности с целью усиления своего экспорта на мировой рынок и вытеснения с последнего продуктов Германии.

В отношении первой из указанных выше задач ближайшей экономической политики Англии необходимо отметить, что объединение Англии с ее колониями должно, очевидно, получить главным образом выражение, в связи с другими новыми задачами ее экономической

---

[1] См. № 85.

[2] В ответ на тел. Сазонова от 30/17 янв. за № 296, передававшую содержание тел. Поклевского за № 25 (см. стр. 108, прим. 1), Алексеев сообщал: «Нужно поставить вопрос на почву серьезно-деловых переговоров и разработки плана совместных действий. Нет цели выслушивать односторонние пожелания румынских генералов или мнения коллег нашего посланника, дела это не разъясняет, а ненужные разговоры порождает» (тел. от 31/18 янв. за № 335).

[3] См. № 51.

политики, в обеспечении себя всем необходимым ей сырьем. Нельзя, однако, упускать из виду, что мера эта существенным образом затрагивает экономические интересы России. Для России одной из главнейших ее задач в области предстоящего ей экономического развития и, в частности, в интересах повышения курса нашего рубля, восстановления золотой валюты и упрочения денежного обращения в стране— представляется возможное усиление нашего экспорта, являвшегося до войны главнейшей, почти единственной активной статьей в нашем международном расчетном балансе. Главнейшими предметами нашего вывоза, в соответствии с характером естественных богатств нашей страны и уровнем ее промышленного развития, являлись по преимуществу жизненные продукты и разного рода сырье. При таких условиях представляется крайне желательным, чтобы Англия при разрешении первой из выдвигаемых в области будущей ее экономической политики задач сочетала имеющие быть принятыми в отношении более тесного экономического объединения метрополии с ее колониями меры с международноторговыми интересами России.

В отношении же другой из выдвигаемых в Англии задач — развития местной промышленности в связи с противодействием мировому хозяйственному господству Германии — нельзя не иметь в виду нижеследующее.

Для России по окончании войны вырастает громадная по своим размерам задача по развитию производительных сил и насаждению всех тех отраслей промышленности, которые, по естественным условиям, могут у нас существовать.

Скорое достижение этой цели возможно, однако, лишь в том случае, если в Россию будут притекать в необходимых размерах как иностранный капитал, так и заграничные технические силы. Можно быть разных взглядов относительно ближайших оснований, на которых следовало бы допускать в будущем приток к нам иностранного капитала, но самая потребность привлечения его в той или другой форме для развития наших производительных сил не вызывает, конечно, сомнений. До сих пор участие английского капитала в промышленных предприятиях России было сравнительно ограниченным, в особенности если принять во внимание, что общая сумма вложенных подданными Великобритании в иностранные и колониальные ценности сбережений составляет, по последним подсчетам, около 3 836 млн. фунт. стерл., в том числе 1 900 млн. в иностранных и 1 936 млн. в колониальных ценностях [1].

[1] Сколь сравнительно невелико участие англ. капитала в русских предприятиях, видно из того, что, например, в течение года, с 1 июля 1908 г. по 1 июля

Расширение участия английского капитала и крупных технических сил нашей союзницы в русских промышленных предприятиях явилось бы, конечно, наиболее серьезным средством борьбы с проникновением в Россию германской предприимчивости, и па это обстоятельство представлялось бы желательным обратить внимапие англичан при предстоящем обсуждении международной экономической политики после войны.

При этом осуществление указанной цели вполне отвечало бы, казалось, и экономическим интересам Англии, так как, при достигнутой ею уже высокой степени индустриализации, сфера дальнейшего приложения английского капитала к английской промышленности является, по необходимости, более или менее ограниченной, тогда как Россия, с ее неисчерпаемыми и далеко еще неиспользованными естественными богатствами и при дешевизне в ней труда, могла бы представить обширное в этом отношении поле деятельности для английского капитала, быть может более выгодное, чем сама Англия, и обеспечивающее при этом одинаковые для последней результаты как в смысле вообще продуктивного использования ее национального богатства, так и в смысле педопущения преобладания Германии на мировом рынке.

Общей же основой будущих союзных соглашений во имя жизненных экономических интересов России должно явиться определенное направление ее таможенной политики.

В этом отношении возможно было бы наметить: во-первых, введение независимых, автономных и достаточно высоких в покровительственных целях тарифных ставок для продуктов тех отраслей промышленности, развитие коих у нас является безусловно необходимым в интересах подъема отечественных производительных сил и использования естественных богатств страны; и, во-вторых, установление диференциальных ставок (в минимальном размере для союзных государств) в отношении тех предметов, ввоз коих не противоречит интересам развития отечественной промышленности или является для ее деятельности необходимым, или, наконец, отвечает государственным интересам, как, например, интересам обороны.

Справка о принимаемых во Франции и Англии мерах экономической борьбы с центральными империями при сем прилагается [1].

1909 г., Англией было вложено в колониях 72,5 млн. ф. ст. и за границей 103,1 млн. ф. ст., в том числе в Россию лишь 9,5 млн. ф. ст. [Прим. оригинала.]

[1] Приложение не воспроизводится.

№ 98. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому.

Письмо № 59. 29/16 января 1916 г.

Секретно.

М. г. Николай Андреевич,

Барон Мотоно прочел мне, по поручению своего министра иностранных дел, сообщение последнего на его имя, в коем передается о попытке немцев завязать отдельные переговоры с Японией. Германский посланник в Пекине, посетив недавно Тяньцзин имел весьма секретное свидание с тамошним японским генеральным консулом, перед которым высказался в следующем приблизительно смысле:

Германия, имея пред собою важные задачи на Ближнем Востоке, готова не преследовать никаких политических целей в ущерб Японии на Дальнем Востоке. Между тем Россия и Англия являются естественными противниками Японии в этих областях, доказательством чему, между прочим, служит их двусмысленное отношение к японским интересам в китайских делах. Как достоверно известно посланнику, Англия заявила китайскому правительству, что и после войны она будет содержать целую эскадру в Тихом океане и устроит для нее сильную базу в Гонконге. Поэтому успешная борьба Германии с Англией — в интересах Японии, и Германия надеется, что токийский кабинет, оценя значение немецких предложений, с своей стороны в виде компенсации постепенно прекратит снабжение союзников оружием.

Генеральный консул не счел себя, конечно, в праве вступать в какие-либо объяснения по этому вопросу и донес об изложенном в Токио; японское правительство, как и следовало ожидать, решило не давать посланнику никакого ответа.

Я поблагодарил барона Мотоно за его любезное сообщение, которое он просил не предавать огласке, и указал, что оставшаяся безрезультатной попытка немецкого агента лишний раз свидетельствует о безвыходном положении Германии и напрасном старании ее разъединить союзников.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 99. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 50. 29/16 января 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Корфу.

Получил вашу телеграмму № 235 [1].

Переговорил по ее содержанию с Камбоном. Генерал Жилинский, со своей стороны, вследствие телеграммы, полученной им из главной

[1] См. стр. 84, прим. 2.

квартиры, настойчиво высказался перед Брианом и генералом Жоффром и телеграфирует ответ их непосредственно генералу Алексееву[1]. В общем здесь существует убеждение, что спасение сербской армии вполне обеспечено. По последним сведениям, всего до вчерашнего числа вывезено свыше 20 000 сербов; Медуя, вследствие наступления австрийцев, эвакуирована, но вся артиллерия оттуда вывезена, а также провиант сожжен. Сербы отступают на Дураццо и Валону, и между ними и австрийцами сохраняется достаточная дистанция. Французы делают все, что от них зависит. Не могу не присовокупить, что телеграммы Пашича вызывают раздражение и что требования его не соответствуют фактическому положению, например: эвакуации Медуи и решению Италии не защищать Дураццо.

Извольский.

№ 100. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 29/16 января 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Приехавший сюда из Женевы представитель Петроградского телеграфного агентства, Сватковский, ознакомил меня с составленной им запиской «о германо-австрийских планах против России» на почве польского вопроса. В записке этой, отправляемой вам с сегодняшним курьером, г. Сватковский приходит к заключению о необходимости заранее принять, с нашей стороны, предупредительные меры против сказанных планов. Одной из подобных мер, по его мнению, могло бы явиться подтверждение державами Согласия желательности объединения Польши, причем, во избежание потери времени на переговоры, задачу эту могла бы исполнить Россия, повторив, в несколько более определенных чертах, воззвание великого князя, с более ясным указанием будущих границ Польши и, может быть, характера ее автономии; державы Согласия могли бы торжественно поздравить, телеграммами, Россию с ее великодушными решениями в пользу польского народа, что произвело бы громадное впечатление на польский мир.

Отнюдь не решаясь судить, насколько намеченная г. Сватковским программа приемлема для нас по существу, считаю долгом, со своей стороны, высказать, что собственные мои наблюдения приводят меня к убеждению, что сохранение нами нынешнего неопределенного

[1] Ответ, данный Жилинскому Брианом и Жоффром, в основном совпадает с содержанием публикуемого документа. Жилинский сообщал также, что «противодействие итальянцев удалось побороть, и посадка в Дураццо и Валоне будет производиться беспрепятственно» (тел. Жилинского от 29/16 янв. за № 39).

положения в польском вопросе может иметь весьма для нас вредные последствия. Для нас, мне кажется, далеко не безразлично, каким образом отнесется, в момент заключения мира, общественное мнение союзных держав к наиболее важным для нас вопросам, к которым, я, кроме вопроса о Проливах, причисляю и вопрос польский. В обоих этих вопросах французская публика всех категорий весьма склонна итти по ложному пути, и необходимо приложить все усилия к тому, чтобы на этой почве не могло возникнуть между нами и Францией серьезных недоразумений. Так например, здесь все более и более получает право гражданства формула, что ближайшей целью войны является «восстановление» Бельгии и Сербии и «la liberté de la Pologne» [1]; не далее, как вчера, формула эта была употреблена в публичной речи одним из здешних влиятельных политических деятелей, г. Барту, и вызвала шумные рукоплескания; что именно разумеется под выражением «la liberté de la Pologne», остается не вполне ясным, но нельзя не опасаться, что, при нынешних неопределенных обстоятельствах и под влиянием традиционных симпатий к Польше, оно будет толковаться в самом широком смысле; таким образом, общественное мнение во Франции может легко и незаметным образом примкнуть к отмеченному г. Сватковским течению среди самих поляков, даже наиболее склонных к России, в пользу создания вполне независимой Польши.

Вследствие вышеизложенного мне кажется, независимо от аргументов г. Сватковского и становясь на точку зрения наших отношений к Франции, что крайне желательно ныне же более ясным образом определить наше отношение к польскому вопросу путем заявления, которое приобрело бы особенную силу, если к нему присоединятся, в той или другой приемлемой для нас форме, наши союзники.

Примите и пр.

Извольский.

№ 101. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 86. 29/16 января 1916 г.

Совершенно доверительно.

Лично.

Телеграмма за № 238 получена [2].

Прошу расшифровать лично.

Слух не лишен основания, но (ра)но приходить, полагаю, к слишком быстрому заключению. Здесь замечается падение духа и уста-

[1] «свобода Польши».

[2] См. № 87.

лость. Страдают не от безденежья, а от дороговизны угля. Англичане не относятся достаточно серьезно к этому жизненному для Италии вопросу. Не следовало бы останавливаться перед выдачей угля, даже с убытком. Сильное впечатление производит судьба Сербии и, в особенности, Черногории. Оно сильнее теперь, чем вначале, так как поняли, что вопрос серьезен для Италии и что поздно итти на помощь. Некоторая часть общественного мнения винит в бездействии правительство, которое, действительно, менее прочно. Вообще же трудно рассчитывать на Италию при всех событиях. В самом кабинете некоторые члены начинают верить в непобедимость Германии. Саландра колеблется. Самые стойкие — Соннино и Мартино.

Гирс.

№ 102. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 87. 29/16 января 1916 г.

Совершенно доверительно.

Копия в Париж.

Вчера совет министров принципиально решил вопрос об усилении итальянского отряда, высаженного в Валоне. Соннино доверительно сообщил мне, что он ставит вопрос о своем пребывании у власти в зависимость от высадки в Албании отряда, достаточно сильного для защиты Валоны от неприятеля, так как потеря Валоны произвела бы самое удручающее и крайне неблагоприятное впечатление в Италии [1]. Лично он желал бы защитить Дураццо, но вследствие настояний военных должен был отказаться от этого [2].

Гирс.

---

[1] Тел. от 8 февр./26 янв. за № 130 Гирс передал полученные от морского агента Беренса сведения, что итальянцы обратились в Париж с просьбой «о присылке бригады дредноутов в Валону, соглашаясь даже, чтобы эта бригада оставалась под начальством французов, а не командующего итальянским флотом». Запрошенный по этому поводу Сазоновым, Извольский подтвердил эти сведения и сообщил, что «в Бриндизи уже находится дивизия из 3 французских броненосцев; вопрос о посылке новой дивизии из 3 дредноутов рассматривается в здешнем морском министерстве» (тел. Сазонова от 10 февр./28 янв. за № 486 и тел. Извольского от 12 февр./30 янв. за № 100).

[2] Тел. от 26/13 янв. за № 69 Гирс сообщил, что Соннино надеется убедить ген. Кадорна усилить итал. отряд в Валоне, но что Кадорна «категорически отказывается от защиты Дураццо, которое, в случае подхода австрийцев или болгар, будет, вероятно, эвакуировано».

*

№ 103. Посланник в Бельгии министру иностранных дел.

Телеграмма № 2. 29/16 января 1916 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 26 [1].

Вернувшийся только что из Ля-Пан [2] министр иностранных дел просит передать вашему высокопревосходительству, что на состоявшемся в четверг [3], под председательством короля, совете министров, его величество поручил барону Бейенсу ходатайствовать перед правительствами союзных держав (...) о гарантировании политической и экономической независимости Бельгии, сделать письменное заявление, что эта гарантия распространяется также на ее африканские владения. (Министр иностранных дел)... обратился с такой же просьбой к французскому и великобританскому посланникам.

Кудашев.

№ 104. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 35. 29/16 января 1916 г.

Копии в Париж и Рим.

Итальянский посланник доверительно сообщил мне, что на аудиенции итальянского морского агента король лестно отозвался о поведении Италии, не пославшей войск на Корфу, и заявил, что Франция заняла Корфу, чтобы предупредить его занятие итальянцами [4]. Итальянский

---

[1] См. № 17.

[2] 24/11 янв. И. Кудашев, вернувшись из Ля-Пан, где он был принят бельг. королем, извещал Савонова (тел. за № 1) о сделанном им заявлении королю, что «между правительствами России, Франции и Англии (состоялось) соглашение касательно гарантии политической и экономической независимости Бельгии, обеспечения ей вознаграждения за понесенные убытки, незаключения мира до окончательной эвакуации королевства и, наконец, приглашения Бельгии участвовать в выработке условий мира». Отмечая далее, что король неоднократно благодарил за это известие, Кудашев сообщал, что декларация означенного соглашения еще не могла быть сделана бельг. прав-ву, так как англ. и франц. посланники еще не получили надлежащих инструкций. В заключение Кудашев добавлял, что, при проезде через Париж, он посетил Ж. Камбона, который сказал, что «хотя все пункты будут приняты и утверждены державами Тройственного согласия, текст ее [декларации] будет окончательно оформлен лишь по получении ответа от правительств Италии и Японии, которым также предложено подписать декларацию».

[3] 27/14 января.

[4] Со своей стороны Соннино подтвердил эти сведения Гирсу. По его словам, король Константин, принимая итал. морского агента, заявил ему о полученном им от французов сообщении, что «они заняли Корфу для предупреждения занятия его итальянцами, которое привело бы к присоединению» (тел. Гирса от 1 февр./19 янв. за № 102).

посланник, не придавая значения словам короля, склонен подозревать французов в интриге. Он советует в Риме произвести итальянский десант на Корфу, считая такой способ лучшим для поддержания откровенных отношений с Францией. Мне не удалось рассеять его крайнюю подозрительность, вероятно, разделяемую и некоторыми итальянскими кругами. Я сказал ему, что использование Корфу французами — временное и что Италия имела возможность отнять у французов «предлог» высадки, если бы она в свое время не отказалась принять у себя сербов; итальянский посланник просил меня осторожно намекнуть французскому посланнику на это настроение [1].

Демидов.

№ 105. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 36. 29/16 января 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Король поручил вечером [28] 15 января своему гофмаршалу заявить французскому посланнику, что состоявшийся захват французами форта Кара-Бурну [2] является лишним по его адресу оскорблением. Французский посланник отозвался незнанием события. Его величество находится в состоянии крайнего раздражения. Председатель совета министров получил, помимо сего, известие о внезапном задержании союзниками на Крите германского шпиона.

Демидов.

№ 106. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 16. 29/16 января 1916 г.

Английский посол доверительно сообщил мне, что Грей ему телеграфировал, что он был «поражен» неожиданным проектом американского правительства [3], считая, что отнятие у торговых судов единственных средств защиты против неоправданных нападений подводных лодок непосредственно направлено в пользу Германии и должно, ежели оно будет приведено в исполнение, нанести тяжелый удар,

---

[1] Тел. от 3 февр./21 янв. за № 69 (опубл. Е. д. и Гр., стр. 65) Извольский сообщил, что в ответ на запрос итал. посла, согласно ли франц. прав-во на посылку на остров Корфу 200 итал. карабинеров, Бриан ответил, что «Франция не имеет никаких задних мыслей о Корфу и будет весьма рада появлению там итальянских солдат».

[2] Ср. № 82.

[3] См. № 84.

ежели не совсем прекратить торговлю между союзными странами и С. А. С. Штатами не только что военной контрабандой, но и другими товарами, и он поручил Спринг-Райсу неофициально передать государственному секретарю этот личный свой взгляд на его предложение. В разговоре Лансинг ему объяснил, что он действовал в надежде, что подводная война будет этим способом урегулирована в более человеколюбивом духе, но на вопрос Спринг-Райса, имеет ли он от Германии какие-либо гарантии, ответил отрицательно. Мой французский коллега еще ничего не получил из Парижа, но здешние газеты уже утверждают, что все союзные державы протестовали против этого проекта и что правительству, вероятно, придется от него отказаться.

Бахметев.

№ 107. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 294[1]. 30/17 января 1916 г.

В связи с поездкой великого князя, японское правительство видимо расположено с большей готовностью итти навстречу нашим пожеланиям о снабжении русской армии военными запасами[2].

В предвидении этого необходимо озаботиться возможностью ассигновать добавочные суммы для расплаты по новым поставкам.

Между тем предоставленная английским правительством для заказов в Японии валюта исчерпана, и министерство финансов затруднено даже в покрытии расходов по состоявшимся уже контрактам[3].

Вследствие сего благоволите, не входя в техническую сторону вопроса, о чем министерство финансов передало [28] 15 января записку английскому послу[4], обратить внимание министра иностранных дел, насколько важно для успеха общего дела и без ущерба для наших заказов в других странах обеспечить для русской армии поступление военного снаряжения в широких размерах от такого добросовестного и аккуратного, по свидетельству нашего военного ведомства, поставщика, как Япония.

[Сазонов.]

---

[1] Лит. копия.

[2] Ср. № 69.

[3] См. стр. 73, прим. 1. В тел. от 27/14 янв. за № 23 из Токио вел. кн. Георгий Михайлович просил Сазонова сообщить Барку, что задержки в уплатах по военным поставкам производят в Японии «тягостное впечатление» и что необходимо немедленно уплатить по исполненным заказам и внести задатки по контрактам, подписанным с япон. прав-вом. «Сумма долга,— подчеркивал Георгий Михайлович,— превышает уже 17 млн. иен».

[4] Записка м-ва финансов от 28/15 янв. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

№ 108. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 300. 30/17 января 1916 г.

Считаю с точки зрения наших общих политических интересов важным, чтобы союзники взяли на себя почин оказания материальной помощи турецким армянам, выселенным Портой в район дороги Алеппо — Моссул и далее к Багдаду. Благоволите осведомиться у правительства, при котором вы аккредитованы, не согласится ли оно участвовать в отпуске в равных долях единовременного пособия армянам в размере 1 миллиона франков. Сумма эта могла бы быть переведена американскому послу в Константинополе для представления в распоряжение армянского патриарха и Сисского католикоса или, если этот способ окажется неудобным, для распределения между армянами через американских агентов[1]. Разумеется, источник предполагающегося пожертвования должен оставаться в тайне в целях ограждения армян от новых насилий турок[2].

Сазонов.

№ 109. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 303[3]. 30/17 января 1916 г.

Сообщается в Париж и Рим.

По моим сведениям, в Италии под влиянием дороговизны замечается растущее недовольство войной, чем пользуются сторонники Германии для возбуждения умов против правительства Саландры. По мнению Гирса, было бы весьма желательно, чтобы в Англии поняли опасность подобного настроения и постарались успокоить итальянцев, главным образом путем облегчения снабжения углем, в котором ощу-

---

[1] В черновом отпуске далее зачеркнуто: «В Америке частные лица и общества уже пожертвовали большие суммы в пользу армян, и для союзных правительств было бы неудобно не оказать пострадавшим никакой помощи».

[2] Тел. от 8 февр./26 янв. за № 83 Извольский отвечал Сазонову, что, по словам Бриана, франц. прав-во «в принципе изъявило согласие принять на себя одну треть одновременного пособия в один миллион франков на помощь армянам под условием, что английское правительство также на это согласится».

В ответной тел. от 6 марта/22 февр. за № 96 Бенкендорф сообщал Сазонову, что англ. прав-во лишено возможности оказать помощь армянам и считает наиболее целесообразным «обращение к частным жертвователям через посредство благотворительных фондов».

[3] Лит. копия.

щается наиболее острая нужда [1]. Благоволите доверительно переговорить об этом с Греем и побудить его принять соответствующие меры [2].

Сазонов.

№ 110. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 57. 30/17 января 1916 г.

Газетные телеграммы из Петрограда передают, что там возникло предположение о поездке будущей весной членов Думы в Англию [3] для осмотра заводов, работающих для войны, а затем во Францию, для осмотра фронта. Мне известно, что здесь этого очень желают, и я, со своей стороны, могу лишь это приветствовать.

Извольский.

№ 111. Представитель Ставки при штабе французского главнокомандующего министру иностранных дел.

Телеграмма № 40. 30/17 января 1916 г.

Копия начальнику дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего.

На № 102 [4].

Генерал Жоффр сказал мне сегодня, что положение в Салониках остается оборонительным лишь временно, с намерением перейти в наступление. Когда сербская армия будет устроена, и численность ее предполагается в 140 000, она будет переведена в Салоники. Это можно ожидать не ранее месяцев двух. Французские войска усили-

---

[1] См. № 101.

[2] В ответной тел. от 2 февр./20 янв. за № 45 Бенкендорф сообщал, со слов Никольсона и Империали, что англ. и итал. прав-ва принципиально договорились по этому поводу, в результате чего будут заключены два соглашения: одно, касающееся поставки канадского хлеба, другое — поставки снаряжения, угля и овса. Для этой цели англ. прав-во обещало секвестровать несколько англ. торговых судов согласно плану, вырабатываемому специальной комиссией под председательством Керзона, занятой вопросами транспорта и морских фрахтов. Тел. от 1 февр./19 янв. за № 101 Гирс сообщил, что англ. посол советовал итал. прав-ву огласить это обещание Англии для успокоения итал. общественного мнения, но что Соннино отказался это сделать, опасаясь «разочарования итальянцев», если обещание не будет исполнено. Со своей стороны, Извольский тел. от 1 февр. /19 янв. за № 62 известил Сазонова, что Камбону будет предписано действовать в Лондоне в указанном Сазоновым смысле.

[3] Ср. № 34.

[4] См. № 39.

ваются перевозкой в Салоники только одной 17 дивизией с Митилены и Мудроса. Дальнейшее усиление французских войск можно было бы произвести, только взяв их с западного фронта, на что генерал Жоффр не решается, дабы не возбудить неудовольствия палат и не затруднить правительства, которое считает, что ослабление фронта, ввиду расположения неприятеля в 80 верстах от столицы, недопустимо. Усиления английских войск ожидать пока нельзя. Англичане теперь менее боятся за Египет, но дивизии, освобождающиеся из Египта, предполагается отправить во Францию, дабы удлинить фронт, занятый английскими войсками. Французская главная квартира очень озабочена усилением сил в Салониках и Албании, но находит возможным это только за счет итальянских войск и ведет переговоры о скорейшей высадке их в Валоне[1], дабы довести общую численность союзных войск на полуострове до 500 000, дабы облегчить положение Румынии. Генерал Жоффр посылает предписание Саррайлю поисками и частными атаками привлечь на себя внимание болгарских войск. Генерал Жоффр и французский штаб считают, что, так как все германские войска заняты на русском и французском фронтах, то на сосредоточение против Румынии достаточных германских сил потребуется не менее двух или трех месяцев, а к этому времени организация наступления от Салоник будет закончена.

Жилинский.

№ 112. Военный министр министру иностранных дел.

Письмо № 670. **30/17 января 1916 г.**

По военным обстоятельствам.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие высказанных министром финансов, в заседании совета министров [28]15 сего января, суждений, что причина затруднений в открытии нам английским правительством кредитов на платежи по заказам за границей заключается, между прочим, в недоставлении военным министерством английскому правительству списка заказов, сообщаю, что список заказов военного ведомства по данным, имевшимся в то время в распоряжении военного министерства, был составлен в конце сентября 1915 г.[2] и сообщен английскому правительству специальной миссией во главе с вице-адмиралом Русиным. По ознакомлении с этим списком английским правительством в конце ноября

---

[1] Ср. № 102.

[2] См. т. VIII, приложение к № 901.

месяца было высказано желание получить по телеграфу дополнительные сведения о вновь произведенных платежах по этому списку со времени его составления и о предстоящих уплатах, с распределением их по срокам, а также о заключенных после вручения списка новых заказах. Вследствие этого по военному министерству были составлены новые ведомости, в копиях прилагаемые[1], которые переданы в Лондон тремя последовательными телеграммами военного министерства [13 декабря] 30 ноября, [17] 4 [декабря] и [2 января 1916 г.] 20 декабря 1915 г.

Таким образом, со стороны военного ведомства требование финансового соглашения о доставлении списка заказов было исполнено в пределах возможности.

Что же касается засим общего списка заграничных заказов, по всем ведомствам, то эти данные получены комиссией по распределению иностранной валюты от всех министерств и общественных организаций; по рассмотрении и объединении представленных данных список в ближайшем будущем будет препровожден в Лондон.

Переходя засим к затронутому в том же заседании совета министров вопросу об оплате наших заказов в Японии, считаю необходимым сообщить следующее.

По финансовому соглашению с английским правительством на платежи по заключенным до соглашения заказам в Японии предназначалось не более 6 млн. фунтов стерлингов. Хотя итог произведенных до настоящего времени платежей в Японии за счет предоставляемых английским правительством кредитов выражается лишь в сумме 30 288 321 иена и 186 902 ф. ст., однако ныне уже не подлежит сомнению, что указанной в договоре суммы на платежи в Японии будет недостаточно даже на расплаты только по старым заказам, так как итог ожидаемых по ним еще уплат составляет до 62 млн. иен, а потому размер всего предъявляемого английскому правительству требования на японскую валюту, не считая предстоящих платежей по новым заказам, определяется в сумме около 94 млн. иен (30 288 321 иена + + 186 902 ф. ст. + 62 000 000 иен).

При таких условиях нельзя допустить производства уплат за счет означенных 6 млн. ф. стерлингов по новым заказам, если только английское правительство не даст согласия на открытие для них дополнительных, сверх этой суммы, кредитов, за счет установленного соглашением ежемесячного отпуска нам в 25 млн. ф. ст. Однако, как

[1] 9 ведомостей. [Прим. оригинала.] Приложения не воспроизводятся.

известно вашему высокопревосходительству из сообщенного в копии министерству иностранных дел письма моего министру финансов от [11 января 1916 г.] 29 декабря [1915 г.] за № 13087 [1], английское правительство, основываясь на условиях соглашения, отказывает в предоставлении нам средств для расчетов по новым заказам в Японии [2].

Указанное положение дела, вызывая недопустимые задержки в производстве платежей по заказам в Японии, настоятельно требует принятия мер к обеспечению этих платежей кредитами. Такими мерами должны явиться, по моему мнению, или заключение дополнительного соглашения с великобританским правительством об увеличении, за счет ежемесячной нормы в 25 млн. ф. ст., общего размера кредитов на платежи как по старым, так и по новым заказам в Японии или же заключение финансового соглашения на основаниях займа с японским правительством.

Во всяком случае необходимо ныне же, без промедления, получить японскую валюту для производства тех платежей по новым заказам, которые потребуются в ближайшем времени, прежде чем получит окончательное разрешение указанный общий вопрос. Единственным путем для своевременного получения таковой валюты, требующейся на январь и на февраль месяцы, по данным военного министерства, на сумму до 34 млн. иен, является, по моему мнению, сношение с английским правительством, которому следует раскрыть создавшееся положение.

Представляя вашему высокопревосходительству изложенные соображения, сообщаемые одновременно с сим и министру финансов, прошу вас оказать содействие к возможно скорейшему разрешению настоящего вопроса, имеющего для военного министерства исключительно серьезное значение, ибо Япония является наиболее аккуратным и добросовестным поставщиком самых важных предметов снабжения армии [3].

Примите и пр.

Ал. Поливанов.

---

[1] Указанное письмо в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] См. стр. 73, прим. 1.

[3] Тел. от 1 февр. /19 янв. (расшифрованной и переведенной с японского в росс. м-ве ин. дел) япон. воен. агент в России Одагири сообщал товарищу япон. воен. м-ра, что «финансовое положение России все ухудшается и внешний заем протекает не по желанию. Ввиду этого, если в будущем пожелают получить от Японии снаряды и военные припасы, Япония должна принять участие во внешних займах России, причем этот заем пошел бы на уплату за поставляемые Японией военные материалы. В противоположном случае будет весьма трудно заключить дальнейшие контракты».

№ 113. Сообщение сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел.

31/18 января 1916 г.

Телеграмма председателя совета министров, министра иностранных дел г. Пашича, отправленная весьма срочно [30] 17 и полученная [31] 18 января 1916 г.

Австрийские войска перешли реку Мати и дошли до Милотии, а болгары двигаются со стороны Эльбасана. Нашей армии грозит опасность попасть в плен[1]. Немедленно сделайте все возможное, чтобы избежать эту катастрофу и увезти в кратчайшем времени наши войска из Албании[2].

№ 114. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 313. 31/18 января 1916 г.

Лично. Весьма доверительно.

Сообщается в Париж.

Из переданных вам сообщений посланника в Стокгольме видно, что за последнее время настроение в Швеции под влиянием раздражения против Англии стало для нас менее благоприятным и внушает даже некоторые опасения[3]. Приходится считаться с возможностью осложнений, и необходимо своевременно озаботиться средствами отражения опасности. Важное значение имеет дошедшее сюда сведение, будто Норвегия боится выступления против нас Швеции и даже заявила последней, что в таком случае она, может быть, будет вынуждена присоединиться к державам Согласия[4]. Ввиду особенно близких отношений между Норвегией и Англией желательно, чтобы последняя

---

[1] 30/17 янв. серб. миссия в Петрограде передала Сазонову тел. Пашича следующего содержания: «После полутора месяцев после того, как мы просили союзников эвакуировать наши войска из Албании, до настоящего времени перевезено на Корфу и в Бизерту около 15 000 солдат. Если союзники и впредь будут с такой быстротой действовать, то для перевозки еще 130 000 солдат потребуется еще 13 месяцев. В это число не входит черногорская армия, которая, в крайнем случае, будет иметь около 10 000 солдат».

[2] Содержание публикуемого сообщения было передано Нератовым в Париж, Лондон и Рим тел. от 31/18 янв. за № 314. Ссылаясь на эту тел., Бенкендорф 3 февр./21 янв. за № 49 сообщил, что франц. послу поручено было просить Грея поддержать в Риме просьбу франц. прав-ва, чтобы итал. войска прикрыли отступление серб. армии. По словам Бенкендорфа, Грей телеграфировал в этом смысле англ. послу в Риме Родду.

[3] См. № 18 и стр. 73, прим. 4.

[4] См. № 88.

приложила старания к проверке этого известия и поддержанию в норвежцах указанного настроения. Кроме того, следует ныне же обсудить, каким образом, в случае надобности, можно было бы оказать Норвегии не только нравственную, но и действительную поддержку для создания из нее противовеса Швеции, если бы последняя обратилась против нас. В этом отношении Англии легче всего помочь Норвегии вооруженной силой, но чтобы таковая, если понадобится, не запоздала, как это случилось с выступлениями союзников на Балканах, необходимо безотлагательно все обдумать и подготовить, ибо обстоятельства могут потребовать быстрых действий уже весною. Благоволите доверительно выяснить отношение английского правительства к вышеизложенному, причем этот вопрос должен обсуждаться в строгой тайне, так как малейшая огласка может вызвать в Швеции опасное возбуждение [1].

Сазонов.

№ 115. Министр иностранных дел послу в Вашингтоне Бахметеву.

Телеграмма № 320. 31/18 января 1916 г.

Сообщается в Лондон.

Не вполне уясняя себе смысл недавних заявлений Вильсона о возможности вовлечения Америки в войну [2], прошу сообщить мне ваш отзыв об этом, а также о том, как согласуются возражения Америки против вооружения торговых судов с неоднократно выраженным ею осуждением подводной войны [3].

Сазонов.

№ 116. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 60. 31/18 января 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 57 [4].

Газеты воспроизводят ваш разговор с журналистами [5], в коем вы коснулись предстоящей поездки членов Думы в Англию, не упомянув

[1] В ответной тел. от 3 февр./21 янв. за № 68 Извольский сообщил, со слов Бриана, что норвежский посланник во Франции «говорил ему об опасениях Норвегии и возможности выступления ее на стороне держав Согласия против Швеции». «Бриан лично,— отмечал Извольский,— не считает правдоподобным нападение на нас со стороны Швеции, но так же, как и вы, находит необходимым безотлагательно обдумать эту случайность и к ней приготовиться». Ответ Бенкендорфа см. № 130.

[2] См. т. IX, № 490.

[3] См. № 84 и прим. к нему.

[4] См. № 110.

[5] В беседе с представителями печати 29/16 янв. о внешней политике Сазонов, коснувшись вопроса о солидарности между союзниками, заявил следующее:

при этом о посещении ими французского фронта. Если такая постановка вопроса подтвердится, то я не сомневаюсь, что это вызвало бы здесь большое огорчение.

Извольский.

№ 117. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 61[1]. 31/18 января 1916 г.

Телеграфирую начальнику канцелярии при штабе верховного главнокомандующего:

Лично и совершенно секретно. На № 276[2]. Еще раз настаивал на наступлении от Салоник, если обстоятельства в Румынии этого потребуют. Генерал Жоффр согласен с необходимостью всеми мерами поддержать Румынию, дабы удержать ее на нашей стороне, и не противится намерению обещать эту поддержку со стороны Салоникского отряда. Он полагает, что предписанные Саррайлю действия, чтобы беспокоить болгарскую армию, удержат ее на греческой границе. Если против Салоник останутся те же превосходные силы, как теперь, т. е. около 400 000, то серьезное наступление на них возможно лишь по сосредоточении в Салониках сербской армии, при участии итальянской со стороны Валоны. Но если немцы и болгары направят часть своих сил с греческой границы в Румынию, то наступление со стороны Салоник станет возможно с теми силами, которые имеются в наличности, и будет произведено. Для такого наступления уже производится подготовка, французские войска снабжаются горной артиллерией, но повторяю неустанно, что наступательные тенденции здесь очень слабы и расчет на них в последнюю минуту может оказаться неверным.— Жилинский. № 41.

Извольский.

«Так как всякое содействие, могущее послужить к еще более тесному сближению союзников и их взаимному ознакомлению, является желательным, то тем более желательно осуществление проекта поездки в Англию представителей наших законодательных учреждений. Народные представители получат возможность воочию убедиться в том, что сделано Англией для блага общего дела и для обеспечения победы».

[1] За этим номером имеется еще одна тел. Извольского (см. стр. 91, прим. 1).

[2] Указанная тел. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

№ 118. Посол в Токио министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 29. 31/18 января 1916 г.

Копия сообщена в Пекин.

Английский посол имел объяснение с бароном Ишии относительно недостаточности мер, предпринимаемых японским правительством в Китае, и выразил надежду, что японское правительство, ознакомившись с данными о германских замыслах в Китае, сообщенных русским, французским и английским правительствами [1], согласится еще раз пересмотреть вопрос с послами названных держав в Токио. Барон Ишии ответил, что японское правительство также готовит список германских покушений в Китае и по составлении такового он очень охотно переговорит с нами об этом деле [2].

Малевский.

№ 119. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 334. 1 февраля/19 января 1916 г.

Благоволите в дружественной и осторожной форме предостеречь Братиану от слишком откровенного выражения немцам готовности Румынии «пойти на некоторые уступки в области экономической»,— ваша телеграмма № 14 [3]. — Беспокойство, вызванное в румынском правительстве преждевременным возвращением Буша, способно вселить в немцах убеждение, что исполнение всякого их требования, даже клонящегося ко вреду Румынии, заранее обеспечено [4].

Сазонов.

№ 120. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 337. 1 февраля/19 января 1916 г.

Me réfère à mon télégramme [21] 8 décembre, № 6311 [5].

Gouvernement britannique a donné assentiment à ce que crédits devenus disponibles du chef d'anciennes commandes soient affectés

[1] См. т. IX, № 676.

[2] Позднее, при деп. от 25/12 февр. за № 14, Малевский препроводил копии англ. и франц. пам. записок о деятельности герм. агентов в Китае, а также переданную ему япон. м-ром ин. дел в ответ на эти пам. записки сводку, составленную япон. консульскими представителями.

[3] См. № 61.

[4] В ответной тел. от 3 февр./21 янв. за № 45 Поклевский передавал Савонову, что соответствующие соображения были им «своевременно высказаны Братиану» и что он продолжает воздействовать в этом смысле на румынское правительство.

[5] См. т. IX, № 593.

au règlement de nouvelles commandes et à ce que soient imputés sur crédits ordinaires dépenses pour règlement commandes dans pays autres que Angleterre et Amérique exception faite du Japon.

Pour ce qui est crédit de 2 millions livres que gouvernement anglais consent mettre chaque mois à libre disposition gouvernement impérial [1], ce dernier désirerait que sur ce crédit ne soient pas imputés: 1) les dépenses courantes du ministère impérial vu le caractère bien déterminé de leur destination; 2) les dépenses nécessaires aux achats d'argent (2 millions livres environ) pour la bonne tenue de la circulation monétaire en Russie et 3) les dépenses pour machines commandées par usines gouvernementales et privées, se trouvant en connexion immédiate avec défense nationale et exigeant de sensibles débours.

Gouvernement anglais soutenant dans sa réponse que sans envoi d'or à l'étranger il est impossible pour nous de soutenir le change, ministère finances exprime opinion qu'au contraire il est de toute nécessité de règlementer le change en vendant des dévises prudemment et à bon escient. Cette conviction est puisée dans la pratique antérieure financière russe.

L'abaissement du prix du rouble est dû au fait qu'après la signature de la convention avec la Bank of England [2] sur les crédits par acceptation, elle n'a pu être mise immédiatement à exécution et qu'en outre ont lieu des retards au règlement des commandes.

Ministère des finances estime que le prix de 120 convenu lors des pourparlers avec lord Cunliff [3] ne peut évidemment être envisagé actuellement. Mais il serait nécessaire de l'amener à tout prix au niveau de près de 135 afin de prouver aux milieux financiers et parlementaires russes que l'accord du 30 septembre donne d'heureux résultats.

Prière de soutenir ces considérations du ministère des finances auprès du gouvernement britannique [4].

Sazonow.

---

[1] Ср. т. IX, № 603.

[2] Ср. т. IX, № 645.

[3] Председатель правления Bank of England.

[4] Ответной тел. от 11 февр./29 янв. за № 57 Бенкендорф сообщил, что хотя англ. прав-во дало свое согласие на то, чтобы суммы, не использованные на старые заказы, были употреблены на новые, он, однако, не думает, чтобы англ. м-р финансов согласился установить размер дополнительного кредита раньше, чем росс. прав-во сообщит ему обещанные сведения об окончательной сумме неиспользованных кредитов на старые заказы, которую подлежит обратить на новые заказы.

Перевод.

Ссылаюсь на мою телеграмму от [21]8 декабря, № 6311.

Британское правительство дало согласие на то, чтобы неиспользованные кредиты из сумм, отпущенных на старые заказы, были обращены на оплату новых заказов, и на то, чтобы к обыкновенным кредитам были отнесены расходы по оплате заказов в других странах, кроме Англии и Америки, за исключением Японии.

Что касается кредита в 2 миллиона фунтов, который английское правительство соглашается ежемесячно предоставлять в свободное распоряжение императорского правительства, то последнее желало бы, чтобы на этот кредит не относились: 1) текущие расходы императорского министерства, ввиду вполне определенного характера их назначения; 2) расходы, необходимые для покупки серебра (около 2 миллионов фунтов) в целях поддержания денежного обращения в России; 3) затраты на машины, заказанные казенными и частными заводами, непосредственно связанные с государственной обороной и требующие значительных сумм.

В своем ответе английское правительство поддерживает тот тезис, что без отправки золота за границу мы не можем поддерживать валютные курсы; министерство финансов выражает мнение, что, наоборот, крайне необходимо регулировать валютные курсы, продавая девизы с осторожностью и сознательно. Это убеждение почерпнуто из всей прежней русской финансовой практики.

Понижение курса рубля объясняется тем, что после подписания соглашения с английским банком об акцептных кредитах оно не смогло быть немедленно приведено в исполнение и что, кроме того, имеют место задержки в платежах по заказам.

Министерство финансов полагает, что курс 120, обусловленный во время переговоров с лордом Кэнлиффом, очевидно, не может быть принят в расчет в настоящее время. Но было бы необходимо во что бы то ни стало свести его к уровню, приблизительно 135, чтобы доказать русским финансовым и парламентским кругам, что соглашение от 30 сентября дает благоприятные результаты.

Просьба поддержать эти соображения министерства финансов перед британским правительством.

Сазонов.

№ 121. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 63. 1 февраля/19 января 1916 г.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Получил вашу телеграмму № 212 [1].

На мое сообщение по затронутому в ней вопросу Бриан только-что ответил мне нижеследующее:

---

[1] Тел. от 25/12 янв. за № 212 Сазонов передал Бенкендорфу и Извольскому содержание тел. Каля за № 2 (см. стр. 61, прим. 1).

«Le gouvernement de la République estime, comme le gouvernement impérial, qu'une occupation du mont Athos par les alliés présenterait un caractère particulièrement délicat. Quels que soient, en effet, les ménagements dont on entende user, l'occupation comporterait de sérieux inconvénients en mettant en cause le régime de la montagne. Mais il ne paraît pas, d'ailleurs, que cette action soit indispensable. L'amiral Gauchet, qui commande les forces navales françaises à Salonique, estime qu'il suffirait de placer un poste à l'isthme d'Yrys et de faire patrouiller des bâtiments ad hoc autour de la péninsule. Le gouvernement de la République a l'intention de s'en tenir à cette proposition et des instructions en ce sens vont être adressées à l'amiral Gauchet. Le gouvernement britannique est mis au courant des vues du gouvernement français sur cette question». Fin.

Iswolsky.

Перевод.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Получил вашу телеграмму № 212.

На мое сообщение по затронутому в ней вопросу Бриан только-что ответил мне нижеследующее:

«Правительство республики, как и императорское правительство, полагает, что занятие союзниками горы Афона является крайне щекотливым делом. Сколь бы на самом деле ни был осторожен предполагаемый образ действий, оккупация, задевая существующий на Афоне режим, будет сопряжена с серьезными неудобствами. Впрочем, эта мера, повидимому, не является неизбежной. Адмирал Гоше, командующий французскими морскими силами в Салониках, полагает достаточным учредить пост на перешейке Ирис и установить сторожевое наблюдение ad hoc посредством судов, плавающих вокруг полуострова. Правительство республики намерено придерживаться этого предложения, и в этом смысле будут посланы инструкции адмиралу Гоше. Английское правительство осведомлено о взглядах французского правительства на этот вопрос». Конец.

Извольский.

№ 122. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 64. 1 февраля/19 января 1916 г.

Лично.

Копии в Лондон, Рим и Афины.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 36 [1].

Камбон сообщил мне весьма доверительным образом следующие подробности: Гильмену было поручено предупредить Скулудиса о пред-

[1] См. № 105.

стоящем занятии мыса Кара-Бур(ну), но он этого не исполнил, ибо тем временем генерал Саррайль решил собственной властью занять не только мыс, но и форт Кара-Бурну [1]. Французское правительство признало это решение по существу (дела) целесообразным, но по соглашению с лондонским кабинетом сделало генералу Саррайль внушение не предпринимать подобного рода действий без предварительного сношения с Парижем. Камбон присовокупил, что здесь вполне сознают, что раздражение короля достигло крайнего предела, но, после известных бесед его с журналистами [2], не находят более нужным считаться с его настроением и думают, что отношения с ним окончательно определятся лишь в зависимости от исхода салоникской экспедиции и общих событий.

Извольский.

№ 123. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 44. 1 февраля/19 января 1916 г.

Лично.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Постепенный захват союзниками в военных целях греческих позиций и разрушение железнодорожных сооружений создает в придворных и правительственных кругах крайне враждебное нам настроение. Требование Саррайля передачи в его руки трех главных мостов линии Салоники — Монастырь встречает отпор со стороны греческого штаба и вызвало крупную беседу между генералом Дусманисом и французским военным агентом. Английский посланник мне поведал, что генерал Махон по многим вопросам не согласен с Саррайлем. Первый считает разрушение Демир-хиссарского моста не оправдываемым военными надобностями и отвлечение греческой армии к югу нежелательным и надеется на возможность вмешательства ее против болгар. Главное недовольство — против французов, держащихся будто бы вызывающе по отношению к грекам. Саррайлю же приписывают революционные против короля намерения. Возможны инциденты между греками и французами в Салониках, а дальнейшие захваты могут кончиться и столкновениями. По последним сведениям штаб греческой армии перенесен в Лариссу.

Демидов.

[1] Ср. № 82.
[2] См. № 60.

№ 124. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 39[1]. 1 февраля/19 января 1916 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к письму моему от [5 января 1916 г.] 23 декабря минувшего года за № 656[2], в коем я высказывался за необходимость исключения Германско-азиатского банка из международного консорциума, образованного для реализации китайских банков[3], имею честь препроводить при сем вашему высокопревосходительству копии полученных ныне правлением Русско-азиатского банка от своего представителя в Пекине Л. В. фон Гойера писем от 5 и 12 января н. ст. об отношении к этому вопросу руководителей Гонконг-Шанхайского банка.

Как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из этих документов, стоящий во главе английской группы консорциума сэр Чарльз Аддис и, по его указанию, представитель Гонконг-Шанхайского банка в Пекине г. Хиллиер считают необходимым поддерживать прежние отношения с Германско-азиатским банком, вопреки инструкциям, которые были даны английским посланником в Пекине[4]. При

---

[1] На оригинале пометы карандашом. Первая помета рукой Юдина: «Нами все уже сделано. Поэтому — к сведению». Вторая помета неизвестной рукой: «Письмо Гойера послано послу нашему в Лондон».

[2] См. т. IX, № 706.

[3] Так в оригинале. Следует читать «займов».

[4] В письме от 5 янв. 1916 г./23 дек. 1915 г., копия которого в тот же день была препровождена Крупенским Сазонову при отношении за № 1606, Гойер сообщил, что на запрос его по этому поводу Хиллиер в присутствии франц. представителя ответил, что он передал указанную инструкцию англ. посланника Аддису, который на это заявил следующее: «Остерегайтесь сделать что-либо в этом смысле. Мы слишком нуждаемся в германской группе». Эти слова Хиллиера были переданы Сазоновым Бенкендорфу в тел. от 20/7 янв. за № 103. Бенкендорф, отвечая одновременно на тел. Сазонова за № 54 (см. № 22), в тел. от 31/18 янв. за № 41 передал следующее сообщение англ. прав-ва: «Отношения между Гонконг-Шанхайским и германским банками сводятся к следующему: 1) по реорганизационному займу [19]13 года, в котором русские, французские и японские банки заинтересованы наравне с английскими; 2) по Хугуангскому железнодорожному займу, в котором заинтересованы французская и американская группа. Помимо этого банки никаких сношений не имеют. Когда началась война, в правлении Гонконг-Шанхайского банка из одиннадцати директоров четверо были немцы. Они немедленно вышли из состава и не будут вновь приняты. Изо всех акций банка только около пяти принадлежат германским фирмам. Великобританское правительство уверено, что банк добросовестно поддерживает нашу политику устранения германских интересов на Дальнем Востоке». Сазонов в тел. от 2 февр./20 янв. за № 355 ответил, что это сообще-

таком положении вещей я, с своей стороны, вполне разделяю высказанную г. фон Гойером мысль о желательности обратить внимание английского правительства на странное положение, создавшееся вследствие образа действий английской группы консорциума и, в частности, сэра Аддиса, который, по свидетельству М. Э. Верстрата, со времени образования консорциума относился к России недоброжелательно, а теперь отказывается порвать связь с немецким предприятием, несмотря на столь изменившуюся политическую обстановку.

Что же касается затронутого во втором письме г. фон Гойера [1] вопроса об образовании после исключения германской группы нового четверного консорциума, в котором, в случае противодействия Гонконг-Шанхайского банка, последний мог бы быть заменен другим английским банком, Chartered Bank, то возможность такой замены представляется мне сомнительной, так как, по заявлению г. Верстрата, Гонконг-Шанхайский банк тесно связан с английским министерством иностранных дел. Поэтому следовало бы только попытаться через это министерство оказать на Гонконг-Шанхайский банк давление в целях побуждения его к отказу от совместной деятельности с германским банком.

Сообщая о сем, считаю долгом обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою не отказать, в случае если вы разделяете мои соображения, войти в сношение с великобританским правительством по данному вопросу и о последующем меня уведомить.

Примите и пр.

П. Барк.

№ 125. Начальник штаба верховного главнокомандующего представителю Ставки при штабе французского главнокомандующего Жилинскому.

Телеграмма № 359 [2]. 1 февраля/19 января 1916 г.

По поводу журнала заседания [19] 6 декабря [3] и взгляда генерала Муррея, что желательно удержать союзные войска в Салониках,

---

ние англ. прав-ва касается лишь формальной стороны деятельности Гонконг-Шанхайского банка и что он надеется, что англ. прав-во примет все меры к проверке «неблагоприятных слухов» о банке.

[1] Содержание письма Гойера от 12 янв. 1916 г./30 дек. 1915 г. изложено в публикуемом документе.

[2] Маш. копия. На оригинале, хранящемся в делах Военно-исторического архива, помета: «Ввиду отсутствия срочности в этой телеграмме, приложить ее к письму, отправляемому с полковником Андерсом».

[3] Журнал совещания от 19/6 дек. не обнаружен.

дабы втянуть Румынию в сферу действий держав Согласия, но выгода этого не столь существенна, чтобы оправдать оставление в Салониках 150 тысяч войск, считаю нужным сказать, что этот взгляд — с полным непониманием значения Румынии для общих интересов всего Согласия.

Приобретя 150 тысяч человек для главного театра, более чем уже насыщенного войсками, за счет оставления Салоник, Согласие рискует усилить противника на 250 тысяч румын, заставит Россию ослабить себя выделением войск для прикрытия 400-верстного участка от Черновиц до Одессы, дает возможность проникнуть в Бессарабию значительным силам румын, болгар, даже турок. Это вынудит русскую армию перейти к пассивной обороне при длинной и тонкой кордонной линии без резервов, дабы задаться скромною целью обеспечить собственную землю от дальнейшего вторжения врага.

Едва ли такой результат отвечает общим интересам Согласия. Салоники — единственный пункт, через который возможно стратегическое воздействие[1] западных держав с Россиею, и только здесь сербская армия станет на важнейшее для нее операционное направление.

Было бы желательно не оставлять без решительного возражения таких эгоистических, пагубных для дела взглядов.

Алексеев.

№ 126. Поденная запись министерства иностранных дел[2].

2 февраля/20 января 1916 г.

С. Д. Сазонов принимал вновь назначенного военным агентом в Румынии полковника Татаринова[3], который и ознакомил министра со взглядами генерала Алексеева на возлагаемую на военного агента задачу[4]. Если весной 1915 г., когда русские войска занимали вершины Карпат, выступление Румынии могло оказать решительное влияние на ход военных действий в смысле окончательного разгрома Австро-Венгрии, то в настоящее время генерал Алексеев склонен думать, что для нас более выгодным является сохранение Румынией нейтралитета. Действительно, вследствие растяжения и крайне невыгодных очертаний румынских границ, неуверенности в доста-

[1] Так в оригинале.
[2] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 4.
[3] См. стр. 65, прим. 2.
[4] См. № 144.

точном боевом значении румынского войска, а также создавшегося после разгрома Сербии положения, позволившего Германии и ее союзникам почти-что окружить Румынию с трех сторон, приходится считаться с возможностью поражения румын, что заставило бы нас уделить значительные силы на оказание им помощи без прямой пользы для наших ближайших военных задач. Видимое нежелание Братиану прислать для переговоров с нами румынского офицера в Россию, хотя и может быть объяснено боязнью румынского министра скомпрометировать себя в глазах Германии, однако подает генералу Алексееву повод заподозрить вообще искренность Братиану. Генерал Алексеев опасается, что последний желает выведать у нашего уполномоченного размер той помощи, которую мы могли бы предоставить Румынии с тем только, чтобы иметь в своих руках веские данные для переговоров с болгарами, а может быть и с немцами.

Сообразно с этим, полковнику Татаринову поручено прежде всего выяснить вопрос об искренности намерения Братиану заключить с нами военное соглашение, а затем на основании точных данных обсудить способы сочетать усилия русской и румынской армий, не настаивая непременно на скорейшем в настоящую минуту выступлении Румынии.

№ 127. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 46. 2 февраля/20 января 1916 г.

Copies Paris et Washington.

Reçu votre télégramme № 320 [1].

Discours Wilson semble indiquer que Président cherche tout d'abord victoire diplomatique complète dans affaire «Lusitania» — en ce sens menace est directe contre Allemagne. Mais si Allemagne cède, gouvernement anglais s'attend à pression plus forte à Angleterre en question liberté commerce des neutres. Je ne vois pas surgir appréhension d'issue grave mais préoccupation de négociations très difficiles et délicates. Gouvernement anglais est décidé ménager Suède autant que possible, mais il n'est pas à prévoir qu'il cèdera sur toutes les questions de principe émises par gouvernement américain. Argument américain sur vaisseaux de commerce armés me paraît être que sa protestation contre (actes) sous-marins pour attaquer ces vaisseaux tomberait s'ils sont armés.

Benckendorff.

---

[1] См. № 115.

Перевод.

Копии в Париж и Вашингтон.

Получил вашу телеграмму № 320.

Речь Вильсона свидетельствует, повидимому, о том, что президент прежде всего хочет добиться полной дипломатической победы в деле «Lusitania»,— в этом смысле имеется прямая угроза против Германии. Но если Германия уступит, английское правительство ожидает более сильного давления на Англию в вопросе о свободе торговли нейтральных стран. Я не усматриваю опасения о возможности тяжелых последствий, но существует озабоченность по поводу весьма трудных и щекотливых переговоров. Английское правительство решило щадить, поскольку возможно, Швецию, но нельзя рассчитывать, что оно уступит по всем принципиальным вопросам, изложенным американским правительством. Американская аргументация относительно вооруженных коммерческих судов, мне кажется, заключается в том, что протест американского правительства против (действий) подводных лодок, нападающих на эти суда, отпадет, если они будут вооружены.

Бенкендорф.

№ 128. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

'/. № 57. 3 февраля/21 января 1916 г.

His Majesty's Embassy has been instructed to inform the Imperial Ministry for Foreign Affairs, that His Majesty's Government have continually borne in mind the important military and political considerations to which the Ministry referred in its aide-mémoire of January 25/12 [1]. In fact, the contraband policy adopted by His Majesty's Government towards Sweden has been influenced by them.

The Imperial Government will remember that, after the failure of several attempts to conclude a general agreement for the purpose of distinguishing enemy goods from bona fide Swedish goods and for minimizing interference with Swedish imports, His Majesty's Government not only sent to Stockholm a special commercial commission to negociate on the basis of certain principles, accepted in writing by the Swedish Government, but, when those principles were rejected by the Swedish delegates, His Majesty's Government formulated new proposals which embodied the greatest degree of concession which the vital interests of the Allies in intercepting contraband trade with Germany permitted [2].

On the rejection of these further proposals a temporary working arrangement was adopted having as basis a system of counter-concessions whereby a liberal supply of coal and other British commodities was

[1] См. № 70.

[2] См. т. VIII, № 549.

assured to Sweden. Moreover although in the matter of granting transit licenses in return for British export licenses the Swedish authorities are two months in arrears, the supply of British goods to Sweden has been in no way restricted in consequence.

The rationing of Dutch imports has been arranged through the Netherlands Overseas Trust. His Majesty's Government can hardly adopt more stringent measures in regard to Holland and other neutral countries so long as so much consideration is extended to Sweden; and they apprehend that the whole advantages of British naval supremacy, in so far as the restriction of enemy supplies is concerned, must be abandoned if further concessions are to be made to Sweden; for while other neutrals such as Holland, Norway and Denmark are willing to make agreements purely on their commercial merits, it is impossible to justify lenient measures towards Sweden when she adopts a non possumus attitude to any British proposals for intercepting of trade with the enemy.

With regard to the case of the «Stockholm» Sir E. Grey has suggested to the Swedish Minister for Foreign Affairs that he should send a trusted representative to London to discuss the whole question of the commercial relations of Great Britain with Sweden and if possible to conclude a working arrangement for the duration of the war. His Majesty's Government trust that if this proposal is accepted it may lead to an improvement in the situation. In any case they will do their utmost by the exercise of patience and compromise to prevent actual conflict arising with Sweden over the blockade question.

There remains however another contingency, namely that the Swedish Government may have been merely seeking a pretext for a quarrel in order to throw in her lot definitely with the enemy. It is clear that if that should be the case Sweden would find a pretext for entering the war whatever concessions we might make to her in trade matters.

In view of the uncertainty of the situation in Sweden where the Court, the conservative party, the army and the Church, as well as the higher officials and some of the important commercial houses and banks are pro-German, the Allied Naval and Military Authorities cannot afford to neglect the possibility of a rupture with Sweden in the spring, and the British Admiralty and War Office are ready to at once enter in communication with the Russian Naval and Military Authorities on this subject if so desired.

Перевод.

Посольству его величества поручено уведомить императорское министерство иностранных дел, что правительство его величества непрестанно имеет в виду важные военные и политические соображения, на которые министерство ссы-

лается в своей памятной записке от 25/12 января. В самом деле, они оказали влияние на проводимую правительством его величества по отношению к Швеции политику в вопросе о контрабанде.

Императорское правительство, вероятно, помнит, что после ряда безуспешных попыток заключить общее соглашение с целью различать неприятельские товары от bona fide [подлинных] шведских товаров и доведения до минимума вмешательства в шведский импорт, правительство его величества не только послало в Стокгольм специальную торговую комиссию для ведения переговоров на основе известных принципов, принятых в письменной форме шведским правительством, но когда эти принципы были отвергнуты шведскими делегатами, правительство его величества выдвинуло новые предложения, содержавшие наибольшие уступки, допускаемые жизненными интересами союзников, которые требуют пресечения контрабандной торговли с Германией.

По отклонении этих дальнейших предложений было принято временно действующее соглашение, основанное на системе встречных уступок, в силу которого Швеции было обеспечено беспрепятственное снабжение углем и другими британскими товарами. Более того, хотя в деле выдачи транзитных лицензий в ответ на британские экспортные лицензии шведские власти отстают на два месяца, это тем не менее не повело к какому-либо ограничению в снабжении Швеции британскими товарами.

Нормирование голландского ввоза было установлено через Нидерландский трест по морским перевозкам. Правительство его величества вряд ли сможет применять более строгие меры по отношению к Голландии и другим нейтральным странам до тех пор, пока так много внимания будет уделяться Швеции; и оно опасается, что все выгоды от британского морского превосходства, поскольку речь идет об ограничении снабжения неприятеля, будут потеряны, если дальнейшие уступки будут сделаны Швеции; в то время как другие нейтральные страны, как Голландия, Норвегия и Дания, готовы заключить соглашения, исходя из своих чисто коммерческих соображений, не представляется возможным оправдывать снисходительные меры в отношении Швеции, когда она занимает позицию non possumus [непринятия] любых британских предложений по пресечению торговли с неприятелем.

Что касается дела о «Стокгольме», то сэр Э. Грей предложил шведскому министру иностранных дел послать в Лондон доверенного представителя для обсуждения всего вопроса о торговых взаимоотношениях Великобритании со Швецией и, если возможно, для заключения соглашения, действующего на время войны. Правительство его величества уверено, что в случае принятия этого предложения оно может повести к улучшению положения. Во всяком случае оно проявит максимум долготерпения и готовности к компромиссу, чтобы предотвратить возникновение в настоящее время конфликта со Швецией по вопросу о блокаде.

Однако остается еще другая возможность, а именно, что шведское правительство ищет только предлога для ссоры, чтобы окончательно связать свою судьбу с неприятелем. Ясно, что в таком случае Швеция найдет предлог для вступления в войну, какие бы уступки в вопросах торговли мы ей ни делали.

Ввиду неопределенности положения в Швеции,— где двор, консервативная партия, армия и церковь, так же как и высшие должностные лица и некоторые крупные торговые дома и банки стоят за Германию,— морские и военные власти союзников не могут не учитывать возможности разрыва со Швецией

весной, и британское адмиралтейство и военное министерство готовы теперь же войти в сношения по этому вопросу с российскими морскими и военными властями, если это будет признано желательным.

№ 129. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме — Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу.

Телеграмма № 366. 3 февраля/21 января 1916 г.

После отхода сербской армии из Албании задача остановить дальнейшее движение австрийцев ляжет покамест на итальянцев и Эсада [1]. Не найдут ли союзники в этих целях возможным оказать Эсаду необходимую помощь оружием и припасами и обещать ему, что, в случае нужды, он будет со своим отрядом вывезен из Албании [2].

Прошу вас по предмету этой телеграммы предпринять соответствующие шаги и ответить по телеграфу [3].

Сазонов.

№ 130. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма [4]. 3 февраля/21 января 1916 г.

Copie Paris.

Reçu votre № 313 [5].

Grey dit que en effet relations anglo-norvégiennes étaient assez satisfaisantes, que pourtant en Norvège aussi certaines frictions — résultat de blocus — n'avaient, malgré tous les efforts, pas pu être évitées. Il télégraphiait à Findley le chargeant tâcher obtenir tout d'abord assu-

---

[1] Далее зачеркнуто: «Несомненно было бы полезным побудить последнего продолжать оказывать сопротивление нашим врагам, несмотря на осложнившиеся условия».

[2] 1 февр./19 янв. серб. миссия в Петрограде передала Сазонову тел. Пашича, в которой последний сообщал, что на запрос Эсада, какое положение он должен будет занять после ухода серб. войск из Албании, Пашич ответил, что «ему и впредь надлежит поступать так, как и до сих пор поступал, с тем, однако, чтобы он себя защищал, если наши враги нападут на него». При этом Пашич обещал Эсаду просить союзников оказать ему помощь. По мнению Пашича, «после капитуляции Черногории в интересах наших и союзников наших, чтобы Эсад-паша остался как ныне, так и в будущем с нами».

[3] Тел. от 9 февр./27 янв. за № 89 Извольский ответил, что франц. прав-во уже 3 февр./21 янв. предписало своим военным и морским властям принять необходимые меры в указанном Сазоновым смысле. Ответа из Лондона в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[4] Номер отсутствует.

[5] См. № 114.

rances que aucunes négociations ne sont entamées entre Norvège et Suède de nature à inspirer à Suède confiance qu'elle ne courrait aucun risque du côté norvégien. Il croit que incertitude à ce sujet peut exercer sur Suède influence salutaire. Il ne croit pas qu'il soit utile pousser les choses plus loin maintenant. Quant à appui que Angleterre pourrait fournir à Norvège, Grey me dit que lord Kitchener étudierait la question qui devrait être au nombre de celles qui font objet de la correspondance directe entre notre Grand Etat Major avec Kitchener. Parlant en mon propre nom, je dis à Grey que je croyais que bien des indices démontrent que Allemagne tenterait au printemps de prendre offensive par les rives de la Baltique sur Pétrograd. Attention que Grey porta à mes paroles prouve que ce côté de la question, dont je sais Balfour préoccupé, avait déjà attiré son attention. Je demandai à Grey comment il considérait question des neutres. Il me répondit que obligé d'un côté de les menager pour raisons stratégiques ces ménagements constituaient un soulagement pour Allemagne. Il s'établit aussi un état de choses où chaque nouveau fait donne lieu à une nouvelle friction. Grey me dit que dans les pays Scandinaves les partis de la paix étaient selon lui influents; il ne croit pas à des résolutions d'intervention, ni à des engagements contractés, mais il se rend compte que neutralité de ces pays ne serait absolument assurée que le jour où Angleterre lèverait le blocus ce qui est tout aussi absolument impossible. Opinion publique anglaise ne comprend même pas les ménagements nécessaires et c'est là ce qui lui crée les plus grandes difficultés.

Benckendorff.

Перевод.

Копия Париж.

Ваш № 313 получен.

Грей говорит, что хотя англо-норвежские отношения на деле довольно удовлетворительны, все же с Норвегией — вследствие блокады — не удалось, несмотря на все усилия, избегнуть известных трений. Он телеграфировал Финдлею, поручив ему постараться прежде всего получить заверения в том, что между Норвегией и Швецией не начаты никакие переговоры, могущие внушить Швеции уверенность в том, что она не подвергнется никакому риску с норвежской стороны. Он полагает, что неуверенность в этом вопросе может оказать на Швецию благотворное влияние. Он не считает полезным в настоящее время итти далее этого. Что касается поддержки, которую Англия могла бы оказать Норвегии, то Грей сказал мне, что лорд Китченер изучит этот вопрос, являющийся одним из тех, которые составляют предмет непосредственной переписки между нашим генеральным штабом и Китченером. Говоря от своего личного имени, я сказал Грею, что, по моему мнению, имеется много указаний на то, что весной Германия будет пытаться повести наступление на Петроград по побережью Балтийского моря. Проявленное Греем внимание к моим сло-

вам доказывает, что эта сторона вопроса, которая, я знаю, тревожит Бальфура, уже привлекала его внимание. Я спросил Грея, как он смотрит на вопрос о нейтральных. Он ответил мне, что, с одной стороны, он вынужден по стратегическим соображениям щадить нейтральных, но с другой — это является подспорьем для Германии. Таким образом создается положение вещей, когда каждый новый факт дает место новым трениям. Грей сказал мне, что в скандинавских странах партии мира, по его мнению, влиятельны; он не верит ни в то, что будут приняты решения о вмешательстве, ни в заключение соглашений, но он отдает себе отчет, что нейтралитет этих стран будет полностью обеспечен только с того дня, когда Англия снимет блокаду, что также абсолютно невозможно. Английское общественное мнение даже не понимает необходимости действовать с осторожностью, и это создает для него самые большие трудности.

Бенкендорф.

№ 131. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 48. 3 февраля/21 января 1916 г.

Ввиду первостепенного политического значения для Англии успеха в Месопотамии в связи с настроением Афганистана и Индии и ввиду почти непреодолимых трудностей, встречаемых там английскими войсками, мне кажется желательным выяснить, возможна ли с нашей стороны теперь же деятельная кооперация на этом театре и в каких размерах. Если бы движение наших войск к Багдаду смогло способствовать освобождению ныне изолированных в Кут-эль-Амаре сил, такая осязательная услуга Англии, помимо серьезного военного своего значения, возымела бы в высшей степени благотворное и ценное для нас влияние на настроение общественного мнения в Англии.

Бенкендорф.

№ 132. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁻/. Телеграмма № 109. 3 февраля/21 января 1916 г.

Копии в Париж и на Корфу.

Ссылаюсь на телеграмму Трубецкого № 12[1].

За последнее время между Эсадом и итальянским правительством установились, по словам Соннино, хорошие отношения. Эсад спокойнее по отношению к австрийцам, полагая, что их войска не так быстро дойдут до Дураццо. В случае их наступления Эсад уйдет

---

[1] Тел. Трубецкого за № 12 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

в Дураццо, и Соннино не видит никаких препятствий к его переезду в Корфу с войсками, которые останутся верными ему[1].

Гирс.

№ 133. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 34. 3 февраля/21 января 1916 г.

Телеграмма № 271 получена[2].

Барон Ишии сказал вчера великобританскому послу, что японское правительство не встречает возражений против предположенного заявления Бельгии, но присоединиться к нему не предполагает[3]. Из слов барона Ишии Грин заключил, что препятствием к присоединению Японии к проектированной декларации является, главным образом, содержащееся в ней обещание притти Бельгии на помощь в политическом и финансовом отношении.

Малевский.

№ 134. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 20[4]. 3 февраля/21 января 1916 г.

Получил вашу телеграмму № 320[5]. Ссылаюсь на мою телеграмму № 438[6].

Решая вести свою избирательную кампанию на платформе «готовности», президент из убежденных пацифистов обратился в не менее убежденного или скорее убедительного сторонника усиленных военных приготовлений и, произнося в предпринятой им круговой поездке по штатам по несколько речей в день, не только увлекает своих слушателей горячими призывами к деятельному патриотизму для охраны чести страны и ее защиты от нападения врагов, (но) он, повидимому, сам увлекается своим красноречием, и некоторые его возражения

---

[1] Позднее, тел. от 14/1 февр. за № 157, Гирс снова сообщил, что у Эсада с итальянцами установились «близкие отношения» и что итальянцы не верят его преданности сербам, «утверждая, что их временно сближает лишь общая ненависть к Австрии».

[2] См. стр. 105, прим. 3.

[3] 19/6 янв. за № 94 Сазонов телеграфировал Малевскому о необходимости по соглашению с франц. и англ. послами предложить япон. прав-ву присоединиться к декларации о гарантировании политической и экономической независимости Бельгии.

[4] Царск. экз.

[5] См. № 115.

[6] См. т. IX, № 490.

действительно могут быть истолкованы в смысле возможности столкновения с другой державой «для защиты принципов гуманности и прав американских граждан». Сознавая, что успех его партии зависит от успешного поддержания и проведения столь популярной во всем американском народе идеи «готовности», он употребляет все старания, чтобы отбить избирателей от Брайана, продолжающего проповедывать «мир во что бы то ни стало», и перещеголял самого Рузвельта, у которого он перехватил его громкий призыв к вооружению. Но как бы Вильсон ни был воинственен на словах, он в сущности остается таким же миролюбивым, как был прежде, доказательством чему служит то, что в Мексике убийства мирных американских граждан безнаказанно учащаются, а он, несмотря на протесты в конгрессе и печати, продолжает придерживаться своей старой системы «бдительного выжидания». Что касается разоружения торговых судов, его цель можно объяснить тем, что президент и его партия желали бы блеснуть перед страной одержанием «дипломатической победы» над Германией, добившись ее согласия закончить переговоры, тянувшиеся с мая, «осуждением» потопления «Лузитании», предлогом же для этого весьма удобного для немецких подводных лодок разоружения торговых судов служит предположение, что, не боясь с их стороны нападения, они уже не будут пускать их ко дну без предупреждения, а бережно и гуманно снимать пассажиров и команду и доставлять их в безопасные места; но эта чересчур нейтральная и наивная попытка всем угодить не достигла своей цели и никого не удовлетворила; громадное большинство американцев считает ее потаканием Германии, английские газеты находят, что ноту Лансинга мог бы подписать Бернсторф, а немецкие — Грей. В общем все это не более чем проявление отчаянной избирательной кампании.

Бахметев.

№ 135. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 67. 4 февраля/22 января 1916 г.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на ваш № 233 [1].

Бриан сказал мне, что затронутый в ней вопрос обсуждался вчера в совете обороны, который признал, что хотя о немедленном переходе Салоникского отряда в наступление не может быть и речи [2], необходимо принимать все меры к тому, чтобы сказанный отряд мог пред-

[1] См. № 79.
[2] См. № 117.

принять активные действия в момент, когда русские войска, со своей стороны, будут готовы к наступлению на румынской границе. Бриан рассчитывает, что салоникские войска могут быть подкреплены 100 000 сербов и что если английское правительство успокоится насчет Египта, оно согласится послать в Салоники находящиеся ныне на о. Мудросе 30 000 человек. Это доведет численность Салоникского отряда до 400 000. Бриан обещал сообщить о вышеизложенном английскому правительству и предложить ему сделать в Бухаресте совместное заявление в указанном вами смысле.

Извольский.

№ 136. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Телеграмма № 418. 4 февраля/22 января 1916 г.

Генерал Жилинский, сообщая очередные сведения об эвакуации сербов на Корфу, прибавляет: «Недоверие и недоброжелательство итальянцев к сербам не прекращается. Командующий в Валоне генерал Бертотти приказал начальнику отряда в Фиери не пропускать сербскую кавалерийскую дивизию на южный берег реки Семени на пути в Валону». Не признаете ли возможным поручить нашему послу указать на ненужность и недальновидность таких действий. Прежде чем ревниво оберегать свое будущее достояние, его нужно заработать и обеспечить. Сербы же теперь могут лишь помочь, а не помешать узко эгоистическим стремлениям своеобразных союзников.

Алексеев.

№ 137. Нота российского министерства финансов английскому послу в Петрограде Бьюкенену [1].

5 февраля/23 января 1916 г.

Se référant à sa note du [28] 15 janvier [2], le gouvernement russe juge devoir, vu certain caractère d'urgence présenté par le règlement de ses commandes au Japon, revenir sur cette question et insister auprès du gouvernement anglais pour que les paiements à faire en ce pays puissent

---

[1] Маш. копия, препровожденная Барком Сазонову при письме от 5 февр./23 янв. за № 357, в котором он просил Сазонова поддержать его пожелания перед англ. пос-вом в Петрограде и поручить Бенкендорфу предпринять соответствующие шаги перед англ. прав-вом.

[2] Записка от 28/15 янв. не обнаружена (ср. стр. 118, прим. 4).

être imputés, en partie du moins, sur les crédits ouverts à Londres au gouvernement russe.

Le gouvernement russe croit devoir répéter que le concours fourni par le Japon est de très grande importance. Toutes les commandes sont très consciencieusement exécutées et livrées bien exactement dans les délais stipulés. D'autre part, pour nombre d'articles, le Japon présente une élasticité plus grande que les autres marchés, qui pour telle ou telle marchandise, ont déjà des commandes surpassant les quantités pouvant être préparées dans des délais utiles. En mettant à profit pour ces objets les facultés de production du Japon, l'on peut obtenir les marchandises voulues dans des termes plus rapprochés que si les commandes devaient être exécutées en Angleterre ou en Amérique. Il est donc de l'intérêt commun des alliés que la Russie ait la faculté d'obtenir en ce pays partie des objets nécessaires à la défense nationale.

Ainsi que le mentionnait la note du [28] 15 janvier, la Russie bénéficiera au Japon, au moyen d'une opération de crédit, de 50 millions de yens, mais cette opération n'est pas encore terminée définitivement et le produit ne suffira du reste qu'à la couverture d'une petite partie des besoins du gouvernement russe [1].

La totalité des besoins susdits s'élève actuellement, du chef de toutes les commandes, à 289 millions de yens, dont 169 millions concernent des commandes déjà décidées en principe, mais non encore définitivement données.

Pour les commandes soit déjà livrées, soit en cours d'exécution, les paiements à faire au Japon en janvier et février 1916 présentent un total de 34 millions de yens; parmi ces paiements certains sont déjà arrivés à échéance et demeurent en souffrance, faute pour le gouvernement russe de posséder les moyens d'y faire face. De trop longs retards dans l'acquittement des sommes dues pourraient non seulement produire

---

[1] Тел. от 28/15 янв. за № 25 Малевский извещал Сазонова о том, что последние переговоры с япон. банкирами «выяснили, что при содействии государственного банка группа согласна подписать контракт на 50 млн. 5 февраля нового стиля и закончить подписку и разверстку до 10 февраля». Далее, сообщая, что банкиры категорически отказались от увеличения суммы займа, Малевский добавлял, что они «в июне берутся обсудить новый заем в 20—25 миллионов в зависимости от тогдашних условий». Тел. от 7 февр./25 янв. за № 48 Малевский сообщал о заключении в этот день контракта, который был подписан «Iokohama Specie Bank» от имени синдиката япон. банкиров. В докл. записке комитету финансов от 9 февр./27 янв. Барк сообщал, что первоначально банкиры настаивали на высылке в Японию золота на сумму в 30 млн. иен, но, встретив категорический отказ со стороны росс. м-ва финансов, согласились исключить это условие.

mauvais effet, mais avoir une répercussion défavorable sur l'exécution des commandes ultérieures. Pour ce motif, il est de la plus haute importance que, dans tous les cas, les paiements susdits de 34 millions de yens soient réglés sans retard et ce avant même que les gouvernements anglais et russe arrivent à entente sur le mode d'action à adopter à l'avenir pour cette matière.

Le gouvernement russe espère que le gouvernement anglais voudra bien examiner avec sa bienveillance accoutumée la question des commandes au Japon et qu'il jugera possible de fournir, à valoir sur les crédits ouverts à Londres, les montants nécessaires au règlement des objets fournis à la Russie par le Japon, et ce dans la mesure où des opérations de crédit russes ne seraient pas à même de le faire.

Le gouvernement russe croit devoir ajouter que le ministère de la guerre a pris toutes dispositions nécessaires pour que le gouvernement anglais soit dûment au courant de tous les détails relatifs aux commandes faites au Japon et il se permet de souligner l'urgence qu'il y a de procéder au règlement des comptes dès à présent en retard et d'assurer celui des comptes venant à échéance dans un avenir peu éloigné [1].

Перевод.

Ссылаясь на свою ноту от [28] 15 января, российское правительство считает долгом, ввиду известной срочности оплаты его заказов в Японии, возвратиться к этому вопросу и настаивать перед английским правительством на том, чтобы платежи, которые надо произвести в данной стране, были хотя бы частично произведены за счет кредитов, открытых в Лондоне российскому правительству.

Российское правительство считает долгом повторить, что содействие, оказываемое Японией, имеет очень большое значение. Все заказы очень добросовестно выполняются и сдаются точно в установленные сроки. С другой стороны, по ряду предметов Япония обнаруживает бо̀льшую емкость, чем другие рынки, которые уже имеют больше заказов на эти товары, чем они могут приготовить в нужные сроки. Используя по этим предметам производственные возможности Японии, можно получить желательные товары в более близкие сроки, чем если бы заказы выполнялись в Англии или в Америке. Таким образом, в общих интересах союзников, чтобы Россия имела возможность получить в данной стране предметы, необходимые для государственной обороны.

Как это указывает нота от [28] 15 января, Россия путем кредитной операции будет пользоваться в Японии 50 миллионами иен, но эта операция еще окончательно не завершена и к тому же полученные в результате ее суммы будут достаточны лишь для покрытия малой доли потребностей российского правительства.

---

[1] Текст публикуемой ноты был сообщен Бенкендорфу тел. от 8 февр./26 янв. за № 429.

Общая цифра вышеуказанных потребностей достигает в настоящее время по всем заказам 289 миллионов иен, из которых 169 миллионов относятся к заказам, уже решенным в принципе, но еще окончательно не данным.

Платежи, которые нужно будет произвести Японии в январе и феврале 1916 г. по уже выполненным заказам или по находящимся в стадии выполнения, представляют собой общую сумму в 34 миллиона иен; среди этих платежей некоторым уже наступил срок и выплата откладывается за отсутствием у российского правительства средств рассчитаться по ним. Слишком долгая задержка в оплате причитающихся сумм могла бы не только произвести дурное впечатление, но и неблагоприятно отразиться на выполнении последующих заказов. В силу этих соображений чрезвычайно важно, чтобы, во всяком случае, уплата указанных 34 миллионов иен была произведена без промедления и даже до того, как английское и российское правительства придут к соглашению относительно будущего образа действий по этому вопросу.

Российское правительство надеется, что английское правительство не откажет рассмотреть с обычной благожелательностью вопрос о заказах в Японии и сочтет возможным предоставить за счет открытых в Лондоне кредитов суммы, необходимые для оплаты предметов, доставленных России Японией,— в той мере, в которой российские кредитные операции не смогут этого выполнить.

Российское правительство считает необходимым добавить, что военный министр принял все нужные меры к тому, чтобы английское правительство находилось должным образом и во всех деталях в курсе дела относительно заказов, данных Японии, и оно позволяет себе подчеркнуть срочность, которая требуется в деле оплаты счетов, уже просроченных в настоящее время, и для обеспечения оплаты тех счетов, срок которым истечет в недалеком будущем.

№ 138. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву.

*/. Письмо № 88 [1]. 5 февраля/23 января 1916 г.

Совершенно доверительно.

До меня недавно дошел слух, будто Норвегия, опасаясь выступления Швеции против нас и желая предотвратить таковое, дала понять в Стокгольме, что в случае подобного выступления она, с своей стороны, вероятно, принуждена будет присоединиться к противникам Германии. Слух этот находит некоторое подтверждение в словах, весьма доверительно сказанных на-днях норвежским председателем совета министров французскому посланнику в Христиании о том, что в случае мобилизиции в Швеции Норвегия также мобилизует свои войска [2]. Можно надеяться, что подобное настроение в Норвегии способно оказать известное влияние в смысле удержания Швеции от нарушения своего нейтралитета. Тем не менее, как бы успокоительны ни были заверения, переданные мне еще сегодня прибывшим сюда

[1] Царск. экз.

[2] См. № 114 и стр. 125, прим. 1.

*

братом шведского министра иностранных дел г. Валленбергом [1], необходимо считаться и с возможностью вовлечения Швеции в войну против нас. В таком случае, очевидно, весьма важное значение приобрело бы для нас положение, которое займет Норвегия. Если бы удалось побудить ее в свою очередь выступить тогда против Швеции, это, несомненно, облегчило бы нам задачу отражения шведского нападения. Находясь в силу географических условий в значительной зависимости от Англии, в отношении как своей торговли, так и обороны, Норвегия издавна поддерживает с Великобританией тесную связь. Сообразно с этим переговоры по затронутому предмету, требующие особенной осторожности, лучше всего предоставить английскому правительству, но предварительно желательно выяснить, какую поддержку могли бы оказать Норвегии союзники, если бы она решилась присоединиться к ним. Для этого английское правительство предлагает поручить лорду Китченеру изучить этот вопрос совместно со штабами русской и французской армий [2]. Не могу достаточно подчеркнуть, насколько важно, чтобы как изучение этого вопроса, так и последующие переговоры с Норвегией велись в самой строгой тайне, так как малейшая огласка могла бы иметь непоправимые последствия в смысле возбуждения Швеции против нас и привести к ускорению именно той развязки, которую мы стремимся предотвратить. Поэтому обращаюсь лично к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой, в случае если вы согласитесь с желательностью обсуждения вышеозначенного вопроса, указать, на кого вы считали бы возможным возложить соответствующие весьма доверительные переговоры с лордом Китченером в Лондоне [3].

Примите и пр. [Сазонов.]

---

[1] В поденной записи от 4 февр./22 янв. (опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 5) было отмечено, что брат швед. м-ра ин. дел, Маркус Валленберг, приехал на несколько дней в Петроград для переговоров с главным управлением почт и телеграфов относительно концессии на телефон г. Москвы и «воспользовался этим случаем, чтобы посетить министра иностранных дел и его ближайших сотрудников и дать самые успокоительные заверения в миролюбии Швеции, которая, по его словам, искренне желает лишь сохранения своего нейтралитета». Сазонов испросил для Валленберга прием у Николая II и последний принял его 4 февр./22 января. Далее указывалось, что Валленберг, «повидимому, извлек из кратковременного своего пребывания в Петрограде самые благоприятные для нас впечатления».

[2] См. № 130.

[3] Это письмо Сазонова было препровождено Шиллингом Кудашеву для передачи Алексееву при частном письме от 6 февр./ 24 янв. В этом письме Шиллинг писал: «Вы можете сказать генералу Алексееву, что с разрешения С. Д. Сазо-

№ 139. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма[1]. 5 февраля/23 января 1916 г.

Иславин телеграфирует за № 11:

Представился вчера королю Николаю. Король сказал мне, что он совершенно подавлен последними событиями и что, покидая Черногорию, он желал лишь одного — погибнуть в пути от вражеского снаряда, чем был бы положен конец его мукам. Затем его величество с негодованием отозвался об образе действий Италии, назвав его изменническим относительно Черногории и союзников и обвинив ее в том, что она довела черногорцев до голода, не озаботившись о доставке продовольствия, задерживающегося до сих пор в Бриндизи. По этому поводу я возразил, что, пробыв некоторое время в Бриндизи, я лично убедился в трудности доставки грузов в Медую, где порт был недостаточно оборудован. Король назвал гнусной клеветой обвинение его, более полувека стоявшего на страже славянских интересов, в предварительных с начала войны переговорах с Австрией. На это я позволил себе заметить, что события и образ действий черногорцев лучше всяких слов могут доказать ложность подобной клеветы. Король ожидает на-днях возвращения Миушковича из Парижа[2] и в за-

---

нова вы ознакомлены с содержанием письма, но обратите еще раз внимание на необходимость соблюдения строжайшей тайны в затронутом вопросе. Сообразно с этим желательно посвятить в дело возможно меньше лиц; конечно, главная роль в смысле оказания «поддержки» выпадает на англичан, но так как их действия в этом отношении должны быть согласованы с нашими, желательно поручить переговоры с лордом К. человеку, одинаково знакомому с нашими предположениями как на суше, так и на море. Сегодня письмо министра будет доложено государю. Будем ждать отзыва генерала Алексеева для ответа англичанам» (ср. стр. 174, прим. 2).

[1] Номер отсутствует.

[2] Прибывший в Париж 2 февр./20 янв. Миушкович имел беседу с Извольским, в которой он снова (ср. № 67) старался доказать, что переговоры с австрийцами о перемирии были вызваны лишь желанием выиграть время, и объяснял «невыгодные для короля и для него самого слухи» интригами сербов. Миушкович также жаловался на недостаток помощи со стороны союзного флота и особенно итальянцев. Извольский посоветовал ему принять меры к тому, чтобы публично опровергнуть широко распространившиеся слухи о переговорах Черногории с Австрией (тел. Извольского от 3 февр./21 янв. за № 66). Миушкович опубликовал в парижской печати официальное сообщение о последних событиях в Черногории (тел. Извольского от 11 февр./29 янв. за № 96). В этом сообщении Миушкович, утверждая, что переговоры с австрийцами были начаты только с целью спасти черног. армию, приводил текст инструкции, посланной ген. Вукотичу (см. стр. 69, прим. 3).

ключение сказал мне, что он примет меня для вручения грамот в том месте, которое изберет французское правительство для постоянного пребывания его величества [1].

Извольский.

№ 140. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 74. 5 февраля/23 января 1916 г.

Копия в Лондон.

Получил вашу телеграмму № 233 [2].

Французскому послу в Лондоне предписано предложить великобританскому правительству сделать в Бухаресте совместное заявление в указанном вами смысле [3].

Извольский.

№ 141. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Сообщение № 38. 5 февраля/23 января 1916 г.

Секретно. Срочно.
Вместо телеграммы.

On communique de Rome à mon collègue d'Italie un télégramme du marquis Imperiali sur une conversation qu'il vient d'avoir avec Grey touchant la Suède. Sir E. Grey a dit que les relations anglo-suédoises sont loin d'être satisfaisantes; que le gouvernement suédois favorise

---

[1] Тел. от 7 февр./25 янв. за № 80 Извольский сообщил, что приехавший из Лиона Иславин (см. стр. 70, прим. 2) уведомил его, что «король Николай очень огорчен и обижен намерением французского правительства предложить ему поселиться в городе Экс в Провансе, на который он смотрит как на место ссылки». В беседе с Извольским по этому поводу Ж. Камбон заявил, что королю будет предложено поселиться в Фонтенебло или в Сен-Жермен.

[2] См. № 79.

[3] В дополнение к публикуемому документу тел. от 9 февр./27 янв. за № 86 Извольский сообщил Сазонову, что, согласно полученной тел. франц. посла в Лондоне, Грей, «не возражая в принципе против предложенного заявления в Бухаресте, опасается, что подобный шаг приведет союзников к необходимости назначить срок для выступления, и считает, что настоящий вопрос должен быть рассмотрен военными властями» (см. № 65 и стр. 66, прим. 1). Тел. от 10 февр./28 янв. за № 95 Извольский извещал Сазонова, что, по словам Ж. Камбона, «ввиду намечаемого плана наступательных действий салоникского отряда, французскому послу в Лондоне предписано осторожным образом повлиять на великобританское правительство, дабы находящимся ныне в Мудросе английским войскам не было дано иного назначения».

l'approvisionnement de l'Allemagne et soutient la contrebande qui se fait ad hoc sur une vaste échelle à travers la Suède; le gouvernement britannique posséderait là-dessus des preuves écrasantes. En conséquence Sir E. Grey se trouverait devant le dilemme soit de renoncer virtuellement aux buts de blocus que poursuit l'Angleterre, soit de le maintenir rigoureusement, au prix des menaces qu'une levée d'armée suédoise constituerait pour la Russie. Il voudrait amener la Suède par la persuasion et proposerait à cet effet au gouvernement suédois d'envoyer un homme de confiance à Londres pour y négocier.

Mes collègues italien, français et moi ne saurions partager sans réserves l'opinion de Sir E. Grey du moins si elle a été fidèlement transmise par Imperiali. Le gouvernement suédois a effectivement la tendance de favoriser l'approvisionnement de l'Allemagne, mais il ne prête pas sa main aux moyens illégaux, et la contrebande proprement dite est effectivement poursuivie en Suède. En conséquence des mesures très efficaces prises par les Anglais dès les premiers mois de la guerre, l'approvisionnement de l'Allemagne par l'entremise de la Suède est devenue difficile et très limité. Sir E. Grey l'a lui-même affirmé dans sa déclaration à la Chambre des Communes. D'ailleurs toutes les informations que nous et nos alliés recevons ces derniers temps d'Allemagne s'accordent à constater l'énorme gène dans laquelle se trouve le pays, la pénurie extrême de certaines denrées et marchandises, la nécessité de priver le pays de tout pour subvenir aux seuls besoins de l'armée. Dans ces conditions il ne s'agirait pas pour l'Angleterre de choisir entre l'abandon des buts de blocus et le ménagement de la neutralité suédoise, mais tout simplement de persévérer dans ce qui a été jusqu'à présent. D'un côté il ne faut pas permettre au gouvernement suédois d'augmenter par quelques nouveaux moyens l'approvisionnement de l'Allemagne, de l'autre il faut éviter toute mesure vexatoire inutile.

De nouvelles négociations avec le gouvernement suédois conduites à Londres présentent certains dangers qu'il serait bon de supputer d'avance: le parti allemand empêcherait certainement Wallenberg d'y envoyer un homme à lui; et l'envoi d'un confident de Hammarskiöld ou bien de la camarilla ne ferait que du tort aux relations anglo-suédoises. De plus les cercles germanophiles verraient dans le renouvellement des négociations spéciales avec l'Angleterre une espèce de succès de leur agitation et de leurs rodomontades; cela les enflerait et les rendrait encore plus intraitables. Enfin cette mission ne pourrait rester cachée: tous les journaux la commenteraient et feraient du bruit autour. Or ce qu'il faut éviter le plus en ce moment dans le domaine des questions du

blocus, c'est la polémique et le bruit lesquels le dernier temps se sont heureusement apaisés.

Je communique par courrier au comte Benckendorff et à Mr. Iswolsky.

Nekludow.

Перевод.

Моему итальянскому коллеге сообщили из Рима телеграмму маркиза Империали по поводу разговора, который он только-что имел с Греем относительно Швеции. Сэр Э. Грей сказал, что англо-шведские отношения далеко не удовлетворительны; что шведское правительство поощряет снабжение Германии и оказывает поддержку контрабанде, которая провозится через Швецию ad hoc в очень широком масштабе; британское правительство имеет, якобы, уличающие доказательства на этот счет. Поэтому сэр Э. Грей стоит перед дилеммой либо фактически отказаться от целей блокады, преследуемых Англией, либо неукоснительно ее поддерживать хотя бы ценой угрозы, которая создалась бы для России, если бы Швеция взялась за оружие. Он хотел бы воздействовать на Швецию путем убеждения и предложил бы в этих целях шведскому правительству послать доверенное лицо в Лондон для переговоров.

Мои итальянский и французский коллеги и я не могли бы безоговорочно согласиться с мнением сэра Э. Грея, если только оно верно передано Империали. Шведское правительство действительно имеет тенденцию благоприятствовать снабжению Германии, но не прибегает к незаконным средствам, и контрабанда в собственном смысле слова реально преследуется в Швеции. В результате весьма действительных мер, принятых англичанами с первых месяцев войны, снабжение Германии через посредство Швеции стало затруднительным и очень ограниченным. Сэр Э. Грей это сам утверждал в своем заявлении в палате общин. К тому же все сведения, которые мы и наши союзники получаем за последнее время из Германии, сходятся в том, что констатируют огромные затруднения, которые испытывает эта страна, крайнюю нужду в некоторых припасах и товарах, необходимость лишить страну всего, чтобы только удовлетворять потребности армии. При этих условиях для Англии дело не шло бы о выборе между отказом от целей блокады и осторожным отношением к шведскому нейтралитету, а только о простом продолжении того, что было до сих пор. С одной стороны, не надо позволять шведскому правительству увеличивать какими-либо новыми средствами снабжение Германии, а с другой — надо избегать всяких бесполезно притеснительных мер.

Новые переговоры со шведским правительством в Лондоне представляют известную опасность, которую следует предвидеть заранее: германская партия, конечно, помешает Валленбергу послать туда своего человека; посылка же доверенного лица Хаммаршиольда или камарильи только повредила бы англо-шведским отношениям. Сверх того германофильские круги усмотрели бы в возобновлении специальных переговоров с Англией своего рода успех их агитации и шумихи; это дало бы им возможность возомнить о себе и сделало бы их еще менее сговорчивыми. Наконец, эта миссия не могла бы остаться тайной; ее бы комментировали все газеты и создали бы вокруг шум. В настоящее же время надо более всего избегать в вопросе о блокаде полемики и шума, которые в последнее время, к счастью, затихли.

Я извещаю с курьером графа Бенкендорфа и г. Извольского.

Неклюдов.

№ 142. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 47. 5 февраля/23 января 1916 г.

Маргиломан и главнейшие деятели его партии просили об аудиенции и были в течение последних дней приняты королем. По имеющимся у меня сведениям, все эти лица старались доказать королю опасность оставления у власти Братиану, который, по их словам, окончательно потерял доверие германского правительства и почти открыто держит сторону держав Четверного согласия. Наоборот, Таке Ионеску и Филиппеску, принимая во внимание нынешнее трудное положение здешнего кабинета, решили приостановить нападки на Братиану, причем в особом сообщении от имени «Федеративной унии» говорится, что она собирается теперь с силами для нового «наступления». Это решение комментируется румынской германофильской прессой как доказательство установившегося полного согласия между Братиану и «Федеративной унией», что, конечно, не соответствует истине. Братиану сообщил мне, что немцы не предприняли здесь никаких новых шагов и пока лишь стараются воздействовать на короля и общественное мнение через посредство своих румынских друзей [1]. Братиану продолжает быть уверенным в короле и находит, что маска нейтралитета является для кабинета в настоящую минуту наилучшим средством борьбы с его внешними и внутренними врагами.

Поклевский.

№ 143. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 22. 5 февраля/23 января 1916 г.

Копия в Лондон.

Продолжение моей телеграммы № 20 [2].

В утренней речи в Сан-Луи президент сказал, что командиры подводных лодок имеют инструкции следовать постановлениям международного права, а между тем действие одной из них может втянуть Америку в войну, а в тот же вечер, вероятно заметив, что германо-американская публика не была довольна этими предположениями, он заявил, что Америка в мирных отношениях со всем светом и желает оста-

---

[1] 3 февр./21 янв. тел. за № 43 Поклевский сообщал Сазонову, что «в органе германской миссии, газете «Зиуа», появились статьи, в которых говорится, что Германия и ее союзники потребуют в самом непродолжительном времени от Румынии выяснения ее политики».

[2] См. № 134.

ваться в мире, в глубоком, а не поверхностном мире, потому что она в дружбе со всем светом, и лучший способ доказать эту дружбу состоит в полном отстранении от происходящей борьбы, и прочее в этом духе. Это ясно доказывает, что в своих обращениях к будущим избирателям он не излагает свою политическую программу, а только старается привлечь их симпатии к себе и своему лозунгу «законности». Мой английский коллега вполне разделяет это мнение, а касательно проекта разоружения торговых судов думает, что правительство не будет пытаться ввести его в исполнение до окончания войны; свободный уход итальянских пароходов с двумя орудиями доказывает, что во всяком случае оно не спешит на деле поддержать свой (взгляд).

Бахметев.

№ 144. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Телеграмма № 433. 5 февраля/23 января 1916 г.

На № 385 [1].

Прошу вас пригласить полковника Татаринова и выслушать те военные указания, которые он получил от меня, как для доклада вам, так и для соображений при предстоящих переговорах. Основные положения сообщены вам моей телеграммой [26] 13 января № 226 [2], а именно 1) наше содействие, помощь безусловно обеспечены; 2) количество войск указано в телеграмме № 226. Но мы, не зная намерений и плана действий румын, не имеем права взять вслепую на себя обязательства направить непременно эти войска туда, куда хотят румыны, руководясь исключительно своими стремлениями. Это прежде всего должен усвоить себе наш посланник; между тем, являясь как бы представителем чисто румынских интересов, он настоятельно вызывает принятие на себя нами невыгодного, опасного обязательства, совершенно не зная, какое применение дадут румыны своей армии. Будут реальные переговоры, будет выяснено положение договаривающихся сторон, будет выработан план действий, тогда определится район применения наших сил. Ускорить командирование Татаринова может только генерал Беляев.

Алексеев.

---

[1] Тел. от 4 февр./22 янв. за № 385 Сазонов передал Алексееву содержание тел. Поклевского за № 43 (см. стр. 153, прим. 1).

[2] См. № 85.

№ 145. Английский посол в Петрограде Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам Грею.

Телеграмма № 217 [1]. 6 февраля/24 января 1916 г. [2].

I said Mr. Sazonow today I had today called new Minister President [3], and had expressed my satisfaction at declaration which he had made, as to his desire to cooperate with Duma [4], as it was in my opinion of vital interest, Russian nation should present joint front to enemy. Minister President had received me in most friendly way, and he had assured me that he had no plan of limiting rights of Duma. Though he has given expression to very... sentiments, and even had left on me impression... confidence. I had heard moreover that he owed his appointment to Rasputin and Empress. Mr. Sazonow is not quite sure, whether this is the case, and he had reason to believe Rasputin's influence was decreasing. Great hope was that Mr. Stürmer was initiating more liberal and conciliatory policy. At first meeting, held under his presidency, he had committed to his colleagues what he thought of project of his predecessor — who has proposed to reduce sitting of Duma to ten days, and other restrictions of its original rights. He had expressed opinion Government would be shakening its power, while proceeding in manner proposed, and he had conducted discussion in this way, and such a..., that Minister of War, who is strongly constitutional, had uttered «...we are now out of the tranches». Minister of Interior had supported his view, while Minister of Commerce and Industry had proved himself strong conservative.

Перевод.

Я сказал сегодня г. Сазонову, что сегодня я посетил нового премьер-министра и выразил ему мое удовлетворение по поводу его заявления о желании сотрудничать с Думой, так как, по моему мнению, представляет жизненный

---

[1] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[2] В оригинале эта тел. ошибочно датирована 6 февр./27 янв.

[3] Штюрмер был назначен председателем совета м-ров 2 февр./20 янв. 1916 г.

[4] В день своего назначения Штюрмер в беседе с представителем печати, между прочим, заявил следующее: «Внимательно изо дня в день следя за жизнью нашей нижней палаты, я твердо усвоил мысль, что с введением в государственный строй новых законодательных учреждений правительство получило полную возможность плодотворной и реальной работы по осуществлению стоящих на очереди преобразований. Этой же мысли я держусь и теперь и уверен, что если между законодательными учреждениями и правительством не будет взаимной предвзятости, взаимных мелких подозрений, которых я лично совершенно чужд, то правительство сумеет найти общий язык с законодательными учреждениями».

интерес, чтобы русский народ явил единый фронт перед лицом неприятеля. Премьер-министр оказал мне весьма дружеский прием и заверил меня, что он не намеревается ограничивать права Думы. Хотя он выразил весьма... чувства, и даже произвел на меня впечатление ... доверие. Однако я слышал, что своим назначением он обязан Распутину и императрице. Г. Сазонов не вполне уверен, так ли это, и он имеет основание полагать, что влияние Распутина уменьшается. На Штюрмера возлагались большие надежды, что он положит начало более либеральной и примирительной политике. На первом заседании, имевшем место под его председательством, он сообщил своим коллегам, что он думает о проекте своего предшественника, предложившего ограничить заседания Думы десятью днями, а также другие ограничения ее основных прав. Он выразил мнение, что правительство, следуя предложенному образу действия, подорвет свою власть, и направил прения по этому пути и такой... как военный министр, твердо придерживающийся конституционных убеждений, сказал «...теперь у нас покончено с разногласиями». Министр внутренних дел поддержал его мнение, тогда как министр торговли и промышленности проявил себя твердым консерватором.

№ 146. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

'/. Сообщение № 41. 6 февраля/24 января 1916 г.

Секретно. Срочно.
Вместо телеграммы.

Третьего дня в беседе со шведским министром иностранных дел я счел уместным высказать ему некоторые мои опасения и предупредить его относительно возможных в ближайшем будущем осложнений. Я сказал Валленбергу приблизительно следующее: «До сих пор, говоря о войне, я избегал выражать перед вами преувеличенные надежды; но теперь я считаю долгом высказать мое убеждение, что силы нашего противника серьезно надломлены. Убеждение это основано на разностороннем осведомлении и на непреложной логике. Людской материал немцев начинает исчерпываться и становится все ниже по качеству. Страна истощена, и недовольство растет. Успех германцев на Балканском полуострове — успех скорее политический, нежели военный, ибо он весь основан был на выступлении болгар, — не приведет к дальнейшему; поход на Индию или Персию — c'est du Jules Verne [1]; Турция попрежнему истощена и недовольна, и германское влияние держится там лишь горстью людей и постоянным их насилием. «Самоубийство» Юсуф-Изздина [2] служит тому знаменательным показателем, а между тем для поддержания духа и надежд в германской армии и германском населении необходимы новые предприятия и новые — хотя бы лишь кажущиеся — успехи. У нас есть веские данные, чтобы

[1] «это из Жюль Верна».

[2] Наследник престола Юсуф-Изздин умер 2 февр./20 янв. 1916 г.

предполагать, что подобное предприятие замышляется ныне немцами в сторону Финляндии; в Германии подготовляют попытку высадки на финляндских берегах и поднятие восстания в Финляндии. Немцы вербуют финнов в отдельные отряды, получающие особую подготовку в Германии; их эмиссары сносятся со всеми недовольными элементами в Финляндии, пытаясь пристегнуть к этому и русских революционеров. До сих пор, повидимому, Германия колебалась насчет желательности участия Швеции в войне, ибо нейтралитет последней возмещался некоторыми бесспорными выгодами для германского военного снабжения. Но я уверен, что раз будет решено предприятие в сторону Финляндии, то Германия сделает все возможное, чтобы вовлечь в войну и Швецию. Я предвижу поэтому к весне значительное усиление в стране германской пропаганды и германских происков. И я предупреждаю вас об этом, дабы вы заблаговременно приняли меры для обезвреживания подобных происков. Вам необходимо наложить узду на опасную агитацию ваших активистов и не допускать прежде всего проповеди вражды к Англии; ибо толкуют все о необходимости защищаться против британского, якобы, засилия, а в конце концов замышляют нападение на Россию. Прежде же всего шведское правительство должно было бы не допускать, чтобы Швеция являлась бы почвой для деятельности германских вербовщиков и германских шпионов, орудующих в сторону Финляндии».

Г. Валленберг выслушал все это с большим вниманием и, повидимому, мои предостережения произвели на него должное впечатление. Он ответил мне, что никакие происки немцев не могут заставить Швецию выйти из своего нейтралитета; что не только он сам, но г. Хаммаршиольд одушевлены прежде всего желанием сохранить для Швеции блага мира. Что же касается германской вербовки и германской агитации в Финляндии, то шведское правительство отнюдь не склонно принимать в этих происках какого бы то ни было участия, и если что здесь делается в этом смысле, то совершенно тайком от властей. Он сам уже неоднократно предупреждал проживающих здесь более выдающихся финнов в безумии и опасности подобной агитации для судьбы самой Финляндии, и он может меня заверить, что все благоразумные финны вполне с ним соглашаются [1].

---

[1] В деп. от 6 февр./24 янв. за № 40 Неклюдов доносил Сазонову: «Мои союзные коллеги приняли за последнее время все зависящие меры, дабы правильно осветить в глазах шведской либеральной и социал-демократической партий истинное положение вещей и предостеречь эти партии относительно германофильских замыслов активистов и искусственного возбуждения страны против Англии. Старания союзных посланников увенчались доселе сравнительным

Я вполне уверен в совершенной искренности г. Валленберга. К сожалению, я не могу ему ответить, что г. Хаммаршиольд — ограниченный доктринер, полный самомнения, и что на этих струнах его играют активисты; что Густав V — мягкий и слабовольный монарх, находящийся под влиянием мнений своей жены и своего придворного круга, состоящего сплошь из весьма ограниченных германофилов; и, наконец, что значительное число шведских высших и средних чиновников — даже из числа прямых сотрудников Валленберга — считают возможным обходить до известной степени законы и приказания, когда дело идет о покрытии какого-нибудь германского происка или германской агитации. Последнего я не мог ответить Валленбергу, ибо у меня нет на то фактических доказательств, а существует лишь внутреннее убеждение.

Неклюдов.

№ 147. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 60. 6 февраля/24 января 1916 г.

Копии в Рим, Париж и Лондон.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 69 [1] и на мою телеграмму № 25 [2].

Итальянский посланник заявил, по поручению своего правительства, Скулудису о решении направить небольшой итальянский отряд на Корфу в распоряжение итальянского посланника для реорганизации с французами и англичанами, коих на Корфу 7 офицеров и 20 нижних чинов, сербской и черногорской армий [3]. В сообщении, составленном в весьма осторожных и куртуазных выражениях, указывается на получаемый таким образом международный характер

успехом. Речи Брантинга в риксдаге и весьма обстоятельные статьи, появившиеся за последнее время на столбцах шведских социалистических и либеральных газет, несомненно, могут содействовать успокоению общественного мнения в Швеции». Неклюдов отмечал, что за последние дни шведская печать стала гораздо сдержаннее и что в статье Адельсверда (б. м-р финансов в кабинете Стаара) «с полной ясностью и изрядной прямотой указывается шведской публике на безумие такой политики, которая закончилась бы войной и заставила бы страну терпеть ужасные бедствия и лишения, взамен тех незначительных по существу неудобств и стеснений, которые причиняют ей британская блокада и британский контроль».

[1] См. стр. 117, прим. 1.

[2] В оригинале ошибка: следует читать: № 35 (см. № 104).

[3] Тел. от 7 февр./25 янв. за № 125 Гирс сообщал, что «для начала Италия посылает на Корфу всего 50 карабинеров и военного своего агента».

временного использования Корфу, служащий залогом намерений союзников, озабоченных исключительно оказанием помощи сербам и черногорцам. Одновременно итальянскому посланнику предписано выразить надежду, что греческое правительство приложит старания к смягчению тона греческой печати по отношению к Италии [1]. Скулудис ограничился принятием сообщения к сведению. Он относится весьма подозрительно к итальянскому выступлению, считая присылку итальянского отряда предлогом к вмешательству на Корфу, и выразил удивление, что, помимо сербов, речь зашла о черногорцах, о коих первоначально не упоминалось [2].

Демидов.

№ 148. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 15. 6 февраля/24 января 1916 г.

Копия в Париж.

Для генерального штаба:

[6 февраля] 24 января из Дураццо прибыл престолонаследник с последним эшелоном верховной команды. За последнее время перевозка войск идет успешно, ежедневно прибывает от 6 до 7 тысяч человек. К вечеру [5 февраля] 23 января в Корфу и Бизерте находилось около 60 000 человек. По словам военного министра, близ Мати сербы надняях успешно отразили наступавшую без артиллерии австрийскую бригаду, причем взяли пленных. № 604. — Артамонов.

Трубецкой.

---

[1] Содержание этого заявления итал. посланника было передано Сазонову пам. запиской греч. миссии в Петрограде (без даты). В ней также сообщалось, что Скулудис выразил итал. посланнику свое крайнее удивление по поводу решения, принятого его правительством и которое не может быть ничем оправдано, так как черногорской армии на Корфу нет, а имеющиеся там союзные силы вполне достаточны для осуществления возложенной на них задачи. Далее в пам. записке указывалось, что «королевское правительство предполагает вручить итальянскому посланнику ответ, в котором заявит, что для него невозможно соглаеиться на присутствие итальянских сил на Корфу и что, в связи с проявившимся в Греции возмущением по этому поводу, оно не сможет отвечать за последствия, которые могут из этого возникнуть».

[2] Тел. от 9 февр./27 янв. за № 137 Гирс сообщил со слов Соннино о передаче греч. посланником в Риме «резкого протеста» по поводу итал. заявления о посылке отряда на Корфу. Соннино, по его словам, ответил, что «никаких задних мыслей у него нет и что он не предполагает увеличить со временем отряд». Далее Соннино сообщил Гирсу о получении им от греч. посланника письма, в котором он уведомлял его, что Греция берет обратно свой протест.

№ 149. Министр иностранных дел посланнику в Стокгольме Неклюдову.

Телеграмма № 426. 7 февраля/25 января 1916 г.

Считая полезным безотлагательно переговорить с вами по вопросу наших отношений с Швецией, прошу вас приехать сюда на несколько дней. Во избежание кривотолков благоволите объяснить вашу кратковременную отлучку личными делами [1].

Сазонов.

№ 150. Министр иностранных дел военному министру Поливанову.

Письмо. 7 февраля/25 января 1916 г.
Секретно.

М. г. Алексей Андреевич,

По получении от командующего Хорасанским отрядом полковника Гущина тревожных сведений об ухудшившемся положении дел в восточной Персии в связи с проникновением туда германо-турецких эмиссаров [2], временный туркестанский генерал-губернатор нашел необходимым значительно усилить находящиеся там наши войска с подчинением их общему начальствованию генерал-майора Фидарова и обратился к вашему высокопревосходительству с просьбой одобрить таковые его распоряжения [3].

Признавая со своей стороны, что предположенная генералом-от-инфантерии Мартсоном мера представляется ввиду действительно тревожного положения дел в указанном районе весьма целесообразной и таковой, быть может, будет предупреждено возникновение в восточной Персии, в близком соседстве с афганской границей, очага беспорядков, считаю своим долгом настоятельно поддержать перед вашим высокопревосходительством предположение командующего войсками Туркестанского военного округа, в надежде, что вы, с вашей стороны, признаете возможным таковое одобрить.

В ожидании ответа о последующем, пользуюсь и пр.

[Сазонов.]

---

[1] Тел. за № 18 от того же числа Неклюдов сообщил Сазонову, что прибудет в Петроград 14/1 февраля.

[2] Тел. от 3 февр./21 янв. за № 558 начальник штаба Туркестанского воен. округа Воронец передавал Сазонову содержание донесения полк. Гущина, что «немцы начинают проявлять усиленную деятельность в своих попытках пробраться из Кермана в Афганистан» и что «англичане в ответ двинули отряд [из] Сеистана к Керману».

[3] Это сообщение было передано Сазонову и. о. дипломатического чиновника при туркестанском ген.-губ. Чирковым в тел. от 2 февр./20 янв. за № 64.

№ 151. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

7 февраля/25 января 1916 г.

Итальянский посол прочел барону Шиллингу целый ряд телеграмм итальянского посланника в Бухаресте, в которых г. Фашиотти, между прочим, высказывал мнение, что если бы Румыния обязалась перед Германией сохранить нейтралитет, последний не был бы долговечен, так как Румынии вскоре пришлось бы окончательно перейти на сторону Австро-Германии.

№ 152. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 52. 7 февраля/25 января 1916 г.

Personnel.

Le roi m'a dit que la représentation de la Russie au conseil de guerre à Paris maintenant paraissait manquer de l'autorité voulue et devoir trop souvent recourir au télégraphe pour les renseignements les plus nécessaires aux travaux du conseil ce qui pourrait donner lieu à des retards, des hésitations et même des malentendus dangereux. Le roi pense que les discussions doivent être complètes et de nature à épuiser le sujet considéré à tous ses points de vue et croit que mission périodique et temporaire d'un officier jouissant de toute la confiance de l'empereur et qui serait comme un «alter ego» du général Alexéieff est impérieusement nécessaire. Sa majesté me dit que Kitchener télégraphie en ce sens. Ces conseils seront composés des généraux en chef et des ministres compétents eux-mêmes, tandis que Russie n'est en réalité représentée que par des agents militaires il est vrai renforcés, mais permanents et qui ne peuvent guère être constamment au courant de tout dans mesure nécessaire. Cette situation me paraît hors de toute proportion avec rôle joué par armée russe au cours guerre dans avenir comme passé. Je ne vois d'autre solution possible que celle suggerée par le roi. Il s'agit surtout de connaissance de cause et de relations personnelles qui seules peuvent servir de base à des résolutions précises en temps opportun; renseignements qui parviennent ne s'accordent pas toujours et il y avait différence entre ceux fournis par général Gilinsky et amiral Roussine. Tout ce qui me parvient vient à l'appui du point de vue ci-dessus énoncé et exige des contacts personnels les plus fréquents possibles. En toute matière ces contacts ont seuls jusqu'ici amenés résultats satisfaisants. Surtout nos propositions d'initiative devraient selon moi être ainsi

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 6.

traitées. Je citerai comme exemple: le plan du général Alexéicff pour une initiative contre l'Allemagne sur trois fronts[1], l'appui pour Roumanie et l'étude de la situation dans la Baltique. Personnellement je crois que les questions de cette importance exigent les missions dont parle le roi. Les traiter par correspondance restera insuffisant.

Benckendorff.

Вполне правильно.

Царское Село, [9 февраля] 27 января 1916 г.

Перевод.

Лично.

Король сказал мне, что теперешнее представительство России в военном совете в Париже, повидимому, не обладает желательными полномочиями и слишком часто вынуждено обращаться к телеграфным запросам за получением самых необходимых для работы совета сведений, что может вызвать задержки, колебания и даже опасные недоразумения. Король думает, что обсуждение должно быть полным, исчерпывающим и всесторонним, и считает настоятельно необходимой периодическую и временную командировку офицера, пользующегося полным доверием императора и являющегося как бы «alter ego» генерала Алексеева. Его величество сказал мне, что Китченер телеграфирует в этом смысле. В то время как в этих совещаниях будут лично участвовать главнокомандующие и соответствующие министры, Россия там, в сущности, представлена только военными агентами, правда, с расширенными полномочиями, но находящимися за границей постоянно и лишенными вследствие этого возможности быть всегда и в должной мере в курсе всех дел. Такое положение кажется мне совершенно несоответствующим роли русской армии в войне, как в будущем, так и в прошлом. Я не вижу иного возможного исхода, кроме предложенного королем. Главным образом необходимы знание дела и личные сношения, которые одни могут служить основой для точных решений в нужный момент; получаемые сведения не всегда согласуются между собой, и имелись расхождения между данными, представленными генералом Жилинским и адмиралом Русиным. Все, что до меня доходит, подтверждает вышеизложенную точку зрения и требует наивозможно частых личных сношений. До сих пор по всем вопросам только подобного рода сношения давали удовлетворительные результаты. Такое ведение дела необходимо, по-моему, особенно в тех случаях, когда инициатива исходит от нас. Приведу в качестве примера: план генерала Алексеева относительно инициативы действий против Германии на трех фронтах, помощь Румынии и изучение положения в Балтике. Я лично думаю, что вопросы такой важности требуют миссий, о которых говорит король. Продолжать обсуждать их путем переписки будет недостаточно.

Бенкендорф.

---

[1] См. т. IX, № 318 и приложение к нему.

№ 153. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 53. 7 февраля/25 января 1916 г.

Strictement personnel.

Crois nécessaire vous prévenir qu'affaires intérieures russes donnent lieu ici à inquiétudes plus sérieuses que silence voulu de la grande presse ne l'indique [1]. Seul le «Sunday Times» d'hier fait exception. L'inquiétude est en ce sens qu'esprit public se demande si des difficultés aiguës ne pourraient nécessiter paix séparée de la part de la Russie [2]. Ces préoccupations deviennent trop marquées pour que je m'abstienne vous les signaler.

Benckendorff.

Перевод.

Строго лично.

Считаю нужным предупредить вас, что внутренние русские дела вызывают здесь большее беспокойство, чем это можно заключить из вынужденного молчания влиятельной прессы. Только вчерашний «Sunday Times» составляет исключение. Существует беспокойство в том смысле, что общественное мнение задается вопросом, не могут ли крайние затруднения [момента] вынудить Россию пойти на сепаратный мир. Эта тревога становится слишком заметной, чтобы я не мог не обратить на это ваше внимание.

Бенкендорф.

№ 154. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 82. 7 февраля/25 января 1916 г.

Копии в Лондон, Рим и Бухарест.

Камбон конфиденциально заявил мне, что, по сведениям из Бухареста, там ожидают на-днях предъявления румынскому правительству со стороны Германии какого-либо категорического требования,

---

[1] В тел. от 29/16 янв. без номера (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Грей сообщал Бьюкенену следующее: «Мы больше всего опасаемся, что консервативные и... лица будут назначены на важные гражданские посты в России. Доходящие до нас сведения указывают, что способные элементы в стране очень обескуражены, и бодрое настроение в стране, столь важное во время войны, понижается. Вся страна соединится с императором, если будет хороший министр внутренних дел. Пожалуйста, при первом случае скажите это императору, так как, по-моему, это сейчас самое важное».

[2] В тел. от 18/5 янв. за № 12 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) (см. также стр. 350, прим. 1) Диаманди сообщал румын. м-ру ин. дел Порумбару, что в беседе с ним Бьюкенен «отрицал слух, что если бы Россия заключила сепаратный мир, Англия не поколебалась двинуть на нее с тыла Японию».

*

например, переменить состав кабинета или сократить армию [1]. Здесь думают, что подобный шаг несомненно указал бы на намерение Германии окончательно выяснить положение Румынии ввиду готовящегося на этом фронте решительного германского наступления. С другой стороны, по агентурным сведениям (...) восточном, а на здешнем театре. Во всяком случае, по словам Камбона, следует (ожидать) в близком будущем отчаянной попытки Германии одержать на том или ином пункте решительный успех и одновременно усиления с ее стороны террористических актов вроде нападения при помощи цеппелинов и подводных лодок.

Извольский.

№ 155. Посланник в Берне министру иностранных дел.

Телеграмма № 75. 7 февраля/25 января 1916 г.

Французский посол сказал мне по поводу все усиливающейся деятельности среди многочисленных находящихся здесь турок, что он находит, что нам следует разбираться в различных поступающих к нам предложениях в нашу пользу со стороны старотурок, а равно следить за той агитацией, которая, при содействии Германии, ведется здесь в пользу панисламистской пропаганды среди мусульман в России, Англии и Франции. Не имея при себе специалиста, знакомого с Турцией, г. Бо считал бы весьма желательной присылку сюда такого лица, безразлично Россией, Францией или Англией, пользующегося доверием правительства, которое могло бы состоять при нашем или французском консульстве в Лозанне. Лозанна — главный центр всех

---

[1] В тел. от 2 февр./20 янв. за № 51 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Фашиотти сообщил Соннино об аудиенции австро-венг. посланника у короля Фердинанда. Чернин, якобы, заявил, что центральные империи не питают более доверия к нынешнему румын. кабинету, и закончил указанием, что «собственный интерес Румынии должен бы побудить ее если не к тому, чтобы примкнуть к центральным империям, то, по меньшей мере, к тому, чтобы поддерживать искренний и благожелательный нейтралитет, что невозможно при настоящем кабинете». Король Фердинанд, якобы, ответил, что «кабинет Братиану пользуется доверием парламента и поэтому является единственным, который может управлять и поддерживать порядок в стране. Затем он закончил указанием, что если центральные империи намеревались бы сделать его положение более трудным, то им нужно было бы только продолжать свое теперешнее поведение, что только еще более усложнит общее положение».

пребывающих здесь турок. Я вполне согласен с мнением моего французского коллеги. Посол сообщил о вышеизложенном в Париж [1].

Бахерахт.

№ 156. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 64. 7 февраля/25 января 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Саррайль запросил вчера французского посланника относительно своего намерения объявить в ближайшем времени осадное положение в Салониках. Посланник сослался на тяжелое впечатление, которое мера эта произведет в Греции, и сносится по сему поводу с Парижем. Ввиду присутствия в Салониках греческих войск, мне кажется, что к подобной мере надлежало бы приступить не иначе как по предварительному соглашению с греческим правительством и по его предупреждении, в особенности, при намеченном более внимательном обхождении с Грецией.

Демидов.

№ 157. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 56. 7 февраля/25 января 1916 г.
Лично.

Ссылаюсь на ваш № 4491 и мои №№ 511 и 530 прошлого года [2].

Ввиду временной приостановки агитации со стороны оппозиции Филиппеску очень желал бы поехать на короткое время в Россию и воспользоваться ныне последовавшим в сентябре прошлого года всемилостивейшим разрешением на посещение им нашей армии. Все

---

[1] В письме от того же числа, содержание которого в основном совпадает с публикуемым документом, Бахерахт высказывался за желательность посылки в Швейцарию б. драгомана в Константинополе Мандельштама. В том же письме он указывал, что англ. посланник не разделяет мнения франц. посла и «не придает значения деятельности здешних мусульманских кругов». Тел. от 26/13 марта за № 1251 Сазонов сообщил Бахерахту о командировании в Швейцарию с указанной выше целью Мандельштама, который официально должен был рассматриваться, как имеющий поручение по делам военнопленных.

[2] Тел. от 8 сент. /26 авг. 1915 г. за № 511 Поклевский передавал Сазонову, что Филиппеску в беседе с ним высказал желание поехать в Россию и просил Поклевского, «если возможно, исходатайствовать ему разрешение посетить также наш фронт и повидать нашу армию». Со своей стороны, Поклевский поддерживал просьбу Филиппеску и выражал уверенность, что «любезный прием, оказанный в России и в нашей армии лидеру крупной румынской поли-

мотивы, которые я позволил себе приводить в прошлом году в пользу оказания Филиппеску возможно любезного приема в России и в нашей армии, остаются и теперь в силе. Ввиду того, что за последние дни в городе стали говорить об этой поездке, мне пришлось совершенно случайно говорить с Братиану. Последний сказал мне, что для него крайне важно, чтобы Филиппеску вынес из России и с нашего фронта возможно лучшие впечатления. Из дальнейших слов я мог, однако, понять, что ему было бы неприятно, если бы приему у нас Филиппеску был придан официальный характер, или если бы его у нас чествовали, как главу наиболее дружественной к России румынской политической партии, — звание, на которое претендует сам Братиану. Вообще было бы желательно не придавать поездке Филиппеску в Россию характера политической манифестации, которая, при экспансивности и словоохотливости этого государственного деятеля, могла бы принять нежелательный, с точки зрения наших здешних интересов, характер враждебной демонстрации против румынского правительства. Позволяю себе также ходатайствовать о предоставлении Филиппеску со станции Унгени отдельного вагона и о сообщении мне указаний о том, когда и куда именно ему следует выехать. Филиппеску желал бы покинуть Румынию в первых числах февраля и взять с собой своего частного секретаря Рауля Крначпану, немного знающего русский язык [1].

Поклевский.

№ 158. Посол в Токио министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 47. 7 февраля/25 января 1916 г.

Японское правительство изъявило согласие на предложение Грея [2], чтобы вопрос о признании китайской монархии, в случае его воз-

---

тической партии и горячему нашему стороннику, произведет здесь прекрасное впечатление и еще более (закрепит) уже существующие у нас с Румынией узы».

Тел. от 13 сент./31 авг. 1915 г. за № 4491 Сазонов сообщал Поклевскому: «Государю императору благоугодно было выразить свое согласие на разрешение Филиппеску посетить нашу армию».

15/2 сент. 1915 г. тел. за № 530 Поклевский передал Сазонову, со слов Филиппеску, благодарность за разрешение посетить русскую армию, но добавлял, что Филиппеску «считает, однако, необходимым, в интересах общего дела, несколько отложить свою поездку в Россию».

[1] 9 февр./27 янв. тел. за № 466 Сазонов ответил Поклевскому, что «на приезд Филиппеску в Россию последовало всемилостивейшее соизволение». То же сообщалось им Алексееву тел. от 9 февр./27 янв. за № 469.

[2] См. № 46.

буждения, вновь был обсужден в Токио представителями союзных держав и японским правительством [1].

Малевский.

№ 159. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Письмо № 498 [2]. 7 февраля/25 января 1916 г.
В собственные руки.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ряд телеграмм, переданных мне вашим высокопревосходительством от нашего посланника в Румынии [3], указывал на настоятельную необходимость дать румынам определенное обещание оказать им помощь в желаемых ими силах и направлении.

В краткой телеграмме трудно изложить причины, по которым я не признавал возможным в данной стадии разработки вопроса докладывать его величеству и испрашивать категорического повеления, отвечающего пожеланиям румын.

Прилагаемая схема [4] наглядно указывает, насколько невыгодно очертание румынской границы в стратегическом отношении для обороны при условии, что нападение может последовать на всем протяжении, кроме части, соприкасающейся с Россией.

При таком очертании границы и ее значительном протяжении, при слабом развитии железнодорожной сети нужно очень умело развернуть свои войска и откровенно установить ту истину, что всего прикрыть нельзя. Задача может быть решена несколькими путями, но только в строгом согласии с нами.

Что же мы знаем о намерениях и целях, которые ставят себе румыны, в какой срок окончательно приведут они свои войска на военное положение, сколько войск выставят они в поле, где и как их сосредоточат? Мы не знаем ничего, кроме неясного указания, «что длина румынской границы позволяет Румынии защищать успешно лишь линию Дуная и границу со стороны Австро-Венгрии» [5].

В этих словах ничего не заключается. На каком протяжении хотят румыны оборонять линию Дуная? На всем ли протяжении от Оршовы

[1] Из тел. Ишии Мотоно от 2 февр./20 янв. (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) явствует, что заявление в этом смысле было сделано англ. послом в Токио 2 февр./20 января.

[2] Маш. копия.

[3] См. стр. 91, прим. 3 и стр. 109, прим. 2.

[4] Приложение не воспроизводится.

[5] См. стр. 108, прим. 1.

до Силистрии? Как они расположатся на австро-венгерской границе, примкнут ли к нам в северной Молдавии или совершенно оставят незанятыми (как ранее предполагалось) северные уезды до широты, примерно, Ясс?

Если силы румын будут сильно растянуты, разбросаны из-за стремления все прикрыть, то можно убежденно сказать, что в северной Молдавии они к нам не примкнут и оперативной общности действий и согласования с нами не установят. Это представит возможность противнику выполнить энергично движение из Буковины (телеграмма ваша [5 февраля] 23 января № 391 [1]) на Герца, Дорогой, Ботушаны и Фольтичени и в то же время наносит удар с линии Рущук — Разград — Варна на нижний Дунай. При успехе с линии Герца — Фольтичени противник может развивать удар на Окницу — Могилев на Днестре, т. е. во фланг и тыл нашим войскам ген. Иванова, и на Яссы, т. е. в тыл румынам, защищающим южную Молдавию и Валахию. Такой план действия противника, конечно, неприятен для нас, но прежде всего опасен для самой румынской армии. Для противника создастся очень выгодная обстановка для стратегического окружения румынской армии. Неприятель может ослабить до крайности свои силы на линии Фольтичени — Кронштадт — Германштадт — Оршова и на Дунае до Силистрии (без особого риска) и собрать значительные массы в Буковине и перед Добруджею.

Пользуясь трудностью согласования наших действий с румынами за отсутствием единого главнокомандующего, противник получит возможность изолировать Румынию и вторгнуться в наши пределы.

Если мы примем обязательство собрать в Добрудже столь сильную армию, которая подразумевает наступательные действия на Балканском полуострове, то мы же должны будем собрать и другую достаточной силы армию, дабы обеспечить обнаженное левое крыло наших армий ген. Иванова, прикрыть пути на Одессу — Николаев с северо-запада и обеспечить тыл и правый фланг румынской армии.

Вот ряд причин, по которым нужно раньше, чем принять на себя обязательство, попросить румын раскрыть свои карты. Я не говорю уже про то, что всегда — за время этой войны — страдавший пре-

---

[1] Тел. от 5 февр./23 янв. за № 391 Сазонов передавал Алексееву содержание тел. Поклевского от 4 февр./22 янв. за № 46, в которой последний сообщал: «В здешнем штабе получены сведения о том, что почти все находящиеся на румыно-венгерской границе австро-германские войска и расположенная на этой же границе артиллерия отведены за последнее время в Буковину и Южную Галицию».

увеличением румынский генеральный штаб делает то же и теперь в подсчете сил противника, собираемых им, будто бы, на Балканском полуострове. Между тем это отражается существенно на тех желаниях, которые изложены «румынским генералом», столь авторитетным в глазах г. Поклевского.

Силы наши для громадного фронта ограничены, и с легким сердцем нельзя отправлять армии туда, куда влекут нас союзники настоящие и возможные в будущем. Приходится над каждым решением подумать.

Все это я изложил исключительно лично для вас для выяснения, почему не считаю возможным без изучения согласиться с желаниями румын.

Примите и пр. Мих. Алексеев.

№ 160. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 54. 8 февраля/26 января 1916 г.

Ваша телеграмма № 408 получена [1].

Хотя Грей признает, что исключение германской группы из консорциума нанесло бы значительный и решительный удар престижу Германии на Дальнем Востоке, он считает, что принятое уже союзниками решение об устранении от дел консорциума на время войны является мерою вполне достаточною в настоящее время. Более решительные меры должны быть отложены до решения общего вопроса об удалении германцев из Китая. Помимо соображений, касающихся Китая, как непосредственно заинтересованного в соглашении о займе, Грей просит вас принять во внимание особый характер отношений между Англией и Японией, исключающий возможность для великобританского правительства входить в обсуждение каких-либо мер, касающихся Китая и немецких там интересов, помимо Японии. Грей вполне готов ныне обсудить ваше предложение, если вы согласитесь посвятить Японию в эти переговоры. В противном случае он думает, что следовало бы отложить их до окончательного решения общего вопроса о положении немцев в Китае.

Бенкендорф.

---

[1] В тел. Извольскому от 5 февр./23 янв. за № 408, сообщенной в Лондон и Пекин, Сазонов высказывался за желательность, чтобы росс. и франц. прав-ва «совместно оказали воздействие на лондонский кабинет» по вопросу о расторжении пятерного консорциума (см. № 78).

№ 161. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 84. 8 февраля/26 января 1916 г.

Копии в Лондон и Токио.

Получил ваш № 227 [1].

Сообщил ее содержание Бриану, который уведомил, что он считает желательным пригласить Японию к участию в предположенном здесь экономическом совещании. В программу этой конференции входит обсуждение мер, способных освободить по возможности нейтральные и дружественные страны от экономической зависимости от Австро-Германии [2]. Поэтому главный результат, которого державы Согласия в праве ожидать от участия Японии в конференции, заключается в том, чтобы японское правительство согласилось энергично и откровенно принять меры, направленные против экономической деятельности и интересов Германии на Дальнем Востоке. Таким образом, Бриан находит, что его мнение вполне совпадает с ответом, который вы дали японскому послу в Петрограде. Руководствуясь вышеизложенными соображениями, он предложил французскому послу в Токио передать японскому правительству приглашение на конференцию, о чем поставлены в известность французские послы в Петрограде и Лондоне [3].

Извольский.

№ 162. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 120. 8 февраля/26 января 1916 г.

Копии в Париж и Афины.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 59 [4].

Соннино получил тождественные сведения от итальянского посланника в Афинах. Лично он полагает, что греки подчеркивают их не без задней мысли отвлечь внимание итальянцев от южной Албании и Эпира. На итальянской границе действительно замечается некоторое оживление со стороны австрийцев, но здесь не отдают еще себе ясного отчета, демонстративно ли оно только или же подготовляется более серьезное действие.

Гирс.

---

[1] См. № 77.

[2] См. стр. 53, прим. 2.

[3] Со своей стороны, Бенкендорф тел. от 12 февр./30 янв. за № 62 сообщил, что англ. прав-во приветствует приглашение Японии.

[4] Тел. от 6 февр./24 янв. за № 59 Демидов сообщил, что, согласно полученным Политисом от греч. посланника в Вене сведениям, «Германия решила произвести крупное военное давление на Италию, чтобы побудить ее к заключению сепаратного мира».

№ 163. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 121. 8 февраля/26 января 1916 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на мой № 107 [1].

Английский посол не делал еще Италии сообщения касательно предполагаемого заявления Бельгии. Однако японский посол ознакомил Соннино с его текстом и вторично настаивал на сообщении ему мнения итальянского правительства. Министр ответил, что Италия предпочла бы, чтобы заявление было сделано лишь державами, уже гарантировавшими интегритет Бельгии. Со своей стороны, Италия и Япония заявили бы, что они не возражают против заявления союзников, поскольку оно касается Лондонского протокола, к которому они присоединились [2]. Здесь полагают, что Япония примет эту точку зрения [3].

Гирс.

№ 164. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 122. 8 февраля/26 января 1916 г.

Доверительно.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на свой № 121 [4].

Со стороны узнаю, что совет, данный Сербии [5], основан на опасении Соннино, что в случае новой гарантии, данной Бельгии всеми союзниками, подписавшими Лондонский протокол, как Сербия, так и Черногория потребуют такого же заявления в свою пользу. Между тем

---

[1] Тел. от 3 февр./21 янв. за № 107 Гирс сообщал Сазонову, что англ. посол получил предписание сообщить Соннино текст проектируемого заявления Бельгии, как только франц. и росс. послы получат разрешение присоединиться к нему. Гирс просил указать, приняты ли предложенные Сазоновым поправки (см. № 93) или же сохранен первоначальный текст.

[2] В тел. Сазонову от 2 февр./20 янв. за № 104 Гирс отмечал, что если Соннино уклонится от присоединения к заявлению Бельгии, то это из «опасения возбудить лишь против себя новые обвинения в том, что он бросает лишний вызов Германии».

[3] Тел. от 12 февр./30 янв. за № 150 Гирс передал Сазонову, что, по словам Соннино, ответ итал. прав-ва по поводу декларации Бельгии будет дан 13 февр./31 янв. и будет состоять в том, что Италия, не присоединяясь к заявлению, «не видит препятствий к тому, чтобы державы, гарантирующие Бельгию, сделали это заявление бельгийскому правительству».

[4] См. № 163.

[5] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «Японии».

Соннино продолжает рассчитывать на возможность перемены фронта в Болгарии и присоединения ее к нам. Он полагает, что в таком случае пришлось бы все же предоставить ей... Македонии. Он полагает, что если не возникли еще недоразумения между Германией и Болгарией, то они неминуемы в будущем. Он считает короля болгарского способным на всякую измену.

Гирс.

№ 165. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 74. 8 февраля/26 января 1916 г.

Правительство ходатайствует о выдаче ему сумм по ретроактивному мораторию полностью в Лондоне. Казалось бы преждевременным соглашаться на это. Кроме того, едва ли банк мог бы произвести столь крупную уплату. Принимая, однако, во внимание полное отсутствие средств у персидской казны, императорское и английское правительства, быть может, сочтут возможным разрешить выдачу шахскому правительству 40 000 фунтов.

Эттер.

№ 166. Генеральный консул в Мешеде министру иностранных дел.

Телеграмма № 22. 8 февраля/26 января 1916 г.

Копия в Тегеран.

Телеграмма за № 328 получена [1].

Сегодня получил копию телеграммы Скурата генеральному штабу и телеграфировал полностью ее посланнику; по содержанию ее доношу следующее:

О необходимости увеличения нашего Хорасанского отряда с целью противодействовать новым германским бандам проникнуть в Афганистан телеграфирую сегодня за № 21 [2]. Не имею фактов для призна-

---

[1] Тел. от 1 февр./19 янв. за № 328 Клемм просил Никольского ознакомиться с тел. Скурата о положении дел на афганской границе (см. № 74) и дать свое заключение.

[2] В тот же день тел. за № 21 Никольский сообщал, что он считает необходимым увеличение Хорасанского отряда ввиду появления около Теббеса «значительной германской шайки», которая собирается атаковать русские посты. Никольский, «ввиду спокойного пока состояния Афганистана», предлагал «послать Оренбургский полк и конную батарею подальше от афганской границы, чтобы германцы в Афганистане и партия войны не могли указывать на появление этих войск, как на доказательство враждебных Афганистану намерений России».

ния правильным донесения Скурата о поголовном содействии персидских властей германцам. Единичные случаи были. Губернатор Сеистана и Каината Шевкет-оль-Мольк, подозреваемый в пособничестве германцам, согласно сегодняшней телеграмме посланника, отзывается в Мешед и заменяется нашим сторонником Хисам-эд-Доуле. Ильбеги племени Теймури, замеченный в вывозе в Афганистан пшеницы, оружия и серебра, вследствие настояний моих и английского консула, отзывается с афганской границы в Мешед. Посылка Неир-эд-Доуле 1 000 харваров зерна из Мешеда и Турбета в Туршиз, Теббес, Тун и Гунабад вызвана жалобами местных жителей на недостаток продовольствия. Согласование действий англичан с нашими отрядами необходимо, и мой английский коллега и я могли бы быть посредниками между английским командиром и генералом Фидаровым. Не будучи убежден в враждебности нам всех персидских властей Хорасана, не разделяю мнения Скурата о желательности замены их русскими военными властями. От себя выражаю просьбу дать Скурату, Гущину, Михайлову и Бравину приказание своевременно осведомлять меня о положении дел в подведомственных их наблюдению округах.

Никольский.

№ 167. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

9 февраля/27 января 1916 г.

Утром [9 февраля] 27 января французский посол просил барона Шиллинга передать министру иностранных дел, что в Лондоне, по почину французского правительства, между Францией и Англией начались переговоры об образовании самостоятельного арабского королевства. Французское и английское правительства не обратились к императорскому правительству с просьбой участвовать в этих переговорах лишь по той причине, что Россия менее заинтересована в этом деле, нежели Франция и Англия, но союзные правительства сообщат императорскому правительству те выводы, к которым приведет обсуждение вопроса, и вынесенное решение будет окончательно принято только в том случае, если оно получит полное одобрение России [2]. Посол еще раз подчеркнул, что французское правительство

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 6.

[2] В тел. от 9 февр./27 янв. за № 377 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Грей, сообщая Бьюкенену об этих переговорах, просил его указать Сазонову, что «британское и французское правительства договорились и ясно понимают, что между кабинетами не будет заключено никакого соглашения до получения согласия российского правительства».

твердо решило не вступать в какие бы то ни было переговоры без ведома России, даже если бы эти переговоры велись с нашими союзниками [1].

№ 168. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 88 [2]. 9 февраля/27 января 1916 г.

Копия в Лондон.

Получил вашу телеграмму № 405 [3].

Бриан, которого я ознакомил с ее содержанием, только-что сообщил мне, что он вполне разделяет ваше мнение о значении заблаговременного изучения вопроса об оказании, если понадобится, вооруженной поддержки Норвегии и готов вступить с нами в обмен взглядов по этому вопросу.

Извольский.

№ 169. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 92. 9 февраля/27 января 1916 г.

Копия в Лондон.

Камбон сообщил мне нижеследующие подробности о беседах своих и Бриана с личным другом президента Вильсона, полковником Хаус, прибывшим сюда из Берлина. Хаус, сославшийся на глубокие симпатии американцев к союзным державам и, в особенности к Франции, дал понять, что если бы сказанные державы пожелали предложить мир на приемлемых для нас и в то же время справедливых условиях, С. А. С. Штаты готовы поддержать подобное предложение. На это ему

---

[1] Со своей стороны, Извольский в тел. от 9 февр./27 янв. за № 90 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 151) сообщил со слов Ж. Камбона, что между Францией и Англией происходили переговоры «по поводу плана великобританского правительства образовать независимое арабское государство, причем французское правительство основывало свои требования относительно признания своих прав на Сирию и Киликию на заявлениях, сделанных ему Россией при заключении соглашения о Константинополе и Проливах» (см. т. VII, № 506).

[2] На лит. копии, хранящейся в Военно-историческом архиве, имеется помета ген. Алексеева: «Прошу поручить вопрос в разработку в связи с действиями против шведов, если последние объявят нам войну».

[3] В тел. Извольскому и Бенкендорфу от 5 февр./23 янв. за № 405 Сазонов, подчеркивая необходимость заблаговременного изучения вопроса «об оказании, если понадобится, вооруженной поддержки Норвегии», отмечал, что «для сохранения необходимой тайны желательно пока обсудить этот вопрос только между Россией, Францией и Англией, не возбуждая его на парижском совещании с участием остальных союзников».

было отвечено, что покуда Германия будет считать себя победительницей, ни о каких мирных предложениях не может быть и речи [1]. Далее Хаус сказал, что из пребывания своего в Берлине он вынес убеждение, что Германия намерена в ближайшем будущем еще более усилить интенсивность применяемых способов ведения морской войны с помощью подводных лодок и мин и что это неминуемо поведет к столкновению с С. А. С. Штатами. Хаус считает, что спор о «Лузитании» желательно кончить полюбовно, так как в настоящую минуту С. А. С. Штаты не подготовлены к войне; но положение это может вскоре измениться и, по его мнению, весьма возможно, что дело все-таки кончится выступлением С. А. С. Штатов против Германии на стороне союзников.

Извольский.

№ 170. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 137. 9 февраля/27 января 1916 г.

Копия в Париж.

По случаю приезда Бриана [2] Соннино доверительно говорил мне сегодня, что по его предположениям французский председатель совета будет главным образом настаивать на созыве дипломатической конференции в Париже. Из беседы по этому поводу я вынес впечатление, что Соннино совсем свыкся с мыслью о необходимости образовать военную конференцию в Париже и о пользе совместной работы военных и дипломатических представителей. Разногласие обнаруживается по поводу полномочий этих представителей, которые, по понятиям Соннино, не должны быть расширены. Полагаю однако, что при некоторой доброй воле с обеих сторон и умелости Бриана возможно будет сговориться и притти к соглашению [3].

Гирс.

---

[1] Как явствует из расшифрованной в м-ве ин. дел тел. от 21/8 февр., Диаманди сообщал Порумбару, что в дипломатических кругах циркулируют слухи о том, что Германия усиленно зондирует США по вопросу о заключении мира.

[2] См. стр. 106, прим. 5.

[3] В тел. от 11 февр./29 янв. за № 143 Гирс высказывал предположение, что между Брианом и Соннино состоялось соглашение по вопросу о созыве в Париже военной конференции с участием дипломатических представителей. На следующий день тел. за № 149 Гирс сообщал, что должно появиться правительственное сообщение, содержание которого изложено в его тел. за № 143. Соннино в разговоре с Гирсом высказал предположение, что конференция соберется около половины марта нов. ст., так как на 1 марта нов. ст. назначено открытие итал. палаты.

№ 171. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 67. 9 февраля/ 27 января 1916 г.

Копии в Лондон, Рим и Париж.

Король принял [7 февраля] 25 января французского полковника Бонье [1] — бывшего интенданта греческих войск во время балканских войн, — пользующегося большим уважением в Греции. Его королевское величество показалось ему несколько лучше настроенным. Полковнику удалось получить обещание некоторых (продовольственных облегчений войскам в Салониках. По поводу же передачи французам охраны мостов Монастырской линии, король был бы, повидимому, склонен допустить смешанные греко-французские стражи при условии однако, чтобы германцы сохранили свободу передвижения по единственному пути, по которому они еще могут сообщаться с центральной Европой [2]. Французскому посланнику, склоняющемуся оправдать пожелания короля, я возразил на заседании, что считаю крайне важным совсем отрезать Грецию от доступа германцев и по возможности прервать их сношения между Грецией и внешним миром [3]. Высшие интересы громадной борьбы, по-моему, требуют исключительных мер, преимущества коих бросаются в глаза. Величина ставки лучше хромых доводов в ответ (на) протесты (,) [4] достаточно оправдывает действия, поддерживаемые уже наличностью силы. Желательно лишь облечь эти действия в известную наружную форму [5].

Демидов.

---

[1] Тел. от 4 февр./22 янв. за № 54 Демидов сообщил, что между Парижем и Лондоном обсуждается вопрос «об апровиантировании союзниками греческой армии в Македонии» и что с этой целью предполагается учредить комиссию из военных агентов четырех держав и франц. интенданта Бонье.

[2] См. № 123. Тел. от 9 февр./27 янв. за № 86 Извольский сообщил, что «вопрос о мостах на пути к Монастырю улажен в том смысле, что французы отказываются от их немедленного разрушения. Мосты эти будут охраняться французскими и греческими солдатами и будут взорваны лишь в случае фактической опасности».

[3] Ссылаясь на эту тел., Сазонов тел. от 10 февр./28 янв. за № 488 предписал Извольскому и Бенкендорфу поддержать перед франц. и англ. прав-вами высказанную Демидовым точку зрения.

[4] Так в оригинале.

[5] Позднее, тел. от 18/5 февр. за № 97, Демидов уточнил эту тел., создавшую, по его словам, неправильное впечатление в Париже и Лондоне, «будто в беседе с Бонье король поставил условием совместной охраны мостов Монастырской линии, чтобы «германские войска» могли свободно по ней передвигаться, тогда как на самом деле король требовал сохранения вообще беспрепятственных сообщений за германцами, приезжающими в Грецию либо из нее выезжающими».

№ 172. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 70. 9 февраля/27 января 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Ссылаясь на коллективную ноту представителей Согласия в Афинах от [23] 10 ноября минувшего года [1], согласно которой державы расположены вознаградить Грецию по окончании войны за все убытки, причиненные оккупацией, греческое правительство вручило [8 февраля] 26 января ноту, напоминающую о данных обещаниях. В ноте указывается, помимо разрушения Демир-хиссарского моста, на то, что занятие союзниками Салоник и недавний обстрел союзными аэропланами сербских городов, занятых ныне германо-австрийскими и болгарскими войсками, вызвали, согласно заявлению германского правительства, нападение на Салоники цеппелина, причинившего смерть около тридцати грекам и несколько миллионов убытка. Вследствие сего греческое правительство просит, чтобы державы Согласия, во избежание ответственности, дали ему положительные заверения, что под выражением «убытки, причиненные оккупацией», подразумевается: все убытки частной или казенной собственности, вытекающие из факта оккупации либо в настоящую минуту, либо в будущем, при перенесении военных действий в Грецию, будь то убытки, причиненные союзниками, будь то державами, находящимися в войне с Согласием [2].

Демидов.

№ 173. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 82. 9 февраля/27 января 1916 г.

Срочно.

Копии в Тифлис и Казвин.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 81 [3].

Таубе телефонирует из Кереджа:

Задержанными оказались турецкий посол Ассим-бей, австрийский военный агент Геллер, австрийские военно-пленные — бежавший

[1] См. т. IX, № 320.

[2] Тел. от 14/1 февр. за № 76 Демидов сообщал: «Французское правительство подтвердило греческому правительству свое согласие вознаградить его за все убытки, причиненные непосредственно союзными войсками, но отнюдь не за ущерб, наносимый Греции военными действиями враждебных государств».

[3] Тел. от 9 февр./27 янв. за № 81 Эттер извещал Сазонова (копии в Тифлис и Казвин), что близ Кереджа задержано русским отрядом 4 человека, «из коих один выдает себя за турецкого посла, трое — за австрийских офицеров». Сообщая,

офицер и австрийский доктор. Посол просит его освободить. Причины, выставленные им: 1) Русские войска официально не расположены ближе Кереджа. 2) Дипломатические отношения между Турцией и Персией не прерваны. 3) Поэтому посол, несмотря на пребывание около столицы русских войск, оставался в Тегеране; он считает, что его неприкосновенность должна соблюдаться и в окрестностях, до места расположения войска, официально сообщенного персидскому правительству, т. е. до Кереджа. 4) Задержанный разъездом ближе Кереджа, он считает свое задержание объяснимым необходимостью установить его личность, но по установлении таковой, не допускает своего окончательного арестования. 5) Если русское правительство желает избавиться от его присутствия в Тегеране, то это могло бы быть сделано обычным дипломатическим путем. По его словам, арест навлечет позор на русское имя и, вероятно, вызовет неодобрение государя императора и явится оскорблением шаха. Поэтому он просит вернуть его в Тегеран с тем, чтобы, в случае желания русского правительства удалить его из Тегерана, он мог бы оттуда ехать хотя бы через Россию под конвоем, но как подобает послу враждебной державы.

Прошу указаний. Эттер.

№ 174. Посланник в Тегеране советнику III политического отдела Клемму.

Письмо № 424. 9 февраля/27 января 1916 г.

М. г. Василий Оскарович,

Представленный подполковником Захарченко в его записке, приложенной к письму вашего превосходительства от [6 января 1916 г.] 24 декабря 1915 г. за № 5922, проект организации воинских частей из персидских племен [1], по моему мнению, является не только мало осуществимым на практике, но самое осуществление его было бы невыгодно для нас.

Неосуществим проект прежде всего потому, что вообще племена очень неохотно идут на службу в гарнизоны городов и мест, находящихся вне района их постоянного местопребывания и кочевок. Затем вообще племена по характеру своего общественного устройства, на-

---

что в Кередж командирован Таубе для выяснения личностей задержанных, Эттер отмечал: «Если окажется, что задержан Ассим-бей, полагаю придется его вместе с другими отправить в Россию», обставив пребывание посла в плену известными удобствами.

[1] Указанное письмо Клемма в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

циональных привычек и обычаев представляют из себя элемент, мало годный для создания из него сколько-нибудь дисциплинированных и пригодных для несения правильной службы воинских частей. Но в вопросе создания национальных полков главную роль играет не трудность его осуществления, а вред, могущий произойти от этого для нас.

Персидское правительство неоднократно подымало вопрос о сформировании национальной армии, прося для этого у нас оружие и деньги. Между прочим, в союзном договоре, представленном персидским правительством [1], одним из первых пунктов выставлено пожелание Персии получить оружие, необходимое для сформирования армии. Не желая допустить военного усиления Персии нашими же руками, просьбы о ружьях и деньгах для национальной армии всякий раз категорически опровергались миссией.

Автор проекта создания национальных полков из кочевых разбойничьих племен идет еще дальше правительства и советует создать против нас и нашего влияния в Персии еще более грозную силу из племен, нежели та национальная армия, набранная по системе Бониче из слабосильных и старых сарбазов, которую предполагало формировать правительство. Трудно думать, чтобы кочевые племена, населяющие Персию, даже при воздействии на них талантливого организатора, смогли бы сразу изменить свои природные качества и вместо разбойников и грабителей стать дисциплинированными солдатами, верными долгу службы. Напротив национальные полки, расставленные для службы в пунктах Северной Персии, явятся разбойничьими бандами, которые будут предлагать свои услуги тому, кто им больше заплатит, будут ли это русские, германцы или персидская администрация. Рассчитывать извлечь пользу для русского дела из фиктивной преданности племен шаху нельзя.

Сам по себе шах не имеет никакой реальной силы и власти, персидское же правительство, действующее именем шаха, как это показали многочисленные примеры недавнего прошлого, вовсе не всегда склонно итти рука об руку с нами. Напротив, оно боролось всеми силами и в будущем, конечно, будет продолжать бороться против усиления нашего влияния и действовать часто вопреки нашим задачам и интересам в Персии. Наличие же «верных шаху», т. е. правительству, вооруженных национальных полков, поможет только правительству, а не нам. Наша задача в данное время сводится, между прочим, к ослаблению враждебной нам воинской организации — жандарме-

[1] См. № 25.

*

рии — и к усилению казачьей бригады, наглядно доказавшей за минувший тяжелый год свою способность служить интересам русского дела.

Задача эта близка к разрешению. Бо́льшая часть жандармерии расформирована, и из 12 000 жандармов на службе оставлено всего 1 200 человек. Проект бюджета и штата разворачивания персидской казачьей бригады из существующих 3 000 до 10 000 человек и занятие казаками важнейших центров сферы нашего влияния утвержден кабинетом министров. Таким образом, организация каких бы то ни было воинских национальных частей в Северной Персии, помимо всех вышеуказанных соображений, является, сама по себе, излишней.

Конечно, как сейчас, так и на будущее время, удержание на нашей стороне некоторых племен в Северной Персии крайне желательно. Желательно даже привлечь их для совместного действия против наших врагов. Но это осуществимо совершенно иным путем, чем в проекте подполковника Захарченко. Не представляется надобности организовать полки, верные шаху и его правительству, а следовательно, могущих быть враждебными нам, раз интересы наши и правительства станут диаметрально противоположными.

Для привлечения симпатий и вооруженных сил племен на нашу сторону следует по примеру того, как это делали англичане, например с племенем бахтиаров, платить в определенные сроки определенные суммы денег начальникам племен, награждать русскими знаками отличия главнейших главарей и, в крайности, субсидировать племена ружьями и патронами. За полученное вознаграждение племена исполняют те или другие, точно указанные, обязательства. Но для этого не нужен особенно талантливый организатор. Вести же переговоры и получать банковский чек начальники племен могут прямо через миссию.

Что же касается вопроса о создании здесь должности «военного агента» [1], с присвоением ей функций дипломатического посредничества между посланником, персидскими властями и начальником казачьей бригады и военного посредничества между представителями дипломатии и русского экспедиционного корпуса в Персии, то я боюсь, что назначение такого посредника могло бы способствовать созданию нежелательных недоразумений и нарушить планомерное течение той дружной работы, которая пока совершается без трений совместными усилиями представителей миссии, начальника казачьей бригады и командира экспедиционного корпуса в Персии. Персия не имеет регулярной армии, кроме казачьей бригады, почему и нет надобности

[1] Ср. т. IX, №№ 644, 652.

в назначении в Тегеран специального военного агента, тем более, что начальник казачьей бригады для Персии является естественным военным агентом. Поставленный в необходимость, по служебной и хозяйственной своей деятельности, постоянно входить в общение с персидскими властями, он, не оскорбляя самолюбия представителей правительства, как номинально числящийся на персидской службе, легче может быть проводником русского влияния и способствовать разрешению некоторых политических задач в благоприятном для нас смысле, нежели это мог бы сделать специально назначенный военный агент.

Германский, австрийский и турецкий военные агенты занимались здесь за последнее время лишь набором наемников и формированием разбойничьих банд.

Примите и пр. Н. Эттер.

№ 175. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 4. 9 февраля/27 января 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вчера в пекинских газетах, издающихся на английском языке, был напечатан текст прокламации, выпущенной уже несколько времени тому назад от имени японского анонимного «пекинского сообщничества людей с определенными стремлениями», в коей проводится мысль о необходимости для Японии воспользоваться моментом, когда великие державы заняты войной в Европе, чтобы добиться осуществления своих стремлений в Китае. Попутно прокламация отзывается крайне резко о президенте, считая, что пока он у власти, тесной дружбы между Китаем и Японией быть не может.

Так как прокламация эта произвела большое впечатление в Пекине, то я считаю долгом представить вашему высокопревосходительству английский текст оной в газетной вырезке [1], присовокупляя, что, повидимому, цель, которую она преследует, заключается в том, чтобы повлиять на общественное мнение в Японии.

По сведениям моего японского коллеги, настоящая прокламация составлена несколькими его соотечественниками, недовольными нерешительностью нынешней политики Японии в Китае, которые послали ее в большом количестве экземпляров в Японию еще до принятия Юань Ши-каем решения отложить провозглашение монархии, причем составители имели несомненно целью воздействовать на членов

[1] Приложение не воспроизводится.

японского парламента в желаемом ими направлении. В Токио документ попал в руки китайского посланника, который послал его своему правительству, поспешившему сделать его достоянием печати. Как бы то ни было, этот документ, несомненно, служит отражением взглядов большинства проживающих в Китае японцев на то особое руководящее положение, которое, по их мнению, принадлежит по праву их отечеству на всем Дальнем Востоке, и в этом отношении он заслуживает серьезного внимания с нашей стороны, тем более, что взгляды эти разделяются также некоторыми кругами в самой Японии и могут оказать на общественное мнение в этой стране влияние, с коим правительству придется волей-неволей считаться.

С глубоким почтением и пр.

В. Крупенский.

№ 176. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 48 [1]. 10 февраля/28 января 1916 г.

L'ambassadeur de France a l'honneur de prier son excellence le ministre des affaires étrangères de vouloir bienfaire parvenir à Mr. Timiriaseff le télégramme ci-après:

«Le comité parlementaire français préfèrerait le maintien de la date fixée pour la conférence à Paris [2]. S'il y a empêchement absolu pour le comité russe, il propose le 27 mars (notre style). En tout cas la participation russe lui paraît indispensable. Le président de la République doit assister à la séance d'inauguration.

Prière de télégraphier la réponse en raison de l'urgence des mesures à prendre» [3].

Перевод.

Французский посол имеет честь просить его превосходительство министра иностранных дел передать г. Тимирязеву следующую телеграмму:

---

[1] На оригинале имеется помета: «Сообщено в копии 11 февр./29 янв. 1916 г. В. А. Тимирязеву за № 112».

[2] Очередная сессия междупарламентской конференции по экономическим вопросам была назначена на 6—9 марта нов. ст. 1916 г.

[3] В тел. от 17/4 февр. за № 638 Бентковский сообщил Извольскому, что Тимирязев уведомил постоянное бюро конференции, что, «относясь весьма сочувственно к мысли о конференции в целях согласования экономической политики союзников, русские делегаты, ввиду предстоящей сессии Думы и Совета, требующей обязательного их присутствия в Петрограде, не могли бы прибыть в Париж ранее второй половины апреля нов. ст.».

«Парламентский французский комитет предпочел бы сохранить установленную дату для созыва конференции в Париже. Если со стороны русского комитета имеются непреодолимые препятствия, он предлагает 27 марта (нашего стиля). Участие русских делегатов ему кажется во всяком случае необходимым. На открытии конференции должен присутствовать президент Республики.

Просьба телеграфировать ответ ввиду срочности мер, которые должны быть приняты».

№ 177. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 475. 10 февраля/28 января 1916 г.
Лично.

Ваша телеграмма № 53 получена [1].

С назначением нового председателя совета министров [2] нарушенное при его предшественнике взаимное доверие между правительством и членами законодательных палат вновь восстанавливается. Общественные круги, как о том свидетельствуют многочисленные обращения земских учреждений, встречают Штюрмера сочувственно. Несмотря на длительность войны, по всей России настроение остается бодрым, и для борьбы с дороговизной в больших городах постепенно налаживается подвоз жизненных припасов, имеющихся в стране в избытке. Благоволите поэтому приложить старания к успокоению англичан. Что же касается предположений о возможности заключения Россией отдельного мира, то после принятых нами на себя перед союзниками обязательств и ввиду неоднократно уже заявленного твердого намерения как императорского правительства, так и русского общества довести войну до благоприятного нам окончания, означенные предположения представляются мне смешными и требуют с вашей стороны самого решительного отпора.

Сазонов.

№ 178. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе великому князю Николаю Николаевичу.

*/. Телеграмма № 483. 10 февраля/28 января 1916 г.

Копия в Тегеран.

Ссылаюсь на телеграммы Эттера за №№ 81 [3] и 82 [4].

Считаю, что турецкий посол, как взятый нами в плен в стране, хотя и нейтральной, но где мы находимся в военных действиях с Турцией,

---

[1] См. № 153.

[2] См. стр. 155, прим. 3.

[3] См. стр. 177, прим. 3.

[4] См. № 173.

во всяком случае, возвращению в Тегеран не подлежит. Во внимание к его дипломатическому характеру и в согласии с высказанными раньше вашим императорским высочеством мнением [1] я полагал бы препроводить его с соблюдением должной вежливости и возможными удобствами через Россию в Швецию.

Что касается австрийцев, то они, несомненно, являются военнопленными и подлежат водворению в России.

Сазонов.

№ 179. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 487[2]. 10 февраля/28 января 1916 г.

Получил телеграмму Извольского № 93 [3].

Вследствие настояний союзников [4] я согласился уполномочить Кудашева сделать вместе с английским и французским представителями заявление бельгийскому правительству в первоначальной редакции [5]. Благоволите, однако, оговорить перед французским (английским) правительством, что я делаю это в уверенности, что, согласно заверению союзных послов, сохранение в заявлении слов о возна-

---

[1] В тел. от 10 февр./28 янв. за № 114 вел. кн. Николай Николаевич, ссылаясь на тел. Эттера за №№ 81 и 82, указывал Сазонову, что так как турец. посол находился «не только с австрийским агентом, но и с беглым офицером и был задержан в расположении нашего отряда, считал бы ввиду деятельности посла, направленной всецело против нас, желательным препроводить его в Петроград».

[2] Маш. копия.

[3] Тел. от 9 февр./27 янв. за № 93 Извольский передавал Сазонову ответ Бриана на просьбу росс. прав-ва о внесении изменений в текст декларации бельг. прав-ву (см. № 93). Отмечая, что эти изменения были выдвинуты после того, как росс. прав-во согласилось на предложенную Греем редакцию, и ссылаясь на заявление Грея, что «представляется невозможным ставить снова под вопрос текст, одобренный всеми заинтересованными кабинетами», Бриан доводил до сведения Сазонова, что вследствие этих обстоятельств П. Камбону уже посланы соответствующие инструкции по поводу заявления бельг. прав-ву.

[4] Тел. от 10 февр./28 янв. за № 55 Бенкендорф извещал Сазонова, что Греем послана Бьюкенену тел., в которой подчеркивается необходимость отказаться от внесения изменений в текст декларации бельг. прав-ву, так как слишком затянувшиеся по этому поводу переговоры дошли до такой стадии, когда ни отложить, ни умалить самый смысл декларации становится невозможным.

[5] В тот же день соответствующая тел. за № 485 была послана Сазоновым И. Кудашеву.

граждении Бельгии за понесенные убытки не повлечет затруднений при заключении мира, ни лишних материальных жертв для России [1].

Сазонов.

№ 180. Министр иностранных дел туркестанскому генерал-губернатору Мартсону.

Телеграмма № 495. 10 февраля/28 января 1916 г.

Копии в Тегеран и Мешед.

Ссылаюсь на телеграмму Никольского за № 21 [2].

Соображение о желательности направить наш отряд возможно дальше от афганской границы представляется мне основательным, но, конечно, не в ущерб главной задаче — воспрепятствовать проникновению немцев в Афганистан [3].

Сазонов.

№ 181. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 73 [4]. 10 февраля/28 января 1916 г.

Председатель совета министров сделал [9 февраля]/27 января в палате депутатов от правительства декларацию, клеймящую в резких выражениях политику держав Согласия в отношении Греции, и указывал (на) внешнее давление, производимое ими в видах изменения греческого политического курса, принятого во имя национальных интересов и в согласии с народными желаниями. Председатель совета министров отметил среди многочисленных посягательств на суверенитет Греции нарушение вечной нейтральности Корфу и занятие Кара-Бурну угрозами и насилиями. Министр предвидит дальнейшие, с развитием событий, осложнения. Правительство твердо решило терпеть давление в надежде на конечное торжество права. Каково бы ни было последствие несогласованности греческой политики с требова-

---

[1] Тел. от 11 февр./29 янв. за № 58 Бенкендорф сообщил, что он выполнил возложенное на него поручение.

[2] См. стр. 172, прим. 2.

[3] В ответной тел. от 15/2 февр. за № 95 Мартсон указывал, что усиленному отряду (см. № 150) будет поставлена задача: «закрытие линии Мешед—Каин от проникновения через нее в Афганистан шаек и поддержание связи с английским отрядом». «Охватывающее положение для Афганистана, — отмечал далее Мартсон, — существует полгода, не вызывая с его стороны недоразумений и не тревожа афганцев, коим задача отряда, видимо, понятна. Несомненно, что означенное положение отряда может быть нам полезно на случай протеста афганцев».

[4] Опубл. Е. д. и Гр., стр. 65, где она по ошибке датирована 5 февр./23 янв.

ниями могущественных мира сего, страна должна сознать, что ущерб, понесенный этим направлением, несравненно меньший по сравнению с разорением, которое ожидало бы греков при ином политическом направлении. Палата депутатов после коротких прений вынесла доверие правительству 266 голосами против одного при 277 голосовавших и пяти воздержавшихся министрах [1].

Демидов.

№ 182. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 88. 10 февраля/28 января 1916 г.

Министр иностранных дел передал мне ноту, в коей официально протестует против задержания турецкого посла, аккредитованного при шахе. Ограничился извещением о получении документа, являющегося, по-моему, необходимой формальностью.

Думаю, что препровождение Ассим-бея в Турцию произвело бы на персидское общественное мнение более благоприятное впечатление, чем задержание его в России в качестве военнопленного [2].

Эттер.

№ 183. Нота французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 52. 11 февраля/29 января 1916 г. [3].

Le gouvernement de la République a été saisi par le ministre de Serbie à Paris et par Mr. Nintich, ministre des finances serbe d'une demande pressante tendant à obtenir de la France et de l'Angleterre un crédit de 150 millions de francs, représentant une avance mensuelle de 30 millions pour les mois de novembre à mars prochain.

---

[1] В оригинале ошибка с подсчетом голосов.

Тел. от 19/6 февр. за № 100 Демидов сообщил, что бюро палаты депутатов в полном составе представлялось королю и что председатель его выразил от имени народных представителей благодарность королю «за его мощное заступничество в пределах конституции в пользу предотвращения опасности вовлечения Греции в европейский конфликт». Король ограничился благодарностью и подтверждением намерения строго соблюдать конституцию.

[2] 12 февр./30 янв. за № 523 Сазонов телеграфировал вел. кн. Николаю Николаевичу: «Ввиду протеста шахского правительства и вызываемого, повидимому, арестом турецкого посла и австрийцев раздражения, желательно возможно быстро вывезти их из Персии».

[3] В оригинале документ по ошибке датирован 11 февр./28 янв.

Or, d'une part, il est de toute nécessité que le gouvernement serbe soit mis en demeure de payer les marchés arrivés à expiration, les fournitures (même celles dont il n'a pu être pris livraison) et les contrats en cours, de faire face à un arriéré considérable de soldes à l'armée et de traitement aux fonctionnaires, d'assurer l'assistance aux refugiés serbes, de payer les pensions et retraites et de procurer à son personnel resté en Serbie, dans la mesure du possible, un minimum de moyens d'existence.

D'un autre côté, la part française des crédits ouverts à la Serbie lors des dernières avances est complètement epuisée et certaines sommes importantes auraient été, d'après les déclarations de Mr. Nintich, retenues sur la part anglaise pour payer des commandes en Angleterre. Aucune suite n'ayant été donnée au projet d'avance mensuelle de 36 millions qui était en discussion lorsque la retraite serbe a commencé [1], il paraît certain que le gouvernement serbe a besoin d'avances immédiates, ne fût-ce que pour ne pas laisser plus longtemps impayée la solde de son armée. Si l'on tient compte en outre du désir légitime qu'il a de faire figure d'Etat indépendant, il importe de lui assurer un minimum de ressources régulières dont il puisse disposer librement. Aussi les avances à faire devraient-elles être, sauf en ce qui concerne les commandes, dispensées de l'obligation d'être dépensées en France et en Angleterre.

Le gouvernement français serait désireux de savoir si le gouvernement impérial serait disposé à prendre sa part de cette avance de 150 millions, dont moitié serait, comme précédemment, versée par la France et moitié par l'Angleterre, au fur et à mesure des besoins de la Serbie [2].

Перевод.

Сербский посланник в Париже и сербский министр финансов Нинтич обратились к правительству республики с неотложной просьбой о получении от Франции и Англии кредита в 150 млн. франков, представляющих собой ежемесячный тридцатимиллионный аванс за время с ноября до будущего марта.

С одной стороны, совершенно необходимо дать возможность сербскому правительству произвести платежи, срок которым уже истек, по закупкам, по поставкам (даже по тем, которые оно не имело возможности получить) и по текущим контрактам, ликвидировать значительную задолженность по оплате жалования армии и окладов чиновникам, обеспечить помощь сербским беженцам, выплатить пособия и пенсии и, по мере возможности, предоставить своему персоналу, оставшемуся в Сербии, минимальные средства существования.

---

[1] См. т. IX, № 221.

[2] Письмом от 12 февр./30 янв. за № 86 Сазонов запросил мнение Барка по этому поводу. Об ответе Барка см. № 256.

С другой стороны, французская часть кредитов, открытых Сербии, совершенно исчерпана предоставлением ей последних авансов и, по заявлениям г. Нинтича, некоторые значительные суммы были удержаны из английской части для оплаты английских заказов. Проект предоставления ежемесячного аванса в 36 миллионов, обсуждавшийся при начале сербского отступления, не получил никакого движения, и совершенно очевидно, что сербское правительство нуждается в немедленном авансе, хотя бы только для того, чтобы не оставлять более не выплаченным жалование его армии. Если, кроме того, учесть его законное желание считать себя независимым государством, необходимо обеспечить ему известный минимум регулярных ресурсов, которыми оно могло бы свободно располагать. Вот почему подлежащие выдаче авансы должны бы быть освобождены от обязательного расходования их во Франции и Англии, за исключением того, что касается заказов.

Французское правительство желало бы знать, готово ли императорское правительство принять участие в этом авансе в 150 миллионов, половина которого, как и ранее, вносилась бы Францией, а половина — Англией по мере надобностей Сербии.

№ 184. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 496. 11 февраля/29 января 1916 г.

Сообщается в Париж.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 233 [1] и на телеграммы посла в Париже №№ 74 [2] и 86 [3]. Последние сведения из Бухареста указывают на усилившиеся у некоторых членов правительства и депутатов опасения относительно предъявления Германией ультиматума [4]. При таких условиях необходимо подкрепить в Братиану уверенность в возможности противостоять требованиям наших врагов. Объяснения, которые даст министру прибывающий завтра в Бухарест наш новый военный агент [5], будут отчасти способствовать этому, но необходимо, чтобы Братиану знал, что помощь, оказываемая ему, не ограничится поддержкой с севера, но что и со стороны Салоник последуют действия, рассчитанные на прикование к югу части болгарской армии.

---

[1] См. № 79.

[2] См. № 140.

[3] См. стр. 150, прим. 3.

[4] См. № 154.

[5] См. стр. 65, прим. 2. В тел. от 8 февр./26 янв. за № 432 Гулькевич извещал Поклевского об отъезде Татаринова в Бухарест. О том же сообщал Бьюкенен Грею в тел. за № 281, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел и датированной ошибочно 6 февр./27 янв. Бьюкенен отмечал при этом, что Татаринов не коснется вопроса о военной конвенции до тех пор, пока Братиану не выразит полной готовности начать переговоры по этому поводу.

Поэтому необходимо, чтобы соответственные обещания были даны румынскому правительству, если и не в виде совместного заявления с точно определенными данными, то хотя бы в виде заверения, безотлагательно сделанного каждым из посланников в отдельности, предоставив последним сговориться на месте касательно наименее связывающей союзников формы объяснения.

Прошу вас по предмету настоящей телеграммы предпринять соответствующие шаги и ответить по телеграфу.

Сазонов.

№ 185. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 516. 11 февраля/29 января 1916 г.

Телеграмма № 54 получена [1].

Если английское правительство соглашается, что исключение германской группы из консорциума само по себе нанесло бы решительный удар германскому престижу на Дальнем Востоке, то не ясно, почему бы откладывать эту меру до разрешения общего вопроса об удалении немцев из Китая.

Мы не имели в виду ставить японцев перед готовым решением, а полагали лишь, что трем наиболее тесно сплоченным войной державам было бы полезно предварительно установить, хотя бы в принципе, желательное направление дела; по доверительном согласовании их взглядов — любое из трех правительств могло бы официально обратиться к остальным и к Японии с предложением обсудить вопрос сообща.

Впрочем, если английское правительство считает необходимым сразу же привлечь Японию к переговорам, мы не возражаем, в случае согласия на это французского правительства, с которым наш посол в Париже объяснится по этому поводу. Мы надеемся однако, что лондонский кабинет, учитывая и без того мало сочувственное отношение Японии к нашим антигерманским планам в Китае, не выдвинет в объяснениях с ней на первый план тех трудностей, которые он выставляет перед нами.

Я считал бы полезным обратить внимание английского министерства иностранных дел на все более крепнущее в России убеждение, что великобританское правительство излишне доверяет в этом во-

[1] См. № 160.

просе Гонконг-Шанхайскому банку, германофильское направление которого не составляет ни для кого тайны.

Благоволите передать эту телеграмму Извольскому [1].

Сазонов.

№ 186. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 518. 11 февраля/29 января 1916 г.

Телеграмма за № 75 получена [2].

Вопрос о ста тысячах для шаха почти совсем решен. Относительно ежемесячной субсидии придется вновь начать сношения с министром финансов и потом войти в совет министров, на что потребуется время. Поэтому предпочитаем не отказываться от означенной суммы, из коей, если вы не считаете нужным дать ее шаху в виде пособия, можно будет уплачивать ежемесячный взнос в течение примерно пяти месяцев. Однако при этом нельзя будет теперь же обязаться уплачивать субсидию и впредь, пока этот вопрос не получит окончательной санкции.

Нератов.

№ 187. Министр иностранных дел председателю совета министров Штюрмеру.

Письмо № 69. 11 февраля/29 января 1916 г.

Секретно. Спешное.

М. г. Борис Владимирович,

В секретном письме к предместнику вашего высокопревосходительства, от [5 января 1916 г.] 23 минувшего декабря за № 806 [3], мною подробно изложены были соображения, по коим для нас представляется

---

[1] Тел. от 21/8 февр. за № 74 Бенкендорф передал заявление Никольсона, что англ. прав-во готово подвергнуть самой тщательной проверке деятельность Гонконг-Шанхайского банка, но что до сих пор оно не имеет никаких данных по этому вопросу. Никольсон добавил, что «дело это имеет очень деликатный характер и что его разглашение может иметь роковые последствия для интересов и престижа Англии».

[2] Тел. от 8 февр./26 янв. за № 75 Эттер сообщал: «Шах ныне прямо просит вместо обеспечения ему правильной уплаты цивильного листа [ср. № 187] назначить ему ежемесячную безвозвратную субсидию в 15 000 томанов на время войны. Английский посланник сообщает о сем же в Лондон. В случае согласия на это императорского правительства мое ходатайство о пожаловании ему 100 000 рублей единовременно отпало бы».

[3] См. т. IX, № 704.

необходимым оказывать шаху и персидскому правительству широкую финансовую помощь. Признав правильность этих соображений, совет министров уже высказался в пользу обеспечения нами шаху на будущее время правильного поступления причитающейся ему по цивильному листу суммы, а равно назначения ему соответственной пенсии в случае, если бы он оказался вынужденным отречься от престола [1].

Передавая просьбу шаха о таковом обеспечении, наш посланник в Тегеране в то же время высказал мнение, что независимо от подобных обещаний на будущее время представлялось бы желательным ввиду крайне стесненного материального положения шаха и наличности у него крупных долгов, а равно во избежание обращения его за денежной помощью к нашим противникам, предоставить ему ныне же сумму примерно в 100 000 рублей как единовременное пособие. По всеподданнейшем докладе соответствующего донесения посланника государю императору благоугодно было против того места, где говорилось о выдаче шаху такой суммы, начертать пометку: «Да».

Из дальнейших сообщений посланника усматривается, что великобританское правительство со своей стороны уже выдало шаху в виде секретного личного пособия до 70 000 томанов, что по настоящему курсу составляет свыше 200 000 рублей. Это обстоятельство обязывает нас, в свою очередь, оказать шаху соответствующее внимание, так как субсидирование его одними англичанами дало бы последним в глазах молодого правителя Персии известный перевес перед нами.

Министр финансов, с которым я входил по этому поводу в сношение, уведомил меня, что с его стороны не встречается препятствий к испрошению мною через совет министров высочайшего соизволения на отпуск, в порядке ст. 18 прав. гос. росп., 100 000 рублей для сказанной цели, с отнесением этого расхода на наличные средства государственного казначейства.

Передавая об изложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать внести означенный вопрос на обсуждение совета министров в самом непродолжительном по возможности времени [2].

Примите и пр. Сазонов.

---

[1] См. № 8.

[2] Вопрос о предоставлении шаху единовременного денежного пособия в размере 100 000 руб., «ввиду его крайне стесненного материального положения, а равно во избежание обращения за денежной помощью к нашим противникам», обсуждался на заседании совета министров 15/2 февраля. В мотивированной части особого журнала совета министров от того же числа сказано: «Невзирая

№ 188. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 97. 11 февраля/29 января 1916 г.

Французский и английский посланники в Афинах сообщили установленные... цифры необходимых для Греции количеств зерна, риса и каменного угля. Впредь до получения высланного французским посланником подробного доклада по этому поводу, парижская международная комиссия приняла эти цифры. Французскому посланнику сообщено, что он может, по соглашению с другими союзными посланниками, предупредить об этом греческое правительство [1]. В 1 270 тонн, составляющих ежедневное потребление Греции, входят и количества, необходимые для Митилены, Салоник и Корфу. По установлению этих количеств в Афинах они будут вычтены из 970 тонн. Ввиду наличия больших запасов кофе в Греции, ввоз из Англии, Франции и Италии остановлен. Парижской комиссией обращено внимание посланников на необходимость предупреждения о желательности возобновления ввоза кофе.

Извольский.

№ 189. Посланник в Бельгии министру иностранных дел.

Телеграмма [2]. 11 февраля/29 января 1916 г.

Бельгийский министр иностранных дел сказал мне сегодня, что пущенный итальянскими газетами слух, будто бы Германией сделано

на присутствие ныне в Персии русских вооруженных сил и на одержанные последними значительные успехи над сформированными нашими противниками бандами, наше положение в этой стране представляется все же довольно серьезным. При таких условиях, по мнению нашего посланника в Тегеране, немаловажное значение имело бы расположить в нашу пользу молодого шаха и его правительство, дабы при их содействии парализовать германо-турецкие интриги. В этих целях совет министров уже высказался за обеспечение на будущее время правильного поступления причитающейся шаху по цивильному листу суммы, а равно за назначение ему соответственной пенсии в случае вынужденного отречения его от престола». Постановлением совета министров было решено «отпустить министерству иностранных дел чрезвычайным сверхсметным кредитом сто тысяч рублей на неподлежащую оглашению надобность, с отнесением сего расхода на счет наличных средств государственного казначейства».

[1] Тел. от 14/1 февр. за № 85 Демидов сообщил, что посланники вручили греч. прав-ву 13 февр./31 янв. соответствующую ноту о ввозе в Грецию зерна — 1 270 тонн в день, риса — 17 000 мешков в месяц и угля — 25 000 тонн в месяц, не считая потребностей военного флота. В ноте указывалось, что союзные прав-ва готовы оказать всякое содействие отправке и распределению означенных продуктов «под условием, чтобы запасы таковых в Греции никогда не превышали месячного их потребления».

[2] Номер отсутствует.

Бельгии предложение отдельного мира, вымышлен. Министр прибавил, что король и правительство считают Бельгию настолько тесно связанной с союзниками, что если бы даже такое предложение было действительно сделано, оно было бы отклонено немедленно и без рассмотрения.

Кудашев.

№ 190. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

·/. № 65. 12 февраля/30 января 1916 г.

With reference to the conversation which His Majesty's Ambassador recently had the honour of having with Mr. Sazonow on the subject of General Alexcieff's views as to Sweden [1], Sir G. Buchanan has been instructed to give an assurance that, while His Majesty's Government are unable to abandon their blockade policy of Germany — which is one of the most effective weapons in the hands of the Allies for shortening the war they will not cease carefully to avoid any unnecessary cause of irritation towards Sweden and to show her all consideration compatible with the maintenance in general of their policy of blockade.

His Majesty's Government have strong reasons for believing that Sweden will not threaten an attack on Russia until she has satisfied herself that Norway will not join the Allies in such an event. His Majesty's Government are endeavouring to ascertain through Mr. Findlay what attitude Norway would adopt in case of a threatened attack by Sweden on Russia; but they do not believe that Sweden has at present any certainty as to Norway's attitude. His Majesty's Government hope that they will be able to assure themselves that Norway will adopt an attitude which will act effectively as a check on Sweden. They promise to keep the Imperial Government fully informed of any information they can obtain on this point.

It appears that the Swedish Minister in Paris, who is at present in London, is convinced that his country will not enter the war on the side of the Central Powers and that, even if she did so, she could take no action which would really embarrass us, as she would have to emply a large part of her army in watching Norway.

---

[1] В тел. от 7 февр./25 янв. за № 220 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Бьюкенен сообщал Грею, что ген. Алексеев просил Сазонова «употребить все свое влияние», чтобы англ. прав-во воздержалось от мер, могущих вызвать выступление Швеции, так как это имело бы самые «пагубные последствия для России».

Sir E. Grey was informed by the Italian Ambassador on February 10th that the Swedish Counselor of Embassy at Rome said that M. Wallenberg had told him that he hoped to arrive at a settlement with Great Britain as the situation was much easier [1].

Перевод.

В связи с разговором, который посол его величества имел на-днях с г. Сазоновым относительно точки зрения ген. Алексеева на Швецию, сэру Дж. Бьюкенену было поручено заверить, что, не будучи в состоянии отказаться от политики блокады Германии, являющейся одним из наиболее действительных средств, имеющихся в распоряжении союзников для того, чтобы приблизить окончание войны, — правительство его величества будет непрестанно стремиться тщательно избегать всяких ненужных поводов возбуждения в Швеции и будет выказывать ей всякое внимание, совместимое с сохранением в основном его политики блокады.

Правительство его величества имеет веские основания полагать, что Швеция не будет угрожать нападением на Россию до тех пор, пока она не удостоверится в том, что Норвегия в таком случае не присоединится к союзникам. Правительство его величества старается через г. Финдлея определить позицию, которую Норвегия займет в случае угрозы Швеции напасть на Россию; оно, однако, не верит, чтобы Швеция имела в настоящее время какую-либо уверенность насчет позиции Норвегии. Правительство его величества надеется, что оно сможет удостовериться в том, что Норвегия займет позицию, которая решительно подействует на Швецию сдерживающим образом. Оно обещает держать императорское правительство полностью в курсе всех сведений, которые оно сможет получить по этому вопросу.

Повидимому, шведский посланник в Париже, находящийся ныне в Лондоне, убежден в том, что его страна не примет участия в войне на стороне центральных держав и что если бы она это сделала, она не могла бы предпринять никаких действий, способных причинить нам реальные затруднения, так как ей пришлось бы употребить значительную часть своей армии на границе с Норвегией.

Итальянский посол 10 февраля уведомил сэра Э. Грея о заявлении советника шведского посольства в Риме, что г. Валленберг говорил ему, что он надеется притти к соглашению с Великобританией, так как положение стало много легче.

№ 191. Английский посол в Петрограде Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам Грею.

·/. Телеграмма № 244 [2]. 12 февраля/30 января 1916 г.

The President of the Duma and of the Council of Empire desire me to express to His Majesty's Government their sincere thanks for invita-

---

[1] Ср. № 141.

[2] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

tion addressed to them [1], and beg me to say you that members of each Chamber will be glad to visit England at end of... if this date is convenient to His Majesty's Government.

Перевод.

Председатели Думы и Государственного совета желают, чтобы я выразил правительству его величества чувства искренней благодарности за посланное им приглашение, и просят меня сказать вам, что члены обеих палат будут рады посетить Англию в конце ...., если это время будет признано правительством его величества подходящим.

№ 192. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 60. 12 февраля/30 января 1916 г.

Copie à Paris.

Reçu votre télégramme № 233 [2].

Ayant développé et appuyé vos considérations, j'ai trouvé Grey plus préparé que je ne le croyais pour une politique active. Il me dit que cette question de Roumanie le préoccupait aujourd'hui plus qu'aucune autre, un ultimatum allemand pouvant intervenir à Bucarest chaque jour. Il me dit que général Robertson partait lundi [3] pour Paris étudier d'urgence cette question avec autorités militaires françaises, que ministère de la guerre était informé du point de vue politique et que cette conférence militaire à Paris n'avait qu'à décider si entreprise est possible, ou bien si obstacles militaires insurmontables s'y opposent. Il dit que cette conférence anglo-française était absolument nécessaire attendu que c'est au général Sarrail que commandement général est et resterait confié.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Ваша телеграмма № 233 получена.

Развив и обосновав ваши соображения, я нашел, что Грей более подготовлен к активной политике, чем я это думал. Он мне сказал, что этот вопрос, т. е. вопрос о Румынии, занимает его ныне более, чем какой-либо другой, так как

---

[1] Тел. от 1 февр./19 янв. за № 318 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Грей сообщил Бьюкенену, что он не возражает, чтобы делегация журналистов состояла из 10 чел., но считает необходимым поставить их в известность, что на фронт сможет поехать группа не больше чем в 6 чел. Что касается делегации Гос. думы и Гос. совета, то она может состоять из 20 чел., и небольшая часть ее может поехать на фронт.

[2] См. № 79.

[3] 14/1 февраля.

каждый день можно ожидать германского ультиматума в Бухаресте. Он мне сказал, что генерал Робертсон отправляется в понедельник в Париж для срочного изучения этого вопроса совместно с французскими военными властями, что военное министерство информировано о политической точке зрения и что этой военной конференции в Париже остается только решить, возможна ли данная операция или же ей мешают непреодолимые военные препятствия. Он сказал, что эта англо-французская конференция совершенно необходима, потому что верховное командование вверено генералу Саррайлю и за ним останется.

Бенкендорф.

№ 193. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 101. 12 февраля/30 января 1916 г.[1].

По полученным сведениям здешнего морского министерства, до вчерашнего числа перевезено: 10 000 сербов в Бизерту; 105 000 на остров Корфу; 5 000 находятся в Салониках; 20 000 на пути между Дураццо и Валоной и могут считаться вне опасности. Таким образом, благодаря лишь энергичным усилиям французского правительства и почти без всякого содействия Италии и Англии, спасена сербская армия в 140 000 человек. Позволяю себе высказать, что было бы желательно в той или иной форме... отметить услугу, оказанную Францией общему делу союзников [2].

Извольский.

№ 194. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 102. 12 февраля/30 января 1916 г.

Копия в Мадрид.

Французский посол телеграфирует из Мадрида, что испанский министр иностранных дел сообщил ему, что австро-венгерское прави-

---

[1] В лит. копии эта тел. по ошибке датирована 13 февр./30 янв.

[2] 14/1 февр. Николай II телеграфировал Пуанкаре: «Я только-что получил сведения, что сербская армия находится вне всякой опасности благодаря усилиям французского правительства. Чувствую необходимость, г. президент, послать вам самые горячие поздравления в связи с помощью, великодушно оказанной Францией нашим доблестным союзникам, подвергшимся столь жестоким испытаниям во время их героической борьбы против общего врага».

В ответной тел. от 16/3 февр. Пуанкаре, выражая благодарность за поздравление, полученное от Николая II, заявлял, что «Франция гордится тем, что при ее содействии полностью были сохранены доблестные войска, которые на короткое время вынуждены были отступить перед численно превосходными силами и которые вместе с союзниками будут бороться за освобождение своей родины».

тельство обратилось к нему с просьбой о том, чтобы король Альфонс XIII передал находящемуся в Лионе королю Николаю черногорскому ходатайство оставшихся в Черногории[1] и подписавших, будто бы с согласия последнего, капитуляцию, о разрешении им начать с Австро-Венгрией переговоры о мире. Вилла-Нуэва присовокупил, что он ответил королю Альфонсу готовностью исполнить вышеупомянутую просьбу, но лишь в том случае, если на это последует согласие французского правительства, которое, кроме того, должно быть осведомлено о содержании ходатайства черногорского министра[2]. Камбон сказал мне, что ответ на это сообщение будет дан по возвращении Бриана из Рима[3]: по-моему, было бы трудно воспрепятствовать передаче через испанского короля вышеупомянутого ходатайства; с другой стороны, необходимо объяснить королю Николаю, что, согласно как собственным его заявлениям, так и публичной декларации Миушковича[4], союзники ожидают от него категорического отказа; в противном случае король и черногорское правительство должны будут покинуть французскую территорию.

Извольский.

№ 195. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 103. 13 февраля/31 января 1916 г.

Копия в Мадрид.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 102[5].

Камбон сказал мне, что сегодня отправлен следующий ответ испанскому правительству:

«Gouvernement français estime qu'il ne saurait être responsable des négociations de paix engagées sur le territoire français entre l'Autriche-Hongrie et le Monténégro par l'entremise de l'Espagne. En conséquence si gouvernement espagnol accepte les suggestions de l'Autriche-Hongrie, gouvernement français le prie de lui transmettre les propositions autrichiennes qu'il se considère comme seul en situation de faire tenir à qui de droit et au regard desquelles il se réserve d'examiner la suite qu'il devra leur donner»[6].

Iswolsky.

---

[1] Имеются в виду князь Мирко и члены черног. прав-ва (см. №№ 66 и 67).

[2] Так в оригинале. Ср. прим. 1.

[3] См. № 170.

[4] См. стр. 149, прим. 2.

[5] См. № 194.

[6] Дополнительно тел. от 13 февр./31 янв. за № 104 Извольский сообщил, что, по мнению Ж. Камбона, испан. прав-во, получив этот ответ, отклонит просьбу

Перевод.

Копия в Мадрид.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 102.

Камбон сказал мне, что сегодня отправлен следующий ответ испанскому правительству:

«Французское правительство полагает, что оно не может быть ответственно за переговоры о мире, начатые на французской территории между Австро-Венгрией и Черногорией, при посредничестве Испании. Таким образом, если испанское правительство согласно с мыслью, выдвинутой Австро-Венгрией, французское правительство просит его передать ему австрийские предложения, которые оно одно, по его мнению, имеет право передать по принадлежности и по отношению к которым оно оставляет за собой право обсудить, какой ход оно должно будет им дать».

Извольский.

№ 196. Посланник в Берне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 90. 13 февраля/31 января 1916 г.

Меня посетили Дмовский и граф Плятер, приехавшие в Швейцарию по пути в Париж и Лондон для ознакомления с польскими настроениями в Германии и Австрии [1]. Они имели в Лозанне свидание с представителями немецких и австрийских поляков. Дмовский сказал мне, что из этих бесед он вынес впечатление, что немцы и австрийцы решили теперь же разрешить польский вопрос дарованием Польше широкой автономии или полусамостоятельности. Цель этого постараться произвести набор в Царстве Польском и вообще оттолкнуть поляков от нас. Масса польского населения совершенно отрицательно относится к заигрываниям Германии, но существует опасность, что

венского кабинета. Тел. от 16/3 февр. за № 28 посол в Мадриде Будберг сообщил Сазонову, что австро-венг. м-р ин. дел Буриан на переданный ему через испан. посла ответ франц. прав-ва заявил, что «его просьба состояла только в изыскании возможности для черногорских министров сноситься с пребывающим во Франции королем» и что «в переговорах о мире Австрия будто бы более не нуждается». Тел. от 22/9 февр. за № 17 Иславин сообщил о появившемся во франц. печати, с одобрения Камбона, новом сообщении Миушковича (ср. стр. 149, прим. 2), в котором «опровергается заявление австрийского посла в Мадриде о том, что королю Николаю передается от имени оставшихся в Черногории членов кабинета просьба о выдаче им полномочий на заключение мира». Сообщение заканчивалось заверением в том, что «Черногория не вступит в какие-либо переговоры отдельно от союзных держав».

[1] В тел. от 6 февр./24 янв. за № 117 Гирс сообщил, что Дмовский и Плятер пробыли в Риме около месяца и выехали в Швейцарию для свидания с польскими деятелями. Гирс указывал, что «в Рим они прибыли для выяснения отношения к ним Ватикана. Встретив сперва недоброжелательство, они выехали отсюда под более благоприятным впечатлением».

проект немцев может удаться. Голод, отчасти вызываемый немецкими мероприятиями, может заставить население принять все германские планы при условии обещания (улучшения) материального положения. Дмовский пришел к заключению, что польским деятелям, убежденным, что спасение Польши возможно лишь с помощью России, трудно бороться против тех польских элементов, которые работают в пользу германского плана, так как со стороны России, после занятия немцами Польши, не является [1] пока ничего, чтобы дать надежду полякам, что мы не отказываемся от мысли объединить этнографическую Польшу. Дмовский думает, что в интересах Четверного согласия было бы использовать для непосредственных военных целей чувства, которые питают большинство поляков к России и ее союзникам. Но дать полякам возможность борьбы против немецких покушений может лишь Россия и для этого, по словам Дмовского, он и его единомышленники думают, что Россия должна бы объявить всемирно, что она борется не только против немцев, как своих врагов, но как врагов всего славянства [2].

Бахерахт.

№ 197. Военный министр министру иностранных дел.

Письмо № 11940. **13 февраля/31 января 1916 г.**
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие письма от [12 января 1916 г.] 30 декабря 1915 г. за № 822 [3], имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что

---

[1] Так в оригинале.

[2] В тел. от 1 марта/17 февр. за № 126 Бахерахт передавал следующее сообщение Сватковского: «По сведениям австрийского министерства внутренних дел, на основании произведенной в Царстве Польском анкеты, все население обеих частей Царства решительно на стороне России, и посему австрийское и германское правительства отказались от набора».

[3] В письме за № 822 Сазонов сообщал Поливанову о желании перс. прав-ва создать в Персии «надежную вооруженную силу, на которую правительство могло бы с успехом опираться в борьбе с непокорными ему элементами в стране и со сформированными там нашими противниками бандами». Перс. прав-во предлагало для осуществления этой меры усилить перс. казачью бригаду. Со своей стороны, Сазонов считал возможным увеличить казачью бригаду до 10 000 чел. и отмечал, что «настоящий момент представляется как нельзя более удобным для того, чтобы заменить вполне скомпрометировавшую себя в глазах шаха и его министров руководимую шведами жандармерию воинской частью, находящейся в нашем распоряжении, и чтобы окончательно упрочить тем самым наше влияние в Персии».

с военной точки зрения, при настоящих условиях, признавалось бы нежелательным создавать в Персии сколько-нибудь значительные вооруженные силы (10 000 человек), которые при некоторой подготовке могут быть развернуты в более крупную боевую единицу, и это тем более, что события последнего времени в Персии ясно показали, что политика и симпатии персидских правящих кругов направлены далеко не в нашу сторону.

При этом необходимо иметь в виду, что при доведении персидской казачьей бригады до десятитысячного состава главная тяжесть расходов по ее содержанию, несомненно, легла бы на нашу казну, а между тем трудно быть уверенным, что несколько десятков русских инструкторов, среди массы чуждых во всем России персидских казаков, окажутся в состоянии, при всякой обстановке, отстоять русские интересы.

Если для охраны персидских границ или для противодействия выступлениям кочевых племен действительно необходимо наличие в Персии вооруженных сил, то, казалось бы, выгоднее для нас в ближайшее переходное, в смысле государственного переустройства Персии, время воспользоваться для этой цели нашими войсковыми частями, тем более, что едва ли удастся окончательно урегулировать после окончания войны наше положение в Персии без более или менее прочной оккупации северной ее части.

Что же касается охраны порядка внутри страны, то эта задача могла бы быть достигнута небольшим увеличением персидской казачьей бригады (до $4^1/_2$—5 тысяч) с тем, чтобы функции последней были приближены к жандармским.

Ввиду того, что Персия в данный момент фактически входит в район военных действий кавказской армии, по вопросу о желательности доведения персидской казачьей бригады до состава 10 000 человек было запрошено заключение наместника его императорского величества на Кавказе.

По сообщению генерала-от-инфантерии Янушкевича, его императорское высочество вполне согласился с высказанными выше соображениями, но вместе с тем признал желательным, во внимание к политическим условиям данного момента, не давать в настоящее время персидскому правительству категорического ответа в отрицательном смысле по настоящему делу.

Прошу принять и пр.

Ал. Поливанов.

№ 198. Советник III политического отдела и. о. чиновника для пограничных сношений при наместнике на Кавказе Столице.

Телеграмма № 587 [1]. 14/1 февраля 1916 г.

Недавно по инициативе генерала Баратова поднят был вопрос о взятии нашей Энзели-Тегеранской дорогой концессии на дорогу Казвин — Кум. Повидимому, ввиду крупной суммы, исчисленной на шоссирование последней, великий князь отклонил отнесение этого расхода на военный фонд. Между тем было бы крайне желательно не выпускать из наших рук этой концессии, чрезвычайно важной с экономической точки зрения, равно потому, что Тегеран — Кумская дорога принадлежит, как известно, Линчу, которого таким путем, вероятно, можно было бы побудить отказаться от концессии в нашей сфере влияния. Эттер придает этому делу большое значение, предупреждает, что, в случае нашего отказа, концессию возьмет армяно-персидское общество. Подгурский и министр финансов вполне сочувствуют предприятию, которое, несомненно, будет доходным. Первый надеется, что можно будет уменьшить потребную сумму. Однако, вероятно, трудно будет провести теперь дело в совете министров на одном лишь экономическом и политическом основаниях и было бы желательно заручиться также поддержкой наместника.

Доложите изложенные соображения и, быть может, его высочество признает возможным телеграфировать министру финансов, что и с военной точки зрения означенная дорога представляется для нас желательною [2].

Клемм.

№ 199. Товарищ министра иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 591 [3]. 14/1 февраля 1916 г.

Копии в Париж, Вашингтон, Берн, Рим, Гаагу, Афины.

Озабочиваясь возможно успешной реализацией в близком будущем нового внутреннего займа в два миллиарда на условиях, тождественных с условиями последнего $5^1/_2$-процентного займа, министр финансов желал бы принять меры для организации широкого осведомления о займе за границей, в союзных и нейтральных странах. Он рассчитывает в этом деле на помощь наших представителей, участие

[1] Лит. копия.

[2] В ответной тел. от 16/3 февр. за № 142 Столица сообщал Клемму, что его соображения приняты наместником на Кавказе во внимание и что соответствующая тел. м-ру финансов уже отправлена.

[3] Маш. копия.

коих могло бы выразиться в содействии к распространению объявлений с изложением условий займа и указанием на выгоду помещения в него сбережений, а также в изустных разъяснениях заинтересованным лицам. Самая подписка на заем могла бы производиться либо в заграничных отделениях русских банков, либо в местных кредитных учреждениях, имеющих корреспондентские отношения с нашими банками.

Благоволите срочно сообщить ваше заключение по существу предположений министра финансов. В частности, не прибегая к официальным запросам, желательно было бы, путем совершенно доверительных и осторожных шагов, выяснить, через кого вы признаете это наиболее целесообразным, не встретится ли по политическим или иным соображениям каких-либо препятствий к помещению этого займа на местном рынке. Сообщите также, в какой мере вы могли бы оказать содействие этому важному государственному делу в желаемом министром финансов смысле [1].

Нератов.

№ 200. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 105. 14/1 февраля 1916 г.

Лично.

Копия в Стокгольм.

Камбон совершенно частным образом прочел мне телеграмму французского посланника в Стокгольме [2], в которой говорится об аресте

---

[1] В тел. от 19/6 февр. за № 97 Бахерахт выражал мало надежд на успех в деле подписки на русский внутренний заем в Швейцарии в связи с положением швейц. рынка, «насыщенного швейцарскими займами». Со своей стороны Гирс в тел. от 23/10 февр. за № 187 указывал, как на препятствие для реализации займа в Италии, на тот факт, что в настоящий момент реализуется итал. 5% заем, «который, вероятно, поглотит бо́льшую часть свободного капитала». В тел. от 20/7 февр. за № 31 Буксгевден сообщил, что «датский рынок, подписавшийся уже на сумму около 2 000 000 крон на прежний русский заем, не способен участвовать в заметной мере в новом нашем займе». В тел. от 25/12 февр. за № 112 Демидов также выражал сомнение относительно размещения займа в Греции, ссылаясь на «особенность греческого характера, склонного к помещению экономий в морских и торговых предприятиях, крайне в настоящее время прибыльных», и на незнакомство греч. капиталистов с русскими ценностями. Повидимому, Поклевскому также была послана тел. за № 591, и в тел. от 25/12 февр. за № 105 он ответил, что румын. денежный рынок не следует принимать в расчет, так как «экономическая жизнь Румынии развивается на иностранные деньги, и немногочисленные румынские капиталисты не помещают денег в заграничных займах, находя дома более выгодное применение своих капиталов». Об ответах Парижа, Лондона и Вашингтона см. №№ 213, 228 и 279.

[2] Копия тел. франц. посланника в Стокгольме, датированной «началом февраля 1916 г.», хранится в Арх. Вн. Пол. в деле А. В. 153. Содержание ее в основ-

нашими властями в Торнео по пути в Стокгольм финляндского профессора Вернера Седергельма, будто бы известного своими симпатиями к Франции и державам Согласия. Тьебо присовокупляет, что подобные случаи вызывают крайнее раздражение в Швеции и совершенно уничтожают впечатление от ваших дружеских заверений [1].

Извольский.

№ 201. Посланник в Бельгии министру иностранных дел.

Телеграмма [2]. 14/1 февраля 1916 г.

Me réfère à votre № 485 [3].

Je me suis rendu aujourd'hui à 3 heures chez le ministre des affaires étrangères accompagné de mes collègues de France et de Grande Bretagne et au nom de mes collègues je lui ai adressé les paroles suivantes: «Excellence, les Puissances alliées, signataires des traités qui garantissent l'indépendance et la neutralité de la Belgique ont décidé de renouveler aujourd'hui par un acte solennel les engagements qu'elles ont pris envers votre pays héroïquement fidèle à ses obligations internationales. En conséquence, les ministres de France, Grande Bretagne et Russie, dûment autorisés par nos gouvernements, avons l'honneur de faire la déclaration suivante: «Les Puissances alliées et Garantes déclarent que, le moment venu, le gouvernement belge sera appelé à participer aux négociations de paix, qu'elles ne mettront fin aux hostilités sans que Belgique ne soit rétablie dans son indépendance politique et économique et largement indemnisée des dommages qu'elle a subis. Elles prêteront leur aide à Belgique pour assurer son relèvement commercial et financier». Le ministre des affaires étrangères a répondu par paroles suivantes: «Le gouvernement royal est profondément reconnaissant aux gouvernements des trois Puissances garantes de l'indépendance de la

---

ном изложено в публикуемом документе. Посланник заканчивал ее словами, что «управление Зейна, несомненно, создает опасность; замена губернатора была бы лучшим доказательством добрых намерений императорского правительства».

[1] 21/8 февр. за № 701 Сазонов телеграфировал финляндскому ген.-губернатору Зейну, прося его сообщить результаты расследования по делу Седергельма, которому Сазонов придавал «особое значение». В ответной тел. от 23/10 февр. за № 638 Зейн сообщал, что дело Седергельма находилось в ведении не подчиненных ему жандармских властей, которые освободили последнего от содержания под стражей, и что переписка о Седергельме передана «следователю по особо важным делам Петроградского окружного суда».

[2] Номер отсутствует.

[3] См. стр. 184, прим. 5.

Belgique, dont vous êtes auprès de lui les représentants, de la généreuse initiative qu'elles ont prise. Leur apportant aujourd'hui cette déclaration, je vous envoie ses chaleureux remerciements. Vos paroles auront un vivant écho dans coeurs belges, soit qu'ils combattent sur le front, soit qu'ils souffrent dans le pays occupé où qu'ils attendent en exil l'heure de la délivrance, tous avec un égal courage. Les nouvelles assurances que vous venez de me faire confirment leur conviction inébranlable que Belgique sera relevée de ses ruines et restaurée dans sa complète indépendance politique et économique. Je suis certain d'être leur interprête en vous disant que vous devez avoir pleine confiance en nous comme nous avons confiance en nos loyaux garants, car nous sommes tous résolus à lutter énergiquement avec eux jusqu'au triomphe du droit, pour la défense duquel nous nous sommes sacrifiés, sans hésitation, après la violation injuste de notre patrie bien aimée». Le ministre d'Italie a annoncé que l'Italie n'étant pas au nombre des Puissances garantes de l'indépendance et de la neutralité de la Belgique elle faisait connaître qu'elle n'avait aucune objection à ce que cette déclaration soit faite par les Alliés [1]. Le protocole de réunion sera remis à Agence Havas demain et paraîtra probablement dans journaux mercredi [2].

K o u d a c h e f f.

Перевод.

Ссылаюсь на ваш № 485.

Сегодня в 3 часа, в сопровождении моих французского и английского коллег, я отправился к министру иностранных дел и от имени моих коллег обратился к нему со следующими словами: «Ваше превосходительство, союзные державы, подписавшие трактаты, которые гарантируют независимость и нейтралитет Бельгии, решили сегодня возобновить торжественным актом обязательства, взятые ими по отношению к вашей стране, героически сохранившей верность своим

---

[1] Текст заявления держав опубл. Изв. МИД, 1916 г., кн. III—IV, стр. 169, причем там указано, что представитель Японии сделал заявление, аналогичное итальянскому.

[2] Позднее, в деп. от 23/10 марта за № 3, И. Кудашев писал Сазонову, что «со времени объявления Гаврской декларации о восстановлении прав Бельгии, со столбцов бельгийских газет не сходят статьи, посвященные вопросу о территориальных компенсациях или о будущих границах Бельгии», причем даже в самых умеренных статьях сквозит уверенность, что «исправление границ Бельгии в смысле их расширения на восток и юг представляется необходимым не только по стратегическим и экономическим соображениям, но и из чувства справедливости». В заключение Кудашев отмечал, что простое восстановление status quo и вознаграждение за понесенные убытки не удовлетворило бы общественное мнение Бельгии и что декларация 14/1 февр. «поэтому во многих бельгийцах вызвала чувство разочарования».

международным обязательствам. Вот почему мы, посланники Франции, Великобритании и России, получив надлежащие полномочия от наших правительств, имеем честь сделать следующее заявление: «Союзные державы и гаранты заявляют, что, когда настанет время, правительство Бельгии будет призвано к участию в переговорах о мире, что они не прекратят военные действия без того, чтобы не была восстановлена политическая и экономическая независимость Бельгии и чтобы она получила широкие компенсации за понесенные ею потери. Они окажут Бельгии помощь, дабы обеспечить ей восстановление ее торговли и финансов». Министр иностранных дел ответил следующими словами: «Королевское правительство глубоко признательно правительствам трех держав, гарантирующих независимость Бельгии, представителями которых при нем вы являетесь, за принятую ими великодушную инициативу. Заявляя державам об этом сегодня, я передаю вам горячую благодарность правительства. Ваши слова найдут живой отклик в сердцах бельгийцев, как тех, которые сражаются на фронте, так и тех, которые страдают в оккупированной стране, где они ожидают в изгнании часа своего освобождения, одушевляемые все одинаковым мужеством. Новые заверения, только-что данные мне вами, утвердят их в непоколебимой уверенности, что Бельгия восстанет из развалин, и ее политическая и экономическая независимость будет полностью восстановлена. Я уверен, что точно передаю их чувства, говоря вам, что вы должны иметь к нам полное доверие, как и мы питаем доверие к нашим лойяльным гарантам, ибо мы все решили энергично бороться вместе с ними до тех пор, пока восторжествует право, для защиты которого мы без колебаний принесли себя в жертву после того, как над нашей любимой родиной было совершено насилие». Итальянский посланник заявил, что Италия, не принадлежа к числу держав, гарантирующих независимость и нейтралитет Бельгии, объявляет, что она не выдвигает никаких возражений против такого заявления союзников. Запись совещания завтра будет передана агентству Гавас и в среду, вероятно, появится в газетах.

Кудашев.

№ 202. Посол в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 59. 14/1 февраля 1916 г.

Весьма секретно.

Китай.

Маршал Ямагата прислал ко мне генерала Танака секретно сообщить, что барону Мотоно предписано телеграммой войти с вами в переговоры по вопросу о Китае и о винтовках. Из слов генерала Танака я мог заключить, что речь идет, повидимому, о закреплении известной солидарности действий в Китае, которая даст возможность Японии уступить нам еще от ста до ста пятидесяти тысяч ружей [1].

Постараюсь у барона Ишии выведать более определенные сведения.

Малевский.

---

[1] В деп. от 10 февр./28 янв. за № 9 Малевский, ссылаясь на полученное воен. агентом от товарища япон. военного м-ра письмо относительно русских заказов,

№ 203. Японский министр иностранных дел Ишии японскому послу в Петрограде Мотоно.

*/. Телеграмма [1]. 14/1 февраля 1916 г.

Секретно.

Согласно взглядам русского министерства иностранных дел, выраженным через посредство г. Козакова [2], во-первых, Россия в случае... чрезвычайно любезного отношения императорского правительства в вопросе о военных материалах как будто бы намерена нам уступить ветвь Восточно-Китайской железной дороги и, во-вторых, Россия узнала о плане Германии наложить свою руку на всю зону от Турции и Персии до самого Китая и таким образом... России, что вызывает тревогу последней.

После отправления моей телеграммы за № 56, императорское правительство, принимая во внимание предложение русского правительства относительно сближения между Россией и Японией, подвергло обсуждению будущую политику Японии после войны, положив в основание обсуждения вышеуказанные два пункта.

1. Если бы Россия высказала пожелание переуступить Японии за самую высокую плату железную дорогу между Чан-чунем и Харбином, императорское правительство в свою очередь могло бы согласиться на пожелания России, высказанные через посредство его императорского высочества великого князя относительно снабжения оружием и...

2. По поводу вопроса о будущей политике России и Японии следует заметить, что интересы и спокойствие двух держав не позволяют, чтобы Китай оказался в руках Германии. Кроме секретного союзного договора, для предотвращения этой опасности теперь назрел вопрос о заключении официального договора, которым бы могли быть выражены особенно дружественные отношения между этими двумя государствами.

Я предполагаю вам телеграфировать об этом после того, как 15 февраля будет получена высочайшая санкция, и тогда вы узнаете о подробностях.

высказывал мнение, что нет никаких оснований «рассчитывать на немедленное получение от японцев значительного количества ружей» и что «единственным способом получения такового здесь являются заказы на более или менее продолжительный срок. В приеме от нас таких заказов заинтересованы как само японское правительство, так и стоящие с ним в сношениях частные предприниматели».

[1] Тел. расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.

[2] См. № 245.

Примечание. В вопросе об уступке ветви Восточно-Китайской железной дороги нежелательно, чтобы осталось впечатление, что к этому решению пришли вследствие нашей просьбы. Если, поэтому, Россия, не дожидаясь нашей просьбы, по собственной инициативе сделает предложение, то это усилит еще более дружественные чувства японского общественного мнения, и этим самым облегчится разрешение вопроса об оружии со стороны наших военных властей. Приложите старания, чтобы по возможности Россия сделала это предложение.

№ 204. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

15/2 февраля 1916 г.

Вернувшийся из Олонецкой губернии, где он провел целую неделю на медвежьей охоте, румынский посланник посетил барона Шиллинга и с большим оживлением рассказывал о своих охотничьих впечатлениях, оставивших ему наилучшие воспоминания. О политике же г. Диаманди заговорил лишь под конец своего посещения и как бы нехотя. При этом он скорее сам стремился осведомиться о положении дел, нежели мог поделиться собственными сведениями. По его словам, все, что он знает о настроениях в Румынии, заключается в полученной им от Братиану телеграмме в ответ на его запрос о том, насколько можно верить слухам о предстоящих переменах общего направления румынской политики в связи с приписываемым [2] давлением германцев в Бухаресте. В упомянутой телеграмме Братиану заявлял, что он во всяком случае останется верен проводимой им до сих пор политике и что если бы даже обстоятельства заставили его выйти в отставку, то, и пребывая в оппозиции, он не допустит перемены направления политики королевства. К этому г. Диаманди прибавил от себя, что Братиану в оппозиции будет, пожалуй, еще сильнее, чем у власти, и что подобное заявление в его устах является весьма знаменательным, так как, очевидно, всякому правительству в Румынии придется с ним считаться.

На это барон Шиллинг возразил, что, как ни интересны для нас мнения Братиану, едва ли они в настоящую минуту имеют решающее значение. Если еще год тому назад Братиану мог по своему усмотрению либо ускорить, либо задержать выступление Румынии и, пожалуй, даже заставить ее примкнуть к той или другой группе воюющих

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 7.

[2] Так в оригинале.

держав по своему выбору, то создавшееся ныне в значительной степени под влиянием именно политики самого Братиану новое соотношение сил настолько изменило общую картину, что Братиану уже перестал быть хозяином положения. Не оказав своевременно поддержки русскому наступлению в Венгрии и допустив затем враждебное нам выступление Болгарии и разгром Сербии, Братиану дал возможность немцам и их союзникам до такой степени стиснуть теперь Румынию, что дальнейшая ее политика зависит уже более от усмотрения Берлина, нежели румынского первого министра. Теперь, если Братиану не пожелает подчиниться велениям Германии, он может только уйти в отставку, но как бы силен он ни был в оппозиции, превосходя в этом отношении главарей нынешней оппозиции (Филиппеску и Таке Ионеску), едва ли какое-нибудь министерство Карпа, Маргиломана или Майореску будет считаться с мнениями оппозиционного Братиану больше, нежели с придвинутыми к румынской границе, а то и к самому Бухаресту австро-германо-болгарскими пушками. Вывод из сказанного ясен: своей политикой Братиану довел Румынию до такого положения, при котором его личные намерения в значительной степени утратили свою цену.

Г. Диаманди было, видимо, очень неприятно выслушать эти слова, но, вопреки своей обычной находчивости, он на этот раз ничего не нашел ответить и ограничился выражением уверенности, что немцы не пожелают оказать давление на Румынию и заставить ее действовать под их угрозой.

«Против этого я не спорю, — сказал барон Шиллинг, — но согласитесь, что таким образом, если Румынии удастся сохранить свой нейтралитет, а впоследствии, может быть, и выступить на стороне Четверного союза, то это будет лишь, как вы говорите, потому, что немцы не признают нужным вас втянуть теперь в войну против России, и, следовательно, заслуги в этом со стороны Братиану никакой нет». Румынский посланник начал было что-то говорить в защиту своего друга Братиану, но в это время вошел итальянский посол, и разговор снова перешел на неполитические предметы.

По уходе г. Диаманди, маркиз Карлотти прочел барону Шиллингу полученную им весьма доверительную телеграмму итальянского посланника в Бухаресте Фашиотти [1], в которой последний передавал содержание своей беседы с румынским первым министром.

---

[1] Имеется в виду тел. Фашиотти к Соннино от 9 февр./27 янв. за № 58 (расшифрованная в росс. м-ве ин. дел). Содержание ее изложено в публикуемом документе.

По словам барона Фашиотти, Братиану ему сказал, что он желает во всяком случае избежать войны на румынской территории и затем, указав на необходимость предварительно согласиться не только относительно военных, но и политических вопросов, Братиану спросил своего собеседника, из-за чего в сущности могла бы воевать Румыния — не для защиты своей территории, на которую никто не посягает, а для осуществления своего национального идеала. Между тем австро-германцы, будто бы, предлагают ей за одно лишь сохранение нейтралитета значительные земельные приращения, включающие в себя Буковину, часть Баната и, может быть, даже исправление границы в Трансильвании. Если Румыния должна воевать, чтобы получить то, что ей обещают державы Согласия за счет Австрии, то чем же она будет обеспечена на тот случай, если бы державам Согласия не удалось разрушить Австрию и если бы они решились заключить мир до достижения намеченных румынских вожделений. Чтобы вступить в число воюющих, Румыния должна получить обеспечение, что она не выйдет из войны с пустыми руками.

Барон Фашиотти утверждает в своей телеграмме, что на этом он счел долгом прекратить разговор, так как предвидел, к чему таковой клонится, а именно, по его мнению, заключение, к которому должен был притти Братиану, было следующим: если державы Согласия желают, чтобы Румыния выступила на их стороне, то они должны обещать ей, что если бы им не удалось удовлетворить румынские пожелания в сторону Австро-Венгрии, Россия согласится вознаградить Румынию уступкой ей Бессарабии.

По этому поводу барон Шиллинг заявил итальянскому послу, что упомянутое Братиану обещание со стороны Германии Буковины и других австро-венгерских земель за сохранение Румынией нейтралитета представляется весьма сомнительным. Если же это действительно было бы так, то мы могли бы лишь с удовольствием усмотреть в этом признак значительного ослабления Германии, так как только в весьма стесненных обстоятельствах она могла бы придавать такое значение румынскому нейтралитету, чтобы оплатить последний столь дорогой ценой за счет своих союзников. Что касается нас, то мы далеки от такого положения, чтобы откупиться от Румынии добровольной отдачей русских земель, и если бы кто-либо был достаточно безумен, чтобы пойти на подобные обещания, румыны первые были бы в праве заключить из этого, что мы совершенно ослабли и что они могут безнаказанно взять себе Бессарабию без всяких со своей стороны жертв.

Маркиз Карлотти вполне согласился, что поставленный бароном Фашиотти вопрос не подлежит даже обсуждению.

№ 205. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁷/. Телеграмма [1]. 15/2 февраля 1916 г.

Копии в Рим, Корфу и Иславину.

Миушкович сказал мне, что австрийцы ныне хозяйничают в Черногории, а потому было бы не удивительным, если они принудят кого-либо подписать какой-нибудь акт. «Но, — прибавил он, — конечно, подобная подпись не будет иметь никакого значения». На мой вопрос, способен ли князь Мирко или Вукотич дать свою подпись, он ответил: «Князь Мирко — да, но Вукотич — нет. Последний, если только представится возможность, сделает все от него зависящее для прорыва с остатками войска в Дураццо». Я посоветовал Миушковичу дать возможно большее распространение обнародованному на-днях от его имени в парижских газетах официальному сообщению [2], дабы черногорцы имели возможность ознакомиться с изложенным в этом сообщении взглядом черногорского правительства на бывшие с Австрией переговоры. Миушкович обещал отпечатать это сообщение на сербском языке и доставить его на Корфу для распространения среди прибывших туда черногорских войск, а также попытаться переслать экземпляр этого сообщения и в Черногорию [3]. В скором времени он намеревается установить сношения с Черногорией при посредстве американского отряда Рокфеллера. Ему хотелось бы отправить для этой цели в Черногорию транспорт под руководством американского доктора Рейена. Радовичу уже поручено вступить по этому вопросу в переговоры с американским посольством в Риме.

Извольский.

---

[1] Номер отсутствует.

[2] См. стр. 149, прим. 2.

[3] В тел. от 16/3 февр. за № 15 Иславин передал свою беседу с Миушковичем по поводу отзывов франц. печати, обвиняющей последнего в австрофильстве. Миушкович заявил, что Черногории приходится бороться «с двумя засилиями» и что ему «как раз пришлось освобождать Черногорию от итальянского влияния», откуда и исходят обвинения его в австрофильстве. На замечание Иславина, что естественным выходом для Черногории было бы сближение с Сербией, Миушкович ответил, что «сам разделяет этот взгляд и что перед войной он вел по этому вопросу переговоры с Пашичем, закончившиеся подписанием особого между Черногорией и Сербией соглашения» (ср. т. III, № 35). На просьбу Иславина показать ему текст этого соглашения Миушкович сказал, что «он оставил его в Цетинье, но что у Пашича, вероятно, имеется экземпляр на Корфу».

№ 206. Военный агент в Швеции, Дании и Норвегии и. д. генерал-квартирмейстера генерального штаба Леонтьеву.

Письмо № 1595 [1]. 15/2 февраля 1916 г.

М. г. Максим Николаевич,

Ввиду того, что мне вследствие телеграммы вашей от [10 января 1916 г.] 28 декабря 1915 года за № 46042 [2] приходится в настоящее время обращать серьезное внимание на «финляндский вопрос в Швеции», то я полагаю, что я не только не выйду из пределов компетенции военного агента, но исполню лишь то, что требуется интересами дела, если коснусь отношений здешнего французского посланника г. Тьебо к финляндскому вопросу. Г. Тьебо по своим взглядам, видимо, принадлежит к радикальной французской партии, а по своей прежней службе и жизни в молодые годы в Швеции он приобрел прочные связи со здешними либеральными партиями, в среде коих пользуется и ныне большим авторитетом. Либеральные партии Швеции безусловно не одобряют нынешнюю политику русского правительства в Финляндии. Видимо под влиянием этого и г. Тьебо столь же отрицательно относится к сему вопросу, особенно к деятельности генерала Зейна. При этом я должен доложить, что г. Тьебо никогда не позволял себе в кругу лиц, так или иначе соприкасающихся с русской миссией или членами нашей миссии, высказывать какое-либо мнение по поводу русской политики в Финляндии, но в кругу своих интимных друзей шведов, как говорят, резко порицает эту нашу политику и особенно личность и политику генерала Зейна. Г. Тьебо в донесениях своему правительству освещает и отношение Швеции к финляндскому вопросу и, в частности, к политике русского правительства в Финляндии. При этом, как мне кажется, г. Тьебо дает явно пристрастное освещение этому вопросу, угодное шведской либеральной партии.

Так например, в своем последнем донесении, которое в копии сообщено, видимо, в Петроград г. Палеологу, г. Тьебо, мне кажется, слишком пристрастно изображает отношение шведской либеральной партии к вопросу невыпуска на этих днях из Финляндии в Швецию гельсингфорского профессора Вернера Седергельма и придает этому событию несоответственно серьезное значение [3].

Вообще я настоящим письмом имею целью установить лишь то, что под влиянием г. Тьебо может случиться то, что отношению швед-

[1] Маш. копия.
[2] Тел. Леонтьева за № 46042 не обнаружена.
[3] См. № 200.

ских политических партий к тем или иным событиям в Финляндии будет придано несоответственно серьезное значение.

Лично мне кажется, что отдельные эпизоды наших отношений к Финляндии далеко не в столь высокой степени интересуют широкие круги шведского населения, как это кажется вне пределов Швеции, и вряд ли можно ожидать, что в будущем каждая мера русского правительства в Финляндии будет влиять так или иначе на возможность вооруженного выступления Швеции против нас, как это, видимо, изображается г. Тьебо в донесениях своему правительству.

Д. Кандауров.

№ 207. Начальник штаба верховного главнокомандующего представителю Ставки при штабе французского главнокомандующего Жилинскому.

Телеграмма № 682 [1]. 15/2 февраля 1916 г.

При нападении немцев на Румынию помощь ей может быть оказана согласованными действиями со стороны Салоник и русской армией. Первые действия, имея целью привлечение на себя возможно больших сил противника, не зависят непосредственно от плана румынской армии и могут развиваться или на Софию, что наиболее желательно, или [в] ином направлении с непременным условием наибольшей массы и наибольшей энергии. Совершенно в иных условиях находится содействие со стороны России. Наши силы находятся все в боевой линии, примыкающей левым флангом к Румынии, а потому, в случае той или иной формы помощи Румынии, мы должны заблаговременно знать план действий румынской армии, чтобы в зависимости от этого определить размер своих выделяемых для новой задачи сил и их направление. Наш посланник в Бухаресте сообщил [30] 17 января мне свой разговор с одним румынским генералом о румынском плане [2], и я [7 февраля] 25 января [за №] 498 [3] подробно объяснил нашему министру иностранных дел невозможность принять решение на таких неавторитетных и неопределенных данных. Мы предназначили для действия против Болгарии 10 дивизий, и в этом же размере может быть оказано содействие румынской армии, конечно, если план будет выработан совместно, принимая во внимание интересы румынской и русской сторон в равной степени. Удаление наших войск в Добруджу, как того настойчиво добиваются румыны, представляется нежелательным, ибо

---

[1] Маш. копия.

[2] См. стр. 108, прим. 1.

[3] См. № 159.

непомерно растягивает наш фронт, ослабляет нас на важнейших направлениях. Наиболее скорое и мощное содействие мы можем оказать на своем левом фланге, обеспечивая северную Молдавию.

Алексеев.

№ 208. Советник III политического отдела управляющему генеральным консульством в Индии Лисовскому.

Телеграмма № 631. 16/3 февраля 1916 г.

Сообщается почтой в Ташкент, Асхабад и Тифлис.

Копии в Тегеран, Мешед, Турбет и Бирджанд.

Здесь удалось разобрать два перехваченных в Мешеде шифрованных донесения из Кабула немецких агентов Нидермейера и Губера.

1) «26 октября были, наконец, любезно приняты эмиром. Более подробные переговоры состоятся лишь в будущем. Пока объяснения эмира не внушают больших надежд. Прошу скорее направить сюда турок и мою экспедицию».

2) «Считаю вполне возможным вовлечь Афганистан в войну, если прибудут сюда, примерно, тысяча турок с пулеметами и моя экспедиция. Быть может, потребуется предварительно внутренний переворот (вероятно, намек на устранение эмира). К войне здесь мало еще подготовлены, но мы готовы итти на самые крайние меры. Жандармерия должна безусловно сопровождать мою экспедицию от Исфагани до границы, так как все пути закрыты врагами: отсюда (т. е. из Кабула) пока на помощь рассчитывать нельзя».

Добавление для Калькутты:

Доведите об изложенном до сведения индийского правительства [1].

Клемм.

№ 209. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 119. 16/3 февраля 1916 г.

Телеграмма № 518 получена [2]

Нет сомнения, что непосредственный подарок от нас шаху в 100 000

---

[1] Препровождая при докл. записке Николаю II от 26/13 февр. публикуемые теллеграммы, «направленные германскими офицерами, находящимися в Афганистане, на имя бывшего германского посланника в Тегеране», Сазонов писал, что, несмотря на сдержанный прием, оказанный эмиром Нидермейеру и Губеру, «эти последние все же не потеряли надежду вовлечь Афганистан в войну с нами». На этой докл. записке имеется помета Николая II: «Так мало! Царская ставка, [28]15 февраля 1916 г.»

[2] См. № 186.

(рублей) пришелся бы очень кстати во всех отношениях, тем более что ежемесячная субсидия установлена совместно с англичанами (окончательно) [1]. Решаюсь отметить, что система открытых вымогательств и взяточничества начинает принимать небывалые даже в Персии размеры. Председатель совета министров совершенно не стесняется. В результате — недоразумения с ним из-за выгодной ему смены сочувствующих нам губернаторов и из-за других наших требований [2]. Он через третье лицо уведомил меня даже, что до удовлетворения его личных денежных к нам претензий он намерен тормозить все наши требования. Все основано у него на личной выгоде, и он в этом же направлении влияет на молодого шаха. Плохая репутация этого нашего ставленника быстро растет и может поставить сами миссии в неблаговидное положение. Едва ли это должно долго продолжаться; тем не менее нам целесообразно с настоящим кабинетом довести до конца переговоры о союзном договоре. Вследствие сего их было бы желательно ускорить. Прошу поэтому возможно скорейших указаний по существу письма от [27] 14 января с. г. [3].

Эттер.

№ 210. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 5 [4]. 16/3 февраля 1916 г.

Секретной телеграммой моей от [2 февраля] 20 января сего года за № 45 [5] я имел честь уведомить ваше высокопревосходительство о присоединении провинции Гуйчжоу к юнаньскому восстанию. Известие это не явилось здесь неожиданностью, так как уже и ранее действия гуйчжоуских властей представлялись весьма двусмысленными. Переход

---

[1] См. № 212.

[2] Тел. от 1 февр./19 янв. (без номера) вице-консул в Казвине Антипов сообщал Сазонову, что Ферман-Ферма требует у казвинского губернатора взятку в 500 томанов, грозя последнему, в противном случае, смещением. Антипов просил принять меры к оставлению губернатора, «за последнее время должным образом понявшего свою позицию относительно нас и оказывающего теперь необходимое содействие».

[3] См. № 92. Тел. от 17/4 февр. за № 126 Эттер сообщал Сазонову: «Ферман-Ферма, повидимому, понял свою оплошность и ныне раскаивается. От него получены благоприятные ответы на несколько наших требований. Коллеги его по кабинету высказали неудовлетворение его образом действий и намерение выйти из его состава. Пока уговорил их остаться».

[4] Лит. копия.

[5] Указанная тел. полностью изложена в публикуемом документе.

Гуйчжоу на сторону мятежников особо серьезного значения в военном отношении не имеет и может лишь произвести некоторое моральное впечатление.

В общем положение дел на юге продолжает оставаться весьма неопределенным и получаемые оттуда известия крайне противоречивы в зависимости от сообщающих их источников. Достоверно, однако, что одна бригада второй дивизии местных сычуанских войск примкнула к мятежникам и что последние заняли Лучжоу и два других города Сычуанской провинции.

Тем не менее не подлежит сомнению, что правительственным войскам удастся подавить восстание, если только остальные южные провинции в свою очередь не отложатся от Пекина. Главная слабость Юань Ши-кая заключается, как я неоднократно имел уже случай упоминать, в том, что он решительно не может положиться ни на чью верность и что все, как военные, так и гражданские, власти служат ему не из чувства долга и преданности, а лишь либо из-за денежных и иных выгод, либо из страха. Особо важное значение в этом отношении придается тому положению, которое будет занято нанкинским цзянь-цзюнем, генералом Фын Го-чжаном, который в глубине души не сочувствует восстановлению монархии и коего Юань Ши-кай сильно опасается. На-днях последовало назначение Фын Го-чжана главнокомандующим всеми силами, действующими против мятежников, и он был вызван в Пекин для установления плана дальнейших военных действий. Не подлежит сомнению, что действительной целью этого назначения является удаление Фын Го-чжана из Нанкина, причем его сумеют тем или иным способом сделать на новом посту менее опасным для центрального правительства.

В связи с подозрениями, которые возбуждает отношение Японии к происходящим ныне в Китае волнениям, является весьма симптоматическим тот факт, что в разговорах с некоторыми своими сотоварищами здешний японский посланник неоднократно возбуждал вопрос о том, что могло бы произойти в Китае в случае внезапного исчезновения со сцены Юань Ши-кая. При этом г. Хиоки высказывал мысль, что тогда, быть может, наилучшим исходом было бы восстановление монархии в пользу кого-либо из манчжурских князей, между коими он вскользь упоминал о князе Су, проживающем то в Дальнем, то в Японии и находящемся всецело под японским влиянием. Все это дает основание предположить, что японцы в своих будущих планах учитывают возможность удачного покушения на жизнь ненавистного им Юань Ши-кая и желали бы в таком случае воспользоваться этим, чтобы возвести на китайский престол своего ставленника, надеясь добиться

таким образом своей давнишней заветной цели — сделаться распорядителями судеб Срединной империи [1].

С глубоким почтением и пр.

Крупенский.

№ 211. Японский министр иностранных дел Ишии японскому послу в Петрограде Мотоно.

Телеграмма [2]. 16/3 февраля 1916 г.

Продолжение моей телеграммы за № 91 [3].

Что касается вопроса о сближении между двумя государствами после войны, то русские власти... вели конфиденциальные переговоры по этому поводу, а императорское правительство, как выше изложено, не задумалось принять столь чрезвычайное решение, как относительно уступки абсолютно необходимого нашим войскам оружия. В такой момент, когда мы желаем еще более укрепить дружественные отношения между двумя государствами, мы не должны отклонять нового соглашения с Россией, однако мы убеждены, что нет надобности для этого ждать окончания войны.

Императорское правительство полагает, что необходимо притти к соглашению относительно официального договора (сравни мою телеграмму за № 92), а также относительно секретного договора (сравни мою телеграмму за № 93) [4], но принимая во внимание характер предстоящих переговоров, желательно, чтобы вы о них сообщили русскому министерству иностранных дел, как о вашем частном проекте, получившем санкцию императорского правительства, и чтобы они были положены в основание обмена мыслей по этому поводу.

Если у вас возникнут сомнения или особые взгляды относительно проекта договоров, то я прошу вас мне телеграфировать раньше, чем начать переговоры. Что же касается всех других вопросов, кроме вопроса о договорах, то нет надобности, чтобы они были подняты обязательно одновременно с вопросом о договорах, и нет препятствий к открытию общих переговоров по всем другим вопросам.

---

[1] Тел. от 16/3 февр. за № 63 Малевский сообщил, что в «откровенном» разговоре с ним Ишии высказал мнение, что «дела в Китае принимают с каждым днем все более серьезный оборот, вследствие чего теперь может итти речь не столько о провозглашении Юаня императором, сколько вообще о его положении во главе республики».

[2] Тел. расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.

[3] Ср. № 203.

[4] Набраны неразобранным японо-французским шифром. [Прим. оригинала.]

Хотя и тот и другой вопросы исходят из желания содействовать сближению между Японией и Россией, но ввиду различного характера этих вопросов их следует отделить друг от друга, и поэтому, когда дело дойдет до обсуждения указанных других вопросов, вы можете сделать русским конфиденциальное сообщение, что вы имеете, кроме того, секретные инструкции относительно вопросов о союзе, и объяснить, что оба вопроса между собой тесно связаны.

№ 212. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 70. 17/4 февраля 1916 г.

A telegram has been received from Sir E. Grey regarding the proposal to allow the Shah a personal monthly subsidy, unconnected with the Civil List, which formed the subject of the aide-mémoire of the Imperial Ministry for Foreign Affairs, № 77 of January 30/17 last [1].

From this telegram it appears that His Majesty's Government are prepared to guarantee to the Shah the payment of a monthly subsidy of 15 000 tomans on the following conditions:

1. This subsidy shall replace the eventual addition to the Civil List which was proposed earlier with the same object.

2. The subsidy shall only be paid if the Persian Treasury are unable to provide the money themselves.

3. The Russian Government agree to pay their share of the subsidy.

In the opinion of His Majesty's Government the payment of this personal monthly subsidy will not, in practice, prove more onerous to the two Governments than the guarantee they were prepared to offer regarding the Civil List, as they would undoubtedly have been called upon to pay the full amount of that guarantee every month.

As regards the question of the Crown Jewels, it appears from a telegram from His Majesty's Minister at Tehran that the Shah only wishes to retain those which are for His Majesty's personal wear and not those in use on ceremonial occasions. The former Jewels are however, as much the property of the Persian State as the latter, and Sir E. Grey agrees with Mr. Marling in considering that the Shah's proposal to retain them should be refused.

---

[1] В указанной пам. записке Сазонов передавал англ. пос-ву в Петрограде содержание тел. Эттера за № 75 (см. стр. 190, прим. 2) и запрашивал англ. прав-во, как оно относится к просьбе шаха.

Перевод.

От сэра Э. Грея получена телеграмма, касающаяся предложения назначить шаху персональную месячную субсидию независимо от цивильного листа, о котором идет речь в памятной записке императорского министерства иностранных дел от 30/17 января за № 77.

Из этой телеграммы явствует, что правительство его величества готово обеспечить шаху выплату ежемесячной субсидии в 15 000 томанов на следующих условиях:

1. Эта субсидия заменит возможную добавку к цивильному листу, которая была предложена ранее с той же целью.

2. Субсидия будет выплачиваться только в том случае, если само персидское казначейство не в состоянии изыскать средства.

3. Российское правительство соглашается уплачивать свою долю этой субсидии.

По мнению правительства его величества выплата этой персональной ежемесячной субсидии на практике не окажется для обоих правительств более обременительной, чем обеспечение, которое они были готовы предложить в отношении цивильного листа, так как им пришлось бы без сомнения выплачивать всю сумму этого обеспечения каждый месяц.

Что же касается вопроса о драгоценностях, принадлежащих короне, то из телеграммы посланника его величества в Тегеране явствует, что шах желает сохранить за собою только те из них, которые носит он сам, но не те, которые предназначаются для торжественных церемоний. Однако первые драгоценности являются такой же собственностью персидского государства, как и вторые, и сэр Э. Грей согласен с мнением г. Марлинга, что предложение шаха о сохранении их за ним должно быть отклонено.

№ 213. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 65. 17/4 февраля 1916 г.

Копия в Париж.

Ваша телеграмма № 591 получена[1].

Считаю долгом выразить с полной уверенностью мнение, что привлечение лондонскаго рынка к участию в новом внутреннем займе совершенно невозможно. На прошлой неделе английское правительство, считая необходимым оградить местный рынок от ослабления, приказало вывесить на лондонской бирже объявление о том, что всякий перевод денег из Англии во Францию и Россию для помещения их в займах является противным национальным интересам. Разрешение, данное в конце прошлого года, на открытие в Лондоне подписки на французский военный заем, объясняется тем, что выручка предназначалась на расходы в Англии и, как говорят, обращена на покрытие долгов Франции английскому казначейству. Общий смысл

[1] См. № 199.

вчерашней речи первого министра вполне подтверждает крайне серьезное значение, которое придается английским правительством всемерной экономии в расходовании средств страны, ввиду тяжелых обстоятельств, при которых открывается новый бюджет.

Бенкендорф.

№ 214. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 168. 17/4 февраля 1916 г.

Ссылаюсь на мой № 162 [1].

Соннино говорил мне сегодня, что опасения итальянского генерального штаба основаны на факте скопления на итальянской границе значительного числа швейцарских войск. Штаб не думает, что Швейцария выступит против союзников, но что немецкая ее часть отнесется сочувственно к проходу германских или австрийских войск через Швейцарию. В этом отношении, по мнению Соннино, последний скандал принесет, быть может, пользу, предупредив немецкую Швейцарию, насколько подобное отношение к нарушению немцами нейтралитета ее отразится на вопросах внутренней торговли республики.

Гирс.

№ 215. Посол в Токио министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 68 [2]. 17/4 февраля 1916 г.

Прошу вас повергнуть к стопам его императорского величества выражение моей верноподданнейшей благодарности за оказываемую мне высочайшую милость [3]. Вместе с тем прошу вас довести до сведения государя императора нижеследующее: Опасаюсь как бы мое внезапное отозвание не было истолковано в Японии как изменение той политики, которую императорское правительство преследовало здесь по высочайшей воле в течение последних восьми лет, имевшей главной целью укрепление дружеских связей между обеими державами.

[1] В тел. от 16/3 февр. за № 162 Гирс сообщал Сазонову: «Вопрос о швейцарских полковниках, обвиняемых в сообщении военных сведений Германии, производит здесь сильное впечатление. Итальянские военные сферы допускают, при таковом настроении швейцарского генерального штаба, возможность нарушения немцами нейтралитета Швейцарии. Соннино лично не разделяет, однако, этих опасений».

[2] Тел. бланк.

[3] Тел. от 15/2 февр. за № 601 Сазонов извещал Малевского, что в ближайшее время он будет отозван из Японии с оставлением его гофмейстером и сенатором,

Во избежание такого неправильного заключения осмеливаюсь полагать, что было бы желательно подготовить в течение некоторого времени японское общественное мнение к моему уходу и придать последнему характер назначения в высшее законодательное учреждение империи, что было бы понято здесь как одобрение государем императором моих стараний выполнить высочайшую волю [1]. Прошу вас равным образом не отказать доложить его императорскому величеству, что моей службе царю и отечеству исполнится в текущем месяце 35 лет, что я уже 11 лет сенатором и 8 лет состою представителем его императорского величества в Японии. Назначение мое в государственный совет было бы высшей наградой за мою деятельность в Японии, куда я прибыл при весьма натянутых отношениях между Россией и Японией, которые сделались столь дружественными за последние годы, что ныне близки к союзу.

Лично приношу вам глубокую благодарность за содействие и намерение испросить мне орден [2].

Малевский.

№ 216. Японский министр иностранных дел Ишии японскому послу в Петрограде Мотоно.

Телеграмма [3]. 17/4 февраля 1916 г.

16 февраля французский посол мне вручил следующее предложение [4]:

«Французское правительство рассмотрело вопрос, какие меры следовало бы принять с целью установления определенной экономической политики после войны. Ввиду того, что Франция принадлежит к Согласию, французское правительство сделало предложение созвать в Париже конференцию министров торговли и промышленности союзных государств или их представителей. На этой конференции будут

[1] Тел. от 21/8 февр. (расшифрованной и переведенной с японского в росс. м-ве ин. дел) Мотоно сообщал Ишии: «Разногласие во взглядах между русским послом в Токио и русским министром иностранных дел служило предметом обсуждения со стороны русского правительства. Как я заключаю по словам министра иностранных дел, главная причина отозвания посла заключается в том, что он в последнее время не выполнял инструкций министра иностранных дел».

[2] 15/2 февр. Сазонов телеграфировал Крупенскому за № 597 о назначении его в ближайшее время послом в Токио. Тел. от 9 марта /25 февр. за № 964 Сазонов известил директора дипл. канцелярии при Ставке Н. Кудашева о состоявшемся накануне назначении его посланником в Пекин.

[3] Тел. расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.

[4] См. № 161.

обсуждаться вызванные войной международные вопросы экономического характера и способы объединения экономических мер союзных государств. Между прочим одной из предполагаемых задач конференции будет изучение способов вытеснения союзниками и нейтральными державами наших противников из Азии.

Россия и Италия уже выразили свое согласие, английское правительство еще не дало формального ответа. Желательно, чтобы императорское правительство приняло участие в конференции и оказало бы поддержку союзникам, с целью прекращения политической и экономической деятельности Германии на Дальнем Востоке»[1].

Передайте эту телеграмму нашим послам в Париже, Риме и Лондоне, последнему с инструкцией выяснить взгляды английского правительства на этот вопрос[2].

№ 217. Памятная записка японского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

18/5 февраля 1916 г.

Depuis le commencement de la conflagration générale en Europe, le gouvernement impérial a donné maintes preuves des sentiments de la plus sincère sympathie qui l'animent à l'égard de la Russie, notamment: (1) en garantissant la sécurité des territoires russes en Extrême Orient, il lui a permis de dégarnir ses frontières asiatiques et de concentrer toutes ses forces en Europe; (2) il a cédé à la Russie des armes et des munitions au dépens même de la défense nationale; (3) il a consenti à l'émission des bons du Trésor russe[3], sans précédent dans le monde financier du Japon, contrairement à ses propres convenances.

Etant données ces circonstances, le gouvernement japonais pouvait à juste titre s'attendre à un traitement sincèrement amical de la part du gouvernement russe. Or, certaines mesures prises par la Russie concernant les droits de douane en Extrême Orient et certaines innovations dans le sens restrictif apportées au régime concernant le droit de pêche des Japonais dans les eaux russes ont porté des préjudices très graves aux commerçants et aux pêcheurs japonais. Ces dispositions de la Russie qui ne répondaient pas aux sentiments du Japon commençaient à faire

---

[1] В оригинале заключительные кавычки опущены.

[2] Тел. от 17/4 февр. за № 66 Малевский сообщил, что франц. посол передал накануне барону Ишии «приглашение японскому правительству участвовать в экономическом совещании в Париже. Барон Ишии обещал обсудить вопрос с должным вниманием».

[3] См. стр. 145, прим. 1.

naître des inquiétudes très sérieuses dans le sein du gouvernement impérial et de la méfiance dans le public japonais.

La visite de son altesse impériale le grand duc George Mikhaïlovitch, représentant de sa majesté l'empereur de Russie à la famille impériale du Japon, a été un très heureux événement qui a eu notamment l'effet de faire renaître de la confiance et de l'espoir dans l'esprit de tous les Japonais en ce qui concerne les relations futures du Japon et de la Russie. Mais le raffermissement des bonnes relations entre deux pays devant avoir pour fondement les sentiments de sincère amitié de part et d'autre, le gouvernement impérial aime à espérer vivement que le gouvernement russe voudra bien faire un pas en avant dans la manifestation de ses bonnes dispositions à l'égard du Japon.

En conséquence, l'ambassadeur du Japon est chargé d'exposer franchement à son excellence Mr. le ministre des affaires étrangères de Russie la manière de voir du gouvernement impérial, en réponse aux sentiments si amicaux que Mr. Kozakoff a bien voulu communiquer au baron Ishii de la part de son excellence Mr. Sazonow [1].

Le gouvernement impérial croit donc devoir tout d'abord demander au gouvernement russe de vouloir bien accorder certaines satisfactions aux intéressés japonais en ce qui concerne les deux questions du tarif douanier et du droit de pêche dans les eaux russes.

Mr. Kozakoff a, dans sa conversation avec le baron Ishii, fait espérer que la question de la cession de l'embranchement Kharbine—Changchun pourrait être examinée dans certaines éventualités. L'embranchement susmentionné, laissé à la Compagnie du chemin de fer chinois de l'Est lors des négociations concernant la cession du [chemin de] fer sudmandchourien, est certainement une anomalie qui tôt ou tard devra disparaître, cette ligne se trouvant en majeure partie dans la sphère d'influence japonaise. Si donc le gouvernement russe pouvait céder au Japon cet embranchement dans des conditions convenables, le gouvernement impérial y verra le signe manifeste de la reconnaissance par le gouvernement russe des sentiments d'amitié que le gouvernement impérial a témoigné et de l'aide qu'il n'a cessé de donner jusqu'à présent à la Russie. Le ministre des affaires étrangères du Japon est persuadé que si cette question pouvait être réglée d'une manière satisfaisante les craintes du peuple japonais à l'égard de la Russie seront complètement dissipées et les reproches du parlement sur l'attitude du gouvernement japonais à l'égard de la Russie n'ayant plus leur raison d'être, l'autorité militaire pourra trouver le moyen de satisfaire au désir de la Russie jusqu'à certain point

[1] См. № 245.

pour ce qui concerne la question de la fourniture des armes à la Russie, posée à nouveau lors de la visite de son altesse impériale le grand duc George Mikhaïlovitch [1].

Dans le cas où le gouvernement russe pouvait accéder aux demandes ci-dessus exposées, le gouvernement impérial du Japon est tout disposé à discuter et à conclure un traité d'alliance avec la Russie et dont l'idée a été souvent suggérée par le gouvernement russe.

L'ambassadeur du Japon étant autorisé par son gouvernement à entrer en négociation avec le gouvernement russe sur les questions susmentionnées, le Baron Motono serait très reconnaissant à son excellence le ministre des affaires étrangères s'il voulait bien lui faire connaître les vues du gouvernement russe sur ce sujet.

Перевод.

Со времени возникновения европейского пожара императорское правительство давало неоднократно доказательства своих чувств искренней симпатии по отношению к России, а именно: 1) гарантируя безопасность русских территорий на Дальнем Востоке, оно позволило ему обнажить свои азиатские границы и сконцентрировать все свои силы в Европе; 2) оно уступило России оружие и боевые припасы даже в ущерб национальной обороноспособности; 3) оно согласилось на выпуск русских казначейских бон — факт, не имеющий прецедента в финансовом мире Японии и в ущерб ее собственным интересам.

Ввиду этих обстоятельств японское правительство могло, по справедливости, рассчитывать на искреннее дружеское отношение российского правительства. Однако некоторые меры, принятые Россией в отношении таможенных пошлин на Дальнем Востоке, и некоторые нововведения ограничительного характера в режиме, касающемся права рыболовства Японии в русских водах, нанесли большой ущерб японским купцам и рыбопромышленникам. Такие мероприятия России, не отвечающие чувствам Японии, начали порождать весьма серьезную тревогу у императорского правительства и чувство недоверия в общественном мнении Японии.

Посещение его императорского высочества великого князя Георгия Михайловича, представлявшего в императорской семье Японии особу его величества императора российского, было весьма счастливым событием, а именно: результатом его явилось возрождение доверия и надежд всех японцев касательно будущих отношений между Японией и Россией. Но поскольку утверждение добрых отношений между двумя странами должно иметь в основе искренние дру-

[1] В тел. Ишии Мотоно от 17/4 февр. (расшифрованной и переведенной с японского в росс. м-ве ин. дел) сообщалось следующее: «В случае, если Россия действительно согласится на уступку железной дороги между Чанчунем и Харбином, наши военные власти кроме 20 000 000 патронов, на поставку которых они недавно выразили согласие великому князю, готовы дать еще из арсеналов 120 000 винтовок... и 60 000 000 патронов... После того, как Россия согласится на уступку железной дороги, вы можете заявить русским властям о вышеприведенном решении императорского правительства относительно поставки военных материалов».

жеские чувства с обеих сторон, императорское правительство хотело бы надеяться, что российское правительство пойдет навстречу, проявив свое доброе расположение по отношению к Японии.

Вследствие вышеизложенного, японскому послу поручено откровенно изложить его превосходительству российскому министру иностранных дел взгляд императорского правительства в ответ на столь дружеские чувства, которые соблаговолил выразить г. Козаков барону Ишии от имени его превосходительства г. Сазонова.

Императорское правительство считает, что оно должно прежде всего просить российское правительство дать некоторое удовлетворение японским интересам в том, что касается двух вопросов: таможенного тарифа и права рыбной ловли в русских водах.

Г. Козаков в беседе с бароном Ишии подал надежду, что вопрос об уступке железнодорожной ветки Харбин — Чанчун может быть рассмотрен при наличии некоторых обстоятельств. Сохранение вышеуказанной ветки за компанией Китайско-Восточной железной дороги, что было решено во время переговоров относительно уступки Южно-Манчжурской [жел. дороги], является, конечно, аномалией, которая должна рано или поздно исчезнуть, так как бóльшая часть этой линии находится в японской сфере влияния. Следовательно, если российское правительство могло бы уступить Японии эту ветку на подходящих условиях, императорское правительство увидело бы в этом явное свидетельство признания российским правительством дружественных чувств, проявленных императорским правительством, и помощи, которую оно не переставало до настоящего времени оказывать России. Японский министр иностранных дел убежден, что если бы этот вопрос мог быть урегулирован удовлетворительным образом, недоверие японского народа по отношению к России было бы совершенно рассеяно и, поскольку парламент не имел бы больше оснований упрекать японское правительство за его позицию по отношению к России, военные власти сумели бы изыскать средства, дабы удовлетворить до некоторой степени желание России в вопросе о снабжении ее оружием, который вновь был поставлен во время приезда его императорского высочества великого князя Георгия Михайловича.

В случае, если российское правительство могло бы согласиться на вышеизложенные просьбы, императорское правительство Японии вполне расположено обсудить и заключить союзный договор с Россией, мысль о котором часто выдвигалась российским правительством.

Так как японский посол уполномочен своим правительством войти по вышеуказанным вопросам в переговоры с российским правительством, барон Мотоно был бы весьма признателен его превосходительству министру иностранных дел, если бы он ознакомил его со взглядами российского правительства по этому предмету.

№ 218. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

18/5 февраля 1916 г.

Японский посол посетил министра иностранных дел и передал С. Д. Сазонову ноту, в которой японское правительство изъявило свое согласие вступить в переговоры о заключении союза с Россией [2].

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 9.

[2] См. № 217.

№ 219. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 113. 18/5 февраля 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Только-что виделся с Брианом, который сказал мне, что он очень доволен своей поездкой в Рим [1]. Ближайшим ее результатом будет приезд в Париж итальянских министров и... и участие их в предстоящей военно-политической конференции, программа коей определяется следующим образом: подробное рассмотрение союзниками имеющихся в распоряжении каждого из них военных средств, т. е. количества войск, вооружений и снарядов и т. д., и установление общего и согласованного плана наступательных действий на всех фронтах. Сперва, т. е. в конце текущего месяца нового стиля, состоится военный совет союзников для разработки специально военных вопросов. Затем, вероятно, в первой половине марта того же стиля, соберется военно-политическая конференция, в которой с итальянской стороны примут участие г. Саландра и, может быть, генерал Кадорна. Итальянское правительство не отказывается от участия в дальнейших подобных же конференциях, но каждый раз с определенной программой. (Переход)я к общим своим впечатлениям, Бриан сказал, что кабинет г. Саландра показался ему несколько боязливым, несмотря на то, что положение его, повидимому, вполне обеспечено от опасности со стороны нейтралистов. Бриан придает очень серьезное значение воспрещению торговли между Италией и Германией [2], поднесенному ему, по его выражению, в виде «don de joyeuse arrivée»[3]. Формальное объявление войны Германии в Риме продолжают считать сейчас бесцельным, но оно не исключено в будущем. Из поездки на итальянский фронт Бриан вынес впечатление, что Италия делает весьма напряженное военное усилие, пока что ей приходится бороться с чрезвычайными трудностями. Что касается участия ее в балканской войне, то оно выразится лишь в согласованном с действиями союзников походе итальянцев из Валоны, на посылку же каких-либо войск в Салоники рассчитывать нельзя, да и нет особой надобности [4].

---

[1] См. № 170.

[2] Имеется в виду итал. закон от 4 февр./22 янв. 1916 г., воспрещавший ввоз герм. товаров в Италию и ее колонии.

[3] «приветственного дара по поводу радостной встречи».

[4] Тел. от 16/3 февр. за № 24 Трубецкой запрашивал Гирса (копия в м-во), намерены ли итальянцы эвакуировать Дураццо. Тел. от 18/5 февр. за № 170 Гирс сообщил, что «вопрос о Дураццо и вообще о Балканах специально не обсуждался при посещении Бриана, но, несомненно, он будет обсуждаться на Парижской

В заключение Бриан сказал, что, по имеющимся у него сведениям, пребывание его в Риме произвело в Германии тяжелое впечатление.

Извольский.

№ 220. Представитель Ставки при штабе французского главнокомандующего начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву.

Телеграмма № 61. 18/5 февраля 1916 г.

Копия сообщена в министерство иностранных дел.

Программа совещания еще не доставлена [1], и, вероятно, опоздает, но из разговора с генералом Жоффром я знаю, что предложена будет отсрочка общего наступления всех союзных армий под тем предлогом, что некоторые армии не готовы в смысле укомплектования и снабжения военным материалом. В это число включат и нашу армию. Я полагал бы настаивать на общем и безотлагательном наступлении. Наша армия уже начала наступление еще в декабре и постепенно его продолжает, и речь может итти только о большем нажиме на юг и начале наступления западного и северного фронтов и наступлении на Румынию [2]. Прошу дать мне указания по телеграфу и сообщить, к какому сроку наша армия будет вполне готова, укомплектована и снабжена и признается возможным начать наступление. Из таких же разговоров предвижу еще другую постановку генералом Жоффром вопроса о наступлении. Французская армия ввиду недостатка людей должна избегать потерь и только притягивать на себя возможно большее число немцев, а наступать должны на западноевропейском фронте только англичане и итальянцы. Генерал Хейг обещал Жоффру начать энергичное наступление на английском фронте в половине апреля нового стиля, но насколько на это можно полагаться, не знаю, ибо в настоящее время, несмотря на грозящую атаку немцев в Шампани и Вевре, Хейг отказался содействовать обороне французов своим наступлением, ссылаясь на не(гото)вность английских войск для наступления.

конференции», а тел. от 1 марта/17 февр. за № 212 Гирс передал полученное им известие о состоявшейся эвакуации Дураццо, причем итал. войска были перевезены в Валону.

[1] Тел. от 17/4 февр. за № 60 Жилинский сообщал Алексееву, со слов ген. Жоффра, что совещание военных представителей союзников назначено на 1 марта/17 февраля. Жоффр просил Жилинского иметь к этому дню сведения о положении и численности русской армии и о запасе военных материалов, для сообщения их совещанию.

[2] Так в оригинале.

Согласятся ли наступать итальянцы, если французы останутся в траншеях, я не знаю, и это выяснится на конференции. С другой стороны, если ожидаемая атака немцев в районе Вердена и Шампани и состоится и французы понесут большие потери или отступят, то это послужит новым предлогом для отсрочки общего наступления. В случае нападения немцев на Румынию, генерал Жоффр считает обязательным нашу активную помощь Румынии, но это не выведет его из бездействия на французском фронте, а наступление из Салоник он признает возможным только в тех условиях, о которых я вам сообщил раньше [1]. Но в поездку Бриана в Рим уже выяснилось, что итальянцы наступать из Валоны внутрь Балканского полуострова решительно отказались. По всем этим предположениям, основанным на секретах Жоффра, я желал бы получить указания.

Жилинский.

№ 221. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 96. 18/5 февраля 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 84 [2].

Греческое правительство вручило нам [17] 4 февраля ноту в ответ на наше коллективное ему сообщение от [13 февраля] 31 января относительно отправки черногорцев на Корфу. Принимая наши сообщения к сведению, и хотя численность черногорских солдат, не положивших оружия, крайне, по его известиям, ограничена, греческое правительство все же принуждено настаивать на точке зрения относительно высадки иностранных войск согласно заявлению ноты [13 января 1916 г.] 31 декабря минувшего года, телеграмма моя № 743 [3].

Демидов.

№ 222. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 74. 19/6 февраля 1916 г.

A copy of a telegram addressed by Sir E. Grey to His Majesty's Minister at Tehran on the subject of the proposed alliance with Persia has been received by His Majesty's Embassy.

---

[1] См. № 111.

[2] Тел. от 13 февр./31 янв. за № 84 Демидов сообщал о вручении посланниками союзных держав коллективной ноты греч. прав-ву об отправке черногорцев на Корфу.

[3] См. т. IX, № 754.

In this telegram Sir E. Grey informs Mr. Marling that he cannot well offer any observations on the subject until he learns whether the Russian Government approve of the counter-draft put forward by the Russian Minister at Tehran[1] and whether they agree to the amendment of Articles 3[2] and 7 in the sense of the Embassy aide-mémoire № 61 of February 8/January 26[3].

Sir E. Grey goes on to instruct Mr. Marling, in the event of the Russian Government agreeing to the draft, to concert with his Russian colleague in elaborating a definite counter-draft for communication to the Persian Government and to bear in mind the following considerations.

Article 1 should preferably be for more than one year. His Majesty's Government consider that a treaty should be concluded at once embodying all those articles which can be conceded without delay and deferring debatable points for a later agreement after the war. The treaty to be now concluded should contain a clause formally cancelling any agreements made between the Persian Government and any enemy Power since August 1914 and binding the Persian Government not to conclude any such agreements while the treaty is in force, which should be until a further more durable treaty with Persia takes its place. His Majesty's Government think it would probably be necessary to subsidize the Persian Government until revenue from other sources comes in.

As regards Article 2, the Russian counter-draft scarcely appears to cover the necessary ground since it does not empower His Majesty's Government to punish the rebellious Khans. Should they later decide on taking punitive measures themselves, His Majesty's Government would be open to the charge of interfering with the internal affairs of Persia in an unfriendly way. Since the proposed treaty can hardly include an undertaking to leave His Majesty's Government liberty of action in this matter, it is suggested that such an undertaking should form the subject of a separate agreement. Sir E. Grey does not, however, wish to press this point if Mr. Marling considers that British freedom of action is assured.

---

[1] См. приложение к № 92.

[2] В оригинале, очевидно, ошибка; имеется в виду ст. 2 (см. прим. 3).

[3] В пам. записке англ. пос-ва от 8 февр./26 янв. за № 61 указывалось, что, ознакомившись с контр-проектом посланников, Грей считает нужным внести изменение в ст. 2, а именно не упоминать об увеличении казачьей бригады и о формировании англичанами войск на Юге, так как перс. прав-во может посмотреть на это, как на раздел Персии. Относительно ст. 7 Грей считал, что она «предоставляет союзным правительствам полную возможность достижения желательных результатов, не вдаваясь в договоре в какие-либо подробности относительно того, как деньги будут расходоваться».

As regards Article 7 of the Russian Minister's draft, it appears doubtful whether a mixed Commission enjoying no more definite powers than those laid down in that article could secure the result contemplated in Article 2. It might be possible to meet this difficulty by omitting from Article 2 all the words from «which is» to the words «south» and by substituting a sentence giving to the mixed Commission a power of control over the constitution of the force, while leaving Article 7 to provide for the control over military subventions.

As regards Article 8, His Majesty's Government recognize that the control of the expenditure of the general subsidy is not practical but they consider that the military expenditure should be controlled by the Russian and British officers employed.

Перевод.

Копия телеграммы, отправленной сэром Э. Греем посланнику его величества в Тегеране по вопросу о союзе с Персией, была получена посольством его величества.

В этой телеграмме сэр Э. Грей уведомляет г. Марлинга, что он не в состоянии высказать каких-либо соображений по этому вопросу, пока он не будет знать, одобряет ли российское правительство контр-проект, выдвинутый российским посланником в Тегеране, и согласно ли оно с поправками к статьям 3 [1] и 7 в смысле памятной записки посольства от 8 февраля/26 января за № 61.

В случае согласия российского правительства с проектом, сэр Э. Грей даст инструкции г. Марлингу, чтобы он выработал совместно с его русским коллегой окончательный контр-проект для сообщения персидскому правительству, имея в виду следующие соображения.

Предпочтительно, чтобы ст. 1 была в действии более чем в течение одного года. Правительство его величества считает, что договор должен быть заключен теперь же и должен включить все те статьи, на которые можно согласиться без промедления, оставляя вопросы, подлежащие обсуждению, для позднейшего соглашения после войны. Заключаемый ныне договор должен содержать условие о формальном аннулировании всех соглашений, заключенных между персидским правительством и любой неприятельской державой, начиная с августа 1914 г., и об обязательстве персидского правительства не заключать таких соглашений за время действия договора, который должен действовать до тех пор, пока его не заменит последующий, более длительный договор с Персией. Правительство его величества полагает, что, вероятно, необходимо будет субсидировать персидское правительство до получения им доходов из других источников.

Что касается ст. 2, то русский контр-проект, повидимому, не охватывает с необходимой широтой всего вопроса, так как не дает права правительству его величества карать мятежных ханов. Если в дальнейшем оно решит само применить карательные меры, то правительство его величества может подвергнуться обвинению в недружелюбном вмешательстве во внутренние дела Персии. Так как предлагаемый договор вряд ли может включить постановление, предоставляю-

[1] В оригинале, очевидно, ошибка; имеется в виду ст. 2.

щее правительству его величества свободу действий в этих вопросах, то предлагается, чтобы такого рода постановление составило предмет отдельного соглашения. Однако сэр Э. Грей не хочет настаивать на этой точке зрения, если г. Марлинг считает, что свобода действий Англии обеспечена.

Что касается ст. 7 проекта российского посланника, то представляется сомнительным, может ли смешанная комиссия, не обладающая более определенными правами, чем те, которые изложены в этой статье, обеспечить достижение результатов, заключающихся в ст. 2. Может быть, оказалось бы возможным обойти эту трудность, опустив в ст. 2 всю фразу от слов «имеющей быть» до слова «южных» и заменив ее фразой, признающей за смешанной комиссией право контроля над сформированием воинских частей, и оставить ст. 7, предусматривающую контроль над военными субсидиями.

Что касается ст. 8, то правительство его величества признает, что контроль над расходованием общей субсидии нецелесообразен, но считает, что военные расходы должны контролироваться назначенными русскими и британскими офицерами.

№ 223. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 69. 19/6 февраля 1916 г.

Копия в Париж.

Ваши телеграммы № № 313 [1] и 405 [2] получены.

Грей конфиденциально запросил английского посланника в Христиании, суждениям которого он вполне доверяет, справедливо ли известие об опасениях Норвегии и данном ею Швеции предупреждении. Посланник ответил, что в Норвегии возможность выступления Швеции против союзников считается несомненной, но пока еще отдаленной [3]. Норвегия очень дорожит своим нейтралитетом и поэтому указание, хотя бы в самой осторожной и предположительной форме, на помощь со стороны союзников могло бы быть понято, как желание вовлечь Норвегию в войну. Посланник поэтому думает, что не настало еще время для воздействия со стороны Англии на Норвегию в указанном вашей телеграммой № 413 [4] смысле. О тех или иных переменах в настроении правительства и страны он будет осведомлять во-время и предупредит, если возникнет политическая обстановка, вызываю-

[1] См. № 114.

[2] См. стр. 174, прим. 3.

[3] В пам. записке франц. пос-ва в Петрограде от 19/6 февр. была передана Сазонову беседа франц. посланника в Христиании с норвежским м-ром ин. дел Иленом. На запрос посланника, разделяет ли Илен распространенное в Норвегии мнение, что в случае мобилизации Швеция концентрирует часть своих войск на норвежской границе, он ответил, что эта возможность предусматривается и что «приняты меры, чтобы ей парировать». По мнению Илена, мобилизация Швеции содержала бы в себе угрозу неприкосновенности Норвегии.

[4] В оригинале ошибка: тел. за № 413 адресована Нератовым в Одессу; следует читать: «№ 313» (см. № 114).

щая определенное воздействие на Норвегию. Грей разделяет эту точку зрения и поэтому считает переговоры с Норвегией пока преждевременными [1].

Бенкендорф.

№ 224. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 115. 19/6 февраля 1916 г.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 508 [2].

Прошу ответа по телеграфу.

Бриан уведомил меня, что до сего времени черногорскому правительству Францией и Англией выплачено пособие лишь за один месяц, т. е. всего 800 000 франков. Ныне, однако, возник вопрос, в каком размере уплачивать пособие черногорскому правительству, перебравшемуся во Францию, на содержание королевской семьи, незначительной королевской стражи, нескольких чиновников и беженцев, а также небольшого дипломатического корпуса [3].

После подробного рассмотрения этих нужд Франция и Англия решили согласиться на уплату Черногории ежемесячно по 400 000 франков, пополам каждой из этих держав с тем, чтобы выплаченная таким образом сумма по окончании войны на основании прежних соглашений была распределена в равных долях между Россией, Францией и Англией. Бриан просит меня осведомиться, одобряет ли императорское правительство это предложение. Что же касается расходов по содержанию маленького черногорского отряда на Корфу, то они будут отнесены на общий счет издержек по содержанию сербской армии и затем распределены, как выше указано [4].

Извольский.

[1] Тел. от 21/8 февр. за № 709 Сазонов сообщал Бенкендорфу и Извольскому: «Если даже время для переговоров с самой Норвегией еще не настало, считаю необходимым ныне же выяснить между союзниками, какие предложения в смысле военной поддержки могут быть сделаны Норвегии, когда это понадобится».

[2] Тел. от 11 февр./29 янв. за № 508 Нератов запросил Извольского и Бенкендорфа, была ли начата выплата Черногории пособия, о котором сообщал Извольский в тел. от 9 дек./26 ноября 1915 г. за № 798 (см. т. IX, № 475). Со своей стороны, росс. м-во ин. дел высказывалось за желательность «ограничить на будущее выплату содержанием черногорского отряда на Корфу применительно к расходу на сербское войско».

[3] Тел. от 16/3 февр. за № 14 Иславин сообщил, что Миушкович передал франц. прав-ву ходатайство Черногории о получении ежемесячной субсидии в размере от 300 до 400 тыс. фр. на содержание двора, должностных лиц и беженцев.

[4] Ответ Сазонова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

№ 225. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 176. 19/6 февраля 1916 г.

Ссылаюсь на мои телеграммы № № 166 [1] и 167 [2].

Не возражая против поездки Эсада на Корфу, Соннино вчера все же заявил французскому послу, что он не может согласиться на перевозку итальянскими судами албанских отрядов на остров, так как, помимо нежелательности водворить этот беспокойный элемент на Корфу, он находит, что ввиду несколько привилегированного положения, предоставленного Италии в Албании Лондонским протоколом, место албанских отрядов, если они действительно окажутся, скорее в Италии. Полагаю, что замечание Соннино вызвано слишком усердными настояниями Пашича, возбуждающими здесь лишь подозрение в его стремлении заручиться Албанией [3].

Гирс.

№ 226. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 101 [4]. 19/6 февраля 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Председатель совета министров жаловался французскому посланнику на только-что состоявшиеся новые нарушения греческого нейтралитета; во-первых, высадка английского отряда на Хиосе и задержание 6 лиц, среди которых, кроме австро-германских вице-консулов,

---

[1] В тел. от 17/4 февр. за № 166 Гирс сообщил, со слов Соннино, что Эсад обратился к итал. прав-ву с просьбой доставить его и оставшихся верными ему албанцев на Корфу. «Соннино предпочел бы, чтобы Эсад ушел лишь при эвакуации Дураццо итальянцами».

[2] Тел. от 17/4 февр. за № 167 Гирс передал сообщение, сделанное ему англ. послом, что «его правительство высказывается против доставки Эсада и его албанцев на Корфу, опасаясь раздражить греков», и полагает, что следует направить Эсада в Валону.

[3] Тел. от 19/6 февр. за № 117 Извольский, сообщая о полученных от Баррера сведениях, что итал. прав-во высказывается против доставки Эсада и албанцев на Корфу и настаивает на перевозке их в Италию, передал мнение Ж. Камбона, что «нет никакого основания итти в этом вопросе наперекор желанию Италии». На сделанное в этом смысле Баррером сообщение 22/9 февр. Соннино ответил, что «в настоящий момент Эсад не настаивает более на немедленном отъезде из Дураццо» (тел. Гирса от 22/9 февр. за № 182). Однако тел. от 25/12 февр. за № 195 Гирс сообщил, что в связи с повторным натиском австрийцев, заставившим итальянцев отступить к самому Дураццо, Эсад выехал в Бриндизи, а его отряд «всего из 300 албанцев» был перевезен в Италию.

[4] Опубл. Е. д. и Гр., стр. 66.

имеются греческий и даже итальянский подданные [1]. Во-вторых, задержание французским отрядом в Кандии германского и австрийского консульских агентов [2]. В-третьих, занятие союзниками острова Оттона близ Корфу и задержание на море значительного числа болгарских и греческих подданных, направленных на Крит, где пребывание их считается союзниками нежелательным. Так как действия эти совершены без ведома и предупреждения посланников, французский посланник отозвался незнанием; совпадение же их с прибытием генерала Саррайля не способствует дружеской беседе его с королем [3].

Демидов.

№ 227. Военный агент в Румынии генерал-квартирмейстеру при штабе верховного главнокомандующего Пустовойтенко.

Телеграмма № 3. 19/6 февраля 1916 г.

[17] 4 февраля был представлен Братиану. Последний, ведя почти в продолжение часа общий разговор о военно-политическом положении Румынии, уклонялся перейти на почву более серьезных разговоров, напирая главным образом на то, что Румынии необходимо в первую очередь получить через Россию сделанные ею за границей военные заказы, без чего она не может рисковать выступить с нами. Указав Братиану на то, что нами уже сделано в этом отношении, я добавил, что дальнейшее увеличение количества вагонов будет всецело зависеть от ведения наших военных переговоров и наверное войдет как один из параграфов будущей военной конвенции, для приступления к переговорам о каковой мне даны соответствующие указания. На это Братиану, прощаясь со мной, ответил буквально: «Румыния выступит только в момент общего наступления держав Согласия на всех фронтах, а так как этого нельзя ожидать немедленно, теперь, то у нас еще

---

[1] Тел. от 18/5 февр. за № 99 (опубл. Е. д. и Гр., стр. 66) Демидов передал сообщение Калмыкова, что Хиос занят англичанами.

[2] Дополнительно тел. от 20/7 февр. за № 104 (опубл. Е. д. и Гр., стр. 66) Демидов сообщил о сделанном Политисом франц. посланнику заявлении, что тел. о франц. высадке в Кандии была неправильно расшифрована и что «дело ограничилось унесением вещей и документов ранее задержанного на Крите германского (консула)». В той же тел. Демидов передал сообщение Калмыкова, что англ. десант ушел с Хиоса, «забрав двух враждебных консулов и 16 подозрительных лиц».

[3] Тел. от 17/4 февр. за № 92 Демидов сообщил, что король высказал франц. посланнику на аудиенции желание повидать ген. Саррайля, который должен был прибыть в Афины 21/8 февр., и выразил посланнику благодарность за содействие франц. главнокомандующего в деле снабжения греч. армии.

есть время, чтобы успеть сговориться». Причем в разговоре он высказал, что за последнее время он менее опасается натиска со стороны Союза. В общем Братиану ко мне был очень любезен и указал мне, что при возникновении важных вопросов я могу обращаться непосредственно к нему; просил по остальным военным вопросам иметь исключительно дело с генералом Ильеску, на которого он смотрит, как на фактического военного министра и который пользуется его полным доверием [1].

Т а т а р и н о в.

№ 228. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 118. 20/7 февраля 1916 г.

Копия в Лондон.

Получил ваш № 591 [2].

Помещение части предстоящего внутреннего займа на французском рынке на основаниях, изложенных в вашей телеграмме, представляется мне невозможным. Как распространение объявлений о займе, так и прием подписки в отделениях русских банков или в местных банках требуют предварительного согласия французского правительства в силу французских законов, не говоря о том, что тесные союзнические отношения с Францией не позволили бы нам без ее согласия приступить прямым или косвенным путем к подобным мерам, даже если бы последние не противоречили установленным для подписи и обращения ценностей правилам. Собранные мной в финансовых кругах сведения указывают, кроме того, на нежелательные последствия для нашего кредита в случае, если бы размещение нашего внутреннего займа на французском рынке оказалось возможным и было допущено французским правительством. Финансисты полагают, что за это размещение придется весьма дорого заплатить и банкам и прессе, что оно дурно отразится на наших фондах, обращая искусственно внимание держателей таковых на понижение курса рубля. Последний от этой операции улучшится лишь временно в момент подписки, ибо русскую валюту будут приобретать местные банки по возможности дешевле, основываясь на точке зрения, прямо противоположной нашим интересам, которым более соответствовало бы открытие здесь нового кредита во франках. Операция такого рода имеет некоторые

---

[1] Тел. от 22/9 февр. за № 82 Поклевский, со своей стороны, передал Сазонову содержание разговора Братиану с Татариновым.

[2] См. № 199.

шансы на успех в виде открытия здесь торгово-промышленного кредита в «Banque de France». В настоящую минуту такой кредит в размере 125 миллионов франков открывается в С. А. С. Штатах группе французских банков для нужд «Крезо» и под обеспечение французских бонов казначейства. Такой же кредит в 120 миллионов открывается в Норвегии французским банкам под подобное же обеспечение для заказов норвежскому обществу «Азота». Обе эти операции, имеющие характер частных сделок между французскими и местными банками, могли бы служить образцом для того, что мы могли бы попытаться осуществить во Франции. Почву следовало бы подготовить частным путем, начав переговоры официально лишь тогда, когда успех покажется обеспеченным. Следовало бы просить 500 миллионов франков ввиду того, что просимая сумма будет, несомненно, сокращена. Обеспечением могли бы служить либо обязательства нашего казначейства, либо облигации будущего внутреннего займа, чем бы было облегчено и размещение последнего через русские банки. Должен упомянуть, впрочем, что как бы доверительно ни велись переговоры с финансистами, они, несомненно, сделаются сразу известными французскому правительству, без которого здешние банки не делают теперь ни шагу. Однако в наших интересах оставаться пока на почве частных переговоров, при которых можно пользоваться услугами тех лиц, которые в настоящее время пользуются весом и влиянием как у правительства, так и в «Banque de France», который ведет свою самостоятельную политику и управляющий которого Плен с упорством отстаивает денежное обращение от всяких посягательств. Содействие же «Banque de France» является, по словам финансистов, непременным условием для какой бы то ни было кредитной операции во время войны и притом оно не более неприятно французскому правительству, чем прямая подписка среди капиталистов, ресурсы коих оно крайне щадило, рассчитывая на них для своих будущих займов.

Извольский.

№ 229. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 85. 20/7 февраля 1916 г.

Личная.

Весьма конфиденциально.

Король принял [18] 5 февраля в аудиенции Таке Ионеску, который вынес из нее благоприятное впечатление. Король сообщил Таке Ионеску, что на недавней аудиенции германский посланник говорил в очень сдержанном тоне и что малейшее повышение его тона вызвало бы немед-

ленный отпор со стороны его величества. Король высказал также свое мнение о том, что Румынии в настоящую минуту едва ли угрожает какая-либо опасность со стороны Германии, так как последняя не может желать восстановить против себя еще одно государство, обладающее 600-тысячной армией[1].

Поклевский.

№ 230. Сообщение английского посольства в Петрограде министру иностранных дел[2].

21/8 февраля 1916 г.

His Majesty's Government fully recognise the great importance of enabling Russia to obtain from Japan the supplies she requires for her army, and the Treasury have already agreed that British credits should be used to pay for the requirements of Russia in Japan which are urgent and which have already been contracted, if necessary up to a sum somewhat exceeding £ 6 000 000.

The very large figures of the new orders proposed have, however, alarmed His Majesty's Government[3] not only on general financial grounds, but also because the same difficulties as regards delivery, which have already arisen in America are likely to occur in Japan if the real capacity of the Japanese arsenals is exceeded.

As regards the new orders to the amount of 169 000 000 yen which are decided in principle without being actually placed nothing is known in London as to the date on which money for these orders will be required or as to any other particulars concerning them except that 120 field guns and 20 000 000 cartridges, which would only account for a small part of the orders, are included in them[4].

---

[1] Фашиотти, передавая Соннино о том же разговоре (тел. от 21/8 февр. за № 69, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел), несколько иначе излагал его содержание. По его сообщению, Таке Ионеску вынес из этого разговора впечатление, что король не уверен в конечном успехе союзников. Король, по словам Таке Ионеску, сомневается в «успешности действий союзников, преувеличивает их потери, переоценивая в то же время силы противников».

[2] Маш. копия. На оригинале имеется помета на англ. языке: «Копия телеграммы, посланной г. Барку 21/8 февраля 1916 г.»

[3] См. № 137.

[4] В тел. от 18/5 февр. за № 2096 Гермониус сообщал в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба, что по всем старым заказам, «данным до [14]1 октября и известным английскому правительству, кредит будет дан без ограничения суммы», но относительно новых заказов «английское правительство положительно поражено размерами предстоящих заказов. Для получения кредита по ним необходимо прежде всего в соответствии с соглашением иметь подробные сведения о заводах, принявших заказ, о цене изделий и о сроках платежей». В за-

As regards the old orders amounting to a total of 120 000 000 yen the Treasury assume that installments already paid are included in this figure which is about the total of the old orders which have been notified to them, without making any allowance for the fact that more than half this sum has already been paid.

In order to meet the wishes of the Russian Government the Treasury, who are anxious to do everything possible which the ressources at their command permit, will raise the limit for Japan, which was previously fixed at £ 6 000 000 to a total of £ 9 000 000. This will, it is hoped, enable the Treasury to meet the payments still outstanding on account of old contracts which are specified in the lists they have received, provided these payments do not fall due at the rate of more than £ 1 000 000 per month. The Treasury state that this will exhaust the means they possess of making remittances to Japan and they fear, therefore, that they are unable to accept any further liability in respect of the proposed new orders in that country. They are glad to learn that the Russian Government has succeeded in negotiating a loan of 50 000 000 yen in Japan and they point out that most of the proceeds of this loan will be released by the arrangement outlined above. They believe that this loan when added to the further sum available, as above, for old orders will be sufficient to pay for all deliveries which Japan can effect for some time to come.

As regards deliveries falling due at some remoter date, the Treasury suggest that it would be preferable that the Russian Government should, so far as possible, obtain options to continue deliveries after the completion of earlier ones rather than that they should place firm contracts far ahead, since they consider that it is very undesirable that the Russian Government should commit themselves before financial arrangements have been made to meet such commitments.

Перевод.

Правительство его величества полностью признает большую важность создания для России возможности получить от Японии снабжение, требующееся для ее армии, и казначейство уже согласилось на использование в случае необходимости британских кредитов в сумме, несколько превышающей 6 000 000 фунтов стерлингов, для уплаты по срочным и уже заключенным Россией заказам в Японии.

Однако весьма значительные цифры новых предполагаемых заказов обеспокоили правительство его величества не только по общефинансовым основаниям,

---

ключение Гермониус сообщал, что англ. прав-во предполагает вступить в переговоры с япон. прав-вом по вопросу об увеличении кредита для росс. прав-ва в Японии, если англ. прав-во не будет в состоянии его оказать.

но и потому, что те же самые затруднения со сдачей заказанных предметов, которые уже возникли в Америке, могут также произойти в Японии, если действительная пропускная способность японских арсеналов будет превышена.

Что касается новых заказов на сумму до 169 000 000 иен, уже решенных в принципе, но фактически еще не размещенных, то в Лондоне ничего не знают относительно срока, к которому потребуются деньги на эти заказы, а также относительно каких-либо других касающихся их подробностей за исключением того, что в число их входят 120 полевых орудий и 20 000 000 патронов, составляющих только незначительную часть заказов.

Относительно старых заказов, достигающих 120 000 000 иен, казначейство предполагает, что часть уже переведенных платежей входит в эту цифру, обнимающую общую сумму старых заказов, которая была сообщена казначейству без какого-либо признания того факта, что более половины этой суммы уже было выплачено.

Для того, чтобы пойти навстречу пожеланиям российского правительства, казначейство, стремясь сделать все возможное в пределах доступных ему средств, увеличит лимиты, установленные ранее для [заказов] в Японии в сумме 6 000 000 ф. ст. до 9 000 000 ф. ст. Надо надеяться, что это даст казначейству возможность погасить все еще не оплаченные счета по старым контрактам, указанным в полученном им списке, при условии, что по этим платежам не потребуется более 1 000 000 ф. ст. в месяц. Казначейство утверждает, что это исчерпает имеющиеся у него средства для перевода в Японию, и поэтому оно опасается, что не будет в состоянии взять какое-либо дальнейшее обязательство относительно предполагаемых новых заказов в этой стране. Оно было радо узнать, что российскому правительству удалось договориться о займе в 50 000 000 иен в Японии, и отмечает, что бóльшая часть выручки от этого займа окажется свободной вследствие намеченного выше соглашения. Оно уверено, что этот заем вместе с указанными выше суммами, используемыми на старые заказы, окажется достаточным для оплаты всех поставок, могущих быть произведенными Японией в течение ближайшего времени.

Что касается поставок, сдача которых будет производиться в более отдаленные сроки, то казначейству представлялось бы более предпочтительным, чтобы российское правительство получило по возможности [право] опциона на продолжение поставок после выполнения более ранних, чем заключение твердых контрактов с значительно более поздними сроками исполнения, считая менее желательным, чтобы российское правительство связало себя обязательствами до заключения финансовых соглашений об оплате таких обязательств.

№ 231. Министр иностранных дел военному министру Поливанову.

Письмо № 99[1]. 21/8 февраля 1916 г.

Решительные меры, принятые нами в Персии, и успехи, которыми они сопровождались, произвели, как и следовало ожидать, сильное впечатление на молодого шаха, который, по собственному его призна-

[1] Лит. копия.

нию, успел было в значительной мере подпасть под влияние наших противников и который едва не последовал за представителями враждебных нам держав, когда они покинули Тегеран при приближении к этому городу нашего отряда. Отказавшись от этого в последний момент, под влиянием дружественных убеждений нашего и великобританского посланников, и выразив раскаяние в том, что он раньше поддавался германо-турецким интригам, Султан Ахмед тут же высказал мнение, что Персии необходимо окончательно связать свою судьбу с Россией и Англией [1].

Составленный вскоре после того новый тегеранский кабинет [2], в который вошли исключительно сторонники этих двух держав, занялся прежде всего, по приказанию шаха, выработкой проекта союзного договора с нами и англичанами.

Обсудив совместно с лондонским кабинетом предположение шахского правительства, мы пришли к заключению, что принципиально отвергать таковое не следует и что формальный союз между нами и Персией мог бы представить для нас несомненные выгоды. Хотя военная помощь, которую персы были бы в состоянии нам оказать, и может казаться гадательной, тем не менее для нас, во всяком случае, будет лучше иметь вооруженные силы этой страны, в особенности довольно многочисленные иррегулярные, на нашей стороне, чем против нас. Но главным образом этот союз имел бы большое и весьма выгодное для нас моральное значение в глазах мусульманского мира вообще и в частности по отношению к Афганистану и Индии, что было бы особенно ценно для англичан. Союзные отношения с Персией узаконили бы, так сказать, наши военные мероприятия в этой стране и сняли бы с нас и наших союзников усердно распространяемое немцами и турками в мусульманском мире обвинение в том, что мы нарушаем суверенные права шаха и подвергаем Персию, против ее воли, ужасам войны. Кроме того, порвав окончательно с Турцией и ее союзниками, шахское правительство поневоле оказалось бы вынужденным принять решительные меры к прекращению столь опасной для нас германо-турецкой агитации, явно стремящейся проникнуть и в более отдаленные азиатские страны.

Перечисленными преимуществами, несомненно, вполне компенсируются невыгодные для нас стороны соглашения с Персией, заключающиеся главным образом в известных материальных жертвах с нашей стороны и в обязательстве, которое падет на нас, оказывать пер-

---

[1] См. т. IX, №№ 258, 259.
[2] См. стр. 4, прим. 2.

сам защиту против общих наших врагов. Последнее мы, впрочем, фактически делаем уже и теперь, ввиду необходимости для нас противодействовать козням наших противников в этой стране и предупредить проникновение их далее на Восток.

Запрошенный мною по поводу проектируемого союза с Персией августейший наместник его императорского величества на Кавказе высказал следующее мнение: «Сопоставляя и учитывая все, приходится притти к заключению, что союз наш [1] выгоднее, чем какая бы то ни была форма персидского нейтралитета, не говоря уже о преобладающей выгоде для нас союза с Персией пред фактом иметь ее в числе наших врагов».

Из полученного ныне во вверенном мне министерстве проекта союзного договора, предложенного тегеранским кабинетом, между прочим явствует, что шахское правительство имеет в виду «в течение европейской войны использовать все свое влияние и все свои вооруженные силы, как имеющие быть вновь сформированными, так и существующие уже регулярные и иррегулярные войска, для защиты собственных интересов и интересов своих союзников на персидской территории». Взамен этого оно выражает желание, чтобы Россия и Англия помогли Персии сформировать и содержать регулярную армию в 50 000 человек, снабдив таковую нужным вооружением. Военными действиями этой армии должен будет руководить особый штаб, составленный из персидских и союзных офицеров; главнокомандующий же будет назначаться шахом. На содержание этой армии, которое обойдется приблизительно в 750 000 томанов ежемесячно, союзные правительства будут отпускать необходимые средства.

В свою очередь императорский и великобританский посланники намечают следующий контр-проект по тому же вопросу.

Обязательство шахского правительства использовать все свое влияние и все свои вооруженные силы признается приемлемым. Размер армии, которую Россия и Англия имеют помочь Персии создать и содержать, определяется в 25—30 тысяч человек, из коих 10 000 войдут в состав казачьей бригады, руководимой русскими инструкторами, и такое же количество пойдет на сформирование аналогичной части в Южной Персии под руководством английских офицеров. Совместные действия персидской армии и союзных войск в Персии будут осуществляться по соглашению между начальниками русских и азиатских отрядов с высшими персидскими офицерами, назначенными шахом. Персидское правительство обязуется облегчать союзным вой-

[1] Так в оригинале; следует читать: «нам».

скам приобретение по рыночной цене провианта, фуража и вообще всего необходимого. Средства на содержание упомянутой выше персидской армии, в сумме 600 000 томанов в месяц, будут доставляться союзниками. Расходованием этих денег будет заведывать особая комиссия из русских, английских и персидских делегатов в равном числе. Из сказанной суммы одна треть пойдет на казачью бригаду и столько же на часть, которая будет сформирована англичанами на Юге.

Следует тут же отметить, что лондонский кабинет сомневается в возможности добиться согласия персидского правительства на увеличение состава казачьей бригады и сформирование англичанами аналогичной части на Юге, т. е.[1] это, по всей вероятности, будет истолковано персами, как первый шаг к разделу Персии[2]. Сэр Э. Грей считает, кроме того, лишним распределять вперед детально сумму, имеющую быть отпущенной на содержание персидских вооруженных сил, полагая, что желательное распределение этих денег будет в достаточной мере обеспечено наличностью смешанной контрольной комиссии.

Со своей стороны, считаю долгом высказать по поводу изложенного нижеследующие соображения.

Отклонить совершенно просьбу шахского правительства о сформировании армии или еще более сократить ее численность, чем то намечается посланниками, едва ли возможно, так как это один из самых существенных пунктов персидских требований. К тому же едва ли можно будет в более или менее близком будущем сформировать, обучить и, главное, вооружить подобную армию. Вопрос о вооружении, от которого в сущности будет зависеть все дальнейшее, представляется мне вообще наиболее трудно разрешимым, на что мною уже и раньше указывалось великобританскому правительству и персидскому посланнику в Петрограде[3].

Я не разделяю опасений сэра Э. Грея относительно деления персидской армии на три части, из коих одна была бы под русским контролем, другая — под британским, а третья — чисто персидской. В сущности мы уже имеем принципиальное согласие если не всего тегеранского кабинета, то наиболее влиятельных его членов на доведение численности казачьей бригады до 10 000 человек. Кроме того, персидское правительство, насколько известно, рассчитывает именно на русских и английских инструкторов для сформирования и обучения всей проектируемой армии вообще. Я полагал бы поэтому скорее настаивать

---

[1] Так в оригинале. Следует читать: «так как».

[2] См. стр. 228, прим. 3.

[3] См. № 31.

на том, чтобы в первую голову было приступлено к увеличению состава казачьей бригады, предоставив вместе с тем англичанам, если они признают это нужным и возможным, заняться со своей стороны сформированием аналогичной части на Юге. Не могу не указать при этом на то, что персидские казаки неоднократно доказывали свою полезность, когда они действовали под начальством энергичных офицеров, как например, в 1913 г. под руководством ротмистра Захарченко или недавно под начальством есаула Мамонова.

Вопрос об общем командовании союзными вооруженными силами в Персии должен быть, по моему мнению, поставлен иначе, чем то намечается посланниками, а именно, следовало бы оговорить, что верховное командование должно быть обязательно сосредоточено в руках русского или английского генерала, в зависимости от того, какой национальности войска будут преобладать на персидском театре войны. Это тем менее может оскорбить самолюбие персов, что они и сами вполне сознают полное отсутствие среди них людей, подготовленных для подобной задачи. Наличность же трех различных главнокомандующих, без общего объединяющего начала, каким отнюдь не может быть проектируемый персами неизвестно из кого имеющий быть составленным штаб, едва ли допустима. Для сохранения декорума можно было бы обусловить назначение главнокомандующего согласием шаха; само собой разумеется, что такое согласие являлось бы не более как формальностью, так как в нашем распоряжении всегда будут иметься способы заставить шаха дать требуемое от него согласие, если бы он почему-нибудь стал возражать против выбора, который был бы сделан Россией и Англией.

Необходимые на содержание персидской армии средства в размере, исчисленном посланниками, пришлось бы, конечно, отнести на наш и английский военный фонды, по крайней мере, до изыскания шахским правительством источников, из которых им самим мог бы покрываться этот расход, и во всяком случае не дальше как до окончания войны. Учреждение проектируемой посланниками смешанной комиссии, которая имела бы контролировать расходование отпускаемых сумм, безусловно необходимо. Великобританское правительство предлагает возложить на эту же комиссию контроль над сформированием армии[1]; мне представляется, однако, более целесообразным предоставить это дело верховному командованию, к которому с момента заключения союзного договора должно будет перейти распоряжение всеми вооруженными силами Персии.

---

[1] См. № 222.

Передавая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство почтить меня вашим заключением по содержанию настоящего письма в самом непродолжительном по возможности времени, так как существует опасение, что благоприятный нам тегеранский кабинет, по причинам внутреннего характера, может распасться и новые персидские министры могут оказаться менее склонными на тесное сближение с нами на приемлемых для нас и лондонского кабинета условиях.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 232. Японский посол в Петрограде Мотоно японскому министру иностранных дел Ишии.

Телеграмма [1]. 21/8 февраля 1916 г.

Секретно.

Согласно вашей просьбе, изложенной в последней части вашей телеграммы за № 91 [2], имею честь изложить следующие соображения.

При заключении союзного договора между Японией и Россией, по моему мнению, наша главная цель — упрочить позицию Японии в будущем, сохранить мир на Дальнем Востоке, и в то же время обеспечить права и интересы России и Японии в Китае.

По моему мнению, проект союзного договора, который мы желаем предложить русскому правительству, должен касаться не только политики по отношению к Германии, но это должен быть настоящий союзный договор, а так как необходимо заявить всему миру об отношениях между двумя государствами, то его следует официально опубликовать, как англо-японский союзный договор. Что же касается вопроса о совместных действиях России и Японии, направленных против германских завоевательных планов, то его бы следовало изложить в секретном параграфе официального договора.

В проекте, который вы мне переслали, говорится о третьем государстве, но, по моему мнению, в секретном параграфе следовало бы ясно указать на Германию. Так как во всяком случае необходимо сообщить правительствам Англии и Франции о содержании этого договора, то возможно, что возникнут сомнения, если не будет определенного указания на Германию. Кроме того, в секретных договорах обыкновенно есть указания на третье государство (1-я статья германо-австрийского союзного договора 1879 г.). Поэтому я предлагаю редак-

---

[1] Тел. расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.

[2] Ср. № 211.

тировать официальный договор, как указано в моей телеграмме за № 116 [1], и прибавить 4-ю статью с целью... в случае англо-русского столкновения. Секретный параграф я предлагаю редактировать согласно моей телеграмме за № 117 [1].

Я желал бы представить русскому министру иностранных дел настоящую телеграмму как мой частный проект. Прошу мне дать как можно скорее ответ, имеете ли вы возражения, или нет [2].

№ 233. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 72. 21/8 февраля 1916 г. [3].

Copie Paris.

Cambon me dit que colonel House [4] a été fort réservé sur état des choses qu'il a trouvé en Allemagne. Insondable sur ce sujet en publique, il n'avait pourtant pas caché au ministre des affaires étrangères qu'il n'avait plus retrouvé fermeté de l'attitude telle qu'elle était, lors de son dernier voyage [5]. Il a ajouté que président, en réelle sympathie personnelle avec Alliés, n'admettrait autre attitude que neutralité la plus bienveillante possible, attitude que pourrait en certaines éventualités provoquer même conflit avec Allemagne. House représente ensemble l'opinion publique Amérique favorable à Alliés, mais distinctement pacifique. Situation délicate de Wilson exige, selon House, que gouvernements alliés le ménagent le plus possible, et ne lui créent pas difficultés aiguës. House a d'ailleurs affirmé n'avoir porté à Berlin aucun message ayant trait à médiation ou à paix. Il semblerait que intérêts électoraux ne sont pas tout à fait étrangers à cette mission.

Benckendorff.

---

[1] Эти телеграммы набраны неразобранным японо-французским шифром. [Прим. оригинала.]

[2] В ответной тел. от 23/10 февр. (расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел) Ишии сообщил следующее: «Ваш проект договора по духу совершенно различен от нашего проекта и возлагает на императорское правительство значительно бóльшую ответственность. Наш проект был рассмотрен с различных точек зрения, подвергался обсуждению кабинета и после совещания с генро получил высочайшую санкцию. Поэтому невозможно снова изменить его общее содержание. Ввиду вышеизложенного прошу вступить в переговоры с противной стороной, основываясь на нашем проекте».

[3] В оригинале тел. ошибочно датирована 22/8 февраля.

[4] Ср. № 169.

[5] См. т. VII, №№ 443 и 700.

Перевод.

Копия в Париж.

Камбон мне сказал, что полковник Хаус очень сдержанно высказался относительно положения вещей, которые он нашел в Германии. Будучи недоступен для подлежащих огласке расспросов по этому поводу, он не скрыл, однако, от министра иностранных дел, что он не нашел уже той твердости в позиции, которую встречал во время своей последней поездки. Он добавил, что президент, питая лично истинные симпатии к союзникам, не допустит будто бы иной позиции, кроме самого благожелательного нейтралитета, позиции, которая при некоторых обстоятельствах могла бы вызвать даже конфликт с Германией. По словам Хауса, общественное мнение Америки в целом настроено в пользу союзников, но оно определенно стоит за мир. Щекотливое положение Вильсона требует, по мнению Хауса, чтобы правительства союзников по возможности считались с ним и не создавали бы ему острых затруднений. Хаус к тому же утверждал, что при поездке в Берлин он не имел никакого поручения, имеющего отношение к медиации или к миру. Повидимому, этой миссии не совсем чужды интересы, связанные с выборной кампанией.

Бенкендорф.

№ 234. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 73. 21/8 февраля 1916 г.

Je tiens de Cambon que le roi Constantin aurait dit au représentant français, que Allemagne avait promis que si Grèce observait neutralité elle ne serait pas attaquée par Bulgarie. D'autre part Allemagne aurait déclaré que si Grèce attaquait Bulgarie tant que forces allemandes opéraient dans les Balkans, Allemagne considérerait guerre entre Grèce et Bulgarie comme guerre avec Allemagne. Roi en avait conclu nécessité pour Grèce de rester neutre, mais armée pour être à même, en cas de nécessité, attaquer Bulgarie en temps opportuns, fut-ce après conclusion paix.

Benckendorff.

Перевод.

Я узнал от Камбона, якобы король Константин сказал французскому представителю, что Германия обещала, в случае если Греция сохранит нейтралитет, то Болгария не нападет на нее. С другой стороны, Германия будто бы заявила, что если Греция нападет на Болгарию, пока германские войска будут оперировать на Балканах, Германия будет рассматривать войну между Грецией и Болгарией, как войну против Германии. Отсюда король заключил, что Греция должна сохранять нейтралитет, но быть вооруженной, дабы быть в состоянии, в случае необходимости, напасть в подходящий момент на Болгарию, хотя бы после заключения мира.

Бенкендорф.

№ 235. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 119. 21/8 февраля 1916 г.

Палеологу поручено сообщить вам, что союзническая конференция соберется в Париже около 15 марта нов. ст. и что ей будет предшествовать союзнический военный совет, назначенный на 1 марта того же стиля [1]. С итальянской стороны в конференции будут участвовать Саландра и генерал Кадорна, а в военном совете — генерал Порро. Палеолог передаст вам горячее пожелание французского правительства, чтобы вы также приняли личное участие в конференции. Со своей стороны, позволяю себе высказать, что участие ваше, действительно, крайне желательно. Нам придется отстаивать на конференции нашу точку зрения при весьма трудных условиях, в особенности в вопросе о скором переходе союзников в наступление на всех фронтах, к чему французы, англичане и итальянцы, повидимому, мало склонны. Положение посла, хотя бы даже снабженного особыми полномочиями..., где остальные союзники будут представлены ответственными министрами, будет, несомненно, невыгодное и подчиненное. Если вы, тем не менее, полагаете совершенно невозможным лично прибыть в Париж, не откажите заблаговременно снабдить меня подробными инструкциями по политическим, военным и экономическим вопросам, которые вы желали бы подвергнуть обсуждению конференции [2].

Извольский.

Инструкцию послать следует.

Царская Ставка, [24]11 февраля 1916 г.

---

[1] Тел. от 26/13 февр. за № 126 Извольский сообщил, что назначенный на 1 марта нов. ст. союзнический военный совет откладывается, а тел. от 8 марта/24 февр. за № 159 он известил Сазонова, что указанный совет окончательно назначен на 12 марта нов. ст.

[2] Тел. от 24/11 февр. за № 753 Сазонов сообщил Извольскому, что в ответ на переданное ему Палеологом приглашение участвовать в парижской конференции он выразил сожаление, что не может в настоящее время отлучиться из Петрограда на продолжительный срок. Далее Сазонов добавлял следующее: «Что касается посылки вместо меня одного из государственных деятелей, то у нас нет подходящего лица для подобного чрезвычайного поручения дипломатического характера. Я прибавил, что вам уже высочайше даны необходимые полномочия и что вы будете дополнительно снабжены надлежащими указаниями».

№ 236. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 106[1]. 21/8 февраля 1916 г.

Копия в Париж.

Весьма доверительно сообщают мне из достоверного источника, что французское правительство предоставило в распоряжение Венизелоса два миллиона франков на предмет пропаганды в войсках.

Демидов.

№ 237. Министр иностранных дел военному министру Поливанову.

Письмо № 101. 22/9 февраля 1916 г.

Секретно. Спешное.

М. г. Алексей Андреевич,

Несколько дней тому назад передовыми частями экспедиционного корпуса ген. Баратова, оперирующего в Персии в направлении на Тегеран, был задержан проникший в район расположения наших войск турецкий посол при шахском дворе Ассим-бей[2].

Согласно принятому императорским правительством решению арестованный посол отправлен под конвоем в Баку, где ему будет предоставлена возможность дождаться прибытия семьи, после чего он имеет быть выдворен из пределов империи в Швецию. При обсуждении способов осуществления означенной меры августейший главнокомандующий кавказской армией признал необходимым с военной точки зрения, чтобы Ассим-бей был выслан из России не тотчас, а лишь по прошествии некоторого промежутка времени, в течение которого военная обстановка могла бы измениться настолько, чтобы те сведения, которые будут сообщены своему правительству отпущенным нами турецким послом, в достаточной степени утеряли свою свежесть и ценность[3]. Для достижения этой цели представлялось бы желательным задержать Ассим-бея под каким-либо благовидным предлогом, примерно на 2—3 недели, в одном из городов по пути следования из Баку в Финляндию, по возможности удаленном от театра военных действий и где наиболее удобно было бы наблюдать как за самим послом, так и за сопровождающими его лицами.

---

[1] Опубл. Е. д. и Гр., стр. 67.

[2] См. № 173.

[3] Об этом вел. кн. Николай Николаевич сообщал Сазонову тел. от 14/1 февр. за № 2241 и предлагал отправить Ассим-бея из Петрограда через Владивосток или задержать в Петрограде на продолжительное время.

Во время пребывания на русской территории турецкий посол не может быть рассматриваем как военнопленный, но, сообразно своему высокому званию, сохраняет право на подобающее внимательное отношение со стороны властей и на то, чтобы путешествие его через Россию было обставлено возможным удобством. Это, однако, не должно препятствовать тщательному за ним наблюдению, чтобы не дать ему возможности [1] входить в какие бы то ни было сношения с посторонними лицами [2].

Передавая об изложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать сделать зависящие распоряжения о принятии, в соответствии с высказанными выше соображениями, необходимых мер к охране и наблюдению за турецким послом во время переезда его по России, о последующем же прошу не оставить меня уведомлением в непродолжительном по возможности времени.

Копия настоящего письма сообщается одновременно министру внутренних дел.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 238. Поденная запись министерства иностранных дел [3].

22/9 февраля 1916 г.

Утром [22] 9 февраля стало известно, что государь император будет присутствовать на открытии заседания Государственной думы. Вследствие этого С. Д. Сазонов по телефону просил послов союзных держав, которые намеревались по обыкновению приехать лишь к декларации министра иностранных дел, прибыть в Таврический дворец к 2 часам дня. Министр иностранных дел не указал, однако, союзным послам, почему он обращается к ним с этой просьбой.

[22] 9 февраля утром итальянский посол посетил барона Шиллинга и в совершенно частном разговоре сообщил ему, что итальянским королем послана государю императору поздравительная телеграмма по поводу взятия Эрзерума [4]. Зная, что его величество благодарил по телеграфу президента французской республики за содействие, оказанное Францией в деле спасения сербской армии [5], маркиз Карлотти

[1] Далее зачеркнуто: «не только что скрыться, но даже».

[2] Далее зачеркнуто: «во избежание попыток со стороны этого дипломата воспользоваться их услугами во вред нашим интересам».

[3] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 11.

[4] Эрзерум был взят русскими войсками 15/2 февраля 1916 г.

[5] См. стр. 196, прим. 2.

лично от себя просил барона Шиллинга, не может ли быть указано в ответной высочайшей телеграмме королю Виктору-Эммануилу на помощь Италии при перевозке сербских войск. Барон Шиллинг ответил послу, что раз беседа носит совершенно частный характер, то лично он не может не заметить, что в деле спасения сербской армии роль Италии нельзя сравнивать с ролью Франции. От Италии можно было ожидать более деятельного отношения к вопросу, который имел столь существенное значение как для Сербии, так и для самих союзников. Итальянский посол не возражал против слов барона Шиллинга, но указывал на то, что упоминание о помощи Италии сербам было бы встречено с искренним удовлетворением королем итальянским.

Просьба итальянского посла была передана бароном Шиллингом министру иностранных дел, и С. Д. Сазонов выразил свое согласие на упоминание в ответной телеграмме государя, хотя и не в слишком теплых выражениях, о помощи Италии в деле перевозки сербских войск [1].

Присутствуя в Таврическом дворце на открытии заседания Государственной думы, государь император изволил обратиться после молебна с несколькими словами к союзным послам и, между прочим, заметил маркизу Карлотти, что им получена телеграмма короля Виктора-Эммануила.

Узнав несколько позже о согласии С. Д. Сазонова на высказанное им пожелание, итальянский посол выразил свою искреннюю благодарность министру иностранных дел.

№ 239. Японский посол в Петрограде Мотоно японскому послу в Лондоне Иноуэ.

Телеграмма [2]. 22/9 февраля 1916 г.

Наш посланник в Стокгольме послал министру иностранных дел следующую телеграмму:

«Здешний русский посланник выехал отсюда 11 февраля в Россию [3] с целью свидания с сыном, который в ближайшем будущем отправляется на фронт. Так как эта причина мне показалась подозрительной, я стал наводить справки, причем оказалось, что директор швед-

[1] Тел. Николая II Виктору-Эммануилу от 22/9 февр. гласила: «Крайне тронут поздравлением вашего величества по поводу взятия Эрзерума. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить за помощь, оказанную Италией, вместе с Францией и Англией, в деле эвакуации из Албании на Корфу наших доблестных союзников сербов».

[2] Тел. расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.

[3] См. № 149.

ского телеграфного агентства Эклунд, который в хороших отношениях с здешним германским посланником, в конце января имел беседу с русским посланником, которая продолжалась приблизительно четыре часа и касалась вопроса о сепаратном мире между Россией и Австро-Германией.

Кроме того, Эклунд меня посетил 19 февраля и заявил мне, что если Россия в настоящее время еще не решается заключить сепаратного мира, то исключительно из боязни перед Японией. Если бы Япония заключила сепаратный мир, Россия последовала бы ее примеру, и тогда Япония получила бы возможность разделить Китай совместно с Германией и Россией» [1].

№ 240. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 29. 22/9 февраля 1916 г.

Копия в Париж.

Для отдела генерал-квартирмейстера. В беседах со мной престолонаследник и чины штаба верховной команды настойчиво обращают внимание на вообще недостаточное и отчасти устарелое вооружение, которым французы предполагают снабдить сербскую армию, дух которой был подорван именно превосходством вооружения противника, особенно сильной германской тяжелой артиллерией и многочисленностью пулеметов. В частности, сербы особенно настаивают на снабжении сербской армии, которая будет действовать вся в совокупности и имея отдельную задачу, тяжелой армейской артиллерией, ибо, как показал опыт, в бою нельзя рассчитывать на позаимствование таковой от соседних французских частей, как то намечается французской миссией. Взамен весьма совершенного ружья сербского образца, сербская армия получает уступающую по качествам французскую винтовку, по словам сербов, устарелого образца. Если этого нельзя избежать, то во всяком случае снабжение сербов пулеметами должно быть усилено, между тем французский проект уменьшает вдвое число просимых сербами пулеметов. Равным образом французы дают сербам лишь половину просимой полевой артиллерии, а именно по 3 батареи на дивизию, возмещая недостаток таковой излишним отпуском горной артиллерии,

---

[1] Пам. запиской за № 200 (не датированной) япон. пос-во в Петрограде извещало Сазонова о том, что япон. прав-во не намерено входить в обсуждение вопроса о заключении сепаратного мира с герм. прав-вом и что если у Германии действительно имеются такие намерения, то со своими предложениями ей надлежит обратиться непосредственно к прав-вам Японии, Англии, Франции и России.

но устарелого образца. Слабость вооружения и сознание этого самым печальным образом отзо(вет)ся у сербов на успехах будущих столкновений. В интересах общего дела необходимо сделать все возможное для улучшения вооружения сербов. № 506. — Артамонов.

Трубецкой.

№ 241. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 30. Корфу, 22/9 февраля 1916 г.

Лично.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 29 [1].

В доверительной беседе престолонаследник высказал мне опасение, волнующее его насчет своей армии. Французы настаивают на перевозке ее маленькими частями на Халкедонский полуостров, обещая, однако, не пользоваться ими, пока не будет перевезена вся армия, которая сохранит свою самостоятельность. Между тем сюда доходят слухи, что союзники вновь колеблются, предпринимать ли активные действия на Балканах; существует, будто бы, предположение, по мере прибытия сербских частей, отзывать французские. Престолонаследник просил меня считать эти сведения крайне доверительными. Его крайне смущает также недостаток вооружения, о чем телеграфирует военный агент. В заключение королевич сказал, что для союзников сербская армия — лишь средство в одном из театров войны, у сербов же это — последнее достояние. Это и побуждает последних с особой осторожностью взвешивать условия, при коих она будет использована. Престолонаследник надеется, что это будет понято Россией, которая поддержит его как в вопросе об общем плане действия на Балканах, так и в вопросе вооружения. Я сообщил доверительно моему французскому коллеге суть этой беседы, добавив, что представлялось бы желательным дать сербам успокоительные заверения.

Трубецкой.

№ 242. Начальник штаба верховного главнокомандующего представителю Ставки при штабе французского главнокомандующего Жилинскому.

Телеграмма № 579. 22/9 февраля 1916 г.

61 [2] и 62 [3]. [24] 11 февраля состоится совещание главнокомандующих под личным председательством государя по оперативным вопро-

[1] См. № 240.

[2] См. № 220.

[3] В тел. от 18/5 февр. за № 62 Жилинский сообщил Алексееву о результатах поездки Бриана в Рим. По своему содержанию эта тел. совпадает с тел. Извольского от 18/5 февр. за № 113 (см. № 219).

сам. Суть решений сообщу вам до [30] 17 числа. По поводу характерных телеграмм ваших выскажу: противник не будет справляться у Жоффра, окончил он подготовку или нет, атакует сам, как только климатические условия и состояние дорог позволит сделать это. Склонен думать, что, шумливо демонстрируя против французов, немцы разовьют удар против нас на северном и южном флангах; наши союзники будут взирать из своих траншей и авторитетно высказывать наше обязательство активно помогать Румынии, совершенно не желая изучать нашу обстановку. Мы перейдем в наступление, как только позволит состояние дорог, ибо только этим путем можно внести расстройство в соображения немцев. При протяжении фронта 1 200 верст, бедности тяжелой артиллерии, у нас легко найти уязвимые места, для нас пассивное сиденье всегда должно окончиться невыгодно. Определить точно срок наступления трудно; вы знаете, что весенняя распутица исключает возможность боевой работы и движения войск, особенно артиллерии и обозов; нужно дать несколько подсохнуть дорогам. Идут настойчивые сведения, что немцы сделают отчаянные усилия весной, для чего, будто бы, готовят новые войска и громадными массами будут стремиться к нанесению решительного удара скорее всего на нашем фронте. Тенденции генерала Жоффра будут играть в руку врага. Последний получит возможность бить нас по частям. Те же тенденции влияют на англичан: все стягивается на французский театр, отсутствует гибкость, желание использовать обстановку. Предложение развить наш успех в Малой Азии, захватить Александретту, грозить Багдаду отклонено ради сбора сил на главном театре [1]. Спокой-

[1] В записке от 8 февр./26 янв. Алексеев писал, что «на укрепление Александреттского района турками было обращено сравнительно мало внимания, а между тем вблизи его имеются два наиболее важных участка Багдадской железной дороги с тоннелями». По мнению Алексеева, «операции в районе Александреттского залива оттянут турецкие войска с европейского театра и в значительной степени нарушат планы наших врагов по подготовке салоникской операции». «Таким образом, — заканчивал Алексеев, — высадка в настоящее время английского десанта в районе Александреттского залива в значительной мере облегчит действия главным образом на южно-турецких театрах и прочно прикроет подступы к Суэцкому каналу и нарушит интересы немцев, вложивших в Багдадскую железную дорогу и на оборудование порта Александретты громадные суммы». На оригинале этой записки имеется помета ген. Алексеева: «Доложена его величеству... II. 1916 г.». Текст этой записки был передан англ. представителю при Ставке ген. Вильямсу 12 февр./30 янв. за № 612 (ср. № 486). На следующий день Вильямс ответил Алексееву, что он передал содержание этой записки в Лондон, но что, по имеющимся у него сведениям от ген. Колвелл, существует намерение использовать, насколько возможно, англ. войска, находящиеся в Египте, для наступательных операций во Франции (ср. № 453).

ное сиденье на последнем окончательно развяжет руки противнику, даст ему много шансов для успешной борьбы. Укомплектования для нашей армии имеются полностью, но ружья в среднем по 11 тысяч на дивизию, доставка прибывших в Александровск и Архангельск идет слабо, так что определить точно время пополнения до штата нельзя. В данное время выяснилось, что остатки двух турецких корпусов от Ашкалы повернули на Еникей — Диарбекир, бежавшие из Муша тоже взяли направление Диарбекир, куда идут, повидимому, подкрепления от Моссула. Вырисовывается, кажется, план, базируясь на железной дороге Адана—Александретта, образовать фланговую группу на нашем операционном направлении Эрзерум — Эрзингян — Сивас. Этот план рушится при одной попытке англичан овладеть Александреттой или Аданой. При некоторой смелости, предприимчивости союзники могли бы в будущем использовать наш успех, дать нам возможность продвинуться до Уние — Сивас, что совершенно парализовало бы значение турок на Балканах, обеспечило бы надежно Египет, Персию, Индию. Но все мои предложения отвергаются. Генерал Жоффр, видимо, все желает стянуть на французский театр. Очень прошу сообщить баллистические данные французской 9-сантиметровой пушки, которую нам предлагают.

Алексеев.

№ 243. Журнал образованного в составе совета министров совещания по финансово-экономическим вопросам[1].

23/10 февраля 1916 г.

Его императорскому величеству на всеподданнейшем докладе председателя совета министров о назначении представителей русского правительства на предстоящую в Париже экономическую конференцию союзных государств благоугодно было во [15] 2 день февраля 1916 года собственноручно положить резолюцию: «Согласен. Нужно обсудить инструкцию для наших представителей на этой конференции». С своей стороны, совет министров в заседании [18] 5 февраля 1916 года постановил предоставить учрежденному в составе совета, в силу высочайше утвержденного [30] 17 января 1916 года положения совета министров, совещанию по финансово-экономическим вопросам выработать проект соответствующей инструкции с тем, чтобы таковой подлежал засим внесению, в установленном порядке, на уважение совета министров. Во исполнение изъясненного предуказания совета для предварительной разработки надлежащих в этой области пред-

[1] Лит. копия. Заголовок оригинала.

положений, по ближайшему соглашению главных начальников прикосновенных ведомств, образована была междуведомственная, под председательством государственного контролера, комиссия. Этой последней намечен ряд относящихся к данному делу вопросов, по коим, при составлении инструкций, необходимо было бы располагать возможно полными и обоснованными заключениями компетентных министерств и главных управлений. Спроектированные вышеупомянутой междуведомственной комиссией вопросы и представляются ныне на предварительное, до сообщения ведомствам, одобрение финансово-экономического совещания [1].

Войдя в обсуждение настоящего дела, совещание прежде всего не могло не остановить внимание на том, что предметы занятий предстоящей в Париже международной конференции до сего времени не установлены с необходимой определенностью. Приведенное обстоятельство, несомненно, весьма затрудняет составление инструкции для наших уполномоченных, с одной стороны вызывая необходимость выяснения вопросов, быть может, не входящих в круг задач конференции, с другой же — не давая полной уверенности в том, что руководящие, полученные представителями русского правительства указания дадут ответ на все те запросы, которые неожиданно могут возникнуть при международном обсуждении условий экономического общения союзных держав. Вследствие сего совещание признало необходимым просить министра иностранных дел войти дипломатическим, при посредстве российского посла в Париже и французского посла в Петрограде, путем в ближайшие с французским правительством переговоры в видах выяснения определенной программы предстоящей конференции и пределов намеченных для нее задач. Обращаясь далее к порядку разработки соответствующей инструкции для наших уполномоченных на конференции, совещание полагало намеченный путь сообщения ведомствам списка требующих освещения вопросов вполне целесообразным, при условии, конечно, чтобы означенный список не носил исчерпывающего характера и от заинтересованных министерств и главных управлений зависело представить свои соображения по всем тем предметам, которые, по их заключению, требовали бы надлежащего выяснения, на случай возникновения соответствующих международных в Париже переговоров. С тем вместе, придавая скорейшему поступлению отзывов ведомств существенное значение, совещание находило правильным установить для сего определенный, примерно трехнедельный, срок, в том расчете, чтобы поступившие заключения могли быть возможно

[1] См. приложение к публикуемому документу.

заблаговременно, хотя бы на недельный срок, сообщены прочим ведомствам для надлежащего соображения. При этом в случае возникновения каких-либо междуведомственных разномыслий или требующих более детального рассмотрения вопросов совещание считало необходимым образовывать частные междуведомственные комиссии, дабы имеющие поступать на обсуждение совещания предположения носили по возможности соглашенный и во всяком случае разработанный во всех своих частностях характер и от совещания зависело бы разрешение преимущественно принципиальных сторон дела. Переходя, наконец, к самому перечню намеченных комиссией под председательством тайного советника Покровского для ведомственной разработки вопросов и признавая таковой в общем вполне отвечающим цели, совещание ограничилось лишь некоторыми частичными в них изменениями, установив их в окончательной, особо при сем прилагаемой, редакции.

На основании изложенного совещание положило:

Предоставить ведомствам, по принадлежности, руководствуясь приведенными в настоящем журнале суждениями, подвергнуть разработке подлежащие выяснению при составлении инструкции уполномоченным русского правительства на предстоящей в Париже экономической конференции вопросы и свои по сему поводу предположения внести в совещание не позднее [18]5 марта 1916 года.

Подписали: Борис Штюрмер, Сазонов, Н. Покровский, П. Барк, А. Наумов, кн. Шаховской.

Скрепил: Управляющий делами совета министров
И. Лодыженский.

Приложение.

Перечень вопросов, требующих обсуждения при составлении инструкции для представителей русского правительства на предстоящей в Париже экономической конференции союзных государств[1].

I

Вопросы, относящиеся к периоду текущей войны:

1) Согласование мер, принимаемых отдельными союзными державами по отношению к подданным воюющих с нами держав (договорные отношения, сделки, секвестр предприятий и имуществ и т. д.); в частности, отношение к задержанным в союзных государствах неприятельским судам.

[1] Лит. копия. Заголовок оригинала.

2) Пожелание о предоставлении на парижском и лондонском рынках на возможно широких основаниях коммерческого кредита в видах облегчения взаимных расчетов, вызываемых нуждами промышленности и торговли.

3) Отмена союзными державами существующего запрещения вывоза некоторых необходимых нам продуктов и предметов (селитра, станки, химические продукты, лекарства, металлы, поковки, шерсть и т. д.). Возможные в этом отношении уступки с нашей стороны в области установленного воспрещения вывоза. Общность мер по отношению к вывозу в нейтральные государства.

4) Обеспечение необходимого тоннажа для наших морских перевозок.

5) Выяснение тех требований о понижении союзными державами взимаемых с наших товаров пошлин, которые могли бы быть предъявлены нами в случае домогательства союзников о понижении установленных Россией таможенных пошлин.

6) Возможные меры борьбы с засилием неприятельских держав в некоторых нейтральных странах (например, в Китае).

II

Вопросы, относящиеся к периоду наступления мирных переговоров:

1) Выяснение необходимых мер в области обеспечения потребности союзных держав в сырых материалах, орудиях производства и продуктах (например, сохранение у нас запасов руды и обеспечение нас шерстью, джутом и т. д.).

2) Выяснение необходимых мер к ограждению союзных рынков от наплыва произведений неприятельских стран и возможных в этом направлении мероприятий по отношению к рынкам нейтральных государств.

3) Согласование общих принципов, подлежащих применению в отношении предъявления требований к неприятельским державам о возмещении причиненных войной убытков; соглашение о применении союзными державами одинаковых со своими подданными оснований для возмещения убытков, понесенных подданными других союзных держав.

4) Согласование общих принципов для исчисления понесенных каждой из союзных держав убытков.

III

Вопросы, относящиеся ко времени после войны:

1) Условия поселения подданных одной союзной страны в другой. Основания судебной для них защиты. Производство ими торговли и промыслов. Допущение акционерных предприятий. В частности, при-

менение к подданным союзных держав установленных для собственных подданных ограничений (например, еврейские ограничения).

2) Принципиальные основания для заключения будущих торговых договоров (автономность, конвенционность, взаимство) и система таможенных тарифов по привозу и вывозу товаров.

3) Запрещения и ограничения по ввозу и вывозу товаров и, в частности, по экспорту продуктов нашего животноводства (санитарно-ветеринарные меры).

4) Транзит товаров.

5) Таможенные обрядности.

6) Ограждение промышленной собственности (привилегии, торговые знаки и т. д.).

7) Льготы по отношению к торговому мореплаванию.

8) Железнодорожные тарифы.

9) Почтово-телеграфные тарифы.

10) Маловесные посылки.

11) Меры к привлечению иностранных капиталов (желательность привлечения этих капиталов в обрабатывающую и добывающую промышленности, а также к устройству путей сообщения, и нежелательность притока их в предприятия, преследующие вывоз из России сырья; возможность, в видах привлечения необходимых капиталов, упразднить некоторые стеснения в области промыслового законодательства, в отношении приобретения недвижимостей, состава правлений акционерных компаний и т. д.; возможность в данном направлении различного отношения к подданным союзных и всех прочих держав).

12) Меры, содействующие товарообмену и облегчению торговых сношений между союзными державами (паспорты, торговые посредники, образчики и т. д.).

13) Меры по закреплению после войны дружественных и нейтральных рынков за продуктами союзных держав и по ограждению этих рынков от захвата их произведениями неприятельских государств.

№ 244. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 735. 23/10 февраля 1916 г.

Me réfère à mon télégramme [2 février] 19 janvier № 337 [1].

Dans note adressée à ambassade britannique ministre finances proteste contre décision gouvernement britannique tendant à nous retirer libre disposition de deux millions livres par mois si ne consentons pas communiquer préalablement pièces justificatives de leur emploi. Cette

[1] См. № 120.

décision est motivée par impossibilité pour gouvernement britannique consentir desiderata exposés mon télégramme 337 sur débours non imputables sur ce crédit.

Ministre estime que gouvernement anglais avait sans doute apprécié importance pour nous disposer libre crédit deux millions car enfin de compte il avait accédé à nos demandes réitérées.

Pour trouver base entente ministre consent imputer sur ledit crédit dépenses du ministère impérial.

Pour ce qui est machines ministre répète qu'elles sont commandées et achetées pour besoins de guerre dans usines et fabriques déterminées ce qui doit évidemment les placer quant à leur règlement même pied que objets nécessaires défense nationale payables sur crédits ordinaires.

Pour métal blanc ministre revient sur indication que pour amener bonne fin travaux rétablissement circulation normale billon il est absolument nécessaire exécuter mesures et plan entrepris dans ce sens.

Prière soutenir ces considérations auprès du gouvernement britannique.

Sazonow.

Перевод.

Ссылаюсь на мою телеграмму от [2 февраля] 19 января № 337.

В ноте на имя британского посольства министр финансов протестует против решения британского правительства, направленного к лишению нас права свободно распоряжаться двумя миллионами фунтов стерлингов в месяц, если мы не согласимся предварительно представлять оправдательные документы на их использование. Это решение мотивируется невозможностью для британского правительства согласиться на удовлетворение пожеланий, изложенных в моей телеграмме 337, относительно расходов, не подлежащих отнесению на счет этого кредита.

Министр полагает, что английское правительство, без сомнения, оценило то значение, какое имеет для нас возможность располагать свободным кредитом в два миллиона, так как в конечном счете оно дало свое согласие на наши повторные просьбы.

Чтобы найти основу для соглашения, министр согласен отнести на счет этого кредита расходы императорского министерства.

Что касается машин, то министр повторяет, что они заказаны и куплены на военные надобности для определенных фабрик и заводов, что, очевидно, должно ставить их, в отношении платежа, в равное положение с предметами, необходимыми для государственной обороны, подлежащими оплате за счет обыкновенных кредитов.

Относительно серебра министр снова указывает, что для завершения работ по восстановлению нормального обращения разменной монеты абсолютно необходимо выполнить предпринятые в этом направлении меры и планы.

Просьба поддержать эти соображения перед британским правительством.

Сазонов.

№ 245. Записка советника IV политического отдела Козакова[1].

23/10 февраля 1916 г.

При моем отъезде в Японию в свите великого князя Георгия Михайловича [2], министр иностранных дел поручил мне ознакомить японских государственных людей с его взглядами на будущие отношения России и Японии и на необходимость для них солидарного действия, направленного против внедрения Германии в Китае.

В Андуне, на границе Кореи, мы встретили назначенных состоять при великом князе генерала Терауци и посланника в Мексике Адаци. С последним я был близок в бытность секретарем в Японии, а граф Терауци, бывший в то время военным министром, выказывал мне явное расположение, продиктованное, конечно, его убеждением в пользе дружбы между Россией и Японией. Из первых же моих разговоров с г. Адаци я вынес впечатление, что моему приезду в Японию придают значение политической миссии. Я ознакомил его поэтому вкратце с данным мне поручением. При следующей же встрече г. Адаци сказал мне, что передал мои слова графу Терауци, который отнесся к ним весьма сочувственно и вызвался поддержать наши желания перед своим правительством. По совету г. Адаци и сопровождавшего великого князя японского генерала Накадзима, я имел разговор с глазу на глаз с графом Терауци в поезде между Кобе и Токио. Я сказал ему следующее:

Как бы ни окончилась настоящая война, Европа будет долго разделена на два лагеря: в одном будут германские государства, в другом прочие великие державы Европы. Мы хотели бы видеть Японию в нашем лагере и думаем, что это выгодно для нее, ибо Германия составляет и для Японии опасность в Китае. Я напомнил графу Терауци, что император Вильгельм, при свидании в Балтийском порте, указывал С. Д. Сазонову на Японию как на врага России и советовал русскому правительству, совместно с Германией, развивать и укреплять Китай, в виде противовеса Японии. Я указал также на известные нам откровения г. Либермана, указывавшего армянам на преследуемую германским правительством на Дальнем Востоке цель сделать Китай орудием своей политики. Противодействовать этим замыслам, сказал я, необходимо столько же Японии, сколько и России, и в этих видах они должны объединить свои силы. Став союзниками, Россия и Япония естественно могли бы рассчитывать на некоторые взаимные услуги. Русское правительство желало бы получить от японского необходи-

[1] Препровождена Сазоновым Николаю II при докл. записке от 26/13 февр.
[2] См. т. IX, стр. 542, прим. 1.

*

мое нашей армии оружие. До сих пор японское правительство уступало нам предметы вооружения устарелые или лишние, но не трогало запасов, необходимых для мобилизации японской армии. Для союзников оно может отдать оружие, которое составляет вооружение его армии и утрата которого при уступке нам была бы равнозначуща его израсходованию на полях битв против общего врага. Что касается японского правительства, то хотя в сущности к большим политическим комбинациям неразумно примешивать вопросы о мелких выгодах, но дабы избежать упреков в том, что Япония не извлекает соответствующих выгод из сближения с Россией, японское правительство могло бы потребовать от нас каких-либо компенсаций, например уступки ему ветки Китайской-Восточной железной дороги, находящейся в японской сфере, или компенсаций в других областях, не затрагивающих суверенных и территориальных прав России.

Граф Терауци выразил полное сочувствие изложенным мною мыслям, но заметил, что в Японии есть сторонники Англии, которые боятся сближения с Россией. На это я возразил, что не понимаю таких опасений. Это сближение только укрепило бы англо-японский союз, ибо если бы Россия сделалась союзницей и Англии и Японии, эти державы должны были бы держаться друг друга и искать разграничения там, где их интересы сталкиваются в Китае. Дальнейший наш разговор коснулся китайской политики Японии, причем граф Терауци осуждал свое правительство за резкое отношение к Китаю вообще и к Юань Ши-каю в частности. По его словам, барон Ишии, только-что вернувшийся из Европы и незнакомый с китайской политикой, сделал явную ошибку своим вмешательством в вопрос о провозглашении Юань Ши-кая императором [1]. В бытность в Токио граф Терауци говорил по этому поводу с графом Окума и, повидимому, успел убедить его в необходимости менее натянутых отношений к китайскому правительству и к его нынешней главе. Вполне сочувствуя нашей мысли выгнать немцев из Китая, граф Терауци считает нужным предварительно установить более доверчивые отношения между японским и китайским правительствами. В заключение граф Терауци советовал мне не говорить ни с графом Окума, ни с другими государственными людьми Японии на тему нашего разговора, но высказаться в этом смысле только перед бароном Ишии. С своей стороны, он обещал мне самую энергичную поддержку, как перед старейшими государственными деятелями (генро), так и перед кабинетом.

Следуя этому совету, я виделся с бароном Ишии тотчас по приезде

---

[1] См. т. IX, № 145.

в Токио и развил перед ним те же мысли, что и в разговоре с графом Терауци. Я прибавил, что говорю по поручению С. Д. Сазонова и повторяю то, что уже говорилось неоднократно русским министром иностранных дел японскому послу. Барон Ишии ответил, что сочувствует мыслям С. Д. Сазонова и постарается дать мне ответ до моего отъезда из Токио. Через несколько дней г. Адаци, с которым мы постоянно видались, пожелал точнее выяснить, согласно ли русское правительство уступить Японии всю южную ветку Китайской-Восточной железной дороги или же только часть ее, лежащую в японской сфере. Я ответил, конечно, что в объяснениях с бароном Мотоно речь шла только о части этой ветки к югу от Сунгари, где ее присутствие в японской сфере может представлять для японцев некоторые неудобства.

Накануне нашего отъезда из Токио барон Ишии вызвал меня и дал мне тот ответ, о котором я донес по телеграфу [1]. О возможном внедрении Германии в Китай он выразился: «We cannot tolerate it» [2], но находил излишним закреплять на бумаге взаимное обязательство бороться против такого внедрения. Об изгнании немцев из Китая он высказался в том же смысле, как и в разговорах с Н. А. Малевским. Еще до отъезда из Токио я ознакомил с этим ответом графа Терауци, который заметил, что барон Ишии напрасно говорил со мной так уклончиво.

Последний мой разговор на эту тему с графом Терауци происходил в Сеуле. Он сам пожелал говорить со мной и говорил через г. Адаци. Граф Терауци сказал мне, что много работал в Токио для нашего дела, пока оставался там после отъезда великого князя Георгия Михайловича; что во дворце был совет генро, на котором наши мысли были одобрены, и что никакая смена кабинетов в Японии не может помешать тому, чтобы политика японского правительства пошла желательным нам путем. В дальнейшем наш разговор касался того, на уступку какого количества оружия из запасов японской армии мы можем рассчитывать.

Козаков.

№ 246. Поденная запись министерства иностранных дел [3].

23/10 февраля 1916 г.

Государь император изволил принять императорского посланника в Швеции А. В. Неклюдова [4].

[1] См. № 41.

[2] «Мы не можем этого допустить».

[3] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 12.

[4] См. № 149 и прим. к нему.

Государь, между прочим, повелел д. с. с. Неклюдову передать по возвращении своем в Швецию королю Густаву V от имени его величества, что он признает за благо сделать все от него возможное, дабы поддержать и укрепить искренние и добрососедские отношения между Россией и Швецией, и что он надеется, что король Густав со своей стороны приложит все старания к тому же [1].

№ 247. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 190. 23/10 февраля 1916 г.

Копии в Париж и Афины.

Ссылаюсь на мой № 181 [2].

Греческий посланник, пытаясь дать объяснения Соннино по поводу инцидента в греческом парламенте, спросил, что следует делать далее. Министр ответил, что он высказал свою оценку случившегося и ничего более не требует, предоставляя Греции делать, что ей угодно. Он берет, однако, обратно свое заявление, что итальянский отряд на Корфу не будет увеличен [3], считая себя совсем свободным от всякого обязательства. Передавая мне этот разговор, Соннино сказал, что он не намерен усиливать отряда.

Гирс.

---

[1] Тел. от 6 марта/22 февр. за № 98 Неклюдов сообщил Сазонову, что он «был принят сегодня королем Густавом и передал его величеству всемилостивые слова государя императора». Король заявил ему, что «он сам искренне дорожит сохранением и укреплением добрососедских отношений между Швецией и Россией и, со своей стороны, сделает все, что только возможно, для поддержания этих добрых отношений». В заключение король подчеркнул, что за все время войны Швеция «не может ни в чем пожаловаться на Россию, но терпит большие стеснения со стороны Англии, а иногда и правонарушения со стороны Германии», и что Швеция во имя принципа обязана опротестовывать эти стеснения и правонарушения.

[2] 16/3 февр. в тел. за № 91 (опубл. Е. д. и Гр., стр. 65) Демидов сообщил, что на заседании греч. палаты депутатов от 15/2 февр. «один депутат от Корфу в запросе о высадке итальянцев на острове выразился крайне оскорбительно об Италии и, как говорят, о короле, причем председатель совета министров, отвечая на запрос, не счел нужным высказать хотя бы сожаление по поводу этой выходки». На заявленный итал. посланником протест по этому поводу Скулудис ответил, что «воздержался от порицания депутата, чтобы не обострять прений». Тел. от 20/7 февр. за № 174 Гирс сообщил о данном Соннино предписании итал. посланнику выразить «удивление и негодование» по поводу того, что греч. председатель совета м-ров воздержался от порицания выходки депутата.

В тел. от 22/9 февр. за № 181 Гирс сообщил, что газетные сведения о том, будто Италия потребовала удовлетворения от Греции, неверны.

[3] См. стр. 159, прим. 2.

№ 248. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 110. 23/10 февраля 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Беседа короля с Саррайлем [1] носила вполне дружественный характер. Французский главнокомандующий, повидимому, убедил его величество в необходимости всех принятых им военных мер. Он с негодованием отверг существование недоверия, столь обидного грекам, к действиям греческой армии. Наконец, Саррайль заявил королю, что в его виды не входит вовлечь Грецию в войну против ее воли. Если же Греция когда-либо сочтет, что ее интересы требуют выступления с союзниками, Саррайль поспешит стать под командование славного военачальника греческой армии. Слова эти возымели заслуженный успех. Саррайль посетил председателя совета министров, коему он отказал в предварительном обращении к греческим властям по осуществлению мер, считаемых им нужными. Он виделся с Венизелосом и Заимисом, и в общих чертах посещение французского генерала рассеяло подозрения и принесло пользу [2]. На улицах толпа сочувственно демонстрировала. Саррайль мне сказал, что взятие Эрзерума (отсрочило) теперь опасность со стороны турок и значительно облегчило положение армии в Салониках.

Демидов.

№ 249. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 111. 23/10 февраля 1916 г.

Личная.

Копия в Париж.

Не подлежит сомнению, что общая атмосфера в Греции становится более благоприятной Согласию. Причины: 1) Усиление союзных сил в Македонии и мнение греческих военных кругов о неприступности Салоник. 2) Уклонение Германии от столь громко оповещенного ими нападения на Салоники и подтверждение слуха об отвлечении крупных болгарских сил к румынской границе. 3) Более предупредительное отношение Саррайля к снабжению греческих войск. 4) Взятие Эрзе-

---

[1] См. стр. 233, прим. 3.

[2] Тел. от 19/6 февр. за № 116 Извольский сообщил о появившемся в газете «Temps» письме греч. королевича Николая, подробно разъяснявшем занятую Грецией позицию. По словам Извольского, письмо было составлено «в весьма дружественном к Франции тоне и, видимо, имеет целью изгладить впечатление, произведенное известным выступлением короля Константина в американской печати» (см. № 60).

рума, произведшее здесь большое впечатление. 5) Сведения из Берлина о финансовом затруднении в Германии. 6) В связи с предыдущим и с поддержкой Франции начавшееся оживление венизелистской пропаганды.

Демидов.

№ 250. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 6. 23/10 февраля 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь уже телеграфировать вашему высокопревосходительству [1], [21] 8 февраля меня, наконец, посетил прибывший в Пекин монгольский министр юстиции Цецен-хан [2]. В дружеской беседе, длившейся около часа, я старался предупредить хана о характере тех заверений, которые могли ему делать китайцы, несомненно, желающие очаровать его своей любезностью на словах, на деле же направляющие все свои усилия к тому, чтобы свести на-нет признанную ими, благодаря воздействию России, автономию Внешней Монголии; особенно я посоветовал ему быть осторожным и не доверять монголам, проживающим в Пекине и закупленным китайцами, как например, харачинскому князю Гунсан-Норбо, известным князьям Хай-сану, Удаю, Наянту и другим, деятельность коих всегда шла в разрез с истинными интересами Халхи. Я указал ему также на появившиеся в китайских газетах, с официальным органом во главе, статьи по случаю его прибытия в Пекин, дающие оценку этому событию в смысле особого проявления лойяльности хутухты к новому императору Китая и пытающиеся дать понять читателям, что автономии Монголии пришел конец; при этом эти газеты, говоря о подарках, привезенных президенту от имени хутухты, называют их монгольской данью [3]. В заключение я осведомился у министра о том, насколько верны дошедшие до меня сведения касательно деловых переговоров, которые ведутся им с китайскими властями.

Цецен-хан категорически заверил меня, что никаких переговоров с китайцами он не ведет, имея лишь одно поручение: поднести подарки хутухты президенту в ответ на те подарки, которые последний прислал

---

[1] Тел. от 21/8 февр. за № 72, изложенной в публикуемом документе.

[2] См. т. IX, № 741 и прим. 2 к нему.

[3] Сообщая Сазонову в тел. от 17/4 февр. за № 68, что Цецен-хан был принят президентом в аудиенции, причем «девять раз земно кланялся Юань Шикаю», Крупенский отмечал, что все поведение Цецен-хана и особенно его поклоны произвели «удручающее впечатление на здешних монголов, говорящих, что он потерял лицо и что монгольской автономии наступил конец».

с Чен-Лу; что слухи, о которых я ему сообщил, ни на чем не основаны, так как, даже получив от президента ордена, он и второй монгольский посланец не сочли возможным их принять и запросили разрешения хутухты, каковое до сих пор не получили, и что вообще без специального приказания хутухты он не намерен предпринимать ничего здесь, кроме того, что касается его прямой миссии. Вместе с тем хан просил моего разрешения в случае необходимости обращаться ко мне за советами и выразил надежду, что я не оставлю его в заступничестве, если такое потребуется. Я, конечно, изъявил полную готовность помогать ему.

Хотя вообще как Цецен-хан, так и сопровождавший его Чамьин-Ван, товарищ военного министра, произвели на меня весьма благоприятное впечатление, я все же затрудняюсь на основании одного лишь первого свидания с ними придавать полную веру их словам. И это тем более, что, по полученным мною из секретных источников сведениям, между монголами и китайцами идут в действительности деловые переговоры. Мне сообщают, что переговоры эти касаются усовершенствования путей сообщения между Халхой и Китаем, реорганизации внутреннего управления Внешней Монголии, в частности же учреждения полиции в главных городах, отведения площадей под земледельческие распашки, разработки лесных и горных богатств и даже преобразований в кочевом быте монголов.

Трудно, конечно, предположить, чтобы монгольское правительство решилось вести через Цецен-хана формальные переговоры с китайцами по перечисленным выше вопросам, ибо таковые были бы полным нарушением наших соглашений по монгольским делам, но я все же счел долгом сообщить вашему высокопревосходительству о помянутых, полученных мною секретным путем, сведениях, так как китайцы, несомненно, будут пытаться добиться проведения в жизнь подобных реформ в Монголии как при посредстве преданных им монголов, проживающих в Пекине, так и при содействии их уполномоченного в Урге Чен-Лу.

Во всяком случае я буду продолжать старательно следить за этой стороной пребывания в Пекине Цецен-хана, который рассчитывает остаться здесь еще две недели и вернется в Ургу тем же путем, каким приехал сюда, т. е. через Калган [1].

Примите и пр.

В. Крупенский.

---

[1] В деп. от 5 апр./23 марта за № 91 Миллер передавал Сазонову свой разговор с Саин Ноин-ханом. На слова Саин Ноин-хана, что «такого предупредительного и ласкового отношения китайского правительства к монголам, как

№ 251. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 105. 24/11 февраля 1916 г.

Секретно. Спешное.

М. г. Петр Львович [1],

Из полученного ныне во вверенном мне министерстве проекта союзного договора, предложенного тегеранским кабинетом [2], явствует, что наряду с удовлетворением некоторых его пожеланий военного и политического характера персидское правительство ожидает от России и Великобритании необходимой, довольно значительной, финансовой поддержки. Независимо от отпуска средств на содержание персидской армии, каковой расход должен пасть на русский и английский военные фонды и о чем я уже вошел в сношение с военным министром, тегеранский кабинет просит о безвозвратном отпуске ему ежемесячно, со дня подписания договора до истечения одного месяца после заключения мира между европейскими державами, суммы в 500 000 томанов. Далее, шахское правительство высказывает пожелание, чтобы Россия и Великобритания приняли полностью на себя долги его как обоим правительствам этих держав, так и банкам и другим частным обществам, дабы Персия, таким образом, оказалась свободной от всех своих финансовых обязательств, считая капиталы и проценты — до дня подписания союзного договора. К сказанному шахское правительство присоединяет еще просьбу о том, чтобы «русское и великобританское правительства допускали и поддержали своим благожелательным посредничеством пересмотр и исправление персидского таможенного тарифа, который будет действителен лишь на определенное количество лет».

Изложенное являет собою, конечно, максимум персидских вожделений и, передавая проект договора императорскому и великобританскому посланникам, глава тегеранского кабинета дал понять, что в этом отношении со стороны Персии, вероятно, можно будет рассчитывать на более или менее серьезные уступки.

в настоящее время, еще не было», Миллер заметил, что китайцы во всех своих действиях «руководствуются исключительно расчетом, а не какими-либо симпатиями» и что истинной целью «заигрывания Китая с автономной Внешней Монголией» является желание «вновь подчинить Халху Китаю на правах простой китайской провинции, уничтожив выговоренную соглашениями автономию этой страны».

[1] Начало письма совпадает с письмом министра к военному министру от [21]8 февр. № 99 до слов: «Из полученного ныне во вверенном мне министерстве». [Прим. оригинала.] См. № 231.

[2] См. приложение к № 35.

Рассмотрев эти требования, д. с. с. Эттер и г. Марлинг, со своей стороны, выработали следующий проект контрпредложений персам [1]:

«Российское и великобританское правительства со дня подписания договора впредь до истечения одного месяца после заключения мира между европейскими державами будут предоставлять в распоряжение персидского правительства ежемесячно сумму в 70 000 ф. ст. (350 000 томанов). Соглашение... октября [2] в той части, которая касается ежемесячной уплаты моратория (30 000 ф. ст. = 150 000 томанов), остается в силе. Но суммы, касающиеся ретроактивного моратория, будут употреблены на частичное погашение долгов персидского правительства Учетно-ссудному и Шахиншахскому банкам Персии.

Правительства российское и великобританское принципиально изъявляют согласие на пересмотр таможенного тарифа. Специально для сего назначенная комиссия из представителей трех держав будет созвана в течение одного года по окончании войны».

Из этого видно, что посланники находят нужным удовлетворить пожелание шахского правительства касательно ежемесячной субсидии полностью, отвергая вместе с тем домогательство его о сложении с него прежних долгов, из коих лишь часть может быть погашена за счет так называемого ретроактивного моратория.

Великобританское правительство разделяет взгляд обоих посланников и признает желательным приступить к уплате шахскому правительству сказанной субсидии в возможно непродолжительном времени [3].

Со своей стороны, я не могу не присоединиться к мнению лондонского кабинета, так как денежный вопрос, несомненно, является для правительства шаха наиболее существенным. Принимая во внимание, что 15 000 ф. ст. нами уже уплачиваются Персии вследствие дарованного ей моратория, новый расход, который потребовался бы с нашей стороны, выразился бы в сумме 35 000 ф. ст. ежемесячно. Расход этот пришлось бы, разумеется, отнести к разряду тех ассигнований, которые вызываются насущными потребностями военного времени.

Что касается обещания о пересмотре таможенного тарифа, то едва ли могут быть какие-либо препятствия к тому, чтобы дать его персам в той неопределенной форме, как оно проектируется и которая ни к чему нас вперед не обязывает.

Передавая об изложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать почтить меня вашим заключе-

[1] См. приложение к № 92.

[2] Дата в оригинале пропущена. См. т. VIII, № 898 и приложение к нему.

[3] См. № 212.

нием по содержанию сего письма в самом непродолжительном по возможности времени, так как и т. д. [1].

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 252. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма. 24/11 февраля 1916 г. [2].

En réponse à plusieurs questions concernant les termes de paix que l'Angleterre serait prête à accepter, le premier ministre a répété hier à la Chambre la déclaration faite en novembre 1914 [3] avec quelques modifications, dont partie saillante comme suit: «We shall never sheathe the sword, which we have not lightly drawn, until Belgium and Servia recover in full measure all, and more than all, she has [4] sacrificed, until France is adequately secured against the menace of aggression, until the rights of the smaller nationalities of Europe are placed upon an unassailable foundation, and until the military domination of Prussia is wholly and finally destroyed».

Benckendorff.

Перевод.

В ответ на ряд вопросов относительно условий мира, которые Англия была бы готова принять, премьер-министр повторил вчера в палате с некоторыми изменениями декларацию, сделанную в ноябре 1914 г., существенная часть которой [состоит] в следующем:

«Мы ни в коем случае не вложим в ножны меч, который мы не так легко извлекли, доколе Бельгия и Сербия не получат снова в полной мере того, что они принесли в жертву, и даже больше этого; пока Франция не будет должным образом обеспечена против угрозы нападения; пока права малых национальностей

[1] По письму к А. А. Поливанову. [Прим. оригинала.] В ответном письме от 17/4 марта за № 168 Барк писал Сазонову, что он не встречает препятствий к «принятию на счет России, в равной доле с Англией, нового расхода» и что ввиду последовавших со стороны англ. прав-ва возражений против отнесения выдач перс. прав-ву к числу субсидий второстепенным нейтральным государствам, он считает возможным согласиться на покрытие «таковых выдач в общей сумме 50 000 ф. ст. в месяц, согласно первоначальному предложению великобританского правительства, за счет общего кредита, предоставленного нам этим правительством». Что касается отказа Персии от ретроактивного моратория, то ввиду крупной цифры недоимок, числящихся за перс. правительством, эта уступка, по мнению Барка, существенного значения иметь не будет.

[2] Лит. копия этой тел. датирована 24/12 февр. и имеет № 230, повидимому, ошибочный, так как тел. Бенкендорфа за эти числа имеют №№ 77—80.

[3] Имеется в виду речь Асквита, произнесенная в Дублине 9 ноября/27 окт. 1914 г.

[4] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «they have».

в Европе не будут построены на прочном фундаменте и пока военное господство Пруссии не будет полностью и окончательно уничтожено».

Бенкендорф.

№ 253. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 41[1]. 24/11 февраля 1916 г.

Продолжение №№ 20[2] и 22[3].

В нескончаемых переговорах с Берлином произошел крутой переворот от уступчивости к упорству, и американское правительство, одобрявшее месяц тому назад столь выгодное для Германии разоружение торговых судов, теперь, на объявление, что германские подводные лодки с 1 марта будут топить все вооруженные торговые суда без предостережения, считая их военными, ответило, что эти суда свободны иметь орудия для защиты, и что они во время войны не изменят раз принятого взгляда на это право. Представители немецких элементов в конгрессе, озадаченные этой неожиданной энергией, попытались уговорить президента, чтобы он, по крайней мере, запретил американцам путешествовать на вооруженных торговых судах, но получили категорический отказ по причине, что президент не считал возможным ограничивать законную свободу граждан. При этом он объявил палатам, что все вопросы, касающиеся иностранных сношений, разрешаются одной исполнительной властью, и что он не допустит никакого в них вмешательства. Таким образом между президентом и конгрессом происходит небывалый до сих пор разлад, последствия которого трудно определить, так как большинство законодателей против разрыва с Германией, а г. Вильсон, повидимому, намерен твердо стоять на своем. Лансинг, на мой вопрос, что он будет делать до 1 марта, ответил, что не сдвинется с места, а когда я шутя сказал, что мартовские иды близки, добавил, что от них «кому-нибудь, может быть, и не поздоровится». Такое волнение, можно сказать, прежде не было с начала[4] и несмотря на старания большинства конгресса запугать президента и народ всеми «гибельными» результатами подобной политики, печать и общественное мнение весьма воинственны и чуть не в первый раз стоят на стороне президента.

Бахметев.

---

[1] Царск. экз. В литографии, хранящейся в арх. Ставки, имеется помета Кудашева: «Не знаю, выгодно ли нам вмешательство Америки в войну. Реальной помощи не будет, а наши заказы пропадут. Н. К.».

[2] См. № 134.

[3] См. № 143.

[4] Так в оригинале.

№ 254. Памятная записка министерства иностранных дел японскому послу в Петрограде Мотоно.

*/. № 153. 25/12 февраля 1916 г.

Le ministre des affaires étrangères de Russie n'a pas manqué d'étudier la communication que son excellence l'ambassadeur du Japon a bien voulu lui faire à la date du 18/5 courant [1] avec toute l'attention que mérite ce document, et tient à exprimer sa vive reconnaissance pour cet exposé amical des vues du gouvernement japonais.

Monsieur Sazonow croit nécessaire tout d'abord d'observer que le gouvernement japonais commettrait une erreur s'il interprétait comme dirigées contre les intérêts de ses sujets l'introduction d'un nouveau tarif douanier sur la frontière russe en Extrême Orient et la publication d'un nouveau règlement des pêcheries du Pacifique. Ces mesures ont été dictées, d'une part, par les considérations fiscales, le gouvernement russe se voyant obligé à profiter de chaque source de revenu pour couvrir les énormes dépenses de la guerre actuelle et, d'autre part, par la nécessité de régler en détail les conditions de l'exploitation des pêcheries du Pacifique, l'intensité excessive de cette exploitation étant devenue dangereuse pour la conservation des poissons. Les relations les plus intimes entre deux nations devraient laisser à leurs gouvernements la liberté d'action dans des questions semblables, qui sont tout à fait d'ordre intérieur, sans que l'amitié de ces nations en ait à souffrir. Pourtant si, dans le cas actuel, il s'agit d'un service à rendre au Japon en échange des sacrifices que ce dernier aurait fait pour venir en aide à la Russie, le gouvernement russe n'hésitera pas à revoir sa législation sur ces deux questions en prenant en vue les intérêts japonais.

Mr. Sazonow saisit cette occasion pour assurer à nouveau le gouvernement japonais que les services que ce dernier a rendus à la Russie, sont vivement appréciés par le gouvernement et la nation russes. La mission de son altesse impériale le grand duc George Mikhaïlovitch en est le témoignage.

Le gouvernement russe a appris avec une satisfaction particulière par les paroles de son excellence le baron Ishii adressées à Mr. Kozakow et par la communication de son excellence le baron Motono du 18/5 courant, que le gouvernement japonais partageait l'opinion du gouvernement russe quant au danger de l'activité en Chine du gouvernement allemand et de sa tendance de s'attribuer un rôle prépondérant dans ce pays [2]. C'est dans le but de combattre ce danger que le

[1] См. № 217.

[2] См. №№ 203 и 245.

gouvernement russe cherche à unir ses efforts à celles du Japon. Aussi l'alliance une fois conclue, elle devait produire sans retard ses effets. Le moment actuel où l'Allemagne est isolée en Europe et privée de toute communication avec l'Extrême Orient, paraît particulièrement favorable pour lui porter sur le terrain chinois un coup qui l'empêcherait d'en faire une base d'intrigues pendant la guerre et d'y établir son influence après la conclusion de la paix. Le gouvernement chinois devrait être invité à rompre avec les Puissances allemandes et à se ranger définitivement du côté des Alliés. Le gouvernement russe peut assurer le gouvernement japonais que en préconisant une telle action il n'a nullement l'intention d'encourager les chinois à réclamer les droits d'un belligérant dans la guerre actuelle ni une voix aux négociations de paix. Le gouvernement russe est conscient des désavantages que de pareilles réclamations pourraient entraîner tant pour lui-même que pour le gouvernement japonais. En allié loyal du Japon, la Russie ne cherchera pas à nuire aux intérêts japonais en Chine ni à empêcher le gouvernement japonais de consolider sa situation dans les parties de ce pays reconnues par le gouvernement russe comme sphère des intérêts spéciaux du Japon.

D'autre part, en faisant avec le Japon une alliance destinée à tenir en échec l'Allemagne, le gouvernement impérial russe espère pouvoir compter sur un appui plus efficace du Japon dans les opérations militaires contre cette Puissance. Dans ce but le gouvernement japonais pourrait céder à la Russie des armes et des munitions en quantités correspondant à celles que l'armée japonaise devrait dépenser si elle prenait une part active aux combats contre nos ennemis communs. De son côté, le gouvernement russe pourrait rendre un service correspondant au gouvernement japonais en lui cédant, par exemple à un prix à établir, la partie du tronçon sud du chemin de fer de l'Est Chinois qui se trouve dans la sphère japonaise de la Mandchourie et notamment entre la ville de Kouanchentsze et le Soungari. Les différentes difficultés causées par la présence de ce chemin de fer russe dans la zone japonaise, seraient ainsi écartées et le Japon aurait fait une acquisition qui lui compenserait la perte des armes qu'il aurait cédées à la Russie.

En exposant ainsi les idées de son gouvernement, Mr. Sazonow désire surtout écarter toute possibilité de malentendus dans des questions aussi graves, et savoir si le gouvernement japonais est disposé à les envisager sous le même jour.

Перевод.

Российский министр иностранных дел не преминул изучить со всем вниманием, каковое заслуживает этот документ, сообщение, которое его превосходи-

тельство японский посол соблаговолил сделать ему 18/5 текущего месяца, и считает долгом выразить свою горячую признательность за это дружественное изложение намерений японского правительства.

Г. Сазонов считает необходимым прежде всего заметить, что японское правительство совершило бы ошибку, если бы истолковало как направленное против интересов его подданных введение по дальневосточной русской границе нового таможенного тарифа и опубликование нового устава тихоокеанского рыболовства. Эти меры были продиктованы, с одной стороны, фискальными соображениями, так как российское правительство считало себя обязанным использовать всякий источник дохода для покрытия огромных расходов теперешней войны, и, с другой стороны, необходимостью подробно определить условия эксплоатации тихоокеанских рыболовных [участков], так как чрезмерная интенсивность их эксплоатации создала опасность для сохранения рыбного [стада]. В силу самых близких отношений между обеими нациями следовало бы оставить их правительствам свободу действий в подобных вопросах, являющихся вопросами совершенно внутреннего порядка, без того, чтобы это отзывалось на дружественных отношениях обеих наций. Однако если бы в данном случае шла речь об оказании услуги Японии взамен жертв, которые она могла бы принести для того, чтобы притти на помощь России, то российское правительство не поколебалось бы пересмотреть свое законодательство по этим двум вопросам, учитывая японские интересы.

Г. Сазонов пользуется этим случаем, чтобы снова заверить японское правительство, что услуги, оказанные последним России, горячо ценятся российскими правительством и народом. Об этом свидетельствует миссия его императорского высочества великого князя Георгия Михайловича.

Российское правительство узнало с особым удовлетворением из слов, с которыми его превосходительство барон Ишии обратился к г. Козакову, и из сообщения его превосходительства барона Мотоно от 18/5 текущего месяца, что японское правительство разделяет мнение российского правительства относительно опасной деятельности в Китае германского правительства и его стремления присвоить себе главенствующую роль в этой стране. Для борьбы именно с этой опасностью российское правительство стремится объединить свои усилия с усилиями Японии. Как только союз будет заключен, результаты его должны будут тотчас же сказаться. Настоящий момент, когда Германия изолирована в Европе и лишена каких-либо сообщений с Дальним Востоком, представляется особо благоприятным для нанесения ей на китайской территории удара, который помешал бы Германии превратить последнюю в опорный пункт для интриг во время войны и установить там свое влияние после заключения мира. Китайское правительство должно было бы быть приглашено порвать с германскими державами и стать окончательно на сторону союзников. Российское правительство может заверить японское правительство, что, предлагая такой образ действий, оно отнюдь не имеет намерения поощрять китайцев к тому, чтобы они требовали прав воюющей державы в настоящей войне и права голоса во время переговоров о мире. Российское правительство отдает себе отчет в отрицательных последствиях, которые могли бы возникнуть в результате подобных требований как для него самого, так и для японского правительства. Как лойяльный союзник Японии, Россия не будет стараться действовать во вред японским интересам в Китае и препятствовать японскому правительству

упрочивать свое положение в областях этой страны, признанных российским правительством сферой специальных интересов Японии.

С другой стороны, заключая с Японией союз, имеющий целью создать препятствия для Германии, императорское российское правительство надеется, что оно может рассчитывать на более действенную поддержку Японии в военных операциях против этой державы. С этой целью японское правительство могло бы уступить России оружие и военные припасы в количестве, соответствующем тому, которое должна была бы израсходовать японская армия, если бы она принимала активное участие в сражениях против наших общих врагов. Со своей стороны, российское правительство могло бы оказать соответствующую услугу японскому правительству, уступив ему, например, по цене, подлежащей установлению, часть южного участка Восточно-Китайской железной дороги, которая находится в японской сфере влияния в Манчжурии, а именно между городом Куанченцзы и Сунгари. Различные затруднения, вызываемые нахождением этой русской железной дороги в японской зоне, были бы таким образом устранены, и Япония сделала бы приобретение, компенсирующее ее за оружие, которое она уступила бы России.

Излагая таким образом взгляд своего правительства, г. Сазонов желает в особенности устранить всякую возможность недоразумений в столь важных вопросах и желает осведомиться, расположено ли японское правительство рассматривать их таким же образом.

№ 255. Сообщение французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

25/12 февраля 1916 г.

Le président du conseil, ministre des affaires étrangères à Mr. l'ambassadeur de France en Russie.

Je vous prie de dire à Mr. Sazonow que notre demande [1] témoignait du désir qu'avait le gouvernement de la République de voir la Russie déléguer son plus haut représentant à la conférence des Alliés du milieu de mars; je comprends fort bien que les grands devoirs de sa charge ne lui permettent pas une aussi longue absence.

Mais il n'y a, dans le désir qui a été exprimé, rien qui puisse atteindre la personnalité de Mr. Iswolsky; l'ambassadeur de Russie, muni des pouvoirs spéciaux qui lui ont été conférés, sera accueilli par nous avec la même confiance et la même considération que celle dont il jouit à Paris depuis le début de sa mission en France [2].

---

[1] См. № 235.

[2] В тел. от 21/8 февр. за № 286, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Бьюкенен сообщил Грею о выступлениях Палеолога, настаивавшего на приезде Сазонова в Париж или на посылке какого-либо другого лица, которое представило бы его на парижской конференции. Свою тел. Бьюкенен заканчивал следующими словами: «Я полагаю, что это из-за личности Извольского он был так настойчив в вопросе о другом русском представителе на конференции».

Перевод.

Председатель совета министров, министр иностранных дел г. французскому послу в России.

Прошу вас сказать г. Сазонову, что наша просьба свидетельствовала об имевшемся у правительства республики желании, чтобы Россия делегировала своего высшего представителя на конференцию союзников, созываемую в середине марта; я очень хорошо понимаю, что лежащие на нем обширные обязанности не позволяют ему отсутствовать так долго.

Но в выраженном желании нет ничего, что могло бы затронуть личность г. Извольского; российский посол, снабженный данными ему специальными полномочиями, будет принят нами с таким же доверием и таким же уважением, какими он пользуется в Париже с начала его миссии во Франции.

№ 256. Министр иностранных дел председателю совета министров Штюрмеру.

Письмо № 133 п/о. 25/12 февраля 1916 г.

М. г. Борис Владимирович,

На основании высочайше утвержденного [3 апреля] 21 марта 1915 года положения совета министров [1] императорское правительство приняло участие в равных с Францией и Англией долях в выдаче Сербии, начиная с [14] 1 января 1915 года, периодических авансов для покрытия расходов, сопряженных с ведением войны. Означенные ежемесячные авансы, по 30 000 000 франков каждый, произведены в настоящее время до [14] 1 ноября 1915 минувшего года. Ныне сербское правительство обратилось к союзным державам с просьбой о дальнейшем оказании Сербии денежной помощи в размере 150 000 000 франков на покрытие военных расходов с [14] 1 ноября 1915 года по [14] 1 апреля 1916 года [2]. Ввиду установления, во время последнего пребывания г. министра финансов в Лондоне [3], принципиального согласия со стороны союзных правительств на предоставление Сербии средств для ведения войны и признавая участие России в помянутом новом авансе весьма желательным, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать в зависящих распоряжениях ко внесению означенного вопроса на обсуждение совета министров.

К сему считаю долгом присовокупить, что министр финансов письмом от [21] 8 сего февраля за № 35 [4] уведомил меня, что он со своей

[1] См. т. VII, № 236 и стр. 310, прим. 1.
[2] См. № 183.
[3] См. т. VIII, ч. 2, стр. 279, прим. 2.
[4] Письмо Барка в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

стороны находит возможным удовлетворить помянутую просьбу сербского правительства, при условии соблюдения оснований, выработанных в Париже на совещании министров финансов союзных правительств [1].

Примите и пр.

Сазонов.

№ 257. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 80. 25/12 февраля 1916 г.

Les publicistes russes qui ont accepté l'invitation du gouvernement anglais, sont arrivés depuis trois jours[2]. A en juger d'après les débuts tout à fait heureux, je crois pouvoir augurer bons résultats de cette visite qui coïncide avec circonstances très favorables au but qui a inspiré l'invitation [3].

Benckendorff.

Перевод.

Русские журналисты, которые приняли приглашение английского правительства, приехали три дня тому назад. Судя по очень удачному началу, я считаю возможным предсказать хорошие результаты этого посещения, совпавшего с обстоятельствами, весьма благоприятными для цели, ради которой было сделано это приглашение.

Бенкендорф.

---

[1] Особым журналом совета м-ров от 3 марта/19 февр. 1916 г. было постановлено: «Отпустить министерству иностранных дел чрезвычайным сверхсметным кредитом сумму, равную пятидесяти миллионам фр., для выдачи ее сербскому правительству на военные издержки с отнесением сего расхода на наличные средства государственного казначейства». Об этом решении совета министров Нератов известил Извольского и Бенкендорфа тел. от 25/12 марта за № 1227.

[2] Русские журналисты, во главе с Вас. Ив. Немировичем-Данченко, приехали 21/8 февр. в Лондон; 24/11 февр. они были приняты англ. королем, обратившимся к ним с речью, в которой, между прочим, он заявил следующее: «Я часто говорил, какое важное значение имеет для наших народов взаимное понимание. Ваше посещение, без сомнения, поможет такому пониманию. Я уверен, что согласие трех наций — России, Франции и Англии — будет существовать и после войны и будет необходимым для наших общих интересов. Теперь же оно поможет нам достичь нашей конечной цели и победить врага».

[3] Тел. от 7 марта/23 февр. за № 99 Бенкендорф сообщал, что франц. посол в Лондоне передал русским журналистам приглашение Бриана посетить франц. фронт.

*

№ 258. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 124[1]. 25/12 февраля 1916 г.

Копия в Лондон.

Палеолог телеграфировал сюда, что вы заранее согласны с результатами англо-французских переговоров об Аравии и Сирии и потому считаете прибытие г. Пико в Петроград излишним[2]. Камбон сказал мне, что, тем не менее, французское правительство, желая действовать в полном согласии с нами и устранить всякую возможность недоразумений в будущем, придает значение тому, чтобы как Пико, так и лица, с которыми он вел в Лондоне сказанные переговоры, прибыли в Петроград и подробно ознакомили вас со своим трудом. Бриан телеграфирует в этом смысле в Петроград и Лондон[3].

Извольский.

№ 259. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо[4]. 25/12 февраля 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие циркулярного сообщения, сделанного правительством Северо-Американских Соединенных Штатов 3 февраля н. ст.[5] аккредитованным в Вашингтоне представителям воюющих держав относительно ведения войны при посредстве подводных лодок, французское правительство изложило в ноте от 19/6 февраля, адресованной здешнему великобританскому послу, различные соображения, в силу коих парижский кабинет не признает возможным принять американское предложение[6].

---

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 153.

[2] Тел. от 18/5 февр. за № 111 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 152) Извольский сообщил, что «бывший французский генеральный консул в Бейруте Жорж Пико, которому поручено было вести в Лондоне переговоры по вопросу о халифате и независимости арабского государства [см. № 167], командируется с тем же поручением в Петроград». Со своей стороны, Бенкендорф тел. от 21/8 февр. за № 71 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 152) сообщил, что англ. представитель Марк Сайкс сопровождает Жоржа Пико в Петроград.

[3] Тел. от 29/16 февр. за № 829 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 153) Сазонов ответил: «Весьма признателен Бриану за его предупредительность и с удовольствием выслушаю г. Пико и его спутников».

[4] Маш. копия.

[5] Так в оригинале; повидимому, имеется в виду нота Лансинга от 18/5 янв. См. стр. 90, прим. 1.

[6] В ноте англ. послу в Париже от 19/6 февр. франц. прав-во выражало сомнение в целесообразности обсуждения америк. проекта, который, по его мне-

Ввиду важности согласования в настоящем деле взглядов всех союзных держав, французское правительство сообщило мне означенную свою ноту, прося осведомиться, разделяет ли императорское правительство изложенные в оной соображения.

Вследствие этой просьбы имею честь препроводить у сего на благоусмотрение вашего высокопревосходительства упомянутую ноту, а равно приложить циркулярное сообщение американского правительства, на случай, если бы оно не успело быть еще вам доставлено посольством нашим в Вашингтоне.

О последующем я буду ожидать благосклонного уведомления.

Примите и пр.

[Извольский.]

№ 260. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 191. 25/12 февраля 1916 г.

Доверительно.

Копия в Париж.

После приезда Бриана и главным образом после взятия нами Эрзерума[1] настроение в Италии сильно ободрилось. Здесь возлагают надежду в особенности на нас, и поэтому наши успехи имеют решающее значение в глазах как итальянского правительства, так и общественного мнения. Соннино неоднократно с живым интересом запрашивал меня, когда будем мы готовы к наступлению и какие военные действия предполагаем мы предпринять. Парижская конференция имеет для него большое значение настолько, насколько она выяснит наше положение и насколько наши военные представители окажутся в состоянии изложить на ней степень нашей полной готовности и авторитетно содействовать выработке общего плана действий как на случай общего нашего наступления, так и на случай принятия нашими врагами на себя инициативы атаки. Полагаю, что с такими указаниями выезжают отсюда итальянские представители. На предварительном

нию, будет способен скорее облегчить нападения подводных лодок на торговые суда, чем сделает их невозможными. Франц. прав-во, указывалось далее, не исполнило бы своего долга, если бы оно не приняло мер, чтобы дать возможность франц. торговым судам защищаться против таких нападений. Ссылаясь на существующие договора о вооружении торговых судов и приводя примеры нападения герм. подводных лодок в прошлом, франц. прав-во в заключение высказывало мнение, что «после жестоких уроков этой войны никакое обещание, данное в настоящее время Германией, уважать суда и людей, лишенных защиты, не может быть принято в серьезное соображение».

[1] См. стр. 248, прим. 4.

военном совещании будет Порро, на конференции — Кадорна. Последний желал присутствовать и на предварительном, но его здесь задерживают [1].

Гирс.

№ 261. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 114. 25/12 февраля 1916 г.

Копии в Париж и Лондон.

Председатель совета министров заявил английскому посланнику, что финансовое положение Греции до крайности потрясено и что необходимо прибегнуть к займу в 150 миллионов в Англии и Франции для привлечения в страну золота. Английский посланник возразил, что вывоз этого металла из Англии воспрещен, а что даже в случае снятия запрета нет гарантии, что оно не попадет к врагам. Министр иностранных дел сказал, что греческое правительство согласилось бы разрешить принятие каких угодно мер контроля. Подобную услугу надлежит, по мнению английского посланника, обставить компенсациями и требованием демобилизации, стоющей Греции чрезмерно дорого. Ходатайство греческого правительства передано французскому правительству через греческого посланника в Париже.

Демидов.

№ 262. Министр финансов морскому министру Григоровичу.

Письмо № 60/230 [2]. 25/12 февраля 1916 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Иван Константинович,

Письмом от [20] 7 февраля сего года за № 2449/253 [3] ваше высокопревосходительство сообщили о рассмотрении советом министров в заседании [25] 12 января сего года высочайше одобренного предположения о покупке в Японии бывших наших судов — линейных кораб-

---

[1] Тел. от 4 марта/20 февр. за № 222 Гирс сообщил, что Соннино выразил пожелание об ускорении созыва военного совещания (см. стр. 175, прим. 3), которому он придает большое значение и без которого, по его мнению, «конференция теряет бо́льшую долю своего значения».

[2] Маш. копия. На оригинале надпись на полях: «Резолюция м[орского] министра: Срочно. Начальнику морского генерального штаба. Это совершенно недопустимо теперь торговаться, надо этот вопрос кончить скорее, время не ждет. И. Григорович. [25]12 февраля 1916 г.».

[3] Письмо Григоровича за № 2449/253 не обнаружено.

лей «Пересвет» и «Полтава» и крейсера «Варяг» — и просили о внесении в совет министров представления об ассигновании необходимых для осуществления сей покупки кредитов.

Вследствие сего имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что, не касаясь вопроса об ассигновании кредитов в рублях, по коему отзыв будет сообщен отдельно, я не могу не отметить, что получение необходимого для сего количества японской валюты (15 миллионов иен) сопряжено с значительными затруднениями, ввиду того что, как известно вашему высокопревосходительству, англичанами изъявлено согласие на (пока еще не официально) открытие дополнительного кредита в...[1] миллионов фунтов стерлингов для оплаты наших прежних заказов в пределах списка их, доставленного в Лондон адмиралом Русиным, в который эта покупка, очевидно, не входит.

Что же касается до выручки от реализованного министерством финансов в Японии займа, то бо̀льшая часть таковой, а именно 35 миллионов иен, переданы в распоряжение военного министерства и предназначаются для покрытия тех расходов, которые не могут быть отнесены на новый английский кредит, причем сумма этих расходов, насколько мне известно, превышает 35 миллионов иен.

Во всяком случае, для установления возможности оплатить эту закупку из означенных 35 миллионов иен, вашему высокопревосходительству падлежало бы снестись с генералом-от-инфатерии Поливановым.

С своей же стороны считаю долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на то, что передача нам японским правительством указанных судов не вызовет для него никаких денежных затрат, за исключением незначительных расходов по ремонту, так как нам уступаются уже существующие суда, ввиду чего я полагал бы уместным ныне же войти в сношение с японским правительством для выяснения возможности произвести с ними расплату не наличными, а краткосрочными обязательствами государственного казначейства в японской валюте, сроком на 1 или на 2 года[2].

В случае, если ваше высокопревосходительство разделяете высказанные мной соображения, я покорнейше просил бы не отказать

---

[1] Пропуск в оригинале.

[2] Тел. от 11 марта/27 февр. за № 106 Малевский сообщал Сазонову, что япон. морск. м-р «изъявляет согласие, чтобы уплата за уступаемые нам три крейсера производилась краткосрочными обязательствами государственного казначейства» сроком на 6 месяцев. Сазонов в ответной тел. от 16/3 марта за № 1088 уполномачивал Малевского подписать соответствующие краткосрочные обязательства.

в преподании надлежащих инструкций военно-морскому агенту в Токио для выяснения точки зрения японского правительства по этому делу [1].

Примите и пр.

П. Барк.

№ 263. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву и министру внутренних дел Хвостову.

Письмо № 4/п. 26/13 февраля 1916 г.

М. г. Секретно.

Известный чешский политический деятель и глава аграрной партии г. Дюрих, проживающий ныне эмигрантом в Швейцарии, обратился ко мне в прошлом году с ходатайством о разрешении ему приехать в Россию для доклада о положении дел в Чехии в связи с общим ходом событий [2]. По некоторым политическим соображениям, удовлетворение этого ходатайства было признано тогда несвоевременным, и г. Дюриху было предложено представить сначала свои соображения по чешскому вопросу письменно.

Ныне, по имеющимся сведениям, руководители главнейших чешских партий (младочехи, старочехи, реалисты, аграрии и соц.-демократы) пришли к соглашению об образовании одной национальной чешской партии и выработке общей политической программы, которую они намереваются проводить при будущем возможном решении чешского вопроса и определении своих отношений к Габсбургской монархии. Г. Дюрих в этом деле объединения чешских партий сыграл очень видную роль и еще более упрочил свое влиятельное положение среди чешского народа.

В настоящее время он снова обратился ко мне с повторной просьбой разрешить ему приехать в Россию. Принимая во внимание популяр-

---

[1] В тел. от 23/10 марта за № 126 Малевский извещал Сазонова о том, что япон. прав-во «ввиду намерения выпустить наши обязательства в продажу через японский банк желает получить уплату за уступленные нам суда краткосрочными обязательствами государственного казначейства по 50 000 иен каждое, что составит 310 обязательств на общую сумму 15½ миллионов иен; уплата процентов за учет из 5% в год и 1% комиссии наличными деньгами, согласно нашему предложению». Тел. от 26/13 марта за № 128 Малевский сообщил дополнительно о выходе из Японии уступленных судов, а тел. от 13 апр./31 марта за № 156 о том, что контракт на заем в 15½ миллионов иен «подписан сегодня».

[2] В письме от 29/16 мая 1915 г. Дюрих обратился к Сазонову с просьбой о разрешении приехать в Петроград. Письмо это было препровождено в м-во ин. дел Бахерахтом при письме от 2 июня/20 мая 1915 г.

ность и влияние г. Дюриха в Чехии, его горячие симпатии к России, а также важность обнаружившегося среди чехов нового политического движения, я считал бы приезд теперь в Россию г. Дюриха не только своевременным, но и желательным, так как в наших интересах не порывать связи с политическими деятелями Чехии и, по возможности, быть осведомленными из первоисточников об истинном положении дел в этой стране. К сему считаю долгом прибавить, что в союзных нам странах отнеслись с большим вниманием к новой группировке чешских партий, и политические круги Англии и Франции уже не замедлили вступить в сношения с их вожаками.

Передавая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать уведомить меня, не встречается ли с вашей стороны препятствий к приезду означенного лица в Россию и выдаче нашей миссией в Берне соответствующего паспорта [1].

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 264. Японский посол в Петрограде Мотоно японскому министру иностранных дел Ишии.

Телеграмма [2]. 26/13 февраля 1916 г.

Секретно.

По поводу ответа русского правительства.

1. Согласно ответу министерства иностранных дел по поводу вопроса о пошлинах и рыболовстве [3], часть наших требований уже принята, а кроме того, есть возможность дальнейшего компромисса.

2. Относительно заключения русско-японского союза с целью борьбы с Германией, во взглядах обоих государств нет разницы, но в то время как императорское правительство считает достаточным заключение договора для предотвращения опасности, которая бы могла грозить в будущем, если Китай бы стал на сторону Германии,

---

[1] На оригинале против слов: «и выдаче... паспорта» имеется помета: «Для письма министру внутренних дел».

В письме от 29/16 февр. за № 1052 Алексеев сообщил Сазонову следующее: «Лично я с самого начала войны придавал важное значение установлению связи с чехами и известного влияния на их умы. А потому я всецело разделяю взгляд вашего высокопревосходительства, что приезд влиятельного политического деятеля, каким является г. Дюрих, может только быть нами приветствуем». Товарищ м-ра внутр. дел Климович в письме от 20/7 марта за № 27196 также сообщил, что со стороны м-ва внутр. дел нет возражений против приезда Дюриха.

[2] Тел. расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.

[3] См. № 254.

русское правительство одновременно с заключением договора желает заставить китайцев встать на сторону союзников, и в этом отношении взгляды России и Японии чрезвычайно расходятся. Хотя императорское правительство не может заключить союзного договора, если русское правительство не понизит своих требований в этом вопросе, я полагаю, что русский министр иностранных дел придерживается весьма твердо своего мнения. К сведению.

3. Что касается уступки железнодорожной ветви, то я полагаю, что русский министр иностранных дел ни в коем случае не может согласиться на уступку участка севернее Чжан-цзякоу (Секако). Однако я думаю, что можно обратиться к русскому правительству с просьбой поручить японцам заведывание железной дороги на север от Чжан-цзякоу до Харбина, так как... в Чжан-цзякоу весьма неудобен для железнодорожной эксплоатации.

Что касается вопроса о поставке оружия с нашей стороны, то, конечно, невозможно согласиться на требование русского правительства в полном размере, но, по моему мнению, есть возможность переговоров... Во всяком случае, хотя ответ русского правительства..., но так как вопрос уже поднят, необходимо его довести до конца как можно скорее.

Прошу ответных инструкций.

№ 265. Статс-секретарь по иностранным делам Грей английскому послу в Петрограде Бьюкенену.

·/. Телеграммы №№ 492—493 [1]. 26/13 февраля 1916 г.

Please communicate to Minister for Foreign Affairs following telegram from Washington No 686:

«Wilson told me today, he has made his proposal [2] as to submarines activity under following circumstances. He had heard that admiral Tirpitz was likely to resume control, and that a large fleet of 100 submarines, half of them being of great dimension, were ready for action and be employed even on this side of the Atlantic. He believes it is in interest of all, that a pledge should be obtained from Germany, not to sink without notification, if ships were unarmed. Should she accept the proposal, Germany would be bound, and a breaking of engagement on her part would be a serious matter. Germany was now spreading British Admiralty's instructions to prove that British ships are ordered to attack submarines, when they call them. He believes it would be in

[1] Тел. расшифрованы в росс. м-ве ин. дел.

[2] См. № 259.

interest of Allies to make at least a modification acceptable. I replied matter was before Allies, and that we will send an official reply as soon as possible».

Перевод.

Прошу сообщить министру иностранных дел следующую телеграмму из Вашингтона № 686:

«Вильсон сказал мне сегодня, что он сделал свое предложение относительно действий подводных лодок под влиянием следующих обстоятельств. Он слышал, что адмирал Тирпиц предполагает возобновить контроль и что большой флот в 100 подводных лодок, половина которых значительных размеров, готовы для действий и применяются даже в этой части Атлантического океана. Он полагает, что в интересах всех — получить от Германии обязательство не топить без предупреждения, если судно не вооружено. Если она примет предложение, Германия будет связана, и нарушение обязательства с ее стороны создаст серьезный вопрос. Германия распространяет сейчас инструкции британского адмиралтейства, будто бы утверждающие, что британским судам предписано атаковать подводные лодки, когда последние их опрашивают. Он полагает, что в интересах союзников внести, по крайней мере, приемлемое изменение. Я ответил, что дело находится на рассмотрении союзников и что мы пошлем официальный ответ в наивозможно краткий срок».

№ 266. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 133. 26/13 февраля 1916 г.

Копии в Лондон и Афины.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 116 [1].

Французский посланник телеграфирует из Афин, что английский посланник советует своему правительству поставить условием займа [2] вооруженное выступление Греции на стороне держав Согласия. Французский посланник возразил против этой мысли и, со своей стороны, высказывается за следующие два условия: 1) демобилизацию и 2) замену нынешнего правительства кабинетом Заимиса с обязательством соблюдать по отношению к Согласию действительно доброжелательный нейтралитет. Греческий посланник передал здесь ноту с просьбою о займе уже несколько дней тому назад, но французское правительство, всецело поглощенное военными событиями, еще не рассмотрело этого вопроса [3].

Извольский.

---

[1] Повидимому, копия тел. Демидова № 116 была послана раньше в Париж, см. № 273.

[2] См. № 261.

[3] В тел. от того же числа за № 127 Извольский сообщал со слов Камбона, что финансовая помощь будет дана Греции, «но не иначе, как маленькими дозами».

№ 267. Представитель Ставки при штабе французского главнокомандующего начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву.

·/. Телеграмма № 71. 26/13 февраля 1916 г.

Копия сообщена министерству иностранных дел.

В составленном для конференции меморандуме признается желательным начать общее наступление в начале мая, но, ввиду неготовности России, приходится отсрочить его до 1 июля, причем дальнейшая отсрочка нежелательна. Признается желательным, чтобы наступление России и Италии началось несколько раньше, чем Франции, чтобы оттянуть на себя резервы немцев. Теперь уже настаивает(?)[1] на том моем предложении, против которого более всего восставал Жоффр на первой конференции, именно, чтобы в случае атаки немцев на одного из союзников, другие немедленно переходили в наступление. Перед началом общего наступления англичане должны произвести частную атаку, Россия же в частных атаках должна беречь свои силы и военный материал. В Салониках предлагается удерживать на себе внимание противника и перейти в наступление только при благоприятной обстановке, при усилении отряда сербской армией, несколькими английскими дивизиями, кроме тех, которые будут посланы на французский фронт, и при действии итальянцев от Валоны.

Жилинский.

№ 268. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 106. 26/13 февраля 1916 г.

По имеющимся у (меня) достоверным сведениям, Братиану долго колебался, прежде чем разрешил здешнему телеграфному агентству опубликовать полный текст той части декларации вашего высокопревосходительства в Думе, которая касалась Румынии[2]. В разговоре со мной Братиану заметил, что, взяв вместе все сказанное вами

---

[1] Знак вопроса в оригинале.

[2] Имеется в виду речь, произнесенная Сазоновым 22/9 февр. 1916 г., в которой, касаясь Румынии, он заявил: «Румыния продолжала все это время держаться избранного ею нейтралитета. Державы Согласия мирятся с занятым ею положением, не сомневаясь в том, что Румыния не пойдет против своих собственных интересов и будет, когда пробьет ее час, добиваться осуществления своего национального единения ценой собственной крови. Она может быть уверена, что в борьбе против посягательств на независимость ее решений со стороны общего врага она найдет действительную поддержку у тех, к кому влекут ее естественные симпатии ее народа».

о Румынии, нельзя усмотреть ничего особенного компрометирующего для румынского правительства, но что отдельные фразы помянутой декларации, несомненно, дадут австро-германцам повод утверждать, что Румыния связана особым договором с державами Согласия. Орган здешней германской миссии, газета «Зиуа», высказывает только-что упомянутое предположение и требует от румынского правительства надлежащих разъяснений.

Поклевский.

№ 269. Итальянский посланник в Бухаресте Фашиотти итальянскому министру иностранных дел Соннино.

Ч. Телеграмма [1]. 26/13 февраля 1916 г.

Télégramme cabinet № 74.

Tout ce que Diamandi a déclaré au marquis Carlotti ne fait que confirmer ce que j'avais communiqué précédemment à votre excellence. J'ajoute que l'ex-président du conseil Carp, dans une entrevue avec un journaliste hongrois, aurait déclaré que le gouvernement roumain a refusé la Bucovine que les empires du centre lui avaient offerte simplement pour la neutralité. La même chose a été publiée par le journal Carpiste «Moldavia», et le journal Marghilomaniste «La Politica» s'efforce de pousser le gouvernement à faire une déclaration dans ce sens au parlement. Cela explique pourquoi Bratiano voudrait s'assurer une partie de la Bessarabie comme compensation, non pour la simple neutralité, mais aussi pour tout ce que la Roumanie a fait jusqu'à ce jour pour l'Entente, et pour sa neutralité dans l'avenir [2]. Je doute du reste que Bratiano puisse croire qu'il sera possible d'obtenir les provinces que la Roumanïe a perdues en 1878, qui sont complètement russifiées, et présentent en outre pour la Russie l'immense avantage de lui assurer la possession exclusive d'une des embouchures du Danube, c'est-à-dire du bras de Kilia.

Il paraît que Diamandi parle de cette province pour obtenir un équivalent en Bessarabie occidentale, où les Roumains sont toujours en majorité.

Le ministre de Russie est venu me dire que... lui a répété encore hier qu'il ne transmettra jamais à Pétrograd une demande quelconque relativement à la Bessarabie.

En effet un officier roumain qui s'était rendu en Bessarabie pour l'achat de chevaux, a dit que personne n'y désire l'annexion à la Roumanie.

[1] Тел. расшифрована и переведена с итальянского в росс. м-ве ин. дел.
[2] Ср. № 204.

Перевод.

Телеграмма кабинета № 74.

Все, что Диаманди заявил маркизу Карлотти, лишь подтверждает то, что я сообщил раньше вашему превосходительству. Я добавляю, что бывший председатель совета Карп в беседе с венгерским журналистом заявил, что румынское правительство отказалось от Буковины, которую центральные державы предложили ему за простое сохранение нейтралитета. То же самое было опубликовано в карпистской газете «Moldavia», а маргиломанская газета «La Politica» старается побудить правительство сделать в парламенте заявление в этом смысле. Это объясняет, почему Братиану хотел бы обеспечить себе часть Бессарабии в виде компенсации не за сохранение простого нейтралитета, но также за все, что Румыния сделала до сих пор для Антанты и за свой нейтралитет в будущем. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы Братиану мог верить в возможность получить провинции, потерянные Румынией в 1878 г., полностью руссифицированные и, кроме того, представляющие для России то громадное преимущество, что они обеспечивают ей исключительное обладание одним из устьев Дуная, т. е. рукавом Килиа.

Повидимому, Диаманди ведет речь об этой провинции, чтобы получить равноценную часть в западной Бессарабии, где все еще преобладает румынское население.

Российский посланник сказал мне, что ... ему повторил еще вчера, что он никогда не обратится в Петроград с какой-либо просьбой относительно Бессарабии.

В самом деле, один румынский офицер, ездивший в Бессарабию для закупки лошадей, сказал, что никто там не желает присоединения к Румынии.

№ 270. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II [1].

27/14 февраля 1916 г.

Посол С.А.С.Штатов при высочайшем дворе г. Мари уведомил меня о предстоящем своем отозвании и, по поручению своего правительства, просил осведомить его, согласно ли императорское правительство на назначение его преемником г. Девиса Френсиса, бывшего министром внутренних дел во время президентства г. Кливеленда.

Испрашивая по сему поводу всемилостивейших указаний вашего императорского величества, осмеливаюсь доложить, что посол в Вашингтоне, гофмейстер Бахметев, дал вполне благоприятный отзыв о г. Д. Френсисе [2].

[Сазонов.]

---

[1] Черновой отпуск.

[2] В тел. от 24/11 февр. за № 40 Бахметев сообщал следующее: «Френсис своим положением и прошлой деятельностью стоит несравненно выше Мари, который никогда не играл какой-либо роли, тогда как его намеченный заместитель был в течение пяти лет губернатором штата Миссури, а потом министром внутренних дел в кабинете президента Кливеленда, который всегда умел окружать себя людьми, достойными столь ответственных положений. Он был

№ 271. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 797 [1]. 27/14 февраля 1916 г.

Сообщается в Афины.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 114 [2].

Не преувеличивая значения греческой армии, считаю, однако, что было бы весьма полезным сохранить ее в боевой готовности, хотя бы в виде некоторой угрозы Болгарии, а потому должен отнестись с сомнением к мысли о демобилизации греков [3].

Сазонов.

№ 272. Поденная запись министерства иностранных дел [4].

27/14 февраля 1916 г.

В Петроград прибыл г. Филиппеску [5]. На пути из Румынии он останавливался на Ставке верховного главнокомандующего, куда приехал вечером, [24] 11 февраля. Так как в этот день у государя императора собирался военный совет, г. Филиппеску удалось лишь на другой день быть принятым генералом Алексеевым, а приглашение к обеду у его величества застало его уже в самую минуту отъезда из Могилева. Тем не менее он мог еще выйти из вагона и отправиться в занимаемый государем губернаторский дом, где после обеда его величество удостоил его, хотя и не наедине, милостивой беседы. С генералом Алексеевым г. Филиппеску говорил в присутствии директора дипломатической канцелярии князя Кудашева. Г. Филиппеску изложил сведения о состоянии румынской армии, высказал мнение, что опасность ультиматума со стороны Германии ныне уменьшилась,

---

также председателем выставки в Сен-Луи и в связи с ней объехал всю Европу. Он весьма образованный человек, имеет хорошее состояние, 66 лет от роду, сохранил полную энергию и, как мне доверительно сказал Лансинг, горячо сочувствует нам и нашим союзникам».

[1] Лит. копия.

[2] См. № 261.

[3] Тел. от 29/16 февр. за № 136 Извольский сообщил, что Ж. Камбон разделяет сомнение Сазонова относительно демобилизации греков, «ибо выступление их на стороне держав Согласия все еще представляется ему возможным», и что он обещал поддержать эту точку зрения перед Брианом.

[4] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 13.

[5] См. № 157 и примечания к нему.

и подчеркивал сочувствие румынского народа к «державам Согласия» (о сочувствии отдельно к России он не говорил). По поводу румынского выступления, г. Филиппеску сказал, что Румыния готова объявить войну Австро-Венгрии и Германии, как только державы Согласия ей заявят, что минута для этого наступила, т. е. что все необходимые для этого условия налицо, а таковыми условиями г. Филиппеску считал сосредоточение в русской Бессарабии 250-тысячной русской армии, защиту Румынии со стороны болгарской границы и единовременный переход всех союзников в общее наступление [1]. Генерал Алексеев отвечал, что Румыния может рассчитывать на широкую помощь России как войсками, так и в деле доставки боевого снаряжения из Франции. При этом он указал на нецелесообразность оставления значительной армии без определенного назначения только «на всякий случай» в Бессарабии и упомянул об отрицательных сторонах отправки русских войск далеко от главных сил в Добруджу только для защиты румынской границы от болгар [2]. Вообще же генерал Алексеев высказался за обсуждение всех этих вопросов по существу с уполномоченными на то представителями румынского генерального штаба, считая, что эти вопросы должны перейти из области общих разговоров на почву чисто делового рассмотрения.

Филиппеску не скрыл от начальника штаба, что в случае каких-нибудь крупных неудач у союзников Румыния окончательно откажется связать свою судьбу с державами Согласия.

В день своего приезда в Петроград г. Филиппеску оставил лишь свои карточки министру иностранных дел и некоторым другим лицам. Вечером, по просьбе румынского посланника, ему была предоставлена возможность присутствовать в Мариинском театре на балете.

---

[1] В поденной записи м-ва ин. дел за 28/15 февр. (опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 14) записано, что, по словам посетившего барона Шиллинга сотрудника «Русского слова» Богатского, Филиппеску «очень уверенно смотрит на будущее и прямо заявил, что как только союзники скажут Румынии, что минута для ее выступления настала, Румыния тотчас последует этому приглашению». Барон Шиллинг счел нужным предостеречь Богатского «от чрезмерного оптимизма» и обратил его внимание на «нежелательность, путем распространения в печати столь решительного заявления, создать в русской публике ошибочное представление», пояснив при этом, что Филиппеску «делал те же заявления и другим лицам, но в связи с целым рядом других соображений, из которых явствовало, что, по его мысли, упомянутое приглашение держав должно последовать лишь по выполнении известных условий, рассматриваемых Румынией как необходимая предпосылка приведенного заключения».

[2] См. № 159.

№ 273. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 116 [1]. 27/14 февраля 1916 г.

Личная.

Полное безденежье греческой казны побудило, наконец, правительство обратиться к Франции и Англии за средствами [2]. Если союзники ...в принципе признают просьбу о займе в той или иной форме достойной удовлетворения, естественно возбудить вопрос о компенсациях за подобную услугу. Франции и Англии, как главнейшим кредиторам Греции, очевидно, нет смысла доводить Грецию до несостоятельности. Согласие на заем могло бы быть, между прочим, обусловлено демобилизацией страны, терпящей непомерное бремя от столь продолжительного и, повидимому, бесцельного мобилизованного состояния. Венизелос высказывается за демобилизацию Греции, и войска, утомленные долгим ожиданием и лишениями, жаждут роспуска. Мера эта была бы, кажется, очень популярной и могла бы быть легко представленной, как отвечающая прямым интересам Греции. В остальном Греция продолжала бы волей-неволей оказывать услуги Согласию. Ждать же от нее в будущем действительной военной помощи при нынешнем ее состоянии вряд ли, по-моему, возможно. В наших ли интересах, чтобы Греция, запоздавши, выступила наряду с нами и запросила за сомнительную услугу крупные земельные компенсации в краях, где владычество греков для нас может быть не так желательно. Условие о греческой демобилизации в связи с займом приобретает (таким образом) значение, требующее всестороннего обсуждения, а в случае признания его нам полезным, оно должно бы непременно исходить, без всякого с нашей стороны участия, от английского и французского правительств.

Демидов.

№ 274. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 169. 27/14 февраля 1916 г.

Ссылаюсь на мои телеграммы за №№ 119 [3] и 128 [4].

В старую миссию в бест засело около 500 человек наших сторонников. Между ними несколько шахзадэ, сановников и мулл. Их требование заключается в удалении от власти Ферман-Ферма за вымо-

---

[1] Опубл. Е. д. и Гр., стр. 67.
[2] См. № 261.
[3] См. № 209.
[4] Тел. Эттера за № 128 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

гательства[1] и растрату государственных сумм. Бестанты намерены завтра предъявить миссии для передачи шаху соответствующую петицию[2]. Положение Ферман-Ферма сильно пошатнулось. Вчера шах вызывал к себе Сепехдара для обсуждения положения. В случае назначения Сепехдара главой правительства, большинство теперешних министров, вероятно, останется в составе кабинета.

Эттер.

№ 275. Японский посол в Петрограде Мотоно японскому министру иностранных дел Ишии.

Телеграмма[3]. 28/15 февраля 1916 г.

Секретно.

26 февраля министр иностранных дел пригласил меня к себе, и мы с ним беседовали относительно ответа министра по вопросу о договоре. Содержание нашей беседы следующее:

1. В вопросе о поставке оружия, как можно было предвидеть, ответ министра не касается подробностей; на деле же он, несомненно, придерживается взгляда, что будут удовлетворены, если Япония поставит оружия, сколько может. Я думаю, что относительно количества удастся сговориться.

2. В вопросе об уступке железной дороги, как я сообщил в моей телеграмме за № 134, придерживаются взгляда, что можно уступить участок между Чаньчунем и Чжан-цзякоу[4], но что ни в коем случае не уступят участок севернее этого пункта. Когда я заметил, что императорское правительство из разговоров между вашим превосходительством и г. Козаковым вынесло убеждение, что русское правительство ничего не имеет против уступки участка до Харбина, министр мне категорически заявил, что это полное недоразумение[5]. И, по моему мнению, уступка части, находящейся в русской сфере, совершенно невозможна.

---

[1] См. стр. 214, прим. 2.

[2] См. № 291.

[3] Тел. расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.

[4] См. № 264.

[5] В письме от 10 марта/26 февр. Козаков просил Адаци помочь ему разъяснить следующее «маленькое недоразумение» в вопросе об уступке япон. прав-ву южной ветки К.-В. ж.-д.: Мотоно, на основании полученной им инструкции, полагает, что во время переговоров Козакова с Адаци речь шла об уступке всей этой ветки от Харбина до Куанченцзы, тогда как на самом деле он говорил только о части ее, расположенной в япон. сфере влияния, т. е. между Куанченцзы и Сунгари.

3. В вопросе о привлечении Китая министр иностранных дел отстаивал усиленно свой взгляд и сказал: если в настоящую войну не нанести возможно сильный удар Германии, то это принесет большой вред Японии и России в будущем; но чтобы устранить эту опасность в будущем, нет лучшего случая, как во время этой войны. Сила Германии — в ее торговле и промышленности, и необходимо нанести достаточно сильный удар немецкой торговле и промышленности. Именно с этой целью русское правительство совместно с Англией и Францией проектирует принять экономические меры против Германии. По последним сведениям Германия в экономическом отношении оказалась в чрезвычайно затруднительном положении, и если такое положение продолжится, не подлежит сомнению, что это послужит причиной для скорейшего заключения мира. Так как Германия смотрит на Китай как на своего вассала, уменьшение влияния Германии в Китае будет сильным ударом для нее. Поэтому русское правительство, так же как и правительство Англии и Франции, желает непременно воспользоваться нынешним случаем и уничтожить экономическое влияние Германии в Китае. Японское правительство также хорошо понимает, какая опасность грозит от Германии в будущем, и поэтому против этой опасности желательно заключить русско-японский союз, но еще важнее осуществить немедленно меры для уничтожения германского влияния в Китае.

В ответ на это я заявил, что императорское правительство уже выяснило свое отношение к вопросу о привлечении Китая, о чем было сообщено Англии, Франции и России, и что, по моему мнению, весьма затруднительно изменить это решение. По моему личному мнению, было бы всего лучше отделить этот вопрос от вопроса о заключении союза.

Министр заявил, что он не имеет возражений против того, чтобы вести переговоры по двум вопросам отдельно, но что желательно заключить союз, как только Россия и Япония придут к соглашению относительно этого вопроса.

В общем, хотя и не желают решить вопрос о привлечении Китая, раньше, чем вопрос о союзе, тем не менее ему придают важное значение. Прошу на это обратить серьезное внимание. Затем, как я вижу из слов министра, русское правительство, кажется, затрудняется уяснить себе, почему японское правительство не заявляет о своем согласии уничтожить экономическое влияние Германии в Китае теперь же[1].

[1] В тел. от 4 марта/20 февр. (расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел) Ишии, сообщая, что ответ росс. прав-ва от 25/12 февр. вызвал

*

№ 276. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 86. 28/15 февраля 1916 г.

Copie Paris.

Nicolson me dit que séquestration des vaisseaux allemands dans ports portugais a été encouragée par gouvernements anglais et français [1]. Cette mesure était devenue nécessaire, gouvernement allemand ayant, d'après informations anglaises, donné au capitaines allemands l'ordre de détruire machines des vaisseaux à la moindre alerte. Pour ce motif mesure a été appliquée sans retard.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Никольсон сказал мне, что секвестр германских судов в португальских портах поощрялся правительствами Англии и Франции. Эта мера стала необходимой, потому что, по сведениям английского правительства, германское правительство дало германским капитанам приказ приводить в негодность судовые машины при малейшей тревоге. По этой причине указанная мера была проведена без промедления.

Бенкендорф.

у него некоторое разочарование, просил Мотоно дать Сазонову следующие «необходимые» объяснения: «Взгляды императорского правительства относительно вопроса о привлечении Китая были уже сообщены правительствам заинтересованных держав в средине ноября прошлого года, и с тех пор они не только не изменились, но, как вам известно, положение в Китае все более ухудшается, и в настоящее время с каждым днем становится все труднее побудить китайцев стать на сторону союзных армий. Затем, что касается вопроса о поставке оружия, то заботы императорского правительства о снабжении России оружием вызваны исключительно дружественными чувствами по отношению к России, и мы ни в коем случае не можем признать это обстоятельство вытекающим из союза».

В тел. от 10 марта/26 февр. (расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел) Ишии сообщил Мотоно, что уступка участка Чжан-цзякоу — Чаньчунь «не будет соответствовать взглядам императорского правительства, которое с самого начала железную дорогу между Харбином и Чаньчунем считало неестественной ветвью, а кроме того, мы опасаемся, что таким образом нельзя удовлетворить наше общественное мнение». Ишии предписывал Мотоно сообщить об этом Сазонову и просить его пересмотреть этот вопрос.

[1] Тел. от 11 февр./29 янв. (без номера) Боткин сообщил, что, «согласно новому закону о реквизициях, германские суда, укрывшиеся в португальских портах, могут быть использованы на государственные нужды», и добавлял, что всего в португальских водах имеется 65 судов с тоннажем в 160 000 тонн. Тел. от 24/11 февр. (без номера) он известил Сазонова, что в этот день был поднят португальский флаг на герм. судах «без всяких инцидентов» и что немецкая команда переведена на берег.

№ 277. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 131. 28/15 февраля 1916 г.

Копия в Лондон и Афины.

Получил вашу телеграмму № 542 [1].

Бриан уведомил меня, что французское правительство приняло на себя реорганизацию черногорской армии, причем было определенно оговорено, что черногорские войска не будут влиты в сербскую армию, а составят отдельные части [2]. С этой оговоркой французское правительство вполне согласно предписать своей миссии в Греции направлять на Корфу способных к ношению оружия черногорцев, которые обратились бы в миссию или консульства за пособиями. Разумеется, не может быть и речи о розыске и насильственном отправлении уклоняющихся, так как подобные действия недопустимы на нейтральной территории. Бриан считает желательным, чтобы русскому, великобританскому и итальянскому представителям в Афинах было предложено войти в сношение по сему предмету с их французским сотоварищем, который со своей стороны войдет в сношения с французскими военными и морскими властями для осуществления означенных мер; в заключение Бриан сообщает, что так как императорское правительство приняло на себя инициативу в настоящем деле, то французское правительство ограничивается сообщением своего взгляда послам в Лондоне и Риме, предоставляя нам вызвать посылку инструкций, подобных тем, (кои) преподаны французскому послу в Афинах со стороны великобританского и итальянского правительств, из которых с последним, повидимому, не было пока сделано сношения по настоящему вопросу [3].

Извольский.

---

[1] 11 февр./29 янв. тел. за № 76 Демидов, сообщая об обращении прибывших в Афины черног. беженцев за материальной поддержкой к миссии, высказался за желательность «направлять всех [черногорцев], способных носить (оружие), для реорганизации и зачисления в сербские войска на Корфу». В тел. от 12 февр./30 янв. за № 542 Сазонов выразил свое согласие на это предложение.

[2] В тел. от 16/3 февр. за № 14 (ср. стр. 231, прим. 3) Иславин, между прочим, сообщал, что король Николай выразил пожелание, чтобы «черногорские солдаты были выделены в отдельные части, особо от сербских войск». Ссылаясь на эту тел., Нератов тел. от 20/7 февр. за № 680 сообщил Трубецкому, что он считает предпочтительным не выделять черногорцев в особую часть и что этот вопрос должен быть решен на месте «исключительно с точки зрения военной пользы».

[3] Ссылаясь на публикуемую тел., Сазонов телеграфировал Демидову 29/16 февр. за № 831: «Вследствие выраженной Брианом просьбы благоволите присоединиться к вашим сотоварищам в вопросе о реорганизации черногорской армии».

№ 278. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 122. 28/15 февраля 1916 г.
Лично.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на мой № 116 [1].

Венизелос сказал английскому посланнику, что заем мог бы быть обусловлен обязательством Греции присоединиться к союзникам против Болгарии, если Германия в определенный срок не достигнет ни на каком фронте сколько-нибудь ощутительного успеха. Тем временем Греция обязалась бы соблюдать благожелательный нейтралитет, а греческие войска были бы оттянуты, реорганизованы и снабжены всем нужным союзниками. По мнению Венизелоса, король согласился бы выступить против одной лишь Болгарии, как только союзники докажут их наступательную способность в Македонии. Отказ от этих условий должен вызвать отказ в займе, и Греции останется лишь демобилизоваться. Для Германии же нет смысла платить за обеспеченный таким образом за ней греческий нейтралитет. Венизелос полагает, что даже в случае демобилизации союзникам надлежало бы поддерживать греческие финансы. Английский посланник считает мысль достойной внимания, хотя оговаривается, что в промежуток времени, предшествующий греческому выступлению, желательно получить несколько более, чем заверения в благожелательном нейтралитете — например, союзный контроль над полицией, содействие которой германским агентам не подлежит сомнению. Мне лично кажется, что план этот принесет мало пользы, да и едва ли осуществим: 1) король, недостаточно еще убежденный в торжестве союзников, не пойдет, по-моему, на сделку, хотя бы косвенно противуставляющую Грецию Австро-Германии; 2) союзники отказываются от столь еще недавно высказанного ими заверения, будто они не ищут греческой кооперации [2] — предположение это может возбудить новые подозрения и дать впечатления слабости; 3) этим мы возвратимся к невыгодной нам системе земельных компенсаций за счет Болгарии в местностях, куда почти исключительно тяготеют греки и где последние потребуют весьма широких территориальных уступок; 4) самый договор, вступающий в действие при условии усиления союзников, тем самым утрачивает вытекающую из него для нас пользу, в особенности ввиду неопределенности оговорки «об ощутительных успехах Германии». Демобилизация Греции, происходящая, впрочем, отчасти сама собой

---

[1] См. № 273.

[2] См. т. IX, № 320.

путем отпусков, поблажек, а подчас и самовольных побегов, представляется мне самым естественным условием предоставления Греции займа, хотя король будет без сомнения против него возражать. Желательно получение права контроля над греческой полицией и передвижением германцев. Наконец, замена недружелюбного нам министерства Скулудиса кабинетом Заимиса. Полагаю, что безвыходное финансовое положение Греции заставит правительство согласиться на многое. Германское воздействие на общественное мнение за последнее время стало значительно ослабевать вследствие уменьшения пользы, которую Греция может ныне принести германскому делу. Главная цель этого воздействия состояла в удержании нейтралитета Греции, чтобы способствовать выступлению Болгарии. С достижением этой цели Германия становится, как мне кажется, более безучастной к дальнейшему ходу событий в Греции [1].

Демидов.

№ 279. Посол в Вашингтоне товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 48. 28/15 февраля 1916 г.

Ваша телеграмма № 591 получена [2].

По словам Виленкина, нью-йоркский National City Bank Моргана и Guarantee Trust Company с готовностью возьмут на себя распространение путем финансовой прессы и через своих корреспондентов све-

---

[1] Тел. от 6 марта/22 февр. за № 132 Демидов сообщил о полученном англ. посланником письме греч. м-ра внутр. дел Гунариса, в котором последний снова обращался с просьбой о займе ввиду крайне тяжелого финансового положения Греции. В той же тел. Демидов сообщал, что, согласно полученным франц. посланником сведениям, Бриан, Жоффр и Саррайль высказались против условия о демобилизации, опасаясь невыгодного впечатления, которое последняя могла бы произвести на Румынию.

Позднее тел. от 16/3 марта за № 151 Демидов передал следующее мнение Саррайля в ответ на посланный ему запрос по поводу греч. займа: Франция и Англия должны ответить Греции, что «они располагают средствами лишь для себя и своих союзников»; если Греция заявит со временем державам Согласия о своем желании примкнуть к ним, последние, «обсудив между собой вопрос в зависимости от пользы этой операции, предоставят ей нужные средства». По мнению Саррайля, содействие Греции желательно, «хотя бы для тыловой службы». Тел. от 20/7 марта за № 156 Демидов сообщил о новом обращении Скулудиса к франц. посланнику с просьбой о займе, причем Скулудис указал, что «в финансовом отношении Греция дошла до пределов, за которыми остается лишь демобилизация». На возражение франц. посланника, что король и штаб этого не допустят, Скулудис намекнул на возможность отставки кабинета.

[2] См. № 199.

дений о новом (внутреннем) займе, но, по их мнению, следовало бы подождать до окончания переговоров о предполагаемом нашем займе в Нью-Йорке, дабы публика не сбилась и не смешала условий внутреннего и внешнего займов. По размещении последнего, банки предлагают свои услуги для успешной реализации внутреннего займа. Политических препятствий к его помещению на местном рынке не встречается.

Бахметев.

№ 280. Сообщение сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел.

29/16 февраля 1916 г.

Телеграмма председателя совета министров, министра иностранных дел г. Пашича, отправленная с острова Корфу [21] 8 и полученная [23] 10 февраля 1916 г.

Генерал Мондезир, по приказанию генералиссимуса Жоффра, обратился к нашей верховной команде с просьбой, чтобы в течение десяти дней снарядить один отряд сербских войск, укомплектованный из отборнейших здоровых сербских солдат, и этот отряд отправить в Солунь, чтобы неприятель видел, что готовится наступление и что сербские войска способны для дальнейших действий. Для приготовления ответа на сделанное предложение был созван совет под председательством верховного главнокомандующего наследника престола, в котором присутствовал и начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Бойович. Во время этого совещания сделанное предложение было рассмотрено и обсуждено с точки зрения политической и экономической, и все пришли к единодушному заключению, что это предложение не может быть осуществлено, несмотря на горячее желание всех присутствовавших благоприятно отозваться на все предложения, сделанные французами, которые нас столь много задолжили своей быстрой помощью.

Поводы, послужившие против принятия сделанных нам предложений, с военной точки зрения, будут верховной командой сообщены генералу Мондезиру для сообщения генералиссимусу Жоффру. Сообщаю вам в подробностях обсуждение этого вопроса с политической точки зрения.

Прежде всего, предложение сделано слишком рано, не считаясь с душевным, моральным и даже физическим состоянием и с технической подготовкой наших войск.

Этим самым предложением, в котором просят выбрать из всей армии самых здоровых и образовать из них один отряд, признано, что сербская армия, как одна единица, не способна для борьбы, и если из этих войск будут выбраны самые здоровые и наилучшие элементы, тогда остаток наших войск еще более ослабится и сделается неспособным для той задачи, которая нами возлагается на него. Но главные причины, вследствие коих невозможно было, несмотря на горячее желание, принять это предложение, были следующие.

Душевное и моральное состояние наших войск, после всего пережитого, возлагают на наше правительство обязанность быть осторожным при употреблении наших войск, все до тех пор, пока они не оправятся и не сделаются способными для дальнейшей борьбы. В сделанном предложении упущено из вида, что наши войска, оставшиеся после отступления через албанские горы, еще не были вывезены из Албании, и что имеется еще 20 000 солдат, которые идут пешком к Валоне, так как не могли быть посажены на суда в Драче для отправки на остров Корфу, и что в Албании остался весь наш скот, который не погиб от голода и усталости, но который все же необходимо спасти для того, чтобы наши войска имели вьючных животных, без которых наша армия не способна для похода. В дороге в Албании как раз остались те части войск, которые, будучи здоровыми и способными выдержать походы, были отправлены по направлению к Валоне, так как сперва были перевезены больные, слабые и неспособные в Бизерту, и потом на Корфу. Вот почему это предложение было сделано, не будучи осведомленным о таком состоянии наших войск на Корфу. Наши войска еще не получили всего того, что им нужно и необходимо для того, чтобы очиститься, переодеться, отдохнуть и поправиться, но вовсе не для того, чтобы реорганизовываться и перевооружаться.

Все до тех пор, пока все это не выполнится, слишком рано делается предложение, чтобы те части войска, которые чувствуют себя здоровыми, были употреблены. Нужно знать, каково душевное расположение наших войск, располагавшие [1] до общего нападения 300 000 строевых солдат, которые, после всех напряжений, мучений и жертв, ныне свелись на 140 000 солдат, изнемогающих, голых и больных, вследствие отсутствия почти что всех жизненных припасов, и которые ежедневно смотрят на тысячи своих больных товарищей и каждый день хоронят сотни своих друзей, умирающих на чужбине, далеко от своей родины.

Для того чтобы можно было понять душевное состояние и располо-

[1] Так в оригинале.

жение наших войск, нельзя терять из вида те события, которые они пережили и которые довели их до этого именно состояния — концентрироваться ныне вне границ своего отечества.

Нужно, прежде всего, вспомнить ту добрую волю и твердую веру в победу над врагами после второго окончательного изгнания врага из пределов нашего отечества и, затем, после всего этого нужно иметь в виду наступившие события вслед за этим. Предложение наших союзников умиротворить Болгарию уступкой ей территории свалилось как камень на душу нашего народа, так как он считал, что это несправедливо и бесполезно. Но болгарское правительство обязалось перед общим нашим врагом, обманывало державы Четверного согласия, пока оно готовилось, и затем все отклонило и произвело общую мобилизацию и концентрацию войск против Сербии. Находясь в таком тяжелом положении, наша верховная команда и наше правительство тотчас же предложили державам Четверного согласия разрешить сербской армии напасть на Болгарию до того, как последняя закончит мобилизацию и концентрацию [1]; но разрешение не было дано, а обещана была лишь помощь в случае, если Болгария совершит нападение на Сербию. Когда было совершено общее нападение на Сербию и когда стало ясно, что сама Сербия не будет в состоянии защищаться, союзники советовали не давать генерального сражения и избежать их, отступая к югу, так как с этой стороны идет помощь. Сербские войска с [5 октября] 22 сентября вели ежедневную борьбу по всему фронту с превосходящими численностью австро-германскими войсками, а с [11 октября] 28 сентября начались также ежедневные сражения по всему фронту и на сербско-болгарской границе против всех болгарских войск, и, удерживая врага, сербская армия медленно отступала к югу, к Коссову, и, дойдя до этого места [23] 10 ноября, к сожалению, увидела, что обещанная ей помощь во-время не могла поспеть, вследствие чего она и оказалась в безвыходном положении. Это событие сильно понизило дух всей нашей армии. Сербские войска находились перед капитуляцией, так как не имели ни продовольствия, ни амуниции и связи с какой бы то ни было стороны, и оставалось ей [2] только одно — попытаться пройти через дикие албанские горы и, по ту сторону этих гор, найти связь с союзниками на Адриатическом приморье, где были ей обещаны: продовольствие, фураж, одежда, оружие и амуниция и все нужное для отдыха, поправки и перевооружения. Но и эти обещания не могли быть осуществлены по той при-

[1] См. т. VIII, № 582.

[2] Так в оригинале.

чине, которую союзники нам сообщили позже, когда наши войска прибыли в Скадарь. Можно себе представить, как это могло действовать на душу наших солдат, которые проголодались, истрепались и почти голые едва дошли до приморья, и, мало того, они должны были, во что бы то ни стало, опять, по совету наших же союзников, отправиться в направлении к Драчу и к Валоне и оттуда на пароходах переехать в Корфу, где имелось в виду предоставить им продовольствие, одежду, белье и вооружение, и только после того как войска отдохнут и сделаются способными для борьбы, присоединиться к союзникам весной, когда начнутся общие наступления союзников против неприятелей по всему фронту.

И теперь именно, когда все обещанное сербской армии еще не исполнено, и в то время, когда сербские войска еще не собраны на Корфу и находящиеся уже там не получили ни лагерных принадлежностей, ни белья и которые не успели даже очиститься, отдохнуть, а не то чтобы поправиться, реорганизоваться и перевооружиться, — сербской армии делается предложение избрать из своей среды все то, что окажется еще способным, и послать их в Солунь для того, чтобы показать неприятелю, что предстоит общее наступление со стороны солунского фронта, и чтобы враг видел, что сербская армия еще способна для дальнейшей борьбы. Между тем на острове Корфу остались неприятельские консулы, которых никто не сможет обмануть, так как они все видят. Королевское правительство не могло бы принять на себя ответственности за последствия, которые могли бы возникнуть, если бы правительство начало дробить свои войска и посылать их на фронт до того времени, когда они сделаются способными для борьбы.

Наши войска, хотя, правда, в настоящее время начали скрыто высказывать свое недовольство тем, что они не получили всего необходимого для поправки, но все же они надеются, что все эти обещания в конце концов будут исполнены на Корфу и что союзники будут надеяться на самопожертвование сербских войск лишь тогда, когда последние оправятся, окрепнут и перевооружатся. Всякое преждевременное употребление войск могло бы расстроить и последнюю моральную почву и, вместо ожидаемой от них пользы, получится вред, и омрачилось бы то славное геройское имя, которое мы в прошедших войнах заслужили и которое можем вновь приобрести, если будет сделано все то, что сможет окрепить и подготовить их на новые геройские подвиги.

И так положение наших войск, которое столько раз было потрясено и поколеблено, требует, чтобы были приняты такие меры, которые закрепили бы это положение и последнее морально было бы возвра-

щено. Все это можно было бы достигнуть в течение двух месяцев, только, конечно, при условии, если союзники на этом спешно поработают и привезут все нужное. Принимая во внимание все те обстоятельства, основанные на хорошем понимании душевного состояния наших войск, кроме обстоятельств военного характера, которые мы привели, мы не могли принять предложения, несмотря на то, что никто больше наших войск не пожелал бы видеть наше отечество, очищенное от неприятелей. Наши войска все претерпели в надежде, что придет час, когда они отомстят врагу и изгонят его.

Сербское правительство стремится только к одному, а именно, чтобы как можно лучше послужить нашему общему делу и имеющиеся остатки сербской армии были бы использованы с наибольшей выгодой. Сербское правительство готово жертвовать и последнего своего солдата за общую победу [1].

№ 281. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Письмо № 149. 29/16 февраля 1916 г.

М. г. Станислав Альфонсович,

Как известно вашему превосходительству, уж неоднократно возникала мысль об учреждении русско-румынского банка.

Письмом от [24] 11 августа 1915 года за № 912 [2] мною были изложены те принципиальные основания, которые делают образование такого банка желательным как для развития русско-румынских эко-

[1] В тел. от 3 марта/19 февр. Александр сербский, выражая Николаю II благодарность за помощь, оказанную Россией в тяжелое для Сербии время, заявил, что перевезенная на Корфу серб. армия, «укомплектованная, реорганизованная и вооруженная, не замедлит занять место среди своих товарищей и союзников для защиты права народов на существование и для отвоевания свободы своего отечества». В тел. Александру сербскому от 5 марта/21 февр. Николай II, сообщая, что он с удовлетворением узнал о перевозке серб. войск на Корфу, выражал убеждение, что после отдыха «они вскоре примут участие в борьбе союзнических армий против врага».

[2] В письме от 24/11 авг. 1915 г. за № 912 Нератов, сообщая Поклевскому о желательности образования русско-румынского банка, писал: «Главная цель банка заключалась бы в способствовании освобождению румынской экономической жизни от австро-германской зависимости. Открытие великобританского кредита румынскому правительству могло бы быть использовано при образовании нового банка». По словам Нератова, такой банк «послужил бы началом более тесных отношений между Румынией и державами Согласия и мог быть образован даже в известной координации с Bank of Roumania» или другим местным румынским банком, «не находящимся в полной зависимости [от] германского кредита».

номических сношений, так и для освобождения румынской экономической жизни от австро-германской зависимости. В последнее время, как явствует из моей телеграммы от [9 февраля] 27 января за № 465 [1], возник новый проект учреждения русско-румынского банка, представленный доктором Добрянским и встретивший принципиальное сочувствие со стороны министерства финансов. Телеграммой от [23] 10 февраля с. г. № 99 [2] вы изволили уведомить меня, что, по вашему мнению, образование в Бухаресте означенного банка представляется несвоевременным, ввиду тех затруднений, которые война ставит банковским операциям и торговле, и неосуществимым, ввиду крайней незначительности капитала, который предполагается вложить в новое предприятие.

Тем не менее, признавая в принципе скорейшее учреждение русско-румынского банка с точки зрения наших интересов желательным, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в изучении в скорейшем по возможности времени на месте условий, необходимых для создания такого банка, а также сообщить ваше заключение относительно принципиальных вопросов, возбужденных мною в вышеуказанном письме от [24] 11 августа.

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 282. Поденная запись министерства иностранных дел [3].

29/16 февраля 1916 г.

Пригласивши г. Филиппеску к завтраку в среду, [1 марта] 17 февраля, министр полагал приурочить к этому деловой разговор с названным румынским политическим деятелем. Но г. Филиппеску просил назначить ему свидание, не дожидаясь среды, и министр принял его во вторник в седьмом часу по возвращении из совета министров. Во время этой беседы г. Филиппеску довольно много распространялся о прошлом и подробно изложил последовательное колебание румынской политики с самого начала войны. Отзываясь о Братиану вполне

---

[1] 9 февр./27 янв. за № 465 Нератов телеграфировал Поклевскому, что проживающий в Бухаресте д-р Добрянский сообщил м-ру фин., что «среди близких Таке Ионеску лиц возникла мысль об образовании русско-румынского банка, причем они готовы вложить в дело 5 миллионов франков при условии внесения одного миллиона франков нашими банками».

[2] Тел. Поклевского от 23/10 февр. за № 99 в основном изложена в публикуемом документе.

[3] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 14.

корректно, он тем не менее высказал убеждение, что в июле 1914 г. румынский первый министр был весьма склонен к выступлению Румынии на стороне Австро-Германии. Говоря о нынешнем состоянии румынской армии, г. Филиппеску определил численность последней в 550 000 человек. Он положительно отверг возможность для Румынии сражаться на два фронта и сказал, что румынские войска могут итти лишь против Венгрии и ни в коем случае против Болгарии, со стороны которой, однако, Румыния должна быть обеспечена, — лучше всего русскими войсками, — без чего ей нельзя было бы думать о наступлении в сторону Трансильвании. Для этой цели, по мнению Филиппеску, необходимо сосредоточить в Бессарабии 250 000 русских войск. Вообще же для присоединения Румынии к союзникам г. Филиппеску считает прежде всего необходимым, чтобы Германия не одержала никакого крупного успеха.

Во всех своих суждениях г. Филиппеску выказал большую умеренность и сдержанность и в сущности не сообщил ничего нового.

№ 283. Японский военно-морской агент в Петрограде Одагири товарищу японского военного министра Ошима.

Телеграмма [1]. 29/16 февраля 1916 г.

После возвращения из Японии [2], великий князь Георгий Михайлович доложил его величеству государю императору, что большая часть контрактов на орудия и снаряды не заключены. Государь император был весьма изумлен и вызвал министра финансов и военного министра в царскую ставку. Ввиду этого вопрос будет, очевидно, разрешен в ближайшем будущем.

№ 284. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 204. 29/16 февраля 1916 г.

Копии в Париж и на Корфу.

Вчера меня посетил Эсад. Он передал мне свой разговор с Соннино. Он заявил последнему, что в Дураццо сербский представитель от имени Четверного согласия предложил ему ехать на Корфу. Затем итальянский поверенный в делах стал настаивать на переезде его с войсками в Италию. Он выразил согласие при условии признания

[1] Тел. расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.

[2] В поденной записи м-ва ин. дел за 19/6 февр. (опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 11) отмечено: «Возвращение в Петроград великого князя Георгия Михайловича из поездки в Японию».

за ним и его окружающими правительственного характера. Запросив по телеграфу свое правительство, итальянский представитель дал ручательство в таковом признании. Эсад спросил Соннино, что ему делать дальше. Министр предложил ему жить в Неаполе, повторив, что Италия признает в его лице албанского правителя. Эсад просил назначить к нему дипломатического представителя. Ему было в этом отказано, причем Соннино заметил, что он будет сноситься с ним через неаполитанские власти. Соннино, будто бы, сказал ему, что ни одна держава не покровительствует ему так искренно, как Италия. Эсад просил моего совета, оставаться ли в Италии или ехать во Францию. Я ответил, что все союзники в равной степени... его поведение за время войны и что ему падлежит сохранять добрые отношения со всеми и в том числе и с Италией. Ему следует самому решить, куда ему ехать. Он выезжает сегодня в Ниццу за семьей и через несколько дней вернется в Италию [1].

Гирс.

№ 285. Посланник в Лиссабоне министру иностранных дел.

Телеграмма [2]. 29/16 февраля 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму от сегодняшнего числа [3].

Нота германского посланника требует восстановления status quo ante, т. е. возвращения судов немцам. Совет министров, собравшись спешно, решил не подчиняться требованиям Германии [4].

Боткин.

---

[1] Тел. от того же числа за № 205 Гирс передал со слов Соннино беседу последнего с Эсадом. Соннино, якобы, не заявлял ему, что признает его главок албанского правительства, несмотря на настояния Эсада. Он сказал последнему, что «не может признать за ним в Италии более официальное положение, чем признавал в Албании, но что Эсад, несомненно, является в его глазах представителем албанцев». Соннино добавил Гирсу, что, когда положение в Албании изменится в более благоприятном для союзников смысле, «он, несомненно, будет содействовать возвращению Эсада в Дураццо».

[2] Номер отсутствует.

[3] Тел. от 29/16 февр. (без номера) Боткин сообщил, что герм. прав-во выступило 27/14 февр. с протестом по поводу реквизиции герм. судов (см. № 276).

[4] В ноте от 3 марта/19 февр. португ. прав-во ответило отказом, приводя юридические и экономические доводы, а именно законность акта реквизиции и тяжелый экономический кризис, переживаемый Португалией (тел. Боткина от 3 марта/19 февр. и депеша от того же числа за № 8).

№ 286. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 857. 1 марта/17 февраля 1916 г.

Копия сообщается в Пекин.

Телеграмма № 17 [1] получена.

Ссылаюсь на телеграмму Крупенского № 79 [2].

Если заверения монгольского правительства, что оно не допустит автомобильного движения между Ургой и Калганом, даны вам только на словах, вам следует потребовать их подтверждения на бумаге. В крайности, если бы министр иностранных дел отказался письменно подтвердить эти заверения, вы могли бы адресовать ему ноту, в которой приняли бы к сведению данное вам на словах обещание [3].

О последующем благоволите телеграфировать.

Сазонов.

№ 287. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 858. 1 марта/17 февраля 1916 г.

Сообщается посланнику в Пекин.

Телеграмма № 46 получена [4].

По существующим договорам, Россия и Китай приняли на себя тождественное обязательство не вмешиваться во внутреннее упра-

---

[1] См. стр. 41, прим. 2.

[2] В тел. от 26/13 февр. за № 79 Крупенский сообщал Сазонову, что представитель американской фирмы «Андерсен, Мейер и К°» датчанин Мейер выехал в Калган для выяснения на месте подробностей осуществления проекта автомобильного сообщения между Калганом и Ургой.

[3] 13 марта/29 февр. такая нота (за № 652) была передана Миллером монг. прав-ву. В ответной ноте от 30/17 марта монг. прав-во отмечало, что установление автомобильного сообщения между Ургой и Калганом является вопросом внутреннего устройства автономной Внешней Монголии, и доводило до сведения росс. прав-ва, что положительное или отрицательное решение этого вопроса «будет зависеть не от того, когда, на каких условиях и с представителями какого государства или частными лицами будут вестись переговоры о создании автомобильного движения по какому-либо тракту автономной Внешней Монголии, а исключительно от признания нами этого проекта безопасным для государственных и экономических интересов Монголии, для решения какового вопроса понадобится некоторое время».

[4] Тел. от 29/16 февр. за № 46 Миллер сообщал Сазонову, что монг. прав-во, по соглашению с Чен-лу, намеревается пригласить 5 китайских телеграфистов для работы в Уддэ, Тумерине и Урге. Как сообщал Миллер, он «заявил монголам и Чен-лу, что приглашение на монгольскую службу китайских чиновников противоречит существующим договорам», и просил Сазонова воздействовать через кит. прав-во на Чен-лу в этом смысле.

вление Монголии. Если толковать это обязательство в смысле запрещения монгольскому правительству приглашать на свою службу китайцев, то пришлось бы распространить это запрещение и на русских и отозвать из Монголии находящихся на монгольской службе русских, что не может быть признано отвечающим нашим задачам.

Приглашение на монгольскую службу китайских телеграфистов создает опасный прецедент. Вам надлежит приложить все усилия, чтобы его расстроить. Для этого вам следует указать монголам, что без помощи России они не могут противодействовать попыткам китайцев вновь забрать их в свои руки. Россия же может им помочь в этом деле только при условии, чтобы они обращались к нам, а не к китайцам, когда им нужно привлечь на свою службу иностранных специалистов. Вы могли бы, если это будет нужно, указать монголам, что если они изменят задаче противодействовать проникновению в их страну китайцев, которую до сих пор совместно преследовали русское и монгольское правительства, то мы будем принуждены принять соответствующие меры.

Сазонов.

№ 288. Президент французской республики Пуанкаре Николаю II.

'/. Телеграмма. 1 марта/17 февраля 1916 г.

Je m'excuse d'attirer l'attention de votre majesté sur l'importance capitale que le gouvernement de la République attache aux prochaines résolutions de la Roumanie. Ce serait un grand péril pour les Alliés si cette puissance cédait tôt ou tard à la pression de l'Allemagne. Ce serait encore pour eux un réel échec moral et militaire si elle persistait dans sa neutralité jusqu'à la fin des hostilités. La France est disposée à faire tout ce qui dépendra d'elle pour déterminer l'entrée en action de la Roumanie. Les forces qu'elle maintient à Salonique, malgré le formidable effort que tentent actuellement les allemands sur le front français, ont surtout pour objectif une coopération avec la Russie, l'Angleterre, la Serbie et la Roumanie. Je ne doute pas que votre majesté n'apprécie elle-même le très grand intérêt du concours roumain. Elle a donné une preuve éclatante de ses sentiments lorsqu'il s'est agi d'examiner les revendications territoriales de la Roumanie. Aujourd'hui que sont réglées ces questions délicates et qu'il n'y a plus qu'à fixer le plan et les conditions des opérations militaires, je suis assuré que votre majesté exercera dans ces négociations nouvelles sa volonté conciliante, de manière à ce qu'il soit respectivement assigné aux deux armées russe et roumaine une tâche et un terrain d'action où chacune puisse fournir son maximum de

rendement pour le plus grand bien de l'action commune. Il n'est pas étonnant que la Roumanie désire principalement agir dans les régions que lui ont réservées les accords diplomatiques et il semble bien que l'armée roumaine appuyée par l'armée russe, plus solide et plus expérimentée, serait enflammée par son propre rôle libérateur sur un théâtre où elle retrouverait ses frères de race.

Votre majesté a certainement pesé avant moi toutes ces considérations et j'ai le ferme espoir que, grâce à sa haute et clairvoyante autorité, les difficultés qui arrêtent encore la conclusion d'un accord militaire seront aplanies. Je profite de cette occasion pour renouveler à votre majesté mes voeux les plus chaleureux pour elle et pour la Russie [1].

Poincaré.

Перевод.

Я прошу извинить меня, что обращаю внимание вашего величества на то исключительное значение, которое правительство республики придает ближайшим решениям Румынии. Если бы рано или поздно эта держава уступила давлению Германии, это создало бы большую опасность для союзников. Реальной, моральной и военной неудачей был бы для них также упорный нейтралитет Румынии до конца военных действий. Франция готова сделать все, что от нее будет зависеть, чтобы добиться вступления Румынии в войну. Силы, которые Франция сохраняет в Салониках, несмотря на огромные усилия, которые немцы затрачивают в настоящее время на французском фронте, имеют главной целью сотрудничество с Россией, Англией, Сербией и Румынией. Я не сомневаюсь, что ваше величество сами оцениваете то огромное значение, которое представляет собой румынское содействие. Вы дали блестящее доказательство своих чувств, когда дело шло о рассмотрении территориальных притязаний Румынии. Ныне, когда деликатные вопросы урегулированы и когда остается только выработать план и условия военных операций, я уверен, что ваше величество проявит при этих новых переговорах свою готовность к соглашению так, чтобы русской и румынской армиям были бы соответственно отведены задачи и поле действий, в которых каждая могла бы дать максимальные результаты для наибольшей пользы общему делу. Не удивительно, что Румыния в принципе желает действовать главным образом в районах, признанных за ней дипломатическими соглашениями, и совершенно ясно, что румынская армия, поддержанная более крепкой и более опытной русской армией, будет увлечена своей собственной освободительной ролью на театре, где она найдет своих братьев по расе.

[1] В тел. от 2 марта/18 февр. за № 144 (опубл. Ц. Р., стр. 212) Извольский извещал Сазонова, что франц. прав-во очень озабочено полученными из Бухареста известиями о возникших при переговорах между румын. и росс. ген. штабами серьезных разногласиях. Согласно этим сведениям, румыны «будто бы настаивают на том, чтобы им предоставлено было действовать главным образом в пределах Буковины и Трансильвании, тогда как мы стремимся направить их силы против Болгарии». В заключение Извольский отмечал, что франц. прав-во «крайне опасается последствий возможного разрыва сказанных переговоров».

Ваше величество, конечно, до меня взвесили все эти соображения, и я твердо надеюсь, что, благодаря вашему высокому и мудрому авторитету, будут сглажены трудности, еще препятствующие заключению военного соглашения. Пользуюсь этим случаем, чтобы возобновить мои самые горячие пожелания вашему величеству и России.

Пуанкаре.

№ 289. Посланник в Гааге министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 48. 1 марта/17 февраля 1916 г.

Répondant à une question au parlement, le ministre des affaires étrangères fit hier la déclaration suivante: Je puis déclarer de la façon la plus positive et la plus péremptoire qu'il n'existe et n'a jamais existé aucun traité secret entre les Pays-Bas et l'Allemagne. Non seulement aucun traité, mais non plus aucune entente ou aucun arrangement secrets. On a même jamais essayé d'entamer des négociations en vue d'un accord semblable. Dans la matinée du 3 août 1914 le ministre d'Allemagne m'a communiqué verbalement, d'ordre de son gouvernement, que si la Hollande maintenait sa neutralité dans la guerre qui était sur le point d'éclater, l'Allemagne respecterait pleinement cette neutralité. Notre ministre à Berlin a reçu des assurances formelles dans le même genre. Les mots «nous avons engagé solennellement notre parole à la Hollande» que, selon le Livre Blanc anglais, le secrétaire d'Etat allemand a télégraphiés le 4 août 1914 à l'ambassadeur d'Allemagne à Londres, ne pouvaient pas se rapporter à une convention verbale ou écrite, ils ne prouvaient que la déclaration unilatérale très positive et par sa nature solennelle, dont il était question ci-dessus. D'ailleurs, le gouvernement, ni avant le début de la guerre, ni depuis, n'a jamais abandonné à l'égard de l'une ou de l'autre partie en conflit son entière liberté d'action. — Fin du discours du ministre. Cette déclaration vise bruits renaissant périodiquement dans presse concernant accords secrets et confirme assurances antérieures du ministre.

Swetchine.

Перевод.

Отвечая на запрос в парламенте, министр иностранных дел сделал вчера следующую декларацию: Я могу самым положительным и категорическим образом заявить, что никакого секретного договора между Нидерландами и Германией не существует и никогда не существовало. Не только никакого договора, но также и никакого уговора или соглашения секретного характера. Никогда даже не было сделано попытки начать переговоры в целях подобного соглашения. Утром 3 августа 1914 г. германский посланник устно сообщил мне, по поручению своего правительства, что если Голландия сохранит свой нейтралитет в войне, которая готова разразиться, то Германия полностью будет ува-

жать этот нейтралитет. Наш посланник в Берлине получил такого же рода формальное заверение. Слова «мы торжественно дали наше слово Голландии», которые, согласно английской Белой книге, германский статс-секретарь телеграфировал 4 августа 1914 г. германскому послу в Лондоне, не могут относиться к словесной или письменной конвенции, и они подтверждают только одностороннюю декларацию, весьма категорическую и по своему характеру торжественную, о которой говорилось выше. К тому же правительство ни перед началом войны, ни позднее, никогда не отказывалось в пользу той или другой из воюющих сторон от полной свободы действий. — Конец речи министра. Эта декларация имеет в виду периодически возникающие в печати слухи относительно секретных соглашений и подтверждает предшествующие заверения министра.

Свечин.

№ 290. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 172. 1 марта/17 февраля 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 170 [1].

Отставка Ферман-Ферма принята. Относительно кандидатуры Сепехдара шах еще колеблется. Вероятно, завтра будем одновременно с Марлингом приняты шахом. Было бы ныне своевременно выдать шаху субсидию в 100 000 рублей и решить вопрос о ежемесячной совместной с англичанами субсидии в 15 000 томанов. Ферман-Ферма в начале своего премьерства был нам несомненно полезен, и мне кажется, что нам, несмотря на его отставку, следует выполнить обещание о помощи за понесенные им в имениях убытки [2].

Эттер.

№ 291. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 173. 1 марта/17 февраля 1916 г.

В начале своей петиции [3] бестанты просят императорскую миссию о прощении Персии всех выступлений муджтехидов, жандармов и

---

[1] Тел. от 29/16 февр. за № 170 Эттер сообщал Сазонову: «Отставка Ферман-Ферма почти решена. Марлинг согласен со мной, что дальнейшее пребывание его у власти нежелательно. Он слишком дискредитировал себя своевольными действиями. Несмотря на некоторые недостатки характера Сепехдара, в данную минуту он наиболее подходящий при условии (деловитого) состава. В министры иностранных дел намечаем Акбер-Мирзу».

[2] Тел. от 8 февр./26 янв. за № 73 Эттер сообщал Сазонову: «Ферман-Ферма продолжает ходатайствовать об оказании ему помощи. Английское правительство, вследствие разорения его имений, уже выдало ему субсидию в 15 000 фунтов и окончательно обещало, в случае вынужденного выезда из Персии, 400 фунтов в месяц. Казалось бы во всех отношениях целесообразным выдать и обещать ему с нашей стороны то же». Об указанном решении англ. прав-ва Бьюкенен известил Сазонова пам. запиской от 5 февр./23 янв. за № 59.

[3] См. № 274.

кочевых племен, вызванных подстрекательством врагов России и Англии. Первое — поддерживать и развивать вековые дружественные отношения России к Персии; второе — наблюдать за внутренними и внешними делами Персии, приостановить растрату малиата, очистить управление от нежелательных элементов; третье — помочь деньгами и оружием для образования войска, необходимого для охраны самостоятельности государства и прекращения смуты; четвертое — остановить растрату денежных ресурсов страны, а также принять меры к тому, чтобы народу было известно, на что тратятся доходы страны и сколько именно; пятое — преподать доброжелательные советы его величеству шаху об образовании бескорыстного правительства; шестое — назначить в провинции честных губернаторов и упорядочить центральные учреждения; седьмое — определить из выдаваемого Россией и Англией мораториума известную сумму для уплаты пенсий.

Число бестантов постепенно растет, вчера число их превысило тысячу.

Эттер.

№ 292. Министр иностранных дел председателю совета министров Штюрмеру.

Письмо № 20/с-Д/П. 2 марта/18 февраля 1916 г.

Секретно.

М. г. Борис Владимирович,

Письмом [27] 14 сего февраля за № 2145 [1] ваше высокопревосходительство просили меня сообщить заключение по существу поступивших от генерала-от-кавалерии Плеве сведений и предположений о возможном выступлении Швеции на стороне Германии и о мерах, прини-

[1] При письме от 27/14 февр. за № 2145, изложенном в публикуемом документе, Штюрмер препровождал донесение ген.-от-кавалерии Плеве от 17/4 февр. за № 2200, в котором последний сообщал: «Германия, повидимому, рассчитывает, с одной стороны, вызвать военную помощь со стороны Финляндии, а с другой — втянуть в войну Швецию. Между прочим, Германия прилагает все усилия, чтобы подготовить благоприятную почву для своего возможного в будущем выступления в Финляндии. По имеющимся сведениям, Германия приняла на себя обязательство прислать войска в Финляндию для оказания помощи вооруженному восстанию финляндцев и, кроме того, обучить и подготовить известное количество молодых финляндцев в качестве кадров для будущих финских войск, а также доставить в Финляндию необходимое количество оружия и боевых припасов».

«Косвенным показателем подготовки германцев к операциям в Финляндии,— указывал далее Плеве, — могут служить также упорные агентурные сведения о якобы злонамеренном сосредоточении продовольственных грузов в некоторых местах Финляндии, могущих подвергаться вторжению неприятеля. Еще

маемых этой последней для подготовки в Финляндии восстания и базы для совместных действий в ней германо-шведских войск [1].

Вследствие сего считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству, что в распоряжение вверенного мне ведомства поступали донесения, подтверждающие лишь сведения о подготовке Германией известного числа молодых финляндцев в качестве кадров для военных сил, имеющих действовать против нас в Финляндии. Сведений же о существовании связи между генеральными штабами Германии и Швеции, указываемой генералом-от-кавалерии Плеве, в министерстве иностранных дел не имеется [2]. Между тем эти сведения являются наиболее ценными для определения возможных действительных намерений Швеции, а следовательно, и для разрешения вопроса о вывозе съестных припасов и кормовых средств в эту страну.

С одной стороны, не имея до настоящего времени данных, подтверждающих сведения о готовящемся шведским правительством выступлении против нас, с другой — имея в виду неоднократные указания высших военных властей о недопущении в отношении Швеции таких действий, которые могли бы повлиять на обострение наших отношений с ней, министерство иностранных дел не только не считает возможным стеснять вывоз в Швецию, но всеми мерами старается обеспечить доставку в эту страну нужных для нее продуктов, так как

летом прошлого года штабом VI армии было обращено внимание на чрезмерный, по сравнению с прежними годами, ввоз грузов продовольственных припасов и кормовых средств из империи в Финляндию». Плеве предлагал принять ряд мер, которые, «с одной стороны, способствовали бы нашей готовности в Финляндии, а с другой — парализовали деятельность наших врагов в этой стране». Плеве считал необходимым усилить местную и заграничную агентуру, установить самую тщательную охрану сухопутной границы со Швецией и морского побережья Финляндии и усилить охрану железнодорожных сооружений.

[1] Далее зачеркнуто: «а равно о тех мерах, которые могли бы быть приняты по министерству иностранных дел в порядке согласования действий всех ведомств для борьбы с этими происками наших врагов».

[2] При письме от 28/15 февр. за № 2162 Штюрмер препроводил Сазонову донесение Плеве от 21/8 февр. за № 2575, в котором последний сообщал: «Из имеющихся в моем распоряжении данных явствует, что между генеральными штабами Германии и Швеции существует связь, причем шведы не упускают случая сообщать немцам важные в военном отношении сведения о нас и наших союзниках. Германский генеральный штаб, по своей собственной инициативе, неоднократно обращался к шведскому с целью договориться о задачах, которые могли бы быть возложены на шведскую армию в случае выступления ее против нас. И, видимо, только некоторые частные разногласия относительно будущих совместных действий помешали притти к соглашению названным штабам. В принципе же, повидимому, Швеция вполне допускает возможность выступления на стороне Германии».

только этим путем обеспечивается доставка в Россию предметов шведской промышленности, необходимых для государственной обороны.

Ввиду вышеизложенного, я счел долгом просить генерал-адъютанта Куропаткина, не признает ли он возможным сообщить министерству иностранных дел те данные, которые в достаточной полноте освещали бы деятельность шведского генерального штаба; эти сведения необходимы для соответственного направления деятельности дипломатического нашего представительства в Стокгольме; в случае же, если таковые сведения не найдут себе достаточного подтверждения, я полагал бы нежелательным вводить какие-либо изменения в установленные за последнее время мероприятия, относящиеся к вывозу из России в Швецию.

Что же касается упоминаемого генералом-от-кавалерии Плеве скопления некоторых припасов вблизи шведской границы, то это явление объясняется тем обстоятельством, что многие грузы, предназначенные к вывозу за границу, задерживаются местными агентами за неимением всех документов, необходимых для выпуска этих товаров из империи.

Вместе с тем, я не могу не обратить внимания вашего высокопревосходительства на то, что вопрос о возможности восстания в Финляндии связан с целым рядом других вопросов политического и международно-правового характера. Эти вопросы подвергались в свое время обсуждению в особых совещаниях и в совете министров (высочайше утвержденный [30] 17 января 1910 года особый журнал совета министров [14] 1 декабря 1909 г.).

Между тем настоящие военные обстоятельства в известной мере изменяют намеченные тогда мероприятия и, может быть, требуют ныне пересмотра.

Примите и пр. Сазонов.

№ 293. Поверенный в делах[1] в Стокгольме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 89. 2 марта/18 февраля 1916 г.

По приглашению датского правительства, 9 марта нового стиля состоится в Копенгагене свидание трех скандинавских председателей кабинетов и министров иностранных дел. Валленберг сказал сегодня французскому посланнику, что встреча эта должна лишний раз подчеркнуть добрые отношения, установившиеся между тремя государствами, а равно и их желание подчеркнуть «лойяльный и беспри-

[1] С 10 февр./28 янв. по 4 марта/20 февр. Розен заменял Неклюдова, находившегося в отпуску.

страстный нейтралитет». Одновременно, по словам министра, свидание даст представителям трех стран возможность совместно обсуждать все вопросы, касающиеся интересов трех государств. По слухам, встреча состоится по инициативе шведского правительства [1].

Розен.

№ 294. Военный министр министру иностранных дел.

Письмо № 11961 [2] 2 марта/18 февраля 1916 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Прежде чем высказаться по затронутому в письме вашего высокопревосходительства от [21] 8 февраля сего года за № 99 [3] вопросу о формировании в Персии регулярной армии, я считаю необходимым коснуться вопроса о наших отношениях к Персии в будущем, с военной точки зрения, в связи с изучением обстановки, сложившейся в Персии в течение настоящей войны.

Еще недавно существовал взгляд по отношению к нашим азиатским соседям, что в интересах российского государства всемерно способствовать установлению у них прочного порядка на почве их государственной независимости и полной культурной самобытности.

Предполагалось, что путем развития экономических сношений с нашими азиатскими соседями окажется возможным создать нормальный порядок взаимоотношений с этими государствами и заинтересовать их в необходимости поддержания с нами прочных дружеских отношений, на почве экономических выгод.

В частности, в отношении Персии, эти предположения обосновывались на слишком доверчивом отношении к выводам наших исламоведов, придававших чрезмерно большое значение религиозной розни персов — шиитов и их соседей турок и афганцев — суннитов.

Что касается развития наших экономических сношений с Персией,

---

[1] Тел. от 7 марта/23 февр. за № 104 Неклюдов сообщал, что созываемая по шведской инициативе конференция «является последствием все более выясняющегося в риксдаге желания большинства шведов не подчиняться влиянию ни одной из воюющих держав, а искать более тесного сближения с Данией и Норвегией». «Трудно ожидать принятия в Копенгагене таких решений, которые были бы направлены прямо против английского блокадного контроля, — сообщал в заключение Неклюдов, — но можно вместо того ожидать робких попыток медиации между воюющими державами».

[2] На оригинале помета карандашом, повидимому, рукой Клемма: «Довольно туманно».

[3] См. № 231.

то при разрешении различных вопросов в этой области упускалось из виду, что как ни естественна близость в экономическом отношении двух смежных государств, она, тем не менее, не исключает необходимости борьбы на этой почве с другими государствами, более нас экономически сильными и подготовленными.

Особенно германская политика последнего времени в отношении Персии вполне наглядно показала, что даже более удаленная от Персии страна может создать весьма благоприятную для себя почву при конкуренции с русским экспортом.

О том, насколько определенны и в экономическом смысле агрессивны были планы Германии по отношению к Персии, можно судить по требованию построить нашими средствами железнодорожную линию на соединение Багдадской железной дороги с Тегераном, явно невыгодному для нас, но которому, под давлением обстоятельств, мы вынуждены были уступить.

Такая обстановка мирной политической и экономической борьбы с европейскими державами на персидской почве принималась нами как более или менее естественное развитие мировой конкуренции и не давала еще прямого повода отказаться от принятого направления нашей внешней политики, тем более что внешняя обстановка этому отнюдь не благоприятствовала.

Но в настоящее время обстановка в Персии рисуется совсем иначе. События войны ясно показали нам, в какой мере ложны расчеты на внутреннюю религиозную рознь мусульманского мира, а с другой стороны, как призрачны наши надежды выдерживать, при современном экономическом состоянии России, мирную торговую конкуренцию с таким государством, как Германия.

Отсюда ясная посылка: интересы русские и персидские в данное время переживают критический момент, когда в основу наших взаимоотношений волей-неволей приходится поставить не свободное политическое и экономическое развитие Персии, а совершенно другие основания, соответствующие нашему настоящему положению, могущие обеспечить вперед еще на значительное время сохранение за нами полного военного и экономического господства, вне всякой конкуренции, в тех областях Персии, которые по своему пограничному положению должны быть признаны явно тяготеющими к Кавказу, и к тем нашим будущим владениям в Малой Азии, образование которых должно явиться результатом настоящей войны.

Естественно предположить, что достигнуть этой цели можно отнюдь не укреплением персидского государства и отнюдь не созданием ценой чрезвычайных усилий благоприятных условий для дальнейшего раз-

вития этого государства в военном, политическом и экономическом отношениях.

Полагалось бы, что в данном случае, более чем когда-либо, самый опыт настоящей войны заставляет нас отказаться от мирных теорий, от опасного сентиментализма и посмотреть на вопрос с грубо практической, эгоистической точки зрения.

В результате настоящей войны Персия, столь явно обнаружившая стихийную государственную и народную враждебность по отношению к России, должна выйти не обновленной, не усиленной, а ослабленной и разрозненной, на каковой почве только и может быть еще выдерживаема значительное время экономическая конкуренция с европейскими государствами и, в частности, с Германией, до тех пор, пока коренным образом не изменится экономическое положение внутри самой России.

Изложенное однако не означает, чтобы русская точка зрения по отношению к Персии выяснилась с полной наглядностью для других государств, заинтересованных в Персии, хотя бы и наших союзников, и тем менее — для самих персидских министров. Соблюдение внешнего декорума представляется крайне необходимым как в политико-экономическом, так и в военном отношении.

Вместе с тем нельзя не признать, что в интересах данной минуты, и еще более того в интересах будущих наших отношений к мусульманству на Среднем Востоке, установить такие условия, при которых не могло бы оставаться места для дальнейшего сплочения и развития мусульманской идеи.

Нам приходится также считаться с интересами англичан, может быть, и не во всем сходными с нашими, но в данном случае едва ли не одинаковыми, так как и Россия и Англия в равной мере заинтересованы в ослаблении мусульманства.

С этой точки зрения, казалось бы, и следовало подойти к обсуждению возникшего предположения о заключении союза с Персией.

Этот союз, с военной точки зрения, едва ли в состоянии дать нам какие-либо выгоды, а вместе с тем можно опасаться, что он наложит на нас значительные обязательства в ущерб нашим и, может быть, союзным английским интересам, а посему приходится смотреть на него как на дипломатический прием, с которым можно помириться лишь во внимание к высшим политическим интересам данного момента в связи с условиями общей борьбы России и Англии с мусульманским миром.

Союз России с Персией мог бы оказаться полезным в том случае, если бы он оказался в состоянии внести в мусульманство, наряду с ока-

завшимся недостаточно сильным религиозным разладом между шиитами и суннитами, и более реальный, военно-политический разлад, как бы освященный взаимным пролитием мусульманской крови, с тем, чтобы из шиитской Персии, являвшейся до сего времени как бы связующим мостом между двумя суннитскими государствами — Турцией и Афганистаном, — создать разъединяющую эти страны серьезную преграду.

Только на таких условиях можно было бы примириться с созданием в Персии нашими собственными усилиями регулярных вооруженных сил, которые могли бы явиться надежным кадром для будущей армии. Во всяком другом случае на начинания, могущие способствовать образованию в Персии прочной регулярной армии, следовало бы смотреть как на крупную ошибку, чреватую в будущем чрезвычайными для нас осложнениями и опасностями на новом персидском фронте.

Переходя к вопросу о практическом осуществлении проекта, нельзя не обратить внимания на те трудности, с которыми было бы связано формирование персидской вооруженной силы, так как оно потребовало бы выделения из нашей армии опытного офицерского состава и чрезвычайно тяжелой для нас жертвы оружием и боевыми припасами, недостаток коих заставляет нас сокращать размеры крайне необходимых для нас новых формирований для усиления наших собственных армий.

Естественно, что при таких условиях количество вооруженных сил Персии, на которое мы можем изъявить согласие, должно быть ограничено минимальной нормой, дабы, преследуя строго определенные цели в Персии, мы не нанесли себе ни малейшего военного ущерба на неизмеримо более важном западном или кавказско-турецком фронте.

В этом отношении я могу только повторить пожелания, высказанные вашему высокопревосходительству в письме моем от [13 февраля] 31 января 1916 года № 11940 [1] и удостоившиеся одобрения августейшего главнокомандующего кавказской армией, с тем только различием, что, может быть, пришлось бы, наряду с небольшим увеличением настоящего состава персидской казачьей бригады, придать ей и некоторые технические средства, дабы она могла служить не только для борьбы с внутренними врагами, но и с внешним врагом — Турцией, в случае заключения союза с нами.

К сему считаю необходимым присовокупить, что со времени сношений по данному вопросу с кавказским начальством и отправления письма от [13 февраля] 31 января, обстановка на Среднем Востоке, с разгромом

[1] См. № 197.

турецкой армии под Эрзерумом, сильно изменилась в нашу пользу, а следовательно, и те основания для соглашения с нами, на которые могло рассчитывать персидское правительство, изменились коренным образом к нашей выгоде [1].

Примите и пр.

Ал. Поливанов.

№ 295. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу и Бьюкенену.

3 марта/19 февраля 1916 г. [2].

Un échange de vues a été engagé entre les Cabinets de Pétrograd et de Tokio concernant une union plus étroite en vue d'empêcher l'Allemagne de jouer un rôle prépondérant en Chine.

Cette circonstance donne le prétexte pour inviter avec plus d'instance le gouvernement japonais à prendre part aux mesures projetées destinées à porter à l'Allemagne un coup sur le terrain chinois. Mr. Sazonow a eu l'occasion de s'exprimer dans ce sens dans ses entretiens avec le baron Motono et de lui expliquer qu'un pareil coup ne pouvait être porté que pendant la guerre, car en temps de paix les Alliés ne disposeraient plus des moyens dont ils peuvent se servir pendant la durée des hostilités.

Mr. Sazonow serait reconnaissant si Mr. Briand (Sir E. Grey) trouvait possible de s'expliquer dans le même sens avec le gouvernement japonais afin de lui faire comprendre que les Alliés étaient unanimes pour réclamer la participation du Japon à la réalisation de ce projet vu le prix qu'ils y attachent [3].

Перевод.

Между петроградским и токийским кабинетами был начат обмен мнениями относительно более тесного союза в целях воспрепятствовать Германии играть доминирующую роль в Китае.

Это обстоятельство создает предлог для того, чтобы более настоятельно добиваться от японского правительства его участия в проектируемых мерах, имеющих целью нанести удар Германии на китайской территории. Г. Сазонов имел случай высказаться в этом смысле в своих беседах с бароном Мотоно и объяс-

---

[1] 12 марта/28 февр. пам. записка, составленная в смысле этого письма, была передана Сазоновым англ. пос-ву в Петрограде.

[2] Маш. копия.

[3] Содержание этой пам. записки было передано Сазоновым Извольскому и Бенкендорфу тел. от 2 марта/18 февраля за № 871.

нить ему, что такой удар может быть нанесен только во время войны, так как в мирное время союзники не располагали бы более средствами, которыми они могут пользоваться в течение военных действий.

Г. Сазонов был бы благодарен, если бы г. Бриан (сэр Э. Грей) нашел возможным объясниться в том же смысле с японским правительством, чтобы дать ему понять, что союзники единодушны в своем требовании участия Японии в осуществлении этого проекта, ввиду значения, которое они ему придают.

№ 296. Николай II президенту французской республики Пуанкаре.

Телеграмма [1]. 3 марта/19 февраля 1916 г.

Depuis le commencement de la guerre le gouvernement russe, attachant une grande importance au concours roumain dans la cause commune des Alliés, n'a pas cessé de déployer ses efforts pour conclure un accord militaire avec la Roumanie.

Le gouvernement de la République est certainement déjà renseigné sur l'envoi à Bucarest du colonel de l'Etat Major Tatarinoff pour assurer la Roumanie de l'appui que la Russie est prête à lui accorder et pour élaborer, de concert avec l'Etat Major roumain, le plan et les conditions des opérations communes. Cependant le gouvernement roumain ne paraît pas pour le moment disposé à préciser sa manière de voir quant à une coopération militaire et a réservé ses décisions sans même vouloir entrer en pourparlers à ce sujet [2].

Je puis vous assurer, Mr. le Président, que la Russie a déjà fait et continue à faire tout ce qui est dans son pouvoir pour aplanir les difficultés qui arrêtent la conclusion de l'accord militaire avec la Roumanie et ce n'est point sa faute si le gouvernement roumain ajourne encore son entrée en action.

Je suis avec admiration la lutte héroïque que la France soutient en ce moment contre l'assaut formidable de l'ennemi.

Souhaitant de tout coeur que cet assaut se brise à la ferme barrière que lui oppose la vaillante armée française, je profite de cette occasion, Mr. le Président, pour vous renouveler l'assurance de ma haute estime et de ma constante amitié [3].

Nicolas.

---

[1] На проекте этой тел. имеется помета Николая II: «Одобряю. Царское Село, [3 марта] 19 февраля 1916 г.».

[2] См. № 227.

[3] Текст публикуемой тел. был сообщен Сазоновым Извольскому тел. от 4 марта/20 февр. за № 894 для передачи Пуанкаре. Содержание этой тел. было передано Бьюкененом Грею тел. от 4 марта/20 февр. за № 324 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел).

Перевод.

С начала войны российское правительство, придавая большое значение участию Румынии в общем деле союзников, не переставало прилагать усилия для заключения военного соглашения с Румынией.

Правительство республики, конечно, уже осведомлено о посылке в Бухарест полковника генерального штаба Татаринова, чтобы заверить Румынию в поддержке, которую ей готова оказать Россия, и чтобы выработать вместе с румынским генеральным штабом план и условия совместных операций. Однако румынское правительство, повидимому, в настоящее время не склонно точно определить свой взгляд на военное сотрудничество и отложило свое решение, не пожелав даже вступить в переговоры по этому поводу.

Могу вас заверить, г. президент, что Россия уже сделала и продолжает делать все от нее зависящее, чтобы сгладить затруднения, препятствующие заключению военного соглашения с Румынией, и отнюдь не ее вина, если румынское правительство еще откладывает свое вступление в войну.

Я с восхищением слежу за героической борьбой, которую в данный момент выдерживает Франция против ужасного натиска врага.

Желая от всего сердца, чтобы этот натиск разбился о твердую преграду, противопоставленную ему доблестной французской армией, я пользуюсь случаем, чтобы возобновить вам, г. президент, уверение в моем высоком уважении и постоянной дружбе.

Николай.

№ 297. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 890 [1]. 3 марта/19 февраля 1916 г.

По имеющимся доверительным сведениям французский посланник в Стокгольме осуждает в частных разговорах со шведами русскую политику в Финляндии [2], а в донесениях своему правительству преувеличивает значение, придаваемое Швецией финляндскому вопросу. Благоволите весьма осторожно намекнуть Камбону на желательность бо́льшей сдержанности в оценке со стороны Тьебо внутренней политики союзной державы.

Сазонов.

№ 298. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву.

Телеграмма № 893 [3]. 3 марта/19 февраля 1916 г.

Ссылаюсь на телеграмму посла в Париже № 144 [4].

Не было ли чего-нибудь в ваших инструкциях Татаринову, что

[1] Лит. копия.

[2] См. № 206.

[3] Лит. копия.

[4] См. стр. 306, прим. 1.

могло бы подать повод к предположениям французского правительства о возникших недоразумениях [1].

Сазонов.

№ 299. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 93. 3 марта/19 февраля 1916 г.

Mr. Hoover, agent général fond Rockfeller, est venu m'entretenir situation tout à fait critique région Pologne occupée par forces allemandes, et exposer projet de secours dont mémorandum vient d'être soumis à gouvernement anglais. Mémorandum et annexes suivront par courrier. En dehors côté purement humanitaire Hoover appuie tout spécialement sur argument que, si famine prend proportions encore plus aiguës que actuellement, émigration en masse en Amérique[2] — but et mobile principal de l'Allemagne — devient inévitable, et Allemagne y trouvera avantages peut-être plus décisifs que ceux dérivés de l'accaparement produits du sol polonais, les usines de munitions en Allemagne manquant d'ouvriers. Il y ajoute argument que tout comme en Belgique la population se serait résignée à se rapprocher de l'Allemagne à défaut secours en temps opportun. Selon lui un an de régime actuel, où population polonaise se sent abandonnée par ses protecteurs naturels, fera plus pour germanisation Pologne que nombre d'années d'administration visant ce but. Me tenant, bien entendu, sur la réserve, j'ai dit que je ne savais pas si gouvernement impérial était arrivé à ce sujet à décision définitive. Je m'en suis tenu là, parce qu'il est très important pour nous que toute la responsabilité pour refus éventuel ne retombe pas, dans l'opinion des polonais et même dans celle de l'Amérique, sur gouvernement impérial. Je crois cette conséquence fâcheuse très probable. En me donnant détails navrants sur situation pire que celle en Belgique, Hoover appuie sur rapports américains rédigés après examen sur place, qui ne laissent guère de doute. Il me dit que projet consiste à faire parvenir en Pologne périodiquement la farine, jamais plus de 25 à 30 mille tonnes — un chiffre insignifiant pour approvisionnement Allemagne. Il s'agit de farine — moulins en Pologne étant tous détruits. J'avoue

---

[1] Тел. от 5 марта/21 февр. за № 999 Алексеев отвечал Сазонову, что указания, данные им Татаринову, базировались на соображениях, изложенных предварительно Сазонову, и что, по его мнению, французская миссия в Бухаресте «и особливо капитан Пишон принимают в этом вопросе нервное и нежелательное участие».

[2] Так в оригинале. В черновике, хранящемся в архиве б. росс. пос-ва в Лондоне: «en Allemagne» (в Германию).

que paroles et conséquences tirées par Mr. Hoover n'ont pas laissé faire sur moi vive impression [1].

Benckendorff.

Перевод.

Г. Гувер, главный уполномоченный по Рокфеллерскому фонду, пришел побеседовать со мной о совершенно критическом положении той части Польши, которая оккупирована германскими войсками, и изложить содержание проекта по оказанию помощи, меморандум о котором только-что представлен на рассмотрение английского правительства. Меморандум и приложения к нему будут отправлены с курьером. Кроме чисто гуманитарной стороны этого вопроса, Гувер особенно выдвигает тот аргумент, что если голод примет еще более острые формы, чем теперь, то массовая эмиграция в Америку [2] — основная цель, к которой стремится Германия, — будет неизбежна, и Германия получит от этого, может быть, более ощутительные выгоды, чем от захвата продуктов с польской территории, так как германские заводы по изготовлению военных припасов страдают от недостатка в рабочей силе. Он добавляет еще и тот аргумент, что как и в Бельгии, население пойдет на сближение с Германией при отсутствии своевременной помощи. По его мнению, один год такого режима, при котором польское население чувствует себя покинутым своими естественными покровителями, сделает для германизации Польши больше, чем долгие годы управления, ставящего себе ту же цель. Я был, конечно, осторожен и сказал, что не знаю, пришло ли императорское правительство к окончательному решению по этому вопросу. Я ограничился только этим, потому что для нас очень важно, чтобы вся ответственность за возможный отказ не была возложена общественным мнением Польши и даже Америки на императорское правительство. Эти прискорбные последствия я считаю очень вероятными. Сообщая мне душераздирающие подробности о положении, еще худшем, чем в Бельгии, Гувер ссылается на американские отчеты, составленные после обследования на месте, в достоверности которых вряд ли можно сомневаться. Он мне сказал, что проект предусматривает периодическую доставку в Польшу муки, в количестве, ни в коем случае не превышающем 25—30 тысяч тонн, — ничтожная цифра для снабжения Германии. Речь идет о муке, потому что все мельницы в Польше разрушены. Признаюсь, что слова и выводы, сделанные Гувером, не могли не произвести на меня глубокого впечатления.

Бенкендорф.

---

[1] Дополнительно в тел. от 4 марта/20 февр. за №№ 94 и 95 Бенкендорф передал содержание проекта Гувера, согласно которому: а) амер. комиссия берет на себя снабжение продовольствием городского населения больших городов; раздачу этого продовольствия принимает на себя герм. прав-во; б) герм. прав-во берет на себя снабжение сельского населения Русской Польши и Западной России; в) герм. прав-во оплачивает в золоте продовольствие, доставленное амер. комиссией, и расходы по транспорту до Данцига; г) союзные прав-ва должны уполномочить комиссию на эти финансовые операции; д) амер. комиссии будет предоставлена возможность контролировать распределение. Вся эта операция должна быть закончена к 1 окт. 1916 г.

[2] Так в оригинале, см. стр. 319, прим. 2.

№ 300. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 52. 3 марта/19 февраля 1916 г.

Продолжение моей телеграммы № 41 [1].

Президент, месяц тому назад объявивший конгрессу, что он не допустит его вмешательства в иностранные дела, вдруг 1 марта, в день, назначенный для открытия новой германской подводной кампании, предписал палатам безотлагательно приступить к голосованию по резолюции о запрещении американцам путешествовать на вооруженных торговых судах «ввиду того, что слухи о разногласии между правительством и конгрессом распространяются в иностранных столицах и могут подвергнуть страну самым серьезным опасностям, создав вредные недоразумения». Озадаченный этим смелым вызовом, конгресс не знает, что делать, так как демократы не могут выступить против своего главы, хотя и не согласны с ним, а оппозиция колеблется между желанием... поставить президента в затруднительное положение и неохотой поддержать немецко-пацифистическую партию, вследствие чего президенту был предложен компромисс в виде простой декларации доверия, не определяя по какому вопросу; президент не согласен на это, требует специального голосования по назначенному им вопросу и считает это пробным камнем отношений конгресса к исполнительной власти. На этом дело пока стало, но волнение и растерянность в конгрессе все увеличиваются. Печать и общественное мнение поддерживают президента и считают, что он выступит защитником американской чести против группы конгресса, которая руководится и которая куплена немцами [2].

Бахметев.

№ 301. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 897. 4 марта/20 февраля 1916 г.

Копию передайте в Лондон.

Во вчерашнем моем разговоре с французским послом по поводу телеграммы президента государю императору [3] и затронутых в ней

[1] См. № 253.

[2] Дополнительной тел. от 9 марта/25 февр. за № 59 Бахметев сообщал, что конгресс подавляющим большинством постановил отвергнуть резолюцию о предупреждении американцев, и что этим самым Вильсон «одержал несомненную победу, которая ему развязывает руки для дальнейших переговоров или действий, касающихся иностранной политики». «Вся печать, — добавлял в заключение Бахметев, — празднует эту «победу американизма над германофилами и Берлином».

[3] См. № 288.

вопросах о наших переговорах с Румынией, я не мог не выразить ему нашего изумления перед проявляемым французским правительством неосновательным сомнением в искренности наших усилий притти к военному соглашению с Румынией [1].

Правительство республики, казалось бы, должно быть в достаточной мере осведомлено своими представителями в Бухаресте и при Ставке верховного главнокомандующего об истинном положении вещей, именно: с одной стороны, о миссии полковника Татаринова, нашем предложении военной помощи Румынии, в виде посылки войск, и, с другой стороны, об уклончивых ответах румынского правительства, очевидно, ведущего двойную игру и избегающего принять в настоящую минуту какое-либо окончательное решение.

Благоволите объясниться в этом смысле с министром иностранных дел.

Поручаю Поклевскому переговорить также по этому вопросу с Братиану [2].

Сазонов.

Верно.

Царское Село, [5 марта] 21 февраля 1916 г.

№ 302. Поденная запись министерства иностранных дел [3].

4 марта/20 февраля 1916 г.

Узнав, что г. Филиппеску находится под впечатлением, будто в России допускают возможность скорого примирения с Болгарией и соответственной перемены русской политики по отношению к Румынии, министр иностранных дел счел нужным вызвать г. Филиппеску к себе, чтобы самым решительным образом рассеять это впечатление и заявить ему, что при нынешних обстоятельствах Россия не может забыть измены Болгарии, а потому страх Румынии перед поворотом русской политики по отношению к ней неосновател. Это сообщение, повидимому, успокоило г. Филиппеску [4].

---

[1] См. стр. 306, прим. 1.

[2] В тот же день Сазонов телеграфировал Поклевскому за № 895 (опубл. Ц. Р., стр. 212): «Французское правительство, основываясь, очевидно, на сообщениях, исходящих из Румынии, выражает нам свое беспокойство за исход наших переговоров с Румынией по вопросу о военном соглашении, пытаясь объяснить возможный неуспех их нашей недостаточной готовностью итти на уступки. Мы крайне удивлены таким извращением фактов. Поручаю вам переговорить в этом смысле с Братиану».

[3] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 16.

[4] Содержание этого разговора с Филиппеску было передано Сазоновым Поклевскому в тел. от 10 марта/26 февр. за № 981.

№ 303. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

½. Телеграмма № 96. 4 марта/20 февраля 1916 г.

Suite à mon № 95 [1].

J'ai eu entretien avec Mr. Wallcott, agent de Rockefeller, qui avec Mr. Kellog, agent commissaire américain, ont passé plusieurs semaines en Pologne et dont expériences en Belgique, France et Serbie donnent autorité incontestable à leur opinion et relations des faits. Mr. Wallcott me dit que les circonstances avaient produit en Pologne situation beaucoup plus désespérée et difficile qu'en Belgique et France. Que néanmoins population polonaise dans son ensemble reste attachée à la Russie, mais en désespoir de cause il prévoit que, si rien n'est fait, il arrivera ce qui serait arrivé infailliblement en Belgique — un recours à l'Allemagne. J'ai demandé à Mr. Wallcott quel intérêt l'Allemagne avait à l'arrangement en question. Il répondit que les autorités allemandes ont compris que la famine... [2] prévue doit être empêché pour arrêter épidémies croissantes dangereuses pour leurs troupes. Wallcott me fait observer que ce danger inévitable frappera les troupes russes tout comme troupes allemandes. Il me répéta argument de Hoower sur émigration polonaise, inévitable dans ces conditions, Allemagne lui procurant main d'oeuvre supplémentaire et efforts gouvernement allemand faire retomber toute responsabilité aux yeux de la population sur gouvernement impérial. J'ai répondu à Wallcott que Russie, pour motifs militaires, ne pourrait en aucun cas contribuer ni participer au travail de ravitaillement. Wallcott réplique que Russie n'aurait ni à contribuer ni à participer mais seulement à consentir et que, d'après ses observations personnelles, (donner secours) serait plus... [3] dans intérêt russe que consentir simplement. Il a ajouté que la crise était telle, qu'il croyait qu'il n'y avait plus un moment à perdre pour décision capable arrêter désastre complet. Son rapport où... comparaison [4] Belgique, France et Pologne est en effet d'un intérêt saisissant.

Benckendorff.

---

[1] См. стр. 320, прим. 1.

[2] В черновике, хранящемся в архиве б. росс. пос-ва в Лондоне, пропущенное слово читается: «au degré» («в размерах»).

[3] В черновике пропущенное слово читается: «directement» («непосредственно»).

[4] В черновике начало этой фразы читается: «Son rapport où sont traitées comparativement» («Его донесение, где проводится сравнение»).

Перевод.

Продолжение моего № 95.

Я имел беседу с г. Валлкотом, агентом Рокфеллера, который вместе с г. Келлогом, американским уполномоченным-агентом, пробыл несколько недель в Польше. Опыт, приобретенный ими в Бельгии, Франции и Сербии, придает неоспоримый авторитет их мнению и их донесениям о фактическом положении. Г. Валлкот сказал мне, что вследствие ряда обстоятельств в Польше создалось положение более тяжелое, более отчаянное, чем в Бельгии и во Франции. Что, несмотря на это, польское население в массе сохраняет привязанность к России, но ввиду отчаянного положения дела он предвидит, что, если ничего не будет сделано, случится то, что непременно случилось бы в Бельгии — обращение к Германии. Я спросил г. Валлкота, какой интерес представляет для Германии урегулирование этого вопроса. Он ответил, что германские власти поняли, что нужно предупредить голод в ожидаемых... для прекращения распространяющихся эпидемий, опасных для их войск. Валлкот обратил мое внимание на то, что эта неизбежная опасность обрушится и на русские войска так же, как и на германские. Он повторил довод Гувера по поводу неизбежной в этих условиях эмиграции поляков в Германию, что доставит ей дополнительную рабочую силу, а также по поводу усилий германского правительства возложить в глазах населения всю ответственность на императорское правительство. Я ответил Валлкоту, что Россия по военным соображениям ни в коем случае не может ни оказывать содействия, ни принимать участие в работе по снабжению. Валлкот ответил, что от России не требуется ни содействия, ни участия, а только согласие и что, по его личным наблюдениям, (оказание помощи) больше... в интересах России, чем простое согласие. Он добавил, что положение столь критическое, что, по его мнению, нельзя медлить ни одной минуты с решением, способным приостановить полную катастрофу. Его донесение, где ... сравнение между Бельгией, Францией и Польшей поистине представляет захватывающий интерес.

Бенкендорф.

№ 304. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 150. 4 марта/20 февраля 1916 г.

Копии в Рим и Корфу.

Получил ваш № 816 [1].

Из разговора с Камбоном я мог заключить, что постоянные требования и жалобы Пашича вызывают здесь некоторое чувство обиды и даже раздражения. Французское правительство приложило к делу перевозки и реорганизации сербской армии много энергии и труда

[1] В оригинале ошибка, так как № 816 адресован в Норвегию. Повидимому, речь идет о тел. за № 812 от 28/15 февр., в которой Нератов передал в Рим и Париж ходатайство Пашича о скорейшей перевозке на Корфу или в Салоники кавалерийской дивизии и 18 000 лошадей, оставшихся еще в Албании. Это ходатайство Пашича было передано Савоновым и в Лондон тел. от 5 марта/21 февр. за № 913.

при трудных условиях и вправе ожидать от сербов больше доверия, и, может быть, благодарности. В частности вопрос о доставке сербских войск из Корфу в Салоники представляет, вследствие крайней скудности перевозочных средств и опасности от подводных лодок, большие затруднения. Возможно поэтому, что оставшаяся в Валоне сербская кавалерийская дивизия будет перевезена оттуда в Салоники. Камбон присовокупил, что было бы желательно ускорить приезд королевича Александра и Пашича в Париж[1].

Извольский.

№ 305. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 129. 4 марта/20 февраля 1916 г,

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Ссылаюсь на телеграмму посла в Риме № 209[2].

Две недели тому назад здешний итальянский посланник вручил греческому правительству ноту относительно вторжения в Валонскую казу греческого отряда в преследовании бежавшего туда мусульманина, который был задержан греками и убит. Ныне итальянский посланник вручил председателю совета министров новую ноту, в которой указывает на сосредоточение в Берате 13 000 албанских иррегулярных войск, которое, по мнению итальянского главнокомандующего, состоится не иначе, как при содействии греческих властей в Эпире. Греческие предводители банд направляются из Корицы к Берату. Их план действий — нападение с юга — осуществим лишь при условии способничества греческих властей в Аргирокастро, Тепелени и Ихимаре, так как необходимо проходить по территории греческой оккупации. Дабы помешать этому, итальянским войскам надлежало бы занять некоторые пункты в местностях греческой оккупации, что до сих пор не было сделано во внимание к Греции. Тем не

---

[1] Тел. от 2 марта/18 февр. за № 143 Извольский сообщил о заявлении серб. посланника в Париже, что Пашич и Александр сербский откладывают свой приезд в Париж до получения согласия лондонского кабинета на уплату Сербии ежемесячной субсидии в 30 000 000 фр. В связи с этим франц. представителю на Корфу была послана инструкция заявить серб. прав-ву, что Франция поддержит его требования в Лондоне, а также настоять на скорейшем приезде Александра и Пашича в Париж «для обсуждения различных вопросов, касающихся сербской армии».

[2] В тел. от 1 марта/17 февр. за № 209 Гирс сообщил, что, по сведениям итал. прав-ва, албанские вооруженные силы появились на юге от Валоны со стороны Тепелени и Аргирокастро и что итал. посланнику в Афинах поручено обратить на это внимание греч. прав-ва.

менее если греческие власти не примут мер к устранению этой опасности, итальянское правительство не ручается... Итальянский посланник просит о возможно незамедлительном объяснении образа действий греческих властей в Эпире и напоминает о первой ноте, ответа на которую, несмотря на срочность, еще не поступило.

Демидов.

№ 306. Начальник штаба верховного главнокомандующего представителю Ставки при штабе французского главнокомандующего Жилинскому.

Телеграмма № 998. 4 марта/20 февраля 1916 г.

К 15 февраля старого стиля наши армии, не считая кавказской, имеют [1]: пехотных дивизий 128, отдельных бригад 6, штыков 1 500 тысяч, безоружных 260 тысяч. Штатное число штыков в этих дивизиях и бригадах 1 800 тысяч. Конница — 142 тысячи шашек. Запасные батальоны, принадлежащие армиям, — 525 тысяч. Всего на довольствии в собственно действующих армиях, считая тыловые войска, ополчение, учреждения, — около 5 500 тысяч человек. Запасные батальоны внутренних округов империи — 1 020 тысяч; призвано [14] 1 февраля, но в батальоны еще не прибыло, — 400 тысяч ратников. Будет призвано [23] 10 марта 400 тысяч ратников первого разряда, около [28] 15 апреля 800 тысяч новобранцев. Затем до осени призывов не будет. Таким образом, до осени в нашем распоряжении общая сумма укомплектований — 3 145 тысяч. За счет этих укомплектований и ополчения вновь формируется семь дивизий и четыре бригады развертываются в дивизии.

Винтовки в действующих частях — около 1 700 тысяч, в запасных батальонах, принадлежащих армиям,— 180 тысяч, в запасных частях империи — около 290 тысяч, в тыловых войсках и кавалерии — около 440 тысяч. Хотя главную часть винтовок составляют трехлинейные, но в общем вооружение пестрое; пестрота будет увеличиваться по мере прибытия следующих морем итальянских, французских, японских винтовок. В феврале, марте наши заводы дадут 180 тысяч, в апреле 95 тысяч, ожидается из-за границы наших винтовок до [14] 1 апреля 100 тысяч, но считать выполнение контракта безусловно обеспеченным не могу.

[1] Тел. от 4 марта/20 февр. за № 83 Жилинский снова просил Алексеева сообщить ему сведения о численности русской армии и военных материалах (см. стр. 226, прим. 1).

Пулеметы. Состоит в армиях: 4 558 системы Максима, 553 Кольта, 326 ружей Мадсена, 372 австрийских под наш патрон, 521 австрийских и германских не переделанных. Ожидается до [28] 15 апреля от наших заводов 1 375 и из-за границы 50. До желательных 16 пулеметов на полк пока довести не можем.

Орудия. Состоит в армиях легких и горных 5 тысяч, гаубиц 585, тяжелых современного типа 460; тяжелых из крепостных запряженных и незапряженных 516. Из этого числа в большом продолжительном ремонте легких, горных 210, гаубиц 40, тяжелых современных 108. Ожидается до [28] 15 апреля легких и горных до 800, гаубиц до 125, тяжелых до 30, из-за границы легких японских 90; гаубиц английских 102, тяжелых 46.

Огнестрельные припасы. Состоит на единицу оружия: легкую, горную пушку 1 270, гаубицу 540, тяжелое орудие 685, винтовку 255. Ежедневно поступает на легкую пушку 12, в апреле будет 17, гаубицу 5, тяжелую пушку 15, тяжелую гаубицу 4, на винтовку 2 с дробью. Ожидается из-за границы до [14] 1 апреля легких патронов 1 200 тысяч, ружейных патронов 34 000 тысяч. Осторожнее не рассчитывать на безусловное поступление этих заказов и считать их случайным усилением запасов.

Оперативная часть. Приведенные сведения о приливе оружия и припасов видно [1], что таковые поступают медленно, продолжительно, потому ожидать нашей идеальной готовности для начала наступления нельзя. Безусловно необходимо пополнить до полных штатов винтовки и образовать некоторый запас их для пополнения естественной убыли в боях. Задачу эту выполним в течение марта. Изложенные в телеграмме вашей 71 [2] соображения, положенные в основу меморандума, не будут иметь под собою почвы. Вырабатывать план наступления в июле значит не принимать вовсе во внимание противника, его волю, его деятельный характер, безусловную необходимость для него поспешать наносить удары союзникам и стремиться к скорейшему окончанию войны. Поэтому, как только состояние дорог позволит широкие предприятия, противник упредит нас атакой. На 1 200-верстном нашем фронте найдутся всегда слабые места, которые легко прорвать. Бедность находящейся ныне в нашем распоряжении железнодорожной сети, слабая провозоспособность лишает нас возможности быстро сосредоточивать к угрожаемым участкам сильные резервы, подобно французам, и вообще в широких размерах изменять группировку наших сил. Полагаю, план наступления в июле останется на-

[1] Так в оригинале.
[2] См. № 267.

всегда неосуществленным, ибо противник разрушит его, упредив атакой. Для нас более или менее критический период на Двине наступит в марте: Рижский залив очистится от льда недели на три раньше Моонзунда, германский флот будет это время хозяйничать без всякого противодействия нашего флота. Совокупная операция германского флота и сухопутной армии против Риги и Рижского побережья вероятна, что заставляет нас теперь усиливать войска северного фронта и этим связывать и наши дальнейшие планы действий. Наиболее выгодным было бы атаковать противника теперь же: морозы поддерживают дороги, на нашей стороне пока существенное превосходство сил, противник прикован к французскому фронту. Можно рассчитывать, что погода поддержит дороги весь февраль и первые числа марта. Если мы успеем выполнить за это время переброску войск, ныне выполняемую, то, согласно решению совещания [24] 11 февраля [1], наши армии атакуют противника. Если до этого времени потеплеет, настанет распутица, исключающая возможность на нашем фронте широких операций до просыхания почвы и дорог, что будет в конце нашего апреля — в начале мая, то переход наш в наступление поневоле придется отложить до указанного срока. Соответственно выполняется сосредоточение: для усиления Рижского района в указанных выше целях и вспомогательного удара; для главного же — в Двинском районе и районе Поставы — Вилейка. Комбинированный удар на Свенцяны — Вилькомир. Конечно, весной придется несколько изменить район сосредоточения, сохраняя идею удара. Юго-западный фронт имеет перед собой значительные силы, может сам ожидать удара, особенно из Буковины, должен иметь в виду оказание помощи румынам, поэтому оказалось возможным взять оттуда только гвардию, перевозка коей сильно задерживает наше сосредоточение. Задача этого фронта — активно удерживать находящегося перед ним противника. Если наступление в силу погоды, состояния путей придется назначить весной, то и тогда необходимо упредить противника атакой и разрушить план его действий.

Потребности наши крайне велики; успехи на Кавказе, расширение театра действий вызывают необходимость увеличения войск. Великий князь требует, по крайней мере, одну дивизию. Румыны ставят условием присоединения к нам сосредоточение 250 тысяч наших войск в Добрудже для ведения наступательной операции на Балканах [2]. Здешняя французская военная миссия, основываясь на указаниях

---

[1] Журнал совещания от 24/11 февр. не обнаружен. Ср. № 242.

[2] См. № 272.

генерала Жоффра, усиленно добивается выполнения этого желания. Но твердо полагаю, что достижение успеха над немцами решит и румынский вопрос, разброска же сил сделает нас всюду слабыми. В данную минуту нам выгоднее нейтралитет Румынии. Закончу просьбой хлопотать за возможно обильное снабжение сербов ружьями, пулеметами, орудиями и за важное значение наступления из Салоникского района. Положение Швеции требует особого внимания, осложнения с ней возможны [1].

Алексеев.

№ 307. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 93. 5 марта/21 февраля 1916 г.

Confidential.

A telegram has been received from Sir E. Grey stating that His Majesty's Government have already made investigations [2] concerning the relations which exist between the Hong Kong and Shanghai Bank and certain German Banks. Since the Russian Government do not appear however altogether satisfied as to these relations, His Majesty's Government have agreed to hold a further enquiry and are only awaiting information from the Russian Ambassador in London as regards the special points which the Russian Government desire to see investigated.

As His Majesty's Government are anxious to proceed with the enquiry without delay and to make it effective, Sir E. Grey hopes that he may be informed as soon as possible of the special points above mentioned [3].

---

[1] 4 марта/20 февр. Алексеев телеграфировал Жилинскому за № 1010: «Сообщенные вам оперативные наши соображения требуют подробной ориентировки в положении дел на французском фронте, не ограничиваясь передачей только краткой фактической стороны. Просил бы давать вашу собственную оценку событий дня или периода, по возможности заключения и обобщения генерала Жоффра. Тогда легче будет оценивать значение отдельных эпизодов, особенно если несколько подробнее будет известна группировка французских войск. Все это особенно важно для нас в смысле определения минуты и характера наших действий, главным же образом для уяснения обстановки в том случае, если настоящая операция немцев не получит дальнейшего развития».

[2] См. № 185 и стр. 190, прим. 1.

[3] Пам. запиской от 6 марта/22 февр. за № 186 Сазонов известил Бьюкенена, что подробные сведения о сношениях Гонконг-Шанхайского банка с герм. банками, заключающиеся в письме Гойера от 5 янв./23 дек. (см. стр. 132, прим. 4), были отправлены 25/12 февр. послу в Лондоне.

Перевод.

От сэра Э. Грея получена телеграмма о том, что правительство его величества уже произвело расследование о связях, существующих между Гонконг-Шанхайским банком и некоторыми германскими банками. Поскольку, однако, российское правительство, повидимому, не вполне уверено [в отсутствии] этих связей, правительство его величества согласилось произвести дальнейшее расследование и только ожидает информации от российского посла в Лондоне по поводу специальных вопросов, которые российское правительство желает выяснить.

Ввиду того, что правительство его величества крайне желает приступить к расследованию без промедления и произвести его успешно, сэр Э. Грей надеется, что он будет осведомлен возможно скорее о вышеупомянутых специальных вопросах.

№ 308. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

Телеграмма № 914. 5 марта/21 февраля 1916 г.

Копия в Рим.

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 209 [1].

В настоящее время почти вся Южная Албания занята греческими отрядами и фактически находится под контролем греческих военных властей после восстания эпиротов 1914 года. В этих местностях совсем не осталось албано-мусульманского населения, изгнанного или уничтоженного греческими дружинами. Банды, упоминаемые в итальянском сообщении, вербуются, вероятно, исключительно из местных греков, не без ведома властей.

Благоволите обратить на это внимание греческого правительства и указать на недопустимость подобного явления si omnes [2].

Сазонов.

---

[1] См. стр. 325, прим. 2. Тел. от 4 марта/20 февр. за № 221 Гирс сообщил, что в связи с подтверждением слухов о появлении алб. вооруженных сил на юге Албании, Соннино обратился к союзным прав-вам с просьбой поддержать настояния Италии «о необходимости более внимательного отношения к этому вопросу Греции».

[2] Тел. от 11 марта/27 февр. за № 141 Демидов сообщил, что накануне он вручил совместно с англ. и франц. посланниками соответствующую ноту Скулудису, чтобы задержать выступление итал. посланника. В ответ на эту ноту греч. прав-во сообщило, что, согласно имеющимся у него сведениям, «не только никакие банды не организуются в Эпире, но среди 1 600 мирдитов мало (...) действующих в округе Берата под предводительством 4 австрийских офицеров, нет ни одного грека» (тел. Демидова от 12 марта/28 февр. за № 144).

№ 309. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 152. 5 марта/21 февраля 1916 г.

Ваша телеграмма № 754 получена [1].

По сведениям, полученным Батшевым от министра торговли, первая задача экономической конференции — провозглашение принципа экономического единения между союзниками и по возможности соглашение о незаключении кем-либо из них торговых договоров с неприятельскими странами без предварительного согласия остальных союзников. Дальнейшая программа конференции будет сообщена Батшеву министром торговли на будущей неделе. О своем разговоре с Клемантелем Батшев подробно телеграфирует своему министерству. По словам министра, им получены сведения о попытке австро-германцев привлечь Швейцарию к участию в подписанном ими таможенном соглашении.

Извольский.

№ 310. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Письмо № 1016. г. Могилев, 5 марта/21 февраля 1916 г.

В собственные руки.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Если бы в ходе только-что начатых переговоров с представителями румынского правительства сразу же обнаружилось резкое и неустранимое противоречие взглядов, желаний, то полковник Татаринов не преминул бы донести об этом и просил бы дальнейших указаний. Но никаких телеграмм от нашего военного агента не получено, что указывает только на то, что, как я сообщил вашему высокопревосходительству телеграммой, в это серьезное дело вносится, повидимому, капитаном Пишон неуместная нервность, скороспелость [2], а приемы обращения к вам и к государю императору [3] указывают на стремление французского правительства навязать нам свою точку зрения и вынудить совершенно невыгодное и опасное с военной точки зрения решение.

---

[1] В тел. от 25/12 февр. за № 754 Сазонов поручал Извольскому узнать у франц. прав-ва, какие задачи оно возлагает на предстоящую экономическую конференцию, и высказывался за необходимость выработки заранее твердой программы.

[2] Имеется в виду тел. от 5 марта/21 февр. за № 999 (см. стр. 319, прим. 1).

[3] См. № 288 и прим. к нему.

Два источника дают косвенное указание о планах румын, причем планы эти выработаны, повидимому, не без участия французской миссии, убеждение в чем у меня слагается на основании телеграммы г. Поклевского, а особенно его телеграммы от [30] 17 января [1] со ссылкой на одного из своих «коллег».

Бывший у меня г. Филиппеску очень определенно изложил «свои» пожелания: не менее как 250 000 русская армия немедленно собирается в Бессарабии, как гарантия безопасности Румынии при ее выступлении против центральных держав. С началом военных действий эта русская армия вступает в Добруджу и обеспечивает южную границу Румынии от германо-болгарских войск. Что будет делать румынская армия, г. Филиппеску умолчал, ссылаясь на то, что он не стратег.

Продолжение этого разговора я нахожу в горячих записках французских генералов По и Лагиша. Суть этих записок такая. Русские должны выставить сильную армию для помощи Румынии и выставить именно в Добрудже, ибо «наступлением этой армии на Балканском полуострове русские наиболее надежно обеспечат южную границу Румынии от покушения болгар и облегчат переход к активным действиям салоникской армии союзников». Такое отделение русской армии на Балканский полуостров выгодно и потому, что сравнительно малоопытная румынская армия будет поставлена между прочными русскими войсками; так поступают и французы, ставя бельгийскую и отчасти даже английскую армию среди своих войск. Только такое направление русской армии «позволит румынам все свои силы направить в Трансильванию и Буковину, куда их влекут национальные интересы». Совместное действие русских в этих областях, наоборот, может возбудить подозрительность румын. Наконец, можно рассчитывать, что появление русских войск в Болгарии все-таки произведет известное нравственное впечатление на болгар и повлечет за собой брожение в болгарской армии.

Этими, взаимно дополняющими друг друга, данными, полученными от г. Филиппеску, ген. По и Лагиша, достаточно определенно устанавливается желание и наших настоящих союзников и союзников будущих: отправить 250 000 наших войск воевать против болгар и помогать румынам завоевать Трансильванию и Буковину.

По долгу службы перед Россией и государем я не имею права доложить верховному главнокомандующему о необходимости принятия

---

[1] Ваша телеграмма № 271. [Прим. оригинала.] Очевидно, ошибка. Тел. за № 271 от 28/15 янв. адресована Сазоновым в Рим и Токио (см. стр. 105, прим. 3). Имеется в виду тел. Савонова от 30/17 янв. за № 291, в которой он передал Алексееву содержание тел. Поклевского за № 24 (см. № 96).

такого плана и присоединения к такой военной авантюре. Другим наименованием я не могу определить, при данной обстановке и условиях, предлагаемого нам плана. 250 000 человек — около $^1/_7$ части наших войск. Наш фронт тянется на 1 200 верст; нам предлагают растянуть еще верст на 600. Наши союзники для себя настойчиво проводят мысль и осуществляют ее, что только успех на главном театре, т. е. на своем французском фронте, даст победу и потому там именно на 700 километрах имеют около 2 миллионов французов и 40 дивизий бельгийцев и англичан; они скупы на всякие выделения на второстепенные театры. Нам горячо советуют ослабить на 6—7 корпусов наш западный фронт — пути на Петроград, Москву и Киев — и взять на свои плечи новую сложную операцию на Балканах ранее ослабления германцев и австрийцев и до убеждения, что союзники будут способны начать какие-либо серьезные действия от Салоник, на что пока надежды нет.

Между тем к стороне Швеции мы не можем не принять некоторых мер предосторожности и не назначить для этого некоторой части войск. Великий князь Николай Николаевич настойчиво просит присылки войск на Кавказ для упрочения тех завоеваний, которые достигнуты последней операцией. Главнокомандующие на западном нашем фронте также дружно предъявляют требования на усиление их.

На совещании [24] 11 февраля [1], состоявшемся под председательством государя императора, определенно участниками проводилась мысль, что наша победа над немцами решит и румынский вопрос; по достижении нами успеха на путях к Петрограду и Москве можно думать и об отправлении армии на Балканы, но до того времени все наши усилия должны быть сосредоточены на жизненнейших для нас участках фронта.

Присоединение теперь к румынским и французским планам ослабит нас, непомерно растянет нашу армию, лишит возможности не только собрать достаточные силы для удара против немцев или австрийцев, но и для противодействия их предприятиям к Петрограду и к Москве.

Это основное положение я не имею права упускать из вида в моих докладах его величеству и с этой точки зрения не могу сойти, пока буду занимать настоящую должность.

Первая телеграмма полк. Татаринова [2], которую я сообщил вашему высокопревосходительству, говорит о том, что румыны решатся самостоятельно на войну только тогда, когда союзники на всех фронтах

[1] Журнал от 24/11 февр. не обнаружен. Ср. № 242.

[2] См. № 227.

перейдут к наступательным действиям. Для нас это, при современных условиях, наилучший выход. Рассчитывать, что на румын нападут, оснований мало, ибо бо́льшая часть сил германцев с Балканского полуострова уже оттянута, а приближающаяся весна с решительными событиями на русском и французском фронтах, конечно, заставит на-время обоих противников отказаться от развития операций на удаленных второстепенных театрах.

Вот ряд соображений, из коих вы изволите усмотреть, насколько не отвечает нашим истинным военным интересам отвлечение сильной армии на Балканы. Обеспечение же наших южных губерний, на маловероятный случай движения германо-болгарских сил через Добруджу к Одессе, нами принимается во внимание. Рассчитывать теперь на то, что в таком движении примут участие и турецкие войска, после событий на Кавказе, едва ли основательно.

Прошу принять и пр.

Мих. Алексеев.

№ 311. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

Телеграмма № 926. 6 марта/22 февраля 1916 г.

Ссылаюсь на телеграмму посла в Париже № 150 [1].

Вполне отдавая себе отчет в очень тяжелом положении сербского правительства, тем не менее полагаем, что ему не следует злоупотреблять им и вызывать чрезмерными требованиями и жалобами раздражение союзных правительств, содействие которых еще понадобится сербам при решении многих важных для них вопросов.

Благоволите, в виде дружеского совета, при случае, передать это Пашичу.

Сазонов.

№ 312. Поденная запись министерства иностранных дел [2].

6 марта/22 февраля 1916 г.

Зайдя к барону Шиллингу, румынский посланник сказал, что Филиппеску уезжает из Петрограда под тяжелым впечатлением, так как из разговоров на Ставке и здесь [3] он убедился, что, на основании донесений полковника Семенова, к румынской армии относятся с пренебрежением, а также, что Россия попрежнему относится отрицательно

[1] См. № 304.
[2] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 17.
[3] См. №№ 272, 282 и 310.

к военным действиям против Болгарии. Барон Шиллинг выразил по поводу этих слов большое удивление и ответил, что если имеющиеся здесь сведения о румынской армии преуменьшают ее численность и качества, то г. Филиппеску, как бывшему военному министру, легче всего было исправить неточное представление о румынской боеготовности. Барон Шиллинг прибавил, что и подобного ошибочного представления у нас не могло бы составиться, если бы Братиану внял неоднократно обращенным к нему настойчивым просьбам вступить в доверительные, но деловые переговоры с нашим генеральным штабом относительно возможных совместных действий. Такие переговоры, основанные на точных конкретных данных, устранили бы всякие недоразумения. Что касается впечатлений Филиппеску о мнимом нежелании нашем сражаться с болгарами, то после недавнего разговора его с министром иностранных дел[1], казалось бы, все его сомнения на этот счет должны были бы быть рассеяны. Когда походом на Болгарию мы могли бы еще спасти Сербию, мы не задумались собрать сильное войско, готовое отправиться в Добруджу. Но кто же, как не Румыния, помешал тогда осуществлению намеченного плана.

Г. Диаманди подтвердил, что, действительно, ему было поручено тогда заявить, что Румыния не может согласиться на пропуск русских войск через свою территорию[2], но это лишь потому, что в то время Братиану понимал неизбежность вовлечения Румынии в войну, если бы он поступил иначе, а война тогда была для Румынии несвоевременной.

Возразив, что и теперь нет признаков, чтобы Братиану считал войну своевременной, барон Шиллинг указал на то, что общая обстановка на Балканах совершенно изменилась и если тогда наш поход в Румынию имел существенное значение с точки зрения общих интересов всех союзников, то теперь такой поход является желательным лишь для одной Румынии. Не потому у нас относятся теперь отрицательно к мысли о таком походе, что изменилось наше отношение к болгарам, а потому, что с изменением обстановки наши войска ныне более нужны для общего дела на других фронтах. При этом барон Шиллинг спросил г. Диаманди, почему собственно в Румынии настаивают на таком распределении союзных русско-румынских сил, при котором вся румынская армия была бы сосредоточена для действий в сторону Венгрии, а болгаро-румынская граница охранялась русскими войсками, удаленными от остальных частей русской армии и оторванными от своей базы. Не проще ли было бы распределить то же общее число бойцов

[1] См. № 282.
[2] См. т. IX, № 202.

так, чтобы русские войска подкрепили на венгерском фронте румынскую армию в том количестве, которое последняя должна была бы выделить из себя для охраны своей границы в Болгарии, оставаясь при этом в своей же стране и сохраняя тесную связь между частями, расположенными хотя и на разных фронтах, но недалеко друг от друга благодаря незначительному расстоянию между таковыми.

Не находя возражений против такой постановки вопроса, румынский посланник ограничился ссылкой на то, что он не стратег и не может судить о затронутых вопросах.

В заключение беседы, подводя итог своим впечатлениям о Филиппеску, барон Шиллинг сказал, что был поражен, как мало разнились речи, произнесенные здесь этим представителем румынской оппозиции от тех речей, которых мы уже наслышались от самого Братиану. Это замечание очень рассмешило г. Диаманди и, повидимому, доставило ему большое удовольствие, так как доказывало, что г. Филиппеску проявил здесь большую сдержанность и осторожность, а также корректность по отношению к своему политическому противнику, нынешнему главе румынского правительства. Он спросил, означает ли это, что г. Филиппеску вызвал здесь разочарование. Барон Шиллинг ответил отрицательно, подчеркнув, что здесь вполне оценили личные качества румынского государственного деятеля, но прибавил, что единственный вывод отсюда, который, повидимому, напрашивается, заключается в том, что даже на тех, которые в Румынии являются наиболее горячими проповедниками скорейшего румынского выступления на стороне держав Согласия, последним не следует возлагать чрезмерных надежд.

№ 313. Генеральный консул в Каире министру иностранных дел.

Ч. Депеша № 1. 6 марта/22 февраля 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Работы по защите Суэцкого канала продолжаются без перерыва. Тысячи работников заняты сооружением новых рядов траншей. В нескольких местах между каналом и существующей уже линией железной дороги проведены новые ветви рельсового пути; на азиатском берегу от канала внутрь пустыни также построено несколько новых линий, из которых некоторые достигают пятнадцати километров в длину. Пресная нильская вода проведена на азиатскую сторону трубами, глубоко проложенными по дну канала, и новые мощеные дороги сделаны по обоим берегам.

В Суэце царит большое оживление; туда недавно переведен из Измаилии главный штаб. Около города, на канале и в местности, называемой Источниками Моисея (в нескольких часах от Суэца, в Синайской пустыне, где действительно имеются источники пресной воды), расположены обширные лагери австралийцев, гурка и новозеландцев, общее число которых превышает сто тысяч. В порту транспорты все время принимают военные припасы, орудия и солдат (главным образом индийских) и увозят их в Персидский залив, но еще большее количество транспортов приходит из Красного моря с войсками, направляемыми частью на канал, частью же в Каир и вообще во внутрь Египта.

Британские военные считают, что взять теперь канал или даже дойти до его берегов совершенно невозможно, и смело ожидают возвещенного похода германо-турецких сил. Состоится ли этот поход, пока неизвестно, но с каждым днем он становится менее вероятным. События требуют посылки германо-турецких сил в разные места, а время уходит, и в конце марта, благодаря жаре, безводности и обилию мух, пребывание в пустыне делается все более затруднительным. От военного турецкого центра Бир-Саба на юге Палестины построена в пустыню железная дорога, но она обрывается на полпути до канала и, следовательно, около 120 километров войскам пришлось бы итти по безводным пескам и камням. Чем многочисленнее были бы отправленные против Египта отряды, тем труднее было бы, конечно, для железной дороги обслуживать их, и тем большие трудности представлял бы поход по пустыне, где англичане сделали все, чтобы не допустить врага к каналу.

Примите и пр. Алексей Смирнов.

№ 314. Генеральный консул в Каире министру иностранных дел.

Депеша № 2. 6 марта/22 февраля 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

20/7 января совет министров принял решение о созыве запасных солдат египетских войск и распорядился опубликованием соответствующего о том постановления, текст которого считаю долгом препроводить при сем в газетной вырезке [1]. Мера эта принята была ввиду просьбы командующего британскими силами, высказавшего желание иметь в своем распоряжении резервистов, как людей знакомых с военной дисциплиной для употребления их на различные дополнительные

[1] Приложение не воспроизводится.

работы по защите канала. Генерал Максуэлл заявил даже, что британское правительство склонно принять на себя все издержки по содержанию резервистов, но египетское министерство ответило, что так как дело идет о защите страны, то вполне справедливо, чтобы страна сама платила за это.

Таким образом, призываемых ныне запасных, число коих достигает двенадцати тысяч, решено поставить работниками для земляных и железнодорожных сооружений, а часть их предназначается исполнять должность погонщиков верблюдов.

Призыв резервистов сначала встречен был некоторым недоумением, так как у всех еще живо в памяти, что при объявлении протектората британское правительство высказало решимость защищать Египет британскими войсками и не прибегать к помощи туземных элементов. Только потом выяснилось, что Англия не сделала, собственно, отступлений от своих обещаний, так как запасным не предполагается даже раздавать оружие, и они будут в действительности простыми работниками.

Что же касается восемнадцати тысяч египетских войск, коих по трактатам полагается иметь Египту, то они тоже до сей поры не принимают никакого участия в обороне страны и несут исключительно службу по охране внутреннего порядка. Конечно, было бы крайне неосторожно направлять их непосредственно против турок или против сенусситов, как это, впрочем, уже показал опыт с таможенной стражей в Нижнем Египте, где она случайно очутилась в области сенусситской пропаганды и оказалась в большинстве совершенно поддавшейся этой пропаганде.

Примите и пр. Алексей Смирнов.

№ 315. Генеральный консул в Каире министру иностранных дел.

*/. Депеша № 3. 6 марта/22 февраля 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Египетские резервисты, собранные в казарме Айн-эл-Шемс в каирском предместии Аббассиэ, сразу проявили свое неудовольствие, когда они узнали, что их намереваются использовать не как солдат, защищающих свое отечество, а как простых рабочих. Особенно обидело их известие, что им даже не предполагается давать оружие. Тем не менее прежде всего между ними поднялся ропот по поводу недостаточности жалования и невыгодности их положения сравнительно с весьма широко оплачиваемыми английскими солдатами. Ввиду этого

египетское правительство сочло нужным увеличить их жалование с 30 пиастров в месяц до 60.

Брожение между резервистами, однако, продолжалось, чему, очевидно, способствовал крайне неудачный выбор начальствовавших над ними английских офицеров, весьма жестоко с ними обращавшихся, чем в особенности отличался стоявший во главе их бывший начальник одной из местных каторжных тюрем.

Но, повидимому, еще более влияния имела на солдат германо-турецкая пропаганда, в эмиссарах которой в Египте нет недостатка, благодаря не довольно строгим мерам против них английских властей. Агитаторы успели раздуть недовольство запасных и побудили их послать своих выборных в город к генералу Максуэлл, чтобы высказать ему свои претензии и просить о раздаче им, как солдатам, оружия, а также о замене египетскими офицерами командовавших ими британских офицеров.

В субботу [29] 16 января депутация эта явилась к главнокомандующему английскими войсками, но генерал Максуэлл отказался принять ее и направил ее для переговоров к председателю совета министров Рушди-паше. Последний выслушал просителей и старался успокоить их обещанием рассмотреть их претензии; но запасные вели себя до такой степени вызывающе, что паша не мог удержаться и ударил одного из них. Тем не менее депутаты не осмелились ослушаться его приказания вернуться в свои казармы.

Но на следующий день более тысячи человек запасных подошли к дворцу султана с намерением ему самому представить свои жалобы. По дороге они выкрикивали различные угрозы по адресу англичан и даже успели избить несколько человек, а у ограды дворца они, несмотря на сопротивление дворцовой стражи, хотели проникнуть во двор. Спешно вытребована была военная помощь под начальством генерала Спенса, который, истощив все способы мирного увещевания, решил оцепить бунтовщиков.

Тогда находящаяся перед дворцом площадь Абдина была с трех сторон оцеплена британскими солдатами — пешими и конными; прибыл даже блиндированный автомобиль.

Завидев кавалерию, бунтовщики бросились на нее и, отделив десяток кавалеристов от товарищей, начали их избивать палками. Пришлось пустить в ход оружие, причем выстрелами ранено было 8 человек резервистов и случайно 13 различных лиц, между прочим, один полицейский и два солдата дворцовой стражи и одна женщина из толпы (смертельно).

Часть бунтовщиков разбежалась, а остальные, очутившиеся ближе

*

к дворцу, послушались увещаний адъютанта султана и разошлись, чем беспорядки и ограничились на этот раз.

Хотя производимое по делу строгое следствие и установило уже, что главной причиной вспышки было неудовольствие запасных своим положением рабочих и погонщиков, что они добивались равноправия с другими солдатами и раздачи оружия, но несомненно, что все движение было раздуто и подготовлено политическими агитаторами. Раздававшиеся в толпе бунтовщиков крики: «Долой Англию! Долой союзников! Да здравствует священная война!» служат тому лучшим доказательством.

Примите и пр. Алексей Смирнов.

№ 316. Генеральный консул в Каире министру иностранных дел.

Депеша № 7. 6 марта/22 февраля 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к предшествующему моему донесению № 6 [1] об удачном отражении англичанами нападения кочевников-сенусситов с западной границы, долгом считаю сообщить, что британские власти в настоящее время вполне отдали себе отчет в том, что в лице Сенусси они имеют сильного врага, и сообразно с этим принимают все необходимые меры защиты; так что в Марса-Матрух, отстоящий от Александрии на 60 миль к западу, теперь постоянно посылаются значительные подкрепления и многочисленная артиллерия. Как мне приходилось об этом упоминать, сначала англичане слишком долго верили в доброе отношение Сенусси и продолжали сноситься с ним, оказывать ему разные любезности и даже посылать подарки, в то время как он, подкупленный турецким золотом, уже организовал свою армию против них с помощью турецких офицеров, во главе которых стоит Нури-бей, брат Энвера-паши.

Хотя в сражении [23] 10 января британские войска успешно одолели превосходившего их численностью врага, они увидели однако, что им приходится иметь дело не с разрозненными толпами кочевых бедуинов, а с организованными и обученными военному делу силами. Отряд находился под командой турецких офицеров; вместо своих нацио-

---

[1] В деп. от 6 марта/22 февр. за № 6 Смирнов доносил, что 22/9 янв. во время разведки англ. летчик обнаружил на зап. границе Египта близ Хазалина «довольно значительные силы бедуинов-сенусситов, вследствие чего сосредоточенные в Марса-Матрухе английские войска получили приказание немедленно начать наступление». Как указывал далее Смирнов, англ. войска «удачно отразили попытку последнего [неприятеля] охватить английский фланг».

нальных костюмов бедуины одеты были в форменную одежду защитного цвета и при отряде имелись пулеметы, а также и орудия более крупного калибра, чем у обыкновенной полевой артиллерии. Каждый солдат Сенусси исправно получает жалование — 10 пиастров (более одного рубля) в день, что сильно привлекает бедных и крайне жадных на деньги бедуинов.

Помимо того, их поддерживает еще пропаганда фанатических чувств, характер священной войны и ненависть к европейцам. По слухам, шейх Сенусси, личность которого всегда окружается религиозным ореолом, самолично присутствовал при последнем сражении.

Из всего вышесказанного явствует, что враги наши не теряли времени и с помощью немецкого золота и турецких агитаторов успели за последнее время создать на западной границе Египта боевые силы, с которыми англичанам нельзя будет не считаться.

Примите и пр.

Алексей Смирнов.

№ 317. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 151. 6 марта/22 февраля 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Баррер телеграфирует из Рима, что Соннино озабочен вопросом о том, будет ли эвакуирован остров Корфу после окончания реорганизации сербской армии и перевозки ее в Салоники. Камбон сказал мне по этому поводу, что на острове во всяком случае будут оставлены те или другие тыловые учреждения и что это послужит достаточным предлогом, чтобы продолжить оккупацию до окончания войны.

Извольский.

№ 318. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 130. 6 марта/22 февраля 1916 г.

Копии в Париж и Рим.

Вследствие почина полковника Бонье[1] предполагается учредить в Салониках смешанную комиссию с участием, между прочим, французского и английского консулов и греческого префекта для провиантирования гражданского населения Салоник и Македонии. Ее функции будут состоять в предвидении нужд населения, а равно в распределении и в контроле припасов. Она поставлена в зависимость от про-

[1] См. № 171 и прим. 1 к нему.

довольственной комиссии в Афинах. Узнав об этом, итальянский посланник выразил удивление, что в комиссию не приглашен итальянский консул. По его мнению, Англия и Франция стремятся захватить всю торговлю в Македонии в ущерб итальянской. Итальянская подозрительность вообще проявляется на каждом шагу [1]. В случае приобщения итальянского элемента, не найдете ли принципиально возможным и участие нашего [2].

Демидов.

№ 319. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 44. Корфу, 6 марта/22 февраля 1916 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 150 [3].

Мне неизвестны в точности просьбы Пашича и потому не могу проверить их основательность, но раздражение французов объясняется отчасти самым фактом постоянного обращения сербов к России, в то время как фактическая помощь оказывается Францией. Однако это зависит от природы наших взаимных отношений. Пашич сожалеет, что его поездка не может начаться с России, дабы столковаться заранее с вами обо всем, что послужит предметом его бесед с союзниками [4]. Он предполагал затронуть в Риме вопрос о будущей судьбе

---

[1] Дополнительно, тел. от 15/2 марта за № 149, Демидов сообщил со слов франц. посланника, что ген. Саррайль решительно протестует против введения итал. представителя в комиссию, считая, что «снабжение гражданского населения Македонии слишком тесно связано с вопросами военного характера и должно производиться англо-французами». В той же тел. Демидов сообщал, что комиссия начала работать 11 марта/27 февраля.

[2] В тел. Извольскому и Бенкендорфу от 8 марта/24 февр. за № 949 Сазонов признавал крайне желательным введение росс. консула в комиссию «для распределения и контроля припасов среди гражданского населения Салоник и Македонии, к которой относится и Афон». В ответ на это Извольский тел. от 24/11 марта за № 198 сообщил, что франц. прав-во считает весьма нежелательным участие итал. представителя в комиссии и выдвинуло принцип, что в комиссии участвуют консулы тех стран, которые имеют войска в салоникской армии. В связи с этим Извольский считал, что вопрос о включении росс. представителя разрешится по прибытии в Салоники русского отряда.

[3] См. № 304.

[4] Тел. от 6 марта/22 февр. за № 228 Гирс сообщил о сделанном серб. посланником итал. прав-ву заявлении, что «королевич Александр желал бы лично благодарить глав союзных держав за содействие спасению сербской армии» и что он предполагает прибыть в Рим около 15 марта нов. ст. Тел. от 18/5 марта за № 263 Гирс сообщил, что посетившие Рим королевич и Пашич выехали в итал. ставку, а оттуда в Париж.

Албании, но я дружески отсоветовал ему преждевременно поднимать щекотливые политические вопросы, способные лишь возбудить подозрения итальянцев без пользы для дела. Кроме выяснения вопроса финансов, перевозки армии в Салоники и общего плана действий союзников на Балканах, Пашич постарается, вероятно, заручиться у союзников возможно более определенными заверениями компенсаций, на кои Сербия может рассчитывать. Иованович доверительно сказал мне, что если у вас есть какие-либо указания насчет предстоящей поездки, они будут приняты с полным вниманием [1].

Трубецкой.

№ 320. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 103. 7 марта/23 февраля 1916 г. [2].

Me réfère à mon télégramme № 93 [3].

Au cours nouvel entretien avec Hoover j'ai constaté que commission américaine ne demande aux Puissances aucun subside financier. Il s'agit par conséquence seulement d'autoriser fonctionnement, leur but propre étant purement humanitaire. Agents américains redoutent beaucoup les conséquences d'une famine et ruine complète sur partie de population qui ne s'est pas refugiée en Russie. Ils estiment que près d'un million et demi ont émigré en Russie et que très grande majorité habitants mâles adultes est restée. Ceux-ci sans ressources céderaient à la pression allemande plus facilement, soit surtout sous forme émigration en Allemagne comme ouvriers, soit même sous forme d'un recrutement spécial dont il a déjà été question. Si j'insiste sur un point qui n'est pas de ma compétence directe, c'est que je suis convaincu que question polonaise pour solution de laquelle nous avons nous-mêmes si heureu-

---

[1] Ссылаясь на публикуемую тел., Извольский в тел. от 8 марта/24 февр. за № 157 передал Сазонову (копия Трубецкому) мнение Ж. Камбона, что «было бы крайне желательно удержать Пашича от поднятия подобных вопросов в Риме, ибо это может в корне испортить сербо-итальянские отношения и поставить союзников в затруднительное положение».

Тел. от 8 марта/24 февр. за № 963 Сазонов сообщил Трубецкому, что вполне одобряет его дружеские советы Пашичу не поднимать в союзных странах албанского и других щекотливых политических вопросов. Сазонов просил передать Пашичу, что «несвоевременное и несогласованное обсуждение этих вопросов вызовет лишь недоразумения и повредит сербскому делу». О выполнении этой инструкции Трубецкой сообщил тел. от 11 марта/27 февр. за № 49.

[2] Оригинал ошибочно датирован 12 марта/28 февр. В черновике, хранящемся в архиве б. росс. пос-ва в Лондоне, эта тел. датирована 7 марта/23 февраля.

[3] См. № 299.

sement jeté la base jouera au moment de la paix un rôle de toute première importance et que moment est venu d'élaborer un plan sur base principe nationalité si hautement proclamé au cours de cette guerre et de manière qu'aucun des projets allemands ou autrichiens ne puissent venir contrecarrer nos projets. Que ces Puissances ne s'entendent pas aujourd'hui, n'est pas une raison pour l'avenir. Il faut ne pas perdre de vue que c'est de la Russie que opinion publique des pays alliés attend cette solution. Tenir compte de l'appel public polonais en continuant à sauver la Pologne de l'état de misère complète actuel — me paraît la première base nécessaire. Pour le moment, l'Angleterre compte entièrement sur solution question polonaise au nom gouvernement impérial. Je crois que moment approche où les circonstances demanderont que cette solution soit précisée avec ampleur nécessaire pour neutraliser tous les efforts en ce sens de nos ennemis [1].

Benckendorff.

Перевод.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 93.

Во время новой беседы с Гувером я констатировал, что американская комиссия не требует от держав никакой финансовой субсидии. Таким образом, дело идет только о разрешении ей действовать, так как преследуемая ею цель имеет чисто гуманитарный характер. Американские агенты крайне опасаются последствий голода и полного разорения той части населения, которая не эмигрировала в Россию. Они полагают, что около полутора миллиона эмигрировало в Россию и что громадное большинство взрослого мужского населения осталось. Не имея средств, эти последние легче уступили бы германскому давлению, чаще всего в форме эмиграции в Германию в качестве рабочих или же в форме специального набора рекрутов, о котором уже говорилось. Если я настаиваю на этом пункте, не относящемся прямо к моей компетенции, то это потому, что убежден, что в момент заключения мира польский вопрос, основы которого мы так счастливо сами заложили, будет играть совершенно первостепенную роль, и что настал момент выработки плана на основе принципа национальности, столь открыто провозглашенного во время этой войны, и так, чтобы никакой германский или австрийский проект не мог бы помешать нашим планам. Если эти державы не договорились еще сегодня, то это не может служить основанием для будущего. Не надо упускать из вида, что общественное

---

[1] В тел. от 10 марта/26 февр. за № 109 Бенкендорф сообщил следующее: «Крю мне сказал, что английское правительство не будет возражать против проекта оказания американской комиссией помощи Польше при условии, что: а) будет ясно установлено, что Англия не должна предоставлять никакой финансовой субсидии, б) будут достаточные гарантии против того, чтобы Германия не скупила жировых продуктов, предназначенных польскому и русскому населению. Английское правительство ставит также условием, чтобы проект был одобрен российским правительством».

мнение союзных стран ожидает этого решения именно от России. Считаться с чаяниями польской общественности, продолжая выручать Польшу из ее теперешнего состояния полного обнищания, представляется мне первой необходимой основой. В настоящий момент Англия всецело рассчитывает на решение польского вопроса от имени императорского правительства. Я полагаю, что наступает время, когда обстоятельства потребуют принятия этого решения с необходимой полнотой для нейтрализации всех усилий наших врагов в этом направлении.

Бенкендорф.

№ 321. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 129. 7 марта/23 февраля 1916 г.

Копии в Афины и Париж.

Здешний греческий посланник больше интенсивной деятельности здесь не проявляет, и нынешнее греческое правительство, повидимому, ему не особенно доверяет. Под впечатлением рассказов приехавшего сюда из Афин своего приятеля, греческий посланник некоторое время тому назад высказал мне личное свое желание довести окольным путем до сведения Братиану, что положение, которое займет Румыния, может оказать решающее влияние на поведение Греции. Он надеется этим путем вызвать Братиану на объяснения, которые, может быть, повели бы к началу обмена взглядов в желательном для нас смысле между Бухарестом и Афинами. Я в очень осторожной форме зондировал почву у Братиану, но последний лишь вновь повторил, что он боится нескромности короля Константина и греческого правительства и что он им не доверяет.

Поклевский.

№ 322. Японский министр иностранных дел Ишии японскому послу в Петрограде Мотоно.

·/. Телеграмма [1]. 7 марта/23 февраля 1916 г.
Секретно.

По поводу политики, которой императорское правительство при нынешних условиях должно придерживаться по отношению к Китаю, были приняты нижеследующие решения, которые получили одобрение совета министров 7 марта.

Исключительно для вашего осведомления:

1. Политика, которой императорское правительство должно придерживаться в настоящее время, сводится к созданию преобладающего

[1] Тел. расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.

положения в Китае, и к внушению китайскому народу сознания могущества Японии, благодаря чему будет положено основание японо-китайского сближения.

2. Пока Юань Ши-кай находится в Китае у власти, он в силу необходимости будет являться препятствием для достижения вышеуказанных целей со стороны Японии. Поэтому для осуществления этих планов Юань Ши-кай должен быть удален от власти.

3. Вопросы о будущности Китая должны решаться в соответствии с желанием китайского народа, поэтому мы полагаем, что лучший план для достижения цели удаления Юань Ши-кая от власти заключается в том, чтобы по возможности убедить китайский народ в... Япония должна следить за этим движением, чтобы им воспользоваться для своих целей.

4. Если императорское правительство прямо потребует от Юань Ши-кая прекращения приготовлений к реставрации империи или отречения от престола, то этим открывается путь отступления для Юань Ши-кая, который в настоящее время находится в затруднительном положении, и императорское правительство, конечно, должно будет взять на себя ответственность за дальнейшие судьбы Китая, а в конце концов оно может оказаться в очень затруднительном положении. Равным образом, императорское правительство полагает, что самым выгодным было бы осуществить вышеизложенную программу, поскольку ею не затрагиваются совместные действия с другими державами, но оно сознает, что державы Европы и Америки ни в коем случае не согласятся на такое вмешательство во внутренние дела Китая, какое предусматривается нашей программой.

5. Ввиду вышеизложенных причин, при нынешних условиях реальной мерой является признание южных китайских армий воюющей стороной, выждав для этого подходящий момент.

Продолжение следует.

№ 323. Японский министр иностранных дел Ишии японскому послу в Петрограде Мотоно.

Телеграмма [1]. 7 марта/23 февраля 1916 г.

Продолжение моей телеграммы за № 136 [2].

В то время как китайское правительство по отношению к иностранцам, проживающим в части южного Китая, отклонило... и заявило, что оно не может взять на себя ответственность за их безопасность,

[1] Тел. расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.

[2] См. № 322.

южная партия взяла на себя ответственность за безопасность в пределах района ее военных сил. Если, поэтому, в дальнейшем действия южных войск будут развиваться, признание их воюющей стороной будет мерой, соответствующей международным обычаям.

6. Среди японского общества есть лица, сочувствующие китайцам, которые поставили себе целью изгнание Юань Ши-кая, и готовые уступить им деньги и оружие. Правительство не может взять на себя ответственности открыто поддержать этих лиц, но в то же время оно даст свое молчаливое согласие на это [1].

№ 324. Директор дипломатической канцелярии при Ставке министру иностранных дел.

Письмо № 1074. 7 марта/23 февраля 1916 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь представить при сем копию с весьма доверительного рапорта морского агента нашего в Риме на имя начальника морского штаба верховного главнокомандующего [2].

Передавая мне это интересное донесение для препровождения вашему высокопревосходительству, генерал Алексеев заметил: «Мне кажется, что до устранения Фердинанда Кобургского Болгария будет во власти Германии и Австрии». С этими словами нельзя не согласиться. Царь болгарский — несомненно самое главное препятствие к каким бы то ни было уговорам нашим с Болгарией, могущим поссорить последнюю с центральными державами. Предложение же, изложенное собеседником нашего морского агента, без всякого сомнения, если бы оно было Болгарией принято, поссорило бы ее с Германией и Австро-Венгрией, хотя оно формально против них не направлено.

Впрочем, не только личность болгарского государя послужит препятствием осуществлению комбинации, по существу нам выгодной. Трудно войти фактически в конфиденциальные сношения с Болгарией

[1] Почти одновременно с этим ген. консул в Сингапуре Роспопов в донесении от 13 марта/29 февр. за № 57 сообщил в м-во следующие сведения, полученные им от зав. гражданской и сыскной частью местного комендантского управления, казавшиеся ему «неправдоподобными»: «Японским правительством и частными предпринимателями с его ведома продана Китаю через Дальний большая партия старого оружия для вооружения северных провинций. Имеется будто бы секретный договор, по которому Япония гарантирует Китаю невмешательство во внутренний переворот под условием предоставления ей полной свободы действий в северных провинциях».

[2] См. приложение к публикуемому документу.

и еще труднее было бы убедить наше общественное мнение пойти на примирение с «изменницей славянскому делу» Болгарией, причем последняя, вместо заслуженной кары, получила бы территориальные выгоды за счет Сербии и Греции.

Но мысль, лежащая в основе донесения капитана II ранга Беренса, настолько интересна, что заслуживает, как мне кажется, чтобы с ней ознакомилось императорское министерство.

Примите и пр. Кн. Н. Кудашев.

Приложение.

Копия рапорта военно-морского агента в Италии от 10 февраля/28 января 1916 г. № 1597 начальнику морского генерального штаба [1].

Весьма секретно.

Считаю долгом сообщить вашему превосходительству о следующем разговоре, бывшем у меня на-днях с источником — Ч — .Уже неоднократно этот господин заговаривает со мной на тему о желательности для нас, союзников, попытаться привлечь на нашу сторону Болгарию. Об этом я в свое время доносил телеграммой и упоминал впоследствии в одном рапорте [2]. Теперь, после того, как балканская война вступила в новый фазис, он опять заговорил о том же, причем и на этот раз, как и в прошлые, излагал несомненно не свое личное мнение, а безусловно взгляд итальянского правительства. Его рассуждения сводятся к следующему.

Болгария, достигши удовлетворения своих македонских притязаний, не очень склонна теперь работать исключительно на своих союзников. В особенности ей невыгодно принимать участие в завоевании Салоник с тем, чтобы потом этот порт отдать Австрии. С другой стороны, наладившееся за последнее время отношение Четверного согласия с Румынией, могущее окончиться выступлением этой последней на его стороне, грозят Болгарии и заставляют ее стягивать ей [3] войска к румынской границе. Получить от своих теперешних союзников Болгария уже больше ничего не может и расчета продолжать итти с ними у нее больше нет.

Принимая во внимание, что главнейшей и первейшей целью нашего согласия должно быть победное окончание войны во что бы то ни стало, надо смотреть на вещи трезво, отбросив сентиментализм и политику чувств и руководствуясь исключительно расчетом и реальным поло-

[1] Маш. копия. Заголовок оригинала.

[2] См. т. IX, стр. 422, прим. 1.

[3] Так в оригинале.

жением вещей. Настоящая война достаточно показала, что для того, чтобы ее закончить с выгодой, надо полное напряжение всех сил и не следует пренебрегать или отказываться от какого бы то ни было средства, ведущего к достижению этой цели. К числу таких средств является вопрос о привлечении Болгарии на нашу сторону, примерно на следующих условиях:

Не заставляя ее итти против теперешних ее союзников, или вернее Германии и Австрии, можно было бы предложить ей держать в респекте греков и итти против турок. За ее участие в войне на нашей стороне, ей можно предложить Салоники и даже Кавалу. Можно быть уверенным, что тогда союзникам не придется беспокоиться за участь этих портов, ибо болгары защитят их против кого следует, даже если бы Германия и Австрия решились отнять их у нее силой. Таким образом, освободилась бы союзная армия, защищающая теперь Салоники, и ее можно было бы направить к Румынии. Получилось бы 200 000 союзников из Салоник, румынская армия и наша русская, которую мы обязались держать на румынской границе, следовательно около 1 миллиона войска, давшего бы нам в этот момент безусловный перевес на нашем крайнем левом фланге. С другой стороны, мы освободились бы от забот с турками, и явилась бы вновь возможность овладеть Проливами, но уже с большей вероятностью на успех, так как на этот раз атаку можно было бы вести с севера, где она имеет гораздо больше шансов на успех. Греческие протесты и даже выступление против нас совершенно не опасны, ибо Греция в полной власти союзников со стороны моря.

Что касается самого щекотливого в этом деле, т. е. сербов, то несомненно, если мы победим, Сербию можно вознаградить с излишком за счет Австрии. Она будет иметь достаточный выход к морю, притязания же ее на спорную часть Македонии все равно ей придется теперь оставить.

Разбирая такой вопрос, надо все время иметь в виду, что приходится говорить не столько о желательном, сколько о возможном, и не забывать, что для достижения первого надо во всяком случае раньше достичь второе. Италия не может предложить первой такую комбинацию, ибо сейчас же подвергнется упрекам в эгоизме и заинтересованности; она в данном случае лишь хочет, чтобы остальные ее союзники хотя бы обсудили этот вопрос, не отбрасывая его сразу из мотивов, лежащих главным образом в области чувств, а не реальной политики.

Таковы в самых общих чертах были доводы моего собеседника. Он к ним еще прибавил, что, желая говорить откровенно, он понимает, что Россия защищает сербов не только от Австрии, но и от Италии,

но что спорные вопросы между Италией и Сербией уже улажены и интересы их разграничены. Ослабленная теперь Сербия ни в коем случае не представляет никакой опасности для Италии. Желание привлечь Болгарию продиктовано поэтому исключительно желанием улучшить наше стратегическое положение и выиграть многое для доведения войны до выгодного для союзников конца.

На все это мною было отвечено, что хотя у нас в России общественное мнение и не играет такой роли, как здесь в Италии, тем не менее есть вещи, в которых с ним приходится весьма сильно считаться. К числу их принадлежит и сербский вопрос. Отношение к нему русского народа, хотя и лежащее преимущественно в области чувств, тем не менее — настолько реальный фактор, что им пренебрегать или его обойти совершенно невозможно. Во всяком случае, Россия никогда не сможет первой поднять вопрос о сближении с Болгарией, пока обстоятельства таковы, как они сейчас [1].

На это мой собеседник ответил, что, кроме России, некому его поднять достаточно авторитетным образом, ибо Францию, не могущую до сих пор отказаться от политики поддержки Греции, в противовес Италии, трудно будет убедить в желательности отдать болгарам Салоники и Кавалу.

Передаю этот разговор вашему превосходительству, так как считаю его весьма характерным образчиком политических взглядов и приемов Италии. Имею также косвенные доказательства, что этот взгляд не был личным моего собеседника, а есть мнение теперешнего министерства [2].

Беренс.

---

[1] В тел. от 18/5 янв. за № 12, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел (см. стр. 163, прим. 1), Диаманди, передавая Порумбару содержание своей беседы с Бьюкененом о положении на Балканах, сообщал следующее: «Что касается Болгарии, то, по личному мнению посла, было бы ошибкой заключить мир с болгарами на основе предоставления им Македонии. Если бы это случилось, то Сербия была бы так сжата, что она с трудом могла бы удержаться в Боснии, если она получила бы эти провинции. Что касается России, то г. Сазонов является противником всяких попыток в этом направлении и не согласился бы вести переговоры с королем Фердинандом. Но здесь продолжают делать различие между болгарским народом и его королем».

[2] В частном письме на имя Гулькевича от 15/2 февр. Н. Кудашев, сообщая о своей беседе с Карлотти, писал следующее: «Карлотти мне, между прочим, сказал, что у него имеются сведения о трениях между болгарами и австрийцами. Кажется, такие же сведения дошли и до ген. Алексеева. Последний считает положение болгар не из лучших, именно из-за их опасений австрийцев и нежелания иметь на своей территории турецких союзников... Впрочем, это все основано на «агентурных» источниках и потому est sujet à caution [подлежит проверке]».

№ 325. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 948 [1]. 8 марта/24 февраля 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 6063, 1915 г. [2].

На предстоящей конференции вы могли бы руководствоваться следующими общими началами. Заключенные между союзниками за время войны политические соглашения должны оставаться незыблемыми и пересмотру не подлежат. Сюда относятся наше соглашение с Францией и Англией о Константинополе, Проливах, Сирии и Малой Азии, а также лондонский договор с Италией. Всякие предположения о будущем размежевании Средней Европы в настоящую минуту преждевременны, но вообще нужно помнить, что мы готовы предоставить Франции и Англии полную свободу в определении западных границ Германии, рассчитывая, что в свою очередь союзники предоставят нам равную свободу в нашем разграничении с Германией и Австрией.

Необходимо особенно настаивать на исключении польского вопроса из предметов международного обсуждения и на устранении всяких попыток поставить будущее Польши под гарантию и контроль держав.

В отношении скандинавских государств следует стремиться к удержанию Швеции от враждебного нам выступления и вместе с тем заблаговременно обсудить меры к привлечению на нашу сторону Норвегии на случай, если бы не удалось предотвратить войну со Швецией.

Румынии уже были предложены все политические выгоды, могущие побудить ее взяться за оружие, а потому изыскивать в этой области новые приманки совершенно бесполезно.

Вопрос о вытеснении немцев с китайского рынка имеет весьма важное значение, но так как разрешение его невозможно без участия Японии, предпочтительно подвергнуть его обсуждению лишь на экономической конференции, где будут японские представители [3]. Это не исключает желательности предварительного обмена мнений по сему предмету между Россией, Францией и Англией дипломатическим путем.

Сазонов.

---

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 153.
[2] См. т. IX, № 461.
[3] См. № 216.

№ 326. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 132. 8 марта/24 февраля 1916 г.

Получил вашу телеграмму № 895 [1].

Братиану не делал никаких сообщений ни французскому правительству, ни здешнему французскому посланнику по вопросу о военном соглашении, и он решительно не понимает, почему французское правительство могло нам приписать какую-либо вину в этом деле. Братиану повторил мне при этом, что, ввиду затишья на нашем фронте и на Балканах, вопрос о военной конвенции не имеет особенно спешного характера, но что он все же поручил генералу Ильеску ознакомить полковника Татаринова с разными данными относительно румынской армии и румынских планов и пожеланий, дабы помянутые два офицера прошли в своих беседах подготовительную стадию к заключению военной конвенции. Французский посланник уверяет, что он не доносил ничего особенного своему правительству по вопросу о военной конвенции и что он лично настаивал на том, что нам необходимо заблаговременно сосредоточить на румынской границе крупные военные силы, предназначенные для оказания помощи Румынии в Добрудже [2].

Поклевский.

№ 327. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 197. 8 марта/24 февраля 1916 г.

Во время делового совещания с Сепехдаром новый первый министр [3] выразил намерение всецело работать в пользу теснейшего сближения Персии с Россией, что, впрочем, соответствует его исконным убеждениям. Он обратит особое внимание на формирование войсковой части. Сочувствуя нашему плану об усилении бригады на Севере, он готов

[1] См. стр. 322, прим. 2.

[2] На лит. копии публикуемой тел., хранящейся в архиве Ставки, имеется помета рукой ген. Алексеева: «Ознакомить с этой телеграммой полковника Базарова. Мои предположения об источнике шума и нервности верны. Взгляд на отношения Братиану к вопросу тоже вполне оправдывается. При случае с этим документом, но без ссылок на франц. посланника, ознакомить ген. По и Лагиша».

[3] Тел. от 3 марта/19 февр. за № 178 Эттер сообщил Сазонову об образовании нового перс. кабинета под председательством Сепехдара, в котором последний занял пост м-ра внутр. дел. «В состав кабинета, — указывал Эттер, — попрежнему входят Акбер-Мирза — министром иностранных дел, Сердар-Мансур, Ала-эс-Солтане. Брат Сепехдара назначается военным министром. Относительно министерства финансов ведутся переговоры с Восуг-эд-Доуле».

обсудить с Марлингом вопрос об организации воинских частей на Юге. Первый министр предлагает предпринять решительную кампанию против системы вымогательства и взяточничества. Я всячески поддерживаю как в Сепехсаларе, так и в шахе это благое намерение и указал министру на целесообразность введения действительного контроля за поступлениями и расходами. Боюсь, что и он в этом вопросе встретит крупные затруднения. Считаю особенно благоприятным факт сохранения в составе кабинета, на более важном посту, Акбер-Мирзы; лично шах с удовольствием выслушал мою просьбу о назначении его министром иностранных дел. И он, и первый министр возобновили просьбу об ускорении переговоров о союзном договоре.

Эттер.

№ 328. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

⁺/. Письмо. 8 марта/24 февраля 1916 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вашему высокопревосходительству известно, при каких условиях Ферман-Ферма около двух месяцев тому назад стал во главе персидского правительства [1]. Вслед за сим он, со свойственной ему энергией, принялся распространять среди населения мысль о необходимости покончить всякие счеты с нашими врагами и напротив развивать и укреплять дружественные с нами отношения, основанные на старинных заветах.

Усилия его вначале, казалось, увенчивались успехом, но лишь на Севере, где с таким успехом действовали наши войска.

Попытки же Ферман-Ферма воздействовать на южные провинции успеха не имели.

Не успевшие или не пожелавшие еще удалиться из Персии агитаторы перебрались в Керман и в Шираз, удерживались еще в Исфагани, продолжая возбуждать умы и портить телеграфные сообщения для беспрепятственного распространения фальшивых известий о германо-турецких успехах в Персии и Турции.

Телеграммы Ферман-Ферма не передавались, задерживались или принимались южными племенами за поддельные.

В результате порядок постепенно устанавливается только на Севере, что на деле следует приписать воздействию наших войск, а не стараниям и образу действий— хотя и искреннему — принца Фермана.

---

[1] См. т. IX, приложение 1 к тому.

За неделю или две до своей отставки, Ферман-Ферма стал проявлять все бо́льшую и бо́льшую нервность, выражавшуюся главным образом в каком-то лихорадочном стремлении заменять губернаторов северных провинций новыми лицами.

У меня по этому поводу было с ним несколько объяснений, но никоим образом — не столкновений. Я избегал таковые, считая целесообразным, чтобы он оставался на посту, во всяком случае, до разрешения вопроса, возбужденного им, о союзе.

Как бы то ни было, вопрос о губернаторах все же в конце концов как бы послужил поводом к толкам о возникновении будто бы между ним и миссией недоразумений.

По выходе своем в отставку [1] Ферман-Ферма заехал ко мне и силился убедить, что не имеет никаких оснований винить меня в отсутствии поддержки. Но Ферман-Ферма с самого дня вступления во власть не поладил с Сепехдаром. Каждое заседание совета министров оканчивалось стычкой между этими соревновавшимися сановниками, из коих второй, конечно, пользуется в стране несравненно большим влиянием и авторитетом.

Предвидя свое скорое падение, Ферман-Ферма между тем стал быстро и слишком откровенно заботиться о своих личных интересах. Примеру премьера, конечно, последовали и некоторые другие министры.

Обвинения в открытом вымогательстве и взяточничестве министров стали злобой дня, и мне казалось, что миссия не может и не должна продолжать отстаивать министерство, сумевшее приобрести столь нелестную славу, тем более что Ферман-Ферма, как известно, одновременно не скрывал, что опирается исключительно на обе миссии.

Я поэтому, как и г. Марлинг, ответил отказом на предложение, с коим обратился к нам Ферман-Ферма накануне своей отставки, о предоставлении ему полной свободы действий.

Сепехдар — наш испытанный старинный доброжелатель и друг. Его личные интересы всецело связаны с нами. Он к тому же пользуется большим авторитетом в стране, но, к сожалению, он — человек не вполне уравновешенный, крайне своенравный и до нельзя вспыльчивый. Благодаря этим свойствам его характера нет возможности рассчитывать на продолжительное его пребывание у власти, — разве лишь в случае действительно полнейшей с нашей стороны поддержки и благополучного для Персии разрешения вопроса о союзном договоре.

---

[1] См. № 290 и прим. к нему.

Персы нуждаются в деньгах и в случае предоставления им таковых, с Сепехдаром, я думаю, будет легче, чем с другим, провести в жизнь проект организации военных сил и особенно финансового контроля.

Во всяком случае он являлся в данную минуту единственным кандидатом, так как всякий другой деятель встретил бы с его стороны ожесточенную и могущественную оппозицию.

Сепехдар во что бы то ни стало желал быть премьером, но, пробыв таковым некоторое время, он успокоится и, вероятно, безропотно, когда наступит время, уступит свое место другому. Кто будет этот другой — пока сказать трудно. Саад-эд-Доуле согласился бы управлять страной лишь в качестве садразама или диктатора. Эйн-эд-Доуле слишком осторожен и боязлив. Больше других шансов имеет Восуг-эд-Доуле.

Назначение Акбер-Мирзы министром иностранных дел и оставление в составе кабинета Сердар-Мансура представляются мне благоприятными явлениями.

Но Сепехдар, я боюсь, сделал крупную ошибку, настояв на оставлении портфеля министра финансов пожилому Ямин-оль-Мольку, всецело проникнутому традиционными персидскими понятиями о личной наживе.

Хотя как молодой шах, так и богатый Сепехдар и обещали мне обратить самое серьезное внимание на искоренение этого зла, — трудно думать, чтобы у них на это хватило твердости и силы воли.

Шах, когда я заговорил с ним об этом присущем персам изъяне, откровенно ответил мне, что часто «не имеет возможности» отказываться от почти насильно навязываемых ему его подданными подношений в 1 000, 2 000, а иногда и в 500 томанов — взамен губернаторских или иных постов!

Я посоветовал шаху, в таком случае, принимать, но немедленно жертвовать эти суммы в пользу бедных или на благотворительность и объявлять о сем во всеуслышание.

Я не уверен, понравился ли мой совет шаху, но надеюсь, что некоторые молодые элементы, ныне вошедшие в состав правительства и, повидимому, проникнутые более честными понятиями, постараются более достойным образом влиять на молодого монарха, с детства окруженного только льстецами, открыто состязавшимися в искусстве вымогательства.

Прибавлю, что, говоря о Ферман-Ферма, шах с некоторым негодованием отозвался о его корыстолюбии, несмотря на то, что принц, как всем здесь известно, именно при помощи золота, добившись премьер-

ства, в продолжение двух месяцев поддерживал свое положение при шахе.

Примите и пр. Н. Эттер.

№ 329. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Письмо № 85. 8 марта/24 февраля 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Несколько дней тому назад меня посетил известный вашему высокопревосходительству из моей телеграммы от [26]13 сего февраля за № 79[1] датчанин Мейер, директор американской фирмы Андерсен, Мейер и К°. Так как означенная фирма находится в связи с весьма крупной американской финансовой организацией «The International Corporation», задавшейся целью преследовать в Китае различные финансовые и промышленные предприятия, как я о том сообщал в моем донесении от [2 января 1916 г.] 20 декабря 1915 года за № 61[2], то сущность беседы моей с названным датчанином представляет известный интерес, и я позволяю себе несколько подробнее остановиться на ней в настоящем моем донесении.

Г. Мейер объяснил мне цель своего посещения намерением дать мне самые категорические заверения, что представляемая им фирма не имеет акционером ни одного немца и не имеет с немцами никаких сношений. Она преследует исключительно коммерческие цели, желает работать заодно с Русско-азиатским банком, представительство коего в Калгане предлагает взять на себя, чему банк, повидимому, сочувствует, по причинам, изложенным в моем письме на имя гофмейстера Нератова от [29] 16 декабря мин. года за № 447[3], и обещает воздерживаться от всего, что мы считали бы противоречащим нашим интересам. «Нам памятна, — прибавил он, — история с проектом постройки Цзиньчжоу-айгуньской железной дороги[4], и мы категорически решили удалить из наших предприятий все то, что может иметь политическую окраску».

Я ответил г. Мейеру, что могу лишь приветствовать такое чистосердечное его заявление, которое произведет благоприятное впечатление на императорское правительство, и выразил готовность также чистосердечно осведомлять его о том, что мы находили бы вредным

[1] См. стр. 304, прим. 2.

[2] В оригинале ошибка. Донесение за № 61 датировано 15/2 дек. См. т. IX, № 537.

[3] См. т. IX, стр. 549, прим. 3.

[4] См. т. VII, ч. 1-я, стр. 471, прим. 2.

для нас в деятельности фирмы; при этом я тут же воспользовался его заверениями, чтобы указать г. Мейеру, что мы считаем идущим именно вразрез с русскими интересами существующий, как мне известно, у фирмы проект устройства автомобильного сообщения между Ургой и Калганом, и что мы будем поэтому противиться его осуществлению. Г. Мейер признался мне, что таковой проект действительно существовал, причем предполагалось устроить по всему протяжению между названными городами особые станции со складами товаров, через каждые 50 верст, но что ввиду сделанного мною заявления он совершенно отказывается от этого предприятия и просит считать его похороненным, поскольку дело касается его фирмы.

Далее в разговоре г. Мейер сообщил мне о других проектах фирмы, могущих нас интересовать, как находящихся в сфере нашего влияния. Так, он предполагает устроить в Калгане ковровую фабрику, для чего, с одной стороны, намерен в значительном количестве закупать шерсть во Внешней Монголии, а с другой — заняться в обширных размерах овцеводством во Внутренней Монголии, ввозя туда овец-мериносов для улучшения породы.

Затем он намерен приобрести для сельскохозяйственных целей, главным образом также для овцеводства, обширную земельную площадь недалеко от Харбина, некоторые участки коей уже скуплены иностранцами.

Как доказательство своего желания действовать лишь согласно с нашими интересами, г. Мейер сообщил мне, что, нуждаясь для своих дел с монголами в консульской защите, он обратился к здешнему американскому посланнику с просьбой оказать содействие, чтобы охрана американских интересов в Автономной Монголии была поручена императорским консульским представителям в названной стране, и что г. Рейнш уже снесся по этому поводу с Вашингтоном.

Мне кажется, что нам трудно будет возражать против осуществления г. Мейером вышеизложенных его проектов, так как мы не имеем к тому достаточных оснований. Я, однако, предупредил его, что закупка шерсти в Монголии сопряжена ныне с различными затруднениями, ввиду того что мы опасаемся, чтобы шерсть эта не попала затем в руки наших врагов, и посоветовал предварительно заручиться одобрением императорского правительства на установление в этом отношении такого порядка, который давал бы нам необходимые гарантии. Г. Мейер ответил, что это не может представить никаких затруднений, так как его фирма хорошо известна как в Лондоне, так и в Петрограде в качестве не имеющей никаких деловых сношений с немцами.

В заключение моей беседы я счел долгом указать г. Мейеру на то,

что мы не можем не относиться подозрительно к взятому им себе на службу бывшему миссионеру шведу Ларсену, ввиду его прежней враждебной нам деятельности в монгольском вопросе. Г. Мейер стал тогда заверять меня, что Ларсен действовал так только вследствие того, что он находился на службе у китайцев, получая от них жалованье, что теперь он ограничится исключительно лишь коммерческими делами и что, при первой с нашей стороны жалобе на малейшую его попытку снова заняться политическими интригами, этому немедленно будет положен конец. Я все же ответил г. Мейеру, что Ларсен не может внушать нам никакого доверия, так как у нас имеются самые отрицательные сведения даже и о характере его деятельности в качестве комиссионера по различным торговым предприятиям.

Трудно сказать, окажут ли мои слова какое-либо воздействие на помянутую фирму в смысле отказа ее от услуг г. Ларсена — это покажет будущее, пока же нам необходимо будет тщательно следить за деятельностью этого враждебного нам интригана, который в скором времени отправится по делам фирмы в Ургу. Все его прошлое заставляет меня высказаться за желательность воздействия с нашей стороны на монголов, чтобы они воздержались от всяких сношений с этим двуличным и не отличающимся честностью дельцом. Я уже высказался в этом смысле перед возвращающимся в Ургу Цецен-ханом [1], и мне казалось бы весьма полезным, чтобы и д. с. с. Миллер сделал подобное же внушение членам монгольского правительства.

С другой стороны, выяснившееся теперь сосредоточение деятельности американцев в первую голову во Внутренней Монголии заставляет меня высказаться за желательность ускорения открытия в Калгане императорского консульства, которое, наряду с нашей общей задачей проведения нашего влияния в русской сфере Внутренней Монголии, имело бы, между прочим, поручение следить за действиями там американцев, дабы мы могли во-время принимать меры, чтобы парализовать те их предприятия, которые шли бы вразрез с нашими интересами. При этом представлялось бы весьма желательным, чтобы, до проведения в жизнь означенного предположения, на что потребуется, конечно, много времени, в Калган был командирован ныне же кто-либо из чинов министерства иностранных дел в Китае, для исполнения консульских там обязанностей.

Покорнейше прося ваше высокопревосходительство почтить меня вашими указаниями по сему предмету, считаю долгом присовокупить,

---

[1] См. № 250.

что копия настоящего письма вместе с сим сообщается императорскому дипломатическому агенту в Монголии [1].

Примите и пр. В. Крупенский.

№ 330. Директор дипломатической канцелярии при Ставке помощнику начальника канцелярии министерства иностранных дел Базили.

Письмо. 8 марта/24 февраля 1916 г.

Дорогой Николай Александрович,

Был ли у вас шт.-кап. Григоров с шифровальным прибором? Уже после его отъезда я узнал о вашей болезни. Надеюсь, что вы поправились и вернулись à vos chères études ou plutôt à vos travaux [2].

Должен вам сказать, что сегодня Laguiche поднял бучу по поводу нескромных разговоров в Петрограде, основанных на телеграммах Жилинского. Я вообще не знаю, почему последний посылает вам копии своих телеграмм и зачем он так подробно доносит о передвижениях частей французской армии (см. его № 72 [3]). Это даже штабу не нужно, а только может скомпрометировать тайны, особенно важные во время хода боев. Впрочем, ему уже протелеграфированы соответствующие указания.

Лагиш тоже хлопочет об отмене изданного ген. Ивановым распоряжения о запрете продажи вина в районе юго-западного фронта. Алексеев отмахивается от этого вопроса. Он говорит так: это мера общая; нельзя дозволять продажу французского и запрещать русское вино. Если запрет есть, то он должен касаться и французских вин. Отменять

---

[1] В письме от 25/12 марта Верстрат уведомил Сазонова, что им получено письмо от Гойера о проектах представителя американской группы Мейера относительно Внешней Монголии (содержание которых в основном покрывается публикуемым документом). Верстрат сообщал, что в своем ответе Гойеру он намерен указать, что, по его мнению, благожелательное отношение Русско-азиатского банка к соглашению с амер. группой только укрепит положение России в Китае, так как она сможет использовать деятельность этой американской группы, которая до известной степени будет подчинена русскому влиянию.

В письме от 13 апр./31 марта за № 5608 Барк сообщил Нератову, что ввиду соображений, высказанных Крупенским в письме от 29/16 дек. 1915 г. за № 447 по поводу американской фирмы «Андерсен, Мейер и К^0» (см. т. IX, стр. 549, прим. 3), он «не встречал бы препятствий к принятию Русско-азиатским банком предложения упомянутой американской фирмы».

[2] «к вашим любимым занятиям или, вернее, к вашей работе».

[3] В тел. на имя Н. Кудашева от 26/13 февр. за № 72, посланной в копии в м-во ин. дел, Жилинский сообщал подробные сведения о положении на франц. фронте.

меры трезвости дело правительства, а не главнокомандующих. Лагиш этим не довольствуется и жалуется своему послу. Все это не стоит вышитой бутылки вина.

Будьте здоровы.

Искренне ваш Н. Кудашев.

№ 331. Записка начальника штаба верховного главнокомандующего Алексеева начальнику военной французской миссии генералу По [1].

8 марта/24 февраля 1916 г.
Секретно.

Начальник штаба верховного главнокомандующего, свидетельствуя свое почтение его превосходительству начальнику военной французской миссии, имеет честь сообщить в ответ на записку от 3 марта /19 февраля [2] следующее:

1 [3]. Бесспорно, присоединение Румынии к нашему союзу составило бы важный фактор в развитии настоящей войны. Поэтому новому нашему военному агенту в Бухаресте, полковнику Татаринову, поставлена задача выяснить взгляды и пожелания румынского правительства и военного министерства и установить основы военного соглашения.

Первое донесение, полученное мною от полковника Татаринова [4], дает право предполагать, что стремления Румынии направлены к сохранению нейтралитета до той минуты, пока успех не склонится решительно на сторону нашего союза и не обеспечит румынам достижение их политических целей без тяжелой, длительной борьбы с колеблющимся, иногда сомнительным, исходом.

Эта основная черта румынской политики обозначилась совершенно определенно. Только тогда, когда балканская кампания закончилась полным успехом для наших противников, когда на Балканах были значительные германо-австрийские силы, когда со дня на день ожидали оставления союзными войсками Салоник, когда противник считал возможным привлечь турецкую армию к общим действиям на европейском театре войны, Румыния сочла себя угрожаемою, ожидала предъявления ей ультиматума со стороны Германии [5] и впервые высказала более или менее определенно свои требования, при исполнении коих она вступит в число наших союзников.

---

[1] Маш. копия.

[2] Записка По не обнаружена (ср. № 310).

[3] Дальнейшее перечисление пунктов отсутствует.

[4] См. № 227.

[5] См. № 62.

Но общая обстановка с той минуты сильно изменилась. На Балканах осталось ничтожное количество германских войск, австрийские войска — в Албании и Черногории; союзные силы, заняв прочное положение у Салоник и на Халкедонском полуострове, сковали свободу действий болгарской армии, которая притом не обнаруживает стремлений развивать дальше свои активные предприятия и имеет перед собою задачу обеспечить уже сделанные завоевания; события в Малой Азии, закончившиеся взятием Эрзерума [1], исключили вероятность привлечения турок к боевым действиям на европейском материке.

Можно сказать, что Румынии теперь никто не угрожает и руководитель ее политики снова может проводить в жизнь свою идею (и действительно проводит) — принять участие в борьбе только тогда, когда будет обеспечено достижение цели.

В этом сказывается не слабость или колебание руководителя политики, а очень верный расчет представителя государства, хотя и не сильного в военном отношении, но находящегося в выгодном положении и сохраняющего возможность применить свою вооруженную силу только тогда, когда это будет ему выгодно и полезно.

Такова моя ориентировка, существенно отличающаяся от изложенной в записке его превосходительства 3 марта/19 февраля.

Следовательно, привлечение Румынии к нашему союзу теперь же требует безусловного и в полном объеме выполнения ее пожеланий, которые предъявляются в существенной своей части исключительно к России и к ее вооруженным силам.

Выработка соглашения и общего плана действий возложены, как выше сказано, на полковника Татаринова, от которого еще не получено донесений, так как переговоры находятся в первоначальном периоде. Я могу, следовательно, говорить об этом вопросе, основываясь на разговоре с г. Филиппеску и на записках генерала Лагиш и его превосходительства начальника военной миссии.

Суть требований заключается, повидимому, в следующем:

а) Немедленное сосредоточение русской армии силою в 250 000 человек (отнюдь не «частичное») на румынской границе; армия меньшей силы не отвечает пожеланиям румын.

б) При объявлении войны армия эта выступает в Добруджу и обеспечивает южную границу Румынии. Только наступательные действия в Болгарии против германо-болгарских войск вполне обеспечат румынскую армию с левого фланга и отчасти с тыла.

в) Театром военных действий главных сил румынской армии должны служить Буковина и Трансильвания, что позволило бы, путем заня-

[1] См. стр. 248, прим. 4.

тия этих провинций, надежно обеспечить осуществление румынских стремлений.

Полагаю, что в политическом отношении никаких затруднений не встретится, так как ни Трансильвания, ни Буковина не составляют предмета вожделений России.

Суть сводится к тому, чтобы свыше семи корпусов русских вооруженных сил снять с главных операционных направлений, ослабить себя на самых существенных участках и без того растянутого на 1 300 километров своего стратегического фронта и отправить их на обособленный и удаленный театр военных действий, который в общем ходе войны занимает все-таки второстепенное значение. И все это сделать, когда противник все свои усилия снова сосредоточивает на западном и восточном фронтах и здесь имеет в виду искать решения участи войны.

Мы лишены будем возможности собрать на фронте против Германии и Австрии необходимые силы для нанесения решительного удара, ибо отправим весьма сильную армию (250 000 борцов) для выполнения наступательной операции на Балканах. Мы должны будем обречь себя на опасно-пассивное прикрытие границ наших и направлений на Петроград и Москву. Мы не можем быть уверены, что вступление в борьбу Румынии, если бы это вступление состоялось, в чем уверенности быть не может, отвлечет на трансильванскую границу более или менее существенные силы австрийцев и облегчит выполнение решительной наступательной операции нашему юго-западному фронту. Пример Италии не дает нам права на уверенность в этом.

Удаленность балканского театра лишит нас возможности привлечь из отправленных туда 6—7 корпусов какую-либо часть для временного усиления наших армий на главных операционных направлениях вследствие больших расстояний и неудовлетворительности путей.

Неужели все это не противоречит ни одному из основных принципов военного искусства? По моему мнению, мы разбросаем свои силы, будем гоняться за многими целями прежде, чем достигнем главной, основной, против главного врага. Какие успехи мы ни одержали бы на второстепенном театре, наша неудача на важнейших направлениях все-таки будет означать общую неудачу русской армии.

Победа нашей армии над германской армией разрешит и румынский вопрос; только тогда Румыния присоединится к нам, и мы сами получим возможность отправить необходимые силы для наступательной операции на Балканах и против Турции.

При оценке стратегического положения русской армии нужно принимать во внимание не только ее растянутый стратегический фронт, но и а) необходимость иметь наготове часть сил для войны со

Швецией и б) усилить существенно наши войска на Кавказе соответственно расширению театра действий и направлению значительных турецких подкреплений в Малую Азию.

В ноябре 1915 г. у нас в Бессарабии была сосредоточена сильная армия, и однако это не подвинуло Румынию в ее решении выйти из нейтрального положения. Разве мы можем ручаться, что, вновь собрав там 250 000 бойцов и выведя их из боевых линий в важнейшие минуты, мы поставим Румынию «перед совершившимся фактом» и заставим ее объявить войну. Опыт минувшего не даст такой уверенности. Для чего же в решительные минуты мы будем иметь 250 000 бездействующих солдат?

В этом вопросе расчет должен преобладать перед гадательными предположениями, из области которых мы не выйдем до тех пор, пока полковник Татаринов не представит результата своих реальных переговоров с румынским военным министерством.

Причиной несговорчивости России по принятию предложений и плана Румынии могут явиться соображения не второстепенной, а первостепенной важности, именно установление плана, опасного и вредного для нашей армии и грозящего ей неуспехом на Двине или на направлении к Москве.

Ответствуя прежде всего перед Россией, я не имею права представить на благоусмотрение государя императора план, который, ставя на первое место цели второстепенные, поставил бы в опасное положение русскую армию на жизненных для нее направлениях.

Мы не можем отправить 250 000 бойцов на Балканы: это противоречит основным требованиям военного дела. Мы можем обеспечить Добруджу, левое крыло румын, а затем остальные войска иметь на юго-западном фронте для действий плечо к плечу с правым крылом румын. К этому нужно прибавить, что Болгария пока не думает грозить Румынии, ничем не высказывает своих стремлений занять Добруджу и вторгнуться в Бессарабию. Какая же цель нам расходовать свои силы именно теперь на балканскую операцию, когда мы эти силы можем с большей пользой применить на главном театре?

Таковы инструкции, данные полковнику Татаринову, на основании которых им ведутся переговоры. До получения от него донесений о ходе этих переговоров, я не считаю возможным продолжать изложение своих соображений, основанных только на предположениях.

Убежден в том, что в отношении Румынии теперь более важно искусство дипломатии, чем составление плана войны, которой Румыния пока совершенно не желает. Когда же она действительно признает нужным воевать, то выработка соглашения не составит труда.

№ 332. Памятная записка английского и французского посольств в Петрограде министру иностранных дел [1].

9 марта/25 февраля 1916 г.

Les gouvernements français et anglais ayant acquis la conviction, d'après les renseignements parvenus à leur connaissance, que les populations arabes, tant dans la presqu'île Arabique que dans les provinces de l'Empire Ottoman, étaient vivement opposées à la domination turque, et qu'il serait actuellement possible d'établir un Etat arabe ou une confédération à la fois hostile au gouvernement turc et favorable aux Puissances de l'Entente, sont entrés en pourparlers et ont examiné ensemble la question. Par cet échange de vues, ils se sont mis d'accord sur les principes suivants que les deux gouvernements désirent communiquer au gouvernement russe avant d'aller plus avant:

Art. 1. — La France et la Grande Bretagne sont disposées à reconnaître et à protéger un Etat arabe indépendant ou une confédération d'états arabes dans les zones (A) et (B) indiquées sur la carte ci-jointe [2] sous la suzeraineté d'un chef arabe. Dans la zone (A) la France et dans la zone (B) la Grande Bretagne auront un droit de priorité sur les entreprises et les emprunts locaux. Dans la zone (A) la France et dans la zone (B) la Grande Bretagne seront seules à fournir des conseillers ou des fonctionnaires étrangers à la demande de l'Etat arabe ou de la confédération d'Etats arabes.

Art. 2. — Dans la zone bleue la France et dans la zone rouge la Grande Bretagne seront autorisées à établir telle administration directe ou indirecte ou tel contrôle qu'elles désirent et qu'elles jugeront convenable d'établir après entente avec l'Etat ou la confédération d'Etats arabes.

Art. 3. — Dans la zone brune sera établie une administration internationale dont la forme devra être décidée après consultation avec la Russie et ensuite d'accord avec les autres alliés et les représentants du chérif de la Mecque.

Art. 4. — Il sera accordé à la Grande Bretagne: 1 — les ports de Caiffa et d'Acre; 2 — la garantie d'une quantité définie d'eaux du Tigre et de l'Euphrate dans la zone (A) pour la zone (B). Le gouvernement de sa majesté de son côté s'engage à n'entreprendre à aucun moment des négociations en vue de la cession de Chypre à une tierce Puissance sans le consentement préalable du gouvernement français.

Art. 5. — Alexandrette sera un port franc en ce qui concerne le com-

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 154.

[2] См. приложение к тому.

merce de l'Empire Britannique et il ne sera pas établi de différence de traitement dans les droits de port, ni d'avantages particuliers refusés à la marine ou aux marchandises anglaises; il y aura libre transit pour les marchandises anglaises par Alexandrette et par chemin de fer à travers la zone bleue, que ces marchandises soient destinées à la zone rouge, la zone (B), la zone (A), ou en proviennent, et aucune différence de traitement ne sera établie (directement ou indirectement) au dépens des marchandises anglaises sur quelque chemin de fer que ce soit, comme au dépens de marchandises ou de navires anglais dans tout port desservant les zones mentionnées.

Caiffa sera un port franc en ce qui concerne le commerce de la France, de ses colonies et de ses protectorats et il n'y aura ni différence de traitement, ni avantages dans les droits de port qui puisse être refusé à la marine et aux marchandises françaises. Il y aura libre transit pour les marchandises françaises par Caiffa et par le chemin de fer anglais à travers la zone brune, que ces marchandises soient en provenance ou à destination de la zone bleue, de la zone (A) ou de la zone (B), et il n'y aura aucune différence de traitement directe ou indirecte au dépens des marchandises françaises sur quelque chemin de fer que ce soit comme au dépens des marchandises ou des navires français dans quelque port que ce soit desservant les zones mentionnées.

Art. 6. — Dans la zone (A) le chemin de fer de Bagdad ne sera pas prolongé vers le sud au delà de Mossoul et dans la zone (B) vers le nord au delà de Samarra, jusqu'à ce que un chemin de fer reliant Bagdad à Alep dans la vallée de l'Euphrate ait été terminé et cela seulement avec concours des deux gouvernements.

Note à l'article 6. Cet article a été motivé par le désir d'empêcher l'achèvement et l'organisation du chemin de fer allemand de Bagdad.

Art. 7. — La Grande Bretagne aura le droit de construire, d'administrer et d'être seule propriétaire d'un chemin de fer reliant Caiffa avec la zone (B). Elle aura en outre un droit perpétuel de transporter ses troupes.

Art. 8. — Pour une période de 20 ans les tarifs douaniers turcs resteront en vigueur dans toute l'étendue des zones bleue et rouge, aussi bien que dans les zones (A) et (B) et aucune augmentation dans les taux des droits, ou changement des droits «ad valorem» en droits spécifiques ne pourra être faite si ce n'est avec le consentement des deux Puissances.

Il n'y aura pas de douanes intérieures entre aucunes des zones ci-dessus mentionnées. Les droits de douane prélevables sur les marchan-

dises destinées à l'intérieur seront exigés aux ports d'entrée et transmis à l'administration de la zone destinataire.

Art. 9. — Les gouvernements anglais et français en tant que protecteurs de l'Etat arabe se mettront d'accord pour ne pas acquérir et ne consentiront pas à ce qu'une tierce Puissance acquière de possessions territoriales dans la Péninsule arabique, ou construise une base navale dans les îles sur la côte Est de la Mer Rouge. Ceci toutefois n'empêchera pas telle rectification de la frontière d'Aden qui pourra être jugée nécessaire par suite de la récente agression des turcs.

Art. 10. — Les négociations avec les Arabes pour les frontières de l'Etat ou de la confédération des Etats arabes continueront par les mêmes voies que précédemment au nom des deux Puissances.

Art. 11. — Il est entendu que des mesures de contrôle pour l'importation des armes sur le territoire arabe seront envisagées par les deux gouvernements.

Перевод.

Французское и английское правительства, убедившись, на основании дошедших до них сведений, что арабские народности как на Аравийском полуострове, так и в провинциях Оттоманской империи живейшим образом настроены против турецкого владычества и что в настоящее время было бы возможно образовать арабское государство или федерацию, одновременно враждебные турецкому правительству и благоприятно настроенные по отношению к державам Согласия, — вступили в переговоры и совместно рассмотрели этот вопрос. В результате этого обмена мнений они пришли к соглашению относительно следующих принципов, которые оба правительства желают сообщить российскому правительству, прежде чем итти дальше:

Статья 1. Франция и Великобритания готовы признать и взять под свое покровительство независимое арабское государство или федерацию арабских государств под сюзеренитетом арабского вождя в зонах (А) и (Б), указанных в прилагаемой при сем карте. В зоне (А) Франция и в зоне (Б) Великобритания будут иметь право приоритета в предприятиях и местных займах. В зоне (А) Франция и в зоне (Б) Великобритания будут иметь исключительное право назначать иностранных советников и чиновников, по просьбе арабского государства или федерации арабских государств.

Статья 2. В синей зоне Франция и в красной зоне Великобритания будут иметь право установить, по соглашению с арабским государством или федерацией государств, такое управление, прямое или косвенное, или такой контроль, которые они пожелают и которые они сочтут подходящими.

Статья 3. В коричневой зоне будет учреждено международное управление, форма которого будет решена после совещания с Россией, а также по соглашению с другими союзниками и представителями меккского шерифа.

Статья 4. Великобритании будут предоставлены: 1) порты Кайфа и Акра; 2) гарантия определенного количества воды Тигра и Евфрата в зоне (А) для зоны (Б). Правительство его величества обязуется со своей стороны не

вступать ни в коем случае в переговоры в целях уступки Кипра третьей державе, без предварительного согласия французского правительства.

Статья 5. Александретта будет вольным портом, поскольку это касается торговли британской империи, и здесь не будет установлено ни различия в отношении портовых сборов, ни особых привилегий, в которых было бы отказано английским флоту и товарам; будет установлена свобода транзита для английских товаров через Александретту и по железной дороге, пересекающей синюю зону, независимо от того, идут ли эти товары в красную зону, зону (Б), зону (А) или идут оттуда; также не будет установлено никакого различия в режиме (прямого или косвенного) в ущерб английским товарам на какой бы то ни было железной дороге, равно как и в ущерб английским товарам и судам во всех портах, обслуживающих упомянутые зоны.

Кайфа будет вольным портом, поскольку это касается торговли Франции, ее колоний и ее протекторатов, и не будет ни различия в условиях пользования портом, ни привилегий в отношении портовых сборов, в которых может быть отказано французскому флоту и товарам. Будет установлена свобода транзита для французских товаров через Кайфу и по английской железной дороге, пересекающей коричневую зону, независимо от того, идут ли эти товары из синей зоны, зоны (А) или зоны (Б), или же идут туда; также не будет никакого различия в режиме (прямого или косвенного) в ущерб французским товарам на какой бы то ни было железной дороге, равно как и в ущерб французским товарам и судам в каком бы то ни было порте, обслуживающем упомянутые зоны.

Статья 6. В зоне (А) Багдадская железная дорога не будет продолжена к югу далее Мосула и в зоне (Б) к северу далее Самарры, до тех пор пока не будет закончена железная дорога в долине Евфрата, соединяющая Багдад с Алеппо, и только при содействии обоих правительств.

Примечание к статье 6. Эта статья была вызвана желанием воспрепятствовать окончанию и организации германской Багдадской железной дороги.

Статья 7. Великобритания будет иметь право постройки, управления и нераздельной собственности на железную дорогу, соединяющую Кайфу с зоной (Б). Кроме того, она будет иметь постоянное право перевозки своих войск.

Статья 8. В течение 20 лет турецкие таможенные тарифы останутся в силе на всем протяжении синей и красной зон, а также и в зонах (А) и (Б), и никакое повышение в размере пошлин или замена пошлин «ad valorem» специфицированными пошлинами не могут быть сделаны без согласия на то обеих держав.

Не будет внутренних таможен между какими-либо из вышеупомянутых зон. Таможенные пошлины, собираемые с товаров, предназначенных внутрь страны, будут взиматься в портах их поступления и передаваться администрации зоны, для которой эти товары предназначены.

Статья 9. Английское и французское правительства, как покровители арабского государства, придут к соглашению о неприобретении и недопущении к приобретению третьей державой территориальных владений на Аравийском полуострове или к сооружению морской базы на островах в восточной части Красного моря. Это не будет, однако, препятствием к такому исправлению аденской границы, которое будет сочтено необходимым в результате опыта недавнего нападения турок.

Статья 10. Переговоры с арабами относительно границ государства или федерации арабских государств будут продолжаться тем же путем, как и до сих пор, от имени двух держав.

Статья 11. Установлено, что меры контроля над ввозом оружия на арабскую территорию будут вырабатываться обоими правительствами.

№ 333. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 966. 9 марта/25 февраля 1916 г.

Сообщается послу в Лондоне.

Получил телеграмму № 152[1].

Считаем крайне нежелательным включение в официальную программу экономической конференции вопроса о незаключении союзниками торговых договоров с неприятельскими странами без предварительного согласия других. Наше общественное мнение может истолковать постановку этого вопроса в прямой форме, как попытку союзников ограничить нашу самостоятельность в делах экономической политики. С другой стороны, оглашение подобной мысли ранее изучения условий экономического сближения и без полной уверенности в возможности ее осуществления вызовет при неуспехе лишь разочарование и крайне опасно в настоящих политических условиях. Благоволите лично и доверительно объясниться в этом смысле с Брианом и Клемантелем и об ответе телеграфировать. Ожидаем обещанного сообщения подробной программы конференции[2].

Сазонов.

№ 334. Советник III политического отдела посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 979. 9 марта/25 февраля 1916 г.

Личная.

Идея союза с Персией с самого начала была принята здесь мало сочувственно, а теперь, с возрастанием наших успехов, все более теряет почву[3]. Военное ведомство восстает против создания пер-

---

[1] См. № 309.

[2] Ответной тел. от 15/2 марта за № 176 Извольский сообщал, что в беседах, которые он имел с Брианом, а Батшев с Клемантелем, ни тот, ни другой не настаивали «на включении в программу экономической конференции вопроса о незаключении союзниками торговых договоров с неприятельскими странами без предварительного согласия других. По их мнению, легко найти приемлемую вполне для всех формулу, и, во всяком случае, в программу не будет включено никаких пунктов, против которых мы имели бы возражения. Программа конференции будет сообщена нам на-днях».

[3] Позднее, тел. от 13 марта/29 февр. за № 273 и. о. чиновника для пограничных сношений при наместнике на Кавказе Столица сообщал, что, по мнению

сидской армии, [в] крайнем случае соглашается довести казачью бригаду до пяти тысяч [1]. Возможно однако, что нам удастся уговорить военного министра увеличить эту цифру при условии полного упразднения жандармерии или другой какой-либо подобной силы [в] нашей сфере влияния. Он поймет также, что мы не можем помешать англичанам организовать силу на Юге. Но способствовать созданию третьей части означенной армии, чисто персидской, он, наверно, не согласится. Весьма вероятно, что и министр финансов, от которого ответа еще не имеем, признает требуемые денежные жертвы чрезмерными и не вызываемыми обстоятельствами. Я прихожу ввиду этого [к] заключению, что вопрос о союзе остается только затянуть возможно дольше в надежде, что дальнейший ход событий, а в особенности полное устранение в Персии наших противников даст нам возможность совершенно отклонить союз и ограничиться лишь оказанием некоторой денежной помощи шаху и его правительству. Сообщаю вам это для личного вашего сведения.

Клемм.

№ 335. Товарищ министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 980. 9 марта/25 февраля 1916 г.

Благоволите проверить, насколько основательны дошедшие до нас слухи о том, что Шериф-паша и несколько влиятельных турок готовятся выступить в Лондоне и Париже с негласными предложениями о сепаратном мире с Турцией [2]. Желательно также знать, где находится теперь Шериф-паша [3].

Нератов.

ген. Юденича, «дело мало бы изменилось от того, будет ли у нас союз с Персией или нет». Вследствие этого Юденич полагает, что «так как, понятно, в наших интересах не иметь официальной Персии против нас, было бы желательно тянуть как можно дольше с начатием переговоров о заключении союза и направить старания к упрочению благожелательного нейтралитета к нам со стороны персидского правительства».

[1] См. № 294.

[2] Тел. от 3 марта/19 февр. за № 54 посланник в Гааге Свечин сообщал, что, по полученным сведениям из К-поля, турецко-немецкие отношения «становятся весьма натянутыми», что Лиман фон Сандерс отказался от командования турец. экспедицией против Египта, «считая ее безнадежной». «Финансовые требования турок к Германии все возрастают, и Талаат-бей угрожает сепаратным миром». Тел. от 28/15 февр. (без номера) воен. агент в Греции также сообщал о полученном известии «будто в Турции ждут важных событий, говорят даже [о] возможности сепаратного мира».

[3] В тел. от 8 марта/24 февр. (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Какламанос, извещая Скулудиса о распространившихся в Петрограде слухах по

№ 336. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву.

Письмо № 183. 9 марта/25 февраля 1916 г.
Весьма секретно.

М. г. Михаил Васильевич,

Из прилагаемых у сего весьма доверительных документов[1] ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что деятельность начальника экспедиции особого назначения в Рени вызвала ряд прискорбных недоразумений и досадных нареканий с разных сторон, вследствие того, что контр-адмирал Веселкин стал вмешиваться в дела, его ведению не подлежащие[2].

К сему считаю долгом прибавить, что пребывающий здесь румынский посланник передал мне просьбу румынского правительства об устранении вмешательства контр-адмирала Веселкина в политические дела Румынии и наши переговоры с нею.

О таком нежелательном характере деятельности контр-адмирала Веселкина я счел долгом вчера на личном докладе довести до сведения государя императора.

Сообщая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не найдете ли вы возможным, ввиду, по-

---

поводу намерения Турции предложить сепаратный мир в связи с продвижением русских войск в Малой Азии, сообщал следующее: «Российское правительство не будет прислушиваться к подобным предложениям, но Англия и Франция, не заинтересованные в той же мере в продолжении кампании в Анатолии, охотно их примут и навяжут своей союзнице идею сепаратного мира, — мира, который нанесет большой удар Германии, заставит Болгарию вымаливать прощение у Согласия и откроет Дарданеллы».

[1] Приложения отсутствуют.

[2] В тел. от 25/12 февр. за № 110 Поклевский, передавая о посещении Веселкиным нескольких румын. м-ров и генералов, сообщал следующее: Веселкин, «находясь в повышенном настроении, заявил им, что я как поляк и католик не пользуюсь никаким доверием в России, а что он сам является личным другом государя императора». Затем, переходя на политические темы, Веселкин спрашивал, «что сделает румынское правительство в случае вступления русских войск в Добруджу, высказывая при этом уверенность, что при такой обстановке румынам не останется другого исхода как немедленно к нам присоединиться». В расшифрованной в росс. м-ве ин. дел недатированной тел. Фашиотти сообщал Соннино, что Братиану «очень жаловался» на агитацию, производимую адмиралом Веселкиным. По словам Братиану, Веселкин организовал собственную осведомительную агентуру, результаты работы которой им докладываются «непосредственно государю императору, коего он друг». «Братиану утверждает, — заканчивал Фашиотти, — что этот адмирал сообщает сведения неверные и, в частности, распространяет слух, будто бы Румыния пропустит русскую армию и что последняя может перейти через границу без предварительного уговора».

видимому, окончания специальных работ, которые были поручены экспедиции контр-адмирала Веселкина, приказать отозвать ее или же, в случае признавания вами необходимости ее еще оставить на некоторое время, дать указания начальнику экспедиции, чтобы он ограничил свою деятельность поставленными ему задачами в пределах российской империи и произвольно не переносил бы ее на румынскую территорию.

В ожидании ответа вашего высокопревосходительства пользуюсь случаем и пр. [1].

Сазонов.

№ 337. Поденная запись министерства иностранных дел [2].

9 марта/25 февраля 1916 г.

Как было условлено, по заключении в феврале 1915 г. соглашения между Россией, Францией и Англией касательно Константинополя и Проливов [3], великобританское и французское правительства обсудили совместно вопрос о будущем устройстве турецких владений в Азии согласно интересам обеих держав. Соответственный проект был выработан под руководством знатоков дела сэра Марка Сайкса и г. Пико. В свое время великобританское и французское правительства предупредили министра иностранных дел С. Д. Сазонова о предпринятых ими в этом отношении работах, прибавив, что ими не будут приняты никакие решения без предварительного обсуждения вопроса с императорским правительством [4]. Согласно с этим по выработке упомянутого проекта было решено отправить его составителей в Петроград для подробного изложения их соображений. С. Д. Сазонов, полагая, что проект касается лишь Сирии и Киликии, относительно незаинтересованности в которых им уже были сделаны от имени России самые положительные заявления, сначала признавал приезд Сайкса и Пико излишним и хотел его отклонить [5]. Тем не менее па-

---

[1] Еще 2 марта/18 февр. за № 947 Алексеев телеграфировал Веселкину: «Ввиду постановки вопроса соглашения с румынами на деловую почву, государь император повелел вам в последующем не посещать румынских министров, командиров корпусов [и] других высших офицеров, не вести с ними переговоров о необходимости соглашения и избегать разговоров о каких-либо ваших особых полномочиях, дабы этим не затронуть работу лиц, [на] коих официально она возложена».

[2] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 18.

[3] См. т. VII, № 506.

[4] См. № 167.

[5] См. № 258.

званные два лица прибыли в Петроград и [9 марта] 25 февраля были приняты министром иностранных дел. При этом оказалось, что привезенный ими проект касается раздела не только Сирии, но и всей Малой Азии. С. Д. Сазонов, рассмотрев предложенную ему карту, не скрыл своего удивления при виде, что те земли, на которые предъявляют притязания французы, далеко внедряются клином к русско-персидской границе близ Урмийского озера. Г. Пико упорно отстаивал свои предположения, указывая как на естественный характер намеченной границы, так и на необходимость для Франции включить в свои будущие владения местности, где заложены прочные основы французского влияния католическими организациями.

Сэр М. Сайкс своим открытым характером, основательными познаниями и явным благожелательством к России произвел на министра самое лучшее впечатление. Нельзя сказать того же самого о г. Пико, который показался С. Д. Сазонову несколько узким в своих воззрениях с известным клерикальным оттенком [1].

№ 338. Посланник в Лиссабоне министру иностранных дел.

⅟. Телеграмма [2]. 9 марта/25 февраля 1916 г.

Германия объявила войну Португалии. Германский посланник посетил сегодня министра иностранных дел в шесть часов вечера и вручил ему ноту [3].

Боткин.

---

[1] В поденной записи от 10 марта/26 февр. (опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 20) было записано: «Во время обычного посещения министра иностранных дел французский посол, говоря о привезенном гг. Сайксом и Пико проекте разграничения в азиатских владениях Турции, заявил, что относительно этого проекта между французским и английским правительствами уже состоялось окончательное соглашение и что поэтому он должен рассматриваться, как дело решенное. Великобританский посол был, видимо, очень недоволен такой постановкой вопроса и поспешил заявить, что полученные им от своего правительства указания вовсе не придают означенному проекту такого характера, а, наоборот, предписывают ему, послу, лишь представить выработанное предположение на одобрение русского правительства, нисколько не вменяя ему в обязанность настаивать на принятии их [?] целиком».

[2] Номер отсутствует.

[3] В поденной записи за 11 марта/27 февраля (опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 21) записано: «Португальский посланник посетил С. Д. Сазонова и сделал министру сообщение об объявлении Германией войны Португалии». 16/3 марта Боткин телеграфировал (без номера): «Между Австрией и Португалией разрыв дипломатических сношений. Австрийский посланник уезжает сегодня».

№ 339. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 992. 10 марта/26 февраля 1916 г.

Из весьма секретного, достоверного источника [1] я узнал, что японское правительство выработало следующую программу политики по отношению Китая.

Так как цель этой политики состоит в создании для Японии преобладающего положения в Китае, чему личность Юань Ши-кая служит препятствием, то признано необходимым добиться его удаления, для чего воспользоваться движением против него среди китайского народа. Ввиду сего решено негласно допустить снабжение южных китайских революционеров оружием и деньгами и в подходящую минуту признать их воюющей стороной.

Благоволите строго доверительно, с просьбой сохранить в тайне источник этих сведений, ознакомить с ними сэра Э. Грея и просить его высказаться о том, как английское правительство относится к сказанной программе японского правительства. Ввиду наших переговоров с японским правительством относительно союзного договора, мне важно возможно скорее иметь ответ сэра Э. Грея.

Сазонов.

№ 340. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 101. 10 марта/26 февраля 1916 г.

Copie Paris.

Reçu votre télégramme № 879 [2].

Le gouvernement anglais n'a pas encore répondu à communication américaine du 18 janvier, ni même à note de novembre [3]. Question encore à l'étude. Crewe me dit que expédition des réponses dépend en partie des circonstances politiques à Washington. Il espère que double succès parlementaire au Sénat et à Chambre mettra Président à même de maintenir opinion qui lui est prêtée sur droit des sous-marins couler vaisseaux marchands soupçonnés armés. Crewe pense que Président

---

[1] См. №№ 322 и 323.

[2] 3 марта/19 февр. тел. за № 879 Сазонов запрашивал Бенкендорфа о форме и содержании ответа англ. прав-ва на сообщение США от 18/5 янв. по вопросу о подводных лодках и вооружении коммерческих судов. См. стр. 90, прим. 1.

[3] 5 ноября/23 окт. 1915 г. посол США в Лондоне обратился к Грею с нотой по вопросу о подводной войне.

quoique muni de vôte de confiance, pesera pourtant pour ses résolutions ultérieures considérations éléctorales présidentielles [1].

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Получил вашу телеграмму № 879.

Английское правительство еще не ответило ни на американское сообщение от 18 января, ни даже на ноябрьскую ноту. Вопрос еще в стадии обсуждения. Крю мне сказал, что отправка ответов зависит отчасти от политической обстановки в Вашингтоне. Он надеется, что двойной парламентский успех в сенате и в палате позволит президенту поддержать приписываемое ему мнение в вопросе о праве подводных лодок топить коммерческие суда, подозреваемые в том, что они вооружены. Крю думает, что президент, хотя и имеющий вотум доверия, все же будет учитывать при своих последующих решениях соображения президентских выборов.

Бенкендорф.

№ 341. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 107. 10 марта/26 февраля 1916 г.

№ 2 [2].

En réponse sur conférence économique à Paris premier ministre a dit hier à Communes que gouvernement aurait accepté invitation d'abord pour discussion de moyens de pression économique à exercer sur ennemis et assistance mutuelle entre Alliés. Représentants anglais n'auront pourtant aucun pouvoir pour lier gouvernement britannique ni Parlement. Concernant le futur le premier ministre a dit que le gouvernement ne pouvait qu'accepter invitation du gouvernement d'une Puissance alliée pour échange d'idées sur situation qui serait créée après la guerre dans le domaine économique entre Puissances alliées mais que cela se bornerait à simple échange d'idées et non pas à des résolutions à prendre pour l'avenir en conditions encore indéterminées quand de pareilles résolutions prématurées offriraient le plus grand danger. De pareilles décisions ne pourraient être prises que plus tard après étude entre Alliés et consultation des colonies et du Parlement. Le premier

---

[1] Тел. от 11 марта/27 февр. за № 110 Бенкендорф сообщал: «Никольсон мне сказал, что лондонский кабинет пытался использовать для своего ответа на американское сообщение от 18 янв. [н.ст.] текст французского проекта. Он полагает, что этот текст дело ваших рук».

[2] В тел. от 10 марта/26 февр. за № 106 (№ 1) Бенкендорф сообщал, что содержание тел. Сазонова за № 966 (см. № 333) он передал Крю, который обещал немедленно переговорить с премьер-министром и Ренсименом.

ministre donne assurance que le gouvernement anglais ne se liera à aucune résolution définitive dès à présent et avant consultation avec Parlement [1].

Benckendorff.

Перевод.

№ 2.

В ответ на запрос об экономической конференции в Париже, премьер-министр сказал вчера в палате, что правительство примет приглашение прежде всего для обсуждения средств экономического давления на неприятеля и вопроса о взаимной помощи между союзниками. Однако английским представителям не будет дано никаких полномочий к тому, чтобы связать английское правительство и парламент. В отношении будущего премьер-министр сказал, что правительство могло лишь принять приглашение правительства союзной державы обменяться мнениями по поводу экономического положения, которое создалось бы после войны между союзными державами, но что это был бы лишь простой обмен мнений, а не решение на будущее, принятое при еще неопределившихся условиях, когда подобные преждевременные решения могут быть чрезвычайно опасны. Подобные решения могли бы быть приняты лишь впоследствии по рассмотрении вопроса между союзниками, после того как будут запрошены колонии и парламент. Премьер-министр дал заверения, что в настоящее время английское правительство не свяжет себя никаким окончательным решением, не запросив мнения парламента.

Бенкендорф.

№ 342. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 163. 10 марта/26 февраля 1916 г.

По просьбе итальянского правительства дипломатическое совещание откладывается до 20 марта нового стиля, так как Саландра, Кадорна и, может быть, Соннино не могут прибыть ранее этого числа [2]. Военный совет союзников состоится в будущее воскресенье. Бриан телеграфирует в союзные столицы, предлагая пригласить на дипломатическое совещание не только Бельгию, но также Сербию и

---

[1] Дополнительно в тел. от 10 марта/26 февр. за № 108 Бенкендорф сообщал, что хотя англ. общественное мнение крайне сочувствует экономическому сближению с союзными державами и особенно с Россией, оно, по его мнению, считает преждевременным обсуждение этих вопросов на конференции в Париже, пока по ним не выскажутся промышленные и финансовые круги.

[2] Тел. от 9 марта/25 февр. за № 238 Гирс сообщил, что Соннино не сможет быть на парижской конференции ранее 25/12 марта, так как его задерживают прения в парламенте. Тел. от 11 марта/27 февр. за № 165 Извольский известил Сазонова, что в связи с полученным в этом смысле сообщением от итал. прав-ва дипломатическое совещание назначено на 27/14 марта

Японию[1]. Бриан подтвердил мне, что программа дипломатического совещания и военного совета, установленная им во время пребывания в Риме—моя телеграмма №113[2]—определяется следующим образом: «Подробное рассмотрение союзниками имеющихся в распоряжении каждого из них военных средств, т. е. количества войск, вооружений, снарядов и т. д., и установление общего и согласованного плана наступательных действий»[3]. Таким образом, предстоящее совещание имеет скорее военно-политическую, нежели чисто политическую цель, и не затронет ни одного из упомянутых в вашей телеграмме вопросов [4]. При этом даже если бы… прений был поднят тот или иной политический вопрос, Бриан вполне разделяет ваше мнение, что при этом отнюдь не подлежат ни пересмотру, ни даже обсуждению заключенные союзниками за время войны соглашения. Говоря об Италии, Бриан высказал мне, что самый факт участия ее в военном совете и дипломатическом совещании союзников, в которых будут обсуждаться военные действия против Германии, почти равносильно объявлению ею войны последней, и что, может быть, даже по ходу прений, удастся фактически привлечь ее к участию в сказанных действиях. По мнению Бриана, дипломатическое совещание могло бы также установить принцип экономического единения союзников против центральноевропейского блока, предоставив разработку подробностей этого дела имеющему состояться в Париже экономическому совещанию союзников. Наконец, Бриан обещал мне до открытия дипломатического совещания обсудить, частным образом, со мной и английскими представителями программу его работ. В заключение Бриан высказал, что предстоящее совещание в его глазах имеет главным образом значение первого шага к более тесному объединению союзников на военной и политической почве и что за ним должны последовать дальнейшие подобные же собрания.

Извольский.

---

[1] В тел. от 9 марта/25 февр. за № 160 Извольский, между прочим, сообщил со слов Бриана, что бельг. м-р ин. дел выразил желание участвовать в парижской конференции. Бриан сказал Извольскому, что он сам склонен удовлетворить это желание, «если на это последует согласие союзников». Тел. от 11 марта/27 февр. за № 1001 Сазонов ответил, что он не встречает препятствий к участию бельг. м-ра ин. дел, но «полагал бы желательным наиболее секретные предметы обсуждать лишь между Россией, Францией и Англией вне совещания». Со своей стороны, Гирс тел. от 13 марта/29 февр. за № 249 сообщил, что на запрос франц. посла об участии бельг. и серб. м-ров ин. дел на парижской конференции Соннино ответил согласием, «оговорив, что конференция должна заняться координацией сил для продолжения войны, а не выработкой будущих условий мира».

[2] См. № 219.

[3] В оригинале заключительные кавычки отсутствуют.

[4] См. № 325.

№ 343. Посол в Риме министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 239. 10 марта/26 февраля 1916 г.

Копия в Париж.

Несмотря на значительное большинство, полученное правительством при последнем голосовании в парламенте, положение министерства поколеблено вследствие выходки Саландры [1], известной вам из агентских телеграмм. Ввиду возбуждения депутатов, среди которых у нас мало сторонников, и во избежание обострения, Саландра должен был согласиться на обсуждение экономических вопросов, тогда как он предполагал отложить их до возвращения своего из поездки в Париж. Оно коснется главным образом угля и зерна. Шаткость министерства неблагоприятно отражается на общем политическом настроении страны.

Гирс.

№ 344. Посол в Риме министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 240. 10 марта/26 февраля 1916 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 239 [2].

Соннино доверительно частным образом говорил мне сегодня о внутреннем положении в Италии. По его словам, оно осложнилось вследствие парламентских событий последних дней, событий, вызванных отчасти наивностью крайних сторонников войны, отчасти происками нейтралистов. Первые добиваются исключения из кабинета некоторых министров, вторые подкапываются под Саландру. Правительству приходится действовать между этими двумя крайними партиями, чтобы не возбуждать общественного мнения против себя и привести его к сознанию необходимости войны с Германией. Правительство согласилось на обсуждение на будущей неделе вопросов об экономическом положении страны, чтобы выяснить, насколько оно может рассчитывать на парламент. Оно останется у власти, если вынесет впечатление, что оно достаточно сильно. Он полагает, что этим и окончатся прения и что, быть может, вслед за тем некоторые

---

[1] В тел. от 14/1 марта, помеченной, как и тел. от 13 марта/29 февр., № 249 (см. стр. 376, прим. 1), Гирс сообщил Сазонову, в чем состояла эта «выходка» Саландры: «Когда депутаты настаивали на перемене порядка [вотума] доверия, он высказал угрозу, что придется прибегнуть к прерогативе короны с целью отсрочки парламентских заседаний».

[2] См. № 343.

министры будут замещены, но лишь после прений, а не до них, как того желают крайние. Он допускает, однако, и падение кабинета, но убежден, что этим не изменится внешняя политика Италии и ее участие в войне. Он находит, что лично он был необходим, чтобы добиться объявления войны, но что в настоящее время его присутствие у власти не так необходимо. Желание выяснить парламентское положение правительства заставило Саландру отложить свой выезд на конференцию в Париж до окончания внутреннего кризиса.

Гирс.

№ 345. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 241. 10 марта/26 февраля 1916 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 240 [1].

Несмотря на уверения Соннино, что Саландра и он откладывают свой выезд в Париж до 25 марта [2] лишь вследствие необходимости выяснить положение кабинета, думаю, что они руководствуются и жела(ют) выждать результат(ов) верденских боев, предполагая, что лишь по выяснении этих результатов союзники могут обстоятельно выработать план дальнейших действий. Вообще здесь с напряженным вниманием следят за развитием этих боев, могущих иметь серьезное влияние на настроение общественного мнения и на исход парламентского здесь кризиса. Возможно, что в случае полного успеха французов само парламентское большинство склонится к немедленному объявлению войны Германии [3].

Гирс.

№ 346. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 135. 10 марта/26 февраля 1916 г.

Копия в Париж.

Греческий посланник в Австрии сообщает, что во время пребывания короля болгарского в Вене [4] между ним и австрийским правительством

---

[1] См. № 344.

[2] См. № 342 и прим. 1 к нему.

[3] Тел. от 18/5 марта за № 262 Гирс сообщил, что «социалисты-реформисты, поддерживавшие до сих пор Саландру, решили вчера голосовать против него и требовать национального министерства», а тел. от 20/7 марта за № 267 он известил Сазонова, что прав-во получило большинство в 394 голоса против 61.

[4] Король Фердинанд посетил Вену 27/14 февраля. До этого он посетил герм. и австро-венг. главные квартиры.

ведутся[1] переговоры об условиях дальнейшего военного содействия Болгарии. Ввиду запрета, поставленного на Салоники и Кавалу, король болгарский заявляет притязания на выход к Адриатическому морю у Драча, чего Австрия едва ли допустит. Идут слухи о разладе между болгарами и австро-германцами. С временным устранением Сербии место последней в австрийских глазах постепенно, но неминуемо, как мне кажется, должен занять новый неприятель — Болгария[2].

Демидов.

№ 347. Поденная запись министерства иностранных дел[3].

11 марта/27 февраля 1916 г.

Вследствие наших возражений против проникновения французов в Урмийский район, Сайкс на следующем своем свидании с министром предложил новую комбинацию, отметив ее на карте. В силу этой комбинации французы вместо приобретений в Урмийском районе получили бы компенсации в Малой Армении, в области треугольника Сивас—Харпут—Кайсарие. Сайкс высказал мысль, что французы, со своей стороны, согласились бы на его новую комбинацию. Он указывал при этом, что та часть Армении, которая предназначается нам, населена мирным элементом, своего рода феодальными землевладель-

[1] Так в оригинале. Повидимому, следует читать: «велись».

[2] 18/5 апр. нач. генштаба Беляевым была препровождена Нератову копия полученного «совершенно секретным путем» письма швед. посланника в Софии Анкарсворда швед. м-ру ин. дел Валленбергу от 26/13 февр. В этом письме Анкарсворд передал свою беседу с Радославовым по поводу территориальных компенсаций, которые Болгария рассчитывает получить в результате войны. По словам Радославова, «завоевание Салоник не входит в интересы Болгарии, даже если бы она имела надежду удержать их, так как это вызвало бы натянутые отношения с Грецией. Болгарское правительство дало Греции успокоительные заверения и подтвердило ее правителям, что политика Болгарии не настолько шовинистична, как это все думают. Слияние Македонии с Болгарией было неизбежно, и представлялось невозможным продолжать игнорировать требования македонской партии в этом отношении. Так как попытка соглашения с Сербией потерпела неудачу, болгарское правительство увидело себя вынужденным примкнуть к центральным державам». Далее Радославов указал, что Болгария «не хочет вмешиваться в разрешение албанского вопроса» и что во время посещения Вены королем Фердинандом «последний заверил, что Болгария не имеет притязаний на какую-либо часть Албании, и это заверение было, разумеется, принято с австрийской стороны с большим удовлетворением». На оригинале имеется помета Нератова: «Думаю, что следовало бы передать содержание союзникам».

[3] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 21.

цами, на которых Россия вполне может опереться в будущем. Он указывал также и на то, что нам не следует слишком опасаться французов, ибо они обычно чересчур эксплоатируют местное население и не умеют возбуждать его симпатий к себе, как к нации.

Из разговора с Бьюкененом и Сайксом у министра создалось определенное убеждение, что английское правительство, со своей стороны, не очень сочувствует слишком глубокому проникновению французов в Малую Азию[1].

№ 348. Посланник в Лиссабоне министру иностранных дел.

Телеграмма[2]. 11 марта/27 февраля 1916 г.

На заседании конгресса министр иностранных дел прочел декларацию правительства и сообщил подлинные тексты ноты английского посланника, из коей явствует, что реквизиция судов состоялась по ходатайству Англии, и ноты германского посланника с объявлением войны[3]. Конгресс единогласно уполномочил министерство на чрезвычайные меры, вызванные создавшимся положением. Предложение

---

[1] В письме от 11 марта/27 февр. (опубл. Р. Аз. Т., стр. 157) Бьюкенен, возвращая Сазонову карту, «которую Марк Сайкс переделал согласно вашим сегодняшним указаниям», отмечал, что «французская синяя зона теперь отодвинута от несторианской области, которая теперь включена в предполагаемую русскую зону, а северная часть Малой Армении включена во французскую зону». «Делая означенные изменения, — писал далее Бьюкенен, — сэр Марк Сайкс имел в виду то, что он принял за ваши пожелания: а) удержать несторианскую область и Битлисские проходы в русских руках, б) включить в русскую территорию дополнительно минимальную часть Армении, требуемую сохранением за Россией Эрзерума и другими географическими условиями. Сэр Марк Сайкс надеется, на основании его прежних бесед с г. Пико, что такого рода изменения, вероятно, будут приемлемы для Франции».

[2] Номер отсутствует.

[3] На заседании конгресса 10 марта/26 февр. португ. м-р ин. дел огласил герм. ноту об объявлении войны и следующую ноту англ. посланника от 17/4 февр.: «Ввиду серьезных затруднений, возникших для торговли вследствие недостатка в настоящую минуту торговых судов, причем последствия сих затруднений ощутимы не только в Великобритании, но и в странах, поддерживающих с ней добрые отношения, — и принимая во внимание, что Португалия с самого начала военных действий неуклонно выказывала полную преданность своей стародавней союзнице, — посланник его британского величества имеет приказание, от имени правительства его величества и во имя союза, настоять на том, чтобы правительство республики произвело реквизицию всех неприятельских судов, находящихся в португальских портах, с целью использования их для португальского торгового мореплавания, а также для плавания между такими другими портами, которые будут избраны по соглашению обоих правительств».

Текст этой ноты был передан Сазонову Боткиным при деп. от 11 марта/27 февр. за № 13.

главы кабинета образовать национальное министерство встретило сочувствие всех партий. В честь представителей союзных держав состоялись шумные овации.

Боткин.

№ 349. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 16. 11 марта/27 февраля 1916 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Посетивший меня на-днях бывший министр путей сообщения в кабинете Кацура барон Гото сообщил мне доверительно, что среди лиц, близких к коммерческим и финансовым сферам Японии, возникла мысль об организации здесь русско-японского банка.

В последней сессии парламента рассматривался вопрос об учреждении одного японского банка в Корее и одного в Южной Манчжурии. Против этого проекта в верхней палате выступил барон Гото, указывая на то, что учреждение японских банков в Китае должно итти в этой стране рука об руку с японской политикой, между тем последняя далеко еще не определилась. Верхняя палата вполне присоединилась к его мнению, и проект открытия двух банков в соседней республике был отклонен громадным большинством под предлогом недостаточной обработки подлежащим ведомством. Но скрытая мысль возражений против внесенного министерством финансов проекта заключалась, по словам барона, в намерении выдвинуть в ближайшей сессии вопрос о русско-японском банке.

Развивая эту мысль в прилагаемой записке [1], барон Гото находит, что деятельность задуманного им банка тем более должна содействовать успеху союзных держав в настоящей войне и укрепить дружеские связи между Россией и Японией по заключении мира. Явным указанием на необходимость создания такого банка служит колоссальное увеличение торгового оборота между обеими державами за последние два года. Хотя такое увеличение должно быть объяснено главным образом войной, однако можно смело заключить, что и после войны зародившиеся торговые сношения между обоими народами примут постоянный характер. В настоящее время только два банка обслуживают потребности русско-японской торговли — Specie Bank и Формозский, которые, однако, не в состоянии выполнить всех предъявляемых к ним в этом отношении требований. Если бы, — говорит далее барон Гото в своей записке, — в Японии был учрежден русско-японский

[1] Содержание записки Гото полностью изложено в публикуемом документе.

банк с капиталом в 30 000 000 иен, чтобы финансировать заводы по изготовлению военных припасов, а с другой стороны, чтобы обслуживать потребности расчетов по торговым сделкам, то такой банк имел бы обороты, в 10 или даже 20 раз превышающие основной капитал. При таких условиях различные мелкие заводы и фабрики, как-то: кузнечные и часовые, легко бы обратить в заводы по выделке оружия, и производство последнего увеличилось бы в несколько десятков раз против теперешнего.

В заключение барон Гото, находящийся ныне в оппозиции, говорит, что он не сомневается в искреннем желании японского правительства притти нам на помощь, но считает теперешний кабинет не обладающим достаточной практической ловкостью, чтобы достигнуть этой цели. Он, Гото, думает, что единственный путь для этого — учреждение здесь русско-японского банка, который пользовался бы поддержкой как русского, так и японского правительств.

Не берусь судить, в какой мере мысль барона Гото осуществима и встретит ли она сочувствие с нашей стороны, но я счел долгом препроводить его записку на ваше усмотрение ввиду занимаемого бароном Гото высокого положения в здешнем официальном мире и его близости к влиятельным финансовым и политическим кругам.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

К мин. финансов.

Царский поезд, [1 апреля] 19 марта 1916 г. [1].

№ 350. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву.

Письмо № 193 [2]. 12 марта/28 февраля 1916 г.

Секретно.

М. г. Михаил Васильевич,

В настоящее время в Петроград прибыл, по поручению английского правительства, для обсуждения некоторых вопросов, касающихся Азиатской Турции, офицер великобританской армии, сэр Марк Сайкс [3], участник южноафриканской войны, несколько лет состоявший воен-

---

[1] Копия публикуемого письма была препровождена Нератовым Барку 29/16 марта 1916 г.

[2] Печатается с подлинника, хранящегося в делах Военно-исторического архива, на котором имеются две пометы Алексеева: а) «Доклад его величеству по возвращении [13 марта]29 февр. 1916 г.» и б) «Доложено [17]4 марта 1916 г.».

[3] См. № 347.

ным агентом в Константинополе и последние годы с специальной миссией путешествовавший по Анатолии, Сирии и Аравии. Он считается лучшим знатоком Малой Азии, которую имел возможность превосходно изучить в географическом, этнографическом и военно-политическом отношениях.

В разговоре со мной сэр М. Сайкс, коснувшись настоящих событий в Азиатской Турции и выразив свое неподдельное восхищение блестящим походом, совершаемым там нашими войсками, тем не менее не мог не высказать мне некоторых опасений.

По его мнению, удар, наносимый нами теперь в Малой Азии Турции, а косвенно и Германии, настолько силен и чувствителен, что турки, при содействии немцев, конечно, напрягут все свои силы, чтобы ослабить его политическое и военное значение. По его словам, они легко могут собрать и выставить против нас к июню армию от 300 000 до 400 000 человек, хорошо снабженную и обученную, опирающуюся на вполне оборудованный тыл в плодородном районе. Зная прекрасно Ближний Восток и турок, он полагает, что следует относиться с большой осторожностью к слухам о деморализации и окончательном расстройстве турецкой армии.

Ввиду важности высказанных сэром М. Сайксом соображений и осведомленности его по затронутым вопросам, я считаю долгом о вышеизложенном довести до сведения вашего высокопревосходительства.

Означенное сообщение делается мной одновременно с сим наместнику его императорского величества на Кавказе и в копии препровождается военному министру [1].

Примите и пр. Сазонов.

№ 351. Уполномоченный английского правительства по ведению переговоров об Азиатской Турции Марк Сайкс английскому послу в Петрограде Бьюкенену.

Письмо [2]. 12 марта/28 февраля 1916 г.

Dear Sir George,

After thinking over the new suggestion, i. e. the inclusion of Sivas in the blue area in return for the elimination of Hakkiari, it struck me that the following points might be of interest to M. Sazonoff.

---

[1] На отпуске идентичного письма Сазонова вел. кн. Николаю Николаевичу от того же числа имеется помета Николая II: «Великий князь мне написал в этом смысле. Царское Село, [12 марта]28 февраля 1916 г.».

[2] Маш. копия. Опубл. Р. Аз. Т., стр. 158.

I. I think we may assume that owing to the extreme brutality and callousness of the late Armenian massacres [1], that it will be impossible to envisage the retention of Armenia proper under Ottoman rule. Such a scheme, even if accompanied by reforms, would provoke a furious outcry in England and the U. S. A. and would give a handle to all critics of peace.

II. The solution of the Armenian question must therefore be found either in: A. — The establishment of an Armenian State under Turkish suzerainty, which means either a second Bulgaria, intriguing in the Caucasus, or an unworkable scheme owing to the Armenians being unable to cope with the Kurds. B. — The establishment of an Armenian administration under international control with neutral (?) [2] administrators, which opens the door to constant intrigues and questions, out of which Germany would sooner or later find her profit. C. — The taking over of Armenia lock, stock and barrel by Russia which entails Russia absorbing into her political system a country honeycombed with revolutionary societies in complete correspondance with existing revolutionary organisations in the Caucasus and Persia. An Armenian revolutionary (Tashnakhist) once explained to me that this would be ideal, since, with the whole of the Armenian population under one Russian flag the revolutionary societies in the Caucasus, Azerbaijan, and Turkey, would at once be consolidated and enough common discontent would remain to maintain their vitality. D. — The solution of France taking over Roman Armenia, or Armenia Minor and Russia annexing the Yellow area on the accompanying map [3], I think this is by far the most satisfactory way out and one I have long had in mind, but have never put forward, as I always assumed that the Russian government desired to have the Sivas province.

The advantage are as follows:

1. — Russia obtains Erzerum, Bitlis and Van with a minimum of Armenian population, as area «A» is purely nestorian and kurd. «B» is purely kurd. «C» is purely laz.

2. — France gets Armenia as Armenia, and the french area will be the focus of Armenian national sentiment. This is very advantageous to Russia, since the Armenians of Armenia Minor are clerical and conservative as opposed to the Armenians of the Caucasus and Eastern Armenia who are socialist-anarchist. Were the focus of Armenian national sentiment to be at Erzerum, the socialist anarchists would cap-

[1] См. т. VII, № 799.

[2] Знак вопроса в оригинале.

[3] Указанная карта при документе отсутствует.

ture the whole Armenian political machine and consolidate it; as it is the moderates will dominate Armenian sentiment under French tutelage from Armenia Minor.

The tendency of Armenian moderates will be to develop themselves in their own boundaries and to cut adrift from the socialist anarchists of the Caucasus and Azerbaijan whom they have never get on with.

The French area further contains the historic Armenian towns of Zeitun, Hajin, Diarbekir, Megafarkin, Sivas and contains the area which was ruled by the last Armenian king who died oddly enough in Paris [1], and further contains the crusading county of Edessa [2] where Guy de Lusignan reigned. This is of value as giving a cleanly start off to Armenian historical patriotism, as it is divorced from the folksongs and traditions of Van and Erzerum which is the sentimental basis of the Armenian socialist anarchist propaganda.

Further the Armenians of Armenia Minor have no connection with the industrial Armenians of the Caucasus, and have really little in common with them.

I should suggest myself that if it were possible it would be a good thing to include the Mush plain in the French area, as this would relieve Russia of a hotbed of revolutionary activity and cut off one of the most fertile campaigning grounds of the Caucasian revolutionaries from the area of their activities.

This last of course is a very minor detail and its merits and demerits lie between the strategists and the political students; politically it is best not to have it Russian in Russian interests that it should be under Russian control.

I think that these are the main points raised by our conversation of yesterday.

Yours very sincerely Mark Sykes.

Перевод.

Дорогой сэр Джордж,

Обдумав новое предложение, т. е. включение Сиваса в синюю зону вместо исключаемого Хаккиари, я пришел в заключению, что следующие пункты могут представить интерес для г. Сазонова.

[1] Последний из армянских царей кипрской династии Лузиньянов Лев VI умер в Париже в 1393 году.

[2] Эдесса (современная Урфа) в 1098 г. во время первого крестового похода была захвачена братом Готфрида Бульонского гр. Балдуином и превращена в столицу основанного им Эдесского графства, существовавшего в течение полустолетия (до 1144 г.).

I. По моему мнению, мы должны признать, что, вследствие крайней жестокости и бессердечия последних армянских избиений, нельзя допустить возможность сохранения собственно Армении под оттоманской властью. Подобный проект, даже если бы он сопровождался реформами, вызовет взрыв негодования в Англии и Соединенных Штатах Америки и даст оружие всем критикам мирного договора.

II. Решением армянского вопроса поэтому может быть: a) Учреждение армянского государства под турецким сюзеренитетом, что предполагает создание второй Болгарии, интригующей на Кавказе, или явится нежизненным планом, ввиду того, что армяне не способны соперничать с курдами. b) Создание армянского правительства под международным контролем с нейтральными (?) администраторами, что даст широкое поле постоянным интригам и «вопросам», из которых Германия рано или поздно извлечет свою выгоду. c) Неподготовленная и полная передача Армении России повлечет за собой включение в русскую политическую систему страны, переполненной революционными обществами, находящимися в постоянных сношениях с существующими революционными организациями на Кавказе и в Персии. Один армянский революционер (дашнак) однажды говорил мне, что это было бы идеально, что с той минуты, как все армянское население окажется под русской державой, революционные общества на Кавказе, в Азербайджане и Турции тотчас же упрочатся и достаточно будет общего неудовольствия, чтобы сохранить их жизнеспособность. d) Решение вопроса с передачей Франции Римской или Малой Армении и аннексия Россией желтой зоны на прилагаемой карте. Я считаю этот способ наиболее удовлетворительным и давно имел его в виду, но никогда его не выдвигал, так как я всегда считал, что российское правительство стремится к овладению Сивасской провинцией.

Преимущества его следующие:

1. Россия получает Эрзерум, Битлис и Ван с минимальным количеством армянского населения, так как зона «А» исключительно несторианская и курдская, «В» — чисто курдская, «С» — населена исключительно лазами.

2. Франция получает Армению, как Армению, и французская зона будет средоточием армянского национального чувства. Это крайне выгодно для России, так как армяне Малой Армении настроены клерикально и консервативно в противоположность кавказским армянам и армянам восточным — анархо-социалистам. Если бы центром армянского национального чувства был Эрзерум, анархо-социалисты забрали бы в свои руки весь армянский политический механизм и укрепили бы его; при этом же положении умеренные элементы подчинят себе армянские национальные стремления под французской опекой, исходящей из Малой Армении.

Целью армянских умеренных кругов будет развитие в собственных пределах и полное отмежевание от анархо-социалистов на Кавказе и в Азербайджане, с которыми они никогда не хотели итти вместе.

Далее, французская зона включает исторические армянские города Зейтун, Хаджин, Диарбекир, Мейафаркин, Сивас и область, управлявшуюся последним армянским королем, которому суждено было довольно странно умереть в Париже, а также включает графство Эдесское эпохи крестовых походов, где царствовал Гюи Лузиньянский. Это имеет значение в качестве отправного пункта для армянского исторического национализма, который забыл народные песни

и традиции Вана и Эрзерума, являющиеся идейной базой для армянской анархо-социалистической пропаганды.

Далее, армяне Малой Армении не связаны с промышленными армянами Кавказа и, действительно, имеют мало общего с ними.

Я лично сказал бы, что было бы хорошо, если только это возможно, включить Мушскую равнину во французскую зону, так как это избавило бы Россию от рассадника революционной деятельности и отрезало бы одну из самых пригодных для пропаганды кавказских революционеров областей от сферы их деятельности.

Это последнее, конечно, ничтожная деталь, и ее достоинства и недостатки подлежат изучению знатоков политического и стратегического дела; политически в русских интересах лучше было бы, чтобы эта область не была русской, но чтобы она была под русским контролем.

Я полагаю, что таковы главные вопросы, поднятые нашей вчерашней беседой.

Искренне ваш Марк Сайкс.

№ 352. Статс-секретарь по иностранным делам Грей английскому послу в Петрограде Бьюкенену.

Телеграмма № 576 [1]. 12 марта/28 февраля 1916 г.

Sent to Petrograd and Rome.

French memorandum, with regard to reply to communication from Washington about submarine war and armed merchant men, was communicated by French Ambassador to the Government to which you are accredited [2]. His Majesty's Government are prepared to accept French redaction of reply, and you should so inform the Minister for Foreign Affairs, and suggest that he should send similar instructions to the representative at Washington. His Majesty's Government are of opinion, that in case anyone or more of Allied Governments not being able to agree with terms of note as it is, these governments should, in order to avoid to protract discussion, be asked to act independently while taking presumption that their reply contains nothing running counter arguments in French memorandum.

Перевод.

Послана в Петроград и Рим.

Французский меморандум по поводу ответа на сообщение из Вашингтона относительно подводной войны и вооруженных торговых судов был сообщен французским послом правительству, при котором вы аккредитованы. Правительство его величества готово принять французскую редакцию ответа, и вы

---

[1] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[2] См. стр. 276, прим. 6.

должны об этом осведомить министра иностранных дел и посоветовать ему послать аналогичные инструкции представителю в Вашингтоне. Правительство его величества придерживается мнения, что в случае если одно или несколько союзных государств не в состоянии согласиться с выражениями ноты, как она есть, то этим правительствам, во избежание задержки в обсуждении, следует предложить действовать самостоятельно, исходя из предположения, что их ответ не содержит ничего направленного против аргументов французского меморандума.

№ 353. Представитель Ставки при штабе французского главнокомандующего начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву.

Телеграмма № 95 [1]. 12 марта/28 февраля 1916 г.

Совещание закончилось в один день [2]. О предположенном наступлении нашей армии в текущем марте было упомянуто, но о нем старались не говорить, чтобы не обнаружить его. Общее наступление всех армий предположено в мае, причем начать его должна русская армия в начале нашего мая, а прочие должны начать его в половине.

По словам генерала Жоффра, он получил уведомление, что более раннее начало действий нашей армии очень соответствует нашим желаниям и видам. В Салониках постановлено оставить находящиеся там войска, перевезти туда сербскую армию, а вопрос о наступлении оттуда решится впоследствии по прибытии туда сербов и выяснении обстоятельств.

Италия продолжает считать свое наступление от Валоны для себя непосильным. Англичане не оставляют мысли о выводе своих войск из Салоник, если они потребуются для усиления французского фронта. Но пока положение в Салониках останется прежнее, и сербская армия будет туда перевозиться, причем первая дивизия будет перевезена в начале апреля.

Для помощи французам итальянская армия начнет теперь же частные атаки демонстративного характера в Трентино и попытается начать более серьезные действия для атаки Горицы.

Наше предположенное наступление обрадовало Жоффра и штаб и очень подняло настроение.

Жилинский.

---

[1] На оригинале помета ген. Алексеева: «Доклад его величеству. Доложен [17]4 марта 1916 г.».

[2] Имеется в виду совещание представителей союзных штабов в Шантильи 12 марта/28 февр. 1916 г.

№ 354. Посланник в Копенгагене министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 48. 12 марта/28 февраля 1916 г.

Transmet à votre excellence texte d'un communiqué publié ce soir [1]: «La conférence a commencé jeudi le 9 mars et a été terminée samedi le 11 du même mois. Les délibérations ont été entamées par une conversation générale sur les questions qui ont occupé les gouvernements des Etats Scandinaves depuis le début de la guerre et notamment après entrevue des rois à Malmoe au mois de décembre 1914 [2]. On s'est entretenu de diverses affaires importantes qui se sont produites au cours du temps écoulé. Au sujet de plusieures questions spéciales d'intérêt pratique on est tombé d'accord tant sur la continuation des mesures communes déjà prises que sur de nouvelles mesures à prendre dans l'intérêt des trois pays. Les discussions qui ont affermi encore les bonnes relations entre les trois Etats ont donné nouvelle expression du désir de maintenir une neutralité loyale et impartiale. On a été unanime pour exprimer le voeu que la coopération qui a eu lieu jusqu'ici soit poursuivie et que des entrevues de membres des gouvernements ou d'autres représentants des Etats aient lieu dans ce but aussi souvent que les circonstances le rendent désirable» [3].

Buxhoevden.

---

[1] Сообщение опубл. Изв. МИД, 1916 г., кн. III—IV, стр. 175. См. № 293.

[2] См. т. VI, № 676.

[3] 14/1 марта Неклюдов телеграфировал за № 122 Сазонову, что, по словам Валленберга, конференция в Копенгагене не имела общеполитического характера, что «идея мирного посредничества была заранее устранена», что «никаких общих мер против действительного или мнимого нарушения прав торговли или мореплавания не выработано» и что постановлено только «протестовать сообща и добиваться путем частных переговоров возможного улучшения». В заключение Неклюдов сообщал, что «в здешних активистских кругах явно недовольны результатами конференции».

Со своей стороны, Буксгевден в письме от 22/9 марта за № 55 писал Сазонову, что конференция, «установив исходной точкой беспристрастность и беспартийность нейтралитета северных стран», рассматривала целый ряд экономических и торговых вопросов, возникших вследствие войны. «Особенному обсуждению подвергался вопрос о сохранении экономической независимости означенных государств после войны. Вопросу о чрезмерном накоплении золота в трех странах было уделено также большое внимание». Далее, сообщая, что «по некоторым признакам можно полагать, что с шведской стороны были высказаны мнения, идущие вразрез с датско-английским частным торговым соглашением, но что по этому предмету никакой резолюции вынесено не было», — Буксгевден отмечал, что в Копенгагене «очень довольны результатом конференции».

Перевод.

Передаю вашему превосходительству текст сообщения, опубликованного сегодня вечером: «Конференция открылась в четверг, 9 марта, и окончилась в субботу, 11-го того же месяца. Переговоры начались с общей беседы по вопросам, которые занимали скандинавские государства с начала войны и особенно после свидания королей в Мальме в декабре 1914 г. Обсуждались различные важные события, имевшие место за истекшее время. По многим специальным вопросам практического значения было достигнуто соглашение как относительно продолжения уже предпринятых сообща мер, так и относительно новых мер, которые следует принять в интересах трех стран. Эти обсуждения, еще более утвердившие добрые отношения между тремя государствами, вновь проявили желание сохранить лойяльный и беспристрастный нейтралитет. Было выражено единодушное пожелание, чтобы сотрудничество, имевшее место до настоящего времени, продолжалось и впредь, и чтобы свидания членов правительств и других представителей государств происходили с этой целью так часто, как обстоятельства заставляют этого желать».

Буксгевден.

№ 355. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 204. 12 марта/28 февраля 1916 г.

Поддержание порядка и спокойствия внутри Персии должно ныне явиться главной заботой правительства. Для этого необходимо по возможности скорее организовать военную силу.

Часть наших войск временно будет, вероятно, оставлена в занимаемых ими ныне пунктах. Главные же силы экспедиционного корпуса, весьма возможно, перейдут на турецкую территорию.

Не предрешая вопроса о проектированном союзе вообще при изменившихся в связи с нашими успехами обстоятельствах [1], считал бы, однако, разрешение военного вопроса не терпящим отлагательства. Генерал Баратов и Сепехдар, каждый со своей точки зрения, разделяют этот взгляд.

Вследствие сего представляется желательным выделить военный и финансовый вопросы — пункт 7 [2] — из проекта соглашения, дабы разрешить их отдельно без потери времени. В таком случае нам надлежало бы взять на себя организацию и финансирование казачьей бригады, предоставив англичанам соответствующую свободу действий в южной зоне. Наша помощь бригаде выразилась бы в предоставлении

---

[1] См. № 334.

[2] См. приложение к № 92.

инструкторов и 200 000 томанов в месяц вместо выдаваемых ныне за счет военного фонда 70 000 томанов [1].

На деле только 7 статья проекта ныне еще имеет значение, прочие статьи или утратили значение, или подлежат обсуждению после войны. Помимо всего остального, разрешение в таком смысле военного вопроса представило бы собою крупный шаг к более определенному и рельефному разграничению сфер влияния между нами и англичанами. В политическом отношении для нас было бы важно, по вступлении наших войск в Исфагань, не откладывая приступить к организации в Исфагани казачьей части, которая, по словам Баратова, с военной точки зрения явилась бы крайне полезным тыловым этапом для рассеяния по разным городам отрядов его корпуса.

Настоящий момент, благодаря Сепехдару, особенно своевременен. Он лично всецело высказывается в пользу приведенного плана, но едва ли долго останется на посту, если мы ему не окажем скоро конкретную поддержку.

Эттер.

№ 356. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

'/. № 105[2]. 13 марта/29 февраля 1916 г.
Confidential.

A telegram has been received from Sir E. Grey stating that the question of settling the Jews in Palestine has recently been brought to the notice of His Majesty's Government.

It appears that, though it is known that a great number of Jews are indifferent to the idea of Zionism, a large and powerful section of the Jewish community throughout the world would greatly appreciate the offer of an arrangement as regards Palestine which was completely satisfactory to Jewish aspirations.

If the views expressed above are correct, it is clear that important political consequences might be attained by utilising the zionist idea. These consequences might include the conversion to the side of the Allies of the Jewish element in the East, in the United States and elsewhere, which is now very largely hostile to the Allied cause.

Mr. Lucien Wolf has defined Jewish aspirations in Palestine as follows:

---

[1] В тот же день тел. за № 207 Эттер сообщал Сазонову, что перс. прав-во «ныне всецело согласно и сочувствует проекту усиления казачьей бригады и только ожидает окончательного решения императорского правительства и ассигнования необходимых ежемесячных субсидий».

[2] Опубл. Р. Ав. Т., стр. 161.

«Should the war result in Palestine falling within the sphere of interests of France and Great Britain, the French and British Governments will not fail to take into consideration the historical interests possessed by the Jewish community in that country. The two Governments will assure the Jewish population equal political rights with the other inhabitants, religious and civil liberty, such municipal privileges in the colonies and towns as may be necessary and reasonable facilities for colonisation and emigration».

Sir E. Grey does not see any objection to the above formula, but has merely informed Mr. Wolf in reply that he must consult the Allied Governments on the subject, and that it would receive the sympathetic consideration of His Majesty's Government.

The sole object of His Majesty's Government is to find some arrangement which would afford sufficient attraction to the majority of the Jews to enable a bargain to be struck which would secure Jewish support. Keeping this consideration in view, it has occured to His Majesty's Government that, if the scheme held out a prospect that the Jews would be allowed when their colonists in Palestine grew strong enough to cope with the Arab population to take into their own hands the management of the internal affairs of that district (with the exception of Jerusalem and the Holy Places), the arrangement would be far more attractive to the majority of the Jews.

His Majesty's Government have no desire to express any preference for a particular solution of the problem; they have, however, been informed that an international Protectorate would meet with opposition on the part of some influential Jewish opinion.

In telegraphing the above, Sir E. Grey instructs Sir G. Buchanan to request the Russian Government to take the matter into their serious consideration and to favour him as soon as possible with their views.

Перевод.

Доверительно.

От сэра Э. Грея была получена телеграмма, сообщающая, что вопрос о поселении евреев в Палестине был недавно доведен до сведения правительства его величества.

Хотя, как известно, многие из евреев относятся безразлично к идее сионизма, многочисленная и влиятельнейшая часть еврейства во всех странах, повидимому, весьма оценила бы предложение соглашения касательно Палестины, которое вполне удовлетворило бы стремление евреев.

Если вышеизложенная точка зрения правильна, то ясно, что путем использования сионистской идеи могут быть достигнуты важные политические результаты. В число их будет входить обращение на сторону союзников еврейских

элементов на Востоке, в Соединенных Штатах и в других местах, настроенных в значительной части враждебно делу союзников.

Г. Люсьен Вольф следующим образом определил еврейские стремления в Палестине:

«Если в результате войны Палестина попадет в сферу французских и великобританских интересов, французское и великобританское правительства не преминут принять в соображение исторические интересы еврейства в этой стране. Оба правительства обеспечат еврейскому населению равные с остальными жителями политические права, религиозную и гражданскую свободу, те муниципальные привилегии в колониях и городах, которые представятся необходимыми, а также разумные льготы для колонизации и эмиграции».

Сэр Э. Грей не имеет никаких возражений против вышеприведенной формулировки, но в ответ ограничился уведомлением г. Вольфа, что он должен обсудить этот вопрос с союзными правительствами и что это дело встретит сочувственное отношение со стороны правительства его величества.

Единственная цель правительства его величества — найти какое-либо соглашение, достаточно привлекательное для большинства евреев, которое облегчило бы заключение сделки, обеспечивающей еврейскую поддержку. Имея в виду это соображение, правительству его величества представляется, что если бы проект предусматривал разрешение евреям, когда их колонисты в Палестине настолько окрепнут, что смогут соперничать с арабским населением, взять в свои руки управление внутренними делами этой области (за исключением Иерусалима и Святых мест), — то соглашение было бы гораздо более привлекательным для большинства евреев.

Правительство его величества не хотело бы высказывать предпочтение тому или иному решению вопроса. Как бы то ни было, оно осведомлено, что международный протекторат встретит сопротивление со стороны части влиятельных еврейских общественных кругов.

Сообщая по телеграфу все вышеизложенное, сэр Э. Грей предписывает сэру Дж. Бьюкенену просить российское правительство серьезно отнестись к этому вопросу и удостоить его в возможно скором времени сообщением русской точки зрения.

№ 357. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II [1].

13 марта/29 февраля 1916 г.

В предвидении победоносного окончания войны и на случай возникновения вопроса о судьбе азиатских владений Турции, французское и английское правительства представили на наше рассмотрение проект раздела Малой Азии, составленный известными знатоками этих местностей г. Пико и сэром М. Сайксом [2].

Основные положения этого проекта сводятся к следующему.

Все пространство между Черным морем и линией, начинающейся

[1] Черновой отпуск. Опубл. Р. Аз. Т., стр. 160. На оригинале надпись: «На подлинном собственной его императорского величества рукой начертано: «С[огласен]. Царское село, [14] 1 марта 1916 г.»

[2] См. № 332.

от Урмийского озера и идущей к Анамуру южнее Вана, Битлиса, Муша и Харпута по горным хребтам Тавра и Антитавра, предоставляется в распоряжение России для разграничения в будущем с турецким султанатом в Анатолии.

Во владение Франции поступает узкая прибрежная полоса Сирии и Киликии, идущая приблизительно от Акки до Анамура, и территория к югу от намеченной русской границы, приблизительно по линии Айнтаб — Урфа — Мардин — Урмия.

Англия получает провинцию, известную ныне под именем Арабского Ирака, примыкающую к Персии и Персидскому заливу.

Вся область между французскими и английскими владениями составит независимое арабское государство (халифат) или федерацию нескольких арабских княжеств.

Северная часть его признается лежащей в сфере французского влияния, а южная — английского.

Палестина образует особую автономную провинцию под международным контролем.

Кроме этого, Франция и Англия принимают на себя целый ряд взаимных обязательств относительно предоставления друг другу всякого рода льгот и облегчений торгового и экономического характера в зонах их влияний на территории будущего арабского государства.

В этом проекте для нас наиболее существенное значение имеет предлагаемая англо-французами граница, имеющая отделить наши будущие владения от французских.

С точки зрения топографической она представляется довольно естественной, следуя по направлению главного горного массива, но по политическим и стратегическим соображениям она едва ли может считаться приемлемой. Появление на большом протяжении нашей азиатской границы, в местностях со смешанным и беспокойным населением, великой европейской державы, хотя бы в настоящее время и союзной нам, и внедрение ее углом в русско-персидскую границу должно быть признано нежелательным. Кроме этого, в частности мы не могли бы признать в области Урмии суверенитета другого европейского государства, вследствие значительности наших миссионерских интересов среди местных христиан.

Для нас наиболее выгодной была бы общая граница на юге с каким-либо азиатским мусульманским государством, в виде ли арабского халифата или турецкого султаната. Эта точка зрения, казалось бы, еще оправдывается и тем соображением, что в наших предыдущих переговорах с французами о Проливах и Константинополе мы, согласно изъявленному Францией желанию, соглашались на присоединение к ней

лишь Сирии и Киликии до Тавра [1]. Диарбекирский же округ входит в состав Месопотамии.

Если бы, однако, нам не удалось отстоять эту точку зрения, то тогда следует во всяком случае настаивать на включении в нашу зону Урмийского округа и Битлисских проходов, предоставив французам некоторые вознаграждения в Малой Армении в районе треугольника Сивас—Харпут—Кайсарие, согласно прилагаемой у сего карте [2].

Точно так же явилось бы, вероятно, возможным согласиться на территориальное уменьшение Палестинской области, ограничив там защиту наших интересов исключительно Святыми местами.

Вообще же говоря, без ущерба для наших государственных интересов в предстоящих переговорах с Англией и Францией мы могли бы легко заявить о нашей незаинтересованности к югу от линии Амадия — Ибн-Омар—Диарбекир—Самсат—Мараш и Адана.

Подробное и тщательное изучение всех вопросов, связанных с англо-французским проектом, я полагал бы желательным представить на рассмотрение особого совещания, под председательством председателя совета министров и из представителей министерств военного, морского и иностранных дел и наместника вашего императорского величества на Кавказе.

О вышеизложенном приемлю смелость доложить и испрашивать высочайших указаний [3].

[Сазонов.]

№ 358. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 1037 [4]. 13 марта/29 февраля 1916 г.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на телеграмму Бенкендорфа за № 105 [5].

Англичане, очевидно, решили вернуться к прежнему предположению

[1] См. т. VII, № 381.

[2] Ср. приложение к тому.

[3] Письмом от 15/2 марта за № 197 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 163) Сазонов известил Штюрмера, что на основании его докл. записки Николай II постановил созвать особое совещание под председательством Штюрмера и при участии представителей м-ств военного, морского, ин. дел и наместника на Кавказе.

[4] Лит. копия.

[5] Тел. от 10 марта/26 февр. за № 105 Бенкендорф сообщал Савонову: «Великобританскому посланнику в Тегеране предписано по телеграфу войти, совместно с Эттером, в сношение с персидским правительством о предоставлении Учетно-ссудному и Шахиншахскому банкам доли участия в контракте по чеканке серебряной монеты для нужд персидского правительства».

о совместной поставке серебра обоими банками персидскому правительству, согласно шустеровскому контракту. Между тем, как вам должно быть известно из посланной в свое время в литографии телеграммы нашей Бенкендорфу от [10 декабря] 27 ноября за № 6118[1], наше министерство финансов ввиду больших неудобств, представляемых сказанным контрактом, особенно при настоящих условиях, настаивает на другой, более выгодной для нас, комбинации, а именно, на совместной закупке серебра и чеканке кранов обоими банками за их собственный счет, а не для шахского правительства. Ввиду этого благоволите, ознакомившись с преподанной Марлингом инструкцией, воздержаться от каких-либо переговоров по этому вопросу до выяснения дела и получения вами дальнейших указаний.

Сазонов.

№ 359. Поденная запись министерства иностранных дел [2].

13 марта/29 февраля 1916 г.

На свидании министра с английским послом и сэром М. Сайксом [13 марта] 29 февраля разговор коснулся двух вопросов: 1) разграничения Малой Азии и 2) Палестины и еврейского вопроса [3].

По первому вопросу Сайкс указал, что если мы уступим, согласно его мысли, французам взамен местности в районе Урмийского озера территорию в области треугольника Сивас—Харпут—Кайсарие, между нами и французами фактически образуется буфер, и французское влияние на деле не распространится на эту сферу.

Переходя к вопросу о судьбе Палестины, Сайкс заметил, что до своего отъезда из Лондона он виделся с известным сионистом, членом парламента Саймоном. Последний говорил ему, что английские евреи допускают возможность установления европейского контроля над Палестиной; они помирятся также и с мыслью об английском генерал-губернаторе, но будут для себя требовать свободы колонизации в Палестине и полного равноправия в этой области. По словам Саймона, евреи вообще будут добиваться возвращения им родины при разрешении палестинского вопроса после войны.

Сайкс со своей стороны допускает также учреждение в Палестине наряду с английским генерал-губернатором французского, под условием, однако, чтобы последнему было поручено исключительно заведывание полицией.

---

[1] См. т. IX, № 483.
[2] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 22.
[3] См. № 356.

В заключение сэр М. Сайкс сообщил имеющиеся у него сведения о преследовании армян в Турции. По его данным, за последнее время было вырезано в Армении и выселено из нее около 800 000 человек. Мужское население в возрасте от 18 до 43 лет было целиком выведено из этой области; женский же элемент направлен в персидские владения и на юг, в Месопотамию.

№ 360. Японский посол в Петрограде Мотоно японскому министру иностранных дел Ишии.

Телеграмма[1]. 13 марта/29 февраля 1916 г.

Секретно.

13 марта я посетил министра иностранных дел, и согласно вашей инструкции (телеграмма за № 147[2]) я сообщил наш проект, как основание для переговоров о заключении союзного договора. Министр ответил, что согласно беглому ознакомлению ему кажется, что проект японского правительства приемлем, но что ввиду чрезвычайной важности этого вопроса он сообщит мне о своем мнении после основательного рассмотрения его.

По вопросу об уступке участка железной дороги на север от Чжанцзякоу, я несколько раз повторил содержание вашей телеграммы за № 147 и объяснил ему позицию императорского правительства. Однако министр заявил, что после того, как по первому русско-японскому соглашению были распределены сферы влияния обоих государств, это соглашение служило основанием дружественных отношений между Россией и Японией. Так как, конечно, желательно осуществить постановления этого соглашения и укрепить еще более дружественные отношения между двумя государствами, русское правительство не имеет возражений против уступки русской железной дороги, находящейся в сфере влияния Японии, но по этой же причине следует опасаться, что уступка Японии железной дороги, находящейся в сфере влияния России, может пошатнуть устои дружбы России и Японии и, поэтому, русское правительство ни в коем случае не может согласиться на уступку этого участка.

Я уверен, что русское правительство ни в коем случае не согласится на уступку данного участка, и советую, поэтому, императорскому правительству вновь рассмотреть этот вопрос, положив в основание вышеизложенное.

---

[1] Тел. расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.

[2] Очевидно, имеется в виду тел. Ишии Мотоно от 4 марта/20 февраля. См. стр. 291, прим. 1.

№ 361. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁷/₁ Письмо. 13 марта/29 февраля 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В письме моем к вам от 29/16 марта с. г. [1] была выражена мысль о крайней желательности, ввиду некоторых указанных мною обстоятельств, более ясным образом определить наше отношение к польскому вопросу. С тех пор, в вашей думской речи [2], вы публично коснулись этого вопроса и сделали заявление, остановившее на себе внимание не только самих поляков, но и общественных и политических кругов в союзных с нами странах. Из телеграммы моей от 25/12 февраля с. г. [3] вам известно, что во Франции ваша речь была встречена весьма сочувственно и что, в частности, слова, посвященные вами Польше, вызвали, в наиболее серьезных и влиятельных французских газетах вполне корректные и благоприятные суждения. Я не скрыл, однако, от вас, что некоторые здешние радикальные газеты, не имеющие очень большого круга читателей, следуя внушениям некоторых польских кругов, нашли подтвержденное вами обещание «автономии» уже

---

[1] В оригинале ошибка. Следует, повидимому, читать: «29/16 января» (см. № 100).

[2] В речи в Гос. думе от 22/9 февр. Сазонов, сославшись на сообщение герм. печати об открытии польского университета в Варшаве, заявил следующее: «С самого начала войны Россия ясно начертала на своем знамени объединение расчлененной Польши. Эта цель, предуказанная с высоты престола, возвещенная верховным главнокомандующим, близкая сердцу всего русского общества и сочувственно встреченная нашими союзниками, — эта цель остается для нас неизменной и теперь.

Каково же отношение Германии к осуществлению этой заветной мечты всего польского народа? Как только ей и Австро-Венгрии удалось вступить в пределы Царства Польского, они тотчас поспешили поделить между собой и эту, доселе сплоченную, часть польских земель, а чтобы несколько сгладить впечатление от этого нового посягательства на главный предмет всех польских чаяний, они сочли уместным удовлетворить некоторые из побочных пожеланий польского населения. К числу таких мероприятий относится и открытие упомянутого университета, но нельзя забывать, что в объем провозглашенной здесь, с этой самой трибуны, по высочайшему повелению, главой правительства автономии Польши естественно входит и национальная польская школа всех степеней, не исключая высшей; поэтому едва ли можно ожидать, что из-за предложенной ему немцами чечевичной похлебки польский народ откажется от своих лучших заветов, закроет глаза на подготавливаемое новое порабощение Германией и забудет своих братьев в Познани, где под властью гакатистов, в угоду немецкой колонизации, упорно вытравливается все польское».

[3] В оригинале ошибка. Имеется в виду тел. от 26/13 февр. за № 128, содержание которой полностью изложено в публикуемом документе.

недостаточным и выступили с требованием «независимости» Польши. Я присовокупил, что, не придавая чрезмерного значения этой кампании, не встречающей особого сочувствия в серьезных политических сферах, я, тем не менее, прилагаю все усилия к тому, чтобы ей противодействовать, и что, при этом, я должен отдать полную справедливость здешнему министерству иностранных дел, которое, в пределах возможного, стесняет обсуждение этого вопроса, подвергаясь за это жестоким нападкам со стороны вышесказанных газет.

Внимательно следя за развитием настоящего вопроса, я не могу не отметить, что, несмотря на личные мои усилия и на меры, принимаемые французским правительством, в течение последних недель пропаганда среди французской публики в пользу идеи «независимой Польши» не только не ослабела, но заметно усилилась. Запрет цензуры обсуждать эту идею вызывает сильный ропот в парламентских и газетных кругах и на практике довольно легко обходится; кроме того, та же идея вполне свободно проводится в швейцарских газетах, имеющих сюда весьма легкий доступ. Если принять во внимание традиционные симпатии французского общества к полякам, а также интенсивную деятельность многочисленных поляков, проживающих во Франции и Швейцарии, нельзя не опасаться, что одни, так сказать, профилактические средства борьбы с вышеуказанным течением могут оказаться недостаточными и что мы рискуем оказаться, ко времени окончания войны, лицом к лицу с сильным движением французского общественного мнения, способным вызвать весьма серьезные недоразумения между нами и нашей союзницей. Мне кажется, поэтому, что необходимо несколько глубже вникнуть в настоящий вопрос и заранее постараться ввести его в надлежащие рамки.

В первый период великой европейской войны, под влиянием энтузиазма, вызванного среди самих поляков воззванием верховного главнокомандующего, французское общественное мнение почти не задавало себе вопроса о будущем устройстве Польши и было склонно считать польский вопрос — вопросом чисто внутренним — русским. Ныне, однако, под впечатлением свершившихся событий, здесь все более и более приходят к убеждению: во-первых, что, ввиду занятого в настоящем вопросе Германией и Австро-Венгрией выгодного положения, Россия должна будет волей-неволей, пойти гораздо далее первоначальных своих предположений и обеспечить Польше не только «национальное единство», но и «независимое национальное существование», и во-вторых, что, в силу нового обстоятельства, а именно, одинаково грозящей всем союзникам опасности использования Германией, с военной целью, мужского польского населения, — польский

вопрос приобретает международный характер и может быть разрешен лишь при участии союзных государств.

Постепенно усваивая удобопонятную и простую формулу «независимой Польши», французы, весьма мало осведомленные в сложных международных вопросах, очевидно не останавливаются на том, возможна ли на практике подобная независимость, и не обратится ли она, прежде всего, на пользу Германии. Весьма вероятно, что если им будет своевременно и основательно разъяснено, что «независимая Польша» в самый короткий срок может сделаться в экономическом и военном отношении орудием в германских руках, это в значительной степени изменит их взгляд на это дело. Но для этого необходимо планомерное и умелое воздействие на французскую печать, с затратой на это значительных средств. Не могу не заметить при этом, что если в начале войны мы могли ссылаться на факт, что не только так называемая партия польских «реалистов», но чуть ли не сплошное население всех трех частей Польши громко высказывали свои симпатии к России и возлагали свои надежды на успех русского оружия, ныне, под влиянием свершившихся событий и испытанных разочарований, чувства эти в значительной степени изменились. Германия не только дает населению русской Польши некоторые из наиболее ценных для него преимуществ в области языка и народного образования, но сулит ему восстановление независимого польского государства. Это, несомненно, действует не только на среднюю польскую публику, но даже и на отдельных, наиболее, до сих пор, благоразумных и уравновешенных личностей. За последнее время я имел случай видеться и подолгу беседовать с некоторыми представителями партии польских реалистов. Из разговоров этих, а также из полученных мной косвенным образом сведений, я мог заключить, что партия эта, продолжая признавать необходимым сохранить между Польшей и Россией династическую, экономическую и военную связь, ныне стремится главным образом уже не только к национальному «единству» Польши, а к национальной ее «независимости» и надеется, что цель эта будет достигнута путем воздействия на Россию ее союзников. Ход мысли реалистов весьма рельефно изложен в прилагаемой при сем записке, [1] составленной одним из видных членов этой партии, известным вам г. Дмовским, бывшим недавно в Париже, Швейцарии и Риме [2]. В записке этой, повидимому преднамеренно, опущены конечные и вполне точные выводы касательно будущего устройства Польши; но, насколько я мог разобраться, реалисты пред-

---

[1] Приложение отсутствует.

[2] См. № 196.

ставляют себе сейчас будущую Польшу в виде отдельного польского «государства», составленного из всех трех частей Польши, с монархом из русского царствующего дома, связанного с Россией таможенным союзом, с отдельным войском, поступающим, в случае войны, в распоряжение русского главнокомандующего; по их словам, подобное польское государство, в интересах собственного сохранения, будет всегда искать точки опоры в России и способствовать сохранению системы «национальных» европейских государств против стремления Германии к гегемонии.

Повторяю еще раз: до сих пор французское правительство и серьезная французская печать сохраняют в вопросе о будущей судьбе Польши вполне корректное и благоразумное положение. Но мне известно, что в последнее время в здешних правительственных кругах начинают сильно беспокоиться по поводу известий о намерении Германии объявить независимость Польши, с целью произвести в занятых польских местностях набор рекрутов. Не следует забывать, что французское правительство одним своим крылом опирается на крайние парламентские фракции, особенно склонные увлекаться мыслью о восстановлении Польши, и находится в тесной зависимости от общественного мнения. Мне кажется, поэтому, что мы должны ныне же установить вполне твердым образом нашу точку зрения на будущее устройство Польши и заранее озаботиться о том, чтобы здешнее общественное мнение не пошло по ложному пути; иначе, в решительную минуту, мы легко можем оказаться в настоящем, столь важном, вопросе, в опасном разладе с нашей главной союзницей.

Примите и пр.

Извольский.

№ 362. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 215. 13 марта/29 февраля 1916 г.

Сепехдар встречает весьма значительные затруднения со стороны лиц, в том числе Саад-эд-Доуле, требующих немедленной уплаты им по всем недоимкам персидского правительства. Желательно предложить немедленно персидскому правительству согласиться на назначение двух ассистентов-советников состоять при управляющем казначейством, каковым только-что назначен вместо г. Леле Хейнсенс. Их обязанность состояла бы в контроле и наблюдении за расходованием, чем облегчилось бы отношение Сепехдара к кредиторам правительства.

Доверительно и лично.

Это на деле соответствует желанию Сепехдара, и мне кажется, что нам, не теряя времени, следует воспользоваться благоприятным моментом и предложить в качестве советников по одному служащему русского и английского банков. С нашей стороны наиболее подходящий Модель, с английской — Вилькинсон.

Считая этот вопрос крайне важным с точки зрения установления наших будущих отношений к Персии вообще, прошу спешного ответа. Желая, чтобы проект этот исходил от нас, Сепехдар не говорил о нем с Марлингом, который, как я, однако, знаю, относится к нему, конечно, более чем сочувственно [1].

Эттер.

№ 363. Записка, составленная в министерстве иностранных дел.

Начало марта 1916 года [2].

Победы наших войск на азиатском фронте выдвигают огромной важности вопрос о направлении нашей ближайшей политики по отношению к христианскому и мусульманскому населению Оттоманской империи. Политика эта должна иметь целью не только приобретение сторонников среди населения покоренных уж нами местностей, но и создание сочувственных нам движений в тех частях Турции, которые нами еще не завоеваны.

Для достижения этой последней цели нужна, конечно, планомерная дипломатическая работа, пользующаяся полным сочувствием и поддержкой наших военных властей. По существу же такая работа должна была бы, между прочим, выразиться в следующем.

1. В оказании содействия военным властям в деле умиротворения населения и введения законного порядка вместо турецкого произвола, от которого страдали не только христиане, но и мусульмане.

2. В распространении среди населения убеждения, что будущая автономная Армения (без провозглашения которой мы рискуем бросить армян в объятия немцев) останется под сюзеренитетом султана, а вера и права как мусульман, так и христиан будут обеспечены державами от умалений с какой бы то ни было страны [2]. Такой режим не только армянам, но и большинству турок может показаться привлекательнее настоящего произвола.

[1] 16/3 марта за № 1090 Сазонов телеграфировал Эттеру: «Признаю введение контроля весьма целесообразным. Министр финансов согласен на назначение Моделя. Если Марлинг получит указания, благоволите совместно выступить. Из слов Бьюкенена явствует, однако, что Марлинг не особенно сочувствует контролю».

[2] Так в оригинале.

3. В посылке эмиссаров-турок в незанятые нами еще местности с целью поднятия там восстания против террора Энвера, Талаата и немцев. Эта часть работы — самая трудная и ответственная. Во-первых, выбор агитаторов может быть сделан только после достижения известного соглашения с вождями направленного против немцев и младотурок движения и по указаниям этих вождей. Во-вторых, большое значение будет иметь содержание и редакция наших прокламаций, в коих мы должны будем дать турецкому населению гарантии в том, что утверждение наше в Константинополе и на Проливах явится началом новой эры добрососедских отношений с Оттоманской империей, и что мы не посягаем на самостоятельное существование Турции в Малой Азии.

Такая дипломатическая работа должна, конечно, быть поручена лицам, хорошо знакомым с современными турецкими условиями и политическими течениями.

Недовольство господством немцев и младотурок, повидимому, охватило довольно широкие турецкие круги. Насколько можно судить по газетным сведениям, враждебное нынешним заправилам течение имеет много сторонников среди чиновников, депутатов и лиц либеральных профессий. Эмиграция недовольных приняла большие размеры. В Салониках ведет деятельную пропаганду против младотурок бывший Гюмюльджинский депутат Измаил-бей; в Афинах — центр агитации принца Саббах-Эддина; Париж — Шерифа-паши; смирнский вали Рахми-бей, отказавшийся исполнить предписание Талаата об избиении армян и заключенный в тюрьму, бежал к англичанам. Из донесений императорского посланника в Берне явствует, что враги господствующей в Стамбуле партии имеют главную квартиру в Швейцарии и что они стараются войти в сношения с Четверным согласием.

Можно также с уверенностью сказать, что и среди турецкого офицерства младотурки имеют много тайных врагов, ненависть которых сдерживается пока немецкой железной рукою, но даст себя знать при первом признаке ослабления этого нажима. Бесконечные казни и репрессии, к которым прибегают Талаат и Энвер, ежедневно увеличивают число недовольных. Смерть Юсуфа-Иззедина [1], приписываемая младотуркам, еще более усилила брожение.

Не следует также упускать из виду вражду, существующую между Энвером-пашою и Талаат-беем — с одной стороны, и Джемалем-пашою — с другой, вражду, которая, в случае обеспечения нами Джемалю крупного политического положения, могла бы, при благоприятной

---

[1] См. стр. 156, прим. 2.

общей конъюнктуре, побудить этого честолюбца к восстанию против нынешних диктаторов.

Таким образом, повидимому, представляется возможным нанести турецкой империи серьезный удар оказанием поддержки разлагающим ее элементам. Но, разумеется, предварительно принятия какого-либо решения по этому вопросу, необходимо самым тщательным образом изучить характер и силу движения. Соображения, высказанные в этом смысле французским посланником [1] в Берне, заслуживают поэтому самого серьезного внимания [2]. Необходимо командировать в Швейцарию, Париж и другие центры, где действуют враги младотурок, лицо, способное разобраться в планах и силах оппозиции. Лицо это должно быть, конечно, снабжено директивами союзных правительств относительно максимума наших уступок Турции, так как без выяснения хотя бы некоторой части нашей политической программы по отношению к Оттоманской империи всякие разговоры с турецкими эмигрантами лишены были бы реальной почвы.

№ 364. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1044. 14/1 марта 1916 г.

По просьбе бывшего министра юстиции Щегловитова благоволите опровергнуть появившееся во французской печати известие, будто он и другие его политические единомышленники высказывались в пользу скорейшего мира с Германией [3].

Сазонов.

---

[1] Так в оригинале; следует читать: «послом».

[2] Ср. № 155.

[3] В письме от того же числа Щегловитов писал Сазонову: «Во вчерашнем заседании Государственной думы член Думы Савенко, сославшись на русскую и французскую печать, удостоверял, что я, Маклаков и барон Таубе представляли в высокие сферы записку о необходимости заключения мира с Германией. Подобное удостоверение [?], уже опровергавшееся в русской печати, требует самого решительного опровержения и во Франции».

Письмом от 15/2 марта Маклаков обратился к Сазонову с аналогичной просьбой, указывая при этом, что как он, так и Щегловитов придают большое значение тому, чтобы «в прессе союзного с нами государства не оставались без опровержения обвинения вздорные, необоснованные, ложные и порочащие имена людей, всегда только сочувственно относившихся к нашим союзникам и недопускавших никогда и мысли о возможности заключения мира с нашими врагами иначе, как до полной победы над ними и в полном соответствии с царскими всенародно объявленными словами и с достоинством великодержавной России».

№ 365. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

14/1 марта 1916 г.

У министра, под его председательством, состоялось совещание, на котором присутствовали товарищ министра А. А. Нератов, советник первого политического отдела и начальник канцелярии министра, советник второго политического отдела и сэр М. Сайкс.

Сайкс еще раз показал по карте изменения, которые, по его мнению, можно было бы внести в первоначальный проект раздела Малой Азии, вследствие наших возражений против французского вклинения в русско-персидскую границу [2].

Если мы согласимся на компенсации для Франции в районе Сиваса, то получающийся таким образом раздел турецких земель будет, по мнению Сайкса, соответствовать историческому делению Армении. Франция получила бы Малую Армению (Armenia romana), в то время как к нам перешла бы часть Армении, находившаяся раньше под персидским владычеством. Таким образом, под русской властью оказалось бы большинство курдов, лазов, кызыл-башей и других кочевых племен, с которыми сравнительно легко ладить и которые с точки зрения государственной безопасности представляют более надежный и удобный элемент [3].

Далее разговор коснулся евреев. Сайкс указал, что евреи в настоящий момент ведут сильную агитацию против русских. На этот раз Сайкс говорил, что, хотя евреи и согласились бы, повидимому, с проектом учреждения английского генерал-губернатора, но определенно будут возражать против французского и не пойдут также и на интернационализацию Палестины [4].

По мнению Сайкса, от обещаний евреям зависит также в значительной мере поведение Америки.

В ответ на заявления Сайкса министр указал последнему, что Россия не относится к сионизму отрицательно и что русское правительство, наоборот, сочувствовало бы водворению иудеев в Палестине, при условии однако, чтобы не были затронуты права и привилегии Святых мест. В настоящее время, по словам министра, палестинский вопрос еще недостаточно назрел.

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 22.

[2] См. № 351.

[3] Сайкс доверительно сообщил, что в разговоре с г. Пико он затронул вопрос о предоставлении России Битлиса и его округа с вознаграждением Франции путем предоставления ей Сиваса и прилегающего округа, и что французский уполномоченный не возражал против такого предложения. [Прим. оригинала.]

[4] См. №№ 356 и 359.

№ 366. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 173 [1]. 14/1 марта 1916 г.

Получил вашу телеграмму № 980 [2].

Переговорил по ее содержанию с Брианом, который сказал мне, что он не придает серьезного значения Шерифу-паше и избегает всяких с ним сношений. Но он подтвердил мне, что за последнее время со стороны нескольких влиятельных лиц, близких к нынешнему турецкому правительству, были действительно сделаны попытки завязать здесь негласные переговоры о сепаратном мире. Попытки эти были им безусловно отклонены. Бриан присовокупил, что, по имеющимся у него сведениям, некоторые турецкие министры были бы готовы устранить Энвера и Талаата и просить о мире, и что если бы союзники полагали пойти навстречу им, по его убеждению, момент для этого вполне благоприятен. Но это прежде всего касается интересов России, во-первых, ввиду наших военных действий в Азиатской Турции, а во-вторых, потому что при этом будет неминуемо затронут вопрос о Константинополе и Проливах. Поэтому он ни в коем случае не вступит в переговоры с турками, иначе как с нашего ведома и согласия [3]. Навожу справки о настоящем местопребывании Шерифа-паши [4].

Извольский.

№ 367. Посланник в Лиссабоне министру иностранных дел.

Депеша № 15. 14/1 марта 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Объявление войны Германией [5] произвело на апатичных португальцев в сущности мало впечатления.

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 318.

[2] См. № 335.

[3] Со своей стороны Бенкендорф тел. от 13 марта/29 февр. за № 111 ответил Сазонову на тел. за № 980, что, по словам Никольсона, англ. прав-ву ничего неизвестно по поводу предложений турец. прав-ва и что Шериф-паша только «передал Грею информационные сведения о положении вещей в Турции». 25/12 марта за № 129 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 319) Бенкендорф телеграфировал Сазонову, что Никольсон очень скептически относится к слухам по поводу турец. предложений о сепаратном мире, так как они ничем серьезным не подтверждаются.

[4] Дополнительно тел. от 23/10 марта за № 197 Извольский сообщил, что Шериф-паша находится в Париже.

[5] См. № 338.

После первого момента тревоги все более или менее успокоились, и жизнь потекла обычным порядком. Враг далек и потому не страшен, а что касается последствий настоящей войны, то Португалия гарантирована заявлением сэра Э. Грея, что Англия не даст в обиду свою вековую союзницу.

Имею честь приложить в русском переводе ноту английского посланника в ответ на извещение португальского правительства о том, что Германия объявила войну Португалии [1].

«Согласно инструкциям сэра Э. Грея, — пишет английский посланник, — имею честь передать, что правительство его величества, перед лицом общего врага, будет действовать заодно с Португалией. Португалия может быть уверенной, что стародавняя ее союзница, Великобритания, окажет ей всякую помощь, какая понадобится и которая представится ей возможной».

Так как война была вызвана реквизицией германских судов, приведенной в исполнение по настоянию английского правительства, то вполне естественно, что последнее сочло себя обязанным сделать подобное заявление. Оно являлось, так сказать, дополнением к английской ноте, прочитанной в конгрессе португальским министром иностранных дел. Ссылаюсь на мою депешу от [11 марта] 27 февраля за № 13 [2].

Здесь было замечено, что сэр Э. Грей, делая свое сообщение в палате общин о выступлении Португалии, ничего не сказал о ноте английского представителя в Лиссабоне [3]. Между тем факт обращения Англии к португальскому правительству знаменателен в том отношении, что свидетельствует еще раз о подчиненности португальской внешней политики указаниям лондонского кабинета. Если война между Португалией и Германией не возгорелась до сих пор, то это можно объяснить лишь тем обстоятельством, что выступление Португалии до последнего времени не входило в расчеты английского правительства.

Как известно, португальское правительство предложило свои услуги с самого начала столкновения Англии с Германией. Оно оставалось верным принятому на себя обязательству, исполняя все, что от него спрашивало союзное правительство, и ждало лишь сигнала для открытого выступления против общего врага.

Примите и пр.

П. Боткин.

---

[1] Содержание приложения исчерпывается публикуемым документом.
[2] См. стр. 380, прим. 3.
[3] Имеется в виду речь Грея в палате общин 14/1 марта.

№ 368. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 146 [1]. 14/1 марта 1916 г.

Сегодня, [14] 1 марта, Братиану вновь показался мне довольно нервным. Его тревожат: наглость болгар по отношению к Румынии, усиление болгарских войск на румынской границе и закрытие австро-венгерским правительством румынской границы, которое, может быть, скрывает перегруппировку австро-венгерских войск вблизи Румынии. Братиану также опасается, что немцы могут, в случае неуспеха у Вердена, попытаться загладить неблагоприятное для них впечатление посредством наступления на Румынию или по соседству с ней. Я старался успокоить Братиану и указал ему, что если Румынии угрожает какая-либо опасность, то ему следовало бы возможно скорее ознакомить полковника Татаринова с румынскими военными приготовлениями и планами, дабы наше верховное командование могло составить себе верное представление о здешнем положении. Братиану в принципе согласился с моим мнением, и у него вырвалась фраза: «Если Румыния очутится в опасности, и у вас будут лишние войска, то вам надо послать их возможно скорее нам на помощь» [2]. Затем, вероятно, под впечатлением разговора с приехавшим сюда румынским военным агентом в Петрограде, Братиану выразил глубокое сожаление о том, что многие обращенные к нам просьбы румынского военного ведомства остаются без удовлетворения, и что это ставит его в очень трудное положение в такой момент, когда ему особенно нужна полная поддержка с нашей стороны. Мне не трудно было возразить на подобное заявление, и в ответ Братиану вновь выразил глубокую свою благодарность императорскому правительству за снабжение Румынии лошадьми [3], селитрой и т. п., но добавил, что Румынии нужно еще очень многое, дабы довести свою боевую готовность до уровня, которого требует нынешняя война. Впрочем Братиану не мог мне перечислить,

---

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 213.

[2] В тел. от 17/4 марта за № 151 Поклевский извещал Сазонова, что «[16]3 марта полковник Татаринов имел довольно обстоятельный разговор с генералом Ильеску, который изложил румынские предположения и планы», предложив при этом выехать в непродолжительную секретную поездку по Добрудже.

[3] Тел. от 17/4 марта за № 148 Поклевский сообщал Сазонову, что, согласно полученному Татариновым известию, росс. воен. ведомство намерено уменьшить число лошадей, отпускаемых Румынии. Отмечая неблагоприятное впечатление, которое произведет подобная мера в Бухаресте, Поклевский ходатайствовал о предоставлении румын. прав-ву обещанного количества лошадей, добавляя, что Татаринов разделяет его мнение в этом вопросе.

кроме (масла), тех продуктов, которыми мы отказываемся снабжать румынскую армию, и он сослался на необходимость навести более точную справку по этому вопросу.

Поклевский.

№ 369. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 175. 15/2 марта 1916 г.

По имеющимся здесь сведениям, как в Турции, так и в Болгарии наблюдается чувствительная усталость и склонность к миру с державами Согласия; при таких условиях здесь думают, что появление русских войск в составе Салоникской союзнической армии могло бы произвести на турок и на болгар сильное нравственное впечатление [1]. Поэтому, у французского правительства явилась мысль, что присылаемая сюда, в виде опыта, русская бригада [2] могла бы с особой пользой для общего дела высадиться в Салониках и присоединиться к находящимся там войскам. Палеологу поручено представить это предложение на усмотрение императорского правительства. Позволяю себе, со своей стороны, высказать, что лично я с самого начала не особенно сочувствовал присылке сюда большого русского отряда, который вряд ли может сыграть на здешнем фронте подобающую ему роль; напротив того, в Салониках он может сразу занять выдающееся положение и не только оказать действительную помощь, но и обеспечить нам надлежащую долю престижа и влияния. Хотя я не мог сегодня переговорить о настоящем деле с генералом Жилинским, находящимся в главной квартире, из прежних разговоров с ним я имею основание думать, что он разделяет это мнение [3].

Извольский.

---

[1] Тел. от 29/16 февр. (без номера) ген. консул в Солуни Каль сообщал Сазонову, что в беседе с ним Саррайль высказал пожелание о присылке бригады русских войск на Балканы, так как, «со слов многочисленных болгарских дезертиров и бежавших из немецкого плена русских нижних чинов, болгарские солдаты открыто заявляют, что в русские войска они стрелять не будут».

[2] См. т. IX, № 601.

[3] В докл. записке от 14/1 марта Сазонов передал Николаю II ходатайство франц. посла об отправке намеченной для посылки во Францию бригады русских войск не на франко-германский фронт, а в Салоники, «где, по мнению французского военного ведомства, означенная бригада могла бы оказаться особенно полезной для совместных с союзниками действий на Балканском полуострове». На оригинале этой докл. записки имеется помета Николая II: «С[оглаcен]. Царское село, [14]1 марта 1916 г.». Содержание докл. записки было сообщено Сазоновым Алексееву письмом от 15/2 марта за № 9/п, а в тел. от 15/2 марта за № 1066 Сазонов известил Извольского о согласии Николая II на ходатайство франц. посла.

№ 370. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 252. 15/2 марта 1916 г.

Копия в Париж.

Соннино сообщил мне, что Италия согласилась отказаться от (юрисдикции) в Марокко при условиях разрешения открывать итальянские школы в Марокко и применения к итальянцам в Марокко французского рабочего регламента о страховании. Этот регламент применяется уже к итальянцам в Тунисе. Соннино добавил, что он стремится ликвидировать все спорные вопросы с Францией, не имеющие серьезного значения, но все же поддерживающие раздражение [1].

Гирс.

№ 371. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 253. 15/2 марта 1916 г.

Копия в Париж.

Ответ Италии на американскую ноту касательно подводных лодок не тождественен по характеру, но, по существу, совсем согласен с проектом Франции [2]. Италия отвергает американскую точку зрения о том, что торговые суда не должны быть вооружены. Говоря мне о разнице в форме, Соннино заметил, что все аргументации Франции основаны на недобросовестности Германии, между тем как Италия не имеет доказательств, что ее суда были потоплены немцами.

Гирс.

№ 372. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 254. 15/2 марта 1916 г.

Копия в Афины.

Французский посол сообщил Соннино, что Франция находит более удобным направить сербскую армию на Патрас и оттуда сухим путем через Грецию в Салоники. Он просил поддержать заявление в этом смысле греческому правительству. Соннино запросил французского

---

[1] 10 марта/26 февр. 1916 г. были подписаны франко-итальянские соглашения: а) об отказе Италии от капитуляций в Марокко, б) об организации итал. школ в Марокко и в) о взаимной выдаче дезертиров во время войны. В тел. от 11 марта/27 февр. за № 164 Извольский, сообщая о предстоящем на следующий день опубликовании этих соглашений в Париже, указывал, что «при наличных обстоятельствах подписанию соглашений здесь придается особо серьезное значение».

[2] См. № 259.

посла, не лучше ли отложить вопрос о направлении сербской армии до созыва парижской конференции. Нет сомнения, что здесь продолжают надеяться, что хотя бы часть сербской армии будет направлена на Санти-Кваранта. Соннино не дал, однако, отрицательного ответа французскому послу и, вероятно, в случае настояния последнего, согласится снабдить итальянского посла в Греции соответственными указаниями.

Гирс.

№ 373. Министр иностранных дел послу в Вашингтоне Бахметеву.

Телеграмма № 1067. 16/3 марта 1916 г.[1].

Депеша № 2 получена[2].

Прошу вас, по соглашению с другими союзными послами, ответить государственному секретарю на его ноту 19 января[3] о подводных лодках и вооружении коммерческих судов в смысле мемуара французского правительства от 19 февраля[4].

Сазонов.

№ 374. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 178. 16/3 марта 1916 г.
Лично. Доверительно.

С некоторых пор французское правительство очень обеспокоено усилиями Германии путем различных мероприятий и обещаний привлечь на свою сторону поляков, дабы подготовить в занятых польских областях набор рекрутов. Камбон несколько раз заговаривал со мной о необходимости противодействовать этим усилиям и вчера, якобы от своего имени, но, на самом деле, несомненно, по поручению Бриана, спросил меня, как, по моему мнению, отнеслось бы императорское правительство к мысли о коллективной демонстрации союзников в подтверждение обещанных нами полякам объединения и автономии. Я самым решительным образом высказал Камбону, что подобная мысль для нас абсолютно неприемлема, ибо русское общественное мнение никогда не согласится на перенесение польского вопроса на международную почву. Я присовокупил, что, предоставляя Франции полную

[1] В журнале исходящих тел. публикуемый документ датирован 15/2 марта.

[2] Указанная депеша Бахметева в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] Так в оригинале. Имеется в виду нота Лансинга от 18/5 янв. См. стр. 90, прим. 1.

[4] См. стр. 276, прим. 6.

свободу разрешить по собственному усмотрению вопрос об Эльзасе и Лотарингии, мы, со своей стороны, вправе ожидать, что и нам будет предоставлена такая же свобода в вопросе польском. На замечание Камбона, что возможно изыскать формулу декларации, в которой наряду с Польшей были бы упомянуты и Эльзас и Лотарингия, я ответил, что, по моему глубокому убеждению, и на подобную постановку вопроса мы не могли бы согласиться. Сегодня Камбон ознакомил меня с текстом телеграммы, отправленной по настоящему предмету Палеологу. Из этой телеграммы, передаваемой мной за № 2 [1], вы изволите убедиться, что заявления мои были приняты Брианом в должное внимание и что из нее исключено всякое упоминание о коллективной демонстрации союзников. В разговоре со мной Камбон высказал, что и в настоящем своем виде подобное обращение к России, по личному его мнению, является несколько деликатным, но что он убежден, что Палеолог проявит по сему поводу должную осмотрительность.

Извольский.

№ 375. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 179. 16/3 марта 1916 г.

№ 2.

Télégramme de Mr. Briand à Mr. Paléologue: «Vous m'avez signalé les intentions du tzar et du gouvernement russe à l'égard de la Pologne. Le gouvernement français connait et apprécie les dispositions libérales de l'empereur de Russie et les déclarations faites en son mon dès le début de la guerre [2]. En présence de la propagande habile des allemands et des mesures récentes par lesquelles ils s'efforcent de gagner l'opinion polonaise et de rétablir le récrutement à leur profit, nous ne doutons pas que le gouvernement russe saura de son côté prendre les mesures et faire les déclarations de nature à rassurer le peuple polonais et à conserver sa fidélité à la Russie. Nous ne pouvons que nous en remettre à notre Alliée du soin d'agir avec la sagesse et le libéralisme qu'impose la situation».

Iswolsky.

Перевод.

№ 2.

Телеграмма г. Бриана г. Палеологу: «Вы сообщили мне о намерениях царя и российского правительства относительно Польши. Французское правительство знает и ценит либеральные намерения российского императора и декларации,

---

[1] См. № 375.

[2] См. т. VI, № 125.

сделанные от его имени в самом начале войны. При наличии искусной пропаганды немцев и последних мероприятий, посредством которых они стараются расположить к себе польское общественное мнение и восстановить вербовку в свои войска, мы не сомневаемся в том, что российское правительство сумеет принять меры со своей стороны и сделать декларации, способные рассеять опасения польского народа и сохранить его верность России. Мы можем только положиться на то, что наша союзница будет действовать с мудростью и либерализмом, требуемыми положением».

Извольский.

№ 376. Памятная записка министерства иностранных дел английскому и французскому послам в Петрограде — Бьюкенену и Палеологу.

№ 205 [1]. 17/4 марта 1916 г.

Le projet anglo-français concernant l'établissement de différentes zones dans l'Asie Mineure et l'Arabie étant soumis à l'examen d'une commission ad hoc un échange de vues y relatif doit actuellement se réduire à l'exposé des principes généraux.

Ainsi:

1) Le gouvernement russe serait prêt à se déclarer complètement désintéressé de la région située au Sud d'une ligne passant par Amadie — Ibn-Omar — Diarberkir — Samsat — Marach — Adana, et accepterait sans difficulté tout arrangement qui pourrait intervenir à ce sujet entre la France et l'Angleterre.

2) Il insiste sur la nécessité d'inclure dans la zône russe les passes de Bitlis et la région du lac d'Urmia et propose, en échange, de céder à la France le territoire de l'Arménie Mineure entre Siwas — Kharpout — Césarée.

3) Pour ce qui concerne la Palestine le gouvernement russe adhérerait à tout projet de nature à assurer à tous les établissements orthodoxes se trouvant en Terre sainte le libre exercice de leur culte ainsi que le maintien des droits et privilèges acquis et il n'opposerait aucune objection de principe contre l'accès des colons israélites dans le pays.

4) Il va sans dire que le consentement de la Russie aux points précédents reste subordonné à la réalisation de son entente avec la France et l'Angleterre rélative à Constantinople et aux Détroits [2].

---

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 163.

[2] Тел. от 17/4 марта за № 1098 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 164) Сазонов известил Извольского и Бенкендорфа, что англо-французский проект о разделе азиатских владений Турции передан на рассмотрение особого совещания (см. № 357 и стр. 395 прим. 3) и сообщил, что свое принципиальное согласие на этот проект он обусловил: а) осуществлением соглашения о Константинополе и

Перевод.

Ввиду того что англо-французский проект относительно установления различных зон в Малой Азии и Аравии подлежит рассмотрению комиссии ad hoc, обмен мнений по этому поводу должен свестись в настоящее время к изложению общих принципов,

а именно:

1) Российское правительство готово было бы заявить о полной своей незаинтересованности в области, расположенной к югу от линии, идущей через Амадию — Ибн-Омар — Диарбекир — Самсат — Мараш — Адана, и примет без всяких затруднений всякое соглашение, которое может состояться на этот счет между Францией и Англией.

2) Оно настаивает на необходимости включения в русскую зону Битлисских проходов и области Урмийского озера и предлагает взамен уступить Франции территорию Малой Армении между Сивасом — Харпутом — Кайсарие.

3) Что касается Палестины, то российское правительство согласится на всякий проект, обеспечивающий всем православным учреждениям, находящимся в Святой земле, свободное отправление своего культа, равно как и сохранение приобретенных ими прав и привилегий, и не выставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране.

4) Само собой разумеется, что согласие России на предыдущие пункты остается обусловленным осуществлением ее соглашения с Францией и Англией относительно Константинополя и Проливов.

№ 377. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

17/4 марта 1916 г.

[8 марта] 24 февраля 1916 г. императорскому послу в Париже были протелеграфированы инструкции относительно тех общих начал, которыми он мог бы руководствоваться на предстоящей дипломатической конференции в Париже [2]. В этих инструкциях, между прочим

Проливах, б) изменением границы франц. владений в смысле уступки России Битлисских проходов и Урмийского округа взамен треугольника Сивас — Харпут — Кайсарие и в) установлением в Палестине управления, обеспечивающего права и привилегии православных учреждений.

В ответной тел. от 21/8 марта за № 126 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 166) Бенкендорф передал заявление Никольсона, что англо-франц. переговоры касались главным образом Сирии и ее портов, где имеются крупные англ. и арабские интересы, и что вопросы, связанные с северной зоной, затрагивают специально русские интересы. По словам Никольсона, он именно по этой причине настаивал на поездке Пико в Петроград. Со своей стороны, Извольский в тел. от 21/8 марта за № 191 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 166) сообщил, что франц. прав-во принимает предложенные Сазоновым условия и поручило Пико выразить ему благодарность за отношение к англо-французскому проекту.

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 23.

[2] См. № 325.

указывается, что необходимо настаивать на исключении польского вопроса из предметов международного обсуждения.

Между тем, сведения о возможных попытках Германии привлечь на свою сторону поляков с целью провести набор рекрут в Царстве Польском сильно обеспокоили французское правительство, и [15] 2 марта г. Камбон спросил А. П. Извольского, как отнеслось бы русское правительство к совместному выступлению союзников в подтверждение тех обещаний, которые Россия дала полякам. Посол ответил г. Камбону, что императорское правительство не могло бы согласиться на такое предложение. На следующий день, [16] 3 марта, г. Камбон познакомил А. П. Извольского с текстом телеграммы, отправленной по этому предмету г. Палеологу (Париж № 178 [1]), и высказал убеждение, что г. Палеолог исполнит возложенное на него поручение с должной осмотрительностью.

Французский посол сделал предписанное сообщение при свидании с министром [17] 4 марта. Коснувшись вопроса о Польше, г. Палеолог сказал С. Д. Сазонову, что по поручению Бриана он может ему сообщить, «que cela ne fera même pas l'ombre d'une question» [2], так как французское правительство вполне присоединяется к установленной императорским правительством точке зрения в отношении Польши.

№ 378. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 116. 17/4 марта 1916 г.

Reçu votre télégramme № 992 [3].

Grey me dit qu'il n'a pas reçu informations qui confirment entièrement les vôtres. Il les compare aux déclarations du gouvernement japonais qu'il résume comme suit: 1) Japon ne pense pas à la restauration de la monarchie en Chine et donne pour motif qu'il en résulterait des désordres. 2) Japon ne désire pas que Chine soit admise dans Alliance, probablement pour ne pas placer Chine sur un terrain de droit égal avec les Puissances alliées. 3) Japon n'a jusqu'ici pas formulé de prétentions à la hégémonie en Chine. A ce dernier sujet Grey me fit observer qu'il est pourtant probable que le Japon en temps opportun élèvera des prétentions en Chine à des privilèges économiques et commerciaux. Grey se rend compte de la difficulté de cette question au point de vue anglais. Il croit que cette question sera même plus difficile pour Angleterre et France que pour Russie. Il pense pourtant qu'il sera nécessaire prendre

[1] См. № 374.

[2] «что это не создаст даже и тени вопроса».

[3] См. № 339.

en sérieuse considération situation particulière du Japon et besoins d'expansion d'un pays exclu de l'Amérique et colonies anglaises et, par force des circonstances, de tout l'Occident, voué par conséquent à la seule Chine. Grey conclut qu'au cours des pourparlers avec le Japon il ne faudrait plus insister ni même revenir sur admission de la Chine dans Alliance, mais borner tous nos efforts communs à obtenir coopération japonaise à la lutte contre agissements et intérêts allemands en Chine. Grey ne voit pas dans informations en question de motifs pour changer le cours des négociations entre Russie et Japon.

Benckendorff.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 992.

Грей сказал мне, что он не получил сведений, полностью подтверждающих ваши. Он сопоставляет их с заявлениями японского правительства, которые он резюмирует следующим образом: 1) Япония не помышляет о восстановлении монархии в Китае и мотивирует это тем, что от этого проистекли бы беспорядки; 2) Япония не желает допущения Китая в союз, вероятно, потому, чтобы не ставить Китай в равноправное положение с союзными державами; 3) Япония до сих пор не формулировала притязаний на гегемонию в Китае. По этому последнему вопросу Грей заметил мне, что все же вероятно, что Япония в подходящий момент выдвинет притязания на экономические и торговые преимущества в Китае. Грей отдает себе отчет в трудности этого вопроса с английской точки зрения. Он считает, что этот вопрос представит даже больше трудностей для Англии и Франции, чем для России. Он, однако, думает, что надо будет серьезно принять во внимание особое положение Японии и потребность в экспансии для страны, для которой закрыты Америка и английские колонии и, в силу обстоятельств, весь Запад; для нее тем самым остается один Китай. Грей в заключение сказал, что при переговорах с Японией не следует более настаивать, ни даже возвращаться к вопросу о допущении Китая в союз, а надо ограничить все наши общие усилия для получения японского сотрудничества в борьбе против происков и немецких интересов в Китае. Грей не усматривает в данном сообщении оснований для изменения хода переговоров между Россией и Японией.

Бенкендорф.

№ 379. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

⅟. Телеграмма [1]. 17/4 марта 1916 г.

Телеграмма ваша за № 398 получена [2].

Французский посол утверждает, что он ничего не знает о мемуаре его правительства от 19 февраля [3]. Английский получил то же предпи-

[1] Номер отсутствует.

[2] Номер указан неправильно. Тел. от 5 февр./23 янв. за № 398 адресована Бентковским в Лондон.

[3] См. стр. 276, прим. 6.

сание, что и я, и ожидает французского сообщения. Бельгийский посланник также, и уже сообщил Лансингу о том, что присоединяется к французскому ответу, когда получил новое предписание взять обратно свою ноту, так как (такового) мемуара 19 февраля вовсе не существует. Японский, ничего не зная, испросил инструкций. Итальянский получил копию с предварительной словесной ноты его правительства американскому послу, именно от 19 февраля, которая была сообщена всем союзным представителям в Риме, и предполагает, что недоразумение могло произойти из-за этого, так как он после получил другой официальный текст отказа его правительства принять предложение Лансинга. Я должен прибавить, что французский посол ответил Лансингу частным письмом, которое он нам не сообщил, считая совершенно излишним официальный одновременный ответ всех союзных правительств на ноту Лансинга, удивляясь, что этой «частной записке» придают такое «торжественное» значение. Нет сомнения, что общее выступление всех союзных представителей вместе, подтвердив их солидарность, окончательно покончило бы с предложением Лансинга, которое сами американцы признают неудачным и прямой отказ от которого развязал бы правительству руки в переговорах с Германией.

Бахметев.

№ 380. Памятная записка министерства иностранных дел японскому послу в Петрограде Мотоно.

18/5 марта 1916 г.

Confidentiel.

Dans le cas d'un conflit armé entre l'Allemagne d'un côté, la Russie et le Japon d'un autre, ces Puissances auraient à soutenir une lutte trop lourde sans le concours armé de leurs alliés. Par conséquent, en traçant les lignes de l'union russo-japonaise, la nécessité paraît s'imposer de les rapprocher du système politique basé sur les traités existants et de tenir compte du groupement des Puissances qui doit résulter de la guerre actuelle. Ni l'acte de l'alliance franco-russe, ni celui de l'alliance anglo-japonaise ne font de la lutte contre les tendances d'une tierce Puissance de dominer politiquement la Chine un casus foederis. Il serait donc plus prudent que les gouvernements russe et japonais ne s'engagent définitivement à se prêter un concours armé qu'au cas où l'aide militaire de leurs alliés leur aura été assurée.

Pour la même raison, la durée de la convention russo-japonaise devrait être la même que celle de l'alliance anglo-japonaise. Les Puissances contractantes devraient se réserver le droit, pour le cas où l'acte de

cette alliance subirait des modifications ou si elle était dissoute, de demander la révision de la convention qu'elles auraient conclue, afin de la mettre en accord avec la nouvelle situation politique ainsi créée.

Dans l'idée du gouvernement japonais, la convention ostensible projetée mentionnerait expressément le caractère pacifique des moyens dont la Russie et le Japon se serviraient en se prêtant mutuellement concours pour la défense de leurs droits territoriaux et de leurs intérêts spéciaux. Le fait d'une entente entre ces deux Puissances prévoyant l'éventualité d'un concours armé pour la défense de leur politique chinoise, resterait donc inconnu aux diplomaties étrangères. Ceci pourrait disposer les Puissances ayant des tendances hostiles à la Russie ou au Japon à négliger leurs intérêts en Chine, et formerait un danger pour l'accomplissement pacifique des buts qu'elles se proposent d'atteindre en Chine en signant la convention secrète. Pour remédier à ce danger il serait peut être préférable d'omettre les mots «par tous les moyens pacifiques à leur disposition» dans le texte de la convention ostensible en faisant de la disposition à cet effet une des clauses de la convention secrète.

Les effets de la présente convention seraient mieux assurés s'il n'y était pas laissé de place à l'imprévue. Il semblerait donc utile que les gouvernements russe et japonais s'avertissent mutuellement des arrangements internationaux qu'ils se proposeraient de faire concernant leurs intérêts spéciaux en Chine, et que ceux de ces arrangements qui auraient trait à la Chine intérieure ne se fissent qu'après un accord préalable. Des clauses à cet effet pourraient être introduites dans les deux conventions, ostensible [1] et secrète [2].

Les conventions secrètes de 1907, 1910 et 1912 qui ont formé la base des relations de plus en plus amicales entre la Russie et le Japon devraient évidemment rester en vigueur. Pour éviter tout malentendu à ce sujet, ce fait pourrait utilement être mentionné dans une des clauses de la convention secrète.

Le maintien de la paix en Extrême Orient, qui forme un intérêt vital pour les Puissances qui ont des possessions dans cette partie du monde, paraît exiger que le gouvernement central chinois ne tombe sous la domination politique d'aucune Puissance étrangère. Proclamer ouvertement ce principe dans la convention ostensible serait d'autant plus utile qu'on calmerait par là les inquiétudes que cette union russo-japonaise pourrait soulever tant en Chine que dans les pays d'Europe et en Amérique. Le préambule de la convention ostensible pourrait contenir

---

[1] См. приложение 1 к публикуемому документу.

[2] См. приложение 2 к публикуемому документу.

une phrase constatant la résolution des parties contractantes de respecter l'indépendance de la Chine et de maintenir un équilibre des influences étrangères sur le gouvernement chinois.

Перевод.

Доверительно.

В случае вооруженного конфликта между Германией, с одной стороны, и Россией и Японией, с другой, этим державам пришлось бы выдерживать слишком тяжелую борьбу при отсутствии военной поддержки их союзников. Поэтому, намечая линии русско-японского союза, представляется совершенно необходимым приблизить их к политической системе, основанной на существующих договорах, и учесть группировку держав, которая должна создаться в результате теперешней войны. Ни в акте русско-французского союза, ни в акте англо-японского союза борьба против стремления третьей державы к политическому господству в Китае не рассматривается, как casus foederis. Поэтому было бы осторожнее, чтобы российское и японское правительства взяли на себя окончательное обязательство оказывать друг другу вооруженное содействие только в случае обеспечения им военной помощи [со стороны] их союзников.

По тем же соображениям срок русско-японской конвенции должен был бы быть тот же, как и срок англо-японского союза. На случай изменения акта этого союза или его расторжения договаривающиеся державы должны были бы сохранить за собой право потребовать пересмотра заключенной ими конвенции, чтобы согласовать ее с новым политическим положением, созданным в результате этого.

По мысли японского правительства, проектируемая явная конвенция должна была бы прямо упоминать о мирном характере средств, которыми будут пользоваться Россия и Япония при взаимном содействии для защиты их территориальных прав и их особых интересов. В таком случае факт согласия между этими двумя державами относительно возможного в будущем военного содействия в деле защиты их политики в Китае остался бы неизвестным иностранной дипломатии. Это могло бы расположить державы, имеющие тенденции, враждебные России или Японии, к пренебрежению их интересами в Китае, и создало бы опасность для мирного осуществления целей, которых они предполагают достигнуть в Китае подписанием секретной конвенции. Для предотвращения этой опасности, может быть, было бы предпочтительно опустить в тексте явной конвенции слова: «всеми имеющимися в их распоряжении мирными средствами», сделав из данного положения одно из условий секретной конвенции.

Результаты данной конвенции были бы лучше обеспечены, если бы в ней не оставалось места для непредвиденных случаев. Поэтому представлялось бы целесообразным, чтобы российское и японское правительства уведомили бы друг друга о международных соглашениях, которые они предполагали бы заключить относительно их особых интересов в Китае, и чтобы те из этих соглашений, которые относились бы ко внутреннему Китаю, заключались бы только с предварительного согласия. Соответственные статьи могли бы быть включены в обе конвенции, явную и секретную.

Секретные конвенции 1907, 1910 и 1912 гг., служившие основой самых дружественных отношений между Россией и Японией, должны были бы, очевидно,

*

остаться в силе. Во избежание всяких недоразумений по этому поводу было бы полезно об этом факте упомянуть в одной из статей секретной конвенции.

Поддержание мира на Дальнем Востоке, представляющее жизненный интерес для держав, имеющих владения в этой части света, казалось бы, требует, чтобы центральное китайское правительство не подпадало под политическое господство никакой иностранной державы. Открытое провозглашение этого принципа в явной конвенции было бы тем более полезно, что это могло бы уменьшить беспокойство, которое этот русско-японский союз мог бы возбудить как в Китае, так и в странах Европы и в Америке. Вступительная часть явной конвенции могла бы содержать фразу, констатирующую решение договаривающихся сторон уважать независимость Китая и поддерживать равновесие иностранных влияний на китайское правительство.

Приложение I.

Confidentiel

Projet de convention ostensible[1].

Le gouvernement de Russie et le gouvernement du Japon, résolus d'unir leurs efforts pour le maintien d'une paix constante en Extrême Orient, reconnaissent que dans ce but l'indépendance de la Chine doit être respectée et qu'aucune Puissance ne doit chercher à y jouir d'une influence politique prépondérante et s'entendent sur ce qui suit:

I. La Russie ne fera partie d'aucun arrangement ou combinaison politique dirigés contre le Japon.

Le Japon ne fera partie d'aucun arrangement ou combinaison politique dirigés contre la Russie.

II. Dans le cas où les droits territoriaux ou les intérêts spéciaux en Extrême Orient de l'une des parties contractantes reconnus par l'autre partie contractante viendraient à être menacés, la Russie et le Japon se concerteront sur les mesures à prendre en vue de l'appui ou du concours à se prêter pour la sauvegarde et la défense de ces droits et intérêts.

III. Chacune des parties contractantes s'engage à ne faire avec des tierces Puissances aucun arrangement ayant trait aux questions visées à l'article précédent, sans en avoir averti l'autre partie contractante.

Перевод.

Доверительно.

Проект явной конвенции.

Российское правительство и японское правительство, решив объединить свои усилия для поддержания постоянного мира на Дальнем Востоке, признают, что в этих целях необходимо уважать независимость Китая и что никакая дер-

[1] На оригинале помета: «Передано японскому послу 21/8 марта 1916 г.».

жава не должна стремиться пользоваться там преобладающим политическим влиянием, и соглашаются о нижеследующем:

I. Россия не будет участвовать ни в каком соглашении или политической комбинации, направленных против Японии.

Япония не будет участвовать ни в каком соглашении или политической комбинаций, направленных против России.

II. В случае угрозы территориальным правам или особым интересам на Дальнем Востоке одной из договаривающихся сторон, признанных другой договаривающейся стороной, Россия и Япония будут договариваться относительно мер, которые надо будет принять для оказания поддержки или содействия друг другу в целях охраны и защиты этих прав и интересов.

III. Каждая из договаривающихся сторон обязуется не вступать с третьей державой ни в какие соглашения, имеющие отношение к вопросам, предусмотренным в предшествующей статье, не уведомив об этом другую договаривающуюся сторону.

Приложение II.

Confidentiel.

Projet de convention secrète[1].

Le gouvernement de Russie et le gouvernement du Japon se sont entendus sur ce qui suit:

I. Les deux parties contractantes, reconnaissant que leurs intérêts vitaux exigent que la Chine ne tombe sous la domination politique d'aucune tierce Puissance ayant de vues agressives contre la Russie ou le Japon ce qui ne manquerait pas de se produire si une telle Puissance obtenait une situation prépondérante dans l'organisation militaire, administrative ou financière de ce pays, se mettront franchement et loyalement en communication chaque fois que les circonstances l'exigeront, et s'entendront sur les mesures à prendre pour empêcher le développement de la situation en Chine dans le sens susindiqué.

II. Dans le cas où par suite des mesures prises de commun accord comme il est prévu à l'article précédent, la guerre serait déclarée entre l'une des parties contractantes et une des tierces Puissances visées par l'article précédent, l'autre partie contractante, sur la demande de son alliée, lui viendra en aide, et dans ce cas, chacune des parties contractantes s'engage à ne pas faire la paix sans un accord préalable avec l'autre partie contractante.

III. Les conditions dans lesquelles chacune des parties contractantes prêtera son concours armé à l'autre partie contractante, comme il est stipulé à l'article précédent, et les moyens par lesquels ce concours sera

[1] На оригинале помета: «Передано японскому послу 21/8 марта 1916 г.».

effectué, seront établis par les autorités compétentes des deux parties contractantes.

IV. Il est bien entendu toutefois qu'aucune des parties contractantes ne sera tenue à prêter à son alliée l'aide armée prévue par l'article II de la présente convention sans s'être assuré de la part de ses alliés un concours répondant à la gravité du conflit imminent.

Il est également entendu qu'aucune des parties contractantes ne sera tenue à prêter à l'autre partie contractante l'appui et le concours prévus à l'article II de la convention ostensible de ce jour autrement que par des moyens pacifiques.

V. Chacune des parties contractantes s'engage à ne faire avec des tierces Puissances aucun traité, convention ou arrangement politique concernant la Chine intérieure sans un accord préalable avec l'autre partie contractante.

VI. Les conventions secrètes du 30/17 juillet 1907, du 4 juillet /21 juin 1910 et du 8 juillet /25 juin 1912 resteront en vigueur.

VII. La présente convention entrera en vigueur aussitôt après la date de sa signature et restera exécutoire jusqu'au 14/1 juillet 1921. Dans le cas, où aucune des parties contractantes n'aurait notifié, douze mois avant l'échéance de ce terme, son intention de faire cesser les effets de la convention, celle-ci continuera à être obligatoire jusqu'à l'expiration d'une année à partir du jour où l'une ou l'autre des parties contractantes l'aura dénoncée.

VIII. La présente convention restera strictement confidentielle entre les deux parties contractantes.

Перевод.

Доверительно.

Проект секретной конвенции.

Российское правительство и японское правительство договорились о нижеследующем:

I. Обе договаривающиеся стороны, признавая, что их жизненные интересы требуют, чтобы Китай не подпадал под политическое господство какой-либо третьей державы, имеющей агрессивные намерения против России или Японии, что не преминуло бы произойти, если бы такая держава добилась преобладающего положения в военной, административной или финансовой организации этой страны, — вступят в искренние и лойяльные сношения каждый раз, когда этого потребуют обстоятельства, и условятся о мерах, которые надо будет принять для воспрепятствования дальнейшему развитию в Китае вышеуказанного положения.

II. В случае, если вследствие мер, принятых с общего согласия, как это предусмотрено в предшествующей статье, будет объявлена война между одной из договаривающихся сторон и одной из третьих держав, имеющихся в виду

в предшествующей статье, другая договаривающаяся сторона, по просьбе своего союзника, придет ему на помощь, и в этом случае каждая из договаривающихся сторон обязуется не заключать мира без предварительного соглашения с другой договаривающейся стороной.

III. Условия, в которых каждая из договаривающихся сторон окажет вооруженную помощь другой договаривающейся стороне, как это обусловлено в предшествующей статье, и средства, которыми эта помощь будет оказана, будут определены компетентными властями обеих договаривающихся сторон.

IV. Твердо установлено, однако, что ни одна из договаривающихся сторон не будет обязана оказывать своему союзнику вооруженной помощи, предусмотренной в ст. II настоящей конвенции, не обеспечив себе со стороны своих союзников помощи, соответствующей серьезности угрожающего конфликта.

Также установлено, что ни одна из договаривающихся сторон не будет обязана оказывать другой стороне поддержку и содействие, предусмотренные в ст. II явной конвенции от сего дня, иначе, как мирными средствами.

V. Каждая из договаривающихся сторон обязуется не заключать с третьей державой никакого договора, конвенции или политического соглашения относительно внутреннего Китая без предварительного соглашения с другой договаривающейся стороной.

VI. Секретные конвенции от 30/17 июля 1907 г., от 4 июля/21 июня 1910 г. и от 8 июля/25 июня 1912 г. остаются в силе.

VII. Настоящая конвенция вступит в силу тотчас же по ее подписании и сохранит силу до 14/1 июля 1921 г. В случае, если ни одна из договаривающихся сторон не уведомит за двенадцать месяцев до истечения этого срока о своем намерении прекратить действие конвенции, эта последняя сохранит обязательную силу до истечения одного года со дня денонсиации ее той или другой из договаривающихся сторон.

VIII. Настоящая конвенция будет оставаться строго доверительной между обеими договаривающимися сторонами.

№ 381. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

% № 110. 18/5 марта 1916 г.

His Majesty's Embassy is informed that it is being reported in Stockholm that the Germans have completed arrangements for landing troops in Finland in April or the beginning of May, and that they hope then to make a serious impression on the Swedes. These rumours come from Swedes who have German connections.

Перевод.

Великобританское посольство получило известие об имеющихся в Стокгольме сведениях, что германцы закончат приготовления для высадки войск в Финляндии в апреле или начале мая и что они тогда надеются произвести серьезное впечатление на шведов. Эти слухи исходят от шведов, имеющих связи с Германией.

№ 382. Товарищ министра иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 1132 18/5 марта 1916 г.

Телеграмма 67 и письмо 43 получены [1].

Возбуждаем ходатайство перед министерством финансов о выдаче монголам 400 000 рублей. Считаем, однако, что это не избавляет монгольское правительство от обязанности изыскать средства к хотя бы частичному удовлетворению претензий солдат Бабучжаба, не рассчитывая в этом случае непременно на нашу ссуду. Волнения среди солдат Бабучжаба были бы нежелательны и для монгольского правительства [2].

Нератов.

№ 383. Статс-секретарь по иностранным делам Грей английскому послу в Петрограде Бьюкенену.

Телеграмма № 615 [3]. 18/5 марта 1916 г.

For Paris № 671.

«As United States Government desire some answer, His Majesty's Government have instructed Spring-Rice to concert with the French Ambassador, and any of his colleagues which may be ready, with a view of giving an identical reply in form, which French Ambassador thinks best. Spring-Rice has also been instructed to add a verbal assurance, to the effect that all arms on British merchant ships are destined purely for defensive purposes. You should bring above to the knowledge of French Government at once, and urge them to send necessary instructions to their Representative at Washington, to cooperate with Spring-Rice with least possible delay. His Majesty's Government are informing

---

[1] Тел. от 16/3 марта за № 67 Миллер сообщал Сазонову: «Частичное удовлетворение претензии солдат Бабучжаба зависит от решения, которое будет принято по содержанию моего донесения министру от [26]13 февраля за № 43». Донесение за № 43 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] В деп. от 5 апр./23 марта за № 91 (см. стр. 265, прим. 1) Миллер писал Сазонову, что монг. прав-во «продолжает вести бесплодные пока переговоры с Бабучжабом. На требование сдать оружие и, воспользовавшись амнистией, уйти к себе на родину, Бабучжаб отвечает заверениями своей преданности хутухте и требует уплаты жалования своим солдатам, грозя в противном случае грабежами». «В ставке Бабучжаба, — указывал далее Миллер, — находятся несколько японцев. Саин Ноин-хан высказал мне недавно опасение, не снабжает ли Япония Бабучжаба оружием и не обещала ли она ему свою поддержку, чем, по его мнению, и объясняется упорство Бабучжаба».

[3] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

other Allied Governments of steps which are being taken, and are urging them, if they are not ready to join in reply now, to act independently with least possible delay».

Перевод.

Для Парижа № 671.

«Ввиду того что правительство Соединенных штатов желает получить какой-нибудь ответ, правительство его величества предписало Спринг-Райсу договориться с французским послом и теми из его коллег, которые могут быть к этому готовы, относительно того, чтобы дать идентичный ответ в форме, которую французский посол сочтет наилучшей. Спринг-Райсу поручено также дать дополнительно в устной форме заверения, что все вооружение на британских торговых судах предназначено исключительно на оборонительные цели. Вам надлежит немедленно довести о вышеизложенном до сведения французского правительства и побудить его послать необходимые инструкции его представителю в Вашингтоне относительно совместных действий с Спринг-Райсом в возможно кратчайший срок. Правительство его величества ставит в известность другие союзные державы о предпринятых шагах и настойчиво советует им, если они не готовы присоединиться к ответу в настоящий момент, действовать самостоятельно как можно скорее».

№ 384. Посланник в Черногории министру иностранных дел.

Телеграмма № 21. Бордо, 18/5 марта 1916 г.

Копия в Париж.

Вручил верительные грамоты. В последовавшей затем беседе со мною король высказал желание отправиться через некоторое (время) в Россию, где, как он выразился, он считал бы своим долгом пребывать в настоящее время при особе государя императора в качестве русского фельдмаршала. Предварительно принятия окончательного решения по означенному вопросу, король предполагает посоветоваться с императорским послом в Париже, куда его величество собирается съездить для свидания с президентом республики [1]. После этой беседы я был принят королевой Миленой и княжнами Ксенией и Верой. Текст ответа короля на мое обращение высылаю курьером [2].

Иславин.

Безусловно отклоняю приезд короля Николая в Россию во время войны.

Царская ставка, [21]8 марта 1916 г.

---

[1] В деп. от 19/6 марта за № 4 Иславин высказывал предположение, что мысль черног. короля о поездке в Париж вызвана в известной мере полученными им сведениями о предстоящем приезде в Париж серб. королевича. Тел. от 22/9 марта за № 1189 Сазонов сообщил, что Николай II отклонил приезд короля Николая в Россию во время войны.

[2] Тексты речей Иславина и короля при вручении верительных грамот были препровождены Иславиным при деп. от 18/5 марта за № 2. Иславин, между

№ 385. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 1140. 19/6 марта 1916 г.

По сведениям из весьма секретного источника, австрийский и болгарский посланники в Бухаресте, с целью вывести Румынию из неопределенного нейтралитета и привлечь ее на сторону австро-германского блока, готовятся предпринять энергичные действия вплоть до угроз, чтобы добиться свержения Братиану и замены его Маргиломаном [1]. Можете доверительно, не называя источника, предупредить Братиану [2].

Сазонов.

№ 386. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 200. 19/6 марта 1916 г.

Спешно. Секретно.

М. г. Петр Львович,

Из поступающих во вверенное мне министерство из разных местностей Персии сведений усматривается, что курс рубля продолжает понижаться и вместе с тем положение наших учреждений, торговцев и в особенности наших войск в этой стране становится с каждым днем все более затруднительным.

К сожалению, вопрос о возобновлении нашего вывоза в Персию, единственно способного радикально повлиять на курс наших денег, хотя принципиально и решенный в довольно удовлетворительном смысле в бытность в Тегеране директора департамента таможенных сборов д. с. с. Шателена, почему-то до сего времени продолжает тормозиться на Кавказе. К тому же этот способ поднятия ценности рубля не может устранить одну из существенных причин низкого курса, а

прочим, заявил, что твердое решение короля «продолжать борьбу после вторжения неприятеля на его территорию будет принято с чувством большого удовлетворения всей Россией». Свою речь король закончил словами, что он верит в успех держав Согласия, которые поставили своей задачей «поддерживать свободу и справедливость и сохранить независимость государств, которые по своему прошлому имеют право на существование».

[1] Об этом Фашиотти сообщал Соннино тел. от 15/2 марта за № 100 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел).

[2] В ответной тел. от 23/10 марта за № 163 Поклевский передал Сазонову, что Братиану надеется справиться с внутренними затруднениями, но «в настоящий критический период ему особенно нужна наша поддержка», которая должна, по его мнению, выразиться в содействии доставке в Румынию военных припасов для усиления ее боевой готовности.

именно недостатка туземной монеты в стране, недостаток, который, ввиду трудности подвоза в Персию серебра, едва ли скоро возможно будет устранить.

При таких условиях я полагал бы весьма желательным приступить ныне же к осуществлению меры, которая намечалась в секретном письме вашего высокопревосходительства от [6 декабря] 23 ноября м. г. за № 10550, а именно, к выпуску нашим Учетно-ссудным банком Персии проектированных военных чеков на указанных вами основаниях [1].

Из отзывов нашего посланника в Тегеране, который в свое время был о том запрошен, усматривается, что с местной точки зрения мера эта, при осторожном ее проведении, едва ли может вызвать какие-либо неудобства и во всяком случае должна быть признана гораздо более подходящей, чем намечаемое нашими военными властями введение принудительного обращения в местах расположения наших войск русских кредитных билетов по фиксируемому теми же властями курсу. Что касается возражений, которые введение чеков встречало раньше со стороны августейшего наместника его императорского величества на Кавказе, то они ныне устранены, как вы изволите убедиться из прилагаемых при сем в копиях моей телеграммы великому князю от [17] 4 мин. февраля за № 645 [2] и ответной мне генерала Янушкевича от [23] 10 февраля, № 2353 [3].

---

[1] В письме Сазонову от 6 дек./23 ноября 1915 г. за № 10550 Барк, отмечая падение курса русского рубля в Персии, предлагал выпустить чеки определенных достоинств на предъявителя на следующих условиях: чеки выпускаются «с оплатой исключительно в упомянутых на самых знаках учреждениях Учетно-ссудного банка Персии персидской серебряной монетой по предъявлении, причем подписываются русскими военными властями; предельным сроком предъявления их к размену назначается пятилетний. Выпуск ограничивается местами расположения наших военных отрядов и, в частности, вовсе не будет производиться в столице Персии».

[2] В тел. вел. кн. Николаю Николаевичу от 17/4 февр. за № 645 Сазонов, высказываясь за предложенную Барком комбинацию с военными чеками, отмечал, что, «по наведенным справкам, наш банк мог бы в течение месяца изготовить чеков примерно на 2 000 000 кран, при обеспечении их размена достаточным запасом персидской монеты в кассах банка». Сазонов просил Николая Николаевича пересмотреть этот вопрос, но указывал при этом, что скорейшее разрешение вывоза русских товаров в Персию он считает «также необходимым, как единственное радикальное средство к поднятию курса рубля».

[3] В тел. от 23/10 февр. за № 2353 Янушкевич сообщил Сазонову по поручению вел. кн. Николая Николаевича: «Ввиду желания вашего и министра финансов ввести в Персии военные чеки на наш банк, препятствий осуществить предлагаемую меру не имеется, с тем чтобы урегулирование этого вопроса всецело приняло на себя министерство финансов. Что касается вывоза товаров

Принимая во внимание, что чеки будут выпущены нами в связи с настоятельнейшей потребностью военного времени, я не предвижу никаких возражений против этой меры со стороны великобританского правительства, с которым, в крайнем случае, вам можно будет сговориться на этот счет. Вместе с тем, однако, в зависимости от того, насколько система этих чеков привьется в Персии, она может оказаться полезной для нас и впоследствии, как некоторый способ компенсации для нашего банка в противовес монопольному эмиссионному праву, коим пользуется английский Шахиншахский банк.

Обращаясь, ввиду изложенного, к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой уведомить меня, не будет ли признано возможным теперь же разрешить нашему банку приступить к выпуску чеков, считаю долгом присовокупить, что, в согласии с высказанным вами пожеланием, я не премину со своей стороны преподать нашим учреждениям в Персии надлежащие указания, дабы они всеми средствами способствовали свободному обращению сказанных чеков.

В ожидании отзыва вашего о последующем в возможно непродолжительном времени, пользуюсь случаем и пр.

Сазонов.

№ 387. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 187. 19/6 марта 1916 г.

Лично.

Ссылаюсь на свою телеграмму за № 178 [1].

Палеолог, телеграфируя в ответ на телеграмму Бриана, высказал ему, что французское правительство может быть вполне уверено в «мудрости и либерализме» русского правительства в польском вопросе. Я могу удостоверить, что телеграмма Бриана была отправлена под сильным давлением со стороны некоторых здешних политических кругов, поддающихся уже отмеченной мной польской пропаганде и настойчиво требующих вмешательства союзников в польский вопрос. Мне известно, при этом, что, решаясь, в угоду этим кругам, на дружеские представления в Петрограде в пользу поляков, Бриан понимает всю опасность подобных выступлений и, главным образом, имеет в виду положить предел дальнейшим настояниям в этом направлении. Во избежание каких-либо недоразумений не откажите уведомить меня,

в Персию, то этот вопрос вырешился окончательно в приезд в средине января в Тифлис директора таможенных сборов и ныне ожидается только санкция министра финансов».

[1] См. № 374.

правильно ли передал Палеолог ваш ответ. Его телеграмма составлена в весьма дружественном к нам тоне и содержит успокоительные сведения тоже из польских источников насчет опасности рекрутского набора и успеха германской пропаганды в занятых неприятелем польских областях.

Извольский.

№ 388. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 113 [1]. 20/7 марта 1916 г.

His Majesty's Embassy has been instructed to call the attention of the Russian Government to the following article of the proposed arrangement regarding Arabia and Asia Minor [2] which has formed the subject of negociations with Sir Mark Sykes and Mr. Picot:

«For a period of 20 years the existing turkish customs tariff shall remain in force throughout the whole of the blue and red areas as well as in areas (A) and (B), and no increase in the rates of duty or conversion from ad valorem to specific rates shall be made except by agreement between the two Powers.

There shall be no interior customs barriers between any of the above mentioned areas. The customs duties leviable on goods destined for the interior shall be collected at the port of entry, and handed over to the administration of the area of destination».

His Majesty's Embassy are instructed, further, to express the earnest hope that the Russian Government will agree to these conditions being extended to any Turkish territory which may be included within the Russian sphere.

Перевод.

Посольству его величества поручено обратить внимание российского правительства на следующую статью в проекте договора касательно Аравии и Малой Азии, который составил предмет переговоров с сэром Марком Сайксом и г. Пико:

«В течение 20 лет существующий турецкий таможенный тариф останется в силе на всем протяжении синей и красной зон, а также в зонах (A) и (B) и никакое повышение в размере таможенных пошлин или замена пошлин ad valorem специфицированными пошлинами не могут быть сделаны без согласия на то обеих держав.

Не будет внутренних таможен между какими-либо из вышеупомянутых зон. Таможенные пошлины, собираемые с товаров, предназначенных внутрь страны,

---

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 165.

[2] См. № 332.

будут взиматься в портах их поступления и передаваться администрации зоны, для которой эти товары предназначены».

Далее посольству его величества поручено выразить твердую надежду, что российское правительство согласится на распространение этих условий на всякую турецкую территорию, которая может быть включена в русскую зону.

№ 389. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 1161[1]. 20/7 марта 1916 г.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 1037[2].

По обсуждении положения, создавшегося вследствие получения Шахиншахским банком права на ввоз и чеканку серебра за его собственный счет для покрытия банкнот[3], министр финансов пришел к заключению, что нам ныне неудобно отказываться от соглашения, состоявшегося в 1913 г. в Лондоне между нашим и английским банками. Он согласен на подписание совместного контракта с персидским правительством, но с некоторыми оговорками.

1. Необходимо добиться и для нашего банка права ввозить и чеканить серебро за его собственный счет, как на предмет удовлетворения его вкладчиков, так и, в частности, на время войны, для снабжения наших войск и учреждений. В крайнем случае нужно хотя бы только временное право на последнюю из указанных надобностей.

2. Необходимо установить очередь чеканки для обоих банков на началах равноправия.

3. На случай, если бы производительность тегеранского монетного двора оказалась недостаточной, желательно обусловить возможность чеканки вне пределов Персии.

Подробности вам сообщит Видеман, коему окажите энергичную поддержку к возможно быстрому окончанию этого дела, так как через месяц уже может начаться выпуск наших военных чеков, появление коих могло бы очень осложнить и затормозить дело.

Сазонов.

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 358.

[3] Тел. от 14/1 марта за № 221 Эттер сообщал Савонову: «Марлинг наконец добился согласия персидского правительства на предоставление права английскому банку ввозить серебро за свой счет для покрытия выпуска банкнот. В совместном договоре банков придется поэтому исключить статью об исключительном праве персидского правительства ввозить серебро. Видеман и Модель сегодня будут совещаться по этому вопросу с Вудом».

№ 390. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 1167. 20/7 марта 1916 г.
Лично.

Ваша телеграмма № 187 получена[1].

Говоря о полученных вами указаниях (моя телеграмма № 948 [2]), французский посол заявил мне от имени Бриана, что о передаче польского вопроса на международное обсуждение не может быть и речи. С своей стороны, не вдаваясь в подробности, я сказал послу, что в России и правительство, и общество одушевлены наилучшими намерениями в смысле удовлетворения пожеланий поляков.

Сазонов.

№ 391. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 156. 20/7 марта 1916 г.
Лично. Весьма доверительно.

Проездом через Бухарест лэди Пэджет [3] сообщила Барклаю и мне о чрезвычайных знаках внимания, которые были оказаны ей в Болгарии королевой, правительством, военными и гражданскими властями и всеми кругами общества. Она, повидимому, беседовала со многими на политические темы, и ей удалось отметить все усиливающуюся в болгарских военных кругах и населении враждебность к немцам, переходящую часто в открытые конфликты. Помянутая англичанка выводит из этого заключение, что Болгария раскаивается в своем поступке и что наступил теперь для Четверного согласия момент протянуть руку Болгарии и заключить с ней отдельный мир, который признал бы за Болгарией ее новые приобретения в Сербии. Согласие должно также (удерж)ивать (в) нейтралитете Румынию и Грецию и вообще торопиться с заключением мира с Болгарией, так как иначе последняя скоро нападет на Румынию. Лэди Пэджет также находит, что не следует ждать каких-либо предварительных шагов со стороны Болгарии, но инициативу переговоров с последней должна немедленно взять на себя Англия. На мои расспросы о том, каким образом произойдет переворот в политике Болгарии и может ли Четверное согласие рассчитывать на активное содействие Болгарии на Балканах, лэди Пэджет отвечала крайне смутно. Вообще из ее слов невольно напрашивается заключение, что

---

[1] См. № 387.

[2] См. № 325.

[3] Леди Пэджет возглавляла санитарную миссию, посланную англ. прав-вом в Сербию в феврале 1916 года.

она высказывает внушенные ей болгарами при помощи разных любезностей мысли, что пока болгары стремятся к заключению отдельного мира с Согласием лишь для того, чтобы добиться от последнего признания их новых приобретений и то при условии сохранения остальными балканскими государствами их нынешнего status quo [1].

Поклевский.

№ 392. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 230. 20/7 марта 1916 г.

Против председателя совета министров уже замечаются интриги. Так как весьма важно воспользоваться его пребыванием у власти, чтобы провести наши пожелания, желательно было бы ускорить разрешение военного и финансового вопросов. Желательно также поспешить с выдачей шаху субсидии в 100 000 рублей, что также поспособствует упрочению положения Сепехдара [2].

Эттер.

№ 393. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петрограде Бьюкенену [3].

21/8 марта 1916 г.

En réponse à l'aide-mémoire en date du 20/7 mars a. c. [4] le ministère impérial des affaires étrangères a l'honneur de porter à la connaissance de l'ambassade de sa majesté britannique que le gouvernement russe tout en prenant acte de l'arrangement survenu entre la France et l'Angleterre au sujet du maintien d'anciens tarifs douaniers turcs, pendant la période de 20 ans dans les zônes anglo-françaises en Turquie d'Asie,

---

[1] В тел. от 22/9 марта за № 104 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) итал. посланник в Бухаресте Фашиотти также сообщал Соннино о проезде леди Пэджет, которая в беседе с ним сказала, со слов болг. королевича, что король Фердинанд «вернулся очень недовольным из своего путешествия в Германию и Австро-Венгрию» (см. стр. 378, прим. 4). Радославов, якобы, сказал ей, что «Болгария удовольствуется Македонией и что она не хочет иметь ничего более»; по мнению леди Пэджет, если война продолжится, то «Болгария кончит тем, что бросится на Румынию, не желая ввязываться в действия против Салоник».

[2] Тел. от 22/9 марта за № 1190 Клемм ответил Эттеру, что деньги для шаха переведены.

[3] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 166. Публикуемая пам. записка была в тот же день сообщена Палеологу.

[4] См. № 388.

croit devoir formuler certaines réserves quant à l'extention de cette mesure aux territoires de l'Asie Mineur qui seront annexés à la Russie.

Les intérêts économiques et commerciaux de ces régions à la suite de leur situation géographique sont tellement liés avec ceux de la Russie qu'il serait impossible d'y ériger des barrières douanières. D'autre part, la Russie voudrait se réserver sous ce rapport toute liberté d'action pour mieux utiliser ses ressources financières lors de la liquidation de la guerre.

Enfin pour des raisons d'ordre politique le gouvernement russe serait obligé de procéder à l'incorporation complète des provinces en question à l'Empire russe et par conséquent ne saurait y admettre l'établissement d'un régime douanier exceptionnel différent de celui en vigueur dans l'Empire [1].

Перевод.

В ответ на памятную записку от 20/7 марта с. г. императорское министерство иностранных дел имеет честь сообщить посольству его британского величества, что российское правительство, принимая к сведению соглашение, состоявшееся между Францией и Англией по вопросу о сохранении в течение 20 лет в англо-французских зонах Азиатской Турции прежнего таможенного турецкого тарифа, считает своим долгом формулировать некоторые оговорки касательно распространения этой меры на те территории Малой Азии, которые будут присоединены к России.

Экономические и торговые интересы этих областей, в силу их географического положения, до такой степени связаны с интересами России, что было бы невозможно установить здесь таможенные преграды. С другой стороны, Россия хотела бы сохранить за собой в этом отношении полную свободу действий для лучшего использования своих финансовых средств в момент ликвидации войны.

Наконец, по соображениям политического характера, российское правительство может оказаться вынужденным приступить к полному включению означенных провинций в состав Российской империи, а следовательно, не могло бы допустить установления особого таможенного тарифа, отличного от действующего в империи.

---

[1] Пам. запиской от 29/16 марта за № 127 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 170) Бьюкенен известил Сазонова, что в ответ на его тел., передававшую содержание публикуемой пам. записки, Грей сообщил, что, хотя «правительство его величества не желает настаивать перед российским правительством на предложении сохранить прежний турецкий тариф на тех территориях Малой Азии, которые Россия могла бы аннексировать, посольству его величества следует продолжать требовать предоставления российским правительством льгот свободного транзита английских товаров через указанные территории».

№ 394. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 160. 21/8 марта 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Вчера, [20] 7 марта, председатель совета министров, отвечая на запрос депутата Спиромильо, известного агитатора Химары, относительно занятия итальянцами части Северного Эпира [1], заявил в палате депутатов, что итальянский отряд очистил местность и что правительство имеет письменное заверение итальянской миссии, что итальянским войскам указано не переходить черты греческой оккупации, признанной Италией [2]. Министр иностранных дел высказал при этом уверенность, что «Северный Эпир в настоящем его разграничении составляет отныне нераздельную часть греческого королевства...»

Демидов.

№ 395. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1182 [3]. 22/9 марта 1916 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 189 [4].

Вследствие разных затяжек со стороны румын наши переговоры с ними едва начались и пока ограничиваются только взаимным осведомлением по военным вопросам. Мне кажется, что в такой стадии вмешательство в них третьих держав было бы скорее вредно, чем полезно для дела.

Что касается в частности Италии, то, по нашим вполне достоверным сведениям, влияние ее в Бухаресте совершенно ничтожно.

Сазонов.

---

[1] Тел. от 22/9 марта за № 272 Гирс сообщил о протесте греч. посланника в Риме «по поводу занятия итальянскими войсками местности, находящейся будто бы, в Эпире». Соннино на это якобы ответил, что «ему ничего неизвестно и что он запросит военные власти».

[2] См. № 409.

[3] Опубл. Ц. Р., стр. 214.

[4] Тел. от 20/7 марта за № 189 (опубл. Ц. Р., стр. 213) Извольский просил, ввиду предстоящей конференции, осведомить его о положении переговоров между Россией и Румынией. «Из неофициального, но вполне надежного источника, — сообщал Извольский, — здесь имеется сведение, что переговоры эти были бы ускорены и облегчены, если бы они велись не только между Россией и Румынией, но при участии других союзников. Особенно полезную роль могла бы сыграть Италия, военный агент [коей] в Бухаресте будто бы пользуется большим влиянием».

№ 396. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 195. 22/9 марта 1916 г.

Меня посетил сегодня Пашич. Разговор коснулся предстоящей конференции, в которой ему предложено принять участие. Я разъяснил ему, что конференция рассмотрит лишь вопрос о согласовании плана наступательных действий союзников и не коснется никаких общих политических вопросов; при этом я дал ему совет вообще не поднимать здесь разговора о будущем территориальном устройстве Балканского полуострова. Он высказал мне намерение ограничиться обсуждением вопросов, касающихся реорганизации сербской армии и финансовых нужд сербского правительства.

Извольский.

№ 397. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 196 [1]. 22/9 марта 1916 г.

Копия в Лондон.

Сюда несколько времени тому назад прибыл Завриев; основываясь на прежних ваших указаниях, я оказал ему содействие к свиданию с Брианом, которому он сообщил план переговоров с Джемалем при посредстве доверенных лиц, которых он предлагал отправить в Египет [2]. Бриан оказал Завриеву внимательный прием, но дал ему уклончивый ответ, ссылаясь на неопределенность сведений о положении Джемаля и пригодности его к предназначаемой ему роли. От меня Бриан не скрыл, что он находит неудобным вступать в какие-либо переговоры с Джемалем, ибо считает таковые несовместимыми с англо-французским проектом устройства Азиатской Турции, о котором ведутся переговоры в Петрограде. Об отрицательном решении Бриана я сообщил Завриеву, который уезжает на-днях в Петроград.

Извольский.

№ 398. Управляющий генеральным консульством в Индии министру иностранных дел.

Телеграмма [3]. 22/9 марта 1916 г.

Телеграмма за № 1143 получена [4].

Индийское правительство продолжает уверять, что в Афганистане не делается каких-либо серьезных приготовлений, что эмир действует

---

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 167.

[2] См. № 32 и прим. 3 к нему.

[3] Номер отсутствует.

[4] Тел. от 19/6 марта за № 1143 Клемм сообщил в Калькутту о полученных из Бухары и Ташкента сведениях, что «ожидается приезд сына афганского эмира

*

в самом благожелательном смысле для России и Англии. Поездка его сына и собрание старейшин обычны, будто бы, и по случаю ноуруза. Не отрицая серьезности положения в Афганистане вообще по случаю пребывания там германских агитаторов, индийское правительство считает, однако, в данный момент положение удовлетворительным. О всех переменах секретарь по иностранным делам обещал держать генеральное консульство в курсе дел.

Лисовский.

№ 399. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 10. 22/9 марта 1916 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ликование в правительственных кругах по поводу успехов, одержанных северными войсками над юнаньскими мятежниками в провинции Сычуан [1], продолжалось недолго. Как я имел честь уведомить о том ваше высокопревосходительство секретной телеграммой от [17] 4 сего марта за № 112 [2], на прошлой неделе здесь неожиданно получилось известие о присоединении к восстанию провинции Гуаньси, что произвело в Пекине удручающее впечатление.

С чисто военной точки зрения присоединение Гуаньси к восстанцам мало чем увеличивает их силы и в этом отношении не является особенно опасным для центрального правительства. Оно лишь ставит в затруднительное положение отправленную для занятия Мэнгцзы экспедицию генерала Лун Цзин-гуаня, брата кантонского цзяньцзюня, которая, таким образом, оказывается окруженной со всех сторон мятежниками.

Гораздо более серьезным, однако, является моральное и политическое значение помянутого события. Юань Ши-кай и его сторонники

в Мазари-Шериф или Бальх, где будто бы состоится совещание старейшин и влиятельных людей Афганистана, после чего последует объявление священной войны. Вывоз скота и продуктов из Афганистана строжайше воспрещен. Предстоит будто бы сосредоточение афганских войск к Герату».

[1] В деп. от 15/2 марта за № 8 Крупенский сообщал, что «за последнее время известия с юга носят более благоприятный для китайского правительства характер. Правительственные войска успешно действуют против мятежников и им удалось взять обратно город Суй-чжоу в Сычуанской провинции и некоторые другие».

[2] Тел. от 17/4 марта за № 112 Крупенский сообщил о полученном кит. правительством заявлении властей и нотаблей провинции Гуаньси, что «если в трехдневный срок оно не откажется окончательно от восстановления монархии, провинция Гуаньси присоединится к юнаньскому восстанию».

могут теперь не без основания опасаться, что и богатая приморская провинция Гуаньдун последует примеру соседнего Гуаньси, что позволило бы мятежникам свободно получать морем оружие, военные припасы и денежные средства. Существуют также сомнения и относительно провинции Хунань.

Если восстание, таким образом, распространится, то следует ожидать, что японцы, не скрывающие своей радости по поводу оборота, который начинают принимать события на юге, признают отложившиеся провинции в качестве воюющей стороны, что, конечно, поведет к еще большему усилению восстанцев. По весьма распространенным здесь слухам, целью японской политики в настоящую минуту является именно разделение Китая на два или даже три отдельных государства с различной формой правления.

При таких обстоятельствах необычайную важность приобретает вопрос о том, какое положение в конце концов займет оставшийся доселе вполне верным центральному правительству гуаньдунский цзянь-цзюнь Лун Цзин-гуань, за всяким движением которого теперь следят отсюда с живейшею тревогою. С другой стороны, Юань Ши-кай весьма озабочен также предотвращением присоединения к восставшим нанкинского цзянь-цзюня Фын Го-чжана [1] и, чтобы привлечь на свою сторону этого влиятельного генерала и некоторых других сановников, подобно ему не сочувствующих монархии, он подумывает даже, как мне известно из достоверных источников, о том, чтобы торжественно объявить о своем окончательном отказе от восстановления в свою пользу императорской власти. Во всяком случае нужно полагать, что в ближайшем будущем события в Китае примут более определенный поворот в ту или другую сторону.

С глубоким почтением и пр.

В. Крупенский.

P.S. На состоявшемся сейчас у президента прощальном для меня завтраке [2], на коем кроме меня присутствовал только министр иностранных дел, последний сообщил мне, что сегодня вечером появится декрет президента, который, по мнению правительства, должен произвести успокоительное впечатление на всю страну. В этом декрете Юань Ши-кай заявляет, что высказанное за последнее время недовольство против монархии со стороны некоторых провинций убеждает его в том, что он был введен в заблуждение, когда, движимый чув-

[1] См. № 210.

[2] См. стр. 220, прим. 2.

ством патриотизма и преклоняясь перед волею народа, он согласился на восстановление монархии в Китае. Поэтому ныне он возвращает все полученные им петиции по сему поводу в распущенную было совещательную палату, ныне созываемую на новую сессию в качестве законодательного органа, дабы заняться пересмотром вопроса о монархии. При этом президент лично высказывается за сохранение республиканского образа правления.

Декрет будет контрассигнирован Сюй Ши-чжаном, согласившимся снова занять должность государственного секретаря, которую он покинул, не сочувствуя монархическому движению. Вице-президент Ли Юань-хун равным образом выказал готовность возвратиться к председательствованию в палате, от коего он совершенно было устранился. Г. Лу Чжен-сян, уступая пост государственного секретаря Сюй Ши-чжану, продолжает, однако, оставаться попрежнему министром иностранных дел.

При этих условиях весьма вероятно, что и некоторые другие удалившиеся от дел сановники снова войдут в состав правительства, и можно полагать, что такой оборот дела окажет на общественное мнение успокаивающее воздействие, хотя сам Юань Ши-кай, несомненно, и потеряет при этом значительную долю своего престижа.

Ut in litteris

В. Крупенский.

№ 400. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при Ставке Базили.

Телеграмма № 2012 (1212)[1]. 23/10 марта 1916 г.

Благоволите передать генералу Алексееву нижеследующее:

Вследствие настояний генерала По и полковника графа Игнатьева, французское правительство поручило своему послу вновь осведомиться, действительно ли соответствует нашим видам использование отправленной через Владивосток русской бригады на македонском фронте, вместо западного[2]. Основываясь на высказанном уже его императорским величеством сочувствии этому предложению, я счел долгом подтвердить, что направление бригады на Салоники вполне отвечает нашим пожеланиям. Я прибавил, что по политическим соображениям я даже особенно настаивал бы теперь на этом, так как появление наших войск на болгарском фронте послужило бы лучшим ответом на

[1] Так в оригинале.
[2] См. № 369 и прим. 3 к нему.

распространяемые в Румынии нашими противниками слухи, будто Россия не хочет выступать против болгар[1]. Вследствие вышеизложенного я был бы весьма признателен вашему высокопревосходительству, если бы вы нашли возможным телеграфировать в том же смысле генералу Жоффру.

Сазонов.

№ 401. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 127. 23/10 марта 1916 г.

A ma question Nicolson me dit que Dmowsky[2] avait produit sur lui l'impression d'un homme pondéré et sérieux, supérieur à majorité des polonais qu'il avait rencontrés. Qu'il avait été frappé de le trouver aussi anti-autrichien que anti-allemand, très polonais, mais très slave. Il me dit que Dmowsky s'était expliqué de façon complètement loyale à Russie. Si à Paris question avenir de la Pologne commence à occuper le public, il n'est de même à Londres où gouvernement ne pense encore qu'à question ravitaillement considérablement plus sérieuse que jusqu'ici. Dois pourtant signaler que ce calme est dû grande partie à confiance complète qu'inspire le manifeste du grand duc, comme émanant nécessairement du... Principe de nationalités, au cours de la guerre, a pris ici racine si profonde, qu'il est considéré aujourd'hui presque comme raison de l'entrée de l'Angleterre en guerre. Telle est l'impression de tout le public, et le gouvernement s'y est associé pleinement et je ne doute pas qu'à la paix la constitution d'une Pologne autonome ne trouve en Angleterre un... extrêmement puissant qui ne devra influencer nécessairement sur les intimes rapports futures entre les deux Empires.

Benckendorff.

Перевод.

На мой вопрос Никольсон сказал мне, что Дмовский произвел на него впечатление уравновешенного и серьезного человека, стоящего выше большинства

[1] См. № 312. В тел. от 24/11 марта за № 201 Извольский также сообщал о распространении во франц. политических кругах слуха, будто бы «продолжая питать традиционные симпатии к Болгарии, мы стремимся оградить ее от слишком суровой кары и отказываемся от посылки наших войск в Добруджу, дабы избежать прямого столкновения с болгарами». Опровергая эти слухи, Извольский, по его словам, указывал, что лучшим доказательством их неосновательности является согласие России на посылку бригады в Салоники.

[2] См. № 361.

поляков, которых он встречал; что он был поражен, найдя его столь настроенным как против Австрии, так и против Германии; вполне поляком, но и вполне славянином. Он сказал мне, что Дмовский высказывался совершенно лойяльно по отношению к России. Если в Париже вопрос о будущности Польши начинает занимать общественное мнение, дело обстоит не так в Лондоне, где правительство думает пока только о вопросе снабжения, гораздо более серьезном, чем до сих пор. Должен, однако, отметить, что это спокойствие в значительной мере вызывается полным доверием к манифесту великого князя, с необходимостью вытекающему из... Национальный принцип пустил здесь во время войны столь глубокие корни, что почти признается в настоящее время причиной для вступления Англии в войну. Таково впечатление всех общественных кругов, правительство полностью к нему присоединилось, и я не сомневаюсь, что при заключении мира образование автономной Польши найдет в Англии крайне мощную..., которая с неизбежностью окажет влияние и на будущие сердечные отношения обеих империй.

Бенкендорф.

№ 402. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 128. 23/10 марта 1916 г.

Ai revu Dmovsky qui m'avait envoyé son mémoire que vous transmet Iswolsky par courrier. Je lui dis que je ne pouvais méconnaître la valeur et le poids de ses arguments dont une partie notable mérite selon moi sérieuse considération, surtout celle qui traite de l'importance de l'élément polonais comme facteur pour défense future et actuelle des intérêts slaves contre visées germaniques. Je lui dis que je croyais insuffisante et peu claire la dernière partie de son mémoire et que sa rédaction prêtait selon moi à de graves malentendus. J'observai que unique base organisation Pologne future serait le manifeste du grand duc avec les...[1] qu'il comporte, ainsi que une décision souveraine russe pure et simple. Dmovsky qui me parut frappé par mes paroles me dit aussitôt qu'il regrettait vivement l'impression produite sur moi par sa rédaction, mais que tout le mémoire, qu'il croyait explicite à ce sujet, n'avait autre base que celle que je formulais et que toute sa théorie decoulait de la nécessité de décision dûe à initiative souveraine russe indispensable au premier chef et qu'il se représentait le rôle des Puissances comme s'associant secondairement. Il dit qu'il espérait avant la paix (à) une solution en principe purement russe de reconstitution de la Pologne dans mesure décidée par Russie. Il ajouta que rôle qu'il prêterait aux Puissances se bornerait à accéder ultérieurement, mais qu'à

[1] В черновике, хранящемся в архиве б. росс. пос-ва в Лондоне, пропущенное слово читается: «amplifications» («дополнениями»).

ce point de vue il y attacherait importance sérieuse, tant au point de vue polonais, qu'à celui des intérêts slaves et même à celui des alliés eux-mêmes. Il me dit qu'il se rendrait incessamment à Pétrograd et espérait avoir occasion de s'expliquer de manière à ne laisser aucun doute sur but et signification de son mémorandum et qu'il espérait pouvoir vous entretenir dès son arrivée.

Benckendorff.

Перевод.

Я снова виделся с Дмовским, который прислал мне свой мемуар, отправляемый вам Извольским с курьером. Я сказал ему, что не могу не признать значения и вескости его доводов, существенная часть которых заслуживает, по-моему, серьезного рассмотрения, особенно та часть, в которой говорится о значении польских элементов как фактора для защиты в будущем и в настоящее время славянских интересов против германских планов. Я сказал ему, что считаю недостаточной и довольно неясной последнюю часть его мемуара и что ее редакция, по-моему, может подать повод к серьезным недоразумениям. Я заметил, что единственной основой организации будущей Польши явился бы манифест великого князя с допускаемыми им..., равно как и решение русского царя, простое и ясное. Дмовский, который, казалось, был поражен моими словами, сказал мне тотчас же, что очень сожалеет о впечатлении, произведенном на меня его редакцией, но что его мемуар, который он считал исчерпывающим по этому вопросу, не имел другой основы кроме той, которую я формулировал, и что вся его теория вытекала из необходимости решения, принятого по инициативе русского царя, необходимой в первую очередь, и что он представлял себе второстепенной роль держав, присоединяющихся в принципе к этому решению. Он сказал, что он надеялся, [что] до заключения мира будет принято чисто русское решение о восстановлении Польши в пределах, установленных Россией. Он добавил, что роль, которую он отводит державам, ограничивалась бы их последующим присоединением, но что он придавал бы этому серьезное значение как с польской точки зрения, так и с точки зрения славянских интересов и даже интересов самих союзников. Он сказал мне, что немедленно отправится в Петроград и надеется иметь случай объясниться таким образом, чтобы не оставить никаких сомнений насчет цели и значения своего меморандума, и надеется иметь возможность переговорить с вами тотчас по приезде.

Бенкендорф.

№ 403. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 279. 23/10 марта 1916 г.

Лично.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 225 [1].

Прошу расшифровать лично. Предстоящий выезд итальянских министров в Париж побуждает меня вновь высказать мнение о жела-

[1] В тел. от 5 марта/21 февр. за № 225 Гирс сообщал: «То обстоятельство, что немцам не удается взять Верден, считается здесь крупным германским нрав-

тельности воспользоваться их там пребыванием для побуждения их принять более определенное положение относительно Германии. Вполне понимаю, что размеры, принимаемые парижским собранием, на которое позваны представители второстепенных держав, не исключая Португалии, едва ли дадут возможность поднять столь щекотливый вопрос на самой конференции, тем более что обстоятельства не допускают предъявления Италии каких-либо ультимативных требований. При всем том я полагал бы (жела)тельным, чтобы представители великих держав, подписавших союзный договор с Италией, вызвали ее на объяснение по поводу неисполнения ею до сих пор второго пункта договора, обязывающего ее воевать против всех наших врагов [1]. Я опасался бы, чтобы она не усмотрела в общем молчании в Париже по этому вопросу наше согласие мириться с неисполнением ею ее обязательств [2].

Гирс.

№ 404. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 147. 23/10 марта 1916 г.

Недели две тому назад в среде шведской партии социалистов произошел раскол. Младо-социалисты, вопреки убеждениям Брантинга и Пальмшиерны, созвали публичную конференцию и на ней прошлое воскресенье сделали предложение, в случае мобилизации, устроить всеобщую стачку и противиться мобилизации силой [3]. Вчера правительство арестовало троих вождей младо-социалистов, из которых один — член риксдага, и предает их суду по обвинению в государственной измене; в Швеции члены риксдага неприкосновенностью не пользуются [4].

Неклюдов.

ственным поражением и соответственно поднимает здесь и военное воодушевление». Гирс советовал воспользоваться этим на Парижской конференции, чтобы побудить Италию объявить войну Германии.

[1] См. т. VII, № 612.

[2] Ссылаясь на эту тел., Сазонов телеграфировал Извольскому 25/12 марта за № 1228 следующее: «Разделяя мнение о желательности напомнить Италии принятое ею обязательство воевать против всех наших врагов, полагаю, что уполномоченные России, Франции и Англии могли бы сделать это в доверительных беседах с Саландра и Соннино вне заседаний совещания».

[3] В тел. от 18/5 февр. корреспондент «Русского слова» в Христиании сообщал, что в Стокгольме готовится всеобщая забастовка для предотвращения всяких военных планов. По словам корреспондента, Брантинг находит, что «бряцание этим оружием может только ослабить силу сопротивления демократии против авантюристских планов».

[4] Дополнительно в тел. от того же числа за № 148 Неклюдов сообщал, что считает все вышеперечисленные обстоятельства тревожными признаками, так

№ 405. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 241. 23/10 марта 1916 г.

Телеграмма за № 1161 получена [1].

Решаюсь повторить, что считаю необходимым, не откладывая, оказать реальную поддержку правительству и подбодрить лично шаха [2] уже жалующегося на то, что русский и английский посланники, повидимому, ограничиваются лишь обещаниями. Сумма ретроактивного моратория ныне предполагается на погашение недоимки всех ведомств, и ее нельзя ставить в зависимость от ежемесячных субсидий, являющихся главным условием проекта союзного договора. В крайнем случае, возможно несколько уменьшить размер этих последних субсидий. Не только Сепехдар, но даже Акбер-Мирза начинает падать духом и предвидит близкое падение министерства в случае неоказания ему скорой конкретной помощи. Я убежден, что только при настоящем составе кабинета и отсутствии меджлиса возможно без слишком больших трений провести в желаемом нам смысле военную организацию и подготовить почву для англо-русского финансового контроля. Английская миссия даже теперь, несмотря на нашу поддержку, начинает встречать затруднения в деле устройства соответствующей военной силы с английскими инструкторами в Ширазе, т. е. в нейтральной зоне. Не следует также терять из виду, что главные силы экспедиционного корпуса на-днях уведутся в Турцию и что в Персии останутся лишь незначительные гарнизоны. Особенно важно, чтобы мы к тому времени имели дело с составом правительства, нам преданным и в общем всецело готовым работать в согласии с нами. Вследствие сего считаю дол-

---

как «1) правительство впервые прибегло к сильным мерам и может войти во вкус в смысле устранения и законной оппозиции военным мерам; 2) выходка младосоциалистов бросит несомненно тень на всю партию и ослабит влияние на общественное мнение благоразумной оппозиции и пропаганды охранения мира Брантинга». По мнению Неклюдова, «раскол в партии устраивается германскими агентами-провокаторами».

[1] В оригинале ошибка. В тел. от 20/7 марта за № 1161 говорится о чеканке серебра (см. № 389). Повидимому, речь идет о тел. Клемма от 20/7 марта за № 1166, в которой последний сообщал Эттеру, что англ. прав-во склоняется к уплате суммы ретроактивного мораториума перс. прав-ву теперь же в Лондоне. «Принимая во внимание, — указывал далее Клемм, — что по проекту наших контрпредложений означенная сумма предназначалась на частичное погашение долгов персидского правительства обоим банкам, желательно знать, отпадает ли теперь вся намечавшаяся раньше финансовая комбинация. Опасаюсь, что предоставление персам и мораториума и значительного повышения ежемесячной субсидии встретит у нас большие затруднения».

[2] См. № 392.

гом вновь просить о скорейшем разрешении возбужденных вопросов, как касающихся личных пожеланий шаха, так и военного и финансового. Помимо прочих соображений, проведение ныне военной и финансовой организации, несомненно, сильно упростит установление после войны предусматриваемых нами, в согласии с англичанами, взаимоотношений в Персии. Меры эти были бы на деле равносильны установлению в Персии нашего всестороннего контроля. Мне поэтому особенно кажется, что не следует в данную минуту останавливаться перед ассигнованием даже сравнительно крупных сумм на восстановление здесь порядка. Расходы эти окупятся в будущем.

Эттер.

№ 406. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 71. 23/10 марта 1916 г.

Телеграмма ваша за № 167 получена [1].

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 65 [2].

Французский посол, наконец, получил меморандум своего правительства о подводных лодках и сообщил его нам. Английскому послу было предписано доставить этот подлинный текст Лансингу при простом препроводительном письме; французский и я сделали то же самое. Итальянский также, но с текстом протеста, присланным из Рима, несколько разнящимся от французского в выражениях, но одинакового смысла и духа.

Бахметев.

№ 407. Министр иностранных дел военному министру Поливанову.

Письмо № 221. 24/11 марта 1916 г.

Секретно. Спешное.

М. г. Алексей Андреевич,

В секретных письмах от [13 февраля] 31 января и [2 марта] 18 февраля с. г. за №№ 11940 и 11961 [3] вашему высокопревосходительству угодно было сообщить мне взгляд вверенного вам ведомства на вопрос о сформировании в Персии регулярных вооруженных сил, возбужденный шахским правительством в связи с предложением его за-

[1] Повидимому, ошибка. Имеется в виду тел. Сазонова от 16/3 марта за № 1067 (см. № 373).

[2] Повидимому, имеется в виду тел. Бахметева от 17/4 марта без номера (см. № 379).

[3] См. №№ 197 и 294.

ключить с нами формальный союз. Высказываясь принципиально против создания персидской армии, ваше высокопревосходительство считает, что даже находящуюся под начальством наших офицеров шахскую казачью бригаду не следует увеличивать в более или менее значительной степени, и полагали бы поэтому довести численность этой части лишь до $4^1/_2$—5 тысяч с придачей ей некоторых технических средств, дабы она могла служить не только для борьбы с внутренним, но и с внешним врагом, в случае заключения упомянутого выше союза.

Вполне разделяя ваш взгляд, что в результате настоящей войны Персия должна выйти не обновленной и усиленной, а ослабленной и разрозненной, я, тем не менее, считаю долгом привлечь внимание ваше на нижеследующие обстоятельства.

Необходимость наличия в Персии известной регулярной вооруженной силы для восстановления и поддержания внутреннего порядка, нарушенного персидской революцией, и столь важного с точки зрения насущных экономических интересов России и Англии, давно уже была признана императорским и великобританским правительствами. При этом нашей целью было всегда осуществить эту задачу путем возможного расширения шахской казачьей бригады как части, находящейся под нашим контролем и являющейся тем самым орудием нашей политики в этой стране. Однако на этом пути мы постоянно наталкивались на серьезные препятствия и притом не только со стороны проникнутого духом национализма и почти всегда враждебно и недоверчиво к нам настроенного персидского правительства, но отчасти и со стороны нынешних наших союзников — англичан. В результате, в виде компромисса, решено было сформировать в Персии жандармерию под руководством офицеров одной из второстепенных европейских держав, каковой, после отказа со стороны некоторых других правительств, оказалась Швеция. Неудобства для нас этой меры стали очень быстро сказываться, и потому мы никак не упускали случая вновь выдвигать вопрос о расширении казачьей бригады с тем, чтобы на нее всецело возложено было поддержание порядка, хотя бы в пределах отмежеванной нам англо-русским соглашением 1907 г. сферы влияния. Мы проектировали при этом создание ряда отделов бригады во всех главных центрах Северной Персии. До сего времени, однако, нам удалось добиться сформирования таких отделов, и притом в очень скромных размерах, только в Тавризе и Урмии, тогда как жандармерия быстро развивалась и достигла за последнее время численности в 13 000 человек, против всего 4 000 казаков приблизительно. При таких условиях нельзя было, конечно, ожидать

какой-либо существенной пользы от казачьей бригады, после того как жандармерия почти полностью стала на сторону наших врагов. Тем не менее отдельные части бригады были нами использованы и с честью выдержали боевое испытание под начальством есаула Мамонова. Не могу также не отметить вновь, что за время настоящих осложнений среди персидских казаков не наблюдалось случаев измены нам даже вдали от своих русских руководителей, где они были предоставлены самим себе. Это указывает прежде всего на высоко полезную деятельность наших офицеров-инструкторов, сумевших внушить казакам должную дисциплину и вместе с тем преданность России; это же дает право рассчитывать на то, что и впредь бригада будет служить нашим интересам.

В настоящее время указанная выше неблагоприятная нам конъюнктура резко изменилась в нашу пользу: тегеранский кабинет, с преданным нам Сепехсаларом во главе, сам склоняется к расширению казачьей бригады, и великобританское правительство, конечно, против этого не возражает. Этим благоприятным моментом, который может вторично не представиться, необходимо воспользоваться, дабы осуществить давно намеченную нами меру.

Обращаясь к вопросу о размерах, до которых надлежало бы довести бригаду, а равно о характере, который последней следовало бы придать, я должен заметить, что цифра в 10 000 человек, исчисленная нашим посланником по соглашению с временно командующим бригадой, представляется мне едва ли преувеличенной для той задачи, которая будет лежать на этой части, т. е. поддержания порядка во всей северной половине и части центральной Персии, так как совершенно очевидно, что после враждебных нам выступлений жандармерии дальнейшее присутствие последней в нашей сфере влияния должно быть признано недопустимым, если она и не будет окончательно упразднена.

Не подлежит сомнению, что так или иначе персидское правительство вынуждено будет иметь в своем распоряжении какую-нибудь военно-полицейскую силу, что в этом вопросе оно будет встречать поддержку со стороны лондонского кабинета и что нам едва ли возможно будет этому воспротивиться. Не лучше ли в таком случае нам самим взять это дело в свои руки и закрепить за собою, пока это возможно, исключительное руководство этой силой, которую от нас будет тогда зависеть обставить так, как это для нас выгоднее, и главным образом так, чтобы предотвратить те вредные последствия, на которые ваше высокопревосходительство указывало, а именно — придания этой части характера кадра, который мог бы при случае быть развернут в целую

армию. По моему мнению, можно было бы, например, при численности бригады в 10 000 человек, снабжать ее новейшими техническими средствами, как пулеметы, бомбометы и т. п., только в самом ограниченном количестве и вообще поставить все дело скорее на почву формирования полицейской, а не боевой части. Это не препятствовало бы нам, как это и теперь делается, привлекать некоторые части бригады к совместным действиям с нашими войсками против турок для морального впечатления и закрепления кровной вражды между персами и турками, полезность которой вы совершенно справедливо отмечаете в вашем письме от [2 марта] 18 февраля.

Обращаясь к технической стороне дела, я вполне отдаю себе отчет в том, что нам в настоящее время едва ли оказалось бы возможным создать сразу все намеченные отделы бригады и, в частности, снабдить около 7 000 человек новых казаков ружьями и потребным количеством патронов. Но в сущности нет и надобности немедленно осуществлять весь проект наш в полном объеме. В настоящее время нам необходимо лишь закрепить за собой право довести численность бригады до 10 000 человек и вместе с тем начать по возможности скоро формирование некоторых новых частей в тех местах, где это будет признано наиболее нужным, например в Исфагани, согласно мнению д. с. с. Эттера и генерала Баратова, изложенному в прилагаемой при сем в копии секретной телеграммы первого из них, от [12 марта] 28 мин. февраля, за № 204 [1].

Обращаясь, ввиду вышеизложенных соображений, к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой не отказать уведомить меня, не признаете ли вы возможным вновь пересмотреть вопрос об увеличении состава шахской казачьей бригады, считаю долгом приложить при сем копию с секретной телеграммы посланника в Тегеране от [23] 10 сего марта за № 241 [2], из коей вы усмотрите, какое важное значение придается на месте сказанной мере и насколько спешным представляется это дело.

Наконец, что касается вопроса о предложенном нам Персией союзе, то мною уже приняты зависящие меры к тому, чтобы, не давая прямо отрицательного ответа на этот счет шахскому правительству, затянуть переговоры до тех пор, пока не выяснится окончательно, следует ли нам принять или отвергнуть персидское предложение.

В ожидании возможно спешного отзыва вашего о последующем, пользуюсь настоящим случаем и пр.

[Сазонов.]

---

[1] См. № 355.

[2] См. № 405.

№ 408. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 222. 24/11 марта 1916 г.
Секретно. Спешное.

М. г. Петр Львович,

Вследствие секретного письма вашего высокопревосходительства от [17]4 сего марта за № 168 [1] и в дополнение к предыдущему моему сообщению по вопросу об оказании нами финансовой помощи персидскому правительству, считаю долгом уведомить, что тегеранский кабинет недавно обратился к нам и великобританскому правительству с настоятельным ходатайством о предоставлении ему ныне же всей суммы ретроактивного мораториума в Лондоне [2]. На запрос, как предполагают обе миссии в Тегеране сочетать эту просьбу шахского правительства с намечавшимися нами контрпредложениями по финансовой части проекта союзного договора, д. с. с. Эттер ответил телеграммой от [23] 10 сего марта за № 241[3], в копии при сем прилагаемой. Тем временем великобританское правительство памятной запиской от 18/5 сего марта, равным образом в копии прилагаемой, уведомило, что оно склонно пойти навстречу пожеланию персов [4].

Ввиду сего и принимая во внимание, что в упомянутом выше письме вашем от [17] 4 марта ваше высокопревосходительство признали несущественной уступку со стороны Персии суммы ретроактивного мораториума на частичное погашение долгов его нашему и английскому банкам, имею честь покорнейше просить вас не отказать уведомить меня, не признаете ли вы возможным согласиться на уплату сказанного мораториума шахскому правительству на указанных в английской памятной записке и телеграмме д. с. с. Эттера основаниях. Быть может, взамен этого можно было бы поручить обоим посланникам в Тегеране постараться несколько понизить сумму намечаемой ежемесячной субсидии, на возможность чего г. Эттер, повидимому, рассчитывает. Вместе с тем покорнейше прошу также уведомить меня, возможно ли ныне же сделать великобританскому и шахскому правительствам соответствующие заявления, или же вопрос этот подлежит еще рассмотрению в совете министров.

Примите и пр.

[Сазонов.]

---

[1] См. стр. 268, прим. 1.

[2] См. № 165.

[3] См. № 405.

[4] Пам. записка англ. пос-ва от 18/5 марта в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Ср. стр. 443, прим. 1.

№ 409. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 280. 24/11 марта 1916 г.

Копии в Париж и Афины.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 160 [1].

По объяснениям Соннино, еще когда Венизелос был у власти и Италия приступала к занятию Валоны, греки выражали опасения, что итальянские войска перейдут линию греческой оккупации. Соннино потребовал определения этой линии. Венизелос указал ее... слишком на север у берега моря, но затем, по настояниям Италии, спустил ее. Соннино обещал тогда, что итальянские войска ее не перейдут. Его заявление признавало фактическое положение дела, но не было юридическим признанием, поэтому он нисколько не видит затруднений присоединиться к представлениям греческому правительству [2], снабдив уже своего представителя в Афинах соответствующими указаниями и считая такие представления крайне желательными.

Гирс.

№ 410. Посланник в Берне товарищу министра иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 178. 24/11 марта 1916 г.

В здешних финансовых кругах придается большое значение выходу в отставку адмирала Тирпица и замене его до сих пор находившимся не у дел Капелле, противником подводной войны. Это считают признаком того, что в германском правительстве преобладает течение, сознающее необходимость ввиду финансовых и экономических затруднений не вызывать новых инцидентов с Америкой.

Бахерахт.

---

[1] См. № 394.

[2] Тел. от 11 марта/27 февр. за № 142 Демидов передал полученные от франц. консула в Янине сведения о том, что греч. прав-во заменило в Аргирокастро и Корице оккупационные военные власти гражданскими. На запрос франц. посла в Риме, поддержит ли итал. прав-во представление, которое Франция по этому поводу намерена сделать в Афинах, Соннино «дал, конечно, вполне утвердительный ответ» (тел. Гирса от 19/6 марта за № 266).

В тел. от 22/9 марта (без номера) Демидов, ссылаясь на факт допущения в греч. палату депутатов от Северного Эпира, а также на замену в последнем военных властей гражданскими, высказывал опасение, что греки в ближайшее время объявят оккупацию Сев. Эпира, и просил разрешения присоединиться к соответствующим совместным представлениям греч. прав-ву. Согласие Сазонова на присоединение к заявлению союзных посланников (см. № 418) было дано в тел. от 23/10 марта за № 2011 (1211).

№ 411. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 1247. 25/12 марта 1916 г.

Благоволите обратить внимание Братиану на то, что постоянные заподозревания России в каких-то скрытых замыслах и проявление к нам недоверия, о чем сюда доходят сведения из-за границы, производят здесь неблагоприятное впечатление. Это обстоятельство, несомненно, начинает отражаться и на отношении правительства к вопросу о вывозе в Румынию, а также влиять на нашу печать и общественное мнение. Затяжку в переговорах с полковником Татариновым и шатание румынской политики я объясняю себе в значительной мере недостатком доброй воли со стороны Братиану. В этом смысле я переговорил сегодня с Диаманди [1].

Сазонов.

№ 412. Генеральный консул в Каире министру иностранных дел.

Депеша № 22. 25/12 марта 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Солум, эвакуированный в декабре месяце египетскими войсками, был занят 14/1 марта британскими силами под командой генерал-майора Плейтона (Pleyton). Наступлением руководили блиндированные автомобили, коим было поручено овладеть высотами над ущельем Бир-Хамед и Халфайя, что и было выполнено успешно без встречи с врагом. Затем получено было известие, что силы сенусси отступили на запад в пустыню, уничтожив свой лагерь в Бир-Варр, в пяти милях от Солума. Блиндированным автомобилям приказано было отправиться на место, и они действительно нашли лагерь в Бир-Варр покинутым с неуспевшими еще погаснуть кострами запасов провизии, которую нельзя было унести с собой. Тогда автомобили пустились преследовать неприятеля. Обогнав на пути бегущих в смятении бедуинов со своими семействами и с имуществом, коих, впрочем, английские автомобили не тронули, они наткнулись в местности Бир-Азизия, приблизительно в 19 милях к западу от Бир-Варр, на весь лагерь, отошедший в эту сторону.

Паника охватила арабов при виде автомобилей; они начали спешно грузить верблюдов и врассыпную бросились бежать во все стороны, пешком, на верблюдах, на лошадях или на мулах.

---

[1] Беседа Сазонова с Диаманди, записанная в поденной записи от 25/12 марта (опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 25), по содержанию совпадает с публикуемой тел.

Но когда автомобили, оставя дорогу, стали приближаться к лагерю, сенусситы открыли огонь из пулеметов и скорострельных орудий. Огонь этот прекратился, лишь когда автомобили приблизились на расстояние в 400 ярдов; повидимому, артиллеристы были ранены или убиты, так что орудия были легко захвачены.

Действия англичан были очень парализованы сильным миражем, который мешал видеть на расстоянии более 3 000 ярдов. Этим объясняется сравнительно незначительное количество убитых сенусситов. Их насчитывается всего 50 и один офицер, повидимому, командир артиллерии. Многим легко раненым удалось скрыться.

Около 30 человек с тремя офицерами было захвачено в плен, так же как 40 навьюченных верблюдов, 3 горных орудия, 9 пулеметов и большое количество военных припасов, в том числе с четверть миллиона картушей, которые тотчас же были уничтожены.

Пока блиндированные автомобили захватывали неприятельский лагерь, пехота и артиллерия занимали Солум, кавалерия же и camel-corps делали разведки по окружающим его высотам.

Шейх племени Авлад-Али сдался англичанам, так же как и шейх Завиет-Харун. Бедуины, кочевавшие в этих местностях и примкнувшие к войскам Сайед-Ахмеда, голодные и деморализованные, являются в британский лагерь просить помилования и пищи.

Таким образом сенусситы на севере западной границы Египта потерпели решительное поражение; силы их разбиты и рассеяны, пушки и амуниция захвачены, лагери сожжены и продовольственные базы заняты англичанами.

Примите и пр.

Алексей Смирнов.

№ 413. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Депеша № 19. 25/12 марта 1916 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я уже имел честь неоднократно доводить до сведения императорского правительства о некотором охлаждении, которое замечается в последнее время в англо-японских отношениях. Необходимость пересмотра англо-японского союзного договора сделалась общим местом в повременной токийской печати и обсуждается почти ежедневно то в одном, то в другом органе. Наиболее обстоятельная и спокойная статья на эту тему принадлежит перу профессора Суехиро в журнале «Тайо», который, отражая собой распространенные мнения по вопросам внешней политики, предъявляет к Англии следующие три

требования: допущения японского влияния в долине Янцзы, признания за Японией прав торговли и навигации в Индии и уничтожения противояпонских законоположений в Канаде, Австралии и Южной Африке.

Особенного обострения достигло здесь недовольство англичанами по поводу недавнего осмотра английскими крейсерами японских торговых судов и заарестования на одном из них, на пути из Гаваев в Манилу, 11 беспаспортных индийцев.

Я обратился к моему великобританскому сотоварищу с просьбой сказать мне, правильны ли сообщения газет, что эти случаи вызвали дипломатические переговоры между Англией и Японией, и узнал от него следующее.

Японский посол в Лондоне действительно указал сэру Э. Грею на тягостное впечатление, которое вызывается в Японии остановкой и осмотром английскими военными судами японских пароходов, а затем тот же предмет затронут был здесь в разговорах барона Ишии с сэром К. Грином. Последний разъяснил министру положение вопроса. Великобританское правительство, имея в виду, что германские суда, не стесняясь международными законами и обычаями, злоупотребляют иностранными флагами (так было, например, с известным германским судном «Мэвэ», которое, встретив в северных водах английский крейсер, подняло шведский флаг и салютовало английскому, а затем потопило несколько грузовиков), не считает возможным отказаться от осмотра судов, возбуждающих подозрение, хотя бы такие суда шли под союзным флагом. Если английский флот откажется от остановки и осмотра японских судов, то все бесчисленные германские пароходы, стоящие в нейтральных портах, выйдут в море под японским флагом. Что касается задержанных 11 индийцев, то арест их посол объяснил имеющимися у английского правительства доказательствами, что между индийцами, проживающими в Японии, есть весьма опасные революционеры, работающие в пользу Германии. О задержании таких индийцев и высылке их посол неоднократно обращался к японскому правительству, но безуспешно: подозреваемые лица или оказывались неразысканными, или исчезали накануне ареста; отсюда могло явиться подозрение, что среди обнаруженных на японском пароходе беспаспортных индийцев скрываются разыскиваемые английскими властями, что и вызвало их задержание.

Ответа на эти заявления посла барон Ишии еще не дал, и сэр К. Грин обещал сообщить мне, чем разрешатся возникшие между обоими союзными правительствами пререкания.

Вышеупомянутая статья журнала «Тайо» прилагается в извлечении [1].

Примите и пр. Н. Малевский-Малевич.

№ 414. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 184. 25/12 марта 1916 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмом от [13 февраля] 31 января за № 78 [2] ваше высокопревосходительство просили моего заключения по поводу ходатайства принца Ферман-Ферма об оказании ему денежной поддержки [3], а также некоторых льгот по его долгу Учетно-ссудному банку Персии. Этот последний вопрос был возбужден при свидании со мной и находящимся ныне в Петрограде Фируз-Мирзою, сыном принца.

По сему поводу имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что первоначальный долг принца Ферман-Ферма в сумме 1 290 000 кран в 1911 г. был, по соглашению с принцем, рассрочен нашим банком на 15 лет, т. е. до 1926 г., с установлением размера процентов в 8% годовых. В погашение этого долга от принца поступили обусловленные соглашением с банком платежи лишь за 1912, 1913, 1914 гг., и ныне остаток капитального долга составляет 1 255 056 кран.

Летом 1915 г. принц, ссылаясь на разорение, причиненное его имуществу военными действиями, возбудил ходатайство об отсрочке платежей по его долгу на 3 ближайших года. Это ходатайство было поддержано министерством иностранных дел, и банк согласился на 3-летний перерыв в погашении займа, но с тем, чтобы принц уплачивал за это время проценты, причем размер их на тот же срок был понижен с 8 до 6% годовых.

Таким образом, Учетно-ссудный банк Персии уже оказал принцу Ферман-Ферма целый ряд льгот, и нынешние условия платежей по

---

[1] В статье этой профессор Суехиро, между прочим, писал: «Манчжурия, Монголия и Тибет есть окраины Китая, и на них не распространяется принцип целости Китая. Янцзы же составляет центр Китая и признание там исключительных прав Англии есть угроза целости Китая. Англия раньше официально никогда не заявляла о своей сфере влияния на Янцзы, так как подобное заявление явилось бы нарушением 1-й статьи англо-японского союза. Англия всегда пользовалась случаями затруднений других, и таких примеров было немало в отношении России. Если между Японией и Англией имеется союз, то его должно использовать в интересах Японии. Данный момент является для этого самым удобным».

[2] Письмо Сазонова от 13 февр./31 янв. за № 78 в основном изложено в публикуемом документе.

[3] См. стр. 308, прим. 2.

долгу должны быть признаны весьма льготными. Предоставление принцу просимых ныне дальнейших льгот — полного сложения процентов и отсрочки платежей до 1934 г. — было бы сопряжено с значительными жертвами, возлагать которые на наш банк, находящийся уже и без того в трудном положении, едва ли представлялось бы возможным.

Что касается затем вопроса о выдаче принцу Ферман-Ферма субсидии из казны, то теперь, когда он добровольно оставил пост председателя совета министров Персии [1], данный вопрос, повидимому, следует считать ликвидированным тем более, что имущественные убытки, на которые принц ссылается, уже имелись в виду при предоставлении ему льгот по долгу нашему банку.

Примите и пр. П. Барк.

№ 415. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Телеграмма № 645. 25/12 марта 1916 г.

Ваша телеграмма № 2012 получена [2].

Не считаю удобным влиять на решения французской верховной команды относительно того фронта, на котором ей следовало бы использовать как уже посланную, так и ныне формируемую бригаду нашего вспомогательного отряда. Так как наш отряд предоставлен в (распоряжение) французской верховной команды, то необходимо прежде всего сообразоваться с желаниями самого генерала Жоффра, для выяснения коих спошусь с генералом Жилинским [3].

Алексеев.

---

[1] См. № 290 и прим. 1 к нему.

[2] См. № 400.

[3] Алексеев в тот же день отправил Жилинскому тел. за № 646, совпадающую по своему содержанию с публикуемым документом. В письме от 13 апр./31 марта за № 2609 на имя Нератова Беляев резюмировал результаты переговоров с франц. прав-вом по этому вопросу следующим образом: «Сформированная в начале текущего года особая пехотная бригада, перевозимая ныне морем из портов Дальнего Востока, в ближайшие дни прибудет в Марсель. По соглашению с французским правительством эта бригада войдет в состав французских войск, действующих на германском фронте. Одновременно с сим ныне окончательно решено приступить к созданию второй особой пехотной бригады, предназначенной для действий на Салоникском фронте. К сформированию этой последней бригады предположено приступить в ближайшие дни».

№ 416. Французский посол в Петрограде министру иностранных дел.

Письмо [1]. 26/13 марта 1916 г.
Personnelle. Secrète.

Monsieur le ministre,

Au cours de l'entretien que j'ai eu l'honneur d'avoir avec vous cet après-midi, vous avez bien voulu me déclarer, sur ma demande, que «si le gouvernement de la République obtient l'assentiment du gouvernement britannique à l'inclusion de la Palestine dans la Syrie française, le gouvernement impérial n'y fera pas d'objection».

En vous remerciant de cette déclaration dont le gouvernement de la République appréciera toute la valeur, je vous ai assuré que quel que soit le régime appliqué à la Palestine, les réserves énoncées dans votre aide-mémoire du 17/4 mars [2] au sujet des Lieux Saints et des privilèges ou usages religieux seront scrupuleusement respectées.

Veuillez agréer, etc.

Paléologue.

Перевод.

Личное. Секретное.

Г. министр,

Во время разговора, которым вы удостоили меня сегодня днем, вы соблаговолили заявить, по моей просьбе, что «если правительство республики получит согласие великобританского правительства на включение Палестины во французскую Сирию, императорское правительство не будет возражать против этого».

Принеся вам свою благодарность за указанное заявление, все значение которого будет оценено правительством республики, я вас заверил, что, каков бы ни был режим, который будет применен по отношению к Палестине, оговорки, указанные в вашей памятной записке от 17/4 марта по поводу Святых мест и привилегий или религиозных обычаев, будут тщательно соблюдены.

Примите и пр.

Палеолог.

№ 417. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

⁄. Телеграмма № 1250 [3]. 26/13 марта 1916 г.
Срочно.

№ 199 получен [4].

Затрудняемся снабдить вас подробными указаниями по вопросу об усилении блокады Германии, так как не имеем сведений, что на-

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 169.

[2] См. № 376.

[3] Лит. копия.

[4] В тел. от 24/11 марта за № 199 Извольский сообщал Сазонову: «Ввиду возможности, что на конференции союзников будет затронут вопрос о более

мечается в этом направлении союзниками. Формально мы до сих пор вводили у нас в действие все списки предметов контрабанды, установленные союзниками, и не видим оснований отступать впредь от этого образа действий, но наше участие в борьбе с подвозом контрабанды силой вещей весьма ограничено. По политическим и военным основаниям мы должны рекомендовать некоторую осторожность лишь в отношении Швеции; однако оценка того или другого мероприятия с точки зрения шведских отношений может быть дана только, когда мы будем знать, в чем оно заключается.

Сазонов.

№ 418. Нота представителей Англии, Франции, Италии и России в Афинах греческому председателю совета министров Скулудису.

26/13 марта 1916 г.[1]

Par son mémoire du 31 octobre 1914[2], le gouvernement royal hellénique en notifiant aux gouvernements de France, de Grande Bretagne, Italie et Russie sa décision de faire avancer l'armée hellénique dans l'Epire autonome, donnait l'assurance formelle que «l'avance de ces troupes n'avait qu'un caractère provisoire et que la Grèce en s'y décidant se proposait de se conformer strictement aux décisions de la conférence des ambassadeurs auxquelles elle avait adhéré par la note du 21/8 février 1914 aux Grandes Puissances[3]». Les gouvernements susdits tenant compte des circonstances du moment qui paraissaient justifier dans une certaine mesure la décision du gouvernement hellénique, ne crurent pas nécessaire de s'y opposer et se limitèrent à en prendre acte.

Lors de la réunion de la chambre hellénique au mois d'août 1915 un certain nombre d'épirotes s'y présentèrent en s'attribuant la qualification de «députés de l'Epire du Nord»; mais le chef du gouvernement (Mr. Gounaris) se trouva d'accord avec le chef de l'opposition (Mr. Vénizélos) pour déclarer que les élections n'ayant pas été proclamées par le

---

строгой блокаде в особенности по отношению к скандинавским странам, прошу снабдить меня спешными, по возможности подробными, указаниями о нашей точке зрения на этот вопрос».

[1] Маш. копия. Копия ноты была препровождена Демидовым Сазонову при письме от 29/16 марта за № 313. Содержание ее было передано им в тел. от 26/13 марта за № 171.

[2] Меморандум от 31/18 окт. 1914 г. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен. Ср. т. VI, № 438 и прим. к нему.

[3] См. т. I, № 301.

gouvernement hellénique dans l'Epire du Nord, les représentants de cette région ne pouvaient être validés [1].

Or, certains événements qui se sont produits ces derniers temps, pourraient faire croire à un changement de conduite dans cette question. Ainsi à la réouverture de la chambre hellénique au mois de février dernier [2], des soi-disants représentants de l'Epire du Nord ont de nouveau fait leur apparition [3], et quoique leur validation formelle n'aie pas été officiellement annoncée (ce qui d'ailleurs serait en contradiction avec les assurances données verbalement par son excellence Mr. Skouloudis aux ministres des quatre Puissances, dans le sens que cette fois aussi le gouvernement hellénique n'avait pas proclamé les élections dans l'Epire du Nord), il résulte néanmoins que ces personnages continuent à siéger au Parlement, à prendre part aux votes, et les membres du Cabinet répondent à leurs interpellations [4].

D'aurte part, les journaux ont d'ailleurs annoncé que le gouvernement grec avait procédé par décret royal à l'assimilation économique et administrative de l'Epire du Nord avec le reste de la Grèce: à la date du 9 mars le ministre de la guerre aurait adressé au ministère de l'intérieur une lettre en lui faisant savoir que la loi martiale dans l'Epire du Nord avait été abolie et que dorénavant l'administration de cette région avait été confiée à des autorités civiles; finalement un décret royal publié dans les journaux le 13 mars institue des postes d'ingénieurs civils à Argirocastro et à Koritza.

Les légations de France, Grande Bretagne, Italie et Russie ont reçu l'ordre de leurs gouvernements de s'adresser au gouvernement hellénique en le priant de leur faire connaître de quelle façon il croit pouvoir concilier lesdites mesures législatives et la présence active au Parlement hellénique de représentants de l'Epire du Nord, avec le respect que ce même gouvernement doit aux déclarations solennelles contenues dans le mémoire du 31 octobre 1914.

---

[1] Тел. от 16/3 авг. 1915 г. за № 306 Демидов, сообщая об открытии греч. парламента, между прочим указывал, что депутаты от Северного Эпира не были приглашены к голосованию, так как выборы их были признаны недействительными.

[2] Открытие греч. палаты произошло не в феврале, а 24/11 янв. 1916 года.

[3] Тел. от 25/12 янв. за № 19 Демидов сообщил, что на заседания палаты были допущены представители от Северного Эпира, а тел. от 5 февр./23 янв. за № 55, сообщая о выборах председателя и бюро палаты, он указывал, что «представители Северного Эпира приняли при громких рукоплесканиях участие в голосовании, каковым действием санкционированы их депутатские полномочия».

[4] См. стр. 449, прим. 2.

Перевод.

В меморандуме от 31 октября 1914 г. королевское греческое правительство, уведомляя правительства Франции, Великобритании, Италии и России о своем решении продвинуть греческую армию в автономный Эпир, дало формальное заверение, «что продвижение этих войск имеет лишь временный характер и что Греция, решаясь на это, предполагает строго придерживаться решений, вынесенных на конференции послов, к которым она присоединилась нотой на имя великих держав от 21/8 февраля 1914 г.». Вышеуказанные правительства, учитывая обстоятельства того времени, которые, казалось, оправдывали до некоторой степени решение греческого правительства, не нашли нужным возражать против него и ограничились лишь тем, что приняли его к сведению.

Во время заседания греческой палаты представителей в августе 1915 г. несколько эпиротов явились туда, назвав себя «депутатами Северного Эпира». Но глава правительства (г. Гунарис) в согласии с главой оппозиции (г. Венизелосом) заявил, что представители этой области не могут быть признаны законными депутатами, поскольку греческое правительство не объявляло выборов в Северном Эпире.

Однако некоторые события, имевшие место за последнее время, заставляют предполагать, что политика в этом вопросе переменилась. Так, при открытии в феврале месяце заседаний греческой палаты, так называемые представители Северного Эпира появились вновь, и, хотя законность их полномочий не была официально объявлена (что к тому же противоречило бы устным заверениям, данным его превосходительством г. Скулудисом посланникам четырех держав в том смысле, что и на этот раз греческое правительство не объявляло выборов в Северном Эпире), эти лица продолжают тем не менее заседать в парламенте и принимать участие в голосовании, а члены правительства отвечают на их запросы.

С другой стороны, в газетах было объявлено, что греческое правительство приступило путем королевского декрета к экономическому и административному присоединению Северного Эпира к остальной Греции: 9 марта военный министр будто бы передал министерству внутренних дел письмо с уведомлением, что военные законы в Северном Эпире отменены и что впредь управление этой области переходит к гражданским властям; наконец, королевский декрет, опубликованный в газетах 13 марта, учреждает посты гражданских инженеров в Аргирокастро и Корице.

Миссии Франции, Великобритании, Италии и России получили от своих правительств предписание обратиться к греческому правительству с просьбой уведомить их, каким образом оно считает возможным примирить указанные законодательные меры и активное присутствие представителей Северного Эпира в греческом парламенте с тем уважением, которое это самое правительство должно иметь к торжественным заявлениям, содержащимся в меморандуме от 31 октября 1914 г.

№ 419. Нота французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

27/14 марта 1916 г.

Le gouvernement français a l'intention de réorganiser sa mission militaire en Russie sur les bases suivantes:

1. Le général Janin serait adjoint au grand quartier général russe au général Pau.

2. Le général de Laguiche serait attaché à la personne de sa majesté, si l'empereur désire le conserver auprès de lui.

3. Le commandant Lavergne, qui comme le général Janin sait le russe, remplacerait à Pétrograd le général de Laguiche comme attaché militaire; on lui adjoindrait un officier d'artillerie pour les services d'un bureau technique nouveau assurant le contact des services d'artillerie russe et français, et un officier cryptographe placé à la tête d'une section du chiffre dont la création a paru également nécessaire aux deux Etats-Majors.

4. Enfin, le lieutenant-colonel Wehrlin, dont la santé est atteinte, serait rappelé en France.

L'ambassadeur de France serait reconnaissant à son excellence le ministre des affaires étrangères de vouloir bien lui faire savoir si les dispositions précitées ont l'agrément de sa majesté l'empereur.

Перевод.

Французское правительство намерено реорганизовать свою военную миссию в России на следующих основаниях:

1. Генерал Жанен будет помощником генерала По при русской главной квартире.

2. Генерал де Лагиш будет состоять лично при его величестве, если император желает сохранить его при себе.

3. Майор Лавернь, который, как и генерал Жанен, знает русский язык, заменит в Петрограде генерала де Лагиша в качестве военного агента; к нему будут прикомандированы артиллерийский офицер для работы в новом техническом бюро, обеспечивающем связь между русским и французским артиллерийскими ведомствами, и офицер-шифровальщик, поставленный во главе шифровального отдела, создание которого признано также необходимым обоими генеральными штабами.

4. Наконец, подполковник Верлен, здоровье которого пошатнулось, будет отозван во Францию.

Французский посол был бы признателен его превосходительству министру иностранных дел за сообщение, имеется ли согласие его величества императора на вышеуказанные мероприятия.

№ 420. Протокол первого заседания конференции союзников в Париже[1].

27/14 марта 1916 г.
Secret.

Conférence des Alliés.

La conférence des Alliés s'est réunie le 27 mars 1916 à Paris au ministère des affaires étrangères dans le grand salon de l'Horloge.

---

[1] Лит. копия. При письме от 22/9 апр. за № 867 Извольский препроводил Сазонову доставленный ему франц. прав-вом «в окончательной редак-

Les délégués des gouvernements alliés étaient:

Pour la France

Mr. Briand, président du Conseil, ministre des affaires étrangères,
Mr. le général Roques, ministre de la guerre,
Mr. l'amiral Lacaze, ministre de la marine,
Mr. L. Bourgeois, ministre d'Etat,
Mr. le général Joffre, commandant en chef des armées françaises,
Mr. A. Thomas, sous-secrétaire d'Etat pour les munitions,
Mr. J. Cambon, secrétaire général au ministère des affaires étrangères,
Mr. le général de Castelnau, chef d'Etat-major général,
Mr. de Margerie, ministre plénipotentiaire, directeur des affaires politiques et commerciales au ministère des affaires étrangères,
Mr. le général Graziani, chef d'Etat-major général de l'armée,
Mr. le général Pellé, major général,
Mr. de Béarn, secrétaire d'ambassade.

Pour la Belgique

Son excellence le baron de Broqueville, président du conseil,
Son excellence le baron Beyens, ministre des affaires étrangères,
Son excellence le général Wielemans, chef d'Etat-major général.
Mr. le comte L. de Lichtervelde.

Pour la Grande Bretagne

Son excellence Mr. Asquith, premier ministre,
Son excellence Sir E. Grey, secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères,
Son excellence lord Kitchener, secrétaire d'Etat pour la guerre,
Son excellence Mr. Lloyd George, secrétaire d'Etat pour les munitions,
Son excellence lord Bertie of Thame, ambassadeur de Grande Bretagne en France,
Son excellence le général Robertson, chef d'Etat-major général,
Mr. H. O'Beirne, ministre plénipotentiaire,
Mr. le colonel Henkey, secrétaire du comité de défense impériale,
Mr. le capitaine Doumayrou, détaché auprès de la délégation britannique.

ции протокол союзнической конференции». См. публикуемый документ и №№ 421, 425 и 426. Текст принятых резолюций был передан Извольским тел. от 28/15 марта за №№ 203, 204 и 208.

Pour l'Italie

Son excellence Mr. Salandra, président du conseil,
Son excellence le baron Sonnino, ministre des affaires étrangères,
Son excellence Mr. Tittoni, ambassadeur d'Italie en France,
Son excellence le général Cadorna, commandant en chef des armées italiennes,
Son excellence le général Dall'Olio, sous-secrétaire d'Etat aux munitions,
Mr. de Martino, secrétaire général du ministère des affaires étrangères,
Mr. le prince Ruspoli de Poggio Suasa, ministre plénipotentiaire.

Pour le Japon

Son excellence Mr. Keishirô Matsui, ambassadeur du Japon en France.

Pour le Portugal

Mr. Joâo Chagas, ministre de Portugal en France.

Pour la Russie

Son excellence Mr. Iswolsky, ambassadeur de Russie en France,
Son excellence le général Gilinsky, représentant de S. M. le Chef des armées russes,
Mr. Sevastopoulo, conseiller d'ambassade.

Pour la Serbie

Son excellence Mr. Pachitch, président du conseil,
Mr. Vesnitch, ministre de Serbie en France,
Mr. Yovanovitch, ministre plénipotentiaire adjoint au ministre des affaires étrangères,
Son excellence le général Rachitch, chef de l'Etat-major général.

Première séance — lundi, 27 mars 1916.

La séance est ouverte à 10 heures du matin.

Mr. Briand, président du conseil, ministre des affaires étrangères de France, prend la présidence de l'assemblée et prononce l'allocution suivante:

«Cette réunion qui me vaut l'honneur de vous recevoir et de vous souhaiter la bienvenue marquera dans l'évolution de la guerre une date heureuse. Elle atteste l'étroite solidarité de nos pays, la confiance dans le succès final et la ferme volonté de suivre une action commune, méthodique et concertée.

C'est parce qu'il sait le danger qui peut naître de notre coordination que l'ennemi s'est rué sur Verdun pour rendre impossible ou tout au moins retarder notre offensive. Jusqu'à présent l'ennemi n'a eu affaire qu'à des adversaires séparés et n'a pas connu la totalité de nos efforts. Il a pu agir contre chacun de nous séparément, étant maître de son action et pourtant il lui a été impossible d'obtenir un résultat décisif. Il ne nous a connu qu'isolément et cependant il sait qu'il ne pourra résister à nos soldats héroïques qui combattront sur un seul front, suivant une impulsion unique. La victoire dépend de nous, de notre action concertée. Nous en sommes comptables non seulement devant nos pays respectifs, mais encore devant le monde entier dont nous servons le haut idéal de justice et de liberté. Il n'y a qu'une seule cause servie par une seule armée, sur un seul front, sous une impulsion unique et contre un seul ennemi. Si nous savons coordonner nos efforts, nous verrons bientôt la victoire rayonner sous nos drapeaux.

Je vous indique ainsi l'objet principal de cette conférence: elle a pour but d'envisager les conditions générales de la guerre au moment présent et la meilleure utilisation de nos forces dans la campagne qui s'ouvre; d'examiner les moyens dont dispose chacun des pays alliés et de voir s'il n'existe pas chez l'un d'eux une insuffisance d'hommes, de matériel ou de munitions, qu'il serait possible de combler grâce à la surabondance qui se trouverait chez l'un des autres alliés. Elle doit aussi examiner les conditions d'une offensive commune. Nous avons été précédés par la réunion à Chantilly d'une conférence des Etats Majors [1] qui ont examiné ces questions au point de vue technique et qui pourront par suite nous apporter des renseignements précieux. Il nous restera enfin à examiner les moyens matériels — question du frêt, du charbon, etc., — qui pour certains de nos alliés sont indispensables pour assurer la fabrication des canons et des munitions.

Si vous le voulez bien, nous allons consacrer cette première séance à l'examen du problème d'ensemble. Le mieux est sans doute qu'un des officiers généraux qui a pris part à la conférence militaire de Chantilly nous expose le résultat des travaux de cette réunion et nous rende compte des décisions adoptées. Il est bien entendu que tout ce qui touche à des questions strictement militaires reste dans le domaine militaire. Nous n'aurons qu'à nous prononcer sur des questions d'ordre général ou sur des questions diplomatiques et économiques. La conférence reste libre de décider de son ordre du jour».

Mr. Briand donne alors la parole au général Joffre.

[1] См. № 353.

Le général Joffre donne lecture du compte-rendu de la conférence tenue à Chantilly le 12 mars dernier.

I

« En livrant bataille sous les murs de Verdun, l'Allemagne est revenue à la phase première de la guerre européenne. Son but? Abattre la France pour se retourner ensuite, s'il en est besoin, contre chacune des autres armées de l'Entente, et en finir.

Bien que les réserves dont l'ennemi peut se permettre de déplacer d'un front à l'autre diminuent graduellement en nombre et en valeur, l'effort qu'il a pu réaliser contre Verdun a été d'une violence impressionnante; il possède encore des moyens pour le poursuivre.

Si l'Allemagne a souffert, elle a eu foi jusqu'à présent dans la victoire finale; les épreuves supportées lui apparaissent comme la rançon de la gloire future; elle en supportera de plus dures encore si sa confiance demeure entière et l'on peut croire qu'en ce cas elle ne cèdera pas à des mesures de contrainte économique et financière, si utiles et si nécessaires que soient ces dernières.

C'est le moral de l'armée et de la nation allemandes que nous devons abattre, et abattre par des succès militaires de nature à ruiner chez l'ennemi toute espérance de victoire.

Comment y parvenir dans la situation actuelle de la coalition?

II

Sur les fronts principaux la situation militaire est caractérisée, à l'heure présente, par l'échec de la ruée sur Verdun. La puissance morale de l'adversaire, véritable raison de sa force, en est atteinte; la confiance dans l'issue victorieuse de la bataille est déjà ébranlée.

Dès à présent l'Etat-major allemand se trouve dans l'obligation de modifier ses prévisions:

1ère hypothèse. Il peut persévérer dans son entreprise et chercher, coûte que coûte, en France, à défaut de décision, la conquête d'un objectif retentissant de nature à rehausser la confiance défaillante de la nation.

Dans ce cas, il engagera soit sur Verdun, soit même sur une autre partie du front occidental, les disponibilités qui lui restent pour venir à bout de la résistance française. Il peut espérer encore, par ce moyen, user à ce point nos forces disponibles que nous ne puissions plus participer que faiblement aux offensives d'ensemble dont il se sent menacé. Il est vrai qu'en compensation il n'offrira plus sur les fronts anglais et

russe qu'une résistance amoindrie. Le résultat qu'il aura obtenu n'en sera pas moins d'une importance capitale pour la suite des opérations et la Coalition a un très grand intérêt à l'éviter.

S'il échoue, il sera moralement battu.

2ème hypothèse. Au contraire, si ses unités d'attaques sont tellement affaiblies qu'il puisse craindre de ne pouvoir opposer dans la suite à l'offensive générale des Alliés que des forces désorganisées ou insuffisamment nombreuses, ou bien si la pression que les Anglais et les Russes se préparent à prononcer pour soulager l'armée française lui donne des inquiétudes, il suspendra ses attaques et adoptera une attitude défensive sur tous ses fronts.

Cette attitude sera peut-être conforme à ses véritables intérêts militaires, mais singulièrement dangereuse pour le moral du peuple allemand, surtout si la situation économique de l'Allemagne devient de plus en plus difficile.

Quelle que soit la décision prise par l'ennemi, la ligne de conduite militaire à adopter par la Coalition a été définie au cours de la conférence des commandants en chef, tenue à Chantilly le 12 mars.

Dans le premier cas, les offensives générales s'engageront graduellement sur chaque front au fur et à mesure des possibilités des armées alliées (préparation des attaques, concentration des moyens, conditions climatériques...).

Dans le deuxième cas, l'offensive générale concentrique et concordante de toutes les armées alliées sera prise à la date jugée la plus favorable par les commandants en chef et fixée par eux.

Quoiqu'il en soit, dans l'ignorance des projets de l'ennemi, et conformément aux conclusions d'une conférence antérieure, les Alliés se sont efforcés de venir de suite en aide à la résistance opposée par l'armée française aux attaques de l'ennemi dans la région de Verdun.

L'Angleterre a relevé une de nos armées, et nous a permis ainsi de reconstituer celles de nos réserves dépensées sous Verdun. En outre elle se met en mesure de prononcer une attaque de diversion sur une partie de son front.

L'Italie a prononcé des attaques partielles sur l'Isonzo et la Russie a entrepris des offensives de même nature dans la région Nord de son front.

Dans les Balkans, la situation militaire s'est modifiée en notre faveur.

Grâce à la présence de notre corps expéditionnaire à Salonique, grâce aussi aux succès russes en Arménie, une sorte d'équilibre favorable aux intérêts de l'Entente s'est établie:

La Turquie est neutralisée;

La Bulgarie supporte impatiemment la prolongation de la guerre;

La Grèce est étroitement dans notre dépendance;

La Roumanie, sans avoir encore nettement pris parti, développe ses mesures de précaution sur les frontières autrichiennes et bulgares.

Il n'est pas, toutefois, possible d'intensifier l'effort militaire français et anglais sur ce théâtre: d'une part, toutes les forces anglo-françaises sont nécessaires en France, et, d'autre part, des difficultés matérielles (insuffisance des moyens de transport maritime... etc...) rendent actuellement impossible dans les Balkans une opération comportant des effectifs sensiblement supérieurs à ceux qui s'y trouvent aujourd'hui.

Le corps expéditionnaire ne recevra donc pas d'autre renfort que celui de l'armée serbe reconstituée. Son rôle qui est déjà de tromper sur nos véritables intentions et d'immobiliser les réserves germano-bulgares, se fera plus actif encore au moment des offensives d'ensemble.

Cependant, si la situation balkanique se modifiait profondément en notre faveur (adjonction de nouveaux alliés, détachement de bélligérants balkaniques) l'armée d'Orient prendrait l'offensive au moment opportun.

III

Tout porte à croire que si les offensives d'ensemble, que la Coalition a résolu de prendre dans un assez bref délai, réussissent, un heureux dénouement de la guerre suivra à brève échéance.

Il faut donc tendre les efforts de la Coalition pour la bataille suprême et remporter, d'un élan commun, la victoire nécessaire.

La France, pour le moment, ne peut mieux faire que de défendre pied à pied le territoire national, en économisant autant que possible ses effectifs et en préparant son offensive future.

La Russie, l'Italie et l'Angleterre doivent concentrer sur les théâtres d'opérations principaux le maximum de leurs moyens et de leurs effectifs et pousser jusqu'à l'extrême, dans le moindre temps, la préparation des attaques où elles engageront leur dernier homme et leur dernier canon.

En particulier, il serait désirable que la Grande Bretagne ramenât d'urgence sur le front français toutes les forces dont l'emploi n'est pas indispensable sur d'autres théâtres d'opérations.

L'heure est venue d'appliquer la doctrine de la concentration des efforts, laquelle ne va jamais sans comporter certains risques sur les théâtres secondaires. Une victoire en France rétablira tout et partout.

Pour atteindre ce résultat, la conférence tenue à Chantilly entre les Etats-majors alliés le 12 mars dernier, après avoir examiné l'état des ressources des armées alliées en hommes, matériel et munitions, a pris les résolutions suivantes:

1. La coalition entreprendra ses offensives d'ensemble dans le plus court délai possible.

La date exacte en sera fixée d'accord entre les commandants en chef.

2. L'armée serbe sera transportée le plus tôt possible à Salonique.

La constitution de l'armée d'Orient ne subira, pour le moment, aucune modification; la question sera ultérieurement reprise, pour recevoir la solution qu'indiqueront les événements.

Les forces anglo-françaises seront organisées dans toute la mesure du possible en vue de la guerre de montagne.

3. L'armée d'Orient et les forces italiennes d'Albanie tiendront l'ennemi sous la menace d'une offensive. Leur conduite ultérieure sera réglée d'après la situation.

4. La conférence émet le voeu que le blocus économique de l'Allemagne soit resserré dans toute la mesure où il sera possible de le faire».

Mr. Briand demande si l'un des membres de la Conférence désire prendre la parole sur l'exposé du général Joffre.

Personne ne demandant la parole, Mr. Briand indique que, sans doute, la question qu'il importe avant tout de discuter est celle qui concerne les besoins des Alliés et les lacunes qui peuvent se faire sentir dans l'un ou chez l'autre d'entre eux.

Si, en vue d'une offensive ou d'un effort général, un des pays alliés se trouve dans l'impossibilité d'y faire face avec ses seules ressources, il conviendrait d'envisager les moyens de remédier à cette situation.

Pour le général Cadorna, c'est justement le cas de l'Italie. Celle-ci n'a pas actuellement l'artillerie lourde correspondante à ses effectifs. Toutes les opérations qui ont eu lieu jusqu'à présent ont montré qu'il fallait une artillerie lourde considérable. L'Italie a augmenté ses moyens de production, mais pas encore suffisamment[1] et elle a dû s'adresser aux gouvernements français et anglais pour obtenir de l'artillerie lourde. Si l'armée italienne était attaquée à fond comme l'armée française l'est à Verdun, elle n'aurait pas assez d'artillerie lourde.

---

[1] В первоначальном тексте протокола, присланном Извольским при письме от 29/16 марта за № 845, далее было напечатано: «D'après le principe il n'y a qu'un seul front, elle a cédé aux Russes 400 000 fusils, mais» («Исходя из принципа, что имеется лишь один общий фронт, она уступила русским 400 000 ружей, но»).

C'est là un point capital. Il faut que les pays qui le peuvent aident l'Italie. Dans l'intérêt de l'action commune un effort pourrait peut-être être fait dans les autres pays pour remédier à cette insuffisance d'artillerie lourde en Italie.

Le général Joffre reconnaît qu'il a été saisi de cette question par le général Cadorna. La demande de l'Italie a été transmise au sous-secrétariat d'Etat pour les munitions.

Mr. Albert Thomas explique que d'accord avec le général Joffre et pour aider les Italiens, il a examiné cette demande avec la plus grande attention et qu'il a envisagé la cession d'un certain nombre de canons de 120. Il n'est pas possible d'en fixer encore le chiffre, mais il semble que la France puisse céder 60 canons lourds. Cela ne répondra peut-être pas à tous les besoins de l'armée italienne, mais sera déjà un appoint considérable.

Le général Joffre ajoute que des canons de 95 ont été également offerts à l'Italie.

Mr. Briand. — En ce qui concerne la France, elle est disposée à faire tous ses efforts dans l'intérêt de ses Alliés; mais elle a dû mobiliser la presque totalité de ses hommes valides et elle manque de la main-d'oeuvre dont elle aurait besoin pour développer la production des munitions. Si un des pays alliés avait la possibilité de combler ce vide, la France serait heureuse d'être aidée et il n'en résulterait que des avantages pour tous. Si par exemple l'Italie pouvait donner le concours de sa main-d'oeuvre, la France l'accueillerait avec satisfaction et l'Italie serait elle-même la première à en bénéficier.

Le général Joffre déclare qu'en ce moment les usines en France fabriquent du matériel de tout genre, mais qu'elles pourraient faire mieux encore et augmenter la production des canons de 75 si elles avaient plus de main-d'oeuvre à leur disposition.

Mr. Albert Thomas demande la permission de dire quelques mots de la situation française au point de vue des munitions. Les Alliés reconnaîtront que la France a déjà fait un grand effort; elle est décidée à le continuer. Le programme adopté permet de travailler pour l'armée française et en même temps de faire face à une partie des demandes des Alliés. Mais la France pourrait utiliser 100 000 ouvriers de plus, et c'est à les trouver qu'elle s'efforce de différents côtés.

Le général Joffre a rendu aux arsénaux militaires tout ce qu'il pouvait sans nuire à la défense nationale. Il a été fait appel à la main-d'oeuvre coloniale et on a même songé à faire venir des ouvriers chinois. La France fait un effort maximum; mais elle désire, si c'est possible, aider ses alliés davantage encore. C'est pourquoi Mr. Albert Thomas a insisté auprès

*

de l'Italie et de la Russie pour que celles-ci aident la France. Il sait qu'il est difficile d'obtenir une main-d'oeuvre qualifiée, mais à côté de la main-d'oeuvre qualifiée il y a la masse des ouvriers, les manoeuvres qu'avant la guerre on trouvait sur tant de chantiers. Ne serait-il pas possible d'obtenir le concours de l'Italie sur ce point, même en temps de guerre? On prétend que la loi d'émigration empêche le recrutement d'ouvriers en Italie; son application ne pourrait-elle souffrir quelques tempéraments?

Mr. Albert Thomas pose la question au gouvernement italien et au gouvernement russe.

Mr. Sonnino déclare que l'Italie pourrait actuellement fournir très peu d'ouvriers qualifiés: elle en manque elle-même. Le concours qu'elle pourrait fournir se réduirait à presque rien, car, si l'Italie cédait ses ouvriers qualifiés, l'industrie privée prendrait sans doute prétexte pour ne pas tenir ses engagements envers l'Etat. Quant aux travailleurs ordinaires, on pourrait peut-être en trouver un certain nombre. La commission d'émigration a déjà appliqué la loi avec une certaine largeur de vues pour tous ceux qui ne sont pas soumis aux obligations militaires. L'Italie serait probablement en mesure de fournir un certain nombre d'ouvriers libérés de toute obligation militaire, c'est-à-dire âgés de plus de 40 ans, si on pouvait leur assurer en France des conditions de travail favorables et leur donner certaines garanties.

Mais cet appoint sera limité, car l'Italie est obligée de faire de grands travaux de tranchées surtout du côté de la Suisse. Actuellement plus de 100 000 ouvriers travaillent derrière le front.

Mr. Albert Thomas a admiré les 100 000 ouvriers italiens qui travaillent pour l'armée et il avait espéré qu'il serait possible d'en obtenir quelques dizaines de mille pour développer la production d'armes et de munitions en France. Il faudrait des ouvriers pour monter les grandes poudreries dans le midi et il serait très désirable que l'on put établir avec les Italiens un accord analogue à celui conclu avec les Belges et qui a donné d'excellents résultats pour les deux pays, puisqu' une partie de la production revient à la France alors que l'autre partie est réservée à la Belgique.

Mr. Salandra fait remarquer qu'il n'est pas possible d'obliger les ouvriers italiens à travailler à l'étranger et qu'il ne pourrait être question que de faciliter le recrutement, en appliquant les règlements sur l'émigration d'une façon très libérale.

Mr. Sonnino signale les grandes différences qui existent entre les différentes régions de l'Italie: dans certaines provinces on manque de main-d'oeuvre alors que dans d'autres un certain nombre d'ouvriers

sont sans travail. Le ministre des affaires étrangères d'Italie ne doute pas qu'il soit possible d'en recruter quelques milliers en leur accordant des conditions favorables.

Mr. Briand tient à préciser qu'il ne s'agit pas de contrainte, mais seulement de faciliter le recrutement des ouvriers italiens.

Mr. Albert Thomas se déclare d'accord sur la manière de procéder. Il ne peut être question que de faciliter le recrutement, mais la loi italienne d'émigration est sévère et pour pouvoir procéder au recrutement d'ouvriers en Italie, il serait désirable d'apporter quelques tempéraments à son application.

Mr. Lloyd George fait remarquer que la position de l'Angleterre est très différente de celle des autres Alliés et qu'elle est particulièrement difficile. La Grande Bretagne avait au début de la guerre une petite armée et une marine puissante. Tous les efforts ont été faits pour développer la marine et subvenir à ses besoins. A l'heure actuelle plus de deux millions d'hommes travaillent pour la marine. L'Angleterre se trouve, dans une certaine mesure, handicapée par son énorme marine, mais il ne faut pas oublier que cette marine assure la maîtrise de la mer pour tous les Alliés. L'armée, au contraire, qui était peu nombreuse au début de la guerre, n'a cessé d'augmenter et le gouvernement britannique fait tous ses efforts pour lui assurer tout ce dont elle a besoin. La construction de l'artillerie lourde n'a pu commencer que l'été dernier: les premiers ordres ont été placés au mois de juillet, car avant de fabriquer des canons il a fallu construire des usines, acheter des machines, entraîner des ouvriers. A la fin de l'année, l'Angleterre aura tout ce qu'il lui faut et elle pourra aider la Russie et la Serbie, mais l'Angleterre se heurte aux mêmes difficultés que la France pour la question de la main-d'oeuvre: c'est ainsi que des mitrailleuses qui devaient être fabriquées pour l'Italie n'ont pu l'être encore par suite de l'impossibilité où se trouve le gouvernement italien d'envoyer les six mille ouvriers qu'il avait promis.

Mr. Lloyd George insiste pour que chacun des Alliés fasse tous ses efforts pour développer la fabrication des canons et des munitions et il propose de décider ensuite où ces armes et ces munitions devront être envoyées.

Le général Gilinsky déclare que la Russie a également un grand besoin de matériel et de munitions, mais que l'artillerie lourde est ce qui lui serait le plus nécessaire. En Russie, aux difficultés de fabrication et d'approvisionnement par la France et l'Angleterre, s'ajoutent les difficultés de transport. C'est ainsi que les canons donnés par la France ne sont pas encore arrivés à destination. En outre, si le gouvernement français

pouvait augmenter la quantité des canons promis à la Russie le gouvernement impérial lui en serait très reconnaissant. L'attaque des positions fortifiées est devenue très difficile à moins d'avoir une artillerie lourde puissante [1].

Les cartouches ne sont pas non plus en nombre suffisant malgré tous les efforts faits par la Russie pour développer la production de ses usines. On a pu remarquer que les armées russes on fait jusqu'à présent une beaucoup plus grande consommation de cartouches que les autres pays alliés: cela tient au manque d'artillerie lourde qui oblige l'infanterie à intervenir plus fréquemment. Enfin, la Russie manque de certains métaux; quelques-uns lui ont été promis par la France, mais d'autres tels que le mercure et le laiton ne se trouvent pas en France et la Russie fait appel à ses alliés pour se les procurer.

Mr. Iswolsky demande la permission d'ajouter quelques mots à cet exposé pour faire remarquer que si les Alliés attendent, ainsi que l'a

---

[1] В первоначальном тексте протокола (см. стр. 466, прим. 1) далее было напечатано: «La Russie a également besoin de fusils. L'Italie lui en a, il est vrai, cédé 400 000, mais ces armes ne sont pas d'un modèle très récent et elles ont été envoyées dans les dépôts pour servir à l'instruction des recrues. Le gouvernement russe a commandé un grand nombre de fusils en Amérique, mais par suite des difficultés de transport, ils ne sont pas encore arrivés à destination». («Россия также нуждается в ружьях. Правда, Италия уступила ей 400 000 ружей, но эти ружья не очень нового образца и были посланы в наборные пункты, чтобы служить при обучении рекрутов. Российское правительство заказало большое количество ружей в Америке, но вследствие транспортных затруднений они еще не прибыли по назначению»).

Тел. от 1 апр./ 19 марта за № 295 Гирс сообщил, со слов Соннино, что все присутствовавшие на конференции итальянцы «были глубоко опечалены» речью генерала Жилинского, который заявил, что уступленные Италией 400 000 винтовок Веттерли (ср. т. IX, № 647) были такого скверного качества, что ими нельзя было вооружить солдат, посылаемых на фронт, и они оказались годными только для обучения новобранцев. По словам Соннино, он удержал ген. Кадорна от протеста на самой конференции, «чтобы не возбуждать на ней пререканий», но итал. представители просили исключить из протокола это заявление Жилинского. Тел. от 3 апр./21 марта за № 217 Извольский сообщил, что Жилинский не говорил, что итал. ружья скверного качества, а указал только, что они устарелого образца. Далее Извольский сообщил, что «по обоюдному соглашению из окончательного протокола заседаний исключены как слова итальянцев, вызвавшие это заявление, так и ответ генерала Жилинского». Сведения, сообщенные Извольским, были подтверждены Жилинским в письме от 18/5 мая, при котором он препроводил Алексееву протоколы конференции. Жилинский, между прочим, указывал, что инцидент был вызван заявлениями ген. Кадорны, тон которых был такой, что «оставить их без ответа было невозможно, хотя это и было бы для меня выгоднее. Смысл и тон был таков: вот, когда Россия нуждалась, мы ведь ей помогли, дали 400 000 ружей».

suggéré Mr. Lloyd George, que la fabrication des canons et des munitions soit achevée pour procéder à leur répartition entre les Alliés, la Russie se trouvera dans une situation particulièrement difficile à cause des longs délais nécessités par le transport. L'ambassadeur de Russïe estime que cette question pourrait être examinée dès maintenant par les Etats Majors.

Mr. Iswolsky ajoute qu'en ce qui concerne la question ouvrière, il n'est pas en mesure de donner à la Conférence des indications précises, mais que cette question a déjà été traitée entre Paris et Petrograd et qu'il ne manquera pas de porter à la connaissance du gouvernement impérial les vues de la Conférence.

Lord Kitchener précise que la production des usines anglaises suffira à peine aux besoins de l'armée britannique pendant toute l'année 1916 et que ce ne serait qu'en janvier prochain que l'Angleterre pourrait disposer d'artillerie lourde en faveur de ses Alliés.

Mr. Briand constate qu'il résulte de cet échange de vues qu'il y a dans certains pays des besoins de canons et de munitions alors qu'en France les possibilités de fabrication sont encore très grandes mais demeurent inemployées, faute de main-d'oeuvre. Il y a donc là un cas particulièrement intéressant qui pourrait donner lieu à un échange en matériel et en hommes entre les Alliés. La France serait en mesure de fournir de l'artillerie lourde à l'Italie et à la Russie si elle pouvait trouver chez ses Alliés les ouvriers dont elle a besoin. La bataille de Verdun a, il est vrai, usé un certain nombre de pièces qu'il faudra remplacer, mais sous cette réserve, la France pourrait fournir du matériel d'artillerie lourde à ses Alliés si elle avait la main-d'oeuvre nécessaire pour faire sortir un plus grand nombre de pièces de ses arcenaux. Il est donc très important de résoudre ce problème. Le résultat serait heureux pour tout le monde si les autres Alliés veulent bien user de persuasion dans certains milieux pour faciliter le recrutement de la main-d'oeuvre. L'Italie aurait tout intérêt à étudier cette question avec la France.

Mr. Sonnino insiste de nouveau sur les difficultés du problème et quoique le nombre d'ouvriers que l'on pourrait obtenir soit beaucoup plus réduit qu'on ne semble le croire, le gouvernement royal n'en est pas moins disposé à examiner la situation avec bienveillance sous réserves toutefois des besoins militaires et des nécessités agricoles de l'Italie.

Mr. Briand insiste d'autre part, auprès des autorités belges pour que, par persuasion, elles obtiennent que leurs ressortissants disponibles en France veuillent bien accepter de travailler dans les usines françaises pour développer leur production.

Mr. de Broqueville ne demande pas mieux que de répondre à l'appel du président du conseil, mais il fait remarquer que la plupart de ses compatriotes sont déjà employés dans les usines belges, françaises et anglaises. Les autorités belges ont fait relever les noms des ouvriers qui pourraient être encore utilisés et ils ont constaté que, pour dix-sept départements recensés, le nombre de belges inemployés ne s'élevait qu'à 393 dont plus de 100 vieillards. Les gouvernements alliés peuvent être assurés de toute la bonne volonté du gouvernement belge qui fera tous ses efforts pour leur fournir toute la main-d'oeuvre belge disponible. Mr. de Broqueville suggère qu'il pourrait être conclu entre le gouvernement français et les gouvernements alliés des accords analogues à celui intervenu entre le gouvernement français et le gouvernement belge. Ces ententes sont avantageuses pour les deux contractants. C'est ainsi, par exemple, que sur 1 000 heures de travail fourni par les ouvriers belges dans les usines françaises, 600 heures sont consacrées à la fabrication de canons de 105 pour l'armée belge.

Mr. Briand propose de charger une commission d'étudier cette question et de rechercher les moyens d'arriver à un résultat rapide.

Le président du conseil signale en même temps d'autres problèmes qui intéressent au plus haut point la fabrication des munitions à savoir: celui du charbon et celui du fret. Il note en passant que la question du fret a pris en France un caractère inquiétant et qu'elle est presque à l'état aigu en Italie. Il importe de rechercher avec l'Angleterre les moyens d'éviter une crise.

Mr. Salandra remercie le président du conseil d'avoir posé la question des frets qui est vitale pour l'Italie. Le manque de fret risque d'arrêter toute vie économique et par suite d'apporter une grave atteinte à l'effort militaire. L'Italie a un besoin absolu de blé, de charbon et de déchets de fer pour la fabrication des munitions. Aussi le gouvernement italien a-t-il déjà insisté à Londres sur l'importance de cette question.

Sir E. Grey constate que les pays alliés ne sont pas seuls à se plaindre du manque de combustible et que le charbon fait parfois défaut même en Angleterre. C'est ainsi qu'il y a quelque temps une fabrique de munitions à Glasgow a dû cesser de travailler faute de charbon. Il ne faut pas oublier que le manque d'ouvriers se fait sentir non seulement dans les usines mais aussi dans les mines. Mr. Lloyd George a déjà signalé les difficultés que soulève la question de la main-d'oeuvre. L'Angleterre est l'objet d'une énorme demande de charbon, non seulement pour sa marine mais encore pour les Alliés et elle est obligée de maintenir la production de charbon à un niveau très élevé.

Le gouvernement anglais fait cependant tous ses efforts pour assurer la production du charbon.

Mais la plus grande difficulté est certainement celle du fret. Elle résulte du manque de navires marchands. Le besoin de navires a considérablement augmenté du fait du transport des troupes, du transport des armes, des munitions et des approvisionnements nécessaires aux armées. Aussi le gouvernement britannique fait-il tous ses efforts pour contrôler le plus grand nombre de navires possible. Il a dans ce but créé à Londres un Comité, présidé par Lord Curzon, dans lequel sont représentés la France et l'Italie[1] et qui est chargé de rechercher tout le tonnage disponible et de le répartir entre les Alliés. Les difficultés sont d'ailleurs très grandes, et elles sont accrues du fait que la construction des navires marchands a presque complètement cessé depuis le début de la guerre. Mais le gouvernement anglais tache de les surmonter et il s'est efforcé d'acheter le plus grand nombre de navires neutres possible.

Mr. Vesnitch désire revenir sur la première question à savoir celle des besoins de l'armée serbe. Le ministre de Serbie croit qu'on pourrait, si on le veut, trouver parmi les soldats serbes quelques ouvriers qualifiés pour la fabrication des munitions et le gouvernement royal est prêt à les retirer du front si ses Alliés le demandent.

Mr. Vesnitch croit devoir insister sur ce que toute l'oeuvre des Alliés, poursuivie grâce à de si grands sacrifices, est là lutte de la morale contre la force brutale, mais la force est nécessaire, puisque nos adversaires ont eu recours à elle.

Or, dans le rapport de la conférence militaire de Chantilly il y a un passage qui a fait naître un peu d'inquiétude chez le gouvernement serbe; c'est celui où il est question de détacher de la coalition des empires du centre un des belligérants balkaniques. C'est une arme à deux tranchants, car, si elle est de nature à faire naître certains espoirs chez un de nos ennemis, elle risque aussi de décourager les autres pays balkaniques. Si l'armée serbe, dont on connaît les souffrances physiques et morales, pouvait penser que chez un des Alliés il y a quelque idée de négocier avec un de ses adversaires — inutile de dire lequel — cela suffirait pour la décourager. Si cette idée n'a pu naître dans aucun esprit, le gouvernement serbe désirerait que ce passage du rapport ne put prêter à aucune équivoque.

Le général Rachitch fait remarquer qu'on a surtout parlé d'artillerie lourde mais que l'armée serbe qui compte encore 150 000 hommes

---

[1] См. № 52.

n'a pas moins besoin d'artillerie de campagne. L'armée serbe a perdu dans sa retraite ou détruit la presque totalité de ses canons. Pour pouvoir aider les Alliés au moment propice, elle doit avoir une artillerie en proportion avec l'importance de ses effectifs. Or, elle avait demandé 6 batteries de campagne, 6 batteries de montagne et 6 batteries d'obusiers de 120 par brigade. Mais le général Joffre n'a pu promettre que 3 batteries de campagne, 6 batteries de montagne et 2 batteries d'obusiers. Il y a donc pour les batteries d'obusiers une grande différence entre les desiderata de l'armée serbe et ce qui peut lui être donné. En outre, l'armée serbe a la conviction que les batteries de montagne ne sont pas adaptées à ses besoins et elle souffrira vivement de ne pouvoir obtenir les batteries de campagne qu'elle juge indispensables.

Le général Joffre donne au général Rachitch l'assurance que le gouvernement français tiendra compte de ces considérations et donnera à l'armée serbe tout ce qui sera possible pour satisfaire à ses besoins. Mais il faut commencer par donner à l'armée serbe ce que l'on a pour ensuite lui fournir, si c'est possible, une artillerie plus puissante. C'est pour cela que l'on a demandé au Portugal s'il pourrait céder des batteries de montagne et c'est dans ce même esprit que Mr. Albert Thomas s'efforce d'obtenir la main-d'oeuvre nécessaire pour augmenter la production de nos usines.

Mr. Bourgeois propose de charger une sous-comission technique d'étudier ces deux questions et de préparer un rapport sur:

1) l'échange des armes et des munitions déjà fabriquées;

2) sur l'intensification de la fabrication des usines en France avec le concours de la main-d'oeuvre étrangère.

Cette proposition est acceptée par la conférence.

Mr. Asquith se demande si l'on se rend bien compte des difficultés auxquelles doit faire face le gouvernement anglais:

Tout soldat anglais qui se trouve au front a dû être envoyé par mer et le gouvernement anglais a dû ainsi assurer le transport de plus de deux millions d'hommes. Il faut ensuite les nourrir, les armer et les ramener du front. C'est là un effort énorme et continuel. Cela impose une charge toute spéciale pour les Alliés et quelque effort que fasse l'Angleterre, cela l'empêche de faire tout ce qu'elle voudrait pour eux mais c'est son premier devoir dans l'intérêt même des Alliés.

Mr. Asquith insiste ensuite sur les mesures à prendre pour améliorer la situation en ce qui concerne la marine marchande, accélérer les transports et abaisser les frets. Il signale tout particulièrement, notamment en Italie, l'encombrement de certains ports, ce qui est une cause de perte de temps pour le chargement et le déchargement et contribue à faire

hausser les frets. En Angleterre les efforts les plus sérieux ont été faits pour résoudre ce problème; dans ce but le gouvernement anglais a:

1) intérdit aux navires anglais de faire le commerce avec les pays neutres sans une licence spéciale;

2) pris toutes mesures pour développer la construction de navires marchands;

3) favorisé ce qu'on a appellé la «diffusion» du travail en remplaçant autant que possible les ouvriers qualifiés par des ouvriers ordinaires, et voire même par des femmes;

4) interdit l'importation de tout article de luxe et de ceux qui ne sont pas strictement indispensables;

5) multiplié ses efforts pour diminuer l'encombrement des ports par le recrutement de la main-d'oeuvre étrangère et par un meilleur emploi de la main-d'oeuvre militaire afin de libérer le plus grand nombre possible de soldats.

Mr. Salandra admet qu'à un certain moment il y a eu de l'encombrement dans les ports italiens, à Gênes, par exemple, mais il ne faut pas oublier que tout le ravitaillement de l'Italie se fait maintenant par les ports de l'Ouest, les transports dans l'Adriatique n'étant plus possibles. Le gouvernement italien a pris certaines mesures pour que les navires se rendent dans les différents ports de la côte occidentale et l'on peut affirmer qu'à l'heure actuelle les conditions du port de Gênes sont normales.

L'amiral Lacaze fait savoir que le gouvernement français a les mêmes préoccupations et qu'il a créé un comité qui étudie les besoins nécessaires à la vie nationale. Ce comité a, d'autre part, dressé un tableau des navires dont la France peut disposer et, lorsque ce travail sera terminé, les résultats en seront communiqués au gouvernement anglais et on verra dans quelle mesure la marine anglaise peut aider la France. Il sera possible de fixer les besoins urgents et d'établir la liste mensuelle du tonnage nécessaire. Le ministre de la marine pense que pour éviter la concurrence entre les Alliés il serait possible de confier au gouvernement britannique le soin de réunir tout le tonnage disponible et de le répartir entre les Alliés suivant leurs besoins.

Mr. Briand rappelle que lors de son voyage à Londres avec l'amiral Lacaze [1], on avait envisagé le principe de la création d'une commission internationale dont l'Angleterre aurait la direction et où se ferait tout le travail de répartition entre les pays alliés. C'est, semble-t-il, la meilleure manière d'éviter la concurrence entre administrations d'un même pays ou entre pays alliés. Si un travail analogue à celui qui a été fait

[1] См. № 52.

pour la France est fait pour chaque pays, la commission interalliée pourrait faire facilement la répartition et on en sentirait bientôt les heureux résultats.

Mr. Briand ajoute que le sentiment unanime de la conférence, en réponse aux réserves faites au nom de son gouvernement par Mr. Vesnitch, est que le passage du rapport de la commission militaire ne doit éveiller aucune susceptibilité: il ne peut s'appliquer à aucune éventualité à envisager par les Alliés. Il ne peut être question pour aucun d'eux de rien faire dans les Balkans qui puisse porter atteinte aux légitimes intérêts de la Serbie.

L'ambassadeur de Russie déclare que les paroles de Mr. le président du conseil expriment les sentiments que partage le gouvernement impérial.

Sir E. Grey déclare que le gouvernement britannique est entièrement d'accord sur cette question, avec les gouvernements français et russe.

Le ministre de Serbie remercie le président du conseil de la déclaration qu'il a bien voulu faire.

Mr. Briand rappelle alors la suggestion faite par Mr. Léon Bourgeois et propose de confier aux membres de l'assemblée déjà au courant de la fabrication du matériel, des munitions dans leur pays respectif le soin de préparer le rapport désiré. L'assemblée approuve cette proposition et désigne pour faire partie de la sous-commission: Mr. A. Thomas; Mr. Lloyd George; Mr. le général Dall'Ollio; Mr. le colonel Ignatieff, attaché militaire à l'ambassade de Russie; Mr. le général Rachitch et Mr. le général Pellé, major général.

La séance est levée à midi.

Перевод.

Конференция союзников.

Секретно.

Конференция союзников собралась 27 марта 1916 г. в Париже в министерстве иностранных дел в большом зале часов.

Делегатами союзных правительств были:

От Франции

г. Бриан, председатель совета, министр иностранных дел,
г. генерал Рок, военный министр,
г. адмирал Лаказ, морской министр,
г. Л. Буржуа, министр без портфеля,
г. генерал Жоффр, главнокомандующий французскими армиями,
г. А. Тома, помощник государственного секретаря по снабжению,

г. Ж. Камбон, генеральный секретарь министерства иностранных дел,
г. генерал Кастельно, начальник генерального штаба,
г. де Маржери, полномочный министр, директор политических и коммерческих дел в министерстве иностранных дел,
г. генерал Грациани, начальник генерального штаба армии,
г. генерал Пелле, генерал-майор,
г. де Беарн, секретарь посольства.

От Бельгии

его превосходительство барон де Броквилль, председатель совета,
его превосходительство барон Бейенс, министр иностранных дел,
его превосходительство генерал Вильманс, начальник генерального штаба,
г. граф Л. де Лихтервельде.

От Великобритании

его превосходительство г. Асквит, премьер-министр,
его превосходительство сэр Э. Грей, статс-секретарь по иностранным делам,
его превосходительство лорд Китченер, статс-секретарь по военным делам,
его превосходительство г. Ллойд-Джордж, статс-секретарь по снабжению,
его превосходительство лорд Берти оф Тэм, великобританский посол во Франции,
его превосходительство генерал Робертсон, начальник генерального штаба,
г. Х. О'Берн, полномочный министр,
г. полковник Хенки, секретарь комитета имперской обороны,
г. капитан Думэйру, прикомандированный к британской делегации.

От Италии

его превосходительство г. Саландра, председатель совета,
его превосходительство барон Соннино, министр иностранных дел,
его превосходительство г. Титтони, итальянский посол во Франции,
его превосходительство генерал Кадорна, главнокомандующий итальянскими армиями,
его превосходительство генерал Далл'Оллио, помощник государственного секретаря по снабжению,
г. де Мартино, генеральный секретарь министерства иностранных дел,
г. князь Русполи де Поджио Суаза, полномочный министр.

От Японии

его превосходительство г. Кеиширо Матсуи, японский посол во Франции.

От Португалии

г. Хоан Шагас, португальский посланник во Франции.

От России

его превосходительство г. Извольский, российский посол во Франции,
его превосходительство генерал Жилинский, представитель его величества главнокомандующего русскими армиями,
г. Севастопуло, советник посольства.

От Сербии

его превосходительство г. Пашич, председатель совета,
г. Веснич, сербский посланник во Франции,
г. Иованович, полномочный министр, помощник министра иностранных дел,
его превосходительство генерал Рашич, начальник генерального штаба.

Первое заседание — понедельник, 27 марта 1916 г.

Заседание открывается в 10 ч. утра.

Г. Бриан, председатель совета, министр иностранных дел Франции, принимает председательствование в собрании и произносит следующую речь:

«Это собрание, благодаря которому я имею честь принимать вас и приветствовать ваше прибытие, составит счастливую дату в развитии войны. Оно свидетельствует о тесной солидарности наших стран, о вере в окончательный успех и о твердой воле проводить общее, методическое и согласованное действие.

Именно потому, что противник знает об опасности, могущей произойти от согласованности наших действий, он и ринулся на Верден, чтобы сделать невозможным или по крайней мере замедлить наше наступление. До сих пор враг имел дело лишь с разрозненными противниками и не знал всей совокупности наших усилий. Он мог действовать против каждого из нас в отдельности, являясь хозяином своих действий, и все же ему не удалось добиться решающего результата. Он знал нас лишь порознь и тем не менее он знает, что не сможет сопротивляться нашим героическим солдатам, которые будут сражаться на едином фронте, следуя единому побуждению. Победа зависит от нас, от нашей согласованной деятельности. За это мы отвечаем не только перед своими странами, но и перед всем миром, идеалам права и свободы которого мы служим. Есть лишь единое дело, которому служит единая армия, на едином фронте, следуя единому побуждению и против единого врага. Если мы сумеем согласовать наши усилия, то вскоре увидим лучи победы на наших знаменах.

Главный предмет настоящей конференции я определяю так: она имеет целью рассмотреть общие условия войны в настоящий момент и наилучшее использование наших сил в открывающейся кампании; рассмотреть средства, которыми располагает каждая из союзных стран, и выяснить, нет ли у кого-либо из них недостатка в людях, в материалах или в боевых припасах, которые можно было бы пополнить благодаря излишкам, имеющимся у кого-либо из других союзников. Она должна также рассмотреть условия общего наступления. Нашему собранию предшествовали заседания конференции генеральных штабов в Шантильи, рассматривавшие эти вопросы с технической точки зрения и могущие, следовательно, дать нам ценные сведения. Наконец, нам остается рассмотреть материальные средства — вопрос фрахтов, угля и т. д., совершенно необходимых некоторым из наших союзников для производства пушек и снарядов.

Если вы согласны, мы посвятим это первое заседание рассмотрению проблемы в целом. Самое лучшее, конечно, было бы, если бы один из генералов, участвовавших в военной конференции в Шантильи, изложил нам результаты работ этого собрания и сообщил нам о принятых решениях. Разумеется, что все, касающееся специально-военных вопросов, остается в ведении военных властей. Нам придется высказаться по вопросам лишь общего порядка или по дипломатическим и экономическим вопросам. Конференции предоставляется свобода установить свой порядок дня».

Затем г. Бриан дает слово генералу Жоффру.

Генерал Жоффр оглашает отчет о конференции, состоявшейся в Шантильи 12 марта.

I

«Открывая бой под стенами Вердена, Германия вернулась к первому фазису европейской войны. Ее цель? Сломить Францию, чтобы затем, в случае надобности, повернуться против каждой из других армий Антанты и покончить с ними.

Хотя резервы, которые противник может позволить себе перебрасывать с одного фронта на другой, постепенно ослабевают как количественно, так и качественно, усилия, которые он смог проявить в действиях против Вердена, были внушительны; он еще обладает средствами для продолжения этих действий.

Если Германия страдала, то до сих пор она имела веру в окончательную победу; переносимые ею испытания казались ей залогом будущей славы; она вынесет еще более тяжелые испытания, если сохранится ее вера, и можно думать, что в этом случае она не поддастся мерам экономического и финансового воздействия, как бы полезны и необходимы эти последние ни были.

Мы должны сломить именно дух германской армии и германского народа, сломить такими военными успехами, которые были бы способны разрушить у противника всякую надежду на победу.

Как достигнуть этого при нынешнем положении коалиции?

II

На главных фронтах военное положение в настоящий момент характеризуется неудачей натиска на Верден. Это поколебало моральную мощь противника, являющуюся истинной причиной его силы; вера в победоносный исход сражения уже поколеблена.

С настоящего момента германский генеральный штаб вынужден изменить свои предположения:

1-я гипотеза. Он может упорствовать в своем начинании и стараться, за отсутствием решающего результата, любой ценой добиться во Франции громкого успеха, способного поднять слабеющую веру народа.

В этом случае он введет в бой, либо под Верденом, либо даже на каком-нибудь другом участке западного фронта, остаток своих свободных сил, с целью сломить сопротивление французской армии. Он к тому же может надеяться истощить этим путем наши свободные силы до такой степени, что мы сможем лишь в слабой мере участвовать в общем наступлении, угрозу которого он предчувствует. Правда, он зато будет оказывать на английском и русском фронтах лишь слабое сопротивление. Результат, которого он достигнет, будет тем не менее иметь первостепенное значение для дальнейшего хода операций, и для коалиции весьма важно избежать этого.

Если он потерпит неудачу, то будет морально побежден.

2-я гипотеза. Наоборот, если его части, предназначенные для наступления, настолько ослаблены, что он может опасаться, что впредь будет в состоянии выставить, против общего наступления союзников, лишь дезорганизованные либо численно недостаточные силы, или если его будет беспокоить давление, которое англичане и русские готовятся произвести для облегчения положения

французской армии, то он приостановит свое наступление и будет придерживаться оборонительного образа действий на всех своих фронтах.

Эта позиция будет, возможно, соответствовать его действительным военным интересам, но она будет чрезвычайно опасна для морального состояния германского народа, особенно если экономическое положение Германии будет становиться все более тяжелым.

Каково бы ни было решение неприятеля, план военных действий, который должна принять коалиция, был определен на конференции главнокомандующих, состоявшейся в Шантильи 12 марта.

В первом случае на каждом из фронтов должны постепенно быть начаты общие наступления по мере тех возможностей, которыми располагают союзные армии (подготовка наступления, сосредоточение сил, климатические условия...).

Во втором случае будет произведено общее, концентрическое, согласованное наступление всех союзных армий в момент, который найдут наиболее удобным и который установят главнокомандующие.

Как бы то ни было, не зная планов неприятеля и в соответствии с решениями одной из предыдущих конференций, союзники старались тотчас же притти на помощь французской армии в ее сопротивлении неприятельским атакам в районе Вердена.

Англия сменила одну из наших армий и тем самым позволила нам восстановить те из наших резервов, которые были израсходованы под Верденом. Кроме того, она готовится произвести диверсионную атаку на одной из частей своего фронта.

Италия произвела частичное наступление на Изонцо, и Россия предприняла наступления того же рода в северной части своего фронта.

На Балканах военное положение изменилось в нашу пользу.

Благодаря присутствию нашего экспедиционного корпуса в Салониках, а также благодаря русским успехам в Армении, установилось своего рода равновесие, благоприятное для интересов Антанты:

Турция нейтрализована;

Болгария нетерпеливо относится к продолжению войны;

Греция находится в тесной зависимости от нас;

Румыния, хотя еще не приняла определенного решения, развивает свои предохранительные мероприятия на австрийской и болгарской границах.

Невозможно, однако, усилить военные действия Франции и Англии на этом театре: с одной стороны, все англо-французские силы необходимы во Франции, а с другой — материальные трудности (недостаток средств морского транспорта... и т. д...) делают в настоящее время невозможными операции на Балканах с участием сил, значительно превосходящих уже наличные там в настоящее время.

Экспедиционный корпус не получит, таким образом, другого подкрепления, кроме восстановленной сербской армии. Его роль, уже теперь состоящая в том, чтобы ввести в заблуждение относительно наших действительных намерений, и в иммобилизации германо-болгарских резервов, станет еще более активной в момент всеобщего наступления.

Тем не менее, если положение на Балканах коренным образом изменится в нашу пользу (появление новых союзников, отпадение воюющих балканских государств), то восточная армия перейдет в наступление в подходящий момент.

III

Все заставляет думать, что если всеобщее наступление, которое коалиция решила предпринять в довольно близком будущем, удастся, то вскоре последует счастливая развязка войны.

Поэтому надо направить силы коалиции на последний бой и общими усилиями одержать необходимую победу.

Франция в данный момент не может сделать ничего лучшего, как шаг за шагом защищать национальную территорию, сберегая насколько возможно свои силы и готовясь к своему будущему наступлению.

Россия, Италия и Англия должны сосредоточить на главных театрах войны максимум своих средств и своих сил и довести их в кратчайшее время до последней степени готовности к наступлению, в которое они вовлекут свои силы вплоть до последнего человека и последнего орудия.

В частности, было бы желательно, чтобы Великобритания срочно вернула на французский фронт все силы, использование которых не является необходимым на других театрах военных действий.

Наступило время применить теорию концентрации сил, которая всегда влечет за собою некоторый риск на второстепенных театрах. Победа во Франции восстановит все и повсюду.

Чтобы достигнуть этого результата, конференция союзных генеральных штабов, состоявшаяся в Шантильи 12 марта, рассмотрев состояние ресурсов союзных армий в смысле людского состава, материальной части и снаряжения, приняла следующие решения:

1. Коалиция предпримет совместное наступление в возможно короткий срок. Точная дата будет установлена по соглашению между главнокомандующими.

2. Сербская армия будет возможно скорее перевезена в Салоники.

Организация восточной армии не подвергнется в данный момент никаким изменениям; вопрос этот будет вновь рассмотрен впоследствии, с целью его разрешения сообразно с обстоятельствами.

Англо-французские силы будут организованы, насколько возможно, для войны в гористой местности.

3. Восточная армия и итальянские силы в Албании будут держать неприятеля под угрозой наступления. Их дальнейшее поведение будет определяться в зависимости от обстановки.

4. Конференция высказывает пожелание, чтобы экономическая блокада Германии была всемерно усилена там, где это будет возможно сделать».

Г. Бриан спрашивает, желает ли кто-либо из членов конференции выступить по поводу сообщения генерала Жоффра.

Так как никто не просит слова, то Бриан указывает, что, конечно, вопрос, который необходимо обсудить прежде всего, это вопрос о нуждах союзников и недостатках, которые, может быть, испытывает тот или другой среди них.

Если в плане общего наступления или общего усилия какая-либо из союзных стран окажется не в состоянии справиться с задачей, используя только свои собственные ресурсы, то следовало бы рассмотреть вопрос о средствах для исправления положения.

По мнению генерала Кадорна, Италия находится именно в таком положении. Она не имеет в настоящее время тяжелой артиллерии, соответствующей численному составу ее войск. Все операции, имевшие место до сих пор, показали, что

нужна значительная тяжелая артиллерия. Италия увеличила свои средства производства, но еще в недостаточной мере, и она должна была обратиться к французскому и английскому правительствам для получения тяжелой артиллерии. Если итальянская армия подверглась бы такой же основательной атаке, как французская армия при Вердене, то у нее не оказалось бы достаточной тяжелой артиллерии.

Это — основной пункт. Необходимо, чтобы те страны, которые это могут сделать, помогли бы Италии. В интересах общего дела, может быть, можно было бы сделать усилие в других странах для того, чтобы восполнить этот недостаток в тяжелой артиллерии в Италии.

Генерал Жоффр признает, что этот вопрос был возбужден перед ним генералом Кадорна. Просьба Италии была передана помощнику государственного секретаря по снабжению.

Г. Альбер Тома объясняет, что по соглашению с генералом Жоффром и для оказания помощи итальянцам он рассмотрел эту просьбу с величайшим вниманием и что он имел в виду уступку некоторого количества 120-*мм* орудий. Еще нельзя установить их число, но, повидимому, Франция может уступить 60 тяжелых орудий. Это не покроет, может быть, всю потребность итальянской армии, но это уже будет значительная помощь.

Генерал Жоффр добавляет, что Италии были предложены также 95-*мм* орудия.

Г. Бриан. — Что касается Франции, то она готова употребить все свои усилия в интересах своих союзников; но она была вынуждена мобилизовать почти всю совокупность своего мужского здорового населения; у нее недостает рабочих рук, в которых она нуждалась бы для производства снарядов. Если бы одна из союзных стран имела возможность восполнить эту пустоту, то Франция была бы счастлива получить помощь, и из этого проистекли бы только выгоды для всех. Если, например, Италия могла бы оказать помощь своей рабочей силой, то Франция приняла бы ее с удовлетворением, и Италия первая выиграла бы от этого.

Генерал Жоффр заявляет, что в данный момент заводы Франции производят всякого рода предметы снабжения, но они могли бы делать еще лучше и увеличить продукцию 75-*мм* пушек, если бы имели в своем распоряжении больше рабочих рук.

Г. Альбер Тома просит разрешения сказать несколько слов о положении Франции в вопросе о снабжении военными припасами. Союзники должны признать, что Франция уже сделала большое усилие; она намерена продолжать его. Принятая программа позволяет работать на французскую армию и в то же время удовлетворять часть требований союзников. Но Франция могла бы использовать еще 100 000 рабочих, и их она везде и старается найти.

Генерал Жоффр вернул военным арсеналам все, что только мог вернуть без ущерба для государственной обороны. Пришлось обратиться к колониальной рабочей силе и думали даже о доставке китайских рабочих. Франция делает максимальные усилия, но она желает, если это возможно, еще больше помочь своим союзникам. Поэтому г. Альбер Тома и настаивал перед Италией и Россией, чтобы они помогли Франции. Он знает, что трудно получить квалифицированную рабочую силу, но кроме квалифицированной рабочей силы есть масса рабочих, чернорабочих, которых до войны имелось так много в мастерских. Нельзя ли получить помощь от Италии в этой области в военное время? Возра-

жают, что эмиграционный закон препятствует набору рабочих в Италии; но не может ли его применение подвергнуться некоторым смягчениям?

Г. Альбер Тома ставит этот вопрос итальянскому и российскому правительствам.

Г. Соннино заявляет, что в настоящее время Италия могла бы доставить очень мало квалифицированных рабочих; она сама испытывает в них недостаток. Помощь, которую она могла бы предоставить, свелась бы почти к нулю, так как, если бы Италия уступила своих квалифицированных рабочих, то частная промышленность могла бы несомненно использовать это как предлог для несоблюдения своих обязательств перед государством. Что касается обыкновенных рабочих, то, может быть, можно было бы найти некоторое количество. Комиссия по эмиграции уже применяла закон довольно либерально ко всем тем, кто не подлежит отбыванию воинской повинности. Италия могла бы доставить некоторое количество рабочих, свободных от всякой воинской повинности, т. е. имеющих более 40 лет от роду, если бы можно было обеспечить им во Франции благоприятные условия труда и дать им некоторые гарантии.

Но эта помощь будет ограниченной, так как Италия должна вести большие траншейные работы, особенно вблизи швейцарской границы. В настоящее время 100 000 рабочих заняты в прифронтовой полосе.

Г. Альбера Тома приятно поразили 100 000 итальянских рабочих, работающих на армию, и он надеялся, что несколько десятков тысяч рабочих удастся получить и для развития производства оружия и снарядов во Франции. Рабочие потребовались бы для сооружения больших пороховых заводов на юге, и было бы очень желательно иметь возможность установить с итальянцами соглашение, аналогичное заключенному с бельгийцами и давшему превосходные результаты для обеих стран, потому что часть продукции возвращается во Францию, тогда как другая часть остается в Бельгии.

Г. Саландра замечает, что итальянских рабочих невозможно заставить работать за границей и что речь могла бы итти лишь об облегчении набора путем самого либерального применения правил об эмиграции.

Г. Соннино указывает на крупные различия, существующие между отдельными областями Италии: в некоторых провинциях чувствуется недостаток рабочих рук, тогда как в других имеется некоторое количество безработных. Министр иностранных дел Италии не сомневается в том, что возможно набрать несколько тысяч рабочих, если предоставить им благоприятные условия.

Г. Бриан считает нужным отметить, что дело идет не о принуждении, а лишь об облегчении набора итальянских рабочих.

Г. Альбер Тома заявляет о своем согласии с таким образом действий. Речь может итти только об облегчении набора, но итальянский эмиграционный закон строг, и чтобы иметь возможность приступить к набору рабочих в Италии, было бы желательно несколько смягчить его применение.

Г. Ллойд-Джордж замечает, что положение Англии сильно отличается от положения других союзников и оно особенно затруднительно. В начале войны Великобритания имела маленькую армию и могущественный флот. Все усилия были направлены на развитие флота и на удовлетворение его потребностей. В настоящий момент более двух миллионов человек работают на флот. Англия до известной степени отягощена своим огромным флотом, но не надо забывать, что этот флот обеспечивает господство на морях для всех союзников. Наоборот, армия, которая была малочисленна в начале войны, непрерывно возрастала, и

британское правительство прилагает все усилия, чтобы обеспечить ее всем, в чем она нуждается. Создание тяжелой артиллерии могло начаться лишь прошлым летом; первые заказы были помещены в июле прошлого года, так как прежде, чем изготовлять пушки, пришлось строить заводы, покупать машины, набирать рабочих. К концу года Англия будет иметь все, что ей нужно, и сможет помогать России и Сербии, но Англия наталкивается на те же трудности, что и Франция, в вопросе о рабочей силе: так, пулеметы, которые должны были быть изготовлены для Италии, до сих пор не готовы, вследствие невозможности для итальянского правительства прислать обещанные им шесть тысяч рабочих.

Г. Ллойд-Джордж настаивает на том, чтобы каждый из союзников приложил все свои усилия для развития производства пушек и снарядов, и предлагает затем решить вопрос о том, куда эти снаряды должны быть посланы.

Генерал Жилинский заявляет, что Россия тоже испытывает большую нужду в материальной части и в снарядах, но что больше всего ей необходима тяжелая артиллерия. К трудностям производства и снабжения через Францию и Англию для России прибавляются трудности транспорта. Так, пушки, уступленные Францией, до сих пор не прибыли к месту назначения. Кроме того, если бы французское правительство могло увеличить количество пушек, обещанное России, то императорское правительство было бы ему за это очень благодарно. Атака укрепленных позиций сделалась очень затруднительной без сильной тяжелой артиллерии.

Патроны тоже имеются в недостаточном количестве, несмотря на все усилия, делаемые Россией для развития производства на своих заводах. Можно было заметить, что русские армии потребляли до сих пор гораздо больше патронов, чем другие союзные армии: это зависит от недостаточности тяжелой артиллерии, что заставляет чаще выступать пехоту. Наконец, в России недостает некоторых металлов; некоторые из них обещаны ей Францией, но других, как ртуть и латунь, во Франции не имеется, и Россия обращается с просьбой к своим союзникам о предоставлении ей этих металлов.

Г. Иввольский просит разрешения добавить несколько слов к этому сообщению, чтобы обратить внимание на то, что если, как то предложил г. Ллойд-Джордж, союзники будут ждать, пока будет закончено производство пушек и снарядов, чтобы затем приступить к их распределению между союзниками, то Россия окажется в особенно затруднительном положении из-за длительных сроков, необходимых для перевозки. Российский посол полагает, что этот вопрос мог бы теперь же быть рассмотрен генеральными штабами.

Г. Извольский добавляет, что по вопросу о рабочей силе он не в состоянии дать конференции точные указания, но что этот вопрос уже обсуждался между Парижем и Петроградом, и он не преминет довести точку зрения конференции до сведения императорского правительства.

Лорд Китченер указывает, что производительность английских заводов будет едва достаточна для покрытия потребностей британской армии в течение всего 1916 года, и лишь в январе будущего года Англия будет располагать тяжелой артиллерией, могущей быть предоставленной союзникам.

Г. Бриан констатирует, что, как вытекает из этого обмена взглядами, в некоторых странах имеется нужда в пушках и снарядах, тогда как возможности их производства во Франции еще очень велики, но остаются неиспользованными из-за недостатка рабочих рук. Здесь, таким образом, налицо крайне интересный случай, который мог бы повести к обмену материалами и людьми между союз-

никами. Франция могла бы дать Италии и России тяжелую артиллерию, если бы могла найти у союзников необходимых ей рабочих. В Верденском сражении, правда, было уничтожено некоторое количество орудий, которое придется заменить, но с этой оговоркой Франция могла бы снабдить своих союзников материалами для тяжелой артиллерии, еслиб она располагала необходимой рабочей силой, чтобы выпускать из своих арсеналов большее количество единиц. Поэтому крайне важно разрешить эту проблему. Результат был бы благоприятен для всех, если другие союзники захотят убедить некоторые круги в необходимости облегчить набор рабочей силы. Италия должна быть заинтересована в изучении этого вопроса совместно с Францией.

Г. Соннино снова настаивает на трудностях проблемы, и хотя количество рабочих, могущее быть получено, гораздо меньше, чем, повидимому, думают, королевское правительство тем не менее готово рассмотреть положение с благожелательностью, при условии, однако, ограждения военных и сельскохозяйственных потребностей Италии.

Г. Бриан настаивает, с другой стороны, перед бельгийскими властями на том, чтобы путем убеждения они добились от своих граждан, могущих быть использованными во Франции, согласия работать на французских заводах с целью усиления их производительности.

Г. де Броквиль не желал бы ничего лучшего, как ответить на призыв председателя совета, но он отмечает, что большинство из его соотечественников уже занято на бельгийских, французских и английских заводах. Бельгийские власти выяснили имена рабочих, которые могли бы еще быть использованы, и констатировали, что в 17 обследованных департаментах количество незанятых бельгийцев достигает лишь 393, из которых свыше 100 стариков. Союзные правительства могут быть уверены в доброй воле бельгийского правительства, которое приложит все усилия, чтобы доставить им ту рабочую силу, которая имеется в его распоряжении. Г. де Броквиль указывает, что между французским и союзными правительствами могли бы быть заключены соглашения, аналогичные соглашениям, состоявшимся между французским и бельгийским правительствами. Эти соглашения выгодны для обоих контрагентов. Так, например, из 1 000 рабочих часов, проработанных бельгийскими рабочими на французских заводах, 600 часов посвящены производству 105-*мм* пушек для бельгийской армии.

Г. Бриан предлагает поручить комиссии изучить этот вопрос и изыскать средства для достижения быстрого результата.

В то же время председатель совета обращает внимание на другие вопросы, которые теснейшим образом связаны с производством снарядов, а именно вопросы угля и тоннажа. Попутно он отмечает, что вопрос о тоннаже принял тревожный характер во Франции и дошел почти до острого состояния в Италии. Важно, чтобы совместно с Англией были найдены средства для избежания кризиса.

Г. Саландра благодарит председателя совета за постановку вопроса о тоннаже, который имеет жизненное значение для Италии. Недостаток тоннажа грозит остановить всю хозяйственную жизнь и, следовательно, нанести крупный удар военным усилиям. Италия испытывает абсолютную нужду в зерне, угле и железном ломе для производства снарядов. Также итальянское правительство уже настойчиво указывало в Лондоне на важность этого вопроса.

Сэр Э. Грей констатирует, что не только союзники страдают от недостатка горючего и что в самой Англии бывают нехватки угля. Были случаи, когда

в Глазго военный завод должен был на некоторое время приостановить работу из-за отсутствия угля. Не надо забывать, что недостаток рабочих рук чувствуется не только на заводах, но и в шахтах. Г. Ллойд-Джордж уже указывал на трудности, вызываемые вопросом о рабочей силе. Англия является объектом огромного спроса на уголь не только для ее военного флота, но и для союзников, и она вынуждена держать производство угля на очень высоком уровне. Английское правительство тем не менее делает все усилия, чтобы обеспечить производство угля.

Но наибольшая трудность связана несомненно с тоннажем. Она вызывается недостатком в торговых судах. Потребность в судах значительно возросла вследствие перевозки войск, оружия, снарядов и предметов снабжения, необходимых для армий. Поэтому британское правительство прилагает все свои усилия, чтобы получить в свое распоряжение возможно большее количество судов. С этой целью оно создало в Лондоне комитет под председательством лорда Керзона, в котором представлены Франция и Италия и на который возложена задача получить возможно большее количество тоннажа и распределить его между союзниками. Однако трудности очень велики; они усиливаются тем, что постройка торговых судов почти совсем прекратилась после начала войны. Но английское правительство прилагает усилия, чтобы преодолеть эти трудности, и старается купить возможно большее количество нейтральных торговых судов.

Г. Веснич желает вернуться к первому вопросу, т. е. вопросу о потребностях сербской армии. Сербский посланник думает, что можно было бы при желании найти среди сербских солдат некоторое количество квалифицированных рабочих для производства снарядов, и королевское правительство готово вернуть их с фронта, если этого потребуют союзники.

Г. Веснич считает нужным настаивать на том, что все дело союзников, осуществляемое благодаря таким большим жертвам, есть борьба нравственного начала против грубой силы, но сила необходима, поскольку к ней прибегают наши противники.

Между тем в докладе военной конференции в Шантильи есть место, вызвавшее некоторое беспокойство у сербского правительства; это тот пункт, где идет речь об отрыве одного из воюющих балканских государств от коалиции центральных империй. Это — обоюдоострое оружие, так как если оно способно вызвать некоторые надежды у одного из наших противников, оно рискует вызвать уныние в других балканских странах. Если сербская армия, моральные и физические страдания которой известны, могла бы подумать, что какой-либо из союзников имеет мысль о переговорах с одним из ее противников, излишне говорить с каким, — то этого было бы достаточно, чтобы вызвать в ней упадок энергии. Если эта мысль не могла зародиться ни у кого, то сербское правительство желало бы, чтобы это место доклада не могло быть двусмысленно истолковано.

Генерал Рашич замечает, что говорилось главным образом о тяжелой артиллерии, но сербская армия, насчитывающая еще 150 000 человек, не менее нуждается в полевой артиллерии. Сербская армия потеряла при отступлении или уничтожила почти все свои пушки. Чтобы иметь возможность помочь союзникам в надлежащий момент, она должна иметь артиллерию, пропорциональную численности ее состава. Она просила уже 6 полевых батарей, 6 горных батарей и 6 гаубичных 120-*мм* батарей на бригаду. Но генерал Жоффр мог

обещать лишь 3 полевые батареи, 6 горных батарей и 2 гаубичных. Таким образом в отношении гаубичных батарей имеется большое расхождение между пожеланиями сербской армии и тем, что может быть ей предоставлено. Кроме того, сербская армия убеждена, что горные батареи не соответствуют ее нуждам и она будет сильно страдать от невозможности получить полевые батареи, которые она считает совершенно необходимыми.

Генерал Жоффр заверяет генерала Рашича, что французское правительство учтет эти соображения и даст сербской армии все, что окажется возможным, для удовлетворения ее потребностей. Но следует начать с предоставления сербской армии того, что имеется, с тем чтобы затем доставить ей по возможности более мощную артиллерию. Именно по этой причине Португалия была запрошена, может ли она уступить горные батареи, и с этой самой целью г. Альбер Тома старается достать рабочую силу, необходимую для увеличения производства на наших заводах.

Г. Буржуа предлагает поручить технической подкомиссии изучить оба эти вопроса и приготовить доклад:

1) об обмене уже готовыми оружием и снарядами;

2) об усилении производства на заводах во Франции с помощью иностранной рабочей силы.

Это предложение принимается конференцией.

Г. Асквит спрашивает, отдают ли себе отчет в трудностях, стоящих перед английским правительством:

Каждого английского солдата, находящегося на фронте, приходилось отправлять туда морем, и английское правительство должно было таким образом обеспечить перевозку более двух миллионов человек. Далее, надо их кормить, вооружить и перевезти их с фронта. Все это требует огромного, непрерывного усилия. Это налагает совершенно особые обязанности на союзников, и какие бы усилия ни делала Англия, это лишает ее возможности делать для них все, что она хотела бы, но это — ее первый долг в интересах самих союзников.

Затем г. Асквит настаивает на мерах, имеющих быть принятыми для улучшения положения с торговым флотом, для ускорения перевозок и снижения фрахтов. В особенности он указывает на загроможденность некоторых портов, в частности в Италии, что вызывает потерю времени при погрузке и разгрузке и ведет к повышению фрахтов. В Англии были сделаны самые серьезные усилия, чтобы разрешить эту проблему; с этой целью английское правительство:

1) запретило английским судам вести торговлю с нейтральными странами без специальной лицензии;

2) приняло все меры для развития строительства торговых судов;

3) поощряло то, что можно назвать «диффузией» рабочей силы, заменяя насколько возможно квалифицированных рабочих обыкновенными рабочими и даже женщинами;

4) запретило ввоз всех предметов роскоши и всех предметов, не являющихся строго необходимыми;

5) сделало ряд усилий, чтобы уменьшить загруженность портов, путем привлечения иностранной рабочей силы и путем лучшего использования военной рабочей силы с целью освобождения возможно большего количества солдат.

Г. Саландра признает, что в известный момент итальянские порты были загромождены, например, Генуя, но не надо забывать, что все снабжение Италии идет теперь через западные порты, так как перевозки через Адриатическое море были невозможны. Итальянское правительство приняло некоторые меры для того, чтобы суда шли в различные порты западного побережья, и можно утверждать, что в настоящий момент условия в Генуэзском порту нормальны.

Адмирал Лаказ сообщает, что перед французским правительством стояли те же заботы, и что оно создало комитет, изучающий жизненные потребности государства. С другой стороны, этот комитет составил таблицу судов, которыми может располагать Франция, и когда эта работа будет окончена, ее результаты будут сообщены английскому правительству, и тогда будет видно, в какой мере английский флот может помочь Франции. Будет возможно установить настоятельные потребности и составить месячный список необходимого тоннажа. Морской министр думает, что для избежания конкуренции между союзниками было бы возможно поручить британскому правительству собрать весь свободный тоннаж и распределить его между союзниками согласно их потребностям.

Г. Бриан напоминает, что во время его поездки в Лондон с адмиралом Лаказом рассматривался вопрос о создании международной комиссии, которой руководила бы Англия и в которой производилась бы вся работа по распределению тоннажа между союзными странами. Это, по его мнению, является лучшим способом для избежания конкуренции между учреждениями одной и той же страны или между союзными странами. Если в каждой стране будет проделана работа, аналогичная произведенной во Франции, то межсоюзническая комиссия легко могла бы произвести распределение, и вскоре почувствовались бы счастливые результаты этого.

Г. Бриан добавляет, что единодушное настроение конференции, в ответ на оговорки, сделанные г. Весничем от имени его правительства, таково, что пункт в докладе военной комиссии не должен возбуждать никаких сомнений: последний не может касаться какой-либо возможности, подлежащей рассмотрению союзников. Ни для одного из них не может быть и речи о какихлибо действиях на Балканах, которые могли бы нанести ущерб законным интересам Сербии.

Российский посол заявляет, что слова г. председателя совета выражают чувства, разделяемые императорским правительством.

Сэр Э. Грей заявляет, что британское правительство в этом вопросе вполне согласно с правительствами Франции и России.

Сербский посланник благодарит председателя совета за сделанное им заявление.

Г. Бриан возвращается затем к предложению, сделанному г. Леоном Буржуа, и предлагает поручить членам собрания, уже находящимся в курсе производства материальной части и снарядов в их стране, приготовить желаемый доклад. Собрание одобряет это предложение и выделяет для участия в подкомиссии: г. А. Тома, г. Ллойд-Джорджа, г. генерала Далл'Оллио, г. полковника Игнатьева, военного атташе российского посольства, г. генерала Рашича и г. генерала Пелле, генерал-майора.

Заседание закрывается в полдень.

№ 421. Протокол второго заседания конференции союзников в Париже.

27/14 марта 1916 г.
Secret.

Conférence des Alliés.

2-ème séance — lundi, 27 mars 1916.

La séance est ouverte à trois heures et demi.

Mr. Briand propose d'examiner les problèmes qui touchent à la question économique et à la question du blocus de l'Allemagne. Les Alliés ne doivent pas envisager seulement la lutte sur le terrain militaire, mais ils doivent aussi porter la guerre sur le terrain économique. L'ennemi a profité du manque d'organisation et du manque de cohésion des Alliés pour obtenir certains produits nécessaires à la guerre, et il a pris des dispositions telles pour la période qui suivra la guerre, qu'il aura vite regagné le terrain perdu, si même il n'en conquiert pas de nouveaux. Des stocks importants sont constitués en Allemagne pour être vendus après la guerre. On sait, en outre, que des contrats à longs termes ont été passés par les Allemands et les Autrichiens pour des matières de première nécessité et même que des contrats de frets ont été signés et n'entreront en vigueur qu'après la conclusion de la paix. Si les Alliés ne prennent pas leurs précautions, l'ennemi qu'ils auront vaincu sur le terrain militaire se retournera contre eux sur le terrain économique. La victoire sur le terrain économique n'est donc pas moins indispensable que sur le terrain militaire. Il ne s'agit pas, d'ailleurs, d'examiner le problème dans toute son étendue, ni de prendre des décisions pouvant contrarier les intérêts de certains pays, mais seulement de discuter une question importante et qui intéresse au plus haut point tous les Alliés. A Paris, le gouvernement français a créé un comité de restriction des approvisionnements de l'ennemi. Un organisme analogue a été créé à Londres; ces deux comités sont en rapports constants.

Il serait à désirer que des commissions analogues fussent créées dans les autres pays alliés et que des délégués de chacun des belligérants y fussent admis.

Il ne peut être question en ce moment du régime à appliquer à l'avenir mais il s'agit de coordonner les efforts de tous les Alliés pour fermer les fissures grâce auxquelles l'Allemagne peut encore se ravitailler. Sans se dissimuler les difficultés de ce problème, le président du conseil pense qu'il serait possible de prendre certaines mesures pour assurer la victoire des Alliés sur le terrain économique aussi bien que sur le terrain militaire.

Mr. de Broqueville est d'accord avec Mr. le président du conseil pour penser que les Alliés doivent s'entendre pour la défense de leurs inté-

rêts s'ils ne veulent pas s'exposer à retrouver après la guerre l'Allemagne plus puissante au point de vue économique et plus décidée que jamais à vaincre ses adversaires sur le terrain commercial.

Or la politique économique n'est pas faite de sentiments: elle doit être avant tout pratique; il faut donc rechercher s'il y a une possibilité matérielle suffisante. Mr. de Broqueville est convaincu que cette possibilité existe et que l'on doit être avant tout préoccupé d'éviter le retour d'une catastrophe qui accable l'Europe depuis deux ans.

En ce qui concerne la Belgique, bien que ce pays ait eu des relations économiques importantes avec l'Allemagne, il n'hésitera pas, s'il peut arriver à une entente avec les Alliés, à se ranger du côté où ses intérêts politiques le poussent.

Mr. Sonnino fait remarquer qu'il y a deux questions différentes: 1) celle de la lutte économique pendant la guerre; 2) celle de la lutte économique après la guerre. Le ministre des affaires étrangères d'Italie pense qu'on a suffisamment à faire en ce moment à s'occuper de la lutte militaire et que les difficultés pour organiser la lutte économique après la guerre sont si grandes qu'il conviendrait d'en remettre l'examen à plus tard.

Mr. Asquith rappelle qu'il s'agit de la lutte économique pendant la guerre pour assurer le succès de celle-ci le plus tôt possible.

Mr. Sonnino fait remarquer que les plus grandes difficultés pour l'Italie viennent du côté de la Suisse. Le gouvernement royal a pris toutes les mesures possibles pour empêcher, sans trop gêner la Suisse, le passage en Allemagne de tout ce qui peut servir à la guerre. Il se demande ce que l'on pourrait faire de plus sans froisser l'amour-propre des Suisses. On ne peut pousser les précautions jusqu'à l'extrême sans courir le risque de rendre hostile une population que nous avons tout intérêt à maintenir dans de bonnes dispositions.

Mr. Briand comprend les réserves faites par le gouvernement italien et se rend bien compte des difficultés que soulève cette question, mais il fait remarquer qu'aucun mécontentement ne pourrait naître dans les pays neutres, en Suède aussi bien qu'en Suisse, des mesures prises par les Alliés pour empêcher le ravitaillement des pays ennemis. L'opinion publique en Suède comme en Suisse accepterait sans doute sans trop de difficultés des mesures n'ayant aucun caractère vexatoire et ne gênant pas le commerce du pays, si on prenait la précaution de faire comprendre qu'il ne s'agit que d'empêcher la contrebande et les fraudes de guerre. Il ne peut être question d'arrêter dès maintenant les mesures à prendre contre l'Allemagne et l'Autriche après la guerre, mais on sait que les empires du centre essayent de monopoliser certains produits et les Alliés

ont le devoir de prendre leurs dispositions pour empêcher ces accaparements: c'est une mesure de guerre.

Mr. de Broqueville se demande s'il ne serait pas possible de créer en Suisse et dans les autres pays neutres un organisme analogue à celui constitué en Hollande sous le nom de «Neederlandische Oversee Trust».

Mr. Tittoni rappelle que c'est déjà fait en ce qui concerne la Suisse par la création de la Société Suisse de Surveillance, après accord entre les Alliés et le gouvernement fédéral.

L'amiral Lacaze insiste sur ce fait qu'il y a à Paris un comité de restriction du commerce avec l'ennemi, et il demande que des comités analogues soient créés dans chaque pays et que des représentants de chacun des Alliés soient admis dans ces comités.

Mr. Bourgeois estime qu'il s'agit tout d'abord d'établir une unité de méthode et une unité de délibération. Il existe dans chaque pays un comité de restriction du commerce avec les neutres et des organismes de contingentements, mais il ne semble pas qu'il y ait de lien entre eux. Il serait nécessaire d'adopter dans chaque pays des méthodes analogues afin d'avoir des bases de comparaison et de créer un organisme central où tous les renseignements seraient concentrés. De cette façon on éviterait des difficultés avec les pays neutres puisqu'une mesure identique serait adoptée par tous les Alliés. Peut-on arriver à une unité de méthode et de décision, étant entendu qu'il ne s'agit que de mesures à prendre pendant la guerre en réservant l'avenir?

Mr. Sonnino ne voit pas comment la création d'un comité de restriction du commerce avec l'ennemi dans chacun des pays alliés pourrait amener l'unité de vues et d'actions tant désirée; il lui semble que ce doive être plutôt le contraire et il estime qu'un seul organisme où tous les Alliés seraient représentés donnerait de meilleurs résultats mais que des complications! Où se tiendrait ce comité? Qui prendrait les décisions?

Mr. Briand fait remarquer que les comités locaux répondent à des situations particulières à chaque pays. Le délégué étranger qui prend part à leurs travaux n'intervient que dans certains cas. Toutefois le président du conseil français ne verrait pas d'inconvénient à la création d'un organisme unique qui centraliserait tous les renseignements et qui prendrait des décisions.

L'amiral Lacaze rappelle que le but auquel on tend est d'avoir un délégué de chaque pays dans le comité local pour arriver à une unité de vues, mais il y aurait d'après lui des inconvénients à supprimer le comité local. Ce comité dresse la liste des articles frappés d'interdiction de sortie, pour empêcher qu'ils ne servent à nos ennemis.

Il y a un grand avantage à avoir un délégué des autres nations dans chaque comité parce que ces délégués peuvent se pénétrer des raisons qui ont motivé une décision et les faire ensuite valoir chez eux.

Mr. Tittoni craint que la création en Italie d'un comité local ne fasse double emploi avec la Société Suisse de Surveillance car aucune autorisation d'exportation n'est donnée par le gouvernement italien sans avoir pris l'avis de la commission de rationnement de la Suisse. Il semble inutile dans ces conditions de créer une autre commission pour s'occuper de la même question, mais il pourrait y avoir un réel intérêt à constituer un Comité central pour la restriction du commerce avec l'Allemagne.

Mr. Sonnino fait remarquer que ce qui semble irriter surtout l'opinion publique chez les neutres c'est moins la limitation des approvisionnements que les interdictions de sortie.

Le général Gilinsky est d'avis que c'est moins ce que l'on défend qui irrite l'opinion publique que les mesures de surveillance à l'égard des neutres. En Suède, par exemple, l'irritation est due tout entière aux mesures de surveillance qui paraissent trop sévères aux habitants de ce pays. Nul n'ignore qu'à un moment donné, la tension a été assez grande pour faire craindre la guerre avec la Suède. Si cette puissance se mettait du côté de l'Allemagne, c'est la Russie qui supporterait tout le poids de la guerre et bien que l'armée suédoise ne constitue pas un très grand danger pour la Russie, son entrée en scène n'en créerait pas moins de grandes difficultés aux Alliés. Il importe donc que les mesures prises à l'égard de la Suède ne puissent la pousser dans les bras de l'Allemagne.

Le baron Beyens fait remarquer combien l'exemple qui vient d'être cité par le général Gilinsky justifie la création d'un organisme central.

Le baron Sonnino constate que si ce comité central existait, le délégué russe pourrait y faire valoir les arguments qui militent contre une surveillance trop sévère des approvisionnements de la Suède. Il y a sans doute quelque chose à faire et il semble bien que la création d'un comité central réponde à la situation.

Mr. Vesnitch est d'avis que la création de cet organisme ferait une excellente impression dans les pays alliés, donnerait aux neutres l'impression d'une unité de vues chez les Alliés et constituerait une menace nouvelle pour les empires du centre.

Mr. Albert Thomas insiste pour qu'au moment où les Alliés cherchent à coordonner leurs efforts, ils donnent aussi l'impression de vouloir intensifier la lutte contre l'Allemagne. Il convient sans doute d'éviter de froisser inutilement les neutres, mais il ne faut pas oublier que l'attitude actuelle de certains d'entre eux peut nous créer des dangers bien

plus grands que ceux auxquels nous pourrions nous trouver exposés en resserrant le blocus contre l'Allemagne.

Que penser de la Suède qui avant la guerre importait, par exemple, 11 000 tonnes de coton par an et qui dans le premier semestre de l'année dernière en a importé 116 000 tonnes? N'y a-t-il pas lieu aussi d'être inquiet de voir passer de Suède en Allemagne par le Rhin plus de 1 500 000 tonnes de minerais pour la fabrication de munitions?

Ce coton, ces minerais, ne sont-ils pas pour nos soldats un danger plus réel encore que celui qui pourrait résulter d'un certain mécontentement en Suède. Il est absolument nécessaire que la Conférence marque bien que ses décisions ne sont prises au point de vue économique que pour compléter la guerre militaire.

Le général Gilinsky admet qu'il faille resserrer le blocus économique mais sans aller trop loin pour éviter que les pays neutres ne se joignent à nos ennemis.

Mr. Briand fait remarquer que les mesures prises par les Alliés n'auront pas un caractère vexatoire si elles sont étudiées avec soin.

Ce qui a pu donner lieu à des difficultés c'est que certaines mesures ont paru imputables à l'arbitraire. Si on démontre au peuple suédois, par exemple, que la Suède importait *x*... tonnes de tel produit avant la guerre et que depuis 1914 l'importation a décuplé, comment n'admettrait-il pas que cette augmentation profite à l'Allemagne? Il faut s'efforcer d'empêcher la fraude, en obtenant sans doute l'assentiment des pays intéressés, mais il importe avant tout d'empêcher le ravitaillement de l'Allemagne: il s'agit là pour les Alliés d'une mesure de légitime défense.

On se rend bien compte que ce n'est pas chose facile et on comprend les réserves du baron Sonnino, mais il est certain que, si les Alliés sont d'accord pour prendre certaines dispositions, ils n'auront pas trop de peine à les faire accepter par les neutres. Mr. Briand suggère de charger quelques membres de l'assemblée qui se sont plus spécialement occupés de ces questions d'étudier ce problème et de proposer une solution à la Conférence.

Cette commission pourrait étudier aussi la question du commerce avec l'ennemi. Certaines mesures ont en effet été prises dans les différents pays pour empêcher de commercer avec l'ennemi, mais ces mesures ne sont pas identiques; dans certains pays même, l'Allemagne peut continuer à faire du commerce.

Il y a là d'abord une source de profits et en outre un avantage moral considérable pour nos ennemis. La guerre déchaînée par l'Allemagne et l'Autriche est une guerre sans merci et il est nécessaire que le commerce des empires du centre soit entravé le plus possible pour hâter

la fin de la guerre. Si l'Allemagne et l'Autriche peuvent continuer à faire du commerce avec d'autres pays, même ennemis, cela contribue à leur donner de la confiance et du courage; si, au contraire, les empires du centre acquièrent la certitude que, plus la guerre durera, plus leur commerce sera anéanti, une profonde démoralisation se produira bientôt chez eux, maintenant surtout où le facteur moral est une des munitions les plus indispensables de la lutte. S'il est possible non d'unifier ce qui paraît bien difficile, mais seulement de coordonner les mesures à prendre pour la restriction du commerce avec l'ennemi, la commission aura fait une oeuvre utile.

L'assemblée adopte les suggestions du président du conseil et désigne pour faire partie de la commission Mr. le baron Beyens, Mr. l'amiral Lacaze, Mr. Albert Thomas, Sir E. Grey, Mr. Chagas, Mr. Matsui, Mr. Sevastopoulo et Mr. Yovanovitch.

Le président demande ensuite si les membres de la Conférence désirent quelques renseignements sur d'autres questions.

Personne n'ayant demandé la parole, la séance est levée à 5 heures.

Перевод.

Конференция союзников.

2-е заседание — понедельник, 27 марта 1916 г.

Заседание открывается в три с половиной часа.

Г. Бриан предлагает рассмотреть проблемы, касающиеся экономического вопроса и вопроса о блокаде Германии. Союзники должны иметь в виду не только борьбу в военной области, но должны перенести войну также и в экономическую область. Противник воспользовался отсутствием организованности и согласованности действий союзников для получения некоторых продуктов, необходимых для военных целей, и принял меры на послевоенный период с тем расчетом, что они позволят ему быстро наверстать потерянную почву, если даже ему не удастся завоевать новые возможности. В Германии образованы значительные запасы для продажи их после войны. Кроме того известно, что германцами и австрийцами заключены долгосрочные контракты на предметы первой необходимости, и что подписаны даже фрахтовые договоры, которые вступят в силу лишь после заключения мира. Если союзники не примут мер предосторожности, то противник, которого они победят на военной почве, обратится против них на экономической почве. Победа на экономической почве не менее необходима, чем на военной почве. Дело, впрочем, идет не о том, чтобы рассматривать проблему во всей ее широте или принимать решения, могущие противоречить интересам некоторых стран, а лишь о том, чтобы обсудить важный вопрос, в котором в высшей степени заинтересованы все союзники. В Париже французское правительство создало комитет по ограничению снабжения неприятеля. Аналогичная организация создана и в Лондоне; эти два комитета находятся между собой в постоянных сношениях.

Было бы желательно, чтобы такие же комиссии были созданы в других союзных странах и чтобы в них были допущены делегаты от каждого из воюющих государств.

В данный момент не может стоять вопрос о режиме, который будет применяться впоследствии, но необходимо согласовать усилия всех союзников, чтобы закрыть те щели, через которые Германия еще может снабжаться. Не скрывая от себя трудности этой проблемы, председатель совета думает, что было бы возможно принять некоторые меры для обеспечения победы союзников в экономической области, так же как и в военной области.

Г. де Броквиль согласен с г. председателем совета, что союзники должны договориться о защите своих интересов, если они не хотят рисковать найти после войны Германию более мощной с экономической точки зрения и решившей более твердо чем когда-либо победить своих противников в торговой области.

Но экономическая политика создается не чувствами: она прежде всего должна быть практичной; поэтому следует выяснить, имеются ли достаточные материальные возможности. Г. де Броквиль убежден, что эти возможности существуют и что прежде всего следует позаботиться о том, чтобы избежать повторения той катастрофы, которая гнетет Европу последние два года.

Что касается Бельгии, то, хотя эта страна имела важные экономические сношения с Германией, она без колебаний станет, если ей удастся достигнуть соглашения с союзниками, на ту сторону, куда ее влекут ее политические интересы.

Г. Соннино обращает внимание на то, что здесь имеется два различных вопроса: 1) вопрос об экономической борьбе во время войны, 2) вопрос об экономической борьбе после войны. Министр иностранных дел Италии думает, что в настоящий момент военная борьба доставляет достаточно забот и что трудности по организации экономической борьбы после войны настолько велики, что следовало бы отложить рассмотрение их до более отдаленного времени.

Г. Асквит напоминает, что дело идет об экономической борьбе во время войны, чтобы обеспечить успех последней как можно скорее.

Г. Соннино замечает, что самые большие трудности для Италии имеются со стороны Швейцарии. Королевское правительство приняло все возможные меры, чтобы, не слишком стесняя Швейцарию, помешать проникновению в Германию всего, что может служить для военных целей. Он спрашивает себя, что еще можно сделать, не затрагивая самолюбия швейцарцев. Нельзя доводить меры предосторожности до крайности, не подвергаясь риску возбудить к себе вражду в народе, который мы весьма заинтересованы удержать в добром расположении.

Г. Бриан понимает оговорки, сделанные итальянским правительством, и вполне отдает себе отчет в трудностях, создаваемых этим вопросом, но он указывает, что в нейтральных странах, в Швеции, как и в Швейцарии, не может возникнуть никакого недовольства мерами, принимаемыми союзниками для воспрепятствования снабжению неприятельских стран. В Швеции, как и в Швейцарии, общественное мнение, несомненно, приняло бы без особых затруднений меры, не имеющие какого-либо ограничительного характера и не стесняющие торговлю страны, если из предосторожности будет разъяснено, что дело идет лишь о воспрепятствовании контрабанде и военным злоупотреблениям. Не может быть и речи о проведении в жизнь теперь же мер, которые должны быть приняты против Германии и Австрии после войны, но известно, что центральные империи пытаются монополизировать некоторые продукты, и долг союзников — принять меры, чтобы помешать этому захвату: это — военное мероприятие.

Г. де Броквиль задается вопросом, нельзя ли создать в Швейцарии и в других нейтральных странах организацию, аналогичную уже образованной в Голландии под названием «Neederlandische Oversee Trust»?

Г. Титтони напоминает, что это уже сделано в отношении Швейцарии созданием Société Suisse de Surveillance, на основе соглашения между союзниками и федеральным правительством.

Адмирал Лаказ настаивает на том факте, что в Париже имеется комитет по ограничению торговли с неприятелем, и требует, чтобы аналогичные комитеты были созданы в каждой стране и чтобы в эти комитеты были допущены представители каждого из союзных государств.

Г. Буржуа находит, что прежде всего надо установить единый метод и единство обсуждения. В каждой стране существуют комитеты по ограничению торговли с нейтральными странами и организации по контингентированию, но между ними нет, кажется, связи. Необходимо принять аналогичные методы во всех странах, чтобы иметь основу для сравнения, и необходимо создать один центральный орган, в котором сосредоточивались бы все эти сведения. Таким образом были бы избегнуты затруднения с нейтральными странами, так как всеми союзниками были бы приняты одинаковые меры. Можно ли достигнуть единства метода и решения, причем, разумеется, дело идет лишь о мерах, которые следует принять на время войны, оставляя вопрос о будущем открытым?

Г. Соннино не видит, каким образом создание комитета по ограничению торговли с неприятелем в каждой из союзных стран могло бы привести к столь желаемому единству взглядов и действий; ему кажется, что результат будет скорее обратный, и он находит, что единый орган, в котором были бы представлены все союзники, дал бы лучшие результаты, но сколько осложнений! Где находился бы этот комитет? Кто принимал бы решения?

Г. Бриан замечает, что местные комитеты соответствуют местным условиям каждой страны. Иностранный делегат, принимающий участие в его работах, выступает лишь в некоторых случаях. Однако председатель совета министров Франции не видел бы неудобства в создании единого органа, который централизовал бы все сведения и принимал бы решения.

Адмирал Лаказ напоминает, что цель, к которой надо стремиться, состоит в том, чтобы иметь в местном комитете по делегату от каждой страны для достижения единства взглядов, но что, по его мнению, было бы нецелесообразно уничтожать местный комитет. Этот комитет составляет список предметов, запрещенных к вывозу, чтобы помешать их использованию нашими противниками.

Наличие делегатов от других наций в каждом из комитетов явится большим преимуществом, так как эти делегаты могут проникнуться теми мотивами, которые вызвали то или иное решение, и затем выдвигать их у себя.

Г. Титтони опасается, как бы организация в Италии местного комитета не создала параллелизма с Société Suisse de Surveillance, так как итальянское правительство не выдает каких-либо разрешений на вывоз, не получив заключения от комиссии по контингентированию в Швейцарии. В этих условиях представляется бесполезным создавать другую комиссию по тому же вопросу, но учреждение центрального комитета по ограничению торговли с Германией представляло бы реальный интерес.

Г. Соннино замечает, что общественное мнение в нейтральных странах менее раздражено ограничениями снабжения, чем запрещениями вывоза.

Генерал Жилинский находит, что раздражение в общественном мнении вызывают не столько запреты, сколько меры надзора по отношению к нейтральным странам. Например, в Швеции раздражение вызывается всецело мерами надзора, которые кажутся слишком строгими жителям этой страны. Общеизвестно, что одно время натянутость [отношений] была настолько велика, что возникали опасения войны с Швецией. Если эта держава станет на сторону Германии, всю тяжесть войны придется нести России, и хотя шведская армия не составляет слишком большой опасности для России, вступление ее на сцену тем не менее создало бы большие трудности для союзников. Поэтому важно, чтобы меры, принимаемые по отношению к Швеции, не могли толкнуть ее в объятия Германии.

Барон Бейенс обращает внимание на то, насколько пример, который привел генерал Жилинский, оправдывает создание центрального органа.

Барон Соннино констатирует, что если бы центральный комитет существовал, то русский делегат мог бы выдвинуть в нем аргументы, говорящие против слишком строгого надзора за снабжением в Швеции. Несомненно, что-то надо сделать, и, повидимому, создание центрального комитета действительно отвечает положению.

Г. Веснич считает, что создание этого комитета произвело бы превосходное впечатление в союзных странах, создало бы у нейтральных впечатление о наличии единства взглядов среди союзников и составило бы новую угрозу для центральных держав.

Г. Альбер Тома настаивает на том, чтобы в тот момент, когда союзники стараются согласовать свои усилия, они создали бы также впечатление, что желают сделать более интенсивной борьбу против Германии. Следует, конечно, избегать напрасного раздражения нейтральных, но не надо забывать, что нынешнее поведение некоторых из них может создать для нас гораздо большие опасности, чем те, которым мы могли бы подвергнуться, усилив блокаду против Германии.

Что надо думать о Швеции, которая до войны ввозила, например, 11 000 тонн хлопка в год и которая за первое полугодие прошлого года ввезла 116 000 тонн хлопка? Не приходится ли беспокоиться при виде того, как из Швеции проходят в Германию, по Рейну, более 1 500 000 тонн минералов для производства снарядов?

Не составляют ли этот хлопок и эти минералы еще более серьезную угрозу для наших солдат, чем опасности, могущие явиться результатом некоторого недовольства в Швеции. Абсолютно необходимо, чтобы конференция определенно отметила, что ее решения в области экономической принимаются лишь в качестве дополнения к военной борьбе.

Генерал Жилинский соглашается, что необходимо усилить экономическую блокаду, но во избежание присоединения нейтральных стран к нашим врагам не следует итти в этом деле слишком далеко.

Г. Бриан обращает внимание на то, что меры, принимаемые союзниками, не будут иметь стеснительного характера, если они будут тщательно разработаны.

Затруднения могли возникнуть именно вследствие того, что некоторые меры могли казаться произвольными. Если доказать шведскому народу, например, что Швеция до войны ввозила x... тонн такого-то продукта и что с 1914 г. этот ввоз удесятерился, то как мог бы он не согласиться с тем, что это увеличение идет на пользу Германии? Надо стараться помешать контрабанде, добиваясь, конечно, согласия заинтересованных стран, но прежде всего важно воспрепятствовать

снабжению Германии; для союзников здесь дело идет о мерах законной самообороны.

Совершенно очевидно, что это нелегкое дело, и оговорки барона Соннино понятны, но нет сомнения, что если союзники согласны принять некоторые меры, то для них не составит слишком большого труда заставить нейтральные на них согласиться. Г. Бриан предлагает поручить нескольким членам собрания, которые более специально занимались этими вопросами, изучить эту проблему и предложить конференции решение.

Эта комиссия могла бы также изучить вопрос торговли с неприятелем. Действительно, в различных странах были приняты некоторые меры для воспрепятствования торговли с неприятелем, но эти меры не тождественны; в некоторых странах Германия даже может продолжать вести торговлю.

Это составляет прежде всего источник выгод и, кроме того, это дает значительное моральное преимущество нашим противникам. Война, вызванная Германией и Австрией, — война без пощады, и необходимо, чтобы торговля центральных империй была возможно более затруднена, чтобы тем самым ускорить конец войны. Если Германия и Австрия могут продолжать торговать с другими странами, даже неприятельскими, то это придаст им уверенность и бодрость; если, наоборот, центральные империи проникнутся убеждением, что чем дольше продлится война, тем более уничтожена будет их торговля, то вскоре у них наступит глубокая деморализация, в особенности теперь, когда моральный фактор составляет одно из наиболее необходимых орудий борьбы. Если окажется возможным не унифицировать, — что представляется весьма трудным, — но лишь координировать меры, которые надо принять для ограничения торговли с неприятелем, то комиссия сделает полезное дело.

Собрание принимает предложение председателя совета и назначает в состав комиссии г. барона Бейенса, г. адмирала Лаказа, г. Альбера Тома, сэра Э. Грея, г. Шагас, г. Матсуи, г. Севастопуло и г. Иовановича.

Затем председатель спрашивает, не желают ли члены конференции получить какие-либо разъяснения по другим вопросам.

Так как никто не просит слова, то заседание закрывается в 5 часов.

№ 422. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Письмо. 27/14 марта 1916 г.
Доверительно.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Вернувшись из Петрограда [1], я нашел здесь дела в положении удовлетворительном. Настроение риксдага, одушевленного в огромном большинстве искренним стремлением сохранить Швеции благо мира и нейтралитета, отражалось на тоне печати; и самые убежденные германофилы и активисты начали доказывать, что они никогда не желали вовлечь свою родину в войну, а только старались об охранении ее достоинства и об ограждении ее интересов. Понимая, что война не популярна, и желая обеспечить себе успех в предстоящих земских

[1] См. № 246.

выборах, которые в свою очередь должны иметь влияние на будущий состав верхней палаты риксдага, они печатали в этом духе статьи и произносили речи, дабы усыпить опасения избирателей.

Но за последние десять дней положение, к сожалению, изменилось. С одной стороны, решение съезда младо-социалистов, призывавшее к всеобщей стачке в случае мобилизации [1], с другой — усугубившиеся усилия германской политики вовлечь Швецию во что бы то ни стало в вооруженную борьбу — снова вносят смуту в здешнее общественное мнение и уменьшают влияние на дела тех членов нынешнего правительства, которые наиболее искренно пекутся о сохранении нейтралитета. В придворных кругах снова заговорили о необходимости единения с Германией, как с единственной силой, могущей оградить династию и монархический принцип от демократического наводнения. Активисты и военные снова поднимают голову, и в печати возобновилась германофильская проповедь, стремящаяся уверить публику, что Германия непобедима, и что Швеция — если она только желает сохранить свою независимость и безопасность против русских посягательств — обязана связать свою судьбу с делом среднеевропейских держав. Снова на столбцах газет появились рассуждения об Аландских островах, о наших, якобы, там вооружениях, о необходимости обеспечить столицу Швеции от всегда угрожающего с этой стороны нападения. Открыта подписка на снаряжение воздушного флота, который мог бы охранять Стокгольм против нападения вражеских аэропланов. Даже последнее воззвание шведского Красного креста к общественной благотворительности, подписанное столь добрым и спокойным человеком, как председатель оного принц Карл, заканчивается словами: «Времена глубоко серьезны для шведского народа. Скоро дело может коснуться ваших собственных сыновей, братьев или друзей, счастия или горя отечества».

Высылка отсюда капитана Лессинга [2] послужила для меня дока-

---

[1] См. № 404 и примечания к нему.

[2] Тел. от 17/4 марта за № 128 Неклюдов сообщал, что накануне местной полицией был арестован и допрошен капитан Лессинг, служивший в главном артиллерийском управлении и командированный росс. прав-вом в Швецию для организации вывоза заказов военного ведомства. Далее Неклюдов сообщал, что после допроса, на котором Лессингу никаких обвинений не было предъявлено, был зачитан «королевский указ о высылке его из Швеции и заявлено, что он должен неукоснительно выехать сегодня вечером». Как указывал далее Неклюдов, он обратился к Валленбергу с предложением сообщить обвинения, предъявленные Лессингу, но получил ответ через ген. секретаря м-ва ин. дел, что «Лессинг должен непременно выехать сегодня же, но что ему предоставляется право ехать по своему паспорту и без наблюдения полиции».

*

зательством, что, по крайней мере, некоторые из членов нынешнего кабинета либо действительно боятся призрака русского нападения и русских происков, либо желают чем бы то ни было оскорбить нас и досадить нам и даже пустить в публику новую легенду о русском шпионаже. Вот почему я продолжаю настаивать перед Валленбергом на сообщении мне действительных поводов высылки нашего офицера, который решительно ничем не заслужил подобной меры.

В сегодняшних газетах я, к сожалению, прочел о судебном преследовании, возбужденном датским правосудием против некоего Ларсена, обвиняемого в соглядатайстве в пользу России и, между прочим, в том, что нанятые им агенты разъезжали будто бы по Швеции для доставления сведений о шведских армии и флоте. Этот копенгагенский процесс послужит здесь, несомненно, исходной точкой для новых воплей и новой проповеди шведских активистов.

Наконец, мне все-таки не нравится путешествие шведского посланника в Вене к румынскому двору, какие бы успокоительные объяснения ни давал мне по этому поводу шведский министр иностранных дел[1].

Одним словом, положение начинает портиться. Так как во всем этом несомненна для меня работа германской политики, германских шпионов и германских провокаторов, то я невольно вывожу следствие, что в Германии все более и более назревают приготовления к нападению на нас со стороны финского прибрежья и поэтому пускаются в ход все средства, дабы обеспечить этому предприятию поддержку Швеции, поддержку либо активную, либо, по меньшей мере, в виде сопротивления захвату некоторых баз и некоторых путей.

Я считал бы поэтому своевременным, чтобы у нас приняли меры предосторожности для защиты средней озерной части Финляндии, а также и для охранения нашей Мурманской линии и берегов Белого моря против возможной военной экспедиции, направленной со стороны северного угла Ботнического залива через северную Финляндию, трудным, но не непроходимым путем, нами же самими этой зимой использованным. Береженого бог бережет.

---

[1] Тел. от 14/1 марта за № 121 Неклюдов сообщал Сазонову: «В связи с путешествием шведского посланника в Вене в Бухарест я спросил у Валленберга, предвидится ли назначение в Стокгольм румынского посланника. Валленберг ответил отрицательно. По его словам, представление Бекфризом новых верительных грамот новому румынскому королю является исключительно актом международной вежливости. Я все-таки полагаю, что дело не обошлось без инициативы короля, действовавшего, как всегда, под влиянием намеков или просьб из Берлина».

Само собой, однако, разумеется, что мы пока отнюдь не должны скоплять войска в сколько-нибудь ощутительном количестве на севере Финляндии. Это было бы лишь наруку здешним активистам.

Вышеизложенная перемена в шведских настроениях, наступившая столь быстро после самых торжественных заверений и непреложных доказательств приязни, нами данных,— после речи вашего высокопревосходительства в Думе [1] и в особенности после высокомилостивых слов, переданных мной от имени государя императора его величеству королю Густаву, — вызывает во мне некоторое сомнение: не сочли ли в здешних придворных и германофильских кругах наши старания успокоить и привлечь Швецию за доказательство нашей боязни перед шведским выступлением? Шведы, особенно шведские аристократы, при всех своих прекрасных качествах, — все-таки народ заносчивый и высокомерный; они склонны принимать предупредительность и выражения приязни за страх и за искательство даже со стороны такого могущественного соседа, какова Россия. Если это так, то, быть может, у нас найдено будет уместным разъяснить, а отчасти и показать шведам, что мы не так уж их боимся и что мы ищем у них действительно искренней и добрососедской приязни.

На-днях отсюда выехал к новому посту проживший здесь долгие годы норвежский посланник Брункгорст, искренний сторонник возможно теснейшего сближения между Швецией и Норвегией и имевший здесь весьма обширный круг друзей. Я слышал, будто бы, его по тому

[1] В своей речи в Думе от 22/9 февр. Сазонов остановился на общем политическом положении и, переходя к вопросу о «невоюющих государствах», сказал: «Мне уже часто приходилось заявлять как в стенах Государственной думы, так и в беседах с разными лицами и представителями печати, что с нашей стороны по отношению к Швеции нет иных чувств, кроме самого искреннего дружелюбия и желания поддерживать тесные добрососедские сношения. К сожалению, по ту сторону Ботнического залива есть еще люди, которые, в силу вкоренившихся предрассудков и под некоторым влиянием наветов наших врагов, относятся к нам с предубеждением и недоверием. Между тем всякому должно быть ясно, что Россия и Швеция самой природой предназначены для мирного взаимодействия на почве обоюдных экономических интересов, и повод к вооруженному столкновению между ними может быть создан только искусственно. Ни Швеция, по утверждению ее общественных деятелей, не ищет земельных приращений за счет Финляндии, ни мы не стремимся к каким-либо захватам в сторону наших северных соседей. Чем на самом деле мог бы прельстить нас в этом отношении Скандинавский полуостров? Незамерзающей гаванью на Ледовитом океане? У нас уже есть таковая в наших собственных пределах, и благодаря напряженной работе русских инженеров она будет скоро связана железнодорожным путем с сердцем России. Не к скандинавским берегам исторически тяготеет российское государство. Оно должно получить в совершенно ином направлении выход к свободному морю».

самому и убрали отсюда, что считали недостаточно бдительным по отношению к шведской иностранной политике и к шведским замыслам. Но во всяком случае это был человек глубоко порядочный и отнюдь не расположенный к Германии; с Валленбергом он был в самых дружеских отношениях. При последнем разговоре моем с Брункгорстом я на прощанье поручил ему дать хорошенько понять своим здешним друзьям, что в моем лице Швеция имеет искреннего доброжелателя, и притом такого, который работает не в интересах ближайшего будущего, ибо это будущее зависит исключительно от благоразумия и чувства справедливости самих шведов, — а имея в виду эпоху, которая начнется после европейского замирения и которая для пользы самой Швеции должна ознаменоваться сколько можно теснейшими экономическими и приязненными связями с могущественным, богатым и добродушным восточным соседом.

Я уверен, что Брункгорст не преминул передать мои слова кому следует. И я думаю, что ныне именно так подобает говорить с шведами, показывая им, что мы ожидаем от них не только словесных заверений, но и доказательств искренности, т. е. воздержания от таких действий и от таких демонстраций, которые отзываются явной враждебностью и могут вызвать с нашей стороны обоснованное чувство недоверия и сообразные с сим чувством мероприятия.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 423. Нота греческого министерства иностранных дел представителям Англии, Франции, Италии и России в Афинах.

№ 2663 [1]. 27/14 марта 1916 г.

Le gouvernement royal a pris connaissance de la note que les légations de France, de Grande Bretagne, d'Italie et de Russie lui ont adressée le 26/13 de ce mois [2] en le priant de leur faire connaître son point de vue concernant la conciliation des mesures prises par lui à l'égard de l'Epire du Nord avec ses déclarations du 31 octobre 1914. Le gouvernement royal n'a jamais perdu de vue les assurances fournies par lui à cette date, mais il ne pouvait cependant pas négliger l'entretien de communication et les autres intérêts d'une province où, avec l'assentiment des grandes Puissances, il avait assumé la tâche de rétablir l'ordre et

---

[1] Маш. копия. Копия ноты была препровождена Демидовым при письме от 29/16 марта за № 313. Содержание ее было передано им Сазонову в тел. от 29/16 марта за № 174.

[2] См. № 418.

la tranquillité publics. Aussi suivant l'exemple d'autres occupations analogues, le gouvernement royal a dû établir dans cette province une administration qui composée d'organes pris dans les cadres existant en Grèce ne pouvait agir que conformément aux lois administratives et judiciaires du royaume. C'est pourquoi la loi martiale appliquée pendant un certain temps dans l'Epire du Nord a dû être finalement remplacée par une administration analogue à celle du royaume proprement dit et confié à des autorités civiles. L'état de siège cadre du reste mal avec l'esprit libéral des hellènes et ne peut être appliqué que par suite de nécessités impérieuses et comme mesure essentiellement provisoire.

Par conséquent, ce serait à tort que l'on chercherait à voir dans les mesures prises en la matière dans ces derniers temps un changement d'attitude de la part du gouvernement royal.

Перевод.

Королевское правительство ознакомилось с содержанием ноты, которую миссии Франции, Великобритании, Италии и России передали ему 26/13 текущего месяца, с просьбой уведомить их, каким образом оно полагает возможным согласовать меры, предпринятые им в отношении Северного Эпира, с его заявлениями от 31 октября 1914 г. Королевское правительство никогда не забывало о заверениях, данных им в этот день, но в то же время оно не может пренебречь поддержанием сообщений и другими интересами провинции, в которой с согласия великих держав оно взяло на себя задачу восстановить общественное спокойствие и порядок. Следуя примеру других аналогичных оккупаций, королевское правительство должно было установить в этой провинции административное управление, органы которого, сформировавшиеся из греческих кадров, могли действовать только сообразно административным и судебным законам королевства. Вот почему военный режим, действовавший в течение некоторого времени в Северном Эпире, в конце концов должен был замениться управлением, аналогичным управлению самого королевства, и перейти в руки гражданских органов. Военное положение к тому же не соответствует либеральному духу эллинов и может применяться лишь в случае крайней необходимости и лишь в качестве исключительно временной меры.

Поэтому было бы несправедливо приписывать принятые за последнее время в данном вопросе меры перемене в позиции королевского правительства.

№ 424. Министр иностранных дел французскому послу в Петрограде Палеологу.

Письмо № 247 [1]. 28/15 марта 1916 г.

Monsieur l'ambassadeur,

J'ai reçu votre lettre en date 26/13 mars 1916 [2] par laquelle vous avez bien voulu me faire savoir que vous avez pris avec satisfaction acte

[1] Опубл. Р. Ав. Т., стр. 169.

[2] См. № 416.

de ma déclaration faite l'autre jour au cours d'entretien avec vous au sujet du consentement éventuel du gouvernement russe à l'inclusion de la Palestine dans la Syrie française.

Tout en confirmant cette déclaration je crois pourtant devoir y ajouter qu'elle ne se rapporte pas, bien entendu, aux Lieux Saints et aux territoires, où se trouvent les établissements ortodoxes religieux. Les villes et localités en question doivent être dotées d'un régime international en conservant le libre accès des ports de la Méditerranée. Pour des raisons que vous n'ignorez pas le gouvernement russe ne saurait y reconnaître la souveraineté exclusive d'une Puissance quelconque [1].

Je saisis, etc. [Sazonow.]

Перевод.

Г. посол,

Я получил ваше письмо от 26/13 марта 1916 г., которым вы соблаговолили сообщить мне, что вы с удовлетворением приняли к сведению заявление, сделанное мной на-днях во время моей беседы с вами по поводу возможного согласия российского правительства на включение Палестины во французскую Сирию.

Подтверждая это заявление, я тем не менее считаю своим долгом прибавить к нему, что оно, само собой разумеется, не относится к Святым местам и территориям, где находятся религиозные православные учреждения. Означенные города и местности должны получить международный режим с сохранением свободного доступа к портам Средиземного моря. По небезызвестным вам причинам российское правительство не считало бы возможным признать здесь исключительные суверенные права какой-либо державы.

Пользуюсь случаем и пр. [Сазонов.]

№ 425. Протокол третьего заседания конференции союзников в Париже.

28/15 марта 1916 г.

Conférence des Alliés.

3ème séance — mardi, 28 mars 1916.

La séance est ouverte à 11 heures du matin.

Mr. Briand en ouvrant la séance propose aux représentants des Puis-

---

[1] В Арх. Вн. Пол. в деле П. А. 4210 имеется следующая записка Нератова (без даты): «Не думаешь ли, что французский текст подаст повод к недоразумениям. Мы ведь не имели в виду предоставлять Франции право суверенитета над Св. местами хотя бы и с капитуляционным режимом? А французский текст может быть понят в этом смысле. Нужно, по-моему, теперь же оговорить, что территории, на которых находятся Св. места, никоим образом не могут быть отведены в сферу владения или влияния отдельной державы; это необходимо для нашего общественного мнения.

А. Нератов.

Не следует ли в этом смысле переговорить по телефону с Палеологом; иначе он сегодня же протелеграфирует свой текст в Париж, как принятый нами».

sances alliées de résumer dans une formule ayant un caractère général et s'appliquant aux problèmes envisagés par la Conférence le résultat de leurs travaux, afin d'affirmer le principe de solidarité qui les unit et d'approuver les résolutions prises par les États-Majors à Chantilly.

Le président du conseil propose le texte suivant:

Les représentants des gouvernements de Belgique, de France, de Grande Bretagne, d'Italie, du Japon, du Portugal, de Russie et de Serbie réunis à Paris, approuvant les résolutions adoptées à l'unanimité par les États-Majors alliés dans leur réunion du 12 mars 1916 [1], affirment l'entière communauté de vues et la solidarité des Alliés et confirment toutes les mesures propres à assurer la coordination de leurs efforts qu'ils ont arrêtées dans la présente Conférence.

Les moyens et les conditions d'exécution de leur action concertée sont laissés aux États-Majors alliés.

Le baron Beyens demande si cette déclaration sera publiée.

Mr. Briand répond qu'elle pourrait l'être si la Conférence en décide ainsi. Le président du conseil n'y voit pour sa part aucun inconvénient et estime qu'il y aurait intérêt à donner satisfaction à l'opinion publique en lui faisant connaître dans leurs grandes lignes les décisions adoptées par la Conférence.

Mr. Lloyd George désirerait avoir communication des résolutions adoptées à Chantilly avant d'approuver la déclaration qui les consacre.

Mr. Briand lui signale que le rapport de la réunion des États-Majors à Chantilly figure au procès-verbal de la première séance. Il ajoute que pour donner aux membres de l'assemblée le temps d'examiner ce projet de déclaration la discussion pourrait être mise à l'ordre du jour de la séance de l'après-midi.

Mr. Briand donne alors la parole à Mr. Albert Thomas pour rendre compte des travaux de la sous-commission chargée de l'examen des questions d'armement et d'utilisation de la main-d'oeuvre.

Mr. Albert Thomas, sous-secrétaire d'État aux munitions, expose à l'assemblée le résultat des travaux de la sous-commission; celle-ci s'est efforcée, dit-il, de rapprocher le plus possible la date de l'offensive concordante des Alliés et de rendre cette offensive la plus vigoureuse et la plus intense possible.

Deux séries de questions se sont présentées devant elle:

Comment, par des échanges ou par des cessions de matériels déjà existants pourrait-on augmenter immédiatement la force de certaines armées?

---

[1] См. № 353.

Comment, d'autre part, pourrait-on intensifier dans chaque pays la production de munitions par l'échange de matières premières ou de main-d'oeuvre?

Sur le premier point la commission est arrivée à une entente complète entre les représentants des Etats-Majors alliés. L'Italie ayant besoin d'artillerie de moyen calibre et de mitrailleuses, la France est en mesure de lui fournir des canons de 120 l. et des canons de 95 avec les munitions adéquates sous réserve que la fourniture de poudre serait assurée par le gouvernement italien, de son côté l'Angleterre est disposée à céder immédiatement un certain nombre de mitrailleuses Lewis, mais il a été entendu que le gouvernement britannique donnerait d'abord satisfaction aux engagements pris par lui envers le gouvernement français. Il a été en outre entendu que d'autres cessions pourraient être faites ultérieurement si la production pouvait être augmentée.

De son côté la Russie a demandé un complément de son artillerie lourde de campagne. Bien qu'il ne soit pas possible de donner à la Russie toutes les satisfactions qu'elle désirerait en ce qui concerne les matériels de types modernes, la France et l'Angleterre sont disposées à faire tout leur possible pour répondre à ces demandes. La France cèdera donc à la Russie des canons de 120 l. et des canons de 90 avec l'approvisionnement de munitions nécessaires, tandis que l'Angleterre lui fournira le plus tôt possible des obusiers de 4 pouces et demi, de 8 pouces et de 12 pouces au fur et à mesure de leur production par la maison Vickers. En outre, la France s'efforcera, sans pouvoir prendre aucun engagement précis, d'intensifier sa production et de fournir à la Russie ce que ses disponibilités lui permettront d'achever. En ce qui concerne les canons de 280, la France sera en mesure de fournir le nombre de pièces dont la Russie a besoin dès qu'elle aura achevé le nombre de batteries qui lui est nécessaire.

Enfin, en vertu de la convention passée avec l'Angleterre, la France est chargée de fournir toutes les armes et les munitions dont peut avoir besoin l'armée serbe. C'est la part qu'elle prend à la reconstitution des forces de son alliée. La Serbie a formulé à la Conférence un certain nombre de demandes et s'il n'est pas possible de les accueillir toutes actuellement, la France n'en est pas moins prête à fournir à l'armée serbe un matériel tout à fait identique à celui de l'armée française.

Une partie des fusils nécessaires est déjà expédiée; les autres le seront à une date très rapprochée. En outre, une réserve est constituée pour les remplacements et, pour répondre au désir exprimé par le gouvernement serbe, la manufacture d'armes de Saint-Etienne a éte chargée de constituer un stock spécial destiné à armer les anciens soldats serbes qui ne

manqueront pas de rejoindre l'armée lorsque celle-ci pénétrera de nouveau sur son sol national.

La France fournira également les sections de mitrailleuses dont l'armée serbe a besoin ainsi que les cartouches nécessaires. En ce qui concerne l'artillerie, la France a prévu un certain nombre de batteries de 75 de montagne Schneider, de 70 de montagne Krupp et des batteries d'obusiers de 120 Schneider, ainsi que toutes les munitions nécessaires pour leur approvisionnement.

Il a été en outre envisagé de demander au Portugal si les batteries de montagne Schneider tirant la cartouche serbe que ce pays doit posséder pourraient être cédées à la Serbie et le gouvernement français s'est chargé de la négociation.

La question des échanges et des cessions de matériels existants ayant été ainsi réglée d'une manière satisfaisante, la sous-commission a envisagé la seconde question. Il ne suffit pas en effet d'aménager au mieux pour une offensive rapprochée et concordante les matériels existants, il importe en outre d'en accroître le nombre et de les pourvoir chaque jour d'une quantité plus grande de munitions.

Les représentants des différents gouvernements nommés à la Conférence ont examiné et confronté les chiffres des stocks et des fabrications quotidiennes qui avaient été proposés à la Conférence des Alliés. Ils en ont vérifié l'exactitude et ils se sont félicités de voir que dans chacun des pays de la coalition la production du stock laissait espérer que l'offensive sera vigoureuse et efficace. Il importe cependant de ne pas oublier que la production de l'ennemi est formidable et que les Alliés ne doivent reculer devant aucun effort pour s'assurer la supériorité sur les Empires du centre.

Il ne suffit pas de n'avoir qu'une armée et qu'un seul front, il faut encore n'avoir qu'un atelier.

La Conférence pléinière a constaté qu'au point de vue des matières premières, à l'exception du charbon dont le problème est dominé surtout dans la question du frêt, les Alliés se trouvaient dans une situation des plus satisfaisantes, ces produits se trouvant à peu près méthodiquement répartis entre les différents Etats intéressés.

La Russie a cependant formulé un certain nombre de demandes dont l'examen ne pouvait être abordé par la Conférence, mais il a été entendu qu'un représentant spécialiste du ministère des munitions anglais se rendrait le plus tôt possible à Paris et que la répartition des matières premières nécessaires aux Alliés serait traitée dans une conférence commune.

Le problème le plus complexe est celui de la main-d'oeuvre.

La France a montré à la Conférence plénière dans quelles conditions elle avait aménagé ses nouvelles usines et ses nouveaux ateliers. Elle a montré comment, pour le bien commun des Alliés, elle pouvait accélérer sa production si une main-d'oeuvre abondante lui était fournie immédiatement et venait compléter l'effort de sa main-d'oeuvre féminine et de sa main-d'oeuvre indigène.

Il a été entendu avec la Serbie que tous les ouvriers spécialistes qui pourraient se trouver dans les rangs de l'armée serbe en voie de reconstitution seraient envoyés en France.

En ce qui concerne l'Italie, le sous-secrétaire d'Etat des munitions à pensé qu'il pouvait, dans des cas exceptionnels et pour des fabrications déterminées, aider la France par l'envoi de quelques spécialistes, comme cela a été fait pour les manoeuvres. D'autre part, le gouvernement italien envisage la possibilité de donner à la France des facilités nouvelles pour le recrutement des hommes de 40 à 50 ans. Une entente spéciale sera conclue à ce sujet entre les représentants du gouvernement français et du gouvernement italien.

En ce qui concerne la Russie, la France constate la promesse de l'ambassadeur de Russie de soutenir auprès de son gouvernement la demande de main-d'oeuvre qui a été formulée par le gouvernement français. Il ne s'agit pas en l'espèce d'ouvriers spécialistes, mais de main-d'oeuvre capable de servir dans les usines métallurgiques ou dans les usines de produits chimiques.

Mr. Albert Thomas ajoute que la sous-commission des munitions avant de conclure ses travaux a jugé nécessaire d'attirer l'attention de la Conférence sur la question des prisonniers de guerre.

L'Allemagne emploie aujourd'hui ses prisonniers de guerre, en dépit de toutes les conventions, à la fabrication du matériel de guerre; des prisonniers russes, des prisonniers français tournent ou fondent des obus dans les usines allemandes, et pendant ce temps, il est des pays de la coalition où les prisonniers ne sont même pas astreints à des travaux qui serviraient indirectement la cause des Alliés. Sans vouloir établir un régime commun dans tous les états, la commission des munitions demande à la Conférence d'examiner si des envois de prisonniers ne peuvent être faits d'un pays où ils sont inemployés vers un pays où leurs bras seraient efficacement utilisés.

En terminant, le sous-sécrétaire d'Etat aux munitions fait remarquer que c'est à l'unanimité que ces résolutions ont été prises par la sous-commission.

Le président du conseil demande si un des membres présents a quelque observation à faire au sujet du rapport qui vient d'être présenté.

Le ministre de Serbie tient à exprimer à la sous-commission la vive reconnaissance du gouvernement serbe pour les assurances données à la Serbie au nom du gouvernement français par Mr. Albert Thomas et à la féliciter en même temps du fécond travail qu'elle a accompli.

Mr. Briand remercie le ministre de Serbie de cette déclaration.

Mr. Vesnitch s'est ainsi fait l'interprète de tous les membres de la Conférence en adressant des félicitations à la commission et à son rapporteur pour le résultat si particulièrement satisfaisant de leurs travaux.

Mr. Briand demande si l'un des membres de la Conférence a quelque objection à présenter. Ce rapport ne donnant lieu à aucune discussion, le président du conseil déclare que la Conférence ratifie les conclusions de la sous-commission.

Mr. Albert Thomas rappelle que la sous-commission a posé la question du prêt entre Alliés des prisonniers de guerre et il serait heureux de connaître les vues des représentants des Puissances sur ce point.

Mr. Sonnino estime que cette question soulève des problèmes tout particuliers et craint que si les Alliés se prêtent les prisonniers en vue de les utiliser comme travailleurs, les empires du centre ne fassent de même, ce qui ne manquerait pas de donner lieu à des difficultés. Il conseille donc à la Conférence de ne prendre aucune décision à ce sujet.

Mr. Briand suggère alors de laisser aux gouvernements le soin d'étudier cette question et de rechercher ultérieurement une solution.

Mr. Tittoni craint que cette procédure n'engage déjà la question de principe et il insiste pour que la Conférence écarte cette question de ses délibérations.

Mr. Albert Thomas accepte les réserves de Mr. Sonnino sur la question du prêt des prisonniers, mais fait remarquer qu'en ce qui concerne les autrichiens faits prisonniers par les serbes et actuellement évacués sur une île italienne, il ne s'agit plus d'un prêt, mais d'une répartition entre les Alliés.

Mr. Tittoni propose de traiter cette question de gouvernement à gouvernement.

Le baron de Broqueville tient à signaler que l'armée belge a tout récemment recueilli sur l'Yser un certain nombre de prisonniers russes faits par les allemands. Ces prisonniers ont formellement déclaré qu'ils appartenaient à l'armée russe et que les allemands les obligeaient à travailler en face de l'armée belge. Les empires du centre n'hésitent donc pas à employer les prisonniers jusque pour des travaux de tranchées de première ligne.

Mr. Sonnino fait remarquer qu'il y a deux questions différentes: celle de l'emploi de prisonniers de guerre et celle de leur échange.

Mr. Albert Thomas ne fait aucune difficulté pour séparer les deux questions et il est disposé à accepter que la Conférence ne discute pas la question de l'échange de prisonniers de guerre. Mais il reste la question des autrichiens faits prisonniers par l'armée serbe qui ne soulève aucune question de principe puisqu'il importe peu que ces prisonniers soient en subsistance en France ou en Italie.

Le ministre de Serbie intervient alors pour faire remarquer, en ce qui concerne la question de l'emploi des prisonniers de guerre en général, que, comme Mr. de Broqueville l'a montré à l'assemblée, les Alliés ont le droit indéniable de se servir des prisonniers de guerre pour des travaux qui pourraient leur être confiés. Le droit international admet en effet que si une convention oblige tous ses signataires, l'inobservation volontaire de ses clauses par l'un d'eux dégage les autres des obligations qu'il pouvaient avoir prises. Il est donc bien certain que, puisque les empires du centre font travailler les prisonniers de guerre, les Alliés ont le droit de les employer également, et il est plus que probable qu'ils apporteront à cette mesure des ménagements que ne prendront certes pas l'Allemagne et l'Autriche.

Quant à la question des prisonniers faits par l'armée serbe, le gouvernement royal, en les évacuant sur le pays le plus voisin de la Serbie, n'en a pas moins conservé le droit d'en disposer à son gré, en vertu du principe qu'il n'y a qu'un seul front et une seule armée contre un seul adversaire; il n'a cessé d'envisager la possibilité d'utiliser les prisonniers faits par l'armée serbe chez celui des Alliés où ils pourraient être le plus avantageusement employés. La question qui prime toutes les autres est la nécessité de faire travailler ces prisonniers pour la cause commune là où ils rendront le plus de services.

Le gouvernement serbe déclare donc d'ores et déjà qu'il n'a aucune objection à ce que ces prisonniers soient employés dans les usines ou sur le front français et il serait reconnaissant au gouvernement italien d'envisager la question à ce point de vue et de l'étudier avec le gouvernement français.

Mr. Iswolsky déclare qu'il ne pourrait se joindre à une résolution relative au prêt de prisonniers que sous réserve d'en référer à son gouvernement.

Mr. Briand fait remarquer qu'en raison des objections soulevées par le gouvernement royal, la question du prêt des prisonniers de guerre ne sera pas discutée par la Conférence mais sera soumise à l'examen des gouvernements intéressés.

Le président demande aux membres de la Conférence si, sous cette réserve, ils sont disposés à approuver le rapport présenté par la sous-commission.

Les représentants des Puissances alliées donnent leur agrément à cette proposition.

Mr. Briand prie alors l'amiral Lacaze d'exposer les conclusions de la sous-commission chargée d'étudier la question des frets et des mesures à prendre pour empêcher le ravitaillement de l'ennemi.

L'amiral Lacaze expose que la sous-commission avait trois questions à étudier:

1) celle de la solidarité économique des Alliés en général;
2) celle de la restriction des approvisionnements de l'ennemi;
3) celle des frets et des transports.

Sur le premier point, la sous-commission a affirmé le principe de la solidarité des Alliés sur le terrain économique dans leur lutte contre les empires du centre et elle propose à la Conférence de voter la résolution suivante:

«Les gouvernements alliés sont résolus à mettre en pratique dans le domaine économique leur solidarité de vues et d'intérêts. Ils chargent la conférence économique qui se tiendra prochainement à Paris de rechercher et de leur proposer les mesures propres à réaliser cette solidarité».

Sur le second point, celui de la restriction des approvisionnements de l'ennemi, la sous-commission propose à l'assemblée de créer à Paris un organisme central chargé d'étudier les mesures à prendre afin d'empêcher le ravitaillement de l'ennemi. La sous-commission estime, en effet, que les Alliés doivent faire abstraction de toutes questions d'intérêt particulier pour n'avoir en vue que l'intérêt général.

Sur les observations de l'ambassadeur d'Italie, il a été toutefois bien spécifié que le comité permanent des Alliés siégeant à Paris en vue d'unifier l'action économique aurait un caractère purement consultatif et serait chargé de porter à la connaissance des gouvernements alliés les décisions de principe des commissions nationales que celles-ci devront lui communiquer.

Il a été en outre entendu que le comité permanent ne se substitue en aucune façon aux commissions nationales déjà existantes qui conservent leur pouvoir d'exécution.

La sous-commission propose à l'assemblée la résolution suivante:

«En vue de renforcer, de coordonner et d'unifier l'action économique à exercer pour empêcher les ravitaillements de l'ennemi, la Conférence décide de constituer à Paris un comité permanent dans lequel tous les Alliés seront représentés».

Enfin, en ce qui concerne la question des frets et des transports, la commission a été guidée dans ses travaux par le principe que les Alliés doivent mettre en commun toutes leurs ressources, et s'efforcer de répartir d'une manière aussi égale que possible entre eux les charges qu'entraîne la guerre. Le résultat peut être, semble-t-il, assez facilement atteint par le développement du comité qui fonctionne déjà à Londres [1]. Il suffirait que tous les Alliés y fussent représentés et qu'ils fussent en mesure d'établir la liste des besoins les plus urgents de chacun des Alliés. Il ne lui resterait ensuite qu'à répartir le tonnage disponible entre chacun des Alliés au prorata de leurs besoins. La sous-commission propose donc à la Conférence de décider:

1) d'organiser le fonctionnement à Londres d'un bureau central international des affrétements;

2) de procéder en commun, et dans le plus bref délai, à la recherche des moyens pratiques à employer pour répartir équitablement entre les nations alliées les charges résultant des transports maritimes et pour enrayer la hausse des frets.

Le président du conseil demande si l'un des membres de l'assemblée a quelques observations à formuler sur les propositions de la sous-commission.

Mr. Tittoni est d'avis de discuter séparément chacune de ces résolutions afin de faciliter les travaux de la Conférence.

L'assemblée approuve cette suggestion et le président du conseil met en discussion la première résolution.

Mr. Asquith déclare au nom du gouvernement britannique qu'il n'a pas d'objection de principe à faire à la déclaration proposée par la sous-commission, mais il tient à ce qu'il ne se produise pas d'équivoque sur sa portée. Il faut faire une distinction entre les mesures à prendre pendant la guerre, pour en assurer la rapide conclusion, et les mesures qui pourraient être adoptées après la guerre pour la défense des intérêts économiques des Alliés.

Le gouvernement britannique ne voit aucun inconvénient à ce que la conférence économique étudie les mesures qui pourraient être adoptées dans l'avenir mais cette commission ne pourrait en aucune façon prendre des résolutions qui engageraient la politique économique de la Grande Bretagne pour la période qui suivra la guerre.

L'amiral Lacaze répond qu'il a bien été spécifié que les suggestions de la commission n'engageraient en aucune façon les gouvernements. Il a toujours été admis que les commissions n'ont pas de pouvoir gou-

[1] См. № 52.

vernemental et que leur rôle se borne à rechercher les moyens les plus propres à réaliser le but poursuivi et à les proposer à leurs gouvernements. C'est à ceux-ci seuls qu'il appartient de prendre une décision.

Mr. Tittoni rappelle que dans la pensée des membres de la sous-commission, il était bien entendu que les résolutions de la conférence économique n'étaient prises qu'ad referendum.

Mr. Briand constate qu'il ne peut y avoir aucun doute à ce sujet, mais fait remarquer que s'il n'est pas toujours possible de s'entendre sur des questions de principe, en raison des intérêts différents que peuvent avoir les Puissances, on peut, le plus souvent, s'entendre sur un certain nombre de questions, tout en réservant celles sur lesquelles on n'a pu se mettre d'accord. C'est sous bénéfice de ces réserves que la Conférence pourrait adopter le texte qui lui a été proposé.

L'amiral Lacaze rappelle que les membres de la sous-commission ont été unanimes à reconnaître la nécessité d'affirmer la solidarité des Alliés dans la lutte économique pendant la guerre.

L'assemblée approuve alors le texte qui lui a été proposé.

Mr. Briand propose de passer à la discussion de la seconde résolution. Il tient à préciser que le comité permanent dont il est question ne portera pas atteinte à l'action des comités locaux ni à celle des gouvernements. Il ajoute qu'en adoptant le texte de la sous-commission, l'assemblée prend acte en même temps des réserves qui ont été formulées.

Le texte de la résolution est adopté sans discussion.

Mr. Briand lit ensuite le texte de la troisième résolution et demande à ses collègues s'ils ont des objections à formuler.

Sir E. Grey explique que les délégués anglais ne sont pas en mesure de renseigner l'assemblée sur tout ce qui a été fait en Angleterre, n'ayant pu consulter le comité présidé par Lord Curzon et n'ayant pu s'entretenir de cette question avec Mr. Runciman avant de quitter Londres.

Le sous-secrétaire d'Etat britannique aux affaires étrangères croit pouvoir toutefois affirmer, sans crainte de se tromper, qu'il a été fait beaucoup plus dans cet ordre d'idée qu'on ne le croit généralement. Le gouvernement anglais fait tous ses efforts pour améliorer une situation dont il comprend l'importance et bien que la résolution proposée n'apporte aucune solution nouvelle, les délégués anglais sont tout prêt à s'y rallier.

L'amiral Lacaze tient à rendre hommage aux efforts qui ont été faits par le gouvernement anglais pour subvenir aux besoins de ses alliés et pour améliorer la question des frets.

Mr. Briand ajoute que lors de son voyage à Londres, il a pu constater personnellement que lorsque la question des frêts a été posée, les membres du gouvernement britannique se sont aussitôt montrés disposés à faire tout leur possible pour la régler et se sont aussitôt déclarés favorables à la création d'un comité où tous les Alliés seraient représentés. Mr. Briand reconnaît qu'un travail considérable a été fait par le comité de Londres et que des résultats très appréciables ont déjà été obtenus. Mais la question des frets préoccupe l'opinion publique dans tous les pays et elle a même été portée à la tribune en France et en Italie, c'est une raison de plus pour que l'assemblée adopte le texte qui lui a été proposé par la sous-commission.

Mr. Salandra tient à s'associer à ce que vient de dire le président du conseil des ministres français et à exprimer au gouvernement britannique la gratitude du gouvernement italien pour les efforts qu'il a faits pour améliorer une situation difficile. Le gouvernement italien a pleine confiance dans les mesures que prendra le gouvernement britannique pour le bien commun des Alliés.

Le texte de la résolution est adopté par l'assemblée.

Mr. Briand constate qu'il ne reste plus qu'à délibérer sur la déclaration générale qu'il a proposée au début de la séance, mais c'est là une question importante et il serait peut-être préférable d'en remettre l'examen à la réunion de l'après-midi.

Le président ajoute qu'une autre formule vient de lui être proposée par Mr. Léon Bourgeois, laquelle paraît de nature à frapper davantage l'opinion publique et à rappeler les grands principes qui font la force des Alliés.

Cette déclaration est ainsi conçue:

«Les représentants des Puissances alliées, réunis en conférence plénière à Paris, les 27 et 28 mars 1916, expriment à nouveau et solennellement leur engagement de ne conclure aucune paix séparée.

Ils tiennent à affirmer non moins solennellement leur résolution de ne consentir qu'à une paix qui, ruinant définitivement toute politique d'hégémonie et de violence, assurera, avec les sanctions nécessaires, le respect des traités et des lois internationales et consacrera en même temps que le triomphe du droit celui de la liberté et de la dignité des peuples.

Pour atteindre ce but, ils considèrent comme la condition nécessaire l'unité d'action sur l'unité de front.

Ils entendent par là à la fois l'unité d'action militaire, désormais assurée par l'entente conclue entre les Etats-Majors; l'unité d'action économique, dont la présente Conférence a créé l'organisation et pré-

paré les résultats; et l'unité d'action diplomatique que garantit la communauté de leurs vues et leur inébranlable volonté de consacrer toutes leurs forces au triomphe d'une cause qu'ils considèrent non seulement comme leur cause particulière mais comme celle de l'humanité civilisée».

Mr. Briand soumet ce nouveau texte et celui qui a été proposé au début à la réflexion des membres de l'assemblée et leur demande s'ils sont d'avis de fixer la prochaine séance à 5 heures $^1/_2$ cet après-midi.

Cette proposition est adoptée.

Перевод.

Конференция союзников.

3-е заседание — вторник, 28 марта 1916 г.

Заседание открывается в 11 часов утра.

Открывая заседание, г. Бриан предлагает представителям союзных держав резюмировать в какой-либо формуле общего характера и касающейся вопросов, рассмотренных конференцией, результаты ее работ, чтобы тем самым подтвердить объединяющий их принцип солидарности и одобрить решения, принятые генеральными штабами в Шантильи.

Председатель совета предлагает следующий текст:

Представители правительств Бельгии, Франции, Великобритании, Италии, Японии, Португалии, России и Сербии, собравшиеся в Париже, одобряют решения, единогласно принятые союзными генеральными штабами на их совещании 12 марта 1916 г., подтверждают полную общность взглядов и солидарность союзников и утверждают все способные обеспечить согласованность их усилий мероприятия, которые были установлены ими на настоящей конференции.

Выбор средств и условий для проведения в жизнь их согласованных действий предоставляется на усмотрение союзных генеральных штабов.

Барон Бейенс спрашивает, будет ли это заявление опубликовано.

Г. Бриан отвечает, что оно могло бы быть опубликовано, если это будет решено конференцией. Со своей стороны, председатель совета не видит никакого неудобства в этом и полагает, что было бы полезным дать удовлетворение общественному мнению, доведя до его сведения в общих чертах о решениях, принятых конференцией.

Г. Ллойд-Джордж желал бы, чтобы ему были сообщены решения, принятые в Шантильи, прежде чем одобрить утверждающую их декларацию.

Г. Бриан указывает ему, что доклад совещания генеральных штабов в Шантильи содержится в протоколе первого заседания. Он добавляет, что для того, чтобы дать членам собрания время рассмотреть этот проект декларации, обсуждение ее могло бы быть поставлено на повестку послеобеденного заседания.

Затем г. Бриан дает слово г. Альберу Тома для отчета о работах подкомиссии, которой было поручено рассмотреть вопросы вооружений и использования рабочей силы.

Г. Альбер Тома, помощник государственного секретаря по военному снабжению, докладывает собранию результаты работ подкомиссии; последняя, по

его словам, старалась по возможности приблизить дату совместного наступления союзников и сделать это наступление возможно более энергичным и интенсивным.

Перед ней стояли две серии вопросов:

Каким образом, путем ли обмена, или уступок уже существующих материальных средств, можно было бы немедленно увеличить силу некоторых армий?

Каким образом, с другой стороны, можно было бы сделать в каждой стране более интенсивным производство снарядов путем обмена сырья или рабочей силы?

По первому пункту комиссия пришла к полному соглашению между представителями союзных генеральных штабов. Поскольку Италия нуждается в артиллерии среднего калибра и в пулеметах, Франция может поставить ей 120-*мм* и 95-*мм* пушки с соответствующими снарядами, при условии, что поставка пороха будет обеспечена итальянским правительством; со своей стороны, Англия расположена немедленно уступить некоторое количество пулеметов Льюиса, но условлено, что британское правительство прежде выполнит обязательства, принятые им перед французским правительством. Кроме того условлено, что в дальнейшем могут иметь место другие уступки, если удастся увеличить производство.

Россия, со своей стороны, просила о пополнении ее полевой тяжелой артиллерии. Хотя и нет возможности удовлетворить все пожелания России в отношении снабжения современными типами оружия, но Франция и Англия склонны сделать все возможное, чтобы пойти навстречу этим просьбам. Поэтому Франция уступит России 120-*мм* и 90-*мм* пушки с необходимым запасом снарядов, а Англия поставит ей как можно скорее $4^1/_2$ дюймовые, 8-дюймовые и 12-дюймовые гаубицы, по мере их изготовления фирмой Виккерс. Кроме того Франция, не имея возможности взять на себя какое-либо определенное обязательство, будет стараться усилить свое производство и поставить России то, что будет возможно по состоянию ее свободных ресурсов. Что касается 280-*мм* пушек, то Франция будет в состоянии поставить нужное России количество орудий, как только она закончит изготовление необходимого ей количества батарей.

Наконец, на основании соглашения, заключенного с Англией, Франция взялась поставить все оружие и все боевые припасы, могущие понадобиться для сербской армии. В этом состоит ее доля участия в восстановлении сил ее союзницы. На конференции Сербия предъявила некоторое количество требований, и если невозможно принять в настоящее время все эти требования, то тем не менее Франция готова снабдить сербскую армию материальной частью, совершенно тождественной с материальной частью французской армии.

Часть необходимых ружей уже отправлена; остальная часть будет отправлена в самом близком будущем. Кроме того, образован резерв для замены и для удовлетворения пожеланий сербского правительства; Сент-Этьенскому оружейному заводу поручено образовать специальный запас для снабжения бывших сербских солдат, которые не преминут присоединиться к армии, когда последняя снова вернется на свою национальную территорию.

Франция равным образом доставит пулеметы, нужные для сербской армии, а также необходимые патроны. Что касается артиллерии, то Франция предусмотрела изготовление некоторого количества батарей, 75-*мм* горных орудий Шнейдера, 70-*мм* горных орудий Круппа и гаубичных 120-*мм* батарей Шнейдера, а также всех снарядов, необходимых для их действия.

Кроме того имеется в виду запросить Португалию, могут ли быть уступлены Сербии имеющиеся у Португалии горные батареи Шнейдера, стреляющие серб-

скими патронами, причем французское правительство взялось вести эти переговоры.

Поскольку вопрос обмена и уступки существующих материалов был таким образом урегулирован удовлетворительно, подкомиссия перешла ко второму вопросу. Действительно, недостаточно наилучшим образом использовать для предстоящего совместного наступления существующие материальные запасы; необходимо, кроме того, увеличить количество последних и поставлять с каждым днем все большее количество снарядов.

Представители различных правительств, назначенные конференцией, рассмотрели и сличили цифры запасов и ежедневной выработки, предложенные на конференции союзников. Они проверили правильность этих цифр и были счастливы констатировать, что в каждой из стран коалиции производство запасов позволяет надеяться на то, что наступление будет энергичным и действенным. Не следует, однако, забывать, что у противника производство ведется в огромных размерах и что союзники не должны отступать ни перед каким усилием, чтобы обеспечить себе превосходство над центральными империями.

Недостаточно иметь единую армию и единый фронт, надо иметь, кроме того, единый завод.

Пленарная конференция констатировала, что с точки зрения сырья, кроме угля, проблема которого зависит главным образом от вопроса фрахтов, союзники находятся в весьма удовлетворительном положении, так как эти продукты более или менее правильно распределяются между различными заинтересованными государствами.

Однако Россия предъявила некоторое количество требований, к рассмотрению которых конференция не могла подойти, но было условлено, что специальный представитель английского министерства военного снабжения прибудет как можно скорее в Париж, и что распределение сырья, необходимого союзникам, будет обсуждено на совместной конференции.

Самой сложной является проблема рабочей силы.

Франция объяснила на пленарной конференции, в каких условиях она оборудовала свои новые заводы и мастерские. Она объяснила, как она может ускорить свое производство для общего блага союзников, если ей немедленно будет доставлена обильная рабочая сила, которая пополнит ее женскую и туземную рабочую силу.

С Сербией было условлено, что все рабочие-специалисты, которые могли бы оказаться в рядах восстанавливаемой сербской армии, будут посланы во Францию.

Что касается Италии, то помощник государственного секретаря по военному снабжению полагал, что в исключительных случаях и для определенных производств он может помочь Франции посылкой некоторого количества специалистов, как это было сделано с чернорабочими. С другой стороны, итальянское правительство считает возможным дать Франции новые льготы для набора мужчин в возрасте от 40 до 50 лет. Специальное соглашение будет заключено по этому предмету между представителями французского и итальянского правительств.

Что касается России, то Франция констатирует данное российским послом обещание поддержать перед его правительством просьбу о рабочей силе, предъявленную французским правительством. Дело в данном случае идет не о рабочих-специалистах, а о рабочей силе, способной служить на металлургических заводах и на заводах химических продуктов.

Г. Альбер Тома добавляет, что перед окончанием своих работ подкомиссия по снаряжению сочла необходимым обратить внимание конференции на вопрос о военнопленных.

Германия в настоящее время, вопреки всем конвенциям, применяет своих военнопленных для производства военных материалов: русские пленные, французские пленные точат или отливают снаряды на германских заводах, а в то же время есть такие страны коалиции, в которых пленные не принуждаются даже к работам, косвенно служащим делу союзников. Не желая устанавливать общий режим для всех государств, комиссия по снаряжению просит конференцию рассмотреть вопрос, нельзя ли посылать пленных из страны, где они не используются, в страну, где их сила будет энергично использована.

В заключение помощник государственного секретаря по военному снабжению отмечает, что эти решения были приняты подкомиссией единогласно.

Председатель совета спрашивает, не имеет ли кто-либо из присутствующих членов замечаний по существу представленного доклада.

Сербский посланник желает выразить подкомиссии живейшую благодарность сербского правительства за заверение, данное Сербии от имени французского правительства г. Альбером Тома и поздравить ее в то же время с плодотворным трудом, который она выполнила.

Г. Бриан благодарит сербского посланника за это заявление.

Г. Веснич явился, таким образом, выразителем чувств всех членов конференции, обращаясь к комиссии и ее докладчику с поздравлениями по поводу столь удовлетворительного результата их работ.

Г. Бриан спрашивает, желает ли кто-либо из членов конференции сделать какие-либо возражения. Так как доклад не вызывает никаких прений, то председатель совета заявляет, что конференция утверждает заключения подкомиссии.

Г. Альбер Тома напоминает, что подкомиссия возбудила вопрос о заимообразном предоставлении военнопленных между союзниками, и он был бы счастлив узнать мнение представителей держав по этому вопросу.

Г. Соннино полагает, что этот вопрос затрагивает совершенно особые проблемы, и опасается, что если союзники будут давать заимообразно своих пленных для использования их в качестве рабочих, то центральные державы будут делать то же самое, и это не преминет вызвать затруднения. Поэтому он советует конференции не принимать никакого решения по этому вопросу.

Г. Бриан предлагает предоставить правительствам изучить этот вопрос и заняться впоследствии его разрешением.

Г. Титтони опасается, что таким образом действий будет уже предрешен принципиальный вопрос, и настаивает на том, чтобы конференция исключила этот вопрос из предметов своего обсуждения.

Г. Альбер Тома принимает оговорки г. Соннино по вопросу о заимообразном предоставлении пленных, но обращает внимание на то, что поскольку это касается австрийцев, взятых в плен сербами и эвакуированных в настоящее время на один из итальянских островов, дело идет уже не о заимообразной уступке, а о распределении между союзниками.

Г. Титтони предлагает обсудить этот вопрос путем переговоров между отдельными правительствами.

Барон де Брокviль отмечает, что совсем недавно бельгийская армия захватила на изерском фронте некоторое количество русских пленных, взятых в плен

германцами. Эти пленные формально заявили, что принадлежали к русской армии и что германцы заставляли их работать на фронте против бельгийской армии. Таким образом, центральные державы без колебания используют труд военнопленных даже для работ в траншеях первой линии.

Г. Соннино отмечает, что имеется два разных вопроса: об использовании военнопленных и об обмене ими.

Г. Альбер Тома нисколько не возражает против разделения этих двух вопросов, и он склонен согласиться, чтобы конференция не обсуждала вопроса об обмене военнопленными. Но остается еще вопрос об австрийцах, взятых в плен сербской армией, не вызывающий каких-либо принципиальных вопросов, так как не важно, будут ли эти пленные находиться во Франции, или в Италии.

Сербский посланник тогда обращает внимание на то, что поскольку речь идет вообще об использовании военнопленных, то, как показал собранию г. де Броквиль, союзники имеют бесспорное право пользоваться военнопленными для работ, которые им могут быть поручены. Действительно, международное право признает, что раз конвенция налагает обязательства на всех ее участников, то умышленное несоблюдение ее постановлений одним из них освобождает остальных от принятых ими на себя обязательств. Поэтому несомненно, что раз центральные империи заставляют работать военнопленных, то и союзники равным образом имеют право использовать их, и более чем вероятно, что при проведении этой меры они будут держаться в границах, которые, конечно, не будут соблюдаться Германией и Австрией.

Что касается пленных, взятых сербской армией, то, эвакуируя их в ближайшую страну, соседнюю с Сербией, королевское правительство тем не менее сохранило право располагать ими по своему усмотрению, исходя из принципа единого фронта и единой армии против одного общего противника; оно все время имело в виду возможность использования пленных, взятых сербской армией, тем из союзников, у которого они могли бы быть использованы наиболее выгодным образом. Вопрос, доминирующий над всеми остальными, состоит в необходимости заставить этих пленных работать на общее дело там, где они принесут больше всего пользы.

Поэтому сербское правительство тотчас же заявляет, что не имеет никаких возражений против того, чтобы эти пленные были использованы на французских заводах или на французском фронте, и оно было бы благодарно итальянскому правительству за рассмотрение этого вопроса и изучение его совместно с французским правительством.

Г. Извольский заявляет, что он может присоединиться к решению касательно использования военнопленных только по сношении со своим правительством.

Г. Бриан указывает, что в силу возражений, выдвинутых королевским правительством, вопрос использования военнопленных не будет обсуждаться конференцией, а будет передан на рассмотрение заинтересованных правительств.

Председатель спрашивает членов конференции, расположены ли они с этой оговоркой одобрить доклад, представленный подкомиссией.

Представители союзных держав дают свое согласие на это предложение.

Затем г. Бриан просит адмирала Лаказа изложить заключения подкомиссии, которой было поручено изучить вопрос фрахтов и мер, имеющих быть принятыми для воспрепятствования снабжению неприятеля.

Адмирал Лаказ докладывает, что комиссия должна была изучить три вопроса:

1) об экономической солидарности союзников вообще;

2) об ограничениях снабжения неприятеля;

3) о фрахтах и перевозках.

По первому пункту подкомиссия подтвердила принцип солидарности союзников в экономической области при их общей борьбе против центральных держав и предлагает конференции принять следующую резолюцию:

«Союзные правительства решили осуществить на практике в экономической области солидарность своих целей и интересов. Они поручают экономической конференции, которая вскоре состоится в Париже, выяснить и предложить им меры, способные привести к осуществлению этой солидарности».

По второму пункту, об ограничении снабжения неприятеля, подкомиссия предлагает собранию создать в Париже центральный орган, которому было бы поручено изучить меры для воспрепятствования снабжению неприятеля. Подкомиссия, действительно, полагает, что союзники должны отрешиться от всех отдельных интересов и иметь в виду лишь общие интересы.

Вследствие замечаний итальянского посла было, однако, точно установлено, что постоянный союзнический комитет, имеющий заседать в Париже для объединения мер экономического воздействия, будет иметь чисто консультативный характер и что ему будет поручено доводить до сведения союзных правительств принципиальные решения национальных комиссий, которые эти последние должны будут сообщать ему.

Кроме того было условлено, что постоянный комитет никоим образом не заменяет собой уже существующие национальные комиссии, которые сохраняют свои исполнительные функции.

Подкомиссия предлагает собранию следующую резолюцию:

«В видах усиления, согласования и объединения экономического воздействия, подлежащего осуществлению для воспрепятствования снабжению неприятеля, конференция решает учредить в Париже постоянный комитет, в котором будут представлены все союзники».

Наконец, в отношении фрахтов и перевозок комиссия в своих работах руководилась тем принципом, что союзники должны объединить все свои ресурсы и стараться возможно поровну распределить между собой тяготы, вызываемые войной. Результат может, повидимому, быть достигнут довольно легко путем расширения деятельности комитета, уже действующего в Лондоне. Было бы достаточно, чтобы в нем были представлены все союзники, и чтобы они имели возможность составить список наиболее настоятельных потребностей каждого из них. Затем ему оставалось бы лишь распределить тоннаж, имеющийся в распоряжении, между всеми союзниками пропорционально их потребностям. Поэтому подкомиссия предлагает конференции решить:

1) организовать работу в Лондоне центрального международного бюро по фрахтованию;

2) приступить совместно, в возможно краткий срок, к изысканию практических средств для справедливого распределения между союзными нациями тягот, вытекающих из морских перевозок и для борьбы с повышением фрахтов.

Председатель совета спрашивает, имеет ли кто-либо из членов конференции замечания по предложениям подкомиссии.

Г. Титтони считает, что надо обсудить каждую из этих резолюций отдельно, дабы облегчить работу конференции.

Собрание одобряет это предложение, и председатель совета ставит на обсуждение первую резолюцию.

Г. Асквит заявляет от имени британского правительства, что у него нет принципиальных возражений против декларации, предлагаемой подкомиссией, но он считает необходимым избежать недоразумений относительно ее содержания. Надо проводить разницу между мерами, подлежащими принятию во время войны с целью обеспечения ее быстрого завершения, и мерами, которые могли бы быть приняты после войны для защиты экономических интересов союзников.

Британское правительство не видит никакого неудобства в том, чтобы экономическая конференция изучила меры, могущие быть принятыми в будущем, но эта комиссия никоим образом не могла бы принимать решений, которые связали бы экономическую политику Великобритании на послевоенный период.

Адмирал Лаказ отвечает, что было ясно установлено, что предложения комиссии никоим образом не свяжут правительств. Всегда признавалось, что комиссии не имеют правительственной власти и что их роль ограничивается изысканием наиболее подходящих средств для достижения преследуемой цели и предложением этих средств своим правительствам. Лишь этим последним принадлежит право принимать решения.

Г. Титтони напоминает, что по мысли членов подкомиссии резолюции экономической конференции принимаются лишь ad referendum.

Г. Бриан констатирует, что на этот счет не может быть никаких сомнений, но отмечает, что если не всегда возможно договориться по принципиальным вопросам ввиду различия интересов, которые могут иметь державы, то можно, чаще всего, договориться по некоторому количеству вопросов, отложив те, по которым соглашение оказалось невозможным. С этими оговорками конференция могла бы принять предложенный ей текст.

Адмирал Лаказ напоминает, что члены подкомиссии единогласно признали необходимость подтвердить солидарность союзников в экономической борьбе во время войны.

После этого собрание одобряет предложенный ему текст.

Г. Бриан предлагает перейти к обсуждению второй резолюции. Он считает необходимым точно указать, что постоянный комитет, о котором идет речь, не ограничит деятельность местных комитетов и правительств. Он добавляет, что, принимая текст подкомиссии, собрание в то же время принимает к сведению сделанные оговорки.

Текст резолюции принимается без обсуждения.

Затем г. Бриан зачитывает текст третьей резолюции и спрашивает своих коллег, имеются ли у них замечания.

Сэр Э. Грей объясняет, что английские делегаты не в состоянии осведомить собрание обо всем, сделанном в Англии, так как они не могли консультироваться у комитета, работающего под председательством лорда Керзона, и не могли переговорить по этому вопросу перед отъездом из Лондона с г. Ренсименом.

Помощник британского государственного секретаря по иностранным делам считает тем не менее возможным заявить, не боясь ошибиться, что в этом направлении сделано гораздо больше, чем обыкновенно думают. Английское правительство делает все усилия, чтобы улучшить положение, все значение которого ему понятно, и, хотя предлагаемая резолюция не дает никакого нового решения, английские делегаты вполне готовы присоединиться к ней.

Адмирал Лаказ считает необходимым выразить признательность за усилия, сделанные английским правительством для удовлетворения потребностей своих союзников и внесения улучшения в вопрос о фрахтах.

Г. Бриан добавляет, что во время своей поездки в Лондон он мог лично констатировать, что когда вопрос о фрахтах был поставлен, члены британского правительства тотчас же обнаружили склонность сделать все для них возможное для урегулирования этого вопроса и тотчас же заявили о своем благоприятном отношении к созданию комитета, в котором были бы представлены все союзники. Г. Бриан признает, что лондонским комитетом проделана значительная работа и что уже достигнуты весьма ценные результаты. Но вопрос о фрахтах занимает общественное мнение во всех странах и был даже возбужден с [парламентской] трибуны во Франции и в Италии; это — лишняя причина для принятия собранием текста, предложенного ему подкомиссией.

Г. Саландра желает присоединиться к словам председателя совета министров Франции и выразить британскому правительству признательность итальянского правительства за сделанные им усилия для улучшения тяжелого положения. Итальянское правительство полностью доверяет мерам, которые британское правительство примет для общего блага союзников.

Текст резолюции принимается собранием.

Г. Бриан констатирует, что остается лишь принять решение относительно общей декларации, предложенной им в начале заседания, но это — важный вопрос, и, быть может, следовало бы предпочесть отложить его рассмотрение до послеобеденного заседания.

Председатель добавляет, что только-что ему предложена другая формула г. Леоном Буржуа, которая, как ему кажется, способна еще более произвести впечатление на общественное мнение и напомнить о великих принципах, составляющих силу союзников.

Эта декларация гласит:

«Представители союзных держав, собравшиеся на пленарной конференции в Париже 27 и 28 марта 1916 г., снова торжественно заявляют о своем обязательстве не заключать никакого сепаратного мира.

Они желают не менее торжественно заявить о своей решимости согласиться лишь на такой мир, который, разрушив окончательно всякую политику гегемонии и насилия, обеспечит, с необходимыми санкциями, уважение к договорам и международным законам и утвердит вместе с торжеством права торжество свободы и достоинства народов.

Необходимым условием для достижения этой цели они считают единство действий на едином фронте.

Под этим они понимают одновременно единство военных действий, обеспечиваемое отныне соглашением, заключенным между генеральными штабами; единство экономической деятельности, организация коей создана и результаты коей подготовлены настоящей конференцией, и единство дипломатической деятельности, обеспечиваемое общностью их взглядов и их непоколебимой волей посвятить все свои силы торжеству дела, которое они считают не только их отдельным делом, но и делом всего цивилизованного человечества».

Г. Бриан предлагает этот новый текст и текст, предложенный вначале, на обсуждение членам собрания и спрашивает их, согласны ли они назначить следующее заседание на $5^1/_2$ часов сегодня днем.

Это предложение принимается.

№ 426. Протокол четвертого заседания конференции союзников в Париже.

28/15 марта 1916 г.

Conférence des Alliés.

4ème séance — mardi, 28 mars 1916.

La séance est ouverte à 5 heures et demi.

Mr. Briand rappelle que l'assemblée n'a plus à se prononcer que sur le texte de la déclaration générale qui sera faite par la Conférence et pour laquelle deux rédactions ont été soumises aux représentants des Puissances alliées.

Il propose de charger une sous-commission d'étudier ces textes et de préparer une formule définitive.

Cette suggestion est approuvée par l'assemblée qui désigne Mr. Briand, Mr. L. Bourgeois, le baron Beyens, Sir E. Grey, Mr. Sonnino, Mr. Matsui, Mr. Chagas, Mr. Iswolsky et Mr. Vesnitch pour faire partie de cette sous-commission.

Après une courte délibération, la sous-commission rentre en séance et propose à l'assemblée la formule suivante:

«Les représentants des gouvernements alliés, réunis à Paris les 27 et 28 mars 1916, affirment l'entière communauté de vues et la solidarité des Alliés. Ils confirment toutes les mesures prises pour réaliser l'unité d'action sur l'unité de front.

Ils entendent, par là, à la fois, l'unité d'action militaire assurée par l'entente conclue entre les Etats-Majors; l'unité d'action économique dont la présente Conférence a réglé l'organisation et l'unité d'action diplomatique que garantit leur inébranlable volonté de poursuivre la lutte jusqu'à la victoire de la cause commune».

Cette déclaration est adoptée à l'unanimité et sans discussion par l'assemblée.

Mr. Briand constate que la Conférence a terminé ses travaux, mais il tient, avant de clore cette réunion, à remercier les membres de l'assemblée d'avoir rendu sa tâche de président si facile et si agréable et, bien que le moment ne soit pas aux paroles mais aux actes, il est certain de se faire l'interprète de l'assemblée en adressant les sentiments de l'admiration unanime aux soldats héroïques qui, sur tous les fronts, défendent la cause de la liberté et du droit et dont la vaillance ne manquera pas d'appeler la victoire sur les drapeaux des Alliés.

Tous les délégués s'associent chaleureusement aux paroles que vient de prononcer le président du conseil des ministres français.

Avant que la Conférence ne se sépare, Mr. Tittoni se faisant l'interprète des sentiments unanimes de ses collègues, tient à remercier

le gouvernement français de l'initiative qu'il a prise de réunir cette Conférence dont les résultats ne peuvent manquer d'avoir la plus heureuse influence sur la conclusion de la guerre et il saisit cette occasion d'exprimer à Mr. le président du conseil des ministres français sa vive gratitude pour l'autorité avec laquelle il a dirigé les travaux de la Conférence et pour l'action personnelle qui lui a valu l'admiration et l'estime de tous ceux qui ont eu l'honneur de l'approcher.

Mr. Briand exprime à Mr. l'ambassadeur d'Italie tous ses remerciements pour les paroles si élogieuses qu'il a bien voulu prononcer et il tient à rendre hommage à l'esprit dans lequel tous les délégués des Puissances alliées ont étudié et résolu les importantes questions soumises à la Conférence.

La séance est levée à 7 heures.

Перевод.

Конференция союзников.

4-е заседание — вторник, 28 марта 1916 г.

Заседание открывается в 5 часов с половиной.

Г. Бриан напоминает, что собранию остается лишь высказаться по поводу текста общей декларации, которая будет сделана конференцией и два текста которой предложены представителям союзных держав.

Он предлагает поручить подкомиссии изучить эти тексты и приготовить окончательную формулу.

Это предложение принимается собранием, избирающим для участия в этой подкомиссии г. Бриана, г. Л. Буржуа, барона Бейенса, сэра Э. Грея, г. Соннино, г. Матсуи, г. Шагас, г. Извольского и г. Веснича.

После краткого совещания подкомиссия возвращается на заседание и предлагает собранию следующую формулу:

«Представители союзных правительств, собравшиеся в Париже 27 и 28 марта 1916 г., подтверждают полную общность взглядов и солидарность союзников. Они подтверждают все меры, принятые для осуществления единства действий на едином фронте.

Под этим они понимают одновременно единство военных действий, обеспечиваемое соглашением, заключенным между генеральными штабами; единство экономической деятельности, организация коей урегулирована настоящей конференцией, и единство дипломатической деятельности, обеспечиваемое их непоколебимой волей продолжать борьбу до победы общего дела».

Эта декларация принимается собранием единогласно и без обсуждения.

Г. Бриан констатирует, что конференция закончила свои работы, но, прежде чем закрыть заседание, он должен поблагодарить членов собрания за то, что они сделали задачу председателя столь легкой и приятной, и, хотя время не для разговоров, а для действий, он все же уверен, что выскажет чувства собрания, обращаясь с выражением единодушного восхищения к героическим солдатам, которые на всех фронтах защищают дело свободы и права и доблесть которых не преминет доставить победу знаменам союзников,

Все делегаты горячо присоединяются к словам, произнесенным председателем совета министров Франции.

Перед закрытием конференции г. Титтони, выражая единодушное настроение своих коллег, желает поблагодарить французское правительство за инициативу, проявленную им при созыве настоящей конференции, результаты которой не преминут оказать самое благотворное влияние на завершение войны, и он пользуется этим случаем, чтобы высказать г. председателю совета министров Франции свою живейшую признательность за то, что он с таким авторитетом руководил работами конференции, и за его личную деятельность, которая вызывает восхищение и уважение со стороны всех, кто имел честь беседовать с ним.

Г. Бриан выражает г. итальянскому послу благодарность за столь хвалебные слова, которые он изволил произнести, и считает необходимым отдать должное тому настроению, с которым все делегаты союзных держав изучили и разрешили важные вопросы, внесенные на конференцию.

Заседание закрывается в 7 часов.

№ 427. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 205. 28/15 марта 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Получил вашу телеграмму за № 1228 [1].

Вчера на обеде в министерстве иностранных дел Бриан и Саландра обменялись тостами, в которых с французской стороны говорится о согласованных военных действиях Франции и Италии против общего врага, а с итальянской — о полном единомыслии между Италией и Францией. Французская печать подчеркивает эти выражения и видит в них доказательство близости формального объявления войны между Италией и Германией. На конференции вопрос этот, разумеется, не может быть возбужден, но как Бриан, так и Грей сказали мне, что они не преминут затронуть его в доверительных разговорах с Саландра и Соннино. При этом Грей намерен обратить внимание итальянских министров на затруднения, которые настоящее неопределенное положение создает ему, Грею, по отношению к парламенту и общественному мнению.

Извольский.

№ 428. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

*/. № 124. 29/16 марта 1916 г.

Secret.

His Britannic Majesty's Minister at Christiania has learnt from a reliable source that some little while ago the German Emperor told

[1] См. стр. 442, прим. 2.

the King of Sweden that towards the end of February (new style) he intended to make a military move, and that an offer of intervention on the part of the Scandinavian States would then be welcomed. It is said that the German Emperor went on to point out the evident determination of the Entente Powers to prolong the war, which if continued until Germany was exhausted would leave Sweden at the mercy of Great Britain and Russia [1].

The Swedish Prime Minister, when informed of this by the King, was ready to agree, but the Minister for Foreign Affaires did not fall in with this proposal. The latter however favoured the Scandinavian Conference at Copenhagen [2].

When the proposal for an offer of mediation was brought up for discussion at this Conference, the Danish and Norwegian Ministers for Foreign Affairs strongly opposed it on the ground that it would have no chance of acceptance. Should, however, a favourable opportunity occur, it is possible that the suggestion may be revived.

Mr. Findlay is well acquainted with the source of the above information, which comes from a person on whom he can rely [3].

Перевод.

Секретно.

Посланник его величества в Христиании узнал из заслуживающего доверия источника, что совсем недавно германский император говорил шведскому королю, что к концу февраля (нового стиля) он намеревался предпринять новую военную операцию и что предложение об участии со стороны скандинавских стран было

---

[1] В сообщении франц. пос-ва в Петрограде росс. м-ву ин. дел от 20/7 марта указывалось, что «германское правительство предполагает усилить свою политическую пропаганду в Швеции» и собирается организовать в Швеции новую политическую партию «младо-консерваторов» для воздействия на шведское общественное мнение в пользу Германии. «Оно еще считает возможным увлечь за собой Швецию, которая должна была бы захватить Финляндию, Карелию и овладеть Кольской железной дорогой, которая считается очень важной для России. Наконец, для пропаганды в собственном смысле слова германское правительство предполагает организовать раздачу брошюр, в особенности среди социалистов, а также учредить особое бюро русских известий в Стокгольме. Повидимому, в Швеции уже действует особое бюро печати, имеющее целью обеспечить постоянное снабжение шведских газет германскими известиями».

[2] См. № 354.

[3] Позднее, тел. от 5 апр./23 марта за № 166, Неклюдов сообщал Сазонову, что, по словам герцога Амальфи (испан. посланника в Стокгольме), «в настоящую минуту Германия и Австрия делают все возможное, дабы привлечь на свою сторону Румынию и Швецию, ибо Россия, в случае выступления обеих этих стран, принуждена будет внять германским предложениям мира, к тому же весьма умеренным, и тогда этой ужасной европейской войне наступит конец».

бы тогда благосклонно принято. Говорят, что германский император указывал на очевидное решение держав Антанты продлить войну, которая, если она будет продолжаться до полного истощения Германии, отдала бы Швецию на милость Великобритании и России.

Будучи осведомлен об этом королем, шведский премьер-министр был готов согласиться, но министр иностранных дел не пошел навстречу этому предложению. Последний, однако, благоприятствовал созыву скандинавской конференции в Копенгагене.

Когда предложение о медиации было поставлено на обсуждение этой конференции, датский и норвежский министры иностранных дел решительно возражали против него на том основании, что оно не имеет шансов на принятие. Однако, если создастся благоприятный случай, возможно, что это предложение возродится вновь.

Г. Финдлею хорошо известен источник вышеуказанной информации, исходящей от лица, которому он может верить.

№ 429. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 1275[1]. 29/16 марта 1916 г.

Телеграмма № 241 получена[2].

Министр финансов согласился на выплату персидскому правительству ретроактивного моратория в Лондоне, о чем вместе с сим сообщаем великобританскому посольству. Он согласен также на ежемесячные субсидии, размер коих просит, однако, возможно уменьшить. Так как все это делается нами без заключения союзного договора, то каким образом полагали бы вы закрепить благожелательное отношение к нам шахского правительства?

Сазонов.

№ 430. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1284. 29/16 марта 1916 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму от [17]4 февраля № 65[3].

Министр финансов просит сообщить, что ввиду значительного падения курса рубля, вызванного небывалым увеличением платежей по заграничным заказам, распоряжение английского правительства, запрещающее помещать английские капиталы в русские займы, поведет к ухудшению положения нашего расчетного баланса, лишаемого весьма существенного источника поступления иностранной валюты.

---

[1] Лит. копия.
[2] См. № 405.
[3] См. № 213.

Указывая, что принятая английским правительством мера, идя вразрез с убеждением самого английского правительства в необходимости укрепления курса рубля, едва ли отвечает принципам общности экономических интересов, установленных на конференции министров финансов трех союзных стран, министр финансов просит предпринять перед английским правительством необходимые шаги в целях отмены запрета помещения английских капиталов в русские займы.

Поддерживая изложенные соображения, министерство просит принять возможные меры к осуществлению ходатайства министерства финансов[1].

Сазонов.

№ 431. Нота представителей Англии, Франции, Италии и России в Афинах греческому председателю совета министров Скулудису.

29/16 марта 1916 г.[2].

Les légations de France, Grande Bretagne, Italie et Russie accusent reception de la note du ministère hellénique des affaires étrangères en date du [27]14 mars № 2663[3] et prennent acte des explications que le gouvernement royal hellénique a bien voulu leur donner au sujet des mesures adoptées par lui à l'égard de l'Epire du Nord.

Avant de soumettre ces explications à l'appréciation de leurs gouvernements les légations susdites seraient reconnaissantes au gouvernement hellénique de vouloir bien leur faire connaître également son point de vue sur l'autre question soulevée dans la note collective du 26/13 mars à savoir comment le gouvernement hellénique croit pouvoir concilier l'admission et l'activité au parlement hellénique de représentants de l'Epire du Nord avec les déclarations de la Grèce du 31 octobre 1914 et avec les principes exposés à la chambre hellénique par Mr. Vénizélos et Mr. Gounaris au mois d'août 1915[4].

---

[1] В ответной тел. от 4 апр./22 марта за № 143 Бенкендорф сообщал, что, по его мнению, «английское правительство не может отказаться от запрещения размещать на лондонском рынке военные займы союзных держав и от решений, которые были уже обнародованы. Эти решения отвечают единодушному мнению всех финансовых кругов, в том числе финансовых кругов парламента, и прессы, их поддерживает также все общественное мнение».

[2] Маш. копия. Копия ноты была препровождена при письме Демидова от 2 апр./20 марта за № 326. Содержание ее было передано им Сазонову в тел. от 30/17 марта за № 179.

[3] См. № 423.

[4] См. стр. 457, прим. 1. В ответной ноте от 30/17 марта, препровожденной Демидовым также при письме от 2 апр./20 марта за № 326, греч. м-во ин. дел

Перевод.

Миссии Франции, Великобритании, Италии и России подтверждают получение ноты греческого министерства иностранных дел от [27] 14 марта за № 2663 и принимают к сведению объяснения, которые королевское греческое правительство соблаговолило дать по поводу мер, принятых им в Северном Эпире.

Прежде чем представить эти объяснения на рассмотрение их правительств вышеупомянутые миссии были бы признательны греческому правительству, если бы оно соблаговолило их ознакомить также с его точкой зрения по другому вопросу, затронутому в коллективной ноте от 26/13 марта, а именно, каким образом греческое правительство считает возможным согласовать допущение в греческий парламент представителей Северного Эпира и их деятельность в нем с заявлениями Греции от 31 октября 1914 г. и с принципами, изложенными в греческой палате г. Венизелосом и г. Гунарисом в августе 1915 года.

№ 432. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

¹/. Телеграмма № 174. 29/16 марта 1916 г.

Получил вашу телеграмму № 1247 [1].

На сделанное мной в указанном вашим высокопревосходительством смысле сообщение Братиану категорически заявил, что он отнюдь не подозревает Россию в каких-либо скрытых замыслах и не проявляет к ней недоверия, и что ваша телеграмма является следствием какой-либо интриги, для раскрытия коей он просит вашего дружеского содействия. Братиану заметил при этом, что если бы он думал что-либо подобное о России, то он не мог бы вести здесь политики, которая основана на тесной кооперации с нами. Он добавил, что, наоборот, он замечает у нас и у наших союзников недоверие к нему, которое особенно выражается в деле снабжения Румынии военными припасами, без которых Румыния не может начать войны. Считая, что в настоящую трудную для Румынии и для него минуту он особенно нуждается в нашем доверии и поддержке, он обращается вновь к вашему высокопревосходительству с просьбой о воздействии на наши военные власти и на наших союзников с целью скорейшей доставки в Румынию предметов, необходимых для усиления войск и готовности румынской армии. Что касается переговоров с полковником Татариновым, то Братиану считает, что он может заключить с нами военную конвенцию лишь перед самым началом общего наступления всех союзников и если к тому

объясняло допуск в палату представителей от Северного Эпира тем, что администрация Эпира требует расходов, которые покрываются налогами с местного населения, и последнее должно иметь право контроля путем соответствующего представительства в палате.

[1] См. № 411.

времени начнут уже прибывать в Румынию военные припасы в достаточном количестве. Пока же он поручил генералу Ильеску представить Татаринову общую картину военного положения Румынии, дабы Ставка знала, на что она в надлежащий момент может здесь рассчитывать. Таким образом, Татаринов к предстоящей своей поездке в Ставку будет осведомлен об общем плане румынских военных операций, о составе румынской армии и о ее теперешней дислокации.

Поклевский.

№ 433. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 175. 29/16 марта 1916 г.

Братиану повторил мне сделанное им на-днях моим французскому и итальянскому коллегам заявление о том, что державы Согласия, по-видимому, еще не вполне потеряли свои надежды на Болгарию[1]. Подтверждение этому он видит в факте, что его недавно зондировала одна из держав Согласия относительно готовности Румынии пойти на территориальные уступки в пользу Болгарии, каковой план Братиану назвал «фантастическим». Дабы избежать сплетен, Братиану отказался указать мне, откуда ему был сделан подобный запрос[2].

Поклевский.

---

[1] Как явствует из расшифрованной в росс. м-ве ин. дел тел. от 26/13 марта за № 427, Бьюкенен сообщал Грею, что, по полученным Сазоновым сведениям, отказ росс. прав-ва послать войска в Добруджу истолковывается в Румынии, как желание спасти Болгарию и избежать вооруженного столкновения с ней. (Ср. стр. 439, прим. 1.)

[2] В тел. от 28/15 марта (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Фашиотти передавал Соннино свою беседу с Братиану, во время которой последний, выражая опасения, что Болгария только ждет удобного момента для захвата Добруджи, сказал, что в защите Добруджи заинтересованы сами русские, если они не хотят, чтобы Болгария, поддержанная Германией, распространила свое влияние на соответствующую часть Черноморского побережья. Далее Фашиотти сообщал следующее: «Братиану говорил затем с некоторым пессимизмом о возможности такого содействия России и с некоторой долей сарказма заключил: я поражен тем, что одна из держав Согласия не утратила надежды достигнуть сепаратного мира с Болгарией и запрашивала, не расположены ли мы уступить Болгарии Добруджу. Я не спросил Братиану, какую державу он имел в виду и не шла ли речь о шагах, предпринятых уполномоченными на то лицами, но склонен думать, что он говорил о посредничестве леди Пэджет» (ср. № 391).

№ 434. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 12. 29/16 марта 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Появившийся неделю тому назад декрет президента об отказе его от мысли провозгласить монархию в Китае, о чем я имел уже честь донести вашему высокопревосходительству [1], служит темой оживленного обсуждения среди населения и в прессе. Общее убеждение, однако, сводится к тому, что события на юге зашли слишком далеко, чтобы этим декретом можно было сразу вернуть в подчинение Пекину отделившиеся от центрального правительства южные провинции. Существует даже мнение, что декрет появился слишком поздно и потому скорее придаст бодрости восставшим, которые истолкуют его, как проявление слабости президента.

Как бы то ни было появление этого декрета следует объяснить, помимо событий на юге и брожения в среде высших чинов Китая, главным образом более или менее основательными опасениями нового выступления Японии с более категорическими, чем прежде, требованиями, которым должен был бы быть придан даже ультимативный характер.

Помимо издания означенного декрета, по приказанию президента, ныне ведутся секретные переговоры с вожаками восстания на предмет установления компромисса; при этом можно предположить, что в ход будут пущены все средства до подкупа их включительно, лишь бы только достигнуть успеха. Следует, однако, предположить, что японцы, старающиеся во что бы то ни стало устранить от власти Юань Ши-кая, будут пытаться помешать этим переговорам, побуждая южан поставить для примирения такие условия, которые были бы совершенно неприемлемы для Юань Ши-кая.

Действительно, как мне передавали из источников, имеющих близкую связь с японской миссией в Пекине, в последней ожидали, что южане предъявят ныне требование возвращения к старой республиканской конституции, определявшей трехлетний срок для полномочий президента, иными словами ухода Юань Ши-кая в октябре 1916 года и назначения новых президентских выборов в течение лета сего года. Вчера же мой японский сотоварищ сообщил мне, что по его сведениям повстанцы уже телеграфировали в Пекин, требуя удаления от власти Юань Ши-кая и наказания инициаторов монархического движения [2].

---

[1] См. № 399.

[2] В тел. от 28/15 марта за № 57 (расшифрованной и переведенной с японского в росс. м-ве ин. дел) япон. посол в Лондоне Иноуэ передал Мотоно текст тел.

*

С другой стороны, до меня доходят слухи о существующем якобы желании Японии воспользоваться настоящими затруднениями китайского правительства, чтобы содействовать образованию из южной Манчжурии и восточной Внутренней Монголии особого автономного государства по примеру Халхи. При этом якобы предполагается, что означенные части китайской территории объявят свою независимость и провозгласят манчжурского князя Су Цин-вана, проживающего ныне в Дальнем, своим императором, а затем Япония предложит свои услуги Китаю, чтобы независимость этой территории была обращена в автономию. Вместе с тем японцы имеют будто бы в виду, что одновременно власть баргинского амбаня Шэнь-фу будет нашими стараниями распространена на всю Северную Манчжурию, которая таким образом окончательно подпадет под наше влияние.

Если я позволяю себе утруждать внимание вашего высокопревосходительства упоминанием об этом последнем слухе, то это потому, что первый секретарь здешней японской миссии г. Дебучи не только не опроверг их в частном разговоре с колл. сов. Граве, но, напротив того, повидимому, отнесся сочувственно к перспективе их осуществления на деле, сделав, однако, оговорку, что он высказывает свое личное мнение.

Примите и пр. В. Крупенский.

№ 435. Особое совещание [1].

Протокол заседания [30]17 марта 1916 года, в 9 часов вечера [2].

Председатель: председатель совета министров.

япон..м-ра ин. дел, в которой последний излагал точку зрения япон. прав-ва на события в Китае: «Юань Ши-кай заявил, что он отменяет восстановление монархии, но сомнительно, будет ли это иметь благоприятные последствия в смысле успокоения населения, и нет гарантий, что в конце концов Юань Ши-каю не придется оставить пост президента. Если допустить эту возможность, то, конечно, нельзя сразу решить, кто бы мог взять на себя трудную задачу справиться с нынешним положением, но само собою разумеется, что среди 400 миллионов китайцев, кроме Юань Ши-кая, найдутся и другие подходящие люди, тем более что при нынешних условиях население Китая окончательно разуверилось в Юане. Мы полагаем поэтому, что оппозиция такому настроению в китайском народе, оказание помощи Юаню, или требование подавления партии, настроенной против Юаня, отнюдь не ускорило бы восстановления нормальных условий. Императорское правительство следит внимательно за событиями, и в зависимости от дальнейшего развития китайского вопроса оно непременно обратится к английскому правительству с целью конфиденциального обсуждения создавшегося положения».

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 172.

[2] В дополнение к письму от 15/2 марта за № 197 (см. стр. 395, прим. 3) Сазонов в письме от 21/8 марта за № 219 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 165) спрашивал

Члены:
морской министр;
министр иностранных дел;
за военного министра — помощник военного министра генерал-от-инфантерии Беляев;
представитель наместника его императорского величества на Кавказе статс-секретарь Никольский.

На заседании присутствовали:
товарищ министра иностранных дел гофмейстер Нератов;
генерал-квартирмейстер генерального штаба генерал-майор Леонтьев;
советник II политического отдела министерства иностранных дел Петряев;
управляющий делами совета министров Лодыженский;
первый секретарь миссии в Тегеране Минорский.

Предметом обсуждения совещания было рассмотрение англо-французского предложения касательно разграничения будущих владений России, Франции и Англии и зон влияний в Азиатской Турции в случае ее раздела.

В начале заседания министр иностранных дел изложил основные положения англо-французского проекта (см. памятную записку от [9 марта] 25 февраля [1]) с указанием на карте предположенных границ. Им было разъяснено, что первоначальные французские предложения относительно расширения французских владений вдоль будущей нашей малоазиатской границы до области Урмийского озера встретили возражения со стороны министерства иностранных дел, с которыми французское правительство согласилось. Таким образом первоначальный проект был изменен в смысле уступки нам французами области около Урмийского озера в обмен на увеличения французских владений в сторону Малой Армении (см. на карте при деле) [2].

Представители морского и военного министерств, а также наместника его императорского величества на Кавказе не возражали по существу означенного соглашения, разделяя мнение министра иностранных дел, что будущая судьба Аравийского халифата и устройство областей к югу от русской границы в Малой Азии, за исключением Святых мест в Палестине, мало затрагивают интересы России [3]. Решено

Штюрмера, не сочтет ли он своевременным теперь же войти в сношения с подлежащими ведомствами о созыве особого совещания.

[1] См. № 332.

[2] Ср. карту в приложении к тому.

[3] См. № 357.

лишь со стороны Урмии установить такую границу между русскими и французскими владениями, которая обеспечивала бы России владение важнейшими перевалами, проходами и стратегическими позициями.

Что касается до определения западной русской границы в Малой Азии, то на вопрос министра иностранных дел, от каких пунктов на Черном море было бы желательно и выгодно для нас ее провести, морской министр высказал мнение, что для России необходимо добиваться владения возможно длинной береговой полосой, и как на конечный пункт указал на Синоп. Генерал Беляев высказал мнение, что овладение узкой береговой полосой, конечно желательное в принципе, будет тогда лишь иметь практическую цену, если эта полоса обеспечивается соответствующей ее длине тыловой областью; в противном же случае такое удлинение границы без опорных пунктов внутри страны не желательно, так как вызовет чрезмерные и безрезультатные расходы по ее укреплению. Министр иностранных дел со своей стороны указал на то, что еще до войны французы, вследствие отказа от постройки железных дорог в области, примыкающей к нашему Закавказью, получили наше согласие на концессию железнодорожной линии Самсун — Сивас [1]. Присоединение же к нашим владениям Синопа приведет к необходимости для нас добиваться от французов отказа от вышеназванной концессии, так как иначе осуществление ее имело бы место на русской государственной территории, что, конечно, недопустимо. Добиться добровольного отказа французов от этой концессии, которой они чрезвычайно дорожат, было бы крайне затруднительно.

Участники совещания вполне согласились с высказанными министром иностранных дел соображениями, но выразили пожелание, чтобы, по крайней мере, конечный западный пункт русско-турецкой границы был отнесен к какому-либо порту или гавани между Самсуном и Трапезундом. Наиболее подходящим для этого было признано мест[ечко] Орду. В таком случае русская граница направилась бы от этого пункта приблизительно на Карахисар (Шабханэ). До принятия окончательного решения по этому вопросу морской министр выразил желание представить особую записку. Представитель наместника его императорского величества на Кавказе обратил внимание совещания на то, что разделение Армении на две части, из которых одна отойдет к России, а другая — к Франции, вызовет неудовольствие и протесты армян

[1] Концессия на постройку железной дороги Самсун — Сивас была получена франц. компанией «Régie générale des chemins de fer et des travaux publics» в апреле 1914 года.

и агитацию на Кавказе. Министр иностранных дел разъяснил, что такое разделение соответствует топографическим особенностям местности и вероисповедной группировке армян.

Кроме этого, если невозможно создать единую Армению, то для самих армян лучше, чтобы часть их, остающаяся вне России, принадлежала культурной Франции, а не Турции, причинившей им столько несчастий. Совещание с этим вполне согласилось.

Следующее совещание было назначено через неделю.

№ 436. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1292. 30/17 марта 1916 г.

Сообщается в Париж и Рим.

Бывшая здесь проездом из Болгарии лэди Пэджет [1] в разговоре со мною и некоторыми другими лицами настойчиво проводила мысль, что союзники должны в настоящее время воспользоваться благоприятным моментом для заключения соглашения с Болгарией в целях привлечения ее на свою сторону; такой оборот дела освободил бы англо-французские войска от операции на Балканах, повлиял бы на выступление Румынии и Греции и приблизил бы конец войны.

Я ей заявил, что при настоящем положении дел в Болгарии и в особенности при наличии теперешних болгарских правителей, во главе с Фердинандом Кобургским, для русского правительства, действующего в этом отношении в полном согласии с общественным мнением, исключена всякая возможность входить в какие-либо переговоры с Болгарией, так как это рассматривалось бы как измена по отношению к Сербии.

Кроме того, я высказал ей сомнение относительно действительности гарантий, которые можно было бы получить от Болгарии в том, что она честно выполнит свои новые обязательства.

Сообщаю это для вашего руководства на случай, если бы болгарофильская пропаганда лэди Пэджет нашла себе в этом направлении сочувственный отклик в английской печати и политических кругах [2].

Правильно. Сазонов.

Царский поезд [1 апреля] 19 марта 1916 г.

---

[1] См. № 391 и прим. к нему.

[2] Тел. от 3 апр./21 марта за № 145 Бенкендорф ответил, что он сомневается, чтобы леди Пэджет оказала какое-либо серьезное влияние в Лондоне, тем более что ее муж, бывший англ. посланник в Сербии, отнюдь не разделяет взглядов

№ 437. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1305. 30/17 марта 1916 г.

Копия сообщается в Пекин.

Посол в Токио телеграфирует, что при объяснениях французского посла с японским министром иностранных дел относительно германских происков в Китае барон Ишии выразил удивление, что французское правительство до сих пор терпит германских подданных на своих концессиях в Китае [1].

Мне представляется действительно нелогичным, что, требуя от японского правительства содействия к изгнанию германцев из Китая, союзники в то же время не удаляют их с тех участков китайской территории, которые находятся в заведывании их властей. Это обстоятельство дает японскому правительству лишний аргумент, чтобы отказывать нам в вышеупомянутом содействии.

Благоволите обратить на вышеизложенное внимание министра иностранных дел и высказаться в пользу принятия императорским, французским и английским правительствами согласного решения удалить со своих концессий в Китае проживающих и торгующих на них германских и австрийских подданных. Мера эта, если бы она проведена была на всех концессиях, принадлежащих союзникам в Китае, нанесла бы некоторый, довольно значительный, урон интересам германских держав на Дальнем Востоке [2].

Сазонов.

№ 438. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 30/17 марта 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из телеграмм моих вам уже вкратце известно о ходе и результатах

своей жены, почерпнутых ею в Болгарии. Одновременно Бенкендорф указывал, что в Лондоне существует маловлиятельная группа, возглавляемая неким ген. Хоэлл, которая стремится возложить ответственность за войну на Сербию и потому поддерживает болг. притязания. Не придавая этому серьезного значения, Бенкендорф тем не менее считал очень своевременным приезд Александра сербского в Лондон.

[1] Сазонов имеет в виду тел. Малевского от 26/13 марта за № 127.

[2] Ответной тел. от 7 апр./25 марта за № 154 Бенкендорф передал свою беседу с Никольсоном по этому поводу, который не согласился с мнением Ишии, указав, что «Япония единственная держава, которая имеет в Китае в своем распоряжении войска, достаточно сильные для изгнания неприятеля, и что Япония от этого сразу же отказалась». Концессии же других держав, по словам Никольсона, подчинены различным режимам и в известных случаях их средства воздействия являются недостаточными.

состоявшейся 27/14 и 28/15 марта в Париже конференции союзников[1]. Результаты эти могут показаться вам довольно незначительными и вряд ли соответствующими торжественной обстановке конференции и возбужденным ею толкам. Необходимо иметь в виду, что главная работа происходила не между собравшимися в Париже министрами и дипломатами, а между участниками заседавшего две недели тому назад в Шантильи военного совета[2]. Генерал Жилинский придает большое значение этой работе, как первой попытке наметить вполне согласованный план одновременного наступления союзников на всех фронтах; но, покуда принятые в Шантильи решения исходили от одних военных начальников и уполномоченных, они как будто не имели вполне обязательного для союзных государств характера; между тем, как французский, так и английский главнокомандующие несомненно проявляют склонность руководствоваться, главным образом, условиями местной военной обстановки и уклоняться от таких действий, в особенности наступательных, которые требуются положением на других театрах. Поэтому генерал Жилинский считал в высшей степени желательным, чтобы сказанные решения были закреплены самими правительствами, и в этом отношении можно надеяться, что конференция союзников послужит отправной точкой более согласованного, нежели до сих пор, ведения войны на всех фронтах. То же самое относится и к вопросу о снабжении союзных армий необходимыми для них предметами вооружения; до сих пор вопрос этот рассматривался по частям, путем отдельных сношений между специальными ведомствами союзных государств; на конференции он впервые был поставлен во всем своем объеме и получил полное освещение. При этом был попутно затронут вопрос о недостатке во Франции рабочих рук для производства орудий и снарядов. Я не знаю, достаточно ли отдают себе у нас отчет, до какой степени вопрос этот принимает здесь, мало сказать, острый, а прямо трагический характер. Франция призвала под знамена 14% своего населения; 10 из наиболее населенных ее департаментов заняты неприятелем; генерал Жоффр сказал мне вчера, что понесенные под Верденом потери пополняются уже молодыми людьми набора текущего, 1916 года, а на-днях призываются ополченцы набора 1888 года, т. е. люди 48 лет. Нерешительность генерала Жоффра и боязнь его рисковать крупными потерями, на что так сетуют у нас, объясняются главным образом тем, что раз имеющиеся налицо резервы будут истощены, Франция уже не будет в состоянии поддерживать числен-

[1] См. №№ 420, 421, 425, 426.
[2] См. № 353.

-ность своей армии; между тем генерал Жоффр настойчиво требует обратно людей, уступленных им производству предметов вооружения. Г. Тома определяет в 100 000 число рабочих, недостающих сказанному производству, и нельзя не признать основательным его заявление, что если союзники хотят получить от Франции орудия и снаряды, Франция имеет право, со своей стороны, ожидать от них доставления ей необходимой для этого рабочей силы. Я не имею подробных сведений о переговорах, которые велись по этому вопросу в Петрограде [1], и знаю лишь из вашей телеграммы от 26/13 февраля с. г. за № 786 [2], что он решен нами в отрицательном смысле, вследствие ощущаемого нами самими недостатка в рабочих руках. Мне кажется, однако, что весьма трудно убедить французов в этом недостатке при громадной численности населения российской империи. Казалось бы, например, что часть находящихся на иждивении России беженцев из губерний, занятых неприятелем, могла бы, с пользою для России, быть предоставлена в распоряжение Франции, где даже совершенно неквалифицированные рабочие найдут хороший заработок. Мне кажется также, что ввиду несомненно удостоверенного применения в Германии труда русских военнопленных не только к производству предметов вооружения, но даже и к рытию траншей, можно было бы поставить и вопрос об уступке, на известных условиях, Франции части имеющихся у нас германских и австро-венгерских военнопленных. Позволяю себе поэтому обратить самое серьезное ваше внимание на желательность изыскать путь к удовлетворению пожеланий французов; в противном случае мы можем не только вызвать здесь чувство горечи и раздражения, но и нанести прямой ущерб нашим интересам в деле снабжения нас предметами вооружения.

---

[1] В тел. от 2 дек. /19 ноября 1915 г. за № 777 Извольский, сообщая о недостатке рабочих рук во Франции, передал запрос А. Тома, «не окажется ли возможным найти в России недостающее число рабочих для изготовления здесь военных материалов как для России, так и для Франции». В ответной тел. от 28/15 дек. 1915 г. за № 6428 Бентковский сообщил Извольскому, что удовлетворение просьбы франц. прав-ва было бы крайне обременительно для воен. ведомства, «сильно нуждающегося в рабочих руках вследствие мобилизации промышленности, восстановления многих эвакуированных заводов и необходимости тщательной подготовки громадного тыла наших армий».

[2] В тел. от 26/13 февр. за № 786 Нератов сообщил о вторичном запросе франц. прав-ва по поводу посылки рабочих во Францию. Поручая Извольскому сообщить франц. прав-ву, что росс. прав-во не имеет возможности удовлетворить его просьбу, Нератов просил это сделать «в наиболее мягкой форме и с указанием, насколько для нас прискорбно, что мы не можем оказать ему просимой союзнической услуги».

Обсуждавшийся конференцией вопрос об ограничении ввоза продуктов в неприятельские страны не требовал близкого участия со стороны русской делегации; поэтому мы ограничились тем, что генерал Жилинский разъяснил военные основания, по которым мы должны желать некоторой осмотрительности по отношению к Швеции. В заключение я счел себя уполномоченным, в силу полученной мной общей инструкции, высказать согласие на учреждение в Париже центрального комитета по этому вопросу с участием представителей союзных государств.

Из вопросов военного характера особую важность и остроту представлял вопрос о союзнических военных силах в Салониках. Мне было известно от генерала Жилинского, что на военном совете в Шантильи вполне ясно проявилось намерение англичан не только не усиливать своего отряда в Салониках, но даже увезти оттуда сперва одну дивизию, а затем, может быть, и дальнейшие две или даже три дивизии. При этом можно было опасаться, что генерал Жоффр, всецело поглощенный заботой о защите Вердена, также склонится к мысли о бесполезности усиливать салоникский отряд или даже поддерживать нынешнюю его численность. Я счел поэтому долгом заранее обратить на этот вопрос серьезное внимание г. Бриана, который собрал у себя для его доверительного обсуждения генерала Жоффра, Асквита, Грея, лорда Китченера, генерала Робертсона, генерала Жилинского и меня. Англичане настойчиво доказывали, что в Салониках слишком много войска для обороны и слишком мало для наступления, что при нынешних условиях и ввиду предположенного общего наступления необходимо присутствие на здешнем театре возможно большего количества английских войск и что таковых невозможно взять ни из Англии, ни из Египта[1]. Бриан, генерал Жоффр, генерал Жилинский и я защищали противоположную точку зрения, настаивая на том, что увод хотя бы одной дивизии из Салоник произведет на Балканах самое неблагоприятное для союзников впечатление и лишит их всякой надежды привлечь на свою сторону Румынию и Грецию. В результате весьма горячего спора нам удалось убедить англичан отказаться от своего намерения. Мне кажется однако, что в этом вопросе нами одержан лишь полууспех, так как прения выяснили, что, при нынешних обстоятельствах, не только англичане, но и генерал Жоффр не находят возможным усиливать свои отряды в Салониках. Численность находящихся там войск, по прибытии туда сербской армии и нашей бригады, дойдет до трехсот

[1] Сообщая об этом совещании ген. Алексееву, Жилинский в тел. от 28/15 марта за № 116 указывал, что «Китченер желал перевести из Салоник на французский фронт только одну дивизию, Робертсон требовал вывода не менее трех или полной эвакуации».

пятидесяти или может быть до четырехсот тысяч человек. Насколько мне известно, этого совершенно недостаточно для серьезного наступления, тем более что войска эти до сих пор не приспособлены к войне в гористой местности. Кроме того, лишь в том случае, если салоникский отряд будет доведен до такой численности, которая обеспечит ему бесспорную победу, можно рассчитывать на выступление на нашей стороне Греции. В этом отношении союзники должны бы следовать примеру Германии, которая сразу бросила подавляющие силы на Балканы и тем увлекла за собою Болгарию, после чего она могла увезти оттуда бо̀льшую часть своих войск, предоставляя дальнейшее ведение операций главным образом болгарской армии. Генерал Жоффр, конечно, не может этого не понимать, но положение на здешнем театре настолько серьезно и требует столь колоссального напряжения сил для отражения происходящего в районе Вердена германского натиска, а затем для перехода в предположенное общее наступление, что он ни за что не согласится отвлечь отсюда хотя бы одну дивизию для посылки ее в Салоники. Сегодня в разговоре со мною Камбон, убежденный сторонник развития наступательных действий на Балканах, высказал, между прочим, мысль о посылке туда 100 000 португальцев. Не берусь судить, осуществима ли подобная комбинация и возможно ли ожидать от нее успеха.

Хотя конференция, согласно намеченной программе, не должна была касаться общих политических вопросов, в последнюю минуту одним из членов французской делегации, г. Буржуа, была сделана попытка расширить ее задачу и побудить ее выступить с торжественным заявлением общеполитического свойства. Совершенно неожиданно для всех нас и, как кажется, для самого г. Бриана, г. Буржуа предложил заменить чисто деловую редакцию первой ее резолюции следующей подлежавшей опубликованию декларацией:

«Les représentants des Puissances alliées, réunis en Conférence plénière à Paris, les 27 et 28 mars 1916, expriment à nouveau et solennellement leur engagement de ne conclure aucune paix séparée.

Ils tiennent à affirmer non moins solennellement leur résolution de ne consentir qu'à une paix qui, ruinant définitivement toute politique d'hégémonie et de violence, assurera, avec les sanctions nécessaires, le respect des traités et des lois internationales et consacrera en même temps que le triomphe du droit, celui de la liberté et de la dignité des peuples» [1].

[1] «Представители союзных держав, собравшиеся на пленарной конференции в Париже 27 и 28 марта 1916 г., снова торжественно заявляют о своем обязательстве не заключать никакого сепаратного мира. Они желают не менее торжественно

Следует заметить, что участие г. Буржуа в конференции было, очевидно, решено в угоду крайним фракциям парламента, не доверяющим г. Бриану, в целях как бы наблюдения и контроля над ходом прений. Вам уже известно, что в последнее время сказанные фракции ведут усиленную пропаганду в пользу «независимости Польши» и настаивают на том, чтобы французское правительство поставило польский вопрос на международную почву [1]; я не мог поэтому не опасаться, что публичное заявление конференции в вышеуказанном смысле даст пищу этой пропаганде и вызовет в части здешней печати толкование, что союзники, провозглашая принцип «свободы народов», тем самым предрешают и берут под свою общую гарантию будущее независимое существование Польши. Я решил поэтому воспользоваться перерывом заседания, чтобы вполне откровенно объясниться об этом с г. Брианом, который сразу оценил мои доводы и, со свойственным ему искусством и не обостряя инцидента, привел г. Буржуа к отказу от своего проекта. Настоящий инцидент наглядно покажет вам, с какими неожиданностями и трудностями мне приходится иногда здесь бороться, и до какой степени вмешательство здешних крайних парламентских фракций способно усложнить наши отношения с Францией на почве некоторых, стоящих на очереди, сложных политических вопросов. Особенно чреват подобными осложнениями польский вопрос, требующий поэтому от нас тщательного внимания и планомерных действий.

Хотя, вопреки попытке г. Буржуа, конференция сохранила свой чисто деловой характер и не уклонилась в сторону общеполитических вопросов, съезд в Париже главных министров почти всех союзных государств не мог не придать ей в глазах публики важного политического значения; особенное впечатление произвело участие в ней председателя совета и министра иностранных дел Италии; вы, конечно, вспомните, что Италия довольно долго противилась созыву конференции, очевидно опасаясь подчеркнуть по этому случаю особенность своего положения по отношению к Германии; согласие ее было достигнуто не без труда г. Брианом во время пребывания его в Риме [2] и являлось для него крупным личным успехом; участвуя в конференции, имеющей целью согласовать план общего наступления союзников на всех фронтах, и подписывая резолюцию, в которой говорится о единстве их военных,

---

заявить о своей решимости согласиться лишь на такой мир, который, разрушив окончательно всякую политику гегемонии и насилия, обеспечит, с необходимыми санкциями, уважение к договорам и международным законам и утвердит вместе с торжеством права торжество свободы и достоинства народов».

[1] Ср. № 374.

[2] См. № 170.

экономических и дипломатических действий, Италия открыто ставит себя в ряды коалиции не только против Австро-Венгрии, но и против всего среднеевропейского блока; мне еще неизвестно, имел ли г. Бриан случай поставить гг. Саландра и Соннино вопрос о формальном объявлении Италией войны Германии; со своей стороны, я счел более осторожным не выступать с подобным вопросом, не зная результатов попытки г. Бриана. Что касается Асквита, то он сказал мне, что он не упустит случая затронуть этот вопрос во время своего пребывания в Риме, куда он выезжает завтра.

Совпадение конференции союзников в Париже с шестою неделею великого сражения при Вердене, несомненно, придало ей особенное, как бы символическое, значение. Здесь все более господствует убеждение, что, подготовив колоссальные силы для натиска, Германия имела в виду и твердо надеялась нанести Франции решительный удар, и что объектом ее была не только историческая Верденская крепость, но самое сердце Франции с ее столицей. Газеты нейтральных стран приписывают одному из руководителей германской политики заявления, что конференция никогда не состоится, так как ей воспрепятствует падение Вердена, и уверяют, что в Берлине ожидали, как последствия этого падения, внутренней смуты во Франции и ссоры между союзниками; германцы приложили все старания к тому, чтобы внушить нейтральным странам веру в близость окончательного торжества германского оружия; взоры всего мира прикованы к Вердену, и факт, что после шести недель беспримерных по своей силе атак германцы не достигли своей цели и нигде не прорвали французского фронта, знаменует, может быть, поворотный пункт всей войны; весьма важно, что именно в эту минуту представители союзных держав беспрепятственно собираются в Париже и заявляют о «единстве действий на едином фронте» и о решимости довести войну до торжества их общей цели.

В заключение не могу не прибавить, что созвание конференции в Париже является крупным личным успехом для г. Бриана и усиливает его положение не только по отношению к союзникам, но и внутри самой Франции. Я думаю, что мы можем этому лишь радоваться, ибо в его лице мы имеем дело с очень крупным государственным деятелем, одаренным не только сильной волей и выдающимся умом, но и вполне правильным пониманием наиболее близко касающихся нас вопросов; доказательством этого служат отмеченные мною выступления его по поводу салоникского отряда и проекта г. Буржуа. Покуда он у власти, мы можем вполне надеяться, что он не допустит опасного вмешательства различных здешних парламентских фракций в столь сложные и важные для нас вопросы, как, например, вопросы о Польше, или о Кон-

стантинополе и Проливах, которые иначе весьма легко могут сделаться камнем преткновения в наших отношениях с Францией.

Примите и пр. Извольский.

№ 439. Посланник в Берне министру иностранных дел.

Телеграмма № 189. 30/17 марта 1916 г.

Австро-германские польские круги продолжают развивать здесь усиленную деятельность и косвенно находят себе поддержку в существующем здесь и во Франции среди многих польских деятелей движении, направленном к пропаганде идеи независимой Польши без всякого участия России. Печатная борьба с этим движением крайне необходима. Посетивший меня известный польский деятель, преданный нам Эразм Пильц, сообщил мне, что предполагается здесь учреждение тайного польского комитета из преданных нам поляков для издания соответствующего органа, но для успеха дела необходимо прибытие сюда организатора русско-польского легиона Балицкого. Пильц обещал сообщить имена всех членов комитета и держать нас в курсе их деятельности. Бахерахт.

№ 440. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

⁰/. Телеграмма № 173. 30/17 марта 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Греческое правительство готовит протест против нового воздушного германского нашествия на Салоники с требованием возмещения за крупные убытки. Генеральный директор выразил сожаление, что одновременно с нападением германских аэропланов пришло известие о высадке союзных солдат и захвате ими германцев в Патрасе, на Крите и Корфу, где 21 лицо только-что увезено во Францию. Этими действиями, на его взгляд, умалено впечатление германского убийства в Салониках. Враждебные миссии снова принялись жечь архивы.

Демидов.

№ 441. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

⁰/. Письмо. 30/17 марта 1916 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Английский посланник уполномочен, по получении мною аналогичных указаний, выработать сокращенный контрпроект союзного договора с Персией.

Не получив еще такого же разрешения, имею тем не менее честь представить у сего, на усмотрение вашего высокопревосходительства, в копии, составленный г. Марлингом проект соглашения [1], в общем соответствующего высказанным мною в телеграмме за № 204 [2] соображениям.

Примите и пр.

Н. Эттер.

Приложение.

Projet de contre-propositions.

Article I. — A partir de la date de la signature de la présente convention et pour la durée de la guerre actuelle, il y aura alliance entre la Perse, la Russie et la Grande Bretagne, aux conditions suivantes.

Article II. — En vue de mettre fin à l'insurrection soulevée en Perse par les menées d'agents-agitateurs allemands et turcs, et pour maintenir à l'avenir l'autorité due au gouvernement persan, les gouvernements de Russie et de la Grande Bretagne s'engagent à faciliter à celui-là l'organisation et l'équipement d'une police militaire de ... [3] mille hommes environ. De cette police la moitié, soit ... [3] mille, fera son service dans les régions septentrionales de la Perse et son organisation et son instruction sera confiée à des officiers et sous-officiers qui seront mis à la disposition du gouvernement persan par le gouvernement impérial de Russie, et l'autre moitié, soit ... [3] mille hommes, dans les régions méridionales, son organisation et son instruction étant confiées à des officiers anglais dans des conditions analogues.

Article III. — Les gouvernements de Russie et de la Grande Bretagne mettront à la disposition du gouvernement persan à partir de la date du présent traité et jusqu'à l'expiration de ... [3] mois après la signature de la paix européenne une somme mensuelle de ... [3] £.

En outre, de la somme susmentionnée les deux gouvernements fourniront mensuellement les fonds nécessaires pour l'entretien de la police militaire prévue à l'article II et évaluée en chiffres ronds à ... [3].

Pour l'administration de cette dernière somme il sera formée une commission spéciale de délégués russes et britanniques et persans en nombres égaux aux mains de laquelle cette somme mensuelle sera versée et dont les attributions seront déterminées de commun accord.

---

[1] См. приложение к публикуемому документу.

[2] См. № 355.

[3] Пропуск в оригинале.

L'accord en date du ... [1] octobre 1915 [2] restera en vigueur.

Quant aux ressources à créer pour le maintien de cette police militaire après l'expiration de la subvention mensuelle prévue plus haut, les gouvernements de Russie et de Grande Bretagne s'engagent à s'entendre avec le gouvernement de Perse pour y pourvoir au moment de la réforme du tarif douanier, prévue à l'article IV.

Article IV. — Les gouvernements de Russie et de Grande Bretagne s'engagent à entrer en négociations avec le gouvernement persan et ceci dans un délai de... [1] mois après l'expiration du présent traité pour la solution dans un esprit d'amitié et de conciliation des questions suivantes:

1. — Révision du tarif douanier.

2. — Révision du traité de Tourkmantchaï et du protocole cérémonial y annexé.

3. — Droits et obligations des sujets étrangers possédant des propriétés immeubles en Perse.

Перевод.

Проект контрпредложений.

Ст. I. Начиная со дня подписания настоящей конвенции и в продолжение текущей войны между Персией, Россией и Великобританией будет существовать союз на следующих условиях.

Ст. II. В целях прекращения мятежа, поднятого в Персии происками германских и турецких агентов-агитаторов, и для поддержания в будущем должного авторитета персидского правительства, российское и великобританское правительства обязуются облегчить этому последнему формирование и снаряжение военной полиции численностью около ... тысяч человек. Половина этой полиции, т. е. ... тысяч, будут служить в северных областях Персии, и ее формирование и обучение будут поручены офицерам и унтер-офицерам, которые будут предоставлены императорским российским правительством в распоряжение персидского правительства, а другая половина, т. е. ... тысяч человек — в южных областях; формирование и обучение ее будут поручены английским офицерам на аналогичных условиях.

Ст. III. Правительства России и Великобритании будут ежемесячно предоставлять в распоряжение персидского правительства, начиная со дня заключения настоящего договора и до истечения ... месяцев по подписании европейского мира, сумму в ... ф. ст.

Кроме вышеуказанной суммы оба правительства будут ежемесячно предоставлять средства, необходимые для содержания предусмотренной статьей II военной полиции и исчисляющиеся круглой суммой в ... ф. ст.

Для расходования этой последней суммы будет сформирована специальная комиссия из равного числа русских, английских и персидских делегатов, в руки

---

[1] Пропуск в оригинале.

[2] См. т. VIII, № 898.

которой и будет ежемесячно передаваться эта сумма и функции которой будут определены по общему согласию.

Соглашение от ... октября 1915 г. останется в силе.

Что касается изыскания средств для содержания этой военной полиции по прекращении вышеуказанной ежемесячной субсидии, то правительства России и Великобритании обязуются договориться с правительством Персии о принятии с этой целью мер во время реформы таможенного тарифа, предусмотренной статьей IV.

Ст. IV. Правительства России и Великобритании обязуются вступить в переговоры с персидским правительством и при этом в срок в... месяцев по окончании действия настоящего договора, с целью разрешения в духе дружбы и миролюбия следующих вопросов:

1. Пересмотр таможенного тарифа.

2. Пересмотр Туркманчайского договора и приложенного к нему церемониального протокола.

3. Права и обязанности иностранных подданных, владеющих недвижимой собственностью в Персии.

№ 442. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 128. 31/18 марта 1916 г.

A telegram has been received from Sir E. Grey authorizing His Majesty's Embassy to communicate to the Imperial Ministry for Foreign Affairs the substance of a telegram recently received from His Majesty's Minister at Tehran.

In this telegram Mr. Marling states that his Russian colleague has handed to him a Memorandum to the following effect:

«The Russian Bank at Tehran desires to have recognized by the Persian Government its right to import into Persia silver coin in sufficient quantity to cover the expenses of the Cossack Brigade, to meet the needs of the Russian institutions and troops in Persia to enable it to advance money to the Persian Government and to provide guarantees for current and other accounts.

The Russian troops will require at least five million tomans for six months, the Imperial Bank of Persia is also in need of coined silver; the Persian Government should therefore consent to silver being minted outside Persia since the mint at Tehran is incapable of producing the large amount of coin required.

The Persian Government ought not to raise any objection to the measures necessary to secure the payment in krans of the Russian troops in Persia, since these troops are in the country for the purpose of keeping order».

Mr. Marling is also informed verbally by his Russian colleague that it is intended to make use of «military notes» [1] to facilitate financing the Russian army in Persia. It is believed that this step is to be taken shortly.

Mr. Marling points out that such a measure would be an infraction of the concession enjoyed by the Imperial Bank of Persia for the exclusive right to issue notes. The proposal appears entirely unnecessary since the Manager of the Imperial Bank of Persia states positively that the Tehran mint is perfectly able to coin all the silver required, and that with more certainty and more economically than would be the case if the Russian Bank's proposal were accepted, provided the requisite amount of metal were provided by the Russian Government for the use of the Imperial Bank. It is to be observed that the rights asked for by the Russian Bank do not seem to be limited to the period of the war.

Mr. Marling concludes by pointing out that it is somewhat surprising that the Imperial Department of Finance now contemplate despatching to Persia a very large quantity of silver, the purchase of which is to be financed by His Majesty's Government, after that Department has consistently refused to assist the Imperial Bank of Persia in this matter of silver and only a short time ago stated that it was unable to find more than 70 000 tomans for that purpose [2].

Перевод.

От сэра Э. Грея получена телеграмма, уполномочивающая посольство его величества сообщить императорскому министерству иностранных дел содержание телеграммы, недавно полученной от посланника его величества в Тегеране.

В этой телеграмме г. Марлинг сообщает, что его российский коллега передал ему меморандум следующего содержания:

«Российский банк в Тегеране хочет, чтобы персидское правительство признало за ним право ввоза в Персию серебряной монеты в достаточном количестве

[1] См. № 386 и прим. к нему.

[2] Тел. от 1 апр./19 марта за № 276 Эттер передавал Сазонову, что, судя по переговорам, англ. банк «не сочтет возможным согласиться на предоставление нам права ввоза серебра за наш счет, каковое право он считает тесно связанным с привилегией выпуска банкнот» и что «наши шаги в этом направлении англичане сочтут за нарушение концессии банка, подтвержденной соглашением 1907 г.». Подчеркивая, что с политической точки зрения вопрос этот мог бы быть разрешен только непосредственными переговорами с англ. прав-вом, так как банк руководствуется исключительно своими коммерческими интересами, Эттер отмечал при этом, что от перс. прав-ва «возможно будет получить согласие на требуемые нами условия лишь в случае вполне солидарного нашего выступления перед ним совместно с английской миссией».

*

для покрытия расходов казачьей бригады, для удовлетворения нужд русских учреждений и войск в Персии, для предоставления ему возможности авансировать деньги персидскому правительству и для обеспечения гарантии текущих и иных счетов.

Русским войскам потребуется по крайней мере пять миллионов томанов на шесть месяцев; имперский банк Персии также нуждается в серебряной монете, поэтому персидское правительство должно согласиться на чеканку серебра вне Персии, так как монетный двор в Тегеране не в состоянии изготовить требуемое большое количество монеты.

Персидское правительство не должно выставлять каких-либо возражений против мер, необходимых для обеспечения оплаты в кранах русских войск в Персии, так как эти войска находятся в стране в целях поддержания порядка».

Его российский коллега сообщил также г. Марлингу на словах, что намереваются использовать «военные боны» для облегчения финансирования русской армии в Персии. Полагают, что этот шаг будет предпринят в скором времени.

Г. Марлинг отмечает, что такого рода мера явилась бы нарушением концессии на исключительное право выпуска банкнот, предоставленное имперскому банку Персии. Данное предложение представляется совершенно излишним, так как управляющий имперским банком Персии положительно заявляет, что тегеранский монетный двор вполне в состоянии чеканить все необходимое серебро, и можно быть уверенным, что это будет сделано и сделано дешевле, чем в случае принятия предложения российского банка, при условии, что требуемое количество металла будет предоставлено российским правительством для использования его имперским банком. Надо отметить, что права, требуемые российским банком, повидимому, не ограничиваются временем войны.

В заключение г. Марлинг отмечает, что несколько странно, что императорское министерство финансов имеет ныне в виду посылать в Персию весьма значительное количество серебра, покупка которого финансируется правительством его величества, после того, как это министерство упорно отказывалось оказывать помощь в отношении серебра имперскому банку Персии и еще недавно заявило, что не в состоянии изыскать более 70 000 томанов для этой цели.

№ 443. Нота уполномоченного французского правительства по ведению переговоров об Азиатской Турции Жоржа Пико министру иностранных дел [1].

31/18 марта 1916 г.

Désireux d'entrer dans les vues du gouvernement impérial, le gouvernement de la République me charge d'aviser votre excellence qu'il accepte pour sa part la solution qu'elle avait envisagée [2].

Il demeure donc entendre que, sous réserve de la cession à la Russie de la région du Kurdistan au sud de Bitlis et de Van, comprise entre Mush, le cours du Tigre à l'est de l'Ashita Dagh, Djezireh ben Omar et la frontière de Perse à hauteur de Mergavar, et de la cession à la France

---

[1] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 170.

[2] См. №№ 376, 416 и 424.

des territoires situés entre l'Ala Dagh, Césarée, l'Ak Dagh, le Yildiz Dag, Zara, Eghin et Kharpout, le gouvernement impérial se déclare prêt à accepter l'arrangement à intervenir entre la France et l'Angleterre concernant l'Asie Mineure et l'Arabie. Toutefois, il est dès à présent agréé que les limites de la frontière commune ne seront fixées d'accord et d'une manière précise et détaillée entre la France et la Russie qu'après réunion de la commission technique russe qui doit examiner la question.

Il demeure en outre entendu que, dans toutes les parties du territoire ottoman ainsi cédées à la Russie et à la France, les concessions de chemins de fer et autres seront maintenues et que les institutions, administrations, établissements religieux, scolaires, hospitaliers, etc., relevant des deux nations, continueront à jouir des privilèges qui leur étaient assurés jusqu'ici par les traités, accords et contrats conclus avec le gouvernement ottoman. Ceux de leurs biens qui leur auront été enlevés ou auront été mis sous séquestre leur seront en conséquence restitués dès que faire se pourra.

Au cas où votre excellence serait d'accord sur ces principes, je lui serais reconnaissant de le faire connaître à l'ambassadeur de France en accusant réception de la présente note [1].

George Picot.

---

[1] В ответной пам. записке от 1 апр./19 марта Сазонов сообщал, что росс. м-во ин. дел «подтверждает предложение императорского правительства по вопросу об уступке Франции территорий, лежащих между Ала-Дагом, Ак-Дагом, Каргином, Зарой, Эгином и Харпутом, в обмен на область Курдистана, подлежащей уступке России к югу от Битлиса и Вана, заключенной между Мушем, Сертом, Джезире-Ибн-Омаром, Амадией и Ровандузем. Во всяком случае установлено, что данное разграничение будет произведено с общего согласия и точным и подробным образом при посредстве русской и французской технических комиссий, которым будет поручено установление пограничной линии на месте. Что касается железнодорожных концессий и других коммерческих предприятий, ранее предоставленных Франции оттоманским правительством на территориях, которые будут уступлены России, то императорское правительство готово их сохранить, но оставляет за собой право пересмотра тех условий, которые затрагивали бы суверенные права России или оказались бы в противоречии с законами империи. Что касается религиозных, школьных и госпитальных заведений, пользовавшихся при турецком владычестве привилегиями, вытекающими из капитуляций, то императорское правительство не сумело бы предоставить им больше прав, чем те, которые признаются за иностранными учреждениями в России, согласно действующих законов. Само собой разумеется, что отнятое у них и секвестрованное имущество будет им возвращено при первой возможности».

Перевод.

Стремясь пойти навстречу взглядам императорского правительства, правительство республики поручает мне довести до сведения вашего превосходительства, что оно со своей стороны принимает решение, предположенное вами.

Таким образом остается в силе, что при условии уступки России области Курдистана к югу от Битлиса и Вана, заключенной между Мушем, течением Тигра к востоку от Ашита-Дага, Джезире-Ибн-Омаром и персидской границей на высоте Мергевера, а также уступки Франции территорий, расположенных между Ала-Дагом, Кайсарие, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой, Эгином и Харпутом, императорское правительство заявляет о своей готовности принять соглашение, подлежащее заключению между Францией и Англией о Малой Азии и Аравии. Во всяком случае теперь уже решено, что пределы общей границы будут установлены точно и вполне подробно по соглашению между Францией и Россией только после созыва технической русской комиссии, которая должна изучить этот вопрос.

Кроме того, остается в силе, что во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России и Франции, будут сохранены железнодорожные и иные концессии и что учреждения, управления, религиозные, школьные, больничные заведения и т. д., зависящие от этих двух наций, будут и впредь пользоваться привилегиями, которые им до сих пор были обеспечены договорами, соглашениями и контрактами, заключенными с оттоманским правительством. Те из их имуществ, которые у них могли бы быть отняты или секвестрованы, будут в силу этого восстановлены, как только это представится возможным.

В случае, если ваше превосходительство согласны с этими принципами, я буду признателен, если вы доведете об этом до сведения французского посла, сообщив о получении настоящей ноты. Жорж Пико.

№ 444. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 213. 31/18 марта 1916 г.

Американский финансист Валлкотт [1], прибывший сюда из Германии, где он был в близком соприкосновении с правительственными и деловыми кругами, рассказывает нижеследующее: в военном отношении Германия все еще очень сильна, но в финансовом — она может выдержать еще не более трех месяцев войны; натиск на Верден является началом решительных действий против Франции с целью во что бы то ни стало сломить ее сопротивление и добиться заключения мира, ибо, иначе, германцы сознают, что партия проиграна; они рассчитывают, что половодие и распутица остановят наши пастуательные действия и позволят им перебросить на здешний фронт значительные силы, которые обеспечат им окончательную победу над французами. По словам Валлкотта, Германия готова заключить мир на следующих условиях: она не требует от Франции территориальных уступок на конти-

[1] Ср. № 303.

ненте и соглашается на восстановление Бельгии, оставляя за собой лишь Антверпен и доступ к устью Шельды; главные ее вожделения направлены на Восток, где она желает создания независимой Польши, раздела Сербии, Черногории и Албании между Австро-Венгрией и Болгарией и упрочения в германских руках железнодорожной линии через Константинополь на Багдад; Польша, Болгария и Турция должны стать к ней в те же отношения, как Австро-Венгрия. Валлкотт, симпатизирующий державам Согласия, намерен по возвращении в Америку действовать в пользу разрыва между С. А. С. Штатами и Германией; подобный разрыв поставит в критическое положение бельгийское рабочее население, пользующееся исключительно американской помощью, но, с другой стороны, откроет союзникам американский денежный рынок. О нужде в посещенных им польских губерниях Валлкотт рассказывает ужасающие подробности, напоминающие картины голодовок в Индии. Наблюдениям Валлкотта здесь придается серьезное значение.

Извольский.

№ 445. Посланник в Гааге министру иностранных дел.

Телеграмма № 84. 31/18 марта 1916 г.

Пригласив сегодня утром английского посланника, министр иностранных дел сказал ему, что, несмотря на все правонарушения Германией морской войны и создаваемую ими неуверенность положения, он не усматривает со стороны Германии предвзятых агрессивных намерений против Голландии [1]; но он озабочен общим характером создаю-

[1] Тел. от 19/6 марта (без номера) воен. агент в Бельгии и Нидерландах Майер сообщал в отдел ген.-квартирмейстера о гибели самого большого голланд. парохода «Тубантия». Отмечая, что, по распространенному в Голландии мнению, пароход взорван немецкой подводной лодкой и что голланд. прав-во обеспокоено тем, что Германия может «вознамериться захватить Голландию», Майер указывал, что союзникам необходимо решить вопрос о помощи Голландии. 22/9 марта Майер телеграфировал (без номера), что вслед за «Тубантией» взорван и погиб голланд. пароход «Палембанг». В этой же тел. Майер сообщал: «Замечается всеобщая тревога. Вчера на амстердамской бирже большое падение цен; пароходное движение, кроме одной Батавской линии, поддерживающей рейсы с Англией, приостановлено до выяснения обстановки. Батавская же линия сокращает рейсы до двух в неделю». Сообщая в тел. от 24/11 марта за № 73, что возбуждение против Германии продолжается, хотя голланд. прав-во и не располагает неоспоримыми доказательствами виновности Германии в гибели голланд. судов, Свечин в тел. от того же числа за № 74 отмечал появившееся в газете «Times» известие о том, что Германия будто бы заявила, что она «принуждена истреблять торговые флоты нейтральных государств, дабы изолировать Англию». Это известие, по мнению Свечина, несомненно, еще усилит «господствующее здесь возбуждение».

щегося положения в связи с возможностью широкого развития военных действий и перенесения их в Бельгию, что вновь подвергнет опасности неприкосновенность нидерландской территории; он желал бы знать, имеет ли посланник какие-либо сведения о положении в связи с парижскими совещаниями союзных держав. Посланник ответил, что об этом у него сведений нет; относительно же Германии он упомянул, что уже больше года назад он заявил от имени своего правительства, что, не желая оказывать на Голландию никакого давления, не согласного с ее нейтралитетом, Англия расположена оказать ей возможную военную помощь в случае нападения Германии. На это министр ответил, что строгое соблюдение нейтралитета не позволяет нидерландскому правительству обсуждать заранее с одной из воюющих сторон вопрос об эвентуальной военной помощи; оно должно само быть готово к отражению первого нападения и ввиду сего рассматривает своевременность некоторых мер, как приостановку отпусков в войсках; это не значит, заключил министр, что в минуту опасности просьба о помощи не будет сделана. В течение дня появилось официальное сообщение о совещаниях министров и военных властей без объяснений причин. Мера о прекращении отпусков военным была опубликована [1]. Это вызвало значительное беспокойство на амстердамской бирже. Из всего этого вытекает впечатление, что правительство получило какие-то тревожные, по его мнению, известия из Парижа.

Свечин.

№ 446. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 180. 31/18 марта 1916 г.

Таке Ионеску сообщил мне, что при обсуждении в парламентской комиссии бюджета здешнего военного министерства бывший министр Арион спросил у Братиану, считает ли последний возможным, чтобы Румыния сохранила нейтралитет до конца войны. Вследствие уклончивого ответа Братиану, Арион спросил, связана ли Румыния какими-либо обязательствами с Четверным согласием, на что Братиану ответил отрицательно. Тогда Арион вновь поставил вопрос, перейдут ли румынские войска через Прут в случае, если станет совершенно ясным, что победа останется на стороне центральных империй. На это Братиану заявил, что румынские войска ни в коем случае не перейдут через Прут, так как Румыния не может надеяться на сохранение за собой тех территориальных приобретений, кои ей, может быть, удалось бы

---

[1] См. стр. 565, прим. 4.

временно получить от России. По словам Таке Ионеску Арион объяснил своим друзьям последнее заявление Братиану существованием тайного соглашения между Четверным согласием и Румынией.

Поклевский.

№ 447. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 141. 1 апреля/19 марта 1916 г.

Il me revient de bonne source que dans cercles presse anglaise se manifeste vivement désir rendre en Russie visite journalistes russes à Londres[1]. Epoque désirable serait après visite ici membres Chambres législatives. Difficulté est que journalistes russes ont été invités par gouvernement anglais, il s'en suit que visite anglais en Russie ne serait réalisable que si gouvernement impérial jugerait possible prendre à son tour même initiative. Il s'agirait d'une dizaine de représentants presse anglaise mais fort considérés.

Benckendorff.

С[огласен].

Царское Село, [4 апреля] 22 марта 1916

Перевод.

Узнаю из надежного источника, что в кругах английской печати проявляется большое желание отдать визит русским журналистам, посетившим Лондон. Желательно было бы, чтобы этот визит состоялся после приезда сюда членов законодательных палат. Затруднение заключается в том, что русские журналисты были приглашены английским правительством; отсюда следует, что посещение английскими журналистами России может осуществиться лишь в том случае, если императорское правительство сочло бы возможным проявить со своей стороны такую же инициативу. Речь может итти приблизительно о десяти очень крупных представителях английской прессы.

Бенкендорф.

№ 448. Статс-секретарь по иностранным делам Грей английскому послу в Петрограде Бьюкенену.

Телеграмма № 705[2]. 1 апреля/19 марта 1916 г.

Polish Relief.

Further delay of Russian Government, in saying their definitive opinion, is most embarrassing to us. Embarrassment is increased by

---

[1] См. № 257.

[2] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

the fact, that a circular is now spread about by the Polish committee at..., saying that last December the Russian Government answered to an appeal from prince Lubomirsky at Warsaw, by approving a scheme for Polish relief. Circular states, that Russian Ambassador here was instructed to urge British Government to agree, and in spite of these representations, British Government refused. This statement has been published in the «Courrier de Varsovie», with extracts from a letter, referring Russian Government's approval, signed by Kronenberg and count Wielopolsky. There is of course ... in the account made to British Government by Russian Government, and we have therefore had to delay our decision from month to month, as Russian Government will not express an opinion. Please endeavour to obtain an answer within a week [1].

Перевод.

Помощь Польше.

Дальнейшее промедление со стороны российского правительства в сообщении своего окончательного мнения создает нам чрезвычайные затруднения. Затруднения увеличиваются еще благодаря тому, что в настоящее время распространяется циркулярное сообщение польского комитета в ..., в котором говорится, что в декабре прошлого года российское правительство на обращение князя Любомирского в Варшаве ответило одобрением проекта помощи Польше. В циркулярном сообщении говорится, что здешний российский посол получил инструкцию настаивать перед английским правительством, чтобы оно дало свое согласие и, несмотря на эти представления, английское правительство отказало. Это сообщение было опубликовано в «Courrier de Varsovie» вместе с выдержками из письма, подписанного Кроненбергом и графом Вьелопольским, с указанием на одобрение российского правительства. Это без сомнения... в смысле, сделанном российским правительством английскому правительству, и мы должны были поэтому месяц за месяцем откладывать наше решение, так как российское правительство не желает высказать своего мнения. Прошу постараться получить ответ в течение недели.

№ 449. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 273. 1 апреля/19 марта 1916 г.

Телеграмма за № 1275 [2] получена.

Одновременно с сообщением персидскому министру иностранных дел о предоставлении ретроактивного моратория и предстоящих

[1] Тел. от 6 апр./24 марта за № 1402 Сазонов сообщил Бенкендорфу следующее: «С высочайшего соизволения я выразил сегодня великобританскому послу согласие принять английское предложение касательно продовольствия Польши». Ответной тел. от 9 апр./27 марта за № 156 Бенкендорф передал Сазонову, что он известил об этом Грея.

[2] См. № 429.

ежемесячных субсидиях мы намерены приступить к образованию проектированной финансовой комиссии при казначействе для реорганизации этого учреждения, в видах установления действительного англо-русского контроля. Такой финансовый контроль вместе с намеченным усилением казачьей бригады под руководством русских офицеров само собою поставит интересы Персии в полную почти зависимость от России и Англии, а следовательно, закрепит уже установившееся благожелательное к нам отношение шахского правительства. При обмене нот по поводу финансовой поддержки можно предложить персидскому правительству еще раз формально подтвердить свою решимость поддерживать и закреплять дружественные с нами отношения. Со слов Марлинга видно, что английское правительство предпочитало бы, несмотря на изменившиеся обстоятельства, все же провозгласить союз с Персией «для совместного искоренения враждебной нам и Персии иностранной пропаганды».

Эттер.

№ 450. Памятная записка японского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

2 апреля/20 марта 1916 г.
Confidentiel.

Le gouvernement impérial regrette infiniment que le gouvernement impérial russe ne puisse pas consentir à sa proposition concernant la cession de la voie ferrée entre Tchantchoun et Kharbine. Mais désireux d'arriver à une solution satisfaisante entre les deux gouvernements sur cette question, le gouvernement japonais, tenant compte des vues du gouvernement russe, désirerait soumettre à sa considération les propositions suivantes:

1. Cession de la ligne ferrée entre Tchantchoun et le fleuve Soungari (c'est à dire jusqu à la station de T'ao-laï-tchao).

2. Concession au gouvernement japonais, dans des conditions convenables, de l'administration et de l'exploitation du tronçon Soungari — Kharbine, dans le but de faciliter le voyage et le transport des marchandises.

3. Reconnaissance par le gouvernement russe du droit de navigation des bâteaux japonais sur le fleuve Soungari. Cette question a été déjà à plusieurs reprises l'objet des pourparlers entre les gouvernements japonais et russe.

---

[1] Маш. копия.

L'ambassadeur du Japon, tout en espérant un accueil favorable du gouvernement russe aux propositions susmentionnées, a l'honneur de prier son excellence le ministre des affaires étrangères de vouloir bien lui faire connaître la réponse du gouvernement russe le plus tôt possible sur cette question.

Перевод.

Доверительно.

Императорское правительство бесконечно сожалеет, что российское императорское правительство не может согласиться на его предложение относительно уступки железной дороги между Чан-Чуном и Харбином. Желая, однако, притти к удовлетворительному разрешению этого вопроса между обоими правительствами, японское правительство, учитывая виды российского правительства, желало бы представить на его рассмотрение следующие предложения:

1. Уступка железнодорожной линии между Чан-Чуном и рекой Сунгари (т. е. до станции Т'а-лао-чжао).

2. Уступка японскому правительству на подходящих условиях управления и эксплоатации отрезка Сунгари—Харбин, в целях облегчения переездов и перевозки товаров.

3. Признание российским правительством права плавания японских судов по реке Сунгари. Этот вопрос уже неоднократно служил предметом переговоров между российским и японским правительствами.

Японский посол, надеясь на то, что вышеуказанные предложения будут благосклонно встречены российским правительством, имеет честь просить его превосходительство министра иностранных дел не отказать сообщить ему возможно скорее ответ российского правительства по этому вопросу.

№ 451. Министр иностранных дел послам в Лондоне, Париже, Мадриде, Риме, Вашингтоне и Токио — Бенкендорфу, Извольскому, Будбергу, Гирсу, Бахметеву и Малевскому и посланникам в Стокгольме, Христиании, Копенгагене, Бельгии, Ватикане, Лиссабоне, Сербии, Бухаресте, Афинах, Берне, Пекине, Бангкоке, Тегеране, Гааге, Каире, Южной Америке и Черногории—Неклюдову, Арсеньеву, Буксгевдену, И. Кудашеву, Нелидову, Боткину, Трубецкому, Поклевскому, Демидову, Бахерахту, В. Крупенскому, Плансону, Эттеру, Свечину, Смирнову, Штейну и Иславину.

Телеграмма [1]. 2 апреля/20 марта 1916 г.

Un navire-hôpital russe «Le Portugal» monté par un équipage russo-français et ayant à bord le personnel médical et sanitaire de rigueur navigait dans la Mer Noire à destination d'Ofou. Le 30/17 mars à 8 h. 30 du matin il a stoppé à la hauteur du cap Fathié pour permettre à l'un des bateaux qui l'accompagnait d'épuiser l'eau qui gênait sa marche. A ce moment un sous-marin s'approcha du bâtiment immobile, en fit

[1] Лит. копия. Номер отсутствует.

le tour et sans le moindre avertissement préalable lui lança coup sur coup deux torpilles à une distance d'environ 50 mètres; l'une manqua le but, l'autre éclata dans le compartiment des machines. Le navire coula immédiatement. Un torpilleur russe qui se trouvait a proximité put sauver 158 personnes sur les 273 qui se trouvaient à bord. Les autres, dont 14 dames de la Croix Rouge, 50 médecins, infirmiers et infirmières et matelots russes et 29 matelots français ont péri.

«Le Portugal» portait tous les signes distinctifs prescrits par la convention spéciale signée en 1907 à la Haye et décidant l'application à la guerre maritime des principes de la convention de Genève.

Un échange de notes entre les gouvernements russe, turc et bulgare acceptant ces mêmes principes garantissait aux navires hôpitaux dans la Mer Noire les mêmes immunités.

Les conditions dans lesquelles l'attentat a été opéré excluent toute possibilité de méprise de la part du sous-marin; l'attentat fut conscient et voulu.

Le gouvernement impérial proteste formellement devant les gouvernements avec lesquels il est en état de guerre contre cette nouvelle violation des lois et coutumes de la guerre, contre un mépris persistant des conventions et des traités. Il voit dans ce crime non seulement une infraction flagrante aux droits des gens, mais un acte de vulgaire piraterie. Il en fait juge la conscience des peuples civilisés [1].

[Sazonow.]

Перевод.

Русское госпитальное судно «Le Portugal», имея на борту русско-французский экипаж и необходимый медицинский и санитарный персонал, шло по Черному морю, направляясь к Офу. 30/17 марта в 8 ч. 30 м. утра оно остановилось на высоте мыса Фатие, дабы дать возможность одному из сопровождавших его судов вычерпать воду, затруднявшую его ход. В этот момент одна подводная лодка подошла к неподвижно стоявшему судну, обошла кругом него и, не сделав никакого предупреждения, выпустила в него две торпеды, одну за другой, приблизительно на расстоянии 50 метров; одна из них не попала в цель, другая взорвалась в машинном отделении. Судно немедленно затонуло. Находившийся поблизости русский миноносец мог спасти 158 человек из 273, находившихся на борту. Остальные погибли; среди них было 14 сестер Красного креста, 50 врачей, санитаров, санитарок, русских матросов и 29 французских матросов.

«Le Portugal» имел все опознавательные знаки, предписываемые специальной конвенцией, подписанной в Гааге в 1907 г., в силу которой к морской войне применяются принципы женевской конвенции.

[1] Текст этой тел. был в тот же день сообщен в форме вербальной ноты испан. пос-ву и пос-ву США со вступительной фразой, в которой росс. прав-во просило довести изложенные факты до сведения герм. и австро-венг. прав-в.

Обменом нот между российским, турецким и болгарским правительствами, принявшими эти принципы, госпитальным судам в Черном море была гарантирована такая же неприкосновенность.

Условия, в которых было совершено нападение, исключают всякую возможность ошибки со стороны подводной лодки; нападение было совершено сознательно и намеренно.

Императорское правительство выражает решительный протест правительствам, с которыми оно находится в состоянии войны, против нового нарушения законов и обычаев войны, против постоянного игнорирования конвенций и трактатов. Это преступление оно рассматривает не только как явное нарушение международного права, но и как акт простого морского пиратства. Оно отдает это преступление на суд цивилизованных наций.

[Сазонов.]

№ 452. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 142. 2 апреля/20 марта 1916 г.

Vous serais très obligé me faire communiquer détails sur visite ici membres du Conseil de l'Empire et de la Douma. Je suis sans aucune information à ce sujet, tandis que d'après télégramme de la presse, les membres de la Douma sont déjà en Suède. Il faudrait pour que programme puisse être établi que membres de la Douma et du Conseil arrivent ensemble. Aimerais savoir leurs noms, leur nombre et date de l'arrivée.

Benckendorff.

Перевод.

Был бы вам очень обязан за сообщение мне подробностей относительно приезда сюда членов Государственного совета и Думы. Я не имею никаких сведений на этот счет, тогда как, по телеграфным сообщениям прессы, члены Думы уже в Швеции. Для установления программы нужно было бы, чтобы члены Думы и Совета приехали вместе. Хотел бы знать их имена, их число и день приезда.

Бенкендорф.

№ 453. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Письмо № 1588. Ставка, 2 апреля/20 марта 1916 г.

Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вопрос о переброске на малоазиатский театр и, в частности, к Александретте части английских сил, находившихся в Египте, был возбужден мною уже в январе месяце настоящего года [1].

В записке, переданной мною представителю великобританской армии, генералу Хенбри Вильямс, мною указывалось, что един-

[1] См. стр. 252, прим. 1.

ственной базой для всей турецкой армии, в смысле снабжения ее материальной частью и боевыми припасами, является Константинополь. В районе же к востоку от Александретты находится весьма важный узел железнодорожных и грунтовых путей, ведущих от Константинополя в Месопотамию, Сирию, Палестину, Аравию и Армению. Занятие этого узла в значительной мере облегчило бы операцию как наших, так и английских войск против турок, затруднив кроме того проникновение в Афганистан, Белуджистан и Индию караванов с оружием.

Вместе с тем захват участка Багдадской железной дороги в полосе местности, прилегающей к Александреттскому заливу, с такими важными сооружениями, как тоннели через Киликийский Тавр и Аманский хребет, парализовал бы всякую диверсию германо-турок против Суэцкого канала, вынося оборону этого мирового пути на 800 верст к северу.

Наконец производству десанта в Александреттском заливе в значительной степени способствует близость острова Кипра, а также отсутствие сколько-нибудь серьезных укреплений во всей прибрежной полосе.

По этому же вопросу я говорил с генералом Колвелл во время приездов его в Ставку в середине января месяца и первых числах марта настоящего года.

При этом я обращал его внимание на то обстоятельство, что с ликвидацией галлиполийской операции для союзного флота в Средиземном море отпадает ответственная и трудная задача по обеспечению длинной коммуникационной линии к устьям Проливов, вследствие чего производство десанта на малоазиатском побережьи и обеспечение подвоза для экспедиционного корпуса не должны встретить непреодолимых трудностей, тем более что транспортные средства союзников могут быть еще усилены за счет секвестрованных в португальских портах немецких судов[1].

В переданной мне [21] 8 сего марта записке генерал Колвелл с своей стороны указывает на трудности высадки значительных сил в Александреттском заливе[2]: отсутствие достаточно хорошо оборудован-

[1] См. № 285 и примечания к нему.

[2] Записка Колвелл в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. В записке от 21/8 марта за № 199 штаб-офицер для делопроизводства и поручений при верх. главнокомандующем Базаров сообщал ген.-квартирмейстеру о своей беседе с англ. представителями при Ставке по этому вопросу. Ген. Вильямс заявил ему, что он считает нужным просить англ. прав-во пересмотреть вопрос об операциях у Александретты, «принимая во внимание изменившуюся обстановку» в связи с ликвидацией галлиполийской экспедиции, освободившей значительное количество военных и транспортных судов. Кап. Макоу, по словам Базарова,

ного порта, отсутствие безопасной от нападения подводных лодок бухты для сосредоточения значительного количества транспортов, каковой являлась бухта Мудрос вблизи Галлиполийского полуострова, затруднения, встречаемые Англией в предоставлении достаточного количества транспортных средств; вместе с тем положение экспедиционного корпуса у Александретты считается англичанами недостаточно безопасным, ввиду возможности для турок в короткое сравнительно время подвезти войска по железной дороге, и тяжелым, вследствие крайне нездорового в летнее время климата в прибрежной полосе залива. Вместе с тем, по мнению генерала Колвелл, в настоящее время не представляется возможным перебросить из Египта на малоазиатский театр более 80—100 тысяч английских войск, ввиду использования уже значительной части первоначально сосредоточенных в Египте сил для других назначений; принимая же во внимание, что указанных выше сил для столь серьезной операции будет недостаточно и что, с другой стороны, французское правительство, несомненно, поставит условием участие французских войск в экспедиции, предпринимаемой в районе сферы французского влияния, — пришлось бы, повидимому, снять часть войск с салоникского фронта.

Наконец, английский генеральный штаб настаивает на необходимости иметь в виду, что предназначенные для экспедиции на малоазиатском побережьи союзные войска во всяком случае будут потеряны для операций на французском фронте, где, как указывают события под Верденом, в ближайшем будущем следует ожидать весьма серьезных операций.

Таким образом, союзники наши, в особенности же англичане, относятся, повидимому, скорее отрицательно к возбужденному мною еще в конце прошлого года вопросу о высадке десанта на малоазиатском побережье для совместных с кавказской армией операций в одном из наиболее важных направлений.

Между тем сосредоточение Турцией всех свободных сил на малоазиатском театре и происходящая, повидимому, переброска туда же

также обещал приложить все старания к тому, чтобы вопрос этот был пересмотрен, указывая, однако, что он не уверен в успехе своих шагов. По мнению кап. Макоу, «Англия должна приложить все старания к тому, чтобы достигнуть возможности совместных плечо к плечу действий с русскими войсками, в особенности там, где затронут вопрос о переходе Константинополя в руки России. Только после того, как обладание Константинополем и Проливами будет достигнуто Россией, при фактическом содействии английской армии, в русском народе и его правящих кругах удастся искоренить память о прежнем противодействии Англии к осуществлению Россией этой жизненной для нее задачи, а также существующую еще у русских подозрительность к своей новой союзнице».

некоторой части германских войск, действовавших на Балканском полуострове, вынуждает меня настаивать на необходимости содействия кавказской армии со стороны наших союзников, с тем чтобы одержанные нами крупные стратегические успехи могли получить дальнейшее развитие и быть в должной мере использованы для нанесения сокрушительного удара турецкой армии. Последнее, несомненно, оказало бы большое влияние на политическую и стратегическую обстановку на Балканском полуострове, а заключение Турцией сепаратного мира освободило бы как у нас, так и у наших союзников значительные силы для операций на главных театрах войны.

Примите и пр.

Мих. Алексеев.

[P.S.] Решение высадить свою армию у Александретты и связать операции с наступлением нашей кавказской армии, конечно, изменило бы значение Салоник. Тогда этот пункт могла бы удерживать сербская армия, усиленная 2—3 союзными дивизиями. Остальные силы союзников были бы переброшены на берега Малой Азии. Удар этот по самой сути своей настолько грозен для наших противников, что все второстепенные предприятия были бы забыты ими (угроза источнику средств, уничтожение Багдадской дороги). Но, повторяю, идея не нашла сочувствия у союзников; ее некоторые трудности затемняют от взоров вероятные широкие результаты [1].

№ 454. Нота французского посла в Петрограде министру иностранных дел [2].

№ 109. 3 апреля/21 марта 1916 г.

Secret.

Monsieur le Ministre,

Me référant à notre entretien d'hier, je me vois obligé de signaler à l'attention de votre excellence deux objections que m'inspire sa note du 1 avril/19 mars 1916 [3] et qui ne me permettent pas de soumettre les conclusions de ce document à l'approbation du gouvernement de la République.

---

[1] В тел. от 5 апр. /23 марта за № 1384 Сазонов, передавая Извольскому и Бенкендорфу содержание публикуемого письма, сообщал, что он разделяет взгляд Алексеева, и просил обратить внимание франц. и англ. прав-в «на важность этого проекта и желательность его осуществления как с точки зрения общего военного положения союзников, так и для скорейшего достижения задач их в Азиатской Турции, намеченных известным соглашением».

[2] Лит. копия.

[3] См. стр. 549, прим. 1.

1) En ce qui concerne la délimitation du futur Empire arabe aux confins de la Perse, ladite note fixe la frontière en y comprenant Amadie et la région de Rovandouz.

Or, d'après la note du gouvernement impérial en date du 17/4 mars 1916 [1] et les déclarations verbales que votre excellence a bien voulu me faire ultérieurement ainsi qu'à mon collègue d'Angleterre, le gouvernement impérial a implicitement acquiescé à la délimitation sur laquelle les gouvernements français et britannique se sont accordés naguère. De plus, la note de votre excellence en date du 17/4 mars 1916 spécifie expressément: «Le gouvernement russe serait prêt à se déclarer complètement désintéressé de la région située au sud d'une ligne passant par Amadie, Ibn-Omar, Diarbékir, Samsat, Marach, Adana et accepterait sans difficulté tout arrangement qui pourrait intervenir à ce sujet entre la France et l'Angleterre». Enfin votre excellence n'ignore pas l'importance que le chérif de la Mecque attache à l'inclusion de la région de Rovandouz dans l'empire arabe; elle connaît également les motifs supérieurs qui font désirer au gouvernement de la République et au gouvernement britannique la prompte conclusion d'un accord avec les représentants du monde arabe.

Dans ces conditions, je ne doute pas que le gouvernement impérial ne ratifie les dispositions concertées entre le gouvernement de la République et le gouvernement britannique.

2) Par sa note en date du 1 avril/19 mars 1916, votre excellence a déclaré que, sur les territoires ottomans qui seront cédés à la Russie, le gouvernement impérial se réserve de réviser les stipulations des concessions commerciales ou industrielles précédemment octroyées à la France, en tant que lesdites stipulations toucheraient aux droits souverains de la Russie ou seraient en contradiction avec les lois de l'Empire. Votre excellence a ajouté que les établissements religieux, scolaires et hospitaliers, ressortissant à la France, n'auront pas d'autres droits désormais que ceux dont les institutions étrangères jouissent en Russie. Votre excellence me permettra de lui faire observer que cette double déclaration, dans sa forme absolue, ne se concilie pas avec une des conditions expresses auxquelles le gouvernement de la République a subordonné son assentiment aux desseins de la Russie sur Constantinople et qui est ainsi formulée dans la note que j'ai eu l'honneur de vous remettre le 21/8 mars 1915 [2]:

«Le régime provisoire de Constantinople et de toutes les parties de l'empire turc qui tomberont au pouvoir des trois Puissances devra, en

[1] См. № 376.

[2] См. т. VII, № 403.

conséquence, s'inspirer du principe que les ressortissants des trois Puissances continueront à jouir de tous les droits qu'ils possédaient sous la domination turque, ou en recouvreront le plein exercice s'ils en avaient été privés à la suite des événements de guerre. Les modifications qu'il conviendra peut-être d'apporter à ces droits pour les adapter au nouveau statut de Constantinople et de l'empire ottoman devront être débattues ultérieurement avec les intéressés».

Par sa note responsive du 24/11 mars 1915 [1], votre excellence s'est plu à reconnaître «la justesse du principe invoqué par le gouvernement de la République». Je ne doute donc pas que le gouvernement impérial n'admette la nécessité d'un accord ultérieur pour le règlement des intérêts en cause [2].

Veuillez agréer, etc.

P a l é o l o g u e.

Перевод.

Секретно.

Господин министр,

Ссылаясь на нашу вчерашнюю беседу, я вынужден обратить внимание вашего превосходительства на два возражения, которые вызывает у меня ваша нота от 1 апреля/19 марта 1916 г. и которые не позволяют мне представить содержащиеся в этом документе выводы на одобрение правительства республики.

1) Что касается границы будущей арабской империи у пределов Персии, то

---

[1] См. т. VII, ч. I, стр. 534, прим. 2.

[2] В поденной записи от 4 апр./22 марта (опубл. Кр. арх., т. XXXII, стр. 28) было записано, что между Пико и советником II полит. отдела состоялся обмен мнений «по поводу неточностей, допущенных во французской ноте от 31/18 марта 1916 г. [см. № 443] в вопросе об определении границы и признании капитуляций в малоазиатских территориях, которые будут присоединены к России», и что они условились составить «проекты дополнительных писем», которыми обменяются Сазонов и Палеолог. В ноте франц. пос-ва в Петрограде от 5 апр./23 марта (опубл. Р. Аз. Т., стр. 171) указывалось, что франц. прав-во в своей ноте от 31/18 марта предполагало лишь обеспечить дальнейшее существование действующих в настоящий момент концессий и учреждений в области, которая будет присоединена к России, «и открыть путь к моменту заключения мира для переговоров с императорским правительством, которые, благодаря существующим отношениям тесной дружбы между двумя союзными державами, не могут представиться затруднительными». Далее указывалось, что граница русского Курдистана должна пройти, «начиная от Муша через Серт, следовать по течению Тигра, до Джезире-Ибн-Омара, затем на восток от линии горных вершин, господствующих над Амадией, упираясь в персидскую границу, в районе Мергевера; отсюда граница Аравии должна следовать по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской, с тем, однако, чтобы проходы, пересекающие эти горы, могли быть заняты на восточном склоне русскими войсками, а на западном оставались в руках арабских сил, под французским протекторатом».

*

названная нота устанавливает границу, включая Амадию и область Ровандуза.

Однако, из ноты императорского правительства от 17/4 марта 1916 г. и устных заявлений, которые ваше превосходительство благоволило сделать впоследствии как мне, так и моему английскому коллеге, явствовало, что императорское правительство согласилось на разграничение, о котором в свое время договорились французское и британское правительства. Сверх того нота вашего превосходительства от 17/4 марта 1916 г. прямо указывает: «Российское правительство готово было бы заявить о полной своей незаинтересованности в области, расположенной к югу от линии, идущей через Амадию, Ибн-Омар, Диарбекир, Самсат, Мараш, Адану, и примет без всяких затруднений всякое соглашение, которое может состояться на этот счет между Францией и Англией». Наконец, вашему превосходительству не безызвестно то значение, которое шериф Мекки придает включению района Ровандуза в состав арабской империи; ваше превосходительство знает также высшие мотивы, заставляющие правительство республики и британское правительство желать быстрого заключения соглашения с представителями арабского мира.

При этих условиях я не сомневаюсь в том, чтобы императорское правительство не утвердило положений, о которых договорились правительство республики с британским правительством.

2) Своей нотой от 1 апреля/19 марта 1916 г. ваше превосходительство заявило, что императорское правительство сохраняет за собой право пересмотра условий торговых и промышленных концессий, ранее предоставленных Франции на турецких территориях, которые будут уступлены России, поскольку названные условия затрагивали бы суверенные права России или оказались бы в противоречии с законами империи. Ваше превосходительство добавило, что французские религиозные, школьные и госпитальные заведения не будут в дальнейшем иметь иных прав, чем те, которыми пользуются в России иностранные учреждения. Ваше превосходительство позволит мне заметить ему, что это двойное заявление, в своей абсолютной форме, не согласуется с одним из ясно выраженных условий, в зависимость от которых правительство республики поставило свое согласие на планы России относительно Константинополя и которые следующим образом формулированы в ноте, которую я имел честь передать вам 21/8 марта 1915 г.:

«Временное управление Константинополем и всеми частями турецкой империи, которые будут подвластны трем державам, должно, следовательно, руководиться принципом, в силу которого подданные трех держав будут пользоваться всеми теми правами, которыми они обладали при турецком владычестве или будут всецело в них восстановлены, если они их лишились в результате военных событий. Изменения, которые, может быть, придется внести в эти права, чтобы их приспособить к новому положению Константинополя и Оттоманской империи, должны позднее подвергнуться обсуждению с заинтересованными сторонами».

Ответной нотой от 24/11 марта 1915 г. ваше превосходительство любезно признало «правильность принципа, указанного правительством республики». Поэтому я не сомневаюсь в том, что императорское правительство признает необходимость последующего соглашения для урегулирования данных интересов.

Примите и пр.

Палеолог.

№ 455. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

⁄. Телеграмма № 1359. 4 апреля/22 марта 1916 г.

Лично.

Получил вашу телеграмму № 215 [1].

Считаю смену французского посла здесь при нынешних обстоятельствах несвоевременной. Благоволите, если понадобится, доверительно заявить, что императорское правительство желает сохранения Палеолога в Петербурге [2]. Сазонов.

№ 456. Министр иностранных дел послу в Риме Гирсу.

⁄. Телеграмма № 1375. 4 апреля/22 марта 1916 г.

Копии в Париж и Лондон.

На вопрос итальянского посла, какого мнения я о состоявшемся свидании итальянских и французских министров и военачальников [3], я ответил, что искренне приветствую все могущее содействовать более тесному сближению двух латинских народов и надеюсь, что в подтверждение установленного между Италией и ее союзницами полного единодушия Италия не замедлит объявить войну Германии. Я обратил внимание посла, что, если и теперь, после парижского совещания, такового объявления не последует, это вызовет в России большое разочарование. Сазонов.

№ 457. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 223. 4 апреля /22 марта 1916 г.

Копии в Лондон, Рим и Гаагу.

Французский посланник телеграфирует из Гааги, что нидерландский министр иностранных дел сказал ему, что принятые его правительством военные меры предосторожности [4] отнюдь не направлены

[1] Тел. от 2 апр./20 марта за № 215 Извольский сообщил о распространившихся в Париже слухах о предстоящей отставке Палеолога, поводом к которой могут послужить его трения с франц. военной миссией.

[2] В ответной тел. от 5 апр./23 марта за № 228 Извольский сообщил, что он имел доверительную беседу с Ж. Камбоном, который подтвердил, что «Палеолога обвиняют в излишней болтливости, вызвавшей, будто бы, распоряжение ген. Алексеева, ограничивающее осведомление находящихся на Ставке военных миссий, во избежание нескромностей со стороны их посольств». Тел. от 6 апр./24 марта за № 232 Извольский передал сообщение Ж. Камбона, имевшего по этому поводу беседу с Брианом, что «хотя в будущем отозвание Палеолога не исключается, в настоящее время вопрос этот снят с очереди».

[3] См. № 427.

[4] Тел. от 1 апр./19 марта (без номера) Майер сообщал в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба, что 31/18 марта в газетах появилось официальное сообщение

против держав Согласия и имеют целью лишь напомнить общественному мнению Голландии, что Европа находится в состоянии (войн)ы, о чем голландцы склонны забывать. Тождественные заявления mutatis mutandis были сделаны г. Лаудоном германскому посланнику. Камбон сказал мне, что вышеупомянутые меры не вызывают никаких опасений или сомнений и что объяснения г. Лаудона считаются вполне искренними.

Извольский.

№ 458. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 229. 4 апреля/22 марта 1916 г.

Копия в Бухарест.

Камбон сказал мне, что, по сведениям из Бухареста, Филиппеску вынес из пребывания в Петрограде [1] не вполне благоприятное впечатление вследствие замеченных им у нас течений в пользу Болгарии. По его наблюдениям, у нас возлагают всю ответственность на короля Фердинанда и его министров и склонны, в случае их низвержения, к сближению с Болгарией, где, будто бы, предполагается воцарение русского великого князя. Палеологу поручено обратить на вышеизложенное ваше внимание. Одновременно французскому посланнику в Бухаресте вновь предписывается осторожным образом осведомиться о намерениях Братиану касательно выступления Румынии на стороне держав Согласия.

Извольский.

№ 459. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 189. 4 апреля/22 марта 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

голланд. прав-ва об отмене впредь отпусков в армии и флоте и что правительство держит в большом секрете истинную причину этой меры. В письме к Сазонову от 4 апр./22 марта Свечин писал, что голланд. прав-во, опасаясь, чтобы общественное мнение не усмотрело в принимаемой военной мере обострения отношений с Германией, дало в печати указания в том смысле, что приостановка военных отпусков не имеет отношения к делу «Тубантии» (см. стр. 551, прим. 1), а вызвана общеполитическим положением и «вероятным в близком будущем расширением военных операций, в связи с происходящими совещаниями союзных держав в Париже». Далее Свечин указывал, что, «желая сохранить мир, доколе не будут затронуты неприкосновенность и независимость государства, а не ставить его в зависимость от отдельных инцидентов, сколь бы последние ни были удручающи, правительство считало в этих видах полезным, чтобы внимание общественного мнения было до известной степени отвлечено от волновавшего его дела «Тубантии» и вернулось в своих чувствах и опасениях к прежним колебаниям между Англией и Германией».

[1] См. № 312.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 187 [1].

Заявления английского и французского посланников встретили (у) греческого председателя совета министров самый решительный отпор. (Помимо) опасности холеры, председатель совета министров указал на неприемлемость каким-либо греческим правительством меры, столь резко нарушающей нейтралитет страны. Он опасается, что перевозка сербской армии по греческой территории вызовет строгие репрессалии со стороны Германии вроде отказа последней от гарантий неприкосновенности Греции. Не подлежит сомнению, что надо ожидать, в случае проведения меры, категорический протест [2].

Демидов.

№ 460. Памятная записка министерства иностранных дел японскому послу в Петрограде Мотоно.

5 апреля/23 марта 1916 г.
Confidentiel.

En ouvrant les négociations avec le gouvernement japonais concernant un traité d'alliance, le gouvernement russe prévoyait l'éventualité de services réciproques que les Alliés trouveraient possible de se rendre. Le gouvernement russe a formulé dès le début le désir de recevoir une partie considérable du stock d'armes et de munitions de guerre de l'armée japonaise. Actuellement, dans le pro-memoria de l'ambassade du Japon du 2 avril/20 mars a. c.[3] les desiderata suivants du gouvernement japonais ont été exprimés: 1.—Cession par le gouvernement russe du chemin de fer Tchan'tchoun—Soungari. 2. — Concession au gouvernement japonais de l'administration et de l'exploitation du chemin de fer Soungari—Harbine. 3.—Reconnaissance par le gouvernement russe du droit de navigation des bâtiments japonais sur le Soungari. Aucune

---

[1] В тел. от 3 апр./21 марта за № 187 Демидов запрашивал, должен ли он поддержать выступление франц. и англ. посланников о перевозке серб. армии сухим путем черев Грецию и Салоники (ср. № 372).

[2] По поводу этого заявления Скулудиса Ж. Камбон заявил Извольскому, что в Париже «очень раздражены поведением греческого правительства и постоянно вызываемыми им инцидентами» и что в деле перевозки серб. армии, по его мнению, «следует обойтись без разрешения греческого правительства и вообще поступить с ним более энергично, не останавливаясь даже перед занятием Пирея». Ж. Камбон добавил, что это его личное мнение и что Бриан «склонен к более мягкому образу действий» (тел. Извольского от 5 апр./23 марта за № 227). Ссылаясь на эту тел. Извольского, Демидов тел. от 7 апр./25 марта за № 197 передал заявление Гильмена, что во франц. м-ве ин. дел с мнением Ж. Камбона мало считаются и что главным заправилой является Бертелло.

[3] См. № 450.

mention n'est faite de l'étendu des services que le gouvernement japonais est disposé, à titre de réciprocité, de rendre à la Russie.

Le gouvernement russe croit nécessaire d'exprimer d'ores et déjà sa conviction que en discutant la question de ces services mutuels on devrait se maintenir sur la base des conventions russo-japonaises de 1907 et de 1910. Aux termes de la première de ces deux conventions, le Japon s'est engagé à ne chercher à obtenir aucune concession en matière de chemin de fer dans la sphère russe de la Mandchourie. La concession au gouvernement japonais de l'exploitation et de l'administration d'une ligne ferrée entre Harbine et le Soungari, qui forme ici la ligne de démarcation entre les sphères russe et japonaise, se trouverait en contradiction tant avec l'esprit qu'avec la lettre de cette stipulation.

Par la convention ostensible de 1910, le Japon s'est engagé à respecter le statu quo dans la Mandchourie du nord, tel qu'il résulte de tous les traités, conventions et autres arrangements conclus par la Russie avec le Japon et la Chine. Les actes définissant la situation de la Russie dans cette région ont été communiqués au gouvernement japonais. Les traités russo-chinois de 1858 et de 1881 étaient inclus dans leur nombre. En vertu de ces traités, le Soungari est déclaré ouvert exclusivement à la navigation de bâtiments russes et chinois, à l'exclusion de toutes les autres nationalités. La Russie a donc acquis le droit spécial de navigation sur le Soungari, droit qui n'est pas accordé aux autres Puissances par leurs traités avec la Chine.

La convention secrète de 1910 contient les engagements du gouvernement japonais de respecter les intérêts spéciaux de la Russie dans sa sphère de la Mandchourie, de ne pas entraver la consolidation et le développement de ces intérêts spéciaux de ne rechercher dans la sphère russe aucun privilège ni aucune concession de nature à porter atteinte aux intérêts spéciaux russes, et de respecter tous les droits acquis par la Russie dans sa sphère en vertu des traités, conventions et autres arrangements communiqués au gouvernement japonais. En signant cette convention, le Japon a donc reconnu le droit spécial de la Russie de naviguer sur le Soungari et s'est engagé à le respecter et à ne pas s'opposer à son développement ultérieur. C'est pourquoi la question de la navigation japonaise sur ce fleuve n'a plus fait l'objet de pourparlers en 1910. Elle se trouvait tranchée par les dispositions plus générales de la convention signée le 4 juillet/21 juin de cette année.

En rouvrant actuellement cette question et en réclamant une concession de l'exploitation et de l'administration d'une ligne ferrée dans la sphère russe, le gouvernement japonais s'écarte des principes qui ont présidé à la négociation des conventions de 1907 et de 1910.

Ces principes ont formé une base solide des rapports amicaux entre la Russie et le Japon. Les négliger serait risquer de retomber dans l'erreur des rivalités mutuelles. C'est par le respect réciproque des droits acquis par chacun d'eux et par un appui loyal dans les cas où ces droits se trouvaient en danger d'être amoindris, que les gouvernements russe et japonais ont réussi à atteindre les résultats dont ils n'ont eu jusqu'ici qu'à se louer. C'est par les mêmes idées qu'ils devraient s'inspirer après la consommation de leur union projetée.

Désireux de donner une preuve de son sincère attachement aux principes énoncés dans les conventions de 1907 et de 1910, le gouvernement impérial se déclare prêt, le cas échéant, à céder au gouvernement japonais dans des conditions à établir, le tronçon du chemin de fer de l'Est chinois reliant Tchantchoun aux bords du Soungari, à renoncer à la navigation des bâtiments russes sur la partie de ce fleuve qui se trouve dans la sphère japonaise, et à ne pas appuyer le gouvernement chinois si celui-ci refusait aux bâtiments japonais la permission de naviguer sur cette partie du Soungari. Le gouvernement russe croit qu'en faisant ces concessions, il aura fait un nouveau pas dans la voie qu'il a suivie jusqu'ici, et notamment celle d'une délimitation de plus en plus complète des sphères des intérêts russes et japonais. Le gouvernement russe est convaincu que c'est là le chemin le plus sûr pour aboutir à une parfaite solidarité entre les nations russe et japonaise.

Перевод.

Доверительно.

Приступая к переговорам с японским правительством относительно союзного договора, российское правительство предусматривало возможность взаимных услуг, которые союзники нашли бы возможным оказывать друг другу. С самого начала российское правительство выразило желание получить значительную часть запасов оружия и снаряжения от японской армии. В настоящее время в памятной записке японского посольства от 2 апреля/20 марта с. г. были высказаны следующие пожелания японского правительства: 1. — уступка российским правительством железной дороги Чан-Чун — Сунгари; 2. — уступка японскому правительству управления и эксплоатации железной дороги Сунгари — Харбин; 3. — признание российским правительством права плавания японских судов по Сунгари. О размерах уступок, которые японское правительство склонно сделать России на основах взаимности, вовсе не упомянуто.

Российское правительство считает необходимым сразу выразить свое убеждение, что, обсуждая вопрос об этих взаимных уступках, следовало бы придерживаться основ русско-японских конвенций 1907 и 1910 гг. Согласно первой из этих конвенций, Япония обязалась не стремиться к получению каких-либо концессий в железнодорожной области в русской сфере Манчжурии. Уступка японскому правительству эксплоатации и управления железнодорожной ли-

нией между Харбином и Сунгари, составляющей здесь демаркационную линию между российской и японской сферами, противоречила бы как духу, так и букве этого условия.

По явной конвенции 1910 г. Япония обязалась уважать status quo в Северной Манчжурии, как оно вытекает из всех договоров, конвенций и иных соглашений, заключенных Россией с Японией и Китаем. Акты, определяющие положение России в этой области, были сообщены японскому правительству. Русско-китайские договоры 1858 и 1881 гг. были включены в число таковых. В силу этих договоров Сунгари объявлена открытой исключительно для судоходства российских и китайских судов, исключая все другие нации. Таким образом Россия приобрела особое право судоходства по Сунгари, каковое не предоставлено другим державам в их договорах с Китаем.

Секретная конвенция 1910 г. содержит обязательства японского правительства уважать особые интересы России в ее сфере в Манчжурии, не препятствовать консолидации и развитию этих особых интересов, не искать в русской сфере никаких привилегий, ни концессий, способных нанести ущерб русским особым интересам, и уважать все права, приобретенные Россией в ее сфере в силу договоров, конвенций и иных соглашений, сообщенных японскому правительству. Подписывая эту конвенцию, Япония таким образом признала особое право России на плавание по Сунгари и обязалась его уважать и не противиться его последующему развитию. Поэтому вопрос о японском плавании по этой реке не составил более предмета переговоров в 1910 г. Он оказался разрешенным более общими положениями конвенции, подписанной 4 июля/21 июня этого года.

Поднимая ныне этот вопрос и требуя уступки в деле эксплоатации и управления железнодорожной линией в русской сфере, японское правительство отклоняется от принципов, которые руководили переговорами о конвенциях 1907 и 1910 гг.

Эти принципы послужили прочной основой дружественных взаимоотношений между Россией и Японией. Игнорирование их создало бы риск снова впасть в ошибку взаимного соперничества. Взаимным уважением прав, приобретенных каждым из них, и лойяльной поддержкой в случаях, когда угрожала опасность умаления этих прав, российскому и японскому правительствам удалось добиться результатов, которыми до сих пор они могли бы быть только довольны. По осуществлении проектируемого союза между ними они должны были бы вдохновляться теми же идеями.

Желая дать доказательства своей искренней приверженности принципам, провозглашенным в конвенциях 1907 и 1910 гг., императорское правительство заявляет о своей готовности в подлежащем случае уступить японскому правительству на условиях, подлежащих определению, отрезок Восточной-Китайской железной дороги, связывающей Чан-Чун с берегами Сунгари, отказаться от плавания российских судов в части этой реки, находящейся в японской сфере, и не поддерживать китайского правительства, если оно отказывало бы японским судам в разрешении на плавание по этой части Сунгари. Российское правительство полагает, что, делая эти уступки, оно совершает новый шаг на пути, которому оно следовало до сих пор, а именно более полного разграничения сферы русских и японских интересов. Российское правительство убеждено, что в этом заключается самый верный путь к достижению полной солидарности между российской и японской нациями.

№ 461. Посол в Париже министру иностранных дел.

¹/. Телеграмма № 226. 5 апреля/23 марта 1916 г.

В здешних деловых кругах очень обеспокоены предположенными у нас мерами против ввоза в Россию предметов роскоши, каковыми мерами, главным образом, затронут(ы) интересы французских производителей и коммерсантов. Палеологу поручено обратить на этот вопрос ваше внимание и сослаться на последовавшее, по просьбе французского правительства, смягчение подобных же мер, принятых в Англии. Наш коммерческий агент телеграфировал о вышеизложенном своему министерству.

Извольский.

№ 462. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

¹/. Телеграмма № 190. 5 апреля/23 марта 1916 г.

Здешний итальянский посланник получит скоро от командующего оккупационным корпусом в Валоне обозначение некоторых пунктов на территории, занятой Грецией, считаемых им необходимыми для обороны. По получении этих данных итальянскому посланнику предписано сделать соответственное сообщение греческому правительству и попытаться склонить его согласиться на занятие итальянцами этих пунктов, (что) рассеяло (бы) подозрения относительно будущих намерений Италии. Посланнику предписано не ставить это мероприятие в зависимость от согласия греческого правительства. По просьбе итальянского посланника ходатайствую о разрешении поддержать сообща с моими союзными коллегами его выступление [1].

Демидов.

№ 463. Посол в Токио министру иностранных дел.

¹/. Депеша № 22. 5 апреля/23 марта 1916 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Современное политическое положение Японии значительно разнится от того, каким оно было перед войной. За прошедшие 18 месяцев международные условия настолько изменились, что ныне Японию надо признать не только великой дальневосточной, но и мировой державой. Война, столь разорительная для государств Европы, отрази-

[1] В тел. от 7 апр./25 марта за № 1413 Сазонов признал нежелательным выступление Демидова в этом вопросе, считая, что «следует предоставить итальянцам самим добиваться согласия греков на занятие стратегических пунктов». Тел. от 10 апр./28 марта за № 200 Демидов передал заявление итал. посланника представителям держав Согласия о том, что «итальянские отряды уже приступили без предупреждения к занятию некоторых пунктов».

лась чрезвычайно благоприятно на финансах и торговле Японии; числясь в «состоянии войны» лишь номинально, Япония, после легкой победы в Циндао, не проливает более ни одной капли крови в борьбе с германцами и не тратит на войну ни одного иена. Напротив того, золотой запас ее за это время почти удвоился, торговое пароходство расцвело, внешняя торговля оживилась и побила рекорд по вывозу за весь период приобщения страны Восходящего солнца к цивилизации; вывоз оружия, боевых припасов, предметов военного снаряжения и снабжения обогащает не только японскую казну, но и местную промышленность.

Но еще больше извлекает японское правительство из европейской борьбы политических выгод; если до войны Япония могла считаться наиболее влиятельной силой на Дальнем Востоке, то ныне она сделалась полновластной хозяйкой здешнего положения: ни мы, ни Англия, ни другая европейская держава, не имея в своем распоряжении на Дальнем Востоке ни сухопутной армии, ни флота, — не в состоянии противодействовать Японии в достижении ее целей. Японцы вполне сознают исключительность условий, в которые они поставлены благодаря войне, и, несомненно, постараются использовать эти благоприятные условия в своих выгодах. С таким положением вещей приходится считаться и нам, и Англии, тем более что создавшееся преобладание японского влияния на Дальнем Востоке сохранится надолго и после войны. В то время как европейские державы истощаются физически и морально в титанической борьбе, Япония с каждым днем крепнет, богатеет и запасает силы на будущее. Этим объясняется и то обстоятельство, что Япония решительно отклонила все попытки втянуть ее активно в европейскую войну посылкой на западный фронт своих войск. Японское правительство вполне отдает себе отчет, что понижение численного состава японской армии на Дальнем Востоке настолько же отодвинет боевую готовность Японии, как и уступка нам ружейных запасов в ущерб собственным условиям мобилизиции. Нимало не заинтересованная в окончательном крушении Германии, Япония пользуется настоящей войной, чтобы накапливать свои финансовые и боевые силы, и подготовляет себя к тому моменту, когда начнется ликвидация войны и когда державы приступят к новой ориентации взаимных политических интересов.

Главным объектом японской политики является Китай, куда и направлены ее конечные цели; ограничится ли Япония проведением в Китае V группы своих прошлогодних требований [1], или воспол-

---

[1] См. т. VII, № 249 и приложение к нему.

зуется случаем, чтобы осуществить свои вожделения в долине Янцзы и в провинции Фукиен, — предвидеть пока трудно, так как многое будет зависеть от внутреннего положения Китая. Чем более последний будет страдать от внутренних неурядиц и чем слабее будет его центральная власть, тем легче для Японии добиться удовлетворения ее пожеланий. В предвидении этого японцы нимало не стесняются показывать свое нерасположение к Юаню и решительно противодействуют всему, что могло бы укрепить его личное положение. Этим объясняется и их отрицательное отношение к восстановлению монархии в Китае. Усиливать Китай политически и содействовать его централизации— совершенно не отвечает интересам японской политики. Для Японии, наоборот, выгодно теперешнее хаотическое состояние соседа и шаткое положение его правителя.

Тем же объясняется и несочувствие японского правительства привлечению Китая к открытому разрыву с Австро-Германией. Вступление Китая в число союзных государств, борющихся против германского милитаризма и засилья, дало бы Китаю выигрышное положение среди других государств, подняло бы его престиж и обеспечило бы ему, помимо финансовой поддержки, самостоятельное и равноправное положение на будущей мирной конференции. С подобным привлечением Китая в «концерт» союзных держав Япония едва ли помирится, а тем менее можно ожидать, чтобы она допустила возвысить Китай в ранг великой державы при помощи европейских государств с их ближайшей поддержкой, с явным ущербом для японского влияния.

Несколько в ином свете представляется задуманный союзными правительствами план массового изгнания из Китая германских и австрийских подданных. Такая мера, если бы она осуществилась на деле, обещала бы громадные выгоды японцам, так как без сомнения они захватили бы вслед за тем ³/₄ германской торговли в Китае в свои руки. Но японцы не склонны поручить выполнение подобной задачи китайским властям из тех же опасений — усилить власть центрального правительства в Пекине; японцы согласны осуществить этот план своими средствами, учредив собственный полицейский надзор за германцами на китайской территории и изолировав собственными средствами германские сетльменты. Применение такого их плана имело бы, быть может, даже больше результатов, чем высылка германцев распоряжением китайских властей, легко идущих на отсрочки и послабления, но было бы в конце концов равносильно допущению японской полиции в Китай на тех именно условиях, которые предусматривались V группой японских требований и против которых мы особенно возражали.

Как бы ни было нам желательно вовлечение Китая в открытую борьбу с Австро-Германией и как бы ни важно было устранение из Китая германской интриги, поддерживаемой германскими банками, торговыми домами, газетами и официальными германскими агентами в Пекине, — все же возникает первостепенный вопрос: какие компенсации потребует Япония за содействие этому плану? Итти же на него без согласия Японии, чтобы поставить ее перед совершившимся фактом, значило бы рисковать размолвкой с Японией и вызвать явное ее противодействие нам в Пекине; да и Китай едва ли решился бы на такой шаг без одобрения из Токио.

Упомянув о компенсациях, я обязываюсь отметить, что весьма возможно возбуждение Японией, по первому с нашей стороны поводу, вопроса о возобновлении на новый срок рыболовной конвенции 1907 года с большими льготами для японских рыбопромышленников и ходатайства о разрешении плавания по Сунгари. Но требование Северного Сахалина или железнодорожной ветки от Чан-Чуна до Харбина являлось бы уже домогательством по пересмотру Портсмутского договора. Итти на подобное изменение основных наших соглашений с Японией значило бы не только умалить обаяние России, но и нанести непоправимый ущерб нашей дальневосточной окраине и русскому делу в Северной Манчжурии. Даже заключение формального союза с Японией не оправдывало бы с нашей стороны таких уступок.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 464. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 150[1] 6 апреля/24 марта 1916 г.
Personnel.

Grey me dit que passage du discours de Milioukoff sur arrangement d'avril concernant Détroits[2] ayant fait objet d'une question à la Chambre

[1] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 412. Печатается с черновика, хранящегося в делах б. росс. пос-ва в Лондоне.

[2] Грей имеет в виду речь Милюкова на заседании Государственной думы от 24/11 марта 1916 г., в которой Милюков, между прочим, заявил следующее: «В чем собственно наш русский интерес к войне? Государственная дума сказала об этом достаточно громко, сказала на весь мир в своей январской сессии, и голос ее был услышан, — нам нужен выход к свободному морю. Не для этого мы начали войну. Но мы ее начали, и без этого мы не можем ее кончить. Наш русский интерес в этой войне в том, что нам необходимо присоединение Проливов... Начало апреля н. ст. 1915 г. — вот дата, которая заслуживает стать известной нашим широким массам, чтобы они знали, из-за чего они борются. Это — дата определенного соглашения о Проливах между нами и нашими союзниками. В успехе нашего соглашения с союзниками немалая доля принадлежит вам,

des Communes, il y avait répondu évasivement comme jusqu'ici [1]. Il ajouta qu'il ne voudrait pas que cette réponse fasse mauvaise impression dans le public russe; ni jette aux yeux de notre public un doute sur les intentions de l'Angleterre. Grey ajouta que pour ce qui regarde les Chambres et l'opinion publique anglaise il ne redouterait aucunement de s'expliquer plus clairement sur un arrangement qui avait été communiqué à l'opposition, même avant la formation du Cabinet de coalition, et contre lequel il ne prévoyait aucune opposition de la moindre importance; que par conséquent il n'aurait eu aucune difficulté personnelle à répondre, pour autant qu'il connaît le texte de la phrase de Milioukoff, telle que publiée dans le «Times», qu'elle ne contenait rien d'inexact. Grey me dit alors que bien entendu pour s'expliquer ainsi, même sans aller jusqu'à publier le texte de l'arrangement, il fallait l'assentiment du gouvernement français et il fallait aussi que le gouvernement italien soit informé. Quant au Japon Grey m'assura qu'il lui en avait fait très secrètement confidence et appuyé à cette occasion sur le fait qu'une pareille solution ne pouvait qu'être avantageuse pour les intérêts japonais et pour ses rapports futurs avec la Russie. Grey dit qu'Impériali lui a adressé à ce sujet des questions à différentes reprises, mais que ne trouvant pas que l'Italie avait droit à une information sur des faits antérieurs à son adhésion à l'alliance et qu'elle n'avait pas relevé à cette époque, il avait éconduit l'ambassadeur. Grey me répéta encore que l'Italie ne pourrait être informée que du consentement russe et français. Il me dit qu'il pouvait y avoir certains inconvénients à le faire; sans toutefois insister sur ces inconvénients, il redoutait plutôt l'effet qu'une déclaration publique pouvait faire en Roumanie. Je ne contestais nullement la nécessité évidente de consulter les Alliés; quant à la Roumanie, je lui donnais comme opinion toute personnelle que de trois pays balkaniques, tandis que pour les rêves helléniques et pan-bulgares Constantinople pouvait être un objectif, je doutais qu'il en fût de même pour la Roumanie qui aurait à choisir entre des Détroits aux mains de la Russie ou bien plus ou moins directement aux mains de l'Allemagne. Je lui dis pourtant que je ne connaissais pas du tout vos idées sur cette question

господа. С вашей поддержкой стало возможно то, что без вас не звучало бы достаточно сильно и убедительно в устах наших дипломатов, которым тоже принадлежит в данной области заслуга. Наша дипломатия исполнила задачу, которую не мы, а история ей поставила. В мировой борьбе нам уделен Восток».

[1] Согласно тел. Бенкендорфа от того же числа за № 151 Грей заявил в палате общин 4 апр./22 марта, что он не имеет ничего добавить к своим ответам от 25/12 февр. (см. т. VII, ч. 1, чтр. 371, прим. 2) и от 13мая/30 апр. 1915 г. (В этот день Грей заявил, что в данный момент в интересах войны не следует делать публичного заявления по столь важному вопросу.)

et que je comprenais que la Roumanie devait être ménagée. Au cours de cet entretien auquel il m'avait invité, Grey revint plusieurs fois sur les inconvénients de laisser le public russe dans le doute au sujet des intentions anglaises sur cette question. Je lui répondis qu'il était clair qu'au point de vue des rapports moraux entre la Russie et l'Angleterre le plus tôt la chose serait proclamée, le mieux cela vaudrait et que j'y attachais une grande importance. Il me répéta plusieurs fois qu'au point de vue anglais il n'avait aucune objection à le faire, mais qu'il faut le consentement de la France et des Alliés et bien considérer la question des neutres. Grey m'a prié vous télégraphier cet entretien. Mon impression est que Grey tient surtout à l'opinion publique en Russie et qu'à part objection de l'un ou de l'autre des Alliés il parlerait clair volontiers.

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

Лично.

Грей мне сказал, что на запрос, предъявленный в палате общин по поводу части речи Милюкова относительно апрельского соглашения о Проливах, он, как и до сих пор, ответил уклончиво. Он добавил, что он не хотел бы, чтобы этот ответ произвел неблагоприятное впечатление на русское общество и возбудил бы в нем сомнения относительно намерений Англии. Грей прибавил, что, поскольку это касается палат и английского общественного мнения, он нисколько не опасается высказаться более ясно относительно соглашения, которое было сообщено представителям оппозиции еще до сформирования коалиционного кабинета и против которого он не предвидит ни малейших возражений; что вследствие этого для него лично не представилось бы никаких затруднений дать ответ, что текст фразы Милюкова, поскольку он его знает на основании сообщения «Times», не содержит в себе никакой неточности. Грей мне сказал тогда, что, само собой разумеется, для того, чтобы так высказаться, если даже и не доводить дело до опубликования текста соглашения, необходимо согласие французского правительства, а также необходимо осведомить итальянское правительство. Что касается Японии, то Грей заверил меня, что весьма доверительно он поставил ее об этом в известность и при этом подчеркнул тот факт, что подобное решение может быть только выгодным для японских интересов и для будущих отношений Японии с Россией. Грей сказал, что Империали неоднократно обращался к нему по этому поводу с запросами, но, считая, что Италия не имеет права требовать сообщения ей фактов, предшествовавших ее присоединению к союзу и вопрос о которых она в тот момент не возбудила, он отклонил поползновения посла. Грей повторил мне, что Италия может быть осведомлена только с согласия России и Франции. Он сказал мне, что могут представиться некоторые затруднения для этого; однако он не настаивал на этих затруднениях; он опасался скорее впечатления, которое могло произвести на Румынию публичное заявление. Я нисколько не оспаривал очевидную необходимость совместного обсуждения с союзниками; что касается Румынии, то я высказал ему свое личное мнение относительно трех балканских государств, что, тогда как для планов эллинизма и панболгаризма Константинополь мог явиться целью, я сомневаюсь, что то же можно

сказать о Румынии, которой придется выбирать между фактом обладания Россией Проливами и более или менее непосредственным обладанием ими Германией. Тем не менее, я сказал, что мне совершенно неизвестны ваши взгляды на этот вопрос и что я понимаю необходимость осторожного отношения к Румынии. В течение этого разговора, на который он меня вызвал, Грей несколько раз останавливался на нежелательности оставлять русское общество в сомнении относительно английских намерений по этому вопросу. Я ему ответил, что совершенно ясно, что с точки зрения моральных отношений России и Англии, чем скорее факт [заключения соглашения] будет объявлен, тем лучше, и что я придаю этому большое значение. Он мне повторил несколько раз, что с точки зрения Англии он не имеет к этому возражений, но что необходимо согласие Франции и союзников и следует считаться с вопросом о нейтральных. Грей просил меня передать вам по телеграфу этот разговор. Я вынес впечатление, что Грей главным образом придает значение общественному мнению России и что, если он не встретит возражений со стороны того или другого союзника, он охотно выскажется яснее.

Бенкендорф.

№ 465. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 152 [1]. 6 апреля/24 марта 1916 г.

Grey a eu entretien avec prince de Serbie et Pachitch pendant lequel ces derniers ont préconisé union pays serbes et jougoslaves après guerre. Avant d'avoir consulté opinions gouvernements impérial et français, Grey n'a pu répondre que du point de vue opinion publique anglaise, toujours contraire aux jougs étrangers dans Balkans et constamment favorable à réunion à Serbie des serbes en dehors du royaume et des slaves d'Autriche s'ils en manifestaient désir. Il leur a bien expliqué que ses efforts tendant à un arrangement serbo-bulgare avaient été mal interprêtées car ce n'était nullement par sentiment probulgare qu'il avait agi ainsi, mais bien parce qu'il prévoyait qu'un refus serbe devait entraîner une guerre pour laquelle Angleterre était impuissante porter secours à Serbie. C'était là le seul motif de sa politique conciliatrice. Tant le prince que Pachitch lui ont paru fort satisfaits de cette déclaration. Sur ma question si aucune autre question n'avait été touchée, Grey me dit que Pachitch avait exprimé désir causer avec lui sur 3 points: 1) celui qu'il venait de décrire, 2) question financière. Quant au troisième, il ne put être abordé faute de temps, après entretien prolongé. Je pense qu'il s'agit de Macédoine. Grey reverra Pachitch ce soir [2].

Benckendorff.

---

[1] Печатается с черновика, хранящегося в делах б. росс. пос-ва в Лондоне.

[2] Дополнительно тел. от 7 апр./25 марта за № 155 Бенкендорф сообщил, что Мак-Кенна, прежде чем дать согласие на финансовую субсидию Сербии, потребовал от Пашича справку о том, куда будут употреблены эти фонды.

Перевод.

Грей имел беседу с сербским королевичем и Пашичем, во время которой последние высказывались за соединение сербских и югославских стран после войны. До выяснения мнений императорского и французского правительств Грей мог только отвечать с точки зрения английского общественного мнения, которое всегда [высказывается] против иностранного порабощения на Балканах и всегда [настроено] в пользу присоединения к Сербии сербов, находящихся за пределами королевства, и австрийских славян, если бы они выразили к тому желание. Он им ясно объяснил, что его усилия, направленные к сербо-болгарскому соглашению, были плохо истолкованы, так как он действовал так вовсе не из болгарофильских чувств, но потому, что предвидел, что сербский отказ должен был вызвать войну, в которой Англия была бы бессильна оказать помощь Сербии. В этом заключался единственный мотив его примирительной политики. Ему показалось, что как королевич, так и Пашич были весьма удовлетворены этим заявлением. На мой вопрос о том, не были ли затронуты какие-либо иные вопросы, Грей сказал, что Пашич выразил желание побеседовать с ним по трем пунктам: 1) по только-что изложенному, 2) по финансовому. Что касается третьего вопроса, он не смог быть затронут за недостатком времени после затянувшейся беседы. Я думаю, что дело идет о Македонии. Грей увидится снова с Пашичем сегодня вечером.

Бенкендорф.

№ 466. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Письмо. 6 апреля/24 марта 1916 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Со вступлением наших отрядов в Керманшах и Исфагань [1], можно считать борьбу с неприятельской пропагандой в Северной Персии в общем законченной. Остатки агитаторов, правда, не прекратили еще своих происков в Афганистане и вдоль восточной границы Персии. Но следует надеяться, что благоразумный и лойяльный, повидимому, эмир сумеет удержать своих подданных от опасных увлечений.

Главные силы персидского экспедиционного корпуса в ближайшем времени, вероятно, покинут персидскую территорию и перейдут в Турцию для совместных с англичанами операций против Багдада. От результата последних будет зависеть, окажутся ли окончательно

---

[1] 20/7 марта тел. за № 106 Гильдебранд из Исфагани извещал Сазонова о вступлении 19/6 марта русских войск в Исфагань. «Все население, — сообщал он, — измученное грабежами и многолетней смутой, восторженно и сердечно приветствовало отряд. Бежавшие ранее к отряду генерал-губернатор и прочие власти вошли торжественно с отрядом в город».

закрытыми доступы в Персию как для неприятельских агитаторов, так и для военных сил.

Не предрешая событий, но, конечно, надеясь на их благополучный исход, позволяю себе изложить вашему высокопревосходительству, как мне представляется сложившееся здесь положение вещей и каким образом должны бы, по моему мнению, установиться взаимоотношения между нами, англичанами и персами.

Я при этом не теряю из виду соображения, высказанные мне вашим высокопревосходительством год тому назад, при проезде моем чрез Петроград.

Главная преследуемая нами цель должна, мне кажется, состоять в установлении возможного порядка и спокойствия не только в приграничных России районах, но и во всей Персии, в видах восстановления и развития наших торговых сношений с соседней, хотя и разоренной, но естественно-богатой империей.

Вывести свою страну из настоящего плачевного состояния самостоятельно выродившийся народ и беспринципные правители решительно не способны. Им нужна посторонняя помощь, т. е. помощь России и Англии.

Для сего Персия должна быть разделена на две зоны влияния — русскую и английскую, с упразднением нынешней нейтральной зоны.

Соответствующие зоны эти должны быть взяты Россией и Англией под опеку или, в действительности, под протекторат, хотя мне казалось бы правильнее не упоминать этого последнего термина.

Касаясь лишь северной зоны, я представляю себе положение и обязательство, которое должна бы принять на себя Россия, следующим образом.

Упорядочение финансового и экономического состояния страны, для чего необходимо сосредоточение в наших руках или под нашим непосредственным наблюдением всего финансового ее хозяйства. Это сводилось бы к надзору за сбором податей и других государственных доходов, за расходованием этих доходов, и к принятию возможных мер для прекращения вкоренившейся здесь в плоть и кровь системы взяточничества, вымогательства и вообще лихоимства.

Но для обеспечения рационального поступления доходов и сбора малиата необходима правильно организованная и дисциплинированная военная или полицейская сила.

Последняя, как и финансовая часть, должна быть поставлена под наш непосредственный контроль.

Этому условию, несомненно, отвечала бы развернутая до 8 или 10 ты-

*

сяч казачья бригада под руководством русских инструкторов, согласно проекту, сообщенному мною в свое время [1].

Мне представляется, что этим достаточно было бы ограничиться, так как с сосредоточением под нашим активным наблюдением финансов и воинской силы северной части Персии последняя на деле и оказалась бы под нашей опекой или протекторатом.

Совершенно необходимым затем условием явится установление принципа взаимного невмешательства англичан и нас в дела соответствующих зон. Для этого желательно было бы ныне же войти в сношения с великобританским правительством по вопросу об уравнении прав Шахиншахского и Учетно-ссудного банков.

Помимо развития явно выгодных для нас торговых с Персией сношений, нам, конечно, надо иметь в виду ликвидирование наших с нею счетов — возврат ссуженных персидскому правительству миллионов и урегулирование интересов и претензий русских предприятий.

Если я решаюсь ныне утруждать ваше внимание вышеозначенными соображениями, то это потому, что настоящий момент, благодаря сложившимся обстоятельствам (в зависимости, однако, от исхода багдадских операций), кажется мне наиболее подходящим для приведения в исполнение намеченного вашим высокопревосходительством общего плана — без особых трений и затруднений, — и особенно без насильственных мер, каковые могли бы в другое время, и даже в близком будущем, оказаться необходимыми. Шах, волею или неволею, повинуется нам; правительство нам всецело предано, население городов и массы народа благодарны за восстановление нашими войсками спокойствия и за гуманное их к ним отношение. Кроме того, меджлис бездействует вследствие бегства депутатов.

Мне кажется, что следует воспользоваться этими благоприятными для нас условиями.

Из последних телеграмм вашего высокопревосходительства явствует, что вопрос о финансовой помощи разрешен утвердительно [2]. С своей стороны мы обусловили здесь оказание этой помощи учреждением смешанной финансовой комиссии [3], в состав которой, под председательством бельгийца, войдут русский, англичанин и персы (по нашему выбору).

На комиссию эту мы намерены в действительности возложить контрольные обязанности, а также поручение выработать рациональную

[1] См. т. IX, № 710.
[2] См. № 429.
[3] См № 449.

систему финансового управления. Первый шаг будет, таким образом, сделан.

Не разрешенным остается еще вопрос о военной организации, по поводу которого персидские министры с нетерпением ожидают соответствующих указаний.

Пока в Персии не будет преданной нам военной или полицейской силы (т. е. обученной нашими офицерами-инструкторами), отсюда нельзя будет вывести наши войска, —ни даже по окончании войны, так как после ухода их здесь немедленно вновь водворится анархия и прекратятся всякие доходы и поступления.

Кроме того, едва ли для нас вообще было бы желательно продолжать после войны оккупацию различных, далеко отстоящих один от другого, пунктов Персии.

Мне казалось бы вследствие сего полезным по возможности скорее разрешить и вопрос об усилении казачьей бригады.

Осмеливаюсь прибавить несколько вполне откровенных соображений по общему вопросу о взятии нами Персии под покровительство.

Как сказано выше, нам нужна спокойная, по возможности более благоустроенная и цветущая соседка — Персия. Но едва ли установление над нею постоянного окончательного протектората не представит собою для России излишней и весьма сложной заботы. Установив порядок и обосновав обновленный образ правления, нам, я полагал бы, следовало бы вновь предоставить Персии независимое существование.

Специалистам-финансистам надлежало бы при этом определить срок (десяти-, двадцати- или тридцатилетний), нужный для привития здесь новых, культурных, государственных начал.

Нет сомнения, что проектированные железные дороги сильно помогут подвинуть и ускорить дело.

Поэтому смею думать, что императорскому и великобританскому правительствам следовало бы притти с шахским правительством к соглашению о взятии ими Персии под свое покровительство *на определенный период времени*.

Из частных и вполне доверительных моих разговоров с некоторыми здешними деятелями я вынес впечатление, что при этом условии временного покровительства подобное соглашение могло бы быть в данное время достигнуто без непреодолимых затруднений.

Вековая анархия утомила персидский народ, и он, вероятно, легко подчинится правовому строю.

С другой стороны, следует предвидеть, что опытные английские колонизаторы чрез сравнительно немного лет сумеют превратить

предоставленные на их попечение южные области в подобие английской колонии.

Срок опеки поэтому не должен бы быть слишком продолжительный.

В наших интересах не допускать превращения Юга Персии в колонию или составную часть Индии.

Нам выгоднее сохранить между Россией и Индией персидский буфер с населяющим его независимым народом, хотя бы и успевшим — в зависимости от влияния, под которое он попадает — проникнуться симпатиями частью к России, частью к Англии.

Словом, мне представляется, что формально в наших выгодах сохранить на будущие времена независимую Персию.

В заключение позволю себе в нескольких словах вернуться к возбужденному персами вопросу о союзном с нами договоре.

Ваше высокопревосходительство совершенно правильно признаете, что при изменившемся положении вещей таковой утратил свое первоначальное значение. Дабы выиграть время, я поэтому позволил себе предложить выделить из проекта соглашения финансовый и военный вопросы, разрешение которых, по-моему, не терпит отлагательства [1].

Ныне решаюсь заметить, что провозглашение союза, хотя и не представляет собою уже для нас особых выгод, тем не менее польстило бы самолюбию персов, помогло бы парализовать те беспокойные племена на востоке и западе, которые все еще находятся под обаянием германских щедрот и интриг, и, наконец, не только не помешало бы, но скорее способствовало бы, мне кажется, приведению в исполнение намеченного проекта опеки над Персией.

Предварительно провозглашению этого союза нам, однако, надлежало бы организовать финансовый контроль или хозяйство и военную силу. При фактическом подчинении нам этих органов, союз не свяжет нас какими-либо особыми обязательствами, так как в сущности и вся остальная администрация, вследствие ее зависимости от финансов и силы, окажется в наших руках.

Я думаю, что, взяв временно на себя бразды персидского правления и водворив в богатой стране нормальный порядок, мы в конце концов с избытком вернем себе те субсидии, льготы и расходы, на которые в данное время представляется своевременным согласиться [2].

Примите и пр.

Н. Эттер.

---

[1] См. № 355.

[2] На публикуемом документе имеется помета: «Срочно. Выписку о бригаде военному министру в дополнение к прежней переписке. В. К[лемм]».

№ 467. Поверенный в делах в Пекине[1] министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 165. 6 апреля/24 марта 1916 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1305[2].

Ввиду того что французское и английское правительства несомненно запросят заключения своих представителей в Пекине относительно проекта удаления с наших концессий в Китае подданных воюющих с нами держав, я осведомился у названных представителей, какого они на этот счет мнения.

Оба отнеслись несочувственно к помянутому предложению, считая его не достигающим цели, так как изгнанные с наших концессий немцы и австрийцы поселятся или в китайском городе, или на своих концессиях, заняв места наших подданных, против коих будут, вероятно, приняты аналогичные меры. При этом убытки наших подданных будут более значительны, ибо интересы союзников на немецких и австрийских колониях крупнее интересов враждебных нам подданных на наших.

Кроме того, по их мнению, проектируемая мера явится нарушением китайского нейтралитета, так как земли концессий считаются китайской территорией и, таким образом, создаст затруднения китайскому правительству, которое вынуждено будет по требованию немцев протестовать против оной. Такой результат еще более осложнит и так уже крайне запутанное положение дела в стране, что, быть может, и имел в виду барон Ишии при объяснениях с французским послом.

Изложенное посланники ранее уже сообщили своим правительствам.

Граве.

№ 468. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 81. 6 апреля/24 марта 1916 г.

Френсис сегодня отправится в Петроград на Христианию[3]. Он производит впечатление человека порядочного и благонамеренного, но принадлежит к категории разбогатевших провинциальных дельцов, с большой самоуверенностью, поверхностным образованием и ограниченным кругозором. Он задался целью во что бы то ни стало заключить трактат с нами и, будучи совершенно (...), не хочет и слышать о необходимости всестороннего и тщательного обсуждения всех касающихся его вопросов, что может потребовать продолжительных переговоров.

Бахметев.

---

[1] См. стр. 220, прим. 2.

[2] См. № 437.

[3] Ср. № 270.

№ 469. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 137[1]. 7 апреля/25 марта 1916 г.

Secret.

His Majesty's Embassy has been instructed to make the following statement with regard to the proposal to send a British force to Alexandretta[2].

His Majesty's Government are engaged in raising and equipping for military service the largest number of men compatible with maintaining the other services, industries etc., which are absolutely indispensable to the Allies in order to enable them to prosecute the war successfully.

For the defence of the United Kingdom and of India His Majesty's Government are reserving the very minimum force necessary. A small force is engaged in East Africa and one of moderate size in Mesopotamia. His Majesty's Government desire to use the whole of the rest of the British forces in the manner most likely to be useful in assisting the military operations of the Russians and the French.

In order to secure the close coordination of the Russian and French military views and plans with the dispositions and action of the British army the highest British military authorities attended the conference which has been recently held at Chantilly[3]. During this conference it was urged by the French authorities that the largest possible number of British troops should be employed on the Western front. In order to bring their action into line with this request and in order to obviate the difficulties caused by the scarcity of tonnage-difficulties largely increased by the maintenance of a large force at Salonica — His Majesty's Government suggested the gradual withdrawal of some of the British forces at that port. Both Monsieur Isvolsky and the French authorities absolutely vetoed this suggestion, and His Majesty's Government gave in to their views. Consequently, although the British military authorities believed that our troops could be better employed elsewhere and although their maintenance there considerably increases our transport difficulties, the British force is still retained at Salonica. The desire for British cooperation at Alexandretta was not mentioned by the Russian representatives at the conferences at Chantilly and in Paris.

When the decision to abandon Gallipoli[4] was come to, some of the highest British military authorities strongly urged that an expedition

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 453 и стр. 559, прим. 2.

[3] См. № 353.

[4] См. т. IX, № 487.

in the Alexandretta region should be undertaken; but acting in deference to French and, it is believed, to Russian views His Majesty's Government consented to despatch to Salonica all the troops they could spare.

Sir Edward Grey is keenly alive to the immense value of the Russian military operations in Persia and in Asia Minor, both to Great Britain and to the common cause; but he strongly urges Monsieur Sazonow to impress on the Russian military authorities that we have only a limited number both of transports and of men. He would also urge the necessity, if we are to be able to give effective support to Russian operations, of the views of the Russian military authorities being expressed, and of the plans of the Allies being concerted and discussed, at the military conferences held at Chantilly or elsewhere.

As, therefore, at the urgent desire of the Russian and French representatives, all the available British troops are now either in France or at Salonica, His Majesty's Government deeply regret that the difficulties of transport alone render it quite impossible now to maintain an Allied base at Salonica and simultaneously to enter on any new military operation or to establish any new base abroad [1].

Перевод.

Секретно.

Посольству его величества поручено сделать следующее сообщение по поводу предложения о посылке британских сил в Александретту.

Правительство его величества производит набор на военную службу и снаряжает максимальное число людей, не нанося, однако, ущерба всякого рода предприятиям и видам промышленности, которые абсолютно необходимы союзникам для обеспечения успешного продолжения войны.

Для защиты Соединенного королевства и Индии правительство его величества сохраняет минимально необходимые силы. Незначительные силы заняты в Восточной Африке и несколько бóльшие силы — в Месопотамии. Правительство его величества намерено использовать все остающиеся британские силы так, чтобы они приносили наибольшую пользу, помогая военным операциям русских и французов.

Для обеспечения полной согласованности русских и французских военных целей и планов с намерениями и действиями британской армии британские высшие военные власти присутствовали на конференции, недавно состоявшейся в Шантильи. На этой конференции французские власти настаивали на том, чтобы наивозможно большее число британских войск было использовано на западном фронте. Для того, чтобы согласовать свои действия с этим требованием и избежать трудностей, вызываемых недостаточностью тоннажа, которые сильно возросли вследствие сохранения значительных сил в Салониках, правительство его величества предложило постепенный увод некоторых британских сил из

[1] В тел. от 9 апр./27 марта за № 157 Бенкендорф, в ответ на тел. Сазонова за № 1384 (см. стр. 561, прим. 1), передал свою беседу с Греем, совпадающую по содержанию с публикуемой пам. запиской.

этого пункта. Г. Извольский и французские власти категорически воспротивились этому, и правительство его величества уступило их взглядам. Таким образом, хотя британские военные власти полагали, что наши силы могли бы быть лучше использованы где-либо в ином месте, и хотя продолжение их пребывания там значительно увеличивает наши транспортные затруднения, британские силы все еще задерживаются в Салониках. Русские представители на конференциях в Шантильи и в Париже не упомянули о желательности британского сотрудничества в Александретте.

Когда было принято решение об очищении Галлиполи, некоторые из высших британских военных властей решительно настаивали на том, чтобы была предпринята экспедиция в районе Александретты; но во внимание к взглядам Франции и, как полагают, России, правительство его величества согласилось отправить в Салоники все войска, которыми оно могло располагать.

Сэр Э. Грей живо понимает огромное значение русских военных операций в Персии и Малой Азии как для Великобритании, так и для общего дела; но он очень настаивает перед г. Сазоновым на необходимости объяснить русским военным властям, что мы обладаем только ограниченным количеством транспорта и людей. Он также настаивает, что для того, чтобы мы были в состоянии оказать эффективную поддержку русским операциям, необходимо было, чтобы взгляды русских военных властей и планы союзников были согласованы и обсуждены на военных конференциях, имевших место в Шантильи и других местах.

Так как по настоятельному желанию российского и французского представителей все имеющиеся британские войска находятся или во Франции, или в Салониках, правительство его величества глубоко сожалеет, что затруднения в одном только транспорте создают полную невозможность в настоящее время сохранить союзную базу в Салониках и одновременно предпринять новые военные операции или установить какие-либо новые базы за границей.

№ 470. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 1416. 7 апреля/25 марта 1916 г.

Ссылаюсь на телеграмму № 1376 [1].

Во избежание недоразумений считаю долгом разъяснить, что мои слова к Диаманди, не исключая возможности оказания нами вообще помощи Румынии, подчеркивают то обстоятельство, что отсутствие заблаговременного военного соглашения может создать значительные затруднения в случае, если бы мы нашли нужным оказать ей вооруженное содействие.

Сазонов.

---

[1] 2 апр./20 марта в тел. за № 185 Поклевский известил Сазонова, что в полученных франц. и англ. посланниками сообщениях, передающих содержание беседы Сазонова с Диаманди, есть расхождение с изложением ее в тел. за № 1247 (см. № 411). «Согласно этой версии, — сообщал Поклевский, — вы настаивали перед Диаманди на скорейшем заключении Румынией военной конвенции и заявили, что без таковой конвенции Румыния, в случае нападения на нее, не может рассчитывать на вооруженную помощь с нашей стороны». В ответной тел. от

№ 471. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 236. 7 апреля/25 марта 1916 г.

Копия в Рим.

Получил вашу телеграмму № 1378. Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 292 [1].

Бриан сказал мне, что во время пребывания в Париже итальянских министров он не преминул затронуть снова вопрос об отношениях Италии к Германии. Итальянцы ответили, что объявление войны на практике не изменит положения, так, например, и сейчас в Адриатическом море флот принимает участие в действии европейских судов против германских подводных лодок. Далее, итальянское правительство опасается, что в случае объявления войны подвергнется нападению со стороны Германии через Швейцарию, граница с которой совсем не защищена, к укреплению же этой границы принимаются, впрочем, меры. Наконец, Саландра и Соннино, видимо, боятся, что война с Германией вызовет внутренние затруднения, в особенности на экономической почве. Бриан высказал мне, что это последнее соображение сохранит всю свою силу до тех пор, пока Италия не освободится от финансовой зависимости, в которой она все еще находится от Германии, и что поэтому здесь изучают способы к замене в Италии германских капиталов ... французских банков. При проезде через Париж, Асквит сказал Бриану, что итальянские министры дали ему в Риме приблизительно тот же ответ [2]. Со своей стороны, я считал более осторожным во время конференции не затрагивать этого вопроса с итальянцами, которые были несколько обижены на нас вследствие замечания генерала Жилинского о ружьях [3].

Извольский.

№ 472. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 237. 7 апреля/25 марта 1916 г.

Копия в Лондон.

---

5 апр./23 марта за № 1376 Сазонов сообщал Поклевскому: «В разговоре моем с Диаманди по поводу военной конвенции я сказал, что только при заключении ее Румыния может рассчитывать на нашу вооруженную помощь».

[1] Тел. от 1 апр./19 марта за № 292 Гирс просил сообщить, состоялся ли в Париже обмен взглядов с представителями Италии об отношении последней к Германии. Тел. от 5 апр./23 марта за № 1378 Сазонов запросил Извольского, что ему известно по этому поводу.

[2] Асквит посетил Рим после Парижской конференции и пробыл там с 31/18 марта по 2 апр./20 марта. Первоначально предполагалось, что Рим посетят также англ. м-ры Грей и Ллойд-Джордж (тел. Гирса от 24/11 марта за № 277).

[3] См. стр. 470, прим. 1.

Ваша телеграмма № 1385 получена [1].

Сообщил ее содержание Бриану, который был уже осведомлен о плане генерала Алексеева через Палеолога. Бриан обещал тотчас подвергнуть его рассмотрению генерала Жоффра. По первому впечатлению он высказал мне, что вряд ли сказанный план осуществим; высадка на Анатолийском или Сирийском побережье представляется ему крупным и сложным предприятием, требующим весьма значительных сухопутных и морских сил; салоникский отряд не может быть ослаблен, даже после прибытия сербских войск, ибо это не только опасно само по себе, но может отразиться на Греции и Румынии. О том, чтобы взять войска на здешнем фронте, не может быть и речи; французские войска выдерживают под Верденом колоссальный натиск и несут громадные потери. Французское правительство принуждено настаивать на присылке сюда всех свободных английских войск как из самой Англии, так и из Египта. Из вышеизложенных рассуждений Бриана можно заключить, что французское правительство и генерал Жоффр всецело находятся под впечатлением все еще не окончившегося сражения под Верденом. Потери в этом сражении достигают сейчас ста тысяч человек и пополняются уже рекрутами текущего года. Нужда в людях принимает для Франции трагический характер. С другой стороны, ощущается острый недостаток в морских транспортах. При таких условиях мне кажется, что нам вряд ли удастся добиться согласия Франции на новую дальнюю экспедицию. Тотчас по возвращении генерала Жилинского с фронта обращусь к его содействию.

Извольский.

№ 473. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 303. 7 апреля/25 марта 1916 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на свой № 302 [2].

Английский посол подтвердил мне, что разговор Асквита с Соннино правильно передан в телеграмме № 302. Он добавил, что Соннино просил Асквита не торопить его с объявлением войны Германии, которое,

[1] В оригинале ошибка, так как тел. за № 1385 адресована в Гаагу. Повидимому, имеется в виду тел. от 5 апр./23 марта за № 1384 (см. стр. 561, прим. 1).

[2] В тел. от 6 апр./24 марта за № 302 Гирс передал содержание разговора Соннино с Асквитом (см. стр. 587, прим. 2), переданное последним Барреру. Асквит, якобы, вынес впечатление, что «Соннино желает объявления войны, но встречает затруднения в самом кабинете». Из выставленных итал. прав-вом причин Асквит, по словам Баррера, признает «более понятной опасение нарушения Германией нейтралитета Швейцарии для нападения на Италию, не имеющую достаточно войск на севере, но он считает эту причину чисто временной».

несомненно, состоится. Уже теперь правительство принимает против Германии такие меры, к которым оно не могло бы прибегнуть 4 месяца тому назад. При всем том я продолжаю думать, что следует не прекращать настояний перед Италией, не прибегая, конечно, к каким-либо ультимативным приемам. В этом отношении горячо приветствую ваши объяснения с итальянским послом, сообщенные в вашей телеграмме № 1375 [1].

Гирс.

№ 474. Посланник в Гааге министру иностранных дел.

Телеграмма № 99. 7 апреля/25 марта 1916 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 223 [2].

Правительство продолжает объяснять усиление военных мер предосторожности исключительно общеполитическим положением. Не подлежит, однако, сомнению, что в конце прошлой недели оно испытало минуту острой тревоги, и доселе остается неизвестным, какие разъяснения оно дало по сему предмету во вторник [3] в закрытом заседании второй палаты. Трудно допустить, чтобы правительство действительно опасалось английской высадки, но оно не опровергало тотчас же слухи о ней, пущенные, как теперь выясняется, австро-германскими стараниями. Оно как будто бы желало своим молчанием вызвать с английской стороны гласное опровержение и заверение, которые встретило [бы] с видимым удовлетворением [4]. Можно предположить, что оно нуждалось в них вследствие какого-либо давления, испытанного со стороны Германии.

Свечин.

№ 475. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 174. 7 апреля/25 марта 1916 г.

№ 1.

Ссылаюсь на свою телеграмму от [16] 3 марта № 126 [5].

За последние дни в здешней прессе и в обществе появилось много толков о возможности министерского кризиса. Эти толки стоят в связи

---

[1] См. № 456. Со своей стороны, Бенкендорф тел. от 7 апр./25 марта за № 153 сообщал о состоявшейся по этому поводу беседе Грея с Империали. Последний также ссылался на опасность нарушения Германией нейтралитета Швейцарии и высказал мнение, что Италия в таком случае не в состоянии будет защищать Милан. Грей, по словам Бенкендорфа, «отнюдь не разделяет этого мнения о возможном выступлении Швейцарии».

[2] См. № 457.

[3] 4 апр./22 марта.

[4] См. № 445.

[5] Тел. от 16/3 марта за № 126 Неклюдов извещал Сазонова о том, что шведское прав-во внесло в риксдаг проект закона, имеющего целью воспретить:

с вопросами, внесенными в риксдаг о так называемом «lex transito». Закон этот крайне неясен, запутан и может создать тяжелую ответственность для всякого частного лица, дающего какие-либо торговые сведения иностранным миссиям. Оппозиция требует внесения в текст закона поправок и разъяснений. Хаммаршиольд будто бы упирается и грозит отставкой кабинета. Если бы это действительно было бы так, то получилось бы весьма опасное положение: король может под влиянием германской партии не согласиться на вступление во власть конституционного министерства, взятого из большинства риксдага, т. е. не только из либералов, но также и социалистов. Он может предпочесть путь, который уже подсказывает германофильская печать, т. е. распустить риксдаг на вакации и призвать ко власти кабинет с полномочиями почти диктаторскими. Но в таком случае волнения в стране могут вызвать и следующие роковые шаги: объявление военного положения, мобилизацию и в конце концов войну [1]. Вот куда хотят толкнуть короля [2].

Неклюдов.

№ 476. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 168. 7 апреля/25 марта 1916 г.

Продолжение телеграммы № 159 [3].

Островерхов [4] подтвердил верность японских известий о положении дела в Кантоне. Местный цзянь-цзюнь, по получении решения гильдий, обратился в Пекин с просьбой о присылке войск. Не дождавшись просимой помощи, он объявил вчера независимость Гуандуна.

Ныне можно более или менее определенно сказать, что требования южан заключаются в следующем: 1) удаление Юань Ши-кая; 2) обра-

---

«а) всякое соглашение между частными лицами, с одной стороны, и иностранными государствами — с другой, по всем вопросам, касающимся ввоза, вывоза и транзита товаров, если только подобное соглашение не было заранее разрешено шведским правительством; б) всякое иностранное наблюдение за вышеупомянутыми операциями».

[1] Тел. от 8 апр./26 марта за № 174 (№ 2) Неклюдов сообщал Сазонову, что Валленберг «совершенно отрицает» такую опасность.

[2] 11 апр./29 марта за № 192 Неклюдов телеграфировал, что кризис разрешился благополучно и что риксдаг примет «lex transito» с незначительными изменениями, вносимыми самим правительством.

[3] Тел. от 3 апр./21 марта за № 159 Граве сообщил, что, по сведениям япон. миссии, «72 гильдии в Кантоне высказались за необходимость провозглашения независимости провинции», и что нанкинский цзянь-цзюнь «обратился к вожакам восстания в провинции с предложением прекратить военные действия и начать переговоры об условиях примирения».

[4] Вице-консул в Кантоне Тимченко-Островерхов.

зование ответственного министерства; 3) созыв парламента на началах, установленных при объявлении республики; 4) наказание лиц, замешанных в монархическом движении; 5) политическая амнистия.

Несмотря на то, что требования эти носят крайне настойчивый характер, Юань Ши-кай мог бы все же договориться с повстанцами и выработать, по прежним примерам, компромисс, который удовлетворил бы самолюбие обеих сторон, если бы не постоянные происки японцев, стремящихся создать различные затруднения для еще большего осложнения настоящего положения, причем имевшие место выступления посредников были, повидимому, ввиду этого безуспешными.

Это ставит теперешнее правительство в безвыходное положение, и нам следует быть готовыми к всевозможным случайностям, так как все ныне зависит от японцев, открыто говорящих, что Юань Ши-кай у власти не останется.

Уже наблюдается брожение среди гвардии Юань Ши-кая; население ожидает солдатских бунтов и выбирает из китайских банков вклады; многие сановники, особенно из сподвижников президента, отправили свои семейства в Тяньцзин на европейские концессии.

В случае беспорядков японцы усилят свой отряд в столице.

Граве.

№ 477. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 169. 7 апреля/25 марта 1916 г.

В августе 1915 года между банкирами и соляной инспекцией было заключено соглашение, в силу коего в банках собирается из соляных поступлений фонд в 9 000 000 лан, который обеспечивает исправные платежи 6-месячных купонов по займам — реорганизационному и Криспа — и месячный платеж по боксерскому вознаграждению: избыток соляных доходов сверх этой суммы передается китайскому правительству.

На основании этого соглашения банкиры должны были [5 апреля] 23 марта передать китайскому правительству образовавшийся избыток в 3 500 000 лан, как они это неоднократно делали за последующее после соглашения время. К всеобщему удивлению, представитель японского банка заявил, что не может выпустить из своего банка хранящиеся в нем соляные поступления, так как получил предписание от своего правительства не платить денег китайскому правительству, не испросив заранее указаний японской миссии в Пекине. На возра-

жения своих коллег, что эта мера нарушает ст. 5 контракта о займе [1], на основании которой распоряжение суммами соляных доходов лежит всецело на инспекторах, он ответил, что имеет категорическое указание на этот счет и должен ждать разрешения запрошенного по этому поводу японского правительства. Банкиры, однако, основываясь на сказанной статье, дали распоряжение в Шанхай об уплате денег. Сегодня они узнали, что платеж состоялся, за исключением сумм, хранящихся в японском банке, ввиду получения последним инструкций от г. Хиоки не исполнять приказаний банкиров.

Спрошенный мною о причинах этого распоряжения, японский посланник заявил, что еще [29] 16 марта он получил от своего правительства указания предписать своему банку не платить денег китайскому правительству, не посовстовавшись предварительно с ним, и что, в соответствии с этим, он указал банку остановить платежи, так как он запросил по этому поводу Токио. Затем вчера он получил телеграмму от барона Ишии, сообщающую, что японское правительство выступило перед заинтересованными правительствами с предложением изменить августовское соглашение банкиров, так как политическое положение в Китае ныне осложнилось и нужно опасаться, что упомянутого выше фонда нехватит для оплаты купонов по займам и очередным взносам боксерского вознаграждения. В соответствии с сим японское правительство предлагает увеличить размеры фонда. До разрешения этого вопроса японское правительство настаивает на том, чтобы банки не выплачивали китайскому правительству избытки от соляных поступлений.

Я выразил Хиоки сожаление, что он не сообщил никому из своих коллег о полученных им инструкциях, так как, несомненно, что д. с. с. Крупенский, своевременно узнав о них, запросил бы соответствующих указаний императорского правительства, а до решения этого вопроса помянутые платежи банкиров были бы остановлены. Я прибавил, что данный случай тем более прискорбен, что он имел следствием проявление впервые несолидарности в действиях банкиров, чего мы всегда старались избежать.

Английский и французский посланники считают, что это выступление Японии вызвано не финансовыми соображениями, — так как, по заявлению сэра Р. Дэна, даже при отложении всех южных провинций, соляных доходов в северных хватит для уплаты по займу, — а желанием создать новые затруднения китайскому правительству, нуждаю-

[1] Имеется в виду ст. 5 соглашения о реорганизационном займе от 26/13 апр. 1913 г. (Опубл. Mac Murray, «Treaties and agreements with and concerning China», V. II, p. 1007).

щемуся в деньгах для поддержания порядка в стране и для борьбы с повстанцами. Принятие державами предложения Японии будет иметь своим следствием ускорение падения Юань Ши-кая, ибо оно будет здесь, кроме того, истолковано, как утрата им доверия к нему.

Разделяя этот взгляд, я покорнейше прошу ваше высокопревосходительство снабдить меня указаниями, что я должен ответить китайцам в случае их протеста против задержания японским банком денег, а равно сообщить мне о тех инструкциях, которые я должен преподать Гойеру при предстоящем обсуждении банкирами судьбы продолжающих накопляться излишков поступлений соляной монополии.

Граве.

№ 478. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

8 апреля/26 марта 1916 г.

Le gouvernement français a examiné avec la plus sérieuse attention le memorandum que Mr. Iswolsky a remis à Mr. Briand au sujet de l'envoi de troupes franco-anglaises en Anatolie [1]. Mais il ne croit pas pouvoir adopter la suggestion du général Alexéieff pour les raisons suivantes.

Les multiples raisons qui ont empêché l'Angleterre et la France de débarquer à Alexandrette pour parer la menace contre l'Egypte à la fin de 1915 n'ont rien perdu de leur force [2]. Les difficultés presque insurmontables d'ordre militaire et naval, l'impossibilité de constituer un nouveau front dans une région particulièrement facile à défendre contre nous, l'inconvénient capital de disperser nos forces ne nous permettent pas d'envisager, malgré notre désir de répondre à tout appel de nos Alliés, l'envoi d'un corps expéditionnaire en Syrie.

Une telle décision serait d'ailleurs entièrement en contradiction avec le plan d'action de la coalition qui exige, conformément à nos engagements, non seulement le maintien, mais le renforcement de l'armée d'Orient pour décider la Roumanie et la Grèce et assurer l'équilibre dans les Balkans jusqu'au jour où nous pourrons le rompre à notre profit.

Elle ne s'expliquerait pas davantage au moment où la France, qui a déjà prodigué son sang pour la défense des Alliés, fait face à l'assaut de l'armée allemande sur les deux rives de la Meuse, et où pour l'offensive prochaine, nous réclamons l'envoi des divisions anglaises d'Egypte

[1] См. № 472.

[2] См. т. IX, стр. 420, прим. 3.

et de Grande Bretagne afin de renforcer nos effectifs sur le front occidental qui est le théâtre principal où la guerre se décidera selon toute probabilité.

Перевод.

Французское правительство самым внимательным образом рассмотрело переданный г. Извольским г. Бриану меморандум по вопросу о посылке франко-английских войск в Анатолию. Однако оно не считает возможным принять предложение генерала Алексеева по следующим основаниям.

Многие причины, помешавшие Англии и Франции произвести высадку в Александретте для предотвращения угрозы Египту в конце 1915 г., нисколько не утратили своей силы. Почти непреодолимые трудности военного и морского порядка, невозможность создания нового фронта в районе, особенно легко обороняемом против нас, совершенная недопустимость разбрасывания наших сил не позволяют нам рассмотреть вопрос о посылке экспедиционного корпуса в Сирию, несмотря на наше желание отозваться на всякое обращение наших союзников.

Такое решение находилось бы к тому же в полном противоречии с планом действия коалиции, который требует, согласно нашим обязательствам, не только сохранения, но и усиления восточной армии, чтобы побудить Румынию и Грецию выступить и чтобы обеспечить равновесие на Балканах до того дня, когда мы сможем его нарушить в нашу пользу.

Такое решение было бы еще менее объяснимо в момент, когда Франция, уже пролившая свою кровь на защиту союзников, выдерживает атаку германской армии на обоих берегах Мааса и когда для будущего наступления мы требуем посылки английских дивизий из Египта и Великобритании, чтобы усилить наши войска на западном фронте, являющемся главным театром, на котором, по всей вероятности, решится исход войны.

№ 479. Японский посол в Петрограде Мотоно японскому послу в Лондоне Иноуэ.

Телеграмма [1]. 8 апреля/26 марта 1916 г.

Я уполномочен министром иностранных дел передать вам следующую циркулярную телеграмму за № 185:

«Телеграмма от нашего посланника в Стокгольме за № 35 от 2 апреля.

До сих пор было неясно, представлял ли разговор г. Эклунда, о котором я телеграфировал в последней части моей телеграммы за № 20 [2], выражение взглядов германского правительства, или нет. Теперь прибыл сюда германский экспедитор Гуго Стиннес (Мюльгейм) и просил нашего нештатного консула Линдберга устроить ему со мной свидание. Согласно его желанию, я 1 апреля имел весьма секретное свидание с здешним германским посланником фон Люциус, который

[1] Тел. расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.
[2] См. № 239.

мне заявил, что, по его мнению, уже настало время заключить мир между Японией и Германией. Россия на самом деле также желает мира, но представители правительства опасаются общественного мнения и ... посла Мотоно и медлят.

Я ответил, что у Японии не только нет надобности ускорить мир, но вообще сепаратный мир с Германией невозможен. Союзные государства также не могут допустить, чтобы Россия заключила сепаратный мир.

Посланник сказал, что в таком случае нет надежды, чтобы когда-либо был восстановлен мир. Не будет ли лучше, если Япония, Россия и Германия секретно и неофициально начнут обсуждение в виде приготовления для начала общих мирных переговоров всех воюющих держав.

Я ответил, что не имею полномочий вести мирные переговоры, но что я сообщу о его словах японскому правительству.

Когда посланник сказал, что он не желал, чтобы казалось, как будто Германия теперь просит мира, и этими словами хотел закончить разговор, присутствующий на этом свидании Гуго Стиннес сказал, что он сожалеет, что сегодняшнее свидание кончится безрезультатно. Через посредство японского правительства следовало бы пригласить влиятельного местного представителя России и устроить затем между Японией, Россией и Германией неофициальный обмен мнений относительно условий мира. Если будет надежда, что мир может быть заключен, обе стороны могли бы сообщить об этом своим союзникам и обсудить с ними результаты переговоров, которые каждое государство в отдельности вело за это время.

Я ответил, что, по моему мнению, невозможно, чтобы японское правительство вступило с русским правительством в переговоры относительно посылки представителя.

Гуго Стиннес меня затем спросил, каковы мирные условия Японии. Я ответил, что не имею никаких сведений. Он заявил о желательности сохранить это дело в секрете. Он не сообщит об этом свидании никому, кроме 2—3 представителям правительства, и просил бы поэтому, чтобы и мы, кроме представителям правительства, не делали никаких сообщений англичанам. После совещания с одним высоким сановником он попросит о новом свидании.

Это — директор общества «Luxemburger Bergwerk», влиятельное лицо, хорошо знакомое с Бетманом-Гольвегом, которое, по его словам, знакомо со взглядами правительства и прибыло сюда специально для мирной агитации».

Любопытно.

Царский поезд, [12 апреля] 30 марта 1916 г.

№ 480. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 241 [1]. 8 апреля/26 марта 1916 г.

Копии в Афины и Лондон.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 238 [2].

Камбон сказал мне, что в Лондоне высказываются против применения более строгой блокады, ибо это могло бы привести к демобилизации греческой армии, что представляется англичанам нежелательным. По мнению лондонского кабинета, цель может быть скорее достигнута, если греческому правительству, крайне нуждающемуся в деньгах, будет разъяснено, что оно получит таковые от союзников лишь в зависимости от перемены занятого им положения [3].

Извольский.

№ 481. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 244. 8 апреля/26 марта 1916 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1361 [4].

Батшев телеграфирует своему министру: Министр торговли сказал мне, что установление программы экономической конференции задерживается невыяснением окончательного взгляда англичан и, в зависимости от этого, не последовавшим еще назначением их делегатов. Вопросы эти вырешатся около 15 апреля нов. стиля, после чего программа будет немедленно сообщена нам. Министр предоставляет нашим делегатам определить точный срок созыва конференции, но желал бы, чтобы она собралась не позже, чем через месяц по вручении нам программы.

Извольский.

---

[1] Опубл. Е. д. и Гр., стр. 68.

[2] В тел. от 7 апр./25 марта за № 238 (опубл. Е. д. и Гр., стр. 67) Извольский передал сделанное ему Ж. Камбоном заявление, что «ввиду отказа Скулудиса разрешить перевозку сухим путем сербской армии [см. № 459] и других явно недружелюбных его действий, французское правительство считает необходимым произвести на Грецию экономическое давление путем более строгой морской блокады» и поручило франц. послу в Лондоне объясниться по этому поводу с Греем. Ж. Камбон высказал предположение, что эта мера приведет к падению кабинета Скулудиса.

[3] Тел. от 11 апр./29 марта за № 253 Извольский сообщил, что, «по словам Камбона, конференция соглашается [соглашалась?] в принципе на применение к Греции и более строгой блокады».

[4] Тел. от 4 апр./22 марта за № 1361 Сазонов просил Извольского ускорить ответ франц. прав-ва о программе экономической конференции.

№ 482. Представитель Ставки при штабе французского главнокомандующего начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву.

Телеграмма № 128 [1]. 8 апреля/26 марта 1916 г.

Вчера, 7 апреля/ 25 марта, при обсуждении законопроекта о сокращении сроков на право получать высшие назначения в армии, деятельность генерала Жоффра подверглась жестокой критике со стороны социалистов и других левых партий. Министр иностранных дел не выступал в защиту главнокомандующего и уехал из палаты до окончания прений. Военный министр говорил, но ограничился несколькими общими фразами. В результате правительственный законопроект, разработанный совместно с главной квартирой, большинством 50 голосов возвращен в комиссию для переработки и дополнения. Вчерашнее заседание первое, в котором против Жоффра образовалось большинство. Положение его поэтому нужно признать шатким, особенно если события в Вердене окончатся в пользу немцев. Предупреждаю о возможной важной перемене в высшем французском командовании.

Жилинский.

№ 483. Посланник в Гааге министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 101. 8 апреля/26 марта 1916 г.

По сведениям, полученным французским посланником из источника, считаемого им вполне верным, переполох прошлой недели был вызван сообщением германского правительства, согласно коему последнему известно, что одним из решений парижской конференции союзников предположена английская высадка у устьев Шельды и наступательное движение чрез голландскую территорию; вследствие сего Германия предупреждает, что если голландское правительство не примет серьезных оборонительных мер, то она будет принуждена сама озаботиться предотвращением такого плана [2]. Вследствие объяснения министра иностранных дел с английским посланником, о котором сообщает моя телеграмма № 84 [3], объем предполагавшихся военных мер был ограничен. Версия эта представляется правдоподобной.

Свечин.

---

[1] На оригинале помета Алексеева: «Всеподд[аннейший] доклад по возвращении [9 апреля]/27 марта 1916 г.».

[2] В тот же день об этом сообщении франц. посланника в Гааге Извольский известил Сазонова тел. за № 240.

[3] См. № 445.

№ 484. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1445 [1]. 9 апреля/27 марта 1916 г.

Прошу вас ускорить ответ французского правительства касательно программы и срока экономической конференции [2]. Обратите внимание Бриана, что ввиду дальности пути и необходимости завершить выработку инструкций указанные сведения нам нужны безотлагательно.

Для вашего сведения добавляю, что неполучение ответа может к тому же задержать и отъезд нашей парламентской делегации [3], которая желает иметь в виду окончательные инструкции тайного советника Покровского.

Сазонов.

№ 485. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 203 [4]. 9 апреля/27 марта 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 201 [5].

Мои французский и английский товарищи имели сегодня крупный разговор с председателем совета, к которому они отправились для разъяснений по делу об использовании союзным флотом бухты Аргостоли. Скулудис заявил моим коллегам, в состоянии крайнего (раздражения), что нет пределов посягательствам на самостоятельность Греции и что он предпочел бы видеть последнюю побежденной, нежели предметом подобных постоянных унижений. Ставя новую меру в связь с намеченной, будто бы, перевозкой сербской армии Коринфским каналом, Скулудис сказал, что он скорее взорвал бы мост, чем завалит канал [6]. Английский посланник заметил, что он не имеет мотивов, указывающих на связь между обеими мерами, но что последнее заяв-

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 481.

[3] См. № 176.

[4] Опубл. Е. д. и Гр., стр. 68.

[5] В тел. от 9 апр./27 марта за № 201 Демидов сообщал, что франц. и англ. посланники известили ген. дир. м-ва ин. дел Политиса и председ. совета м-ров о том, что союзники приступили к работам по занятию Аргостоли.

[6] Так в оригинале. Содержание этой беседы было передано Скулудисом греч. посланникам в Париже, Лондоне, Петрограде и Риме тел. от 9 апр./27 марта (опубл. Гр. б. кн., № 119). Соответствующее место в ней читается так: «Если державы намерены использовать канал для прохода сербских войск, то мы решили воспротивиться осуществлению этого проекта, взорвав в случае нужды железную дорогу Пелопоннеса или заградив Коринфский канал».

ление Скулудиса представляется ему самым серьезным с того времени, как он грозил разоружением союзников [1]. Он прибавил, что намерения Англии и Франции вполне дружелюбные. Эллиот тотчас попросил аудиенции у короля, с которым он повидается завтра, [10 апреля] 28 марта, утром [2].

Демидов.

№ 486. Начальник штаба верховного главнокомандующего наместнику на Кавказе великому князю Николаю Николаевичу.

Телеграмма № 1749. 9 апреля/27 марта 1916 г.

Всепреданнейше докладываю вашему императорскому высочеству, что в декабре прошлого года я обратился к министру иностранных дел с письмом [3] о желательности установления связи в действиях русских и английских войск и образования общего русско-английского фронта Хамадан или Керманшах — Буруджирд — Хоремабад, дабы создать надежный барьер для попыток проникновения немцев и турок в Афганистан и Индию. Сообщив изложенное и английскому военному агенту, мной было присовокуплено, что предложенная идея может вылиться в форму сформирования экспедиционного отряда, силой не свыше дивизии, который, высадившись в Мохаммере, по-эшелонно мог бы двинуться вверх по течению реки Каруна через Шустер к Хоремабаду или Буруджирду, поддерживая связь с Багдадским корпусом. Вместе с тем генералу Вильямсу было высказано: 1) действия наши и англичан в Персии должны быть согласованы и проникнуты наступательной идеей; 2) самые действия на второстепенном персидском театре необходимо связать общими предположениями об операциях на нашем кавказском фронте и по обеспечению Египта; 3) соглашаясь с выдвижением англо-индийской дивизии, силой не менее 20 000 человек пехоты, к Буруджирду, необходимо предпочесть движение этой дивизии к Керманшаху на соединение с русскими войсками кратчайшим путем; 4) занятие Керманшаха нужно рассматривать не как конечную цель, а как промежуточный этап в развитии операций; целью же операции должно быть концентрическое наступление на Багдад и прочное овла-

---

[1] См. т. IX, № 207.

[2] Тел-му греч. посланникам (см. стр. 598, прим. 6) Скулудис заканчивал предписанием заявить в беседе по этому вопросу с м-ром ин. дел, что греч. прав-во и общественное мнение «не смогут ни в коем случае потерпеть нового и тяжелого нарушения нейтралитета путем прохода сербских войск по указанной территории или каналу, тем более что последние могли бы таким образом распространить из Корфу и разнести по всей стране вплоть до ворот столицы болезни и смерть».

[3] См. т. IX, № 644.

дение этим пунктом; 5) сосредоточив в Багдаде до 40—50 тысяч войск, мы вполне обеспечим Персию, Афганистан и будем влиять на операцию противника в Египте, если бы он на таковую решился. Не развивая раньше времени дальнейших предположений, английскому военному агенту, кроме того, было высказано, что дальнейшее движение из Багдада на Моссул, в связи с операциями нашей кавказской армии может внести войну в области Оттоманской империи, откуда турки черпают свои средства для борьбы. Кроме согласования действий на персидско-месопотамском театре, мной был возбужден в январе сего года вопрос и о переброске на малоазиатский театр и, в частности, к Александретте части английских сил, находившихся в Египте. В записке, переданной мной генералу Вильямсу[1], указывалось: 1) единственной базой для всей турецкой армии в смысле снабжения ее материальной частью и боевыми припасами является Константинополь; в районе же к востоку от Александретты находится весьма важный узел железнодорожных и грунтовых путей, ведущих из столицы в Месопотамию, Сиро-Аравию и Армению; 2) занятие этого узла в значительной мере облегчило бы операцию как наших, так и английских войск на персидско-месопотамском театре, затруднив, кроме того, проникновение противника в Афганистан, Белуджистан и Индию; 3) захват участка Багдадской железной дороги в полосе местности, прилегающей к Александреттскому заливу, с важными и дорогостоящими сооружениями, как тоннели, парализовал бы всякую диверсию германо-турок против Суэцкого канала, вынося оборону этого мирового пути на 800 верст к северу; 4) производству десанта в районе Александретты способствует близость острова Кипра, а также отсутствие сколько-нибудь серьезных укреплений в прибрежной полосе. По этому же вопросу я говорил с генералом Колвелл в середине января и начале марта. В переданной мне генералом Колвелл записке[2] указывается на трудность высадки значительных сил в Александреттском заливе по причине: отсутствия достаточно хорошо оборудованного порта, отсутствия безопасной от нападения подводных лодок бухты для сосредоточения значительного количества транспортов и, наконец, затруднений, встречаемых Англией в достаточном количестве транспортных средств. Вместе с тем положение экспедиционного корпуса у Александретты считается англичанами не достаточно безопасным ввиду возможности для турок в короткое сравнительно время подвезти войска по железной дороге. По мнению генерала Колвелл, в данное время не представляется

[1] См. стр. 252, прим. 1.
[2] Ср. стр. 559, прим. 2.

возможным перебросить из Египта на малоазиатский театр более 80 — 100 тыс. английских войск, ввиду использования уже значительной части первоначально сосредоточенных в Египте сил для других назначений; принимая же во внимание, что указанных выше сил для столь серьезной операции будет недостаточно и что, с другой стороны, французское правительство, несомненно, поставит условием участие французских войск в экспедиции, предпринимаемой в районе сферы французского влияния, пришлось бы снять часть войск с Салоникского фронта. Кроме того, английский генеральный штаб настаивает на необходимости иметь в виду, что предназначенные для экспедиции на малоазиатском побережье союзные войска будут потеряны для операций на французском фронте, где, как указывают события под Верденом, в ближайшем будущем следует ожидать весьма серьезных операций. Неуспех операций в Месопотамии генерал Колвелл объясняет в значительной степени ошибками высшего командования, которое до сего времени находилось в руках штаба индийской армии, незнакомого с ведением крупных операций, почему общее руководство операциями Месопотамии передано в Лондон; кроме того, предстоит замена генерала Айльмара другим лицом. По моему настоянию генерал Вильямс в начале марта просил английское правительство обратить самое серьезное внимание на вопрос об операциях у Александретты и подвергнуть его вторично всестороннему рассмотрению. Тем не менее английский представитель не был уверен в успехе предпринимаемых шагов: с одной стороны, английский генеральный штаб упорно придерживается того взгляда, что в данное время необходимо сосредоточить все силы на главном театре, а с другой, — командующий английскими силами во Франции является серьезным противником новой экспедиции, вроде галлипольской, имея в виду, что последняя в свое время потребовала расхода снарядов в значительно большем количестве, чем вся действовавшая на французском фронте великобританская армия. Затем генерал Вильямс еще обращался к своему правительству с телеграммой, в которой указал, что после обращенной к нам английским правительством просьбы об оказании содействия отряду генерала Тоунсенда [1], нравственным долгом англичан является пойти навстречу русским желаниям. Таким образом, союзники наши, в особенности же англичане, относятся, повидимому, скорее отрицательно к возбужденному уже давно мной вопросу о высадке десанта на малоазиатском побережье для совместных с кавказской армией

[1] Отряд ген. Тоунсенда, посланный в Месопотамию в конце 1915 г., был блокирован турками в Кут-эль-Амаре и после пятимесячной осады был вынужден сдаться.

операций. Означенные соображения о необходимости операций на побережье Средиземного моря мной были, кроме того, сообщены [2 апреля] 20 сего марта и министру иностранных дел[1], с указанием, что сосредоточение Турцией всех свободных сил на малоазиатском театре и происходящая, повидимому, переброска туда же некоторой части германских войск, действовавших на Балканах, вынуждает настаивать на необходимости содействия кавказской армии со стороны наших союзников, с тем чтобы одержанные нами крупные стратегические успехи могли получить дальнейшее развитие и быть в должной мере использованы для нанесения сокрушительного удара турецкой армии. Последнее, несомненно, оказало бы большое влияние на политическую и стратегическую обстановку на Балканах, а заключение Турцией сепаратного мира освободило бы как у нас, так и у наших союзников значительные силы для операции на главных театрах. Вместе с сим решение произвести высадку у Александретты с целью связать эту операцию с наступлением нашей кавказской армии, конечно, изменило бы значение Салоник. Тогда этот пункт могла бы удерживать сербская армия, усиленная несколькими союзными дивизиями. Остальные же силы союзников могли бы быть переброшены на берега Малой Азии. Таким образом, приведенный в телеграмме от [5 апреля] 23 сего марта взгляд вашего императорского высочества [2] на необходимость развития совместных действий по побережью Средиземного моря и в Месопотамии вполне совпадает с теми соображениями, кои мной неоднократно поддерживались. Возбужденные вопросы не нашли пока сочувствия у союзников, ибо некоторые трудности затемняют вероятные широкие перспективы.

Только-что получил сообщение, что французское правительство считает такую экспедицию неосуществимой вследствие больших потерь

---

[1] См. № 453.

[2] Тел. от 5 апр./23 марта в. кн. Николай Николаевич сообщал Алексееву, что соображения о необходимости совместных действий союзников против Турции были им представлены Николаю II и через состоящего при кавказской армии майора Марша были сообщены начальнику англ. ген. штаба. «Последний, — сообщал далее Николай Николаевич, — ответил майору Маршу, что на совещании союзников, бывшем во Франции, якобы решено все более или менее свободные силы союзников направлять на усиление французского фронта и что если признается необходимым развить действия на малоазиатском побережье Средиземного моря или в ином направлении, то необходимо, чтобы эти пожелания через вас были представлены совещанию во Франции». «Считаю долгом высказать, — заканчивал Николай Николаевич, — что я остаюсь при своем мнении о необходимости развития совместных действий для завершения удара в Малой Азии».

под Верденом и недостатка морских перевозочных средств [1]. Думаю, что в этом вопросе мои представления не приведут к желаемой цели.

Алексеев.

№ 487. Журнал совещания,

состоявшегося у председателя совета министров [10 апреля] 28 марта 1916 г. по вопросу о предполагаемой нашей границе в восточной Анатолии [2].

Присутствовали: председатель совета министров.
Морской министр генерал-адъютант Григорович.
Министр иностранных дел гофмейстер Сазонов.
Товарищ министра иностранных дел гофмейстер Нератов.
Начальник морского штаба верховного главнокомандующего вице-адмирал Русин.
Помощник военного министра, начальник генерального штаба генерал Беляев.
Начальник Ближневосточного отдела министерства иностранных дел действительный статский советник Петряев.
Начальник статистического отделения морского генерального штаба капитан II ранга Егорьев.

В начале заседания, в качестве отправной точки было отмечено, что все последующие суждения будут исходить из положения о том, что Проливы находятся в наших руках.

После прочтения начальником морского штаба верховного главнокомандующего памятной записки о границе наших предполагаемых приобретений в восточной Анатолии [3], в которой высказывается необ-

---

[1] Об этом Извольский сообщил тел. от 7 апр./25 марта за № 239, содержание которой было передано Шиллингом в Ставку тел. от 9 апр./27 марта за № 1441.

[2] Маш. копия. Заголовок оригинала. Ср. Р. Аз. Т., стр. 174, где опубликован краткий текст этого протокола.

[3] В записке от 2 апр./20 марта, составленной в морском м-ве (опубл. Р. Аз. Т., стр. 175), под заглавием «Записка о границе наших предполагаемых приобретений в восточной Анатолии», между прочим было отмечено, что «серьезных препятствий к перенесению нами границы западнее меридиана Орду нет. Между тем стратегические соображения подсказывают нам необходимость отнести ее более к западу, что даст нам возможность прочно владеть чрезвычайно важным стратегическим пунктом Черного моря — Синопом». За французами в таком случае могло бы быть сохранено право на постройку ж. д. Сивас — Самсун с учреждением порто-франко в Самсуне, причем «проектируемую границу нужно провести так, чтобы дорога на возможно меньшем протяжении проходила по при-

ходимость в расширении нашей границы к западу таким образом, чтобы Синоп вошел в наши пределы, совещание приступило к ее обсуждению.

Министр иностранных дел с самого начала высказал соображение, что при наличии стратегической необходимости, он принципиально соглашается с изложенным в упомянутой записке, но просит отметить следующие предвидимые им большие затруднения.

Во-первых, если решено сохранение независимой Турции, то осторожная политика подсказывает необходимость объединения в ее пределах всех районов с чисто турецким населением, а при предполагаемом в записке разграничении наша западная граница охватит область, населенную преимущественно турками-османами; это создаст в наших пригraничных владениях политически неспокойный элемент населения, который неминуемо будет тяготеть к остальной массе османов.

Во-вторых, овладение нами частью Черноморского побережья до Синопа и даже несколько западнее его, включающей Самсун, вероятно, создаст трения с французами, которым по предварительному соглашению предоставлено право на постройку железной дороги Сивас — Самсун. Так как, при условии владения нами указанной в записке территорией, объявление Самсуна порто-франко не даст им особых реальных выгод, несомненно, придется в этом вопросе специально договариваться. Объявление порто-франко не удовлетворит французов уже потому, что, вероятно, транзит их товаров через Россию на Самсун будет отклонен так же, как отклонено подобное намерение англичан о транзите через Трапезунд.

Министр иностранных дел заявил, что все же им не предвидится непреодолимых препятствий к осуществлению настояний на предполагаемой в записке границе, так как французам заявлено, что

надлежащей нам территории». В заключение выражалось пожелание провести следующим образом границу в Анатолии: «За начало ее от побережья Черного моря надо принять Кастамунийскую седловину, связывающую прибрежный и второй от берега продольные хребты и служащую водоразделом между верховьями рек Гек-Ирмак, текущей на восток, и Улучай, текущей на запад. По этой седловине проходит лучший путь от Инеболи к Ангоре, средняя ее высота 2,5—3 тысячи футов». «Этот водораздел, — указывалось далее, — от берега Черного моря и до истоков реки Гек-Ирмак должен быть нашей границей. Затем она должна итти по главному руслу этой реки до ее впадения в Кизиль-Ирмак. От этого места граница направляется на юго-восток к месту впадения реки Килькит-чая в Иешиль-Ирмак. Отсюда она склоняется в более южном направлении и идет к вершине Ильдиз-Даг, приблизительно в 30 верстах к северу от Сиваса».

западная наша граница в Анатолии выйдет к Черному морю вообще западнее Трапезунда и что им словесно дано понять о возможности осуществления французской железной дороги по нашей территории.

Морской министр, поддерживая высказанные в записке стратегические соображения, указал, что расширение границы, обусловливающее захват нами и Синопа, будет встречено крайне сочувственно общественным мнением России.

Помощник военного министра — начальник генерального штаба, — рассматривая вопрос с чисто стратегической точки зрения, высказал, что минимум наших требований может заключаться в проведении границы с непременным условием охватить район, включающий пункты Орду и Эрзингян, что прочно закрепит за нами владение Трапезундом, Эрзерумом и вообще юго-западным Предкавказьем [1].

Стратегическое же значение Самсуна и Синопа, особенно последнего, являющегося лучшим портом на южном берегу Черного моря, — главным образом морское.

[1] В записке от 6 апр./24 марта, озаглавленной «Записка по вопросу о возможном распределении сфер владений и влияния в провинциях Азиатской Турции в результате настоящей войны» (опубл. Р. Аз. Т., стр. 178), Беляев, высказывая опасение, что укрепление Франции на территории, прилегающей к Черному морю, может создать в будущем для России затруднения, следующим образом формулировал свои пожелания: «Уступая французам и англичанам возможность использования выгод мирового значения в отношении громадных районов, прилегающих к Средиземному морю и Персидскому заливу, мы, казалось бы, можем требовать для своего великого государства, искусственно задерживаемого в своих сухопутных пределах, права распоряжения хотя бы в таких внутреннего характера бассейнах, как Черное море, где уже сейчас половина береговой полосы находится в наших руках, а по окончании войны должны отойти к нам и новые участки. Вопрос разрешился бы полностью, если бы мы могли получить в свое владение побережье до Синопа включительно, с тем чтобы область нашего влияния была распространена на всю полосу, прилегающую к Черному морю, как в отношении железнодорожного строительства, так и других экономических преимуществ. Если бы, по тем или иным соображениям, присоединение береговой полосы до Синопа не представлялось бы желательным, равно как и распространение нашего влияния на северную полосу Анатолии, то наиболее естественным решением вопроса пришлось бы признать оставление всей этой территории исключительно в турецких руках, обеспечив ее от каких бы то ни было экономических посягательств, в том числе и французских. То обстоятельство, что вопрос о концессиях на железные дороги в северной части Малой Азии получил разрешение с нашего согласия, казалось бы, не должно служить незыблемым основанием для благоприятного французам разрешения вопроса, так как нельзя не признать, что результаты настоящей войны должны в корне изменить все прежние политические и экономические конъюнктуры».

С точки зрения сухопутной стратегии новая предполагаемая территория не является стратегически необходимой; вообще же удлинение сухопутной границы всегда опасно.

Однако, ввиду важности новых приобретений для морской силы, начальник генерального штаба не встречает существенных возражений против проектируемой в записке границы.

Морской министр вновь обратил внимание совещания на историческое значение для России Синопа, а также на необходимость лишения турок удобных портов на Черном море.

Председатель совета министров, резюмировав вышеизложенное, заключил, что хотя мы, расширив наши границы до пределов, указанных в записке, внедряемся несколько, согласно мнению министра иностранных дел, в живое тело османской Турции, но такое нарушение целости Турции не настолько существенно, чтобы, руководствуясь политическими соображениями, можно было бы отказаться от связанных с ней[1] стратегических выгод.

Министр иностранных дел, поддерживая свою точку зрения, высказал соображения о проистекающей необходимости в связи с намеченным вообще расширением приобретаемых нами владений увеличения контингента войск в русской Анатолии, о многочисленных расходах, связанных с укреплением Синопа, о необходимости топографического изучения этого района, дабы выяснить условия развертывания в нем войск, что является особенно важным, если по окончании текущей войны Проливы не окажутся в наших руках. Хотя владение нами Проливами дипломатически и обеспечено, нам все же необходимо их взять, что представляется делом очень трудным, а в отрицательном случае нам не удастся удержать Синопа.

Морской министр указал, что если Проливы не будут нам принадлежать, для России тем более необходимо владение не только Синопом, но также и непременно еще более к западу, т. е. ближе к Босфору расположенному пункту — Зунгулдаку[1].

Начальник генерального штаба, возражая на мнение министра иностранных дел, высказал, что вновь приобретаемая территория до Эрзингян — Орду не вызовет значительного увеличения количества войск, потребных для ее защиты, так как наше Закавказье превращается во внутреннюю область, и войска, до войны там расположенные, будут переведены к новым границам.

Однако при условии наличия неприятельского флота на Черном море, т. е. в случае неполучения нами Проливов, начальник гене-

[1] Так в оригинале.

рального штаба заявил, что он был бы против занятия Синопа, так как неукрепленный Синоп мог бы уподобиться Дальнему в русско-японской войне; укрепление же его вызвало бы неисчислимый источник расходов.

Министр иностранных дел в заключение еще раз подтвердил, что он не возражает против границ, проектируемых в записке, но просит отметить его опасения, сводящиеся главным образом к тому, что уязвимость империи в общем с их расширением увеличится [1].

№ 488. Посланник в Гааге министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 105. 10 апреля/28 марта 1916 г.

Французский посланник сообщил мне и союзным представителям заявление, которое он, по поручению своего правительства, сделал сегодня министру иностранных дел с оставлением памятной записки. Оно в категорических выражениях отвергает, чтобы на парижской конференции союзников обсуждались какие-либо меры, затрагивающие нейтралитет Голландии [2], и дает положительное уверение, что подобный план не существует ни у одной из союзных держав. Желание Германии посеять подобное подозрение указывает лишь на ее стремление создать презумпцию предварительной опасности нарушения голландской территории ее противниками. Приняв его заявление, министр сказал, что он никогда не заподозревал намерений союзников. Печать будет осведомлена об этом шаге сообщением агентства Гаваса.

Свечин.

№ 489. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 205. 10 апреля/28 марта 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 203 [3]. Беседа короля с английским

---

[1] В письме от 11 апр./29 марта за № 287 (опубл. Р. Аз. Т., стр. 182) Сазонов указывал Базили, который был 7 марта/23 февр. назначен в Ставку вместо назначенного в Пекин Н. Кудашева (см. стр. 220, прим. 2), что так как Базили имел возможность «во всех подробностях» ознакомиться с ходом переговоров о разделе азиатских владений Турции, то ему поручается следующее: «Признавая в настоящее время желательным о сущности этих переговоров поставить в известность начальника штаба верховного главнокомандующего, поручаю вам представить генералу Алексееву в доверительной форме все необходимые объяснения по этому делу».

[2] См. № 483.

[3] См. № 485.

посланником касалась почти исключительно вопроса о перевозке сербской армии. Его величество (очень) жаловался на союзников, самостоятельно распоряжающихся Грецией. Английский посланник возразил, что когда правительства обращаются к Греции с какой-нибудь просьбой, они встречают постоянный отказ. Тем не менее разговор имел некоторый результат, ибо король обещал обсудить вопрос о доставлении сербов сухопутным путем и выяснить, насколько возможно удовлетворить пожелания союзников. Король решительно отказывается верить подлинности телеграммы болгарского (посланника) [1].

Демидов.

№ 490. Советник III политического отдела посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 1479. 11 апреля/29 марта 1916 г.
Личная.

Прошу расшифровать лично только для вашего сведения.

По поручению шаха Исаак-хан весьма секретно передал, что его величество очень взволнован вопросом о возвращении [в] Персию Зилли-Султана, так как он боится намерения нашего и англичан заменить его последним на престоле. Он просит не допускать приезда Зилли [2]. Шах горько жалуется, что ему навязали Акбер-Мирзу, кото-

---

[1] 4 апр./22 марта посланники держав Согласия в Афинах предъявили Скулудису имевшуюся в их распоряжении тел. болг. посланника в Афинах Пассарова, в которой указывалось на участие греч. м-ра внутр. дел Гунариса в деле отправки в Болгарию в ноябре 1915 г. реквизированной греч. интендантством крупной партии мешков бессарабского земства, приобретенной последним в сент. 1915 г. и задержанной в Салониках вследствие войны с Болгарией (тел. Демидова от 28/15 февр. за № 123 и от 5 апр./23 марта за № 192).

[2] См. т. IX, № 588. 19/6 янв. в тел. за № 12 Извольский сообщал Сазонову, что Зилли-Султан в ответ на приглашение вернуться в Тегеран передал, что он решится на это «лишь в том случае, если русское и английское правительства признают это необходимым и если по прибытии в Персию он может рассчитывать со стороны этих правительств на активную помощь при выполнении той или другой определенной задачи». Ссылаясь на эту тел. Извольского, Сазонов тел. от 25/12 янв. за № 209 просил Эттера сообщить, какая могла бы быть польза от приезда Зилли-Султана в Персию, что предполагается возложить на него, и считает ли Эттер нужным настаивать на его возвращении. Эттер отвечал тел. от 27/14 янв. за № 34, что вопрос о назначении Зилли-Султана генерал-губернатором в Исфагани «принципиально предрешен персидским правительством. Но английскому посланнику и мне кажется, что принц мог бы во всяком случае отложить отъезд из Парижа до состоящегося вступления наших войск в Исфагань или вообще до умиротворения исфаганского района. Водворение Зилли-

рому он явно не доверяет, так как, по имеющимся у него сведениям, Акбер сносится с отцом подозрительными шифрованными телеграммами. Шах сетует также на то, что мы, якобы, слишком вмешиваемся в вопросы о назначении должностных лиц, особенно губернаторов. Между прочим, указывается на то, что Амин-оль-Везаре именем миссии настаивал на каких-то назначениях. Я ответил Исааку, что страх шаха перед низложением совершенно неоснователен. Зилли имеется в виду исключительно на губернаторский пост. Что касается Акбера, то он был рекомендован шаху, как человек энергичный и относительно честный, какой особенно нужен в данное время. Не допускаем мысли о каких-либо антидинастических замыслах с его стороны. О постоянном вмешательстве миссии в вопросы о назначениях нам неизвестно, но отчасти такое вмешательство неизбежно в настоящее смутное время, так как мы не можем допускать появления на ответственных местах лиц неблагонадежных. Во всяком случае миссия ничего не поручает Амин-оль-Везаре, и слушать последнего совершенно не следует.

Сегодня Исаака примет министр, который повторит ему то же самое. Если правда, что Амин-оль-Везаре вмешивается в дела, министр желает, чтобы против него приняты были решительные меры.

Клемм.

№ 491. Памятная записка статс-секретаря по иностранным делам Грея российскому послу в Лондоне Бенкендорфу.

№ 60956/С.[1]. 11 апреля/29 марта 1916 г.

Sir E. Grey presents his compliments to the Russian Ambassador and with reference to the communication made to the Foreign Office on March 4th[2] regarding the attitude of the Hongkong and Shanghai Bank, has the honour to inform His Excellency that instructions have now been given to the Directors of the Bank entirely to sever all relations with the Deutsch Asiatische Bank. These instructions have been accepted by Sir C. Addis and steps have already been taken to desist from all further communication with the German Bank including such

Султана при нашей поддержке генерал-губернатором в Исфаганской области, представлялось бы мне крайне желательным и явилось бы противовесом деятельности и влиянию бахтиар, в искренности которых, видимо, начинают сомневаться сами англичане».

[1] Маш. копия. Публикуемая пам. записка была препровождена Бенкендорфом Сазонову при отношении от 13 апр./31 марта за № 489.

[2] Ср. № 307.

communication as arose from payment of coupons of the Hukuang Loan [1] for which, as the Russian Government is aware, the Hongkong and Shanghai Bank acted as Clearing House, or from the liability of the Bank to pay the coupons presented in London of the bonds issued in Germany of certain Anglo-German loans to China.

On view of the above and of the fact that the Allied groups have already declared their intention of transacting no further business to which the German Group is a party, the Consortium as originally constituted can no longer be said to exist. The moment has arrived when in the opinion of His Majesty's Government, the Allied Groups might with advantage make a public and official declaration to the effect that the Consortium has been dissolved. Such an official declaration should be made to the Chinese Government which might at the same time be informed that the British, French, Japanese and Russian groups have reconstituted themselves into a fresh Consortium to carry on the business of its predecessor and that the groups of which it will in further be composed would be glad to receive an assurance from the Chinese Government that it will continue to transact all official financial business with them.

In bringing forward the above proposal for the consideration of the Governments concerned Sir E. Grey wishes to emphasize the fact that His Majesty's Government are as firmly convinced now as they were when the Consortium was first formed that it is essential to avoid in China anything in the nature of a «financial scramble» or free competition between the various countries and groups. He would in this connection be glad of the opinion of the Russian Government as to whether it would not be advisable to approach the United States Government with a view of the inclusion of an American Group in the reconstituted Consortium. He has reason to suppose that a powerful American financial group would respond to an invitation to be so included. The exclusion of the country which for some time to come must possess financial resources superior to those of the Allies would, he considers, increase the possibility of competition between the Consortium and an outside group, while the inclusion of an American group would contribute generally to the financial strength of the Consortium itself [2].

---

[1] См. стр. 132, прим. 4.

[2] Содержание этой пам. записки было передано Бенкендорфом в м-во тел. от 13 апр./31 марта за № 164. Из тел. Иноуэ Мотоно от 13 апр./31 марта за № 84 (расшифрованной и переведенной с японского в росс. м-ве ин. дел) явствует, что аналогичная пам. записка была вручена ему в тот же день англ. прав-вом.

Перевод.

Сэр Э. Грей свидетельствует свое почтение российскому послу и, ссылаясь на сообщение, сделанное в Форейн Оффис 4 марта относительно позиции Гонконг-Шанхайского банка, имеет честь уведомить его превосходительство, что в настоящее время директору банка даны инструкции совершенно прекратить все отношения с Немецко-азиатским банком. Эти инструкции были приняты к исполнению сэром Ч. Аддисом, и уже были предприняты шаги для прекращения всех дальнейших сношений с германским банком, включая такие сношения, которые возникали из оплаты купонов Хугуангского займа, по которому, как известно российскому правительству, Гонконг-Шанхайский банк служил расчетным банком, или из обязательства банка оплачивать купоны, представляемые в Лондоне по бонам, выпущенным в Германии по некоторым англо-германским займам Китаю.

Ввиду вышеуказанного и того обстоятельства, что союзнические группы уже заявили о своем намерении не вести дальнейших дел, в которых участвует германская группа, консорциум не может считаться более существующим в том виде, как он был первоначально создан. Настало время, когда, по мнению правительства его величества, союзнические группы могут с успехом сделать публичное и официальное заявление о роспуске консорциума. Такое официальное заявление должно быть сделано китайскому правительству, которое можно одновременно уведомить, что британская, французская, японская и российская группы образовали сами новый консорциум для ведения дел предшествующего, и что группы, из которых он в дальнейшем будет состоять, будут рады получить от китайского правительства заверения, что оно будет вести с ними все официальные финансовые дела.

Представляя на рассмотрение соответственных правительств вышеуказанные предложения, сэр Э. Грей хочет подчеркнуть, что правительство его величества столь же твердо убеждено теперь, как и в те дни, когда консорциум первоначально создавался, в важности избежать в Китае всего, что носило бы характер «финансовой склоки» или свободной конкуренции между различными странами и группами. В этой связи он желал бы знать мнение российского правительства о том, не целесообразно ли обратиться к правительству Соединенных штатов о включении американской группы в воссоздаваемый консорциум. Он имеет основание предполагать, что мощная американская финансовая группа отозвалась бы на приглашение о таком включении [в консорциум]. Исключение страны, которая в недалеком будущем должна обладать финансовыми ресурсами, превышающими союзнические, увеличило бы, по его мнению, возможность соперничества между консорциумом и группой, оставшейся вне его, тогда как включение американской группы содействовало бы вообще финансовой мощи самого консорциума.

№ 492. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 250. 11 апреля/29 марта 1916 г.

Клемантель подтвердил Батшеву [1], что неопределенность положения некоторых английских министров, особенно министра торговли, обусловленная вопросом о военной повинности, лишает воз-

[1] См. № 481.

можности установить теперь же окончательную программу конференции союзных министров торговли, так как в зависимости от перемен в английском кабинете могут стать более решительными и взгляды его на экономическую политику. Поэтому Клемантелем будет сообщена нам сегодня лишь предварительная программа, которая будет немедленно протелеграфирована вам. Отсутствие нашей парламентской делегации на междупарламентской экономической конференции [1] произвело бы крайне неблагоприятное впечатление и могло бы дать повод к нежелательным толкованиям, тем более что конференция эта была уже отсрочена с 24 марта на 26 апреля нового стиля, именно, чтобы дать возможность нашей делегации присутствовать на конференции.

Извольский.

№ 493. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 191. 11 апреля/29 марта 1916 г.

Наша печать весьма некстати возвещает о каком-то визите членов Государственной думы и Государственного совета в Швецию, что уже здесь перепечатывают. Господа эти едут по приглашению в Англию и Францию. Было бы совершенно излишней дружелюбной манифестацией, если бы они все без всякого приглашения остановились здесь и сделали, так сказать, официальный визит шведскому риксдагу. Напротив того, было бы весьма полезным, если бы некоторые из них, меньше половины, задержались здесь на три дня, виделись у меня с здешними наиболее интересными политическими деятелями и завязали с ними доброе знакомство. Засим уже от шведов зависело бы пригласить русскую депутацию на обратном пути из Англии и оказать ей должный прием. Шведы и так уже слишком много о себе мнят. И чрезмерная с нашей стороны предупредительность может им показаться подозрительной навязчивостью. Мы с шведами искренне хотим быть в дружбе, но мы их не боимся. Вот каков должен быть наш лозунг.

Правильно. Неклюдов.

Царская ставка, [16]3 апреля 1916 г.

№ 494. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 298. 11 апреля/29 марта 1916 г.

Вновь решаюсь просить по возможности ускорить разрешение вопросов о финансовой и военной организации [2], а также телеграфи-

[1] См. № 176 и прим. 3 к нему.

[2] См. №№ 355 и 405.

ровать, когда персидское правительство может начать получать взаймы за счет ретроактивного моратория. По получении окончательных указаний по последнему вопросу, немедленно настоим на учреждении финансовой комиссии. Сепехдар, выполнивший со своей стороны все наши пожелания и ныне даже восстановивший сравнительный порядок на Юге Персии, с нетерпением ожидает поддержки с нашей стороны. Он проявляет беспокойство и обнаруживает готовность удалиться от власти. В наших интересах никоим образом не допускать кризиса. Задача правительства несомненно трудна: жандармерия окончила свое существование; по нашему настоянию Сепехдар прекратил формирование частей сарбазов. Между тем, необходимо охранять порядок в центре, где нет наших войск. Вопрос об усилении казачьей бригады вследствие сего в самом деле не терпит отлагательства.

Эттер.

№ 495. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 302. 11 апреля/29 марта 1916 г.

Для вашего личного сведения. Личная. Доверительно.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 230 [1].

Я сегодня лично во избежание каких-либо недоразумений вручил шаху 100 000 рублей, объяснив его величеству, что сумма эта выдается ему императорским правительством единовременно взамен просимой им ежемесячной субсидии в 15 000 томанов — телеграмма № 170 [2]. Я обратил внимание шаха, что сумма эта на деле представляет собой 58 000 томанов, и посоветовал не разменивать ее до восстановления нормального курса или хранить на путешествие в Россию после войны.

Шах выразил искреннюю благодарность императорскому правительству. Я доверительно сообщил о сем Марлингу, который предполагает таким же способом ликвидировать вопрос о субсидиях. Оказывается, что из 100 000 томанов, которые английская миссия в свое время через посредство Ферман-Ферма препроводила шаху, до него дошли лишь около 5 000, вследствие [чего] его величество особенно недоволен Ферманом.

Шах сказал мне, что он не только примирился с фактом появления Сепехдара у власти, но особенно им доволен и только надеется, что настоящее министерство долго продержится.

Эттер.

---

[1] См. № 392 и прим. к нему.

[2] См. стр. 308, прим. 1.

№ 496. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 128. 12 апреля/30 марта 1916 г.

Il ne semble pas que le ministre de Russie près du gouvernement belge ait reçu instructions nécessaires pour accepter le projet de déclaration à remettre à la Belgique au sujet du Congo.

Le gouvernement britannique ayant manifesté le désir de donner son adhésion à la déclaration du gouvernement français dans une lettre séparée au ministre des affaires étrangères belge, le gouvernement de la République suggère au gouvernement impérial d'adopter la même procédure.

Перевод.

Повидимому, российский посланник в Бельгии не получил инструкций, необходимых для принятия проекта декларации, которая будет сделана Бельгии относительно Конго.

Так как английское правительство выразило желание примкнуть к декларации французского правительства в особом письме на имя бельгийского министра иностранных дел, правительство республики предлагает императорскому правительству последовать такому же образу действий.

№ 497. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 129. 12 апреля/30 марта 1916 г.

Les voeux suivants ont été emis à la suite de la conférence des amiraux qui s'est réunie à Malte du 2 au 9 mars [1]:

1. La Méditerranée serait déclarée zone de guerre, c'est-à-dire que seuls pourraient y circuler librement les bâtiments alliés, les navires neutres devant être munis d'une autorisation spéciale ou recevoir une

[1] Тел. от 11 апр./29 марта за № 252 Извольский известил Сазонова об этом совещании франц. и англ. адмиралов на Мальте. Сообщая о согласии франц. и англ. прав-в с решением морских властей, он указывал, что «запрошенное по сему предмету итальянское правительство в принципе не возражает, но высказывает опасение насчет того, как отнесутся к подобной мере С. А. С. Штаты».

Гирс в тел. от 13 апр./31 марта за № 316 передал содержание своей беседы по этому поводу с Саландрой, который, указывая на необходимость «считаться с настойчивыми возражениями Америки при объявлении военной зоной Адриатики из-за того, что она омывает берега нейтральной в то время Албании», высказывал опасения, что «возражения эти будут еще решительнее и что к ним присоединится и Испания, когда дело коснется всего Средиземного моря».

garde destinée à surveiller leurs communications radiotélégraphiques et leurs mouvements.

2. Le contrôle absolu des communications postales et télégraphiques devrait être entre les mains des Alliés à Salonique, à Moudros et à Corfou.

L'ambassade de France serait reconnaissante au ministère impérial des affaires étrangères de lui faire savoir d'urgence si le gouvernement impérial accepte ces suggestions.

Dans le cas où les gouvernements alliés seraient d'accord pour proclamer la Méditerranée «zone de guerre» Monsieur Briand estime qu'il faudrait faire une notification commune aux neutres en se basant sur l'intention des Alliés de réduire au minimum par une police plus étroite les dangers de la navigation en Méditerranée, principalement ceux que font courir aux neutres les sous-marins allemands. Les gouvernements alliés pourraient s'autoriser du fait que les Allemands ont étendu à la Méditerranée la «zone de guerre» qu'ils avaient proclamée le 4 février 1915 dans la Manche et la mer du Nord, qu'ils y ont attaqué et coulé, contrairement à toutes les règles du droit des gens et de l'humanité, les navires de commerce même neutres, et qu'il appartient aux marines alliées chargées de la police dans cette mer de prendre les mesures nécessaires pour protéger la navigation de commerce. C'est de ce droit de police que découlerait l'obligation d'une autorisation spéciale ou d'une garde à bord.

Quant au contrôle des communications postales et télégraphiques, il est peu probable que le gouvernement grec, qui a déjà formulé des protestations contre quelques mesures de contrôle, consente à s'en dessaisir volontairement à notre profit. Ce n'est que par un resserrement des mesures de restriction économiques que les gouvernements alliés pourront amener le Cabinet d'Athénes à comprendre la nécessité qui s'impose à lui de leur prêter son concours en faveur de la Serbie, son alliée, et contre la Bulgarie, son ennemie [1].

Перевод.

В результате совещания адмиралов, состоявшегося на Мальте 2—9 марта, были высказаны нижеследующие пожелания:

1. Средиземное море должно быть объявлено военной зоной, что означает, что только союзнические корабли могут ходить по нему свободно, нейтральные

[1] В письме от 13 апр./31 марта за № 296 Сазонов, препровождая публикуемую пам. записку Григоровичу, отмечал, что м-во ин. дел «считает весьма желательным включение Средиземного моря в «военную зону» и применение в ней предложенных в памятной записке полицейских и контрольных мер». Сазонов просил Григоровича дать заключение по этому вопросу.

же суда должны быть снабжены особыми разрешениями или быть конвоированы для наблюдения за их радиотелеграфными сношениями и за их передвижением.

2. Полный контроль над почтовыми и телеграфными сношениями должен быть сосредоточен в руках союзников в Салониках, Мудросе и на Корфу.

Французское посольство было бы признательно императорскому министерству иностранных дел за срочное сообщение о том, принимает ли императорское правительство эти предложения.

В случае согласия союзных правительств объявить Средиземное море «военной зоной» следует, по мнению г. Бриана, сделать совместное оповещение нейтральных [государств], основываясь на намерении союзников путем более строгого надзора сократить до минимума опасности плавания по Средиземному морю, — главным образом опасности, вызываемые для нейтральных германскими подводными лодками. Союзные правительства могли бы считать себя в праве это сделать ввиду того, что немцы распространили на Средиземное море «военную зону», объявленную ими 4 февраля 1915 г. в Ламанше и в Северном море, что они, вопреки всем постановлениям международного права и человечности, атаковывали и топили там даже нейтральные торговые суда, а также ввиду того, что союзным флотам, на которые возложен надзор в этом море, надлежит принять необходимые меры для охраны торгового мореплавания. Этот полицейский надзор предусматривает обязательство получать особое разрешение или допускать охрану на корабле.

Что касается контроля над почтовыми и телеграфными сообщениями, то весьма мало вероятно, чтобы греческое правительство, уже делавшее возражения против некоторых мер контроля, согласилось добровольно отказаться от него в нашу пользу. Только путем усиления экономических ограничительных мер союзные правительства будут иметь возможность довести афинский кабинет до понимания крайней необходимости для него оказать им содействие в пользу его союзника — Сербии и против его неприятеля — Болгарии.

№ 498. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Граве.

Телеграмма № 1483 [1]. 12 апреля/30 марта 1916 г.

Телеграмма № 169 получена [2].

Японское правительство, через своего здешнего посла, просило лишь об отказе китайскому правительству в передаче ему излишка сумм соляной монополии в настоящем конкретном случае [3]. Я ответил,

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 477.

[3] В вербальной ноте от 7 апр./25 марта Мотоно сообщил Сазонову, что в ответ на просьбу кит. прав-ва уплатить ему излишки соляных доходов представитель япон. банка отказался это сделать. Этот отказ япон. прав-во мотивировало неустойчивостью внутреннего положения в Китае. Из тел. Ишии Мотоно от 9 апр./27 марта за № 198 (расшифрованной и переведенной с японского в росс. м-ве ин. дел) явствует, что в беседе по этому вопросу с секретарем англ. м-ва ин. дел Ланглеем япон. посол в Лондоне Иноуэ мотивировал решение япон. прав-ва

что, по полученным от вас сведениям, излишки эти уже выплачены шанхайскими банками, в том числе и Русско-азиатским.

При дальнейшем возникновении однородных вопросов, благоволите поручить Гойеру испрашивать указаний из Петрограда, до получения же таковых не выплачивать китайскому правительству сумм, против выплаты которых возражает его японский сотоварищ.

Протест китайского правительства против задержания японским банком причитающихся китайцам сумм, если бы таковой был сделан, вы могли бы оставить без внимания, как нас не касающийся.

[Сазонов.]

№ 499. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 255. 12 апреля/30 марта 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 250 [1].

Несмотря на данное обещание, министр торговли не сообщил Батшеву предварительной программы конференции, а просил подождать еще несколько дней, так как отношение англичан должно выясниться в конце этой недели, после чего мы немедленно получим окончательную программу. Чтобы дать более времени нашим делегатам, министр готов собрать конференцию лишь через пять недель по сообщении программы. Здесь придают большое значение присутствию нашей делегации на междупарламентской конференции, как новому проявлению солидарности между союзниками. Известная вам программа этой конференции имеет, по мнению Клемантеля, скорее теоретический характер. По словам Клемантеля, Рибо выехал вчера в Лондон для переговоров с английским правительством об урегулировании курса.

Извольский.

№ 500. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 13. 12 апреля/30 марта 1916 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к телеграмме камергера Крупенского от [28] 15 марта сего года за № 141 [2] имею честь представить при сем копии сообщений,

---

тем, что после объявления независимости Юнаньской провинции соляные налоги этой провинции были конфискованы революционерами и что та же участь постигнет поступления других провинций по мере распространения революционного движения.

[1] См. № 492.

[2] В тел. от 28/15 марта за № 141 Крупенский сообщал: «Контракт о займе на постройку железнодорожной линии Харбин — Хайхе подписан Гойером и китайским министром путей сообщения и финансов».

обмененных им же с министром иностранных дел, касательно подписания русско-китайского договора о займе на постройку железной дороги между Харбином и Благовещенском с веткой на Цицикар, а равно и французский и китайский тексты самого договора [1].

[30] 17 марта представитель Русско-азиатского банка коллежский советник Гойер получил от правления банка телеграмму, сообщающую об одобрении советом министров проекта этого договора, в том числе и последней части статьи 3-й такового, касающейся постройки моста между Сахалином и Благовещенском и редакция которой не была ко времени подписания договора окончательно утверждена императорским правительством. В соответствии с этим г. Гойер обменялся с подписавшими договор министрами финансов и путей сообщения письмами, уничтожающими действие ноты, которая помечена номером 3-м среди приложений к контракту, и подчеркивающими, что последний таким образом входит в силу.

Копии этих писем считаю долгом равным образом представить при сем вашему высокопревосходительству.

Примите и пр.

В. Граве.

№ 501. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 103. 12 апреля/30 марта 1916 г.

Копия сообщается в Пекин.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 100 [2].

По имеющимся здесь сведениям, названный японец привез монгольскому правительству ответное письмо японского правительства на письмо, посланное ему через посредничество известного противника Юань Ши-кая Шень-юня в конце 1913 года. Появились толки об объединении при содействии Японии Внешней и Внутренней Монголии. Ближайшей целью приезда в Ургу японца служит недопущение примирения Бабучжаба с китайским правительством.

---

[1] При депеше имеются только 3 приложения: кит. текст договора и обмен нот кит. м-ра ин. дел с Крупенским 28/15 и 29/16 марта 1916 г.

[2] Тел. от 10 апр./28 марта за № 100 Миллер сообщал Сазонову о приезде в Ургу японца Ецгун-ли, который «ранее вел переговоры с японским правительством о поставке Бабучжабу оружия». «Можно предположить, — отмечал далее Миллер, — что у этого японца имеются связи с японцами, находящимися у Бабучжаба [ср. стр. 424, прим. 2], и цель его приезда в Ургу — положить начало организации агитации между китайцами».

Сегодня в Ургу приехал проживавший ранее в Троицкосавске японец, часовых дел мастер, открывающий здесь свой магазин, выписывающий себе помощников и семью.

Миллер.

№ 502. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1514. 13 апреля/31 марта 1916 г.

Благоволите справиться и телеграфировать, в каком положении вопрос о выплате персидскому правительству в Лондоне суммы ретроактивного мораториума. Эттер очень настаивает на скорейшем отпуске персам этих денег. Со своей стороны [29] 16 марта уведомили здешнее великобританское посольство о нашем согласии на уплату означенной суммы из кредита, открытого нам великобританским правительством [1].

Сазонов.

№ 503. Поденная запись министерства иностранных дел [2].

13 апреля/31 марта 1916 г.

[13 апреля] 31 марта состоялся первый обмен мнений между советником второго политического отдела и полномочным министром (советником французского посольства) Дульсе по вопросу о признании за французами концессий на железные дороги в Малой Азии в тех областях, которые могут отойти к России.

Г. Дульсе, во-первых, выразил сожаление по поводу недоразумения, происшедшего вследствие некоторой поспешности французского уполномоченного г. Пико, предложившего в качестве окончательной формулу, которая еще подлежала предварительному одобрению французского правительства [3].

В дальнейшей беседе г. Дульсе указал на то, что французское правительство, по соображениям внутренней и внешней политики, очень дорожит правами и привилегиями, приобретенными им в Турции в экономической области и, между прочим, будет стремиться к сохранению за собою всех добытых уже железнодорожных концессий,

---

[1] См. № 429. 13 апр./31 марта Клемм за № 1515 телеграфировал Эттеру: «О скорейшей выдаче мораториума сносимся с Лондоном. Желательно, чтобы Марлинг поддержал».

[2] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 183.

[3] См. №№ 443, 454 и стр. 563, прим. 2.

выражая в то же самое время свою готовность отказаться от капитуляций. При этом он отметил, что все концессии заключались турецким правительством на срок, по истечении коего для заинтересованного правительства явится возможность их не возобновлять. Вместе с тем он сослался на Францию, которая, присоединив Марокко и Тунис, признала уже существовавшие там концессии.

А. М. Петряев высказал мнение, что принцип сохранения обязательств, заключенных одним государством по отношению к какой-нибудь территории, с переходом этой последней под власть другого, обыкновенно соблюдается, но что необходимо делать различие между обязательствами, уже получившими реальное осуществление, и теми, которые являются в некотором роде in spe. А таким характером именно отличаются концессии, полученные французским правительством на постройку железных дорог в Малой Азии: это просто обещание турецкого правительства, к реализации которого французы не приступали. Не менее важное значение при обсуждении вопроса о сохранении за французами железнодорожных концессий должно иметь следующее обстоятельство: когда французское правительство заключало соглашение с Турцией о постройке железнодорожных линий в Малой Азии, то оно, очевидно, руководствовалось общим планом такого строительства, в предположении, что оно будет осуществляться на территории одного государства, в данном случае Оттоманской империи, железнодорожная политика коего была, таким образом, связана разными побочными ограничениями; между тем, в случае действительного раздела Малой Азии, согласно англо-французскому соглашению, железнодорожные линии, намеченные прежними концессиями, пройдут по территориям трех независимых государств — России, Франции и Турции, что, вследствие несогласованности их железнодорожной политики и постройки новых линий, может свести на-нет все экономические и коммерческие выгоды прежних концессий. Таким образом, по мнению г. Петряева, возбуждение вопроса о пересмотре концессий и отмене многих из них будет в интересах самого же французского правительства. Что же касается, в частности, указания г. Дульсе на Марокко и Тунис, то, во-первых, французы нашли там уже реализованные железнодорожные концессии, а кроме того, они постепенно отменили там все капитуляции и привилегии иностранцев, дарованные прежним турецким правительством.

Г. Дульсе признал эти доводы заслуживающими серьезного внимания и высказал надежду, что дальнейший обмен мнений приведет к установлению формулы, которая удовлетворит оба правительства.

№ 504. Военный агент в Бельгии и Нидерландах в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 177[1]. 13—12 апреля/31—30 марта 1916 г.

В дополнение моих телеграмм о политических отношениях Германии и Голландии[2] доношу: виновником ложного слуха об ультиматуме, поставленном будто бы Великобританией Голландии для пропуска английских войск[3], оказался германский генеральный консул в Амстердаме, сумевший даже добиться выпуска экстренных газетных добавлений, трактующих об этом.

В настоящее время, когда истина раскрылась, общественное мнение сильно вознегодовало против немцев. Некоторые финансисты, пострадавшие материально из-за понижения биржи, бывшие прежде открытыми сторонниками немцев, теперь круто изменили свой образ мыслей.

Одна из влиятельных газет, имевшая крайне германофильское направление, ныне открыто требует удаления германского генерального консула в Амстердаме с своего поста.

В настоящее время многие считают, что немецкая клевета на Великобританию основана на том, чтобы обеспечить себе право вступления в Голландию под предлогом покушения Великобритании нарушить нидерландский нейтралитет.

В то время как нидерландское правительство и большинство общественных кругов Голландии вполне допускают мысль о желании Германии занять Голландию, большинство дипломатов как нейтральных, так и союзных, а равно и союзные военные агенты, этому не верят, считая это легкомысленным и бесцельным шагом со стороны Германии, не имеющей, вдобавок, излишних войск для сего.

Позволяю себе здесь изложить мои личные впечатления и соображения: занятие голландской территории немцами могло бы быть полезным Германии с четырех точек зрения, но лишь при условии молниеносной операции, дабы союзники (англичане) не имели времени произвести высадку на берегах Голландии:

1) занятием Голландии немцы приобретают широкую новую базу для войны подводными лодками;

2) занятием Голландии немцы обеспечивают себе отступление широким фронтом с бельгийско-французского фронта;

3) занятием Голландии немцы приобретают единовременно значительные запасы продовольствия. Как велики эти запасы — теперь

[1] Маш. копия.
[2] См. стр. 551, прим. 1, и стр. 565, прим. 4.
[3] См. № 483.

определить нельзя: но на них нельзя смотреть как на ничтожные при условии введения карточек. При соблюдении этого условия можно считать, что наличные продовольственные средства Голландии, до их полного истощения, могут послужить серьезным подспорьем Германии на несколько месяцев, особенно в отношении масла и других молочных продуктов;

4) занятие Голландии может понадобиться немцам в случае необходимости поднять упавший дух народа и войск или перед новым займом (предстоящим летом).

Возвращаясь к пункту первому о приобретении немцами широкой морской базы в случае занятия Голландии, доношу, что владение немцами устьями рек Рейна и Шельды представляется для них крайне важным с той точки зрения, что до тех пор, пока у немцев существовал тип малой подводной лодки, они таковые отправляли в Бельгию (в Остенде и Зеебрюк) по железным дорогам в разобранном виде. Ныне, когда немцы прилагают нечеловеческие усилия к созданию совершенно новых образцов разных типов судов с исключительной и неизвестной до сих пор быстротой хода, какую применили и к подобным лодкам столь крупного тоннажа, что перевозка этих лодок невозможна по железным дорогам в разобранном виде, — теперь представляется допустимым, что немцы готовятся к грандиозной морской операции: если допустить последнее, то допустимо желание иметь более широкую морскую базу, особенно для подводных лодок, не могущих быть перевезенными по железным дорогам. Многочисленные разветвления рукавов Рейна представляют обеспеченные базы не только для подводных лодок, но и для минного флота. И то и другое может быть перевезено по Рейну из Германии до самых устьев названной реки.

Риск вступления Германии в конфликт с Голландией заключается в следующем:

1) Отсутствие мгновенного успеха может дать повод союзникам произвести высадку в Голландии, чем сразу усилится голландская армия; последствием изложенного явится угроза немцам, находящимся на бельгийском фронте, а в случае отступления германцев с бельгийско-французского фронта—у них на фланге будет неприятель.

2) Риск вступления немцев в Голландию заключается еще в том, что ныне Голландия, имея приток продовольствия извне, постоянно питает Германию, в большей или меньшей степени, в зависимости от интенсивности блокады и удачных случаев провоза контрабанды. С занятием Голландии немцами приток продовольствия извне прекратится.

3) На операцию против Голландии потребуется немцам оттянуть с одного из фронтов несколько дивизий. Для достижения мгновенного результата едва ли можно иметь немцам менее 5—6 дивизий (против усиленных четырех голландских).

По имеющимся у меня сведениям, в феврале сего года было произведено пробное затопление водой части линии наводнений; результаты оказались менее удовлетворительными, чем ожидалось, ибо некоторые пространства, считавшиеся затопляемыми, оставались открытыми. Ввиду малочисленной голландской полевой артиллерии и устарелости тяжелой и крепостной артиллерии, а равно и фортификационных сооружений, борьба голландской армии даже с четырьмя германскими дивизиями представляется неравной.

4) Риск немцев, в случае вступления в Голландию, под влиянием изменившегося общественного настроения против немцев, заключается еще в том, что население, в силу упрямого и настойчивого характера, будет всеми мерами затруднять продовольствие немцам, а многочисленный скот можно в крайнем случае перевезти хотя бы частью в Англию из-за линий наводнений, куда загоняется весь скот Голландии в случае угрозы войны. С золотом будет поступлено подобно Бельгии, т. е. оно тоже будет перевезено в Англию.

В заключение доношу, что хотя голландское правительство всеми мерами желает избежать вооруженного столкновения с какой-либо из ныне воюющих сторон, но едва ли оно позволит нарушить одной из сторон нейтралитет, не воспротивившись сему.

Впрочем, ввиду отступательной тактики голландской армии, возможен случай, что армия отступит за линию наводнений под давлением превосходного противника, где будет держаться пассивно, предоставив неприятелю остальную территорию.

Полковник Майер.

№ 505. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 208. 13 апреля/31 марта 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Продолжение телеграммы за № 205[1].

Переговорив с королем по делу о перевозке сербской армии, Скулудис тотчас же отправился к английскому посланнику, которому он заявил, что в вопросе этом Греция может уступить только силе. Общее

[1] См. № 489.

наше впечатление, что греческое правительство пытается лишь спасти лицо перед Австро-Германией и что она[1] не воспротивится осуществлению меры, поддержанной военными судами [2].

Демидов.

№ 506. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Письмо. 13 апреля/31 марта 1916 г.

Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ввиду отъезда полковника Татаринова в Ставку и затем в Петроград за последние дни происходил здесь между ним и мною, с одной стороны, и Братиану и генералом Ильеску — с другой, довольно оживленный обмен мнений о том, при каких обстоятельствах и в какой момент румынское правительство сочтет возможным активно выступить на нашей стороне, о чем я и позволяю себе ныне донести вашему высокопревосходительству.

Как вам известно, в начале января в Румынии опасались нападения австро-германцев на румын [3], и тогда же выяснилось, что как румынское правительство, так и оппозиция считали условия того времени самыми неблагоприятными для активного выступления королевства, но все же и Братиану, и сторонники Таке Ионеску и Филиппеску решили не уступать перед ожидавшимся германским ультиматумом, в случае если мы согласимся оказать Румынии вооруженную поддержку против Болгарии, причем Братиану тогда заявлял мне несколько раз, что для переговоров о такой поддержке он с нетерпением ожидает приезда сюда нашего нового военного агента, полковника Татаринова.

Вскоре, однако, оказалось, что Германия не пошла далее выражения дипломатическим путем румынскому правительству своего неудовольствия по поводу продажи англичанам 80 000 вагонов пшеницы и что в ее планы отнюдь не входило вызвать тогда же вооруженный конфликт с Румынией. Возможно, что германское правительство надеялось и таким дипломатическим воздействием поколебать положение Братиану и добиться смены нынешнего кабинета, но, не успев

[1] Так в оригинале. Следует читать: «Греция»:

[2] Тел. от 12 апр./30 марта за № 209 Демидов сообщил, что в беседе с серб. посланником Политис заявил, что греч. прав-во, «вероятно, изъявит согласие на перевозку сербской армии Коринфским каналом, ибо провозоспособность линии Патрас — Афины является самой незначительной». Такую перемену в позиции греч. прав-ва Демидов объяснял полученным в Афинах известием «о крайнем раздражении в Париже и ныне большой нуждой в деньгах».

[3] См. №№ 47 и 62.

в этом, оно не стало ухудшать своих отношений к Румынии, а, наоборот, оно немедленно же решилось воспользоваться теми уступками в области экономической, на которые готов был итти Братиану с целью успокоения Германии и о чем я своевременно доносил вашему высокопревосходительству [1].

Что же касается Болгарии, то одно время ее вызывающее по отношению к Румынии поведение тревожило румынское правительство, но затем — вероятно по внушению из Берлина — внезапно прекратились пограничные инциденты, и, как болгарское правительство, так и вдохновляемая им пресса, стали осыпать Румынию любезностями, высказываясь за необходимость поддержания самых дружественных отношений между обоими государствами.

Таким образом к моменту приезда сюда полковника Татаринова уже в достаточной мере выяснилось, что в ближайшем времени активное выступление Румынии не будет вызвано нападением на нее извне и что поэтому, за отсутствием других факторов, вроде привлечения на нашу сторону новых союзников, как то было в прошлом году, — такое выступление ее может определиться лишь соответственно с ходом событий на театре войны и в особенности на нашем фронте.

Как Братиану, так и румынские военные круги с генералом Ильеску во главе и здешнее общество приняли полковника Татаринова крайне любезно и радушно и между ними сразу установились весьма хорошие отношения, что вполне естественно, принимая во внимание порядочность, такт и умение ладить с людьми нашего нового военного агента. Мне едва ли следует упоминать о существовании таких же отношений между последним и миссией.

Братиану в первой своей беседе с полковником Татариновым говорил главным образом о разных нуждах румынского военного ведомства, настаивая на необходимости возможно скорой доставки сюда заказанных за границей военных припасов, без коих Румыния не может начать войны. Что же касается до военной конвенции, то Братиану находил заключение ее с нами делом не особенно спешным [2], так как Румынии в настоящее время не угрожает нападение извне, а между тем подписание подобного акта может стать известным и подвергнуть Румынию риску нападения в момент, для нее неподходящий. Братиану заявил при этом, что военная конвенция может быть подписана перед самым началом общего наступления всех союзников и что покамест он прикажет генералу Ильеску подготовить,

---

[1] См. № 61.
[2] См. № 227.

совместно с нашим военным агентом, эту конвенцию и сообщить последнему все сведения, которые могут осветить нам теперешнее военное положение Румынии и ее будущие военные планы.

Действительно, генерал Ильеску в одно из первых своих свиданий с полковником Татариновым объяснил в общих чертах, что Румыния может выступить на нашей стороне при общем наступлении всех союзников на всех фронтах после того, как мы займем линию Дорна-Ватра — Кирли-Баба — Селетин, обеспечивающую правый фланг румынской армии, и если мы возьмем на себя оборону Добруджи, для каковой цели Румыния может уделить лишь две дивизии.

После этого разговора в течение довольно долгого времени здешнее военное министерство ограничивалось передачей нашему военному агенту разных просьб и текущих сведений, и только после его заявления о скором отъезде его в Ставку, его буквально засыпали разными данными, которые позволяют ему теперь сделать в Ставке подробный доклад о составе, дислокации, вооружении и снабжении румынской армии. Но когда полковник Татаринов пожелал, прощаясь с Братиану и генералом Ильеску, еще раз повторить вышеупомянутые условия выступления Румынии, то тут случился сюрприз, к сожалению, здесь не редкий и делающий иногда положение лиц, ведущих переговоры с румынским правительством, весьма тяжелым. А именно, оба названные лица впервые упомянули при этом случае совершенно новое условие, состоящее в том, что оборона нами Добруджи должна быть активной, а не пассивной, и что правому флангу нашей действующей в этой провинции армии следует занять Рущук, дабы этим освободить от угроз Бухарест и позволить защищающей столицу румынской армии перейти через Карпаты. Они оговаривались при этом, что занятие Рущука не является условием, которое должно предшествовать выступлению Румынии, что таковое состоится в момент занятия нами указанных выше горных проходов, что тогда же начнется и высадка наших войск в Добрудже, и, таким образом, относительно взятия Рущука мы дадим лишь обещание, которое выполнится впоследствии [1].

На все возражения полковника Татаринова по поводу этого нового условия и на указания его относительно трудности его выполнения, генерал Ильеску ответил, что он подаст в отставку, если Братиану

[1] Аналогичное сообщение содержалось в тел. Фашиотти — Соннино от 12 апр./30 марта за № 133 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел). Фашиотти признавал требования Румынии крайне неясными и противоречивыми и приходил к заключению, что невозможно рассчитывать на выступление Румынии в ближайшее время.

откажется от этого условия, а если оно вообще не может быть нами принято, то Румынии придется остаться нейтральной до конца войны.

Я тоже, со своей стороны, энергично протестовал перед Братиану против нового условия, но он мне ответил, что ни он сам, ни генерал Ильеску не могут его изменить, так как оно, будто бы, выработано совещанием лучших здесь военных. Он добавил, что пока идут лишь теоретические переговоры о конвенции и что «если генерал Алексеев найдет, что мы требуем глупости, то пусть он нам это докажет, если же он убедится, что мы правы, то я надеюсь, что вы примете наше условие». Братиану также просил меня передать полковнику Татаринову, что на театре войны могут произойти такие события, которые дадут нам возможность в десять минут договориться относительно условий военной конвенции, но что доставка в Румынию военных припасов требует долгого времени и что поэтому он очень просит нашего военного агента быть в этом вопросе ходатаем румынского правительства перед нашими военными властями.

Более подробный доклад по этому вопросу сделает лично вашему высокопревосходительству полковник Татаринов.

Примите и пр. С. Поклевский-Козелл.

№ 507. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 180. 13 апреля/31 марта 1916 г.

Китайским правительством заключен в Америке при посредстве банкирского дома «Лихеггинсон и К°» 6% заем на сумму 5 миллионов золотых долларов, из коих один миллион уже выдан в виде аванса. Условия займа будут окончательно выработаны по разрешении настоящего кризиса в Китае.

На мой запрос американский посланник, подтвердив вышеизложенное, прибавил, что заем предназначен на финансирование промышленных предприятий в Китае и не обеспечен специальной гарантией. Сравнительно благоприятные условия заставляют предполагать получение названным домом каких-либо особых привилегий, к выяснению коих принимаю меры. Граве.

№ 508. Поверенный в делах в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 158. 13 апреля/31 марта 1916 г.

Телеграмма № 1414 получена [1].

Сегодня был принят бароном Ишии и переговорил с ним по содер-

[1] В тел. от 7 апр./25 марта за № 1414 Сазонов, сообщая Малевскому о намерении росс. прав-ва поместить в Японии новые заказы на сумму в 315 млн. иен,

жанию телеграммы вашего высокопревосходительства, развив доводы в пользу обоюдной выгоды поддержки, которую японское правительство оказало бы нам для заключения нового займа в Японии.

Министр иностранных дел сказал мне, что на основании телеграммы Мотоно совет министров рассматривал уже возбужденный нами вопрос; если последний сводится к одновременному выпуску в Японии займа в 315 миллионов, то по условиям здешнего рынка это фактически неосуществимо. Японское правительство готово, однако, оказать нам посильное содействие, если с нашей стороны было бы сделано предложение в форме, более соответствующей финансовым силам страны.

Поблагодарив за это обещание, я ответил, что запрошу подробных указаний.

Дополнительно позволяю себе представить мои соображения о возможности практически наладить это дело.

Щекин.

указывал, что для уплаты по этим заказам Россия не располагает в Японии достаточной наличностью. «Мы были бы особенно признательны, — сообщал далее Сазонов, — если бы японское правительство оказало нам свое содействие к тому, чтобы сказанные уплаты могли быть произведены посредством обязательств русского казначейства сроком на три года, которые были бы по мере необходимости помещаемы на свободном японском рынке». Ввиду предстоящего отъезда Малевского (см. стр. 219, прим. 3) Сазонов просил его поручить Щекину объясниться в этом смысле с япон. м-ром ин. дел.

УКАЗАТЕЛЬ I

Именной [1]

[1] Цифры обозначают страницы.

УКАЗАТЕЛЬ II

Корреспонденты [1]

---

[1] Цифры обозначают номера документов.

Италия

Китай

Монголия

Норвегия

Персия

Португалия

Румыния

Сербия

Сиам

Соединенные Штаты

Франция

Черногория

Швейцария

Швеция

Япония

Переписка министерства иностранных дел с другими ведомствами

Переписка Ставки

Переписка других ведомств

УКАЗАТЕЛЬ III

Темы дипломатической переписки [1]

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов, цифры в скобках обозначают соответствующие пункты рубрик.

Болгария

Германия

Голландия

Греция

Дания

Испания

Италия

Китай

Константинополь и проливы

Мир

Монголия

Норвегия

Персия

Польский вопрос

Португалия

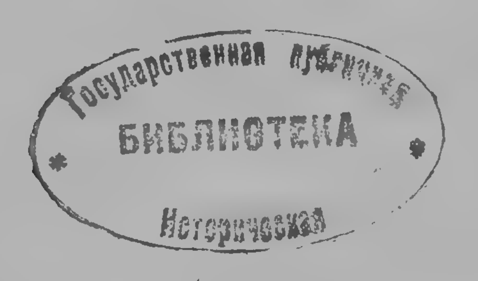
Россия

Чешский вопрос

Швеция

Швейцария

Япония

Редактор *А. Могилевич.*
Техред *О. Прохорова.*
Корректор *Н. Цванцигер.*

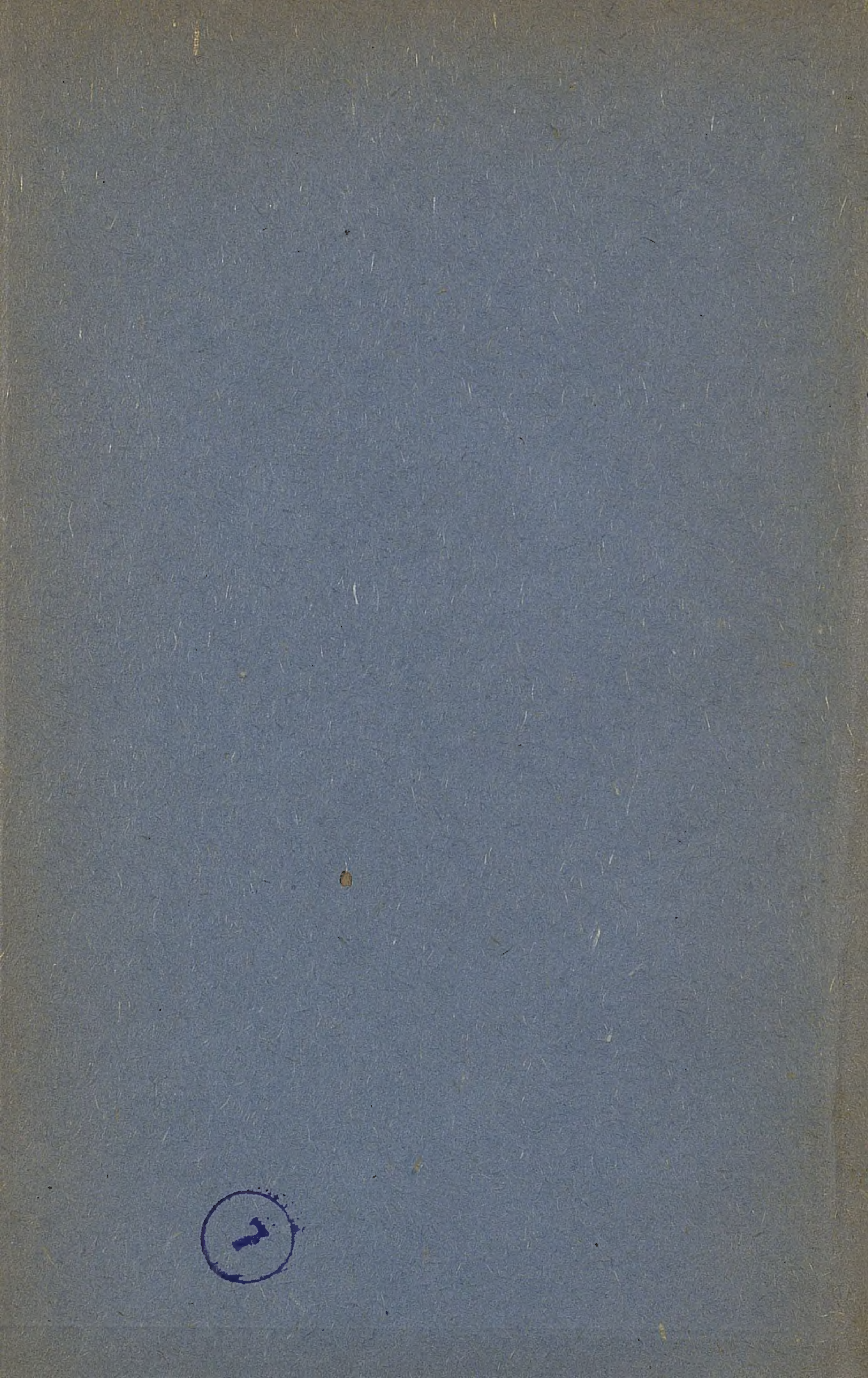
Сдано в набор 14/V 1937 г. Подписано в печать 19/X 1937 г.—11/II 1938 г.
ОГИЗ № 1918. Заказ № 1505. Формат бумаги $60\times92^1/_{16}$. $41^3/_4$ п. л.
Уч.-авт. л. 44,172. Тираж 4 000. Уп. Главлита № Б-30308.
Серия материалов и документов.
Цена книги 8 р. 75 к. Переплет 1 р. 25 к.

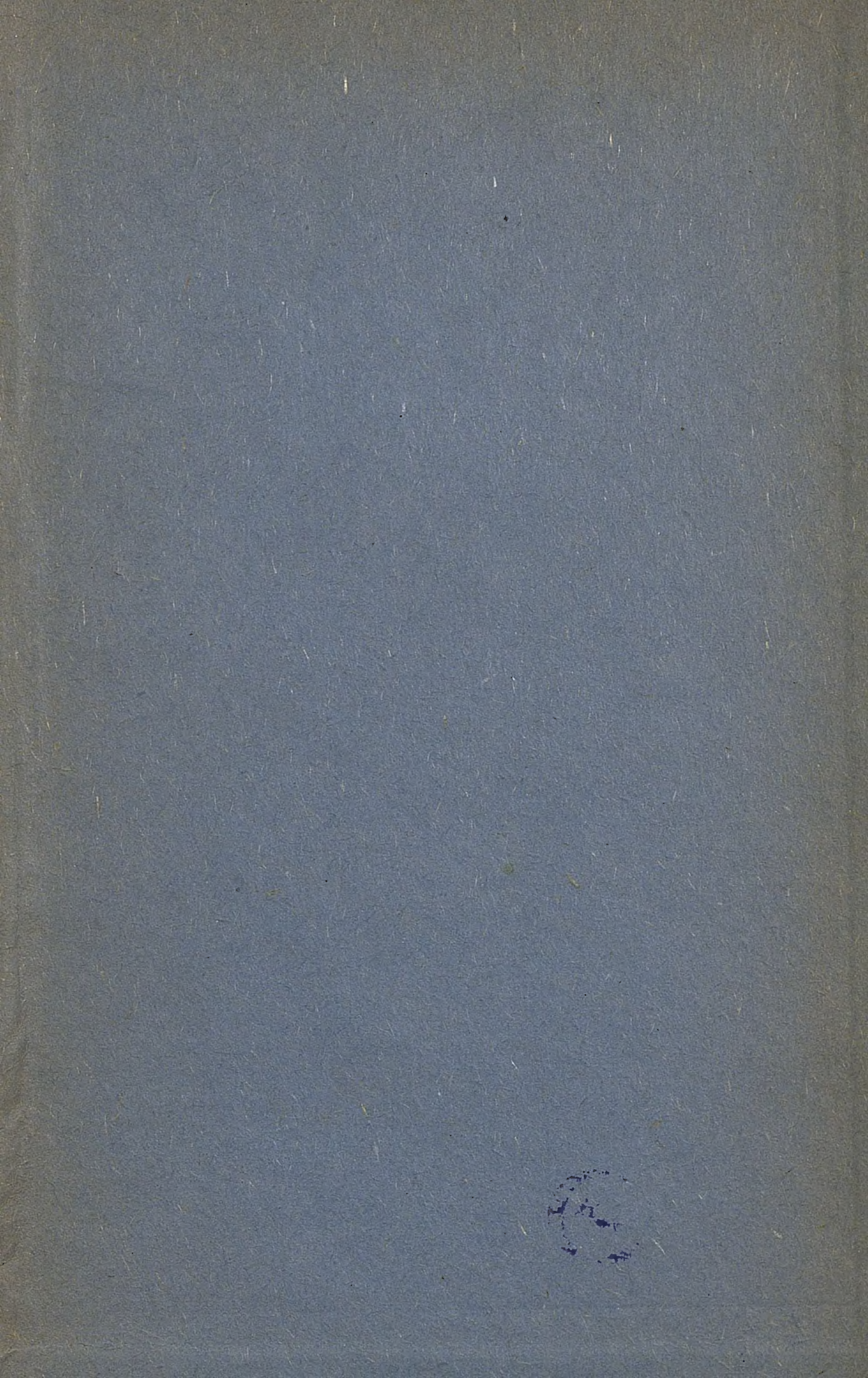
2-я типография ОГИЗА РСФСР треста „Полиграфкнига“ „Печатный Двор“
имени А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26.

П А 4305. Прилож к № 332.

ЦЕНА 10 РУБ.